

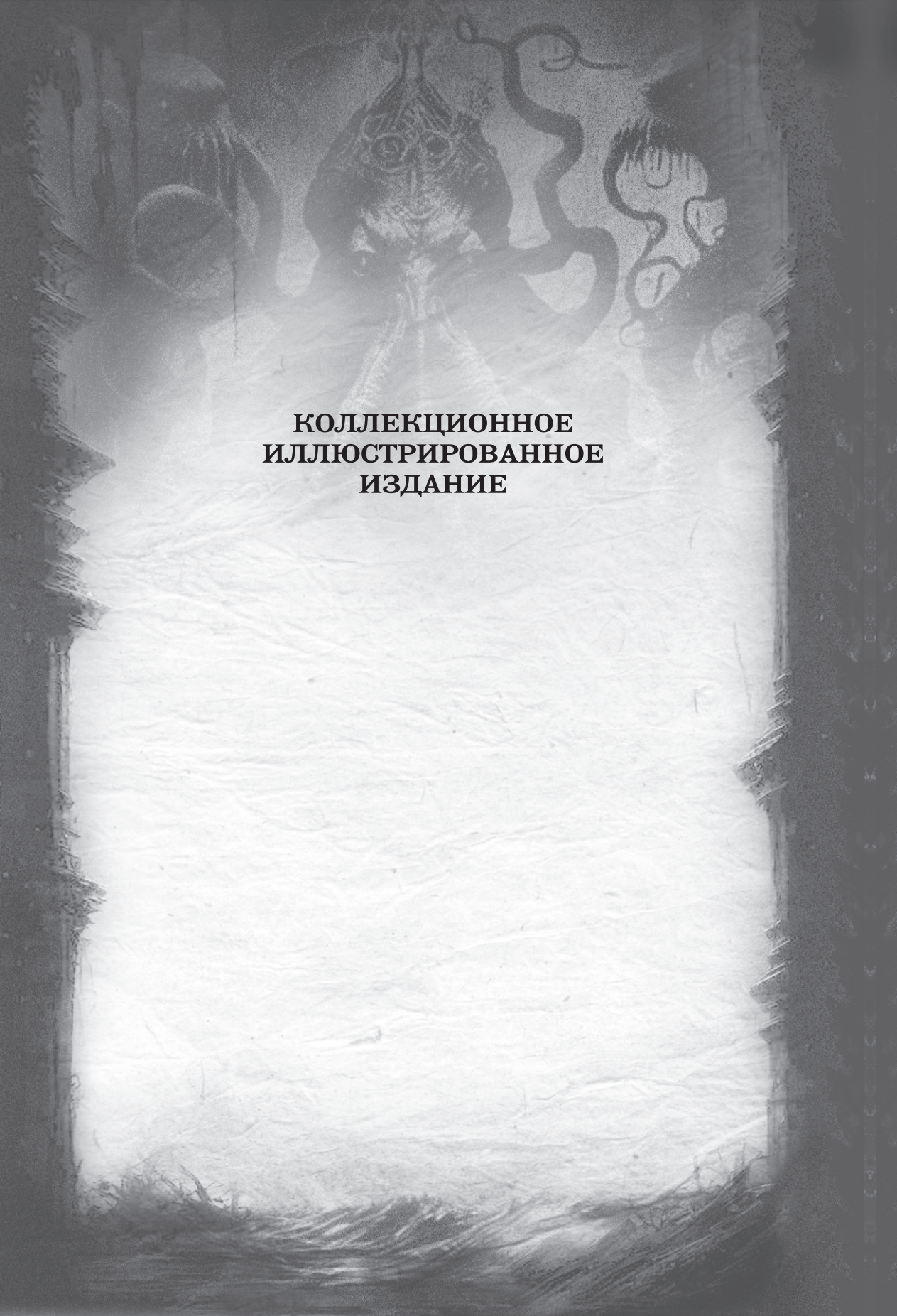
The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. At the top, the author's name is written in large, white, sans-serif capital letters. Below it, a massive, green, scaly Cthulhu head with yellow eyes and many tentacles looms over a small, three-masted sailing ship on a stormy sea. The tentacles are thick and textured, some curled around the ship. The sea is dark with white-capped waves. The overall color palette is dominated by dark blues, greens, and greys, with the yellow of the Cthulhu's eyes providing a stark contrast.

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

МИФЫ КТУЛУ

КНИГА УЖАСА

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ



**КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ**



a



ГОВАРД ЛАВКРАФТ

МИФЫ КТУЛХУ

КНИГА УЖАСА

Москва
алгоритм
2023

УДК 82-31
ББК 83.3
Л 13

Лавкрафт Г.Ф.

Л 13 Мифы Ктулху. Книга ужаса. — М.: Алгоритм, 2023. — 560 с.: илл. — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика).

ISBN 978-5-907363-42-7

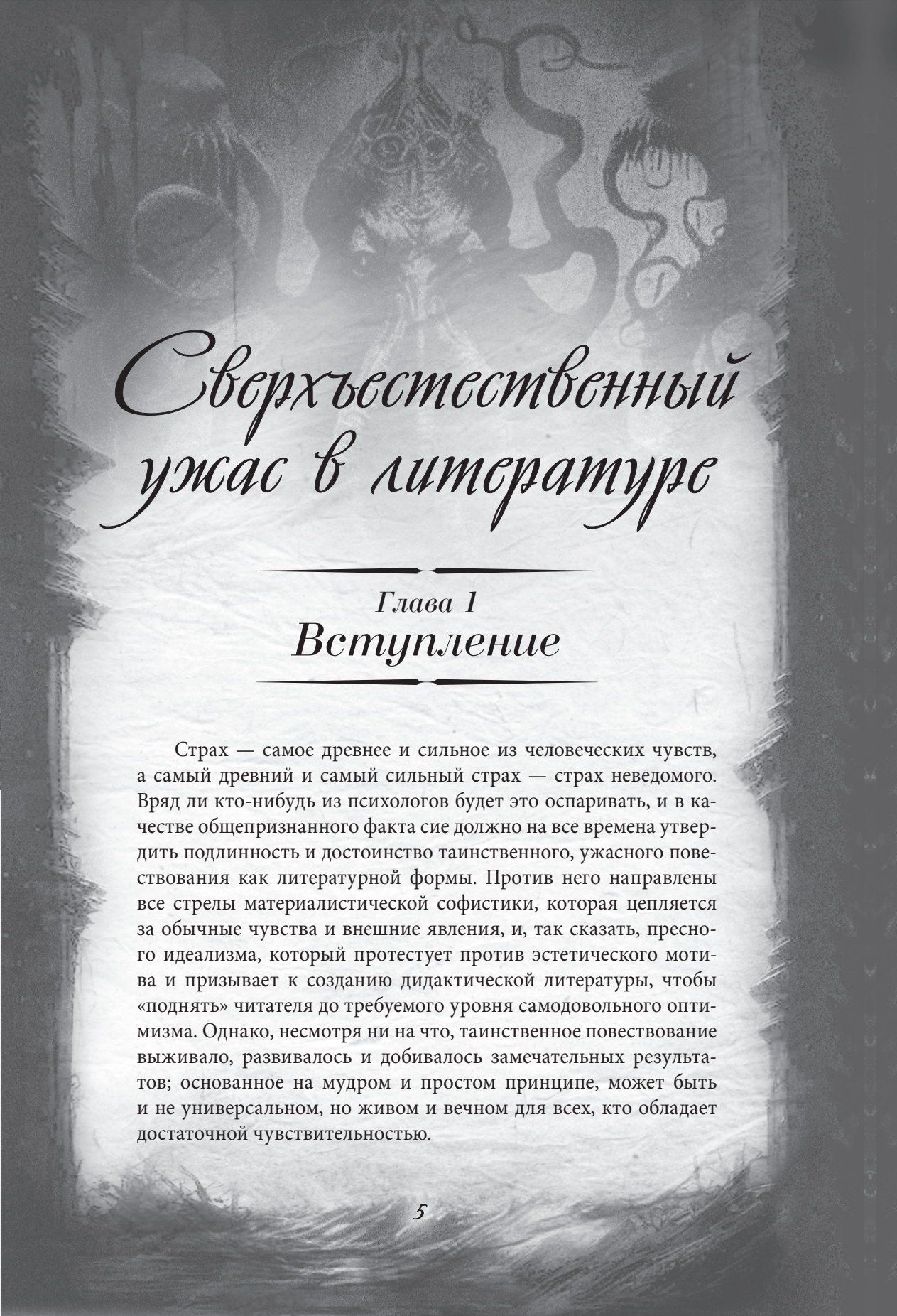
«Жизнь — страшная штука, а по отдельным дьявольским намекам, долетающим к нам из пучины неведомого, мы можем догадываться, что на самом деле, все обстоит в тысячу раз хуже», - говорил Говард Лавкрафт, лучше других познавший природу человеческого страха. Основоположник жанра ужасов написал главный рассказ своей жизни в 1926-м году. Впоследствии «Зов Ктулху» превратился в литературную вселенную, населенную призраками из ночных кошмаров. Не всем придется по душе такая встреча. Каждый, кто осмелится столкнуться с собственными страхами, познает и самого себя. Вот только часто это знание пугает и разочаровывает, ведь, как говорил писатель, «если бы мы знали, кем являемся на самом деле, то поступили бы как сэр Артур Джермин, однажды вечером обливший себя горячей смесью, и поднесший к одежде спичку».

Предлагаемое издание представляет собой самое полное собрание ужасов Лавкрафта вселенной Ктулху. Издание иллюстрировано рисунками журнала *Weird Tales*, создание которых курировал лично писатель, а также картинами великих художников, которыми вдохновлялся Говард Филлипс при написании самых страшных и самых правдивых историй, с которыми мы так сильно боимся столкнуться в снах, но так ищем их в реальной жизни.

УДК 82-31
ББК 83.3

ISBN 978-5-907363-42-7

© Перевод – коллектив авторов
© ООО «Агентство Алгоритм», оформление,
издание, 2023



Сверхъестественный ужас в литературе

Глава 1 Вступление

Страх — самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх — страх неведомого. Вряд ли кто-нибудь из психологов будет это оспаривать, и в качестве общепризнанного факта сие должно на все времена утвердить подлинность и достоинство таинственного, ужасного повествования как литературной формы. Против него направлены все стрелы материалистической софистики, которая цепляется за обычные чувства и внешние явления, и, так сказать, пресного идеализма, который протестует против эстетического мотива и призывает к созданию дидактической литературы, чтобы «поднять» читателя до требуемого уровня самодовольного оптимизма. Однако, несмотря ни на что, таинственное повествование выживало, развивалось и добивалось замечательных результатов; основанное на мудром и простом принципе, может быть и не универсальным, но живом и вечном для всех, кто обладает достаточной чувствительностью.

У призрачного ужаса, как правило, небольшая аудитория, поскольку он требует от читателя вполне определенной способности к фантазиям и отстранению от обычной жизни. Сравнительно немногие в достаточной степени свободны от власти повседневности и способны отвечать на стук извне, поэтому вкус большинства в первую очередь удовлетворяют рассказы о банальных чувствах и событиях или о незамысловатых отклонениях в этих чувствах и событиях; и это правильно, наверное, поскольку банальности составляют большую часть человеческого опыта. Чувствительные люди всегда были и будут с нами, но иногда случается и так, что неожиданный приступ любопытства смущает и самую недоверчивую голову; поэтому никакая рационализация, никакая реформа, никакой фрейдистский анализ не в состоянии полностью уничтожить трепет, возникающий во время бесед у камина или в лесной чаще. Ведь речь идет о психологии или традиции, так же реально и глубоко укоренившейся в человеческом сознании, как любая другая традиция; о сверстнице религиозного чувства, тесно связанной со многими его аспектами и занимающей слишком много места в нашем внутреннем биологическом наследии, чтобы потерять всемогущую власть над очень важным, хотя и численно невеликим меньшинством нам подобных.

Главные инстинкты и чувства человека сформированы его ответом на окружающую обстановку. Вполне определенные чувства, основанные на удовольствии и боли, растут вокруг феноменов, причины и следствия которых он понимает, тогда как вокруг тех, которые он не понимает — в ранние времена вселенная кишела ими, — появлялись, естественно, всякие персонификации, чудесные интерпретации, ощущения ужаса и страха, которые только и могло придумать человеческое сообщество с немногими и простыми идеями и ограниченным опытом. Будучи непредсказуемым, неведомое стало для наших примитивных предков ужасным и всемогущим источником радостей и бедствий, насылаемых на человечество тайными и внеземными силами, очевидно, принадлежащими к сферам существования, о которых нам ничего неизвестно и к которым мы не принадлежим. Феномен грез (сна) тоже способствовал формированию представления о нереальном или призрачном мире; в целом все условия дикой низшей жизни пробуждали в человеке ощущение сверхъестественного, и не следует удивляться тому, как основательно

наследственная память пропитана религией и суевериями. Это явление — как самый обыкновенный научный факт — должно, в сущности, рассматриваться в качестве постоянного, ибо тут задействованы и подсознание, и инстинкты; и, хотя непрерывное противостояние ареалу неведомого насчитывает уже тысячи лет, большая часть внешнего космоса все еще является неиссякаемым источником таинственного, да и перешедшие к нам властные наследственные ассоциации не оставляют без внимания объекты и явления, которые когда-то были сочтены таинственными, пусть даже теперь мы можем многое объяснить. Более того, существует объективная физиологическая фиксация давних инстинктов в нервной природе человека, которая придает им поразительную подвижность, пусть даже сознание полностью отрицает чудеса.

Так как мы помним боль и угрозу смерти лучше, нежели удовольствия, и так как наши чувства в отношении благоприятных аспектов неведомого с самого начала были взяты в плен и соответствующим образом воспитаны религиозными ритуалами, то темной и злой части космической тайны выпало на долю фигурировать в нашем фольклоре о сверхъестественном. Эта тенденция естественным образом была поддержана и тем, что нерешительность и опасность всегда тесно связаны между собой; из-за чего неведомый мир неизбежно предстает как мир, грозящий человеку злом. Когда же к страху прибавилось неизбежное очарование удивления и любопытства, появилось нечто, сложенное из обостренного чувства и возбужденной фантазии, чья жизнеспособность равна жизнеспособности человечества. Дети всегда будут бояться темноты, а взрослые, чувствительные к унаследованному опыту, будут трепетать при мысли о неведомых и безмерных пространствах где-то далеко за звездами с, возможно, пульсирующей жизнью, не похожей на земную, или ужасаться при мысли о жутких мирах на нашей собственной планете, которые известны только мертвым и сумасшедшим.

Поняв это, не стоит удивляться существованию литературы, насыщенной космическим страхом. Она всегда была и всегда будет; и нет лучшего свидетельства ее жизнестойкости, чем импульс, время от времени толкающий писателей совершенно другого направления попытать в ней свои силы, словно им необходимо выкинуть из головы некие фантомы, которые их преследуют. Так Диккенс сочинил несколько жутких историй; Браунинг¹ — страшную поэму «Чайльд Роланд»; Генри Джеймс² — «Поворот винта»;

доктор Холмс³—утонченный роман «Элси Веннер»; Фрэнсис Мэрион Кроуфорд⁴—«Верхнюю полку» и ряд других произведений; общественная деятельница, миссис Шарлотта Перкис Гилмен⁵ «Желтые обои»; а юморист У. У. Джейкобс⁶ издал нечто мелодраматическое и талантливое под названием «Обезьянья лапа».

Этот тип литературы ужаса не следует смешивать с внешне похожим, но с психологической точки зрения совершенно другим типом; с литературой, которая пробуждает обыкновенный физический страх и земной ужас и у которой, безусловно, есть свое место точно так же, как оно есть у традиционной или даже нетрадиционной или юмористической литературы о привидениях, где автор особым приемом или заговорщицким подмигиванием изменяет смысл явной патологии. Однако это не имеет отношения к литературе космического ужаса в ее истинном значении. В настоящей истории о сверхъестественном есть нечто большее, чем тайное убийство, окровавленные кости или простыня с гремющими цепями. В ней должна быть ощутимая атмосфера беспредельного и необъяснимого ужаса перед внешними и неведомыми силами; в ней должен быть намек, высказанный всерьез, как и приличествует предмету, на самую ужасную мысль человека — о страшной и реальной приостановке или полной остановке действия тех непреложных законов Природы, которые являются нашей единственной защитой против хаоса и демонов запредельного пространства.

Конечно, нельзя ожидать, что все повествования о сверхъестественном будут точно следовать какой-то одной теоретической модели. Творческие люди обычно неуравновешенные, и в лучших произведениях есть скучные места. Более того, самые замечательные работы о сверхъестественном — работы о подсознательном; которое проявляется в великолепных фрагментах некоего произведения, сосредоточенного, возможно, на достижении совершенно другого результата. Важнее всего атмосфера, ибо конечный критерий достоверности — не подогнанный сюжет, а создание определенного настроения. Можно сказать, что в целом повествование о сверхъестественном, которое берет на себя образовательную или социальную функцию или в конечном счете все объясняет естественными причинами, не является настоящим повествованием о космическом ужасе; однако факт остается фактом, многие такие повествования отдельными частями или атмосферой соответствуют всем условиям литературы сверхъе-



Говард Филлипс Лавкрафт (1890—1937) — американский писатель и журналист, работавший в жанрах литературы ужасов, мистики, фэнтези и научной фантастики, совмещая их в оригинальном стиле. Произведения Лавкрафта ныне выделяются в отдельный поджанр — так называемых «Лавкрафтовских ужасов». Сам Лавкрафт относил свои произведения к жанру так называемых «космических ужасов» и «странной фантастики».

*«Страх — самое древнее и сильное из человеческих чувств,
а самый древний и самый сильный страх — страх неведомого»*

(Г. Ф. Лавкрафт)

стественного ужаса. Поэтому мы должны судить повествование о сверхъестественном не по авторскому замыслу и не по сюжетной механике, а по эмоциональному уровню, которого оно достигает в наименее «земном» пункте. Если пробуждаются нужные чувства, эта «высокая точка» должна рассматриваться в зависимости от собственных достоинств, каким бы «заземленным» ни было остальное повествование. Проверка на сверхъестественность очень проста - пробуждается или не пробуждается в читателе очевидный ужас из-за контакта с неведомыми мирами и силами или особое настороженное внимание, скажем, к хлопанью черных крыльев или к царапанью невиданных существ и сущностей на дальней границе известной вселенной. Конечно же, чем сложнее и оправданнее атмосфера, передаваемая повествованием, тем значительнее произведение того искусства, о котором мы говорим.

Глава 2

Зарождение литературы ужаса

Совершенно очевидно, что форма, столь тесно связанная с первичным чувством, то есть литература ужаса, стара, как человеческая мысль или речь. Космический ужас появляется в качестве составного элемента в самом раннем фольклоре всех народов, его легко увидеть в древних балладах, хрониках и священных писаниях. Он был пременным атрибутом продуманных колдовских ритуалов с вызыванием демонов и привидений, процветавших с доисторических времен и достигших своего пика в Египте и у семитских народов. Такие сочинения, как «Книга Еноха⁷» или «Claviculae⁸» Соломона в достаточной степени иллюстрируют власть сверхъестественного над восточным умом в давние времена, и на этом были основаны целые системы и традиции, эхо которых дошло и до нашего столетия. Приметы трансцендентального ужаса очевидны в классической литературе, но есть свидетельства его еще более сильного влияния в балладной литературе, которая существовала параллельно, но исчезла за

неимением письменного варианта. Средневековые, укорененные в фантастической тьме, подвигло ее на выражение себя; Восток и Запад были заняты сохранением и развитием полученного ими темного наследства в виде случайного народного творчества и в виде академически сформулированной магии и каббалы. С губ барда и дамы слетали зловещие слова типа: ведьма, оборотень, вампир, упырь, — и надо было совсем немного, чтобы переступить границу, отделяющую волшебную сказку или песню от формально определившегося литературного произведения. На Востоке повествование о сверхъестественном тяготело к пышности и веселью, которые почти превратили его в нечто фантастическое. На Западе, где мистический тевтон вышел из северного черного леса, а кельт не забыл о странных жертвоприношениях в друидских рощах, атмосфера повествования приобрела невероятное напряжение и убедительную серьезность, что удвоило силу воздействия тех ужасов, на которые намекали и о которых говорили впрямую.

Большая часть этой силы западного фольклора ужаса, несомненно, связана со скрытым, но часто подозреваемым присутствием страшного ночного культа, ибо странные обычаи его приверженцев — пришедшие с доарийских и доземледельческих времен, когда приземистая раса монголоидов блуждала по Европе со своими отарами и стадами, — были укоренены в самых отталкивающих обрядах плодородия немыслимой древности. Эта тайная религия, скрытно отправляемая крестьянами в течение тысячелетий, несмотря на якобы власть друидов, греко-римлян или христиан, была отмечена дикими «ведьминскими шабашами» в удаленных рощах и на вершинах гор, приходившимися на Вальпургиеву ночь⁹ и Хэллоуин¹⁰, то есть на сезон размножения козлов, овец и крупного скота, и стала источником неисчислимого богатства волшебных легенд, не говоря уж о спровоцированных ею преследованиях ведьм, главным символом которых стал американский Салем. Очень похожей и, вероятно, связанной с нею была страшная тайная система перевернутого богословия, или поклонения Сатане, которое породило такие ужасы, как знаменитую черную мессу. В этой связи можно упомянуть и о деятельности тех, чьи цели были, скажем, научными или философскими — астрологов, каббалистов и алхимиков типа Альберта Великого¹¹ или Раймунда Луллия¹², с которыми неизбежно связывают это невежественное время. Широкое распространение сред-

невековых кошмаров в Европе, усиленное непомерным отчаянием из-за эпидемий чумы, может быть правильно оценено, если знать гротескные украшения, искусно внедренные в большинство готических священных памятников; из них демонические горгульи собора Парижской Богоматери или Мон-Сен-Мишель, пожалуй, самые знаменитые. Необходимо помнить, что в давнюю эпоху вера в сверхъестественное не подвергалась сомнению ни среди образованных людей, ни среди необразованных; начиная с самых неназойливых христианских доктрин и до чудовищных ужасов ведьмовства и черной магии. Колдуны и алхимики эпохи Ренессанса — Нострадамус¹³, Тритемий¹⁴, доктор Джон Ди¹⁵, Роберт Фладд¹⁶ — появились не на пустом месте.

На плодородной почве произросли мрачные мифы и легенды, которые сохраняются в литературе о сверхъестественном по сей день, более или менее замаскированные или подвергнутые изменениям в соответствии с нашим временем. Многие из них взяты из древних устных источников и составляют часть вечного наследия человечества. Тень, которая появляется и требует захоронения костей, демонический возлюбленный, который приходит за своей живой невестой, оседлавший ветер демон смерти, оборотень, запертая комната, бессмертный колдун — все это можно найти в любопытных средневековых творениях, которые покойный мистер Бэринг-Гулд аккуратно собрал в книгу¹⁷. Там, где сильнее проявляла себя мистическая северная кровь, атмосфера народных сказок была более напряженной, ибо на творчестве романской расы есть четкий след рационализма, отвергающий даже ее собственные самые причудливые суеверия и многие обертоны из волшебств, столь характерных для творчества нашего лесного и промерзшего населения.

Если вся литература вышла из поэзии, то, может быть, и сверхъестественное тоже сначала появилось в поэзии? Примеры, взятые из старины, как ни странно, прозаические: оборотень у Петрония¹⁸, страшные пассажи у Апулея¹⁹, короткое, но знаменитое письмо Плиния Младшего²⁰, странная компиляция «О чудесах» Флегонта²¹, грека-вольноотпущенника императора Адриана²². Именно у Флегонта мы впервые находим историю о мертвой невесте («Филиннион и Махатес»), в дальнейшем пересказанную Проклом и в новые времена вдохновившую Гете на создание

«Коринфской невесты», а Вашингтона Ирвинга²³ на создание «Немецкого студента».

Но и в то время, когда старый северный миф принимал литературную форму, и в более позднее время, когда сверхъестественное стало постоянным элементом в литературе, мы обнаруживаем его облаченным в метрическое платье; в точности как было с большей частью вдохновенной литературы Средневековья и Ренессанса. Скандинавские «Эдды»²⁴ и саги громахают космически ужасом, потрясает застывшим ужасом Мимир²⁵ со своим бестелесным отродьем, да и наше собственное англо-саксонское сказание о Беовульфе²⁶ и более поздние континентальные сказания о Нибелунгах полны сверхъестественного и колдовского. Данте стал первопроходцем в классическом освоении жуткой атмосферы, в Спенсеровых величественных строфах можно увидеть больше чем пара намеков на фантастический ужас в пейзаже, событиях и характерах. Проза подарила нам «Смерть Артура» Мэлори²⁷, где есть много страшных ситуаций, взятых из ранних баллад, например меч и шелковый покров, снятый с Погибелного Сиденья сэром Галахадом²⁸, тогда как другие и более грубые моменты, несомненно, нашли дорогу в дешевые и сенсационные «книжонки», которыми торговали вразнос и которые раскупались невежественными людьми. Судя по елизаветинской драме с ее «Доктором Фаустом», ведьмами в «Макбете», призраком в «Гамлете» и ужасами Уэбстера²⁹, мы можем легко представить могучее воздействие демонического на человеческое сознание, еще более усиление реальным страхом перед современным колдовством, ужасы которого, поначалу заявившие о себе на континенте, громко откликнулись в Англии охотой на ведьм Иакова I. К. таинственной мистической прозе этих времен можно добавить длинный список трактатов о колдовстве и демонологии, которые волнуют воображение читающего мира.

В семнадцатом и восемнадцатом столетиях мы видим все больше легенд и баллад темного содержания; и все же они существуют как бы под прикрытием благовоспитанной и принятой литературы. В большом количестве выпускаются дешевые книжки об ужасах и сверхъестественном, и мы констатируем живой интерес к ним благодаря таким сочинениям, как «Видение миссис Вил» Дефо³⁰, которое представляет собой безыскусный рассказ о визите призрака мертвой женщины к ее подруге, напи-

санный для рекламы плохо распродававшегося теологического трактата о смерти. Высшие слои общества теряли веру в сверхъестественное, вступая в период классического рационализма. Потом, когда во время правления королевы Анны появились переводы восточных сказок и к середине века обрели некую форму, началось возрождение романтического чувства — эра новых радостей, даруемых природой, и на фоне великолепного прошлого — странных происшествий, смелых поступков и невероятных чудес. Поначалу мы находим это у поэтов, чьи сочинения обретают новые черты, удивляя, изумляя и приводя в содрогание. Наконец, после робкого появления нескольких фантастических сцен в тогдашних романах — например, «Приключения Фердинанда, графа Фатома» Смоллетта³¹, — освобожденный инстинкт проявляет себя в рождении новой школы, то есть готической школы ужасной и фантастической прозы, включающей романы и рассказы, чьему литературному потомству суждено было стать многочисленным и во многих случаях замечательным своими художественными достоинствами. Если подумать, то можно выразить удивление, сколько времени понадобилось повествованию о сверхъестественном, чтобы сформироваться как вполне определенная и академически признанная литературная форма. Побуждение и атмосфера стары как мир, но типичное повествование о сверхъестественном, принадлежащее признанной литературе, — дитя восемнадцатого столетия.

Глава 3

Ранний готический роман

Населенные призраками пейзажи в «Оссиане»³², хаотические видения Уильяма Блейка³³, гротескные ведьминские пляски в поэме «Тэм О'Шэнтер» Бернса³⁴, жутковатый демонизм в «Кристобели» и «Старом мореходе» Колриджа³⁵, призрачное очарование в «Килмени» Хогга³⁶, более сдержанный подход к космическому ужасу в «Ламии» и многих других произведениях Китса³⁷—ти-

пичные британские иллюстрации внедрения сверхъестественного в высокую литературу. Наши кузены-тевтонцы с континента также не остались равнодушными к нарастающему потоку, и «Жестокий охотник» Бюргера³⁸, и даже более знаменитая баллада о демоне-женихе «Ленора» — обе симитированы Скоттом в Англии, чье преклонение перед сверхъестественным всегда было очевидным — лишь малая толика богатой литературы о сверхъестественном, которая начиналась с немецкой песни. Из тех же источников Томас Мур³⁹ взял легенду о статуе-упыре (позднее использованную Проспером Мериме⁴⁰ в «Венере Илльской», возвращающей нас в далекую старину), потрясающую нас до дрожи в его «Кольце»; а «Фауста», этот бессмертный шедевр Гете⁴¹, начавшийся с обыкновенной баллады и превратившийся в классическую космическую трагедию, можно считать вершиной того, чего достигла немецкая поэзия.

Однако веселому и любящему земные блага англичанину — никому иному, как Хорасу Уолполу⁴², — предстояло придать импульс определенному направлению и стать создателем литературы ужаса как сложившегося жанра. Искренне, но по-дилетантски влюбленный в средневековые сказания и мистерии и причудливо симитировавший под готический замок свое жилище в Строберри-хилл, Уолпол в 1764 году опубликовал «Замок Отранто»: роман о сверхъестественном, который, сам по себе неубедительный и банальный, оказал невиданное влияние на литературу ужаса. Поначалу представивший свое произведение как «перевод» с итальянского языка мифического «Онуфрио Муралто», выполненный неким «Уильямом Маршалом, джентльменом», впоследствии Уолпол признал свое авторство и вкусил радость от неожиданной популярности романа — популярности, которая привела к множеству переизданий, переделке романа в драму для постановки на сцене и к бесчисленным имитациям в Англии и Германии.

Повествование — скучное, манерное, малодраматическое — могло бы быть лучше, если бы не отрывистый и приземленный стиль, чья манерная оживленность мешает созданию настоящей атмосферы ужаса. Уолпол рассказывает о Манфреде, неразборчивом в средствах князе-узурпаторе, который решил основать свою династию и после загадочной и неожиданной смерти наутро после брачной ночи единственного сына Конрада пытается устранить свою жену Ипполиту, чтобы взять в жены невесту несчаст-

ного сына — кстати, убитого во дворе замка гигантским шлемом, непонятно почему упавшим на него. Изабелла, из новобрачной ставшая вдовой, бежит от предназначенной ей роли и прячется в подземелье, прямо под замком, с помощью благородного юноши Теодора, который считается крестьянином, но поразительно напоминает старого лорда Альфонсо, правившего до воцарения Манфреда. Вскоре замок потрясают сверхъестественные события; в разных местах находят отдельные части гигантских доспехов, портрет выходит из рамы, удар грома разрушает здание, колоссальная фигура Альфонсо в доспехах встает из руин, чтобы подняться между расступающимися облаками к святому Николаю. Теодор, оплакивавший Матильду, дочь Манфреда, убитую отцом по ошибке, оказывается сыном Альфонсо и его законным наследником. Повествование завершается свадьбой Теодора с Изабеллой и надеждой на долгую и счастливую жизнь, тогда как Манфред, чье злодеяние стало причиной непонятной гибели его сына и других бед, отправляется отбывать наказание в монастырь, а его несчастная жена ищет утешения в соседнем монастыре.

Такова эта история, ходульная и лишенная настоящего космического ужаса, который составляет главную часть литературы о сверхъестественном. Все же в то время, озаглавленное жадной до всего странного и старинного, роман был воспринят абсолютно серьезно самыми взыскательными читателями и поднят, несмотря на явную глупость, на пьедестал как важное явление в истории литературы. Что он сделал на самом деле, так это стал первым романом, повествующим о сверхъестественном со своими пейзажами, персонажами-марионетками и сюжетом, и, взятый на вооружение писателями, от природы более способными к этому направлению в творчестве, стимулировал развитие подражательной готической школы, которая, в свою очередь, пробудила к жизни настоящих ткачей космического ужаса — ряд истинных художников, первым из которых был По. Новая драматическая параферналия состояла в первую очередь из готического замка, пугавшего своей древностью, огромного и путаного, заброшенного, с разрушенными крылами, промозглыми коридорами, страшными тайными катакомбами, с плеядой привидений и жуткими легендами, представлявшего собой ядро страха и демонического ужаса. Кроме того, обязательным было присутствие злобного высокородного тирана-негодяя; святой, преследуемой и, как правило, бесцветной героини, которой было суждено пройт-

ти через всякие ужасы и служить объектом читательских симпатий; доблестного и безупречного героя, обязательно высокого происхождения, но, как правило, прозябающего в безвестности; собрания звучных иностранных имен, в основном итальянских, и массы всякого антуража, включая странный свет, отсыревшие люки, заплесневевшие тайные манускрипты, скрипящие петли, качающиеся гобелены и тому подобное. Вся эта параферналия⁴³ повторяется с потрясающим однообразием, но иногда бывает в высшей степени впечатляющей, если взять историю готического романа в целом, и появляется даже в наши времена, хотя авторы стал: искуснее и она не столь очевидна и наивна. Гармоничный millie для новой школы был найден, и писательский мир не стал медлить в отношении новых возможностей.

Немецкий роман мгновенно отреагировал на сочинение Уолпола и вскоре стал символом всего ужасного и сверхъестественного. В Англии едва ли не первой последовательницей Уолпола была знаменитая миссис Барболд, в то время мисс Айкин, которая в 1773 году опубликовала фрагмент под названием «Сэр Бертран». В нем к струнам настоящего ужаса прикоснулась знающая рука.

Благородный господин, оказавшийся в одиночестве на темной пустоши и привлеченный ударами колокола и далеким светом, входит в странный и старинный замок, двери открываются перед ним, потом закрываются, а блуждающие голубоватые огоньки ведут его на таинственную лестницу в направлении остановивших часов и оживших черных статуй. В конце концов он видит гроб с мертвой дамой и целует даму, после чего появляется роскошная зала, где возвращенная к жизни дама устраивает прием в честь своего освободителя. А вот другая история Уолполу очень понравилась, хотя к остальным, и даже более значительным, «детям» своего «Отранто» он не выказывал особого расположения; речь идет о «Старом английском бароне», опубликованном в 1777 году Кларой Рив⁴⁴. По правде сказать, в этом повествовании нет настоящего трепета на внешний ужас и тайну, который отличает фрагмент миссис Барболд; и хотя оно не так грубо сколочено, как роман Уолпола, и гораздо искуснее и экономнее в отношении ужасов — в нем всего лишь одно привидение, — тем не менее оно слишком бледно для выдающегося сочи-

нения. Здесь у нас опять безупречный наследник замка, которого нам представляют как крестьянина и который возвращает себе имя и собственность, благодаря призраку отца; и опять много изданий, драматических версий — и в конце концов перевод на французский язык. Мисс Рив написала еще один роман о сверхъестественном, но, к сожалению, он не был опубликован и не сохранился.

Готический роман утвердил себя как литературный жанр, и к концу восемнадцатого столетия количество произведений в этом жанре стало расти с невероятной быстротой. В «Уютном уголке», написанном в 1785 году миссис Софией Ли, есть исторический элемент, связанный с дочерьми-двойняшками Марии, королевы Шотландской⁴⁵, и, хотя в нем нет ничего сверхъестественного, писательница очень удачно использовала пейзаж и технические приемы Уолпола. Через пять лет все светившие огни затмила восходящая звезда — миссис Анна Радклифф (1764–1823)⁴⁶, чьи знаменитые романы ввели моду на ужасное и таинственное и так же ввели новые, более высокие стандарты в ареале жуткой и внушающей страх атмосферы, несмотря на досадную манеру автора под конец разрушать свои собственные построения с помощью вымученных механистических объяснений. К известным готическим атрибутам, любимым предшественниками, миссис Радклифф добавила очевидное и почти гениальное ощущение чего-то неземного в пейзаж и события; каждая деталь обстановки и сюжета участвует в искусном создании ощущения безмерного ужаса, который она имела целью внушить читателям. Несколько мрачных деталей типа цепочки кровавых следов на лестнице в замке, стон из глубокого подземелья, странная песенка в ночном лесу становились яркими образами, предвещавшими надвигающийся кошмар, и эти образы оставили далеко позади причудливые и подробные описания других авторов. К тому же эти образы не стали менее убедительными, оттого что в конце объясняются естественным образом. У миссис Радклифф было могучее воображение, которое проявлялось в ее великолепных картинах природы — она писала широкими яркими мазками и никогда не вдавалась в мелкие детали — и в фантазиях о сверхъестественном тоже. А главными слабостями, помимо привычки все объяснять, были неточности в географии и истории и фатальное пристрастие к вставлению в романы коротких бесцветных стихов, приписываемых тому или иному персонажу.

Миссис Радклифф написала шесть романов; «Замки Атлин и Данбейн» (1789), «Сицилийское сказание» (1790), «Сказание о лесе» (1792), «Удольфские тайны» (1794), «Итальянец» (1797) и «Гастон де Блондевилль», написанный в 1802 году, но впервые опубликованный после смерти автора в 1826 году. Из них самый знаменитый — «Удольфо», который вполне может считаться лучшим образцом раннеготического романа. Он представляет собой хронику жизни Эмили, юной француженки, вынужденной жить в древнем и зловещем замке в Апеннинах из-за смерти родителей и замужества тетушки, ставшей женой хозяина замка -родовитого интригана Монтони. Загадочные звуки, открывающиеся двери, страшные легенды и неведомый кошмар в нише за черной завесой — все это быстро расстраивает нервную систему героини и ее верной служанки Аннет, но в конце концов, после смерти тетушки, девушка бежит из замка с помощью узника, которого сама же там отыскивает. По дороге домой она останавливается в шато, в котором ее подстерегают новые ужасы — заброшенное крыло дома, где когда-то жил хозяин, ложе смерти под черным покрывалом, — но вскоре, открыв тайну своего рождения, она начинает новую счастливую жизнь со своим возлюбленным Валанкурм. Очевидно, что здесь мы имеем дело с уже знакомым материалом, однако он так искусно переработан, что «Удольфо» навсегда останется классикой готического романа. Персонажи миссис Радклифф похожи на марионеток, но не столь выраженных, как у ее предшественников. А что касается создания особой атмосферы, то в этом ей не было равных. Из бесчисленных последователей миссис Радклифф самым близким ей по духу и методу был американский романист Чарльз Брокден⁴⁷ Браун. Подобно ей, он портил свои создания логическими объяснениями; но, подобно ей, владел умением создавать жуткую атмосферу сверхъестественного, которая придает его ужасам пугающую жизненность, пока они остаются необъясненными. Отличается он от миссис Радклифф тем, что не соблюдает готическую декорацию, выбирая современную Америку для своих повествований, однако это не распространяется на готический дух и тип события. Романы Брауна включают в себя несколько запоминающихся страшных сцен и превосходят даже романы миссис Радклифф в описании больного сознания. «Эдгар Хантли» начинается с того, что луна-тик роет могилу, но потом роман портит дидактика в стиле Годвина⁴⁸. В «Ормонде» персонаж принадлежит к зловещему тайному

братству. И в нем, и в «Артуре Мервине» описывается эпидемия желтой лихорадки, которую автор сам наблюдал в Филадельфии и Нью-Йорке. Однако самый знаменитый роман Брауна — «Виланд, или Преображение» (1798), в котором пенсильванский немец, охваченный религиозным фанатизмом, слышит «голоса» и убивает жену и детей, принося их в жертву Богу. Его сестре Кларе, рассказывающей всю историю, едва удастся избежать смерти. Все это происходит в лесистой местности неподалеку от Меттингена на дальних берегах Сквилкилла и выписано на удивление живо; и ужас Клары, напуганной потусторонними голосами, и нагнетаемый кошмар, и звук чужих шагов в пустом доме — все это передано с поразительным искусством. А в конце нам предлагают притянутое за уши объяснение в виде чревоушания, однако атмосфера все равно остается прежней. Негодяй-чревоушатель Карвин — типичный злодей типа Манфреда или Монтони.

Глава 4

Расцвет готического романа

Литература ужаса приобретает новые черты в творчестве Мэтью Льюиса (1773–1818), чей роман «Монах» (1796) стал настолько популярным, что сам автор получил прозвище Монах. Юный писатель, получивший образование в Германии и пропитавшийся диким тевтонским фольклором, неизвестным миссис Радклифф, обратился к ужасу более жестокому, чем это могло прийти в голову его кроткой предшественнице, и в результате был написан шедевр с реальным кошмаром, в готическое содержание которого добавлено много мерзости. Речь идет об испанском монахе Амброзио, который очень гордится своей чистотой и которого дьявол в образе девицы Матильды увлекает на самое дно зла; когда же он ждет смерти, будучи в руках инквизиторов, то спасается от них, продав душу дьяволу, потому что убежден, что ему уже не спасти ни тело, ни душу. Потом дьявол, издеваясь, уносит его в безлюдное место и объясняет, что он напрас-

но продал душу, потому что в то время, когда он совершал отвратительную сделку, прощение и возможность спасения были уже близко, а завершает свое злое предательство дьявол тем, что выговаривает Амброзио за чудовищные грехи и бросает его тело в пропасть, а душу отправляет на вечные муки. В романе есть несколько отталкивающих описаний, как, например, колдовство в подземелье, расположенном под церковным кладбищем, пожар в монастыре и конец несчастного аббата. Еще одна сюжетная линия приводит к встрече маркиза де ла Кистерас с призраком его заблудшей родственницы, с Кровоточащей Монахиной, и в этой линии есть много невероятно сильных моментов, например, визит ожившего трупа в спальню маркиза или каббалистический ритуал, во время которого Вечный жид помогает маркизу понять и изгнать мертвую мучительницу. И все-таки «Монах» затянут, если читать его от начала до конца. Он слишком длинный и слишком многословный, и его воздействие ослаблено до странности чрезмерной реакцией против тех канонов внешних приличий, которые Льюис презирал как ханжеские. Но одно великое достижение автора стоит подчеркнуть особо; он никогда не объясняет естественными причинами свои призрачные видения. Ему удалось разрушить традицию, заложенную миссис Радклифф, и расширить границы готического романа. Но Льюис написал много больше, чем одного «Монаха». Его драма «Замок-привидение» относится к 1798 году, а позднее он нашел время, чтобы создать баллады «Ужасные истории» (1799), «Чудесные истории» (1801) и серию удачных переводов с немецкого языка.

Готические сказания — как английские, так и немецкие стали появляться во множестве и не отличались оригинальностью. Многие из них были всего лишь забавны на зрелый вкус, и знаменитая сатира мисс Остен⁴⁹ «Аббатство Нортенгер», несомненно, не была незаслуженным упреком школе, которая приблизилась к границе абсурда. Да и сама школа иссякла, но, прежде чем это случилось, свое слово сказал ее последний и великий представитель Чарлз Роберт Мэтьюрин (1782–1824)⁵⁰, безвестный и эксцентричный ирландский священник.

Из всего его обильного и разнообразного наследия, включающего одно путаное подражание Радклифф под названием «Фа-

тальная месть, или Семейство Монторио» (1807), можно выделить шедевр литературы ужаса «Мельмот-скиталец» (1820), в котором готическое повествование подняло на такую высоту сверхъестественный ужас, какой до тех пор не знало. «Мельмот» — рассказ ирландского джентльмена, который в семнадцатом столетии, продав душу дьяволу, купил для себя противоестественно длинную жизнь. Если ему удастся уговорить еще кого-нибудь взять у него эту жизнь и занять его место, то он получит спасение; однако ему не удастся найти такого человека, несмотря на предпринятые им усиленные поиски людей, которых отчаяние как будто сделало безрассудными и на все готовыми. Обрамление этой истории довольно неуклюжее; включено много лишних скучных эпизодов, повествований внутри главного повествования, вымученных совпадений; но в отдельных местах этой бесконечной путаницы слышен пульс той силы, которая еще никогда не проявлялась как неотъемлемая суть человеческой природы, а понимание глубинных источников активного космического ужаса и белое каление авторской симпатии к людям делают книгу скорее правдивым документом эстетического самовыражения, чем обыкновенным умным произведением искусства. Ни один беспристрастный читатель не усомнится в том, что «Мельмот» является огромным шагом в эволюции литературы ужаса. Страх исторгнут из обыденности и вознесен на ужасное облако, нависшее над самой судьбой человечества. Плоды творчества Мэтьюрина, даже один из этих плодов того сорта, что доказывает если миссис Радклифф и Льюис достойные объекты для пародирования, то трудно отыскать фальшивую ноту в горячем действии и очень напряженной атмосфере произведения ирландца, которого великолепно оснастили для выполнения поставленных задач довольно простые чувства и наследственные черты кельтского мистицизма. Вне всяких сомнений, Мэтьюрин настоящий гений, и именно таким его воспринял Бальзак, который ставил Мельмота рядом с Дон Жуаном Мольера, Фаустом Гете и Манфредом Байрона в качестве высших аллегорических персонажей в европейской литературе его времени и который написал нечто причудливое под названием «Успокоенный Мельмот», рассказав о том, как Скитальцу удалось наконец отдать дьявольский дар парижскому банкиру-растратчику и как этот дар побывал у многих жертв, пока его не обрел бражник-игрок и не умер, оборвав цепь проклятия. Титаны Скотт⁵¹, Россетти⁵², Теккерея⁵³ и Бод-



Король ужасов Говард Филлипс Лавкрафт с котом, 1920-е гг.
Провиденс, Род-Айленд, США.

«Хорошо быть циником, еще лучше быть кошкой, а лучше всего — не существовать вовсе. Самоуничтожение — наиболее логичная штука в мире, мы боимся смерти исключительно из-за своей примитивной трусости перед тьмой и неизвестностью. Будь мы разумнее, мы бы стремились к смерти — той блаженной пустоте, которой мы наслаждались до того, как начали существовать»

(Г. Ф. Лавкрафт)

лер⁵⁴ тоже отдали Мэтьюрину дань наивысшего восхищения, и также весьма показателен тот факт, что Оскар Уайльд⁵⁵, отбыв заключение и покинув Англию, свои последние дни в Париже провел под именем Себастьяна Мельмота. В «Мельмоте» есть сцены, которые даже в наше время продолжают наводить ужас. Действие романа начинается у одра умирающего — несчастный старик умирает от ужаса, потому что увидел то, чего не должен был видеть, к тому же читал некий манускрипт и знает о фамильном портрете, висящем в темном чулане его старинного дома в графстве Уиклоу. Он посылает за своим племянником Джоном в Дублинский университет (Тринити-колледж), и тот, приехав, обращает внимание на множество странных вещей. На портрете в чулане грозно сверкают глаза, а в дверях дважды появляется некто, очень похожий на портрет. Кошмар навис над домом Мельмотов, один из представителей которого запечатлен на портрете «Д. Мельмот, 1646». Несчастный умирающий объявляет, что этот человек — незадолго до 1800 года — еще жив. В конце концов старик умирает, завещав племяннику уничтожить портрет и манускрипт, который он должен отыскать в одном из ящиков. Читая манускрипт, написанный в конце семнадцатого столетия англичанином по имени Стэнтон, юный Джон узнает о кошмарном событии, имевшем место в Испании в 1677 году, когда автор встретился с ужасным соотечественником и узнал о том, как тот взглядом убил священника, пытавшегося обличить в нем Дьявольскую силу. Позднее, вновь встретившись с этим человеком в Лондоне, Стэнтон попадает в сумасшедший дом, и его навещает незнакомец с необычным сверканием в очах, появлению которого предшествует неземная музыка. Мельмот-скиталец — ибо это и есть страшный визитер — предлагает несчастному свободу, если он примет на себя договор с дьяволом; однако, подобно всем другим, к кому обращался Мельмот, Стэнтон не поддается на искушение. Мельмот описывает кошмарную жизнь в сумасшедшем доме, пытаясь вырвать у Стэнтона согласие, и это одно из самых впечатляющих мест в книге. В конце концов Стэнтона освобождают, и; остаток жизни он посвящает поискам Мельмота, отыскав для начала его семью и родовое поместье. Здесь он оставляет рукопись, которая ко времени юного Джона уже изрядно потрепалась. Джон уничтожает портрет и рукопись, но во сне его посещает ужасный предок, который оставляет на его запястье черную отметину. Вскоре юный Джон принимает гостя, спасше-

гося с затонувшего корабля, испанца Алонсо де Монкаду который бежал от монашеской участи и преследований Инквизиции. Он перенес ужасные страдания — и описание его страданий под пытками и в подземных казематах, из которых ему удалось бежать, является классическим, — но у него хватило сил отказать Мельмоту-скитальцу, когда он в страшный час явился ему в узилище. В доме еврея, приютившего его после побега, он открывает для себя манускрипт с описанием других приключений Мельмота, включая его сватовство к Иммали, юной индианке с островов, объявившейся в Испании под именем донны Исидоры; ужасное венчание с ней, осуществленное мертвым отшельником ночью в разрушенной часовне брошенного и проклятого монастыря. Рассказ Монкады занимает большую часть четырехтомного произведения; и эта диспропорция считалась одной из главных недостатков композиции романа.

В конце концов беседы Монкады и Джона прерываются появлением самого одряхлевшего Мельмота-скитальца, острый взгляд которого весьма ослабел. Время, обозначенное в его сделке, подходит к концу, и спустя полтора века он возвращается домой, чтобы встретить свой конец. Наказав никому не входить в комнату, что бы в ней ни происходило, он стал в одиночестве ждать смерть. Юный Джон и Монкада слышат ужасные завывания, но ничего не предпринимают, пока к утру не наступает тишина. Комната оказывается пустой. Грязные следы ведут из боковой двери к утесу над морем, а возле края обрыва видна полоса, словно тащили тяжелое тело. На выступе они обнаруживают шарф Скитальца, однако больше никто его не слышал и не видел.

Такова эта история; и трудно не увидеть разницу между этим отлично смодулированным, располагающим к размышлениям и искусно сотворенным ужасом и, используя фразу профессора Сейнтсбери⁵⁶, — «искусным, но довольно скучным рационализмом миссис Радклифф и, как правило, ребяческой экстравагантностью, плохим вкусом и иногда небрежным стилем Льюиса». Стиль Мэтьюрина сам по себе заслуживает особой похвалы за свою якобы безыскусную, но яркую простоту и живость, ставящие его выше помпезной вычурности, которой грешат предшественники. Профессор Эдит Биркхед⁵⁷ в своей истории готического романа справедливо отмечает, что, «несмотря на все погрешности, Мэтьюрин был самым великим так же, как и самым последним создателем готического романа». «Мельмота»

много читали, делались драматические версии романа, однако его заключительная роль в истории готического романа лишила его популярности, равной популярности «Удольфо» и «Монаха».

Глава 5

Второй урожай готического романа

Тем временем писатели не сидели сложа руки, и, помимо обильного хлама типа «Ужасных тайн» (1796) маркиза фон Гросса⁵⁸, «Детей аббатства» (1798) миссис Рош⁵⁹, «Золфойи, или Мавра» (1806) миссис Дакр и школьных сочинений поэта Шелли⁶⁰—«Застроцци» (1810) и «Сент-Ирвин» (1811) (оба — имитации «Золфойи»), появились значительные сочинения о сверхъестественном на английском и немецком языках. Классическая по своим достоинствам, но очень отличающаяся от других подобных сочинений укорененностью в восточной сказке, а не в готическом романе, начало которому положил Уолпол, знаменитая «История калифа Ватека» богатого дилетанта Уильяма Бекфорда⁶¹ была написана по-французски, но впервые опубликована в английском переводе. Восточные сказки, введенные в европейскую литературу в начале восемнадцатого столетия, обрели вечную популярность благодаря неисчерпаемому богатству «Тысячи и одной ночи» во французском переводе Галлана⁶², ценимом за аллегории и удовольствие. Лукавый юмор, который только восточный ум может соединить со сверхъестественным, покорила искушенное поколение, и названия Багдад и Дамаск вскоре стали столь же употребляемыми в популярной литературе, как до них итальянские и испанские имена и названия. Бекфорд, начитанный в восточной литературе, удивительно точно уловил необычную атмосферу и в своей фантастической книге убедительно передал надменную роскошь, лукавое разочарование, вкрадчивую жестокость, изысканное вероломство, темный призрачный ужас сарацинского духа. Его смех не в силах ослабить мрачное звучание темы, и повествование продолжается с фантазмагорической

пышностью, в которой смех принадлежит скелетам, пирующим под причудливо разукрашенными куполами. «Ватек» представляет собой рассказ внука калифа Харуна, который, мучимый мечтой о внеземной власти, наслаждении и знаниях, которая присуща обыкновенному готическому негодяю или байроническому герою (что, в сущности, одно и то же), соблазнен злой силой искать неземной трон могущественных и легендарных султанов, царствовавших в доадамову эпоху в огненных залах Эбдиса, магометанского дьявола. Описания дворцов и развлечений Ватека, интриг колдуньи-матери Каратис, ее волшебной башни с пятьюдесятью одноглазыми негритянками, его паломничества к руинам Иштакара (Персеполя), злой невесты Ноуронихар, которой он предательски овладел по дороге туда, древних башен и террас Иштакара в ярком лунном свете и ужасных огромных залов Эблиса, где, привлеченные заманчивыми обещаниями, все жертвы обречены бродить, положив правую руку на раскаленное добела (на веки вечные) сердце, являются величайшими достижениями в сверхъестественном колорите, из-за которых книге обеспечено постоянное место в английской литературе. Не менее значительными считаются три «Эпизода Ватека», которые предполагалось вставить в основное повествование как рассказы жертв, томящихся, подобно Ватеку, в чертогах Эблиса, но которые оставались неопубликованными при жизни автора и были найдены относительно недавно, в 1909 году, литературоведом Льюисом Мелвиллом, собиравшем материалы для книги «Жизнь и письма Уильяма Бекфорда». У Бекфорда, однако, совсем нет мистики, которая необходима, если строго подходить к литературе о сверхъестественном; и его повествование в общем-то отличают романские твердость и ясность, мешающие по-настоящему паническому ужасу.

В своей любви к Востоку Бекфорд остался в одиночестве. Другие писатели, тяготевшие к готической традиции и европейской жизни, предпочли следовать по пути, проложенному Уолполом. Среди бесчисленных авторов литературы ужаса в те времена можно упомянуть теоретика утопической экономики Уильяма Годвина, следом за знаменитым, но не сверхъестественным «Калемом Уильямсом» (1794) выпустившего в свет нарочито мистического «Сент-Леона» (1799), в котором тема эликсира жизни, добытого воображаемым тайным орденом розенкрейцеров, подана простодушно, но убедительно. Кое-что из учения розенкрейце-

ров, своей таинственностью привлекавших к себе всеобщий интерес, можно найти у модного шарлатана Калиостро⁶³ и у Френсиса Баррета⁶⁴ в «Маге» (1801), любопытном и небольшом трактате о принципах и ритуалах оккультизма, перепечатанном в 1896 году, у Булвер-Литтона⁶⁵ и у покойного Джорджа У. М. Рейнольдса⁶⁶, написавшего «Фауст и демон» и «Вагнер и оборотень». «Калев Уильяме», хотя в нем и нет ничего сверхъестественного, все же несет на себе некоторые черты литературы ужаса. Это рассказ о слуге, преследуемом хозяином, которого он уличил в убийстве, написан с выдумкой и искусством и с удовольствием читается даже в наши дни. Драматическая версия романа под названием «Железный сундук» также имела большой успех. Однако Годвин был слишком учителем и мыслителем, чтобы создать истинный шедевр литературы ужаса.

Его дочь и жена Шелли⁶⁷ была более удачлива, и ее подражаемый «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1817) стал классикой литературы ужаса. Сочиненный в соревновании с мужем, лордом Байроном и доктором Джоном Уильямом Полидори⁶⁸, «Франкенштейн» миссис Шелли оказался единственным дописанным до конца, и критики не смогли доказать, будто бы лучшие места в нем принадлежат перу Перси Биши Шелли. У романа есть некоторый привкус этического дидактизма, что портит его. Он рассказывает об искусственном человеке, созданном из мертвых фрагментов Виктором Франкенштейном, молодым шведским медиком.

Сотворенное «в безумной интеллектуальной гордыне», чудовище обладает умом человека, но жуткой внешностью. Отвергнутое людьми, обиженное, оно начинает убивать всех, кто дорог Франкенштейну. Оно требует, чтобы Франкенштейн сотворил для него жену, и, когда тот в ужасе отказывается, не желая, чтобы весь мир оказался заселенным монстрами, оно уходит с угрозой «вернуться в брачную ночь» своего творца. В эту ночь невеста оказывается задушенной, а Франкенштейн начинает охоту на чудовище, в итоге попадая в Арктику. В конце, ища укрытия на корабле человека, который рассказывает нам эту историю, Франкенштейн сам оказывается убитым ужасным объектом своего поиска и творением своей непомерной гордыни. Некоторые сцены

во «Франкенштейне» незабываемы, например, когда только что сотворенное чудовище входит в комнату своего творца, отодвигает полог и глядит на него в желтом лунном свете слезящимися глазами — «если это можно было назвать глазами». Миссис Шелли написала еще романы, в том числе довольно известного «Последнего человека», однако повторить успех ей не удалось. На «Франкенштейне» лежит печать космического ужаса, хотя иногда он на редкость затянут. Доктор Полидори развивал идею ужаса в повести «Вампир», в которой мы читаем об учтивом негодяе истинно готического или байронического типа и в которой есть по-настоящему страшные куски, например жуткая ночь в отдаленной греческой роше.

Тогда же сэр Вальтер Скотт часто задумывался о сверхъестественном, пропитывая им свои романы и стихи, а иногда сочиняя отдельные повествования типа «Комната, завешанная гобеленами, или Рассказ странствующего Вилли» в «Красной рукавице», где призрачное и дьявольское становится еще убедительнее благодаря нелепо-уютной атмосфере и обыденной речи. В 1830 году Скотт опубликовал «Письма о демонологии и колдовстве», которые до сих пор являются нашим лучшим собранием европейского фольклора о ведьмах. Другим знаменитым писателем, не чуравшимся сверхъестественного, был Вашингтон Ирвинг, ибо, хотя большинство его призраков слишком забавны, чтобы быть персонажами литературы ужаса, отдельные шаги в этом направлении можно заметить во многих его сочинениях. «Немецкий студент» в «Рассказах путешественника» (1824) — лукавый и выразительный пересказ старинной легенды о мертвой невесте, тогда как отмеченный космическим ужасом «Искатель монет» в том же томе представляет собой нечто большее, чем намек на появление пиратов в тех местах, где когда-то побывал капитан Кидд. Томас Мур⁶⁹ тоже присоединился к авторам литературы ужаса, написав поэтического «Алсифрона», позднее переделанного в роман «Эпикурец» (1827). Хотя речь идет всего лишь о приключениях молодого афинянина, одураченного египетскими жрецами, Муру удается создать настоящую атмосферу сверхъестественного ужаса, когда речь заходит о подземных лабиринтах под святилищами Мемфиса. Де Квинси⁷⁰ не раз в гротескной или вычурной манере описывал страх, хотя с бессвязностью и претензией на научность, которые мешают назвать его профессионалом. Та эпоха видела растущую славу Уильяма Гаррисона Эйнсуорта⁷¹, чьи романти-

ческие романы изобилуют загадочным и страшным. Капитан Марриет⁷² писал не только рассказы типа «Оборотня», но и был автором знаменитого «Корабля-призрака» (1839), основанного на легенде о «Летучем голландце», призрачном и проклятом корабле, который вечно бороздит море возле мыса Доброй Надежды. В то же время появились истории о сверхъестественном Диккенса⁷³ — например «Сигнальщик», рассказ о грозном предостережении, в основе которого самый обычный материал, изложенный столь правдоподобно, что он может быть отнесен в одинаковой мере к нарождавшейся психологической школе и умиравшей готической школе. Одновременно поднималась волна интереса к спиритуалистическому шарлатанству, медиумизму, индуистской теософии и прочим подобным вещам, собственно, как и в наши дни; так что количество историй о сверхъестественном, укорененном в «психологии» или псевдонауке, было довольно значительным. За это отчасти ответственен плодовитый и популярный Эдуард Булвер-Литтон⁷⁴; однако, несмотря на огромные дозы напыщенной риторики и пустой романтики, его успех в создании некоего странного очарования отрицать нельзя.

Рассказ «Дом и разум», в котором есть намеки на розенкрейцеров и на некоего злого и бессмертного человека, возможно Сен-Жермена, таинственного придворного Людовика XV, все еще считается одним из лучших рассказов о странных домах. Роман «Занони» (1842) содержит те же элементы, представленные с большим искусством, и предлагает неведомый мир, влияющий на наш мир и охраняемый ужасным Существом на пороге, которое ловит всех, кто желает войти в него. Здесь мы имеем дело с добрым братством, существовавшим несколько веков, пока не остался всего один человек, и колдун-халдей, сохранивший цветущий юный вид, погиб как герой на гильотине Французской революции. Хотя все повествование пропитано банальным романтическим духом с оттенком дидактики и скучной символики и не очень убедительно, ибо не выдержана та атмосфера, которая должна быть при соприкосновении с нездешним миром, все же «Занони» — великолепный романтический роман; он читается с подлинным интересом даже не очень образованным читателем. Отметим, что, описывая посвящение в старинное братство, автор не избегал искушения использовать готический замок в духе Уолпола.

В «Странной истории» (1862) Булвер-Литтон демонстрирует определенно возросшее мастерство в создании сверхъестествен-

ных образов и настроений. Роман, несмотря на подавляющие длинноты, имеет отлично разработанный сюжет, поддержанный вовремя происходящими случайностями, и псевдонаучную атмосферу, которая удовлетворяла вкусам рациональных и важных викторианцев; это отличное повествование, пробуждающее незаходящий интерес, который поддерживается многими чувствительными — мелодраматическими — сценами, как бы промежуточными кульминациями. Вновь у нас таинственный потребитель эликсира жизни в образе бездушного колдуна Маргрейва, чьи черные дела с драматической яркостью предстают в декорациях современного тихого английского города и австралийского буша; вновь появляется таинственный и неведомый мир, существующий рядом с нами — на сей раз показанный с большей силой и живостью, чем в «Занони». Одну из двух больших колдовских сцен, в которой некая злая сила заставляет героя встать, не просыпаясь, ночью, взять в руки странный египетский жезл и вызвать некие безымянные сущности в населенном привидениями и имеющем вид мавзолея павильоне знаменитого алхимика эпохи Ренессанса, несомненно, можно считать достойной быть в ряду великих в литературе ужаса. Выражено вполне достаточно, и притом вполне экономно. Лунатику дважды повторяют незнакомые слова, и, когда он повторяет их, дрожит земля, все собаки в округе воют на полувидимые расплывающиеся тени, которые идут перпендикулярно лунным лучам. Когда же становится известной третья часть заклинания, душа лунатика вдруг восстает против произнесения незнакомых слов, словно она поняла весь бездонный ужас того, что скрыто для разума; и в конце концов видение не присутствующей при этом возлюбленной и добрый ангел изгоняют злые чары. Этот фрагмент отлично показывает, насколько далеко ушел лорд Литтон от банальной пышности и велеречивости и приблизился к кристально ясной сущности литературного ужаса, принадлежащего ареалу поэзии. Когда читаешь у Литтона некоторые подробности колдовства, то становится очевидным, что он на удивление всерьез занимался оккультными науками и был знаком со странным французским ученым и каббалистом Альфонсом Луи Констансом⁷⁵ (Элифасом Леви), которому удалось постичь тайны древней магии и вызвать из небытия греческого колдуна Аполлония Тианского, жившего во времена Нерона.

Представленная здесь романтическая, полуготическая и квази-моралистская традиция продолжалась чуть ли не до конца

девятнадцатого столетия благодаря таким авторам, как Джозеф Шеридан Ле Фаню⁷⁶, Уилки Коллинз⁷⁷, покойный сэр Генри Райдер Хаггард⁷⁸ (автор великолепного сочинения «Она»), сэр Артур Конан Доил⁷⁹, Г. Д. Уэллс⁸⁰ и Роберт Луис Стивенсон⁸¹ — из которых последний, несмотря на ужасное тяготение к изящным манеризмам, создал классические произведения «Маркхейм», «Похинитель» и «странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Мы можем уверенно заявить, что школа выжила, ибо именно к ней принадлежит та современная литература ужаса, которая занята более событиями, нежели атмосферой, адресуется скорее к разуму и не заботится о нагнетании зла и психологическом правдоподобию, определенно симпатизирует человечеству и желает ему благоденствия. Не будем отрицать сильное воздействие этой литературы, ведь благодаря «элементу человечности» она получает гораздо более широкую аудиторию, чем чисто художественный кошмар. Если в ней меньше ужаса, то это потому, что разбавленный продукт не может иметь концентрацию чистого.

Как роман вообще и произведение литературы ужаса в частности наособицу стоит знаменитый «Грозовой перевал» (1847) Эмили Бронте⁸² с его сумасшедшими, открытыми ветрам йоркширскими пустошами и порожденной ими жестокой извращенной жизнью. Хотя изначально была задумана история о человеческой жизни и страстях, пребывающих в конфликте и агонии, ее эпический космический размах не оставляет в стороне и внеземной ужас.

Хитклиф, видеоизмененный байронический негодяй, — странный темноволосый бродяга, найденный некоей семьей на улице и произносивший какую-то тарабарщину, пока не стал жить с приемными родителями, которых довел до могилы. Не раз в самом романе высказывается предположение, что он не столько человек, сколько дьявольский дух, причем нереальное становится еще ближе из-за несчастного ребенка-призрака, увиденного гостем в верхнем окне дома. У Хитклифа и Кэтрин Ирншоу завязываются более глубокие и ужасные отношения, чем человеческая любовь. После ее смерти он дважды разрывает ее могилу, и его преследует нечто неосязаемое, что может быть только ее душой. Она все более и более завладевает его жизнью, и в конце концов он ощущает странные изменения и отказывается есть. По

ночам он или бродит вне дома, или открывает окно возле кровати. Когда он умирает, окно остается открытым, хотя идет дождь, и его застывшее лицо смягчается улыбкой. Хоронят Хитклифа возле холма, на который он приходил восемнадцать лет, и подпаски рассказывают, что он гуляет со своей Кэтрин на церковном кладбище и по пустоши, когда идет дождь. Их лица в дождливые ночи также можно видеть в верхнем окне на Грозовом перевале. Сверхъестественный ужас, описанный мисс Бронте, не просто отклик не готический роман, но соответствующее по напряженности отражение человеческой реакции на неведомое. В этом отношении «Грозовой перевал» стал символом перехода от одной литературной традиции к другой и свидетельством становления новой и значительной школы.

Глава 6

Литература

о сверхъестественном

в континентальной

Европе

На континенте литература ужаса процветала. Знаменитые рассказы и романы Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана⁸³ (1776–1822) являются символом продуманных декораций и зрелой формы, хотя в них есть тяготение к излишней легкости и экстравагантности, зато отсутствуют напряженные моменты наивысшего, перехватывающего дыхание ужаса, что под силу и куда менее изощренному автору. Обычно в них больше абсурдного, нежели ужасного. Самой художественно совершенной из историй сверхъестественном на континенте является «Ундина» Фридрих Гейнриха Карла, барона де ла Мотт Фуке. В этом повествовании о духе воды, ставшем женой смертного и обретшем человеческую душу, есть деликатное, тонкое мастерство, благодаря которому оно значительно не только для какого-то одного литературного жанра, и есть естественность, приближающая по-

вестование к народной сказке. В сущности, сюжет взят из «Трактата о феях» Парацельса, врача и алхимика эпохи Ренессанса, Ундина, дочь могущественного царя морей, была обменена отцом на маленькую дочь рыбака, с тем что она обретет, выйдя замуж за земного юношу. Встретив благородного юношу Хильдебранда в доме своего приемного отца, который был построен возле моря и на опушке леса, она вскоре выходит за него замуж и едет с ним в его родовой замок Рингстеттен. Хильдебранду, однако, постепенно надоедает неземная жена и особенно надоедает ее дядя, злой дух водопада Кюхлебома, тем более что юноша испытывает все большую нежность к Бертальде, той самой дочери рыбака, на которую была обменена Ундина. В конце концов, по время прогулки по Дунаю, спровоцированный невинным проступком любящей жены, он произносит злые слова, возвращая ее в первоначальное состояние, которое по существующим законам можно изменить лишь однажды, чтобы убить его, если он окажется неверным ее памяти. Позднее, когда Хильдебранд собирается жениться на Бертальде, Ундина готова выполнить свой печальный долг, но делает это со слезами на глазах. Когда юношу хоронят рядом с его предками на деревенской кладбище, закутанная в белое, женская фигура оказывается в похоронной процессии, но после молитвы исчезает. Там, где она стояла, появляется серебристый ручеек, который с журчанием прокладывает себе дорогу вокруг могилы и вливается в озеро по соседству. Деревенские жители до сих пор показывают его приезжим, говоря при этом, что Ундина и Хильдебранд соединились после смерти. Многие места в повествовании и его атмосфера говорят о Фуке как о значительном писателе в жанре литературы ужаса, особенно если учесть описания населенного привидениями леса, в котором встречаются снежно-белые великаны и всякие безымянные кошмары.

Не столь известна, как «Ундина», но замечательна своим убедительным реализмом и свободой от готических приемов история о «Янтарной ведьме» Вильгельма Мейнхольда⁸⁴, еще одного немецкого гения фантастики начала девятнадцатого столетия. Действие происходит во время Тридцатилетней войны, а записи якобы найдены священником в старой церкви, и в них речь идет о дочери автора, Марии Швейдлер, которая несправедливо обвинена в колдовстве. Отыскав месторождение янтаря, она по разным причинам скрывает его ото всех, и неожиданное богатство придает основательность обвинению со стороны злого родовито-

го охотника на волков Виттиха Аппельманна, который безуспешно преследовал девушку своими постыдными домогательствами. Деяния настоящей ведьмы, которая впоследствии находит жуткий конец в тюрьме, приписываются злополучной Марии, и после типичного суда над ведьмами с данными под пыткой показаниями Марию должны сжечь, но ее вовремя спасает возлюбленный — благородный юноша из соседних мест. Великая сила Мейнхольда — в правдоподобии случайного и неслучайного, он умеет убеждать в присутствии неведомого и в том, что грозные события реальны или близки к реальности. В самом деле, его якобы достоверность настолько тщательно продумана, что популярный журнал как-то опубликовал главные события «Янтарной ведьмы» как реально происходившие в семнадцатом столетии!

В наше время немецкую литературу ужаса с честью представляет Ганс Хайнц Эверс⁸⁵, который обосновывает свои темные концепции отличным знанием психологии. Романы вроде «Ученика колдуна» и «Алруна», рассказы типа «Паука» имеют определенные достоинства, относящие их к классике жанра. В ареале сверхъестественного Франция была не менее активной, чем Германия. Виктор Гюго⁸⁶ в таких повествованиях, как «Ганс из Исландии», и Бальзак в «В шкуре дикого козла», «Серафите» и «Луи Ламбере» тоже в большей или меньшей мере использовали сверхъестественное, правда, в целом лишь как средство полнее выявить человеческое начало и без настоящей демонической силы, которая характерна для истинного создания литературы ужаса. Впервые этот жанр появляется у Теофиля Готье⁸⁷, если говорить о французах, именно у него мы находим призрачную сверхъестественную тайну, которая, хотя он и не полностью использует ее возможности, мгновенно узнаваема как нечто истинное и значительное. В рассказах «Аватар», «Нога мумии», «Кларимон» есть запретное, которое возбуждает, мучает и иногда пугает; и египетские видения из «Одной ночи Клеопатры» на редкость выразительны. Готье удалось ухватить душу старого Египта с его таинственной жизнью и величественной архитектурой и раз и навсегда выразить вечный ужас нижнего мира катакомб, где до конца времен миллионы спеленутых трупов будут смотреть во тьму стеклянными глазами, ожидая чего-то страшного и неведомого. Гюстав Флобер⁸⁸ умело продолжил традицию, начатую Готье, во множестве поэтических фантазий типа «Искушение святого Антония» и, если бы не сильные реалистические пристрастия, мог бы создать гобелены ужа-

сов. Позднее словно поток принес многих странных поэтов и фантастов, принадлежавших к символистской и декадентской школам, чьи темные интересы сосредоточились в основном на ненормальностях человеческой мысли и чувства, чем на сверхъестественном, а также искусных рассказчиков, чьи ужасы добыты из черных, как ночь, колодцев космической нереальности. Из первых, то есть из «художников греха», прославленный Бодлер, находившийся под большим влиянием По, самый значительный; тогда как автор психологической прозы Жорис-Карл Гюисманс⁸⁹, истинный сын 1890-х годов, одновременно суммировал и завершил традицию. Из вторых известность обрел Проспер Мериме, чья «Венера Илльская» в немногословной и убедительной прозе представляет ту же древнюю статую-невесту, которую Томас Мур описал в балладе «Кольцо».

Ужасные истории могучего и циничного Ги де Мопассана, написанные, когда душевная болезнь уже начинала овладевать им, стоят особняком, будучи скорее болезненными плодами реалистического ума в патологическом состоянии, чем продуктами здорового воображения, естественно расположенного к фантазиям и восприятию нормальных иллюзий неведомого мира. Тем не менее они представляют собой большой интерес, с великолепной силой предлагая нам необъятность безымянных ужасов и безостановочное преследование несчастного человека страшными грозными представителями внешней тьмы.

Из этих рассказов «Орля» считается шедевром. Речь идет о появлении во Франции невидимого существа, которое живет на воде и молоке, управляет чужим разумом и как будто представляет собой головной отряд орды внеземных организмов, явившихся на землю, чтобы покорить человечество, и это напряженное повествование не имеет равных в своем роде, несмотря на зависимость в подробном описании присутствия невидимого монстра от рассказа американца Фиц-Джеймса О'Брайена⁹⁰. Из других убедительных созданий де Мопассана назовем «Кто знает?», «Спектр», «Он», «Дневник безумца», «Белый волк» и стихи под названием «Ужас». Соавторство Эркмана-Шатриана обогатило французскую литературу многими сверхъестественными чудесами типа «Оборотня», в котором передаваемое по наследству проклятие



Эдгар Аллан По (1809—1849) — американский писатель, поэт, эссеист, литературный критик и редактор, представитель американского романтизма. Создатель формы классического детектива и жанра психологической прозы. Некоторые работы Эдгара По способствовали формированию и развитию научной фантастики, а такие черты его творчества, как иррациональность, мистицизм, обреченность, аномальность изображаемых состояний, предвосхитили литературу декадентства

*«Мнение большинства — всегда ошибочно,
ибо большинство людей — идиоты»*

(Э. А. По)

вырабатывает себя до конца в традиционном готическом замке. Соавторы с потрясающей силой живописали жуткую атмосферу полуночи, хотя и держали за правило объяснять все естественными причинами или научными чудесами; поэтому несколько коротких сюжетов содержат больше ужаса, чем «Невидимый глаз», в котором злая старая карга плетет полночное колдовство, заставляя всех жильцов некоей комнаты в трактире по очереди вешаться на потолочной балке. «Ухо совы» и «Смертельные воды» полны тьмы и тайны. Во втором есть знакомый огромный паук, часто используемый авторами литературы о сверхъестественном. Вилье де Лиль-Адан⁹¹ тоже принадлежал к школе ужаса; его «Пытка надеждой», история об осужденном на костер узнике, которому позволено бежать лишь для того, чтобы он в полной мере прочувствовал ужас возвращения в темницу, — одна из самых душераздирающих историй в истории литературы. Однако этот вид литературы нельзя назвать литературой ужаса, скорее, он сам по себе, так называемая *conte cruel*, в которой искажение чувств происходит из-за драматических танталовых мук, разочарований, ужасных реальных событий. В этом ключе почти всегда писал Морис Левель, короткие эпизоды которого отлично адаптируются для сценических версий триллеров в «Гран-Гиньоль». Действительно, французский гений гораздо легче работает с черным реализмом, чем с неведомым, так как неведомое требует, чтобы воплотить его убедительно, врожденного мистицизма северного жителя.

Пышной, но до недавних пор неизвестной была еврейская ветвь литературы о сверхъестественном, которая выжила и расцвела в безвестности, благодаря значительному наследству древней восточной магии, апокалипсической литературы и каббалистики. Семитский ум, как кельтский и тевтонский, похоже, обладает выраженными мистическими наклонностями, а богатство подпольной традиции ужаса, выжившей в гетто и синагогах, должно быть куда больше, чем обычно воображают. Сама каббалистика, столь значительная в Средневековье, является философской системой, объясняющей вселенную как эманации Бога, включающие неизвестные пространства и неизвестных существ, помимо видимого мира, из которого можно вызвать черные силы, если знать особые тайные заклинания. Все это тесно связано с мистической интерпретацией Ветхого Завета, когда каждая буква древнееврейского алфавита наделяется эзотерическим значением — обстоятельство, которое придает

древнееврейским буквам нездешнее сияние и силу в популярной литературе о магии. Иудейский фольклор сохранил в себе ужас и тайны прошлого, и если его получше изучить, то очевидно, что он всерьез повлияет на литературу о сверхъестественном. Лучшие образцы использования его в литературе — пока еще немецкий «Голем» Гюстава Мейринка⁹² и драма «Диббук» еврейского автора, который писал под псевдонимом Анский. «Голем» с его таинственными призрачными чудесами и ужасами недостижим для нас, так как выпущен в Праге и рассказывает с поразительным мастерством о пражском старинном гетто, где были дома с призрачными остроконечными крышами. Имя Голем принадлежит мифическому искусственному великану, который якобы был создан и оживлен средневековым раввином, знавшим нужные заклинания. Пьеса «Диббук», переведенная и изданная в Америке в 1925 году, потом была поставлена в виде оперы. В ней с уникальной силой повествуется о злом духе умершего человека, вселившемся в живого человека. И големы⁹³, и диббуки⁹⁴ — традиционные персонажи, которые довольно часто встречаются в поздней еврейской литературе.

Глава 7

Эдгар Аллан По

В 1830-х годах произошло литературное «рождение», напрямую повлиявшее не только на историю литературы о сверхъестественном, но и на жанр рассказа в целом; а не напрямую — на формирование судьбы великой европейской эстетической школы. Нам, американцам, очень повезло, что это «рождение» произошло у нас, потому что мы можем назвать своим самого знаменитого и самого несчастливого нашего соотечественника Эдгара Аллана По. Слава пришла к По не сразу, и хотя сейчас в среде «продвинутой интеллигенции» модно занижать его значение и влияние, однако зрелому и понимающему критику невозможно отрицать невероятную ценность его творчества и поразительную силу его разума, ставшего первооткрывателем многих художественных просторов. Правда, его наблюдения уже как будто были

предсказаны, но именно он первым осознал новые возможности, придумал для них соответствующую форму и дал им систематический выход. Правда и то, что впоследствии авторы могли создавать более талантливые произведения, но ведь именно он учил их примером и теорией, расчищая им путь и ведя их по нему, чтобы они создавали что-то более великое. Какие бы ни были у По ограничения, он сделал то, чего никто никогда не делал и не мог сделать, и именно ему мы обязаны тем, что имеем современную литературу ужаса в ее окончательном и совершенном виде. До Э. А. По⁹⁵ большинство писателей, работавших со сверхъестественным материалом, в основном двигались на ощупь, не понимая психологической основы тяготения к ужасу, и им в большей или меньшей степени мешала привязанность к ничему не значащим литературным условностям, например: счастливый конец, победа добра в целом, ложное морализаторство, а также следование принятым стандартам и ценностям, старания вложить собственные чувства в повествование и стать на сторону приверженцев тех идей в искусстве, которые были приняты большинством. По же, как настоящий художник, решил быть безличным; он знал, что функция художественной литературы отображать и интерпретировать события и чувства вне зависимости от того, куда они ведут и что доказывают, добрые они или злые, приятные или отталкивающие, стимулирующие или ввергающие в уныние, автор всегда должен быть внимательным и умелым рассказчиком, а не благожелателем, учителем или продавцом идей. Он ясно видел, что всякая жизнь и мысль одинаково подходят в качестве объекта для художника, а так как, в силу своего характера, он тянулся к странному и мрачному, то и решил стать интерпретатором этих могучих чувств и частых событий, которые сопровождаются болью, а не удовольствием, уничтожением, а не расцветом жизни, ужасом, а не покоем и которые в основе своей враждебны или безразличны к вкусам и известным традиционным чувствам человечества, а также к здоровью, душевному покою и нормальному возрастающему благосостоянию отдельных людей.

Призраки По, таким образом, обрели убедительную злобность, которой не было у их предшественников, и установили новый реалистический стандарт в истории литературного ужаса. Безличная художественность, кроме того, соединялась с научным; подходом, довольно редко встреча-

ишемся в прошлом, а так как По в большей степени изучал разум человека, чем готическую традицию, то работал со знанием истинных источников ужаса, что удваивало воздействие повествования и освобождало его от нелепостей, свойственных обычному возбудителю ужаса. Как только это появилось, остальные писатели были вынуждены перенять его опыт, чтобы иметь возможность хоть как-то с ним соперничать, поэтому основное направление литературы ужаса начало претерпевать коренные изменения.

По также определил и формальный уровень; и хотя сегодня некоторые из его собственных работ кажутся немного мелодраматичными и простодушными, мы можем твердо заявить о его влиянии в таких вопросах, как создание единого настроения и достижение единого впечатления, не говоря уж о безжалостном избавлении от тех поворотов сюжета, которые не имеют отношения к главному действию и не ведут к кульминации повествования. На самом деле, можно сказать, что По создал рассказ в его современном виде. Возвышенные им до уровня высокой литературы болезни, пороки, распад тоже были далеко идущим достижением, ибо, жадно схваченная, присвоенная и усиленная его знаменитым французским поклонником Шарлем Пьером Бодлером, эта тема стала основой своеобразных эстетических движений во Франции, сделав, таким образом, По в каком-то смысле отцом декадентов и символистов.

Поэт и критик по натуре и главному призванию, логик и философ вкусом и манерой, По ни в коей мере не был защищен от недостатков и аффектаций. Его претензии на основательную и скрытую ученость, его вымученные попытки ходульного, натужного псевдоумора и частенько случавшиеся всплески опасных предрассудков должны быть поняты и прощены. Гораздо важнее другое — взгляд мастера на ужас, который существует вокруг и внутри нас, и на червяка, который корчится и пускает слюни в жуткой близости. Проникая в мучительный ужас в веселеньком издевательстве, называемом жизнью, и в напыщенном маскараде, называемом мыслью и чувством, его взгляд обретал силу и пересоздавал увиденное в черных колдовских формах и видениях, пока в стерильной Америке тридцатых и сороковых годов не расцвел такой лунный сад с гигантскими ядовитыми грибами, каким не может похвастаться сам Сатурн в своих подземных владениях. Космический ужас заполняет и стихи, и рассказы По. Ворон,

который стучит прямо в сердце, вампиры, которые бьют в колокола, склеп Улялюм октябрьской черной ночью, странные шпили и куполы на морском дне, «дикая волшебная звезда, что мерцает нам сквозь года» — все это и многое другое злобно смотрит на нас из маниакальных страхов в бурлящем поэтическом кошмаре. А в прозе перед нами распахиваются челюсти пропасти — и мы видим непостижимые аномалии, которые мы как будто с ужасом осознаем благодаря ловким намекам, в невинности которых мы едва ли можем усомниться, пока напряженный глухой голос говорящего не внушает нам страх перед неведомым; демонические сущности и существа, которые болезненно дремлют, пока не просыпаются на одно жуткое апокалипсическое мгновение, чреватое безумием или разрушительными воспоминаниями. Ведьминский шабаш ужасов предстает перед нами без пышных украшений — и это зрелище еще ужаснее из-за высокого мастерства, с которым каждое отдельное нечто введено в очевидное соотношение с известными страхами материального мира.

Рассказы По конечно же распадаются на несколько групп; и не во всех одинаково чистый экстракт призрачного ужаса. Логические и рационалистические рассказы, предвестники современных детективных историй, не имеют отношения к литературе ужаса, тогда как другие рассказы, возможно написанные под влиянием Гофмана, экстравагантны и располагаются на границе гротеска. Третья группа имеет дело с ненормальной психикой и мономанией, описанных так, что они вызывают ужас, но не сверхъестественный ужас. И наконец, остались рассказы, которые представляют литературу сверхъестественного ужаса в ее самом чистом виде и которые обеспечивают автору постоянное место как богу и отцу всей современной дьявольской литературы. Разве можно забыть ужасный раздутый корабль, поднятый на гребень волны в «Рукописи, найденной в бутылке», — темные намеки на его неисчислимые лета и чудовищную величину, на его жуткую команду невидимых стариков, на его бег под всеми парусами сквозь льды арктической ночи на юг, словно его гонит вперед неодолимое дьявольское течение, вперед — к некоему жуткому знанию, постигнув которое он должен погибнуть?

Есть еще неподобный М. Вальдемар, благодаря гипнозу сохраняющий свой вид в течение семи месяцев после смерти и произносящий бессмысленные звуки, но буквально за мгновение до того, как он должен быть расколдован, от него остается лишь

«большая вонючая лужа». В «Рассказе А. Гордона Пима» путешественники прибывают сначала на странный южный полюс, где живут людоеды, где совсем нет снега и огромные каменные лощины имеют вид гигантских египетских иероглифов, с помощью которых можно прочесть ужасную и самую важную тайну Земли, а потом они прибывают в еще более странные места, покрытые льдом, где гиганты в саванах и птицы с белыми плюмажами сторожат таинственный туманный поток, который течет с немыслимых высот и впадает в горячее белое море. «Мерценгерштейн» ужасает жуткими намеками на чудовищный метемпсихоз — сумасшедший, но родовитый господин сжигает конюшню извечного врага своей семьи; огромный, никому не ведомый конь появляется из пламени после того, как в нем погибает владелец; есть старинный гобелен с оборванным куском, на котором изображен гигантский конь крестоносца -предка погибшего; сумасшедший постоянно совершает прогулки на гигантском коне, одновременно боясь и ненавидя его; еще есть бессмысленные предсказания по поводу враждующих домов; и наконец, когда сгорает дворец сумасшедшего, он погибает в пламени, внесенный в него по широкой лестнице странным конем. Потом дым над руинами обретает форму гигантского коня. «Человек толпы» рассказывает о некоем человеке, который днями и ночами находится в толпе словно боясь остаться в одиночестве, и хотя в целом он поспокойнее, но все равно внушает не меньший ужас. Разум По был всегда устремлен на ужас и разрушение, и в каждом рассказе, в каждом стихотворении, в каждом философском диалоге мы видим острое желание познать незапечатанные колодцы ночи, проникнуть за завесу смерти, царить в фантазии в качестве хозяина страшных тайн времени и пространства.

Некоторые из рассказов По отличает почти идеальная художественная форма, и они стали подлинными маяками в пространстве рассказа. По мог, если хотел, придать своей прозе истинную поэтичность; он пользовался архаичным и восточным стилем с драгоценной фразой, псевдобиблейским повтором и рефренами, которые столь удачно перешли к писателям более позднего времени, например, к Оскару Уайльду и лорду Дансейни; и когда он пользовался ими, то получался эффект лирической фантазии, почти наркотической в своей сути -опиумный сон на языке сна, в котором все неестественные оттенки и странные образы создают симфонию сочетающихся звуков. «Маска красной

смерти», «Тишина», «Небылица», «Тень», «Притча» — несомненно, поэзия во всех смыслах этого слова, за исключением разве что метрики, берущая силу из музыкальных анналов и визуальных фантазий. Но как раз в двух, внешне менее поэтичных рассказах «Легейя» и «Падение дома Ашера» — особенно во втором — можно отыскать ту высшую художественность, благодаря которой По занимает место главы в сообществе авторов прозаической миниатюры. Простые и прямолинейные по содержанию, оба эти рассказа обязаны своей высшей магией хитроумному движению темы, проявляющемуся в отборе и расположении эпизодов. «Легейя» рассказывает о первой жене высокого и таинственного происхождения, которая умерла, но после смерти с помощью сверхъестественных сил возвращается и завладевает телом второй жены) даже в последний момент навязывая свою внешность ненадолго ожившему трупу жертвы. Несмотря на, возможно, некоторую многословность и неустойчивость, повествование с нарастающей силой движется к жуткой кульминации. «Ашер», превосходство которого в деталях и пропорциях очевидно, намекает на тайную жизнь неорганических «вещей» и демонстрирует ненормально связанную трицу объектов в конце долгой и изолированной от внешнего мира истории семьи — брат, его сестра-близнец и их неправдоподобно старый дом имеют одну душу и погибают в одно и то же мгновение.

Эти эксцентричные концепции, такие нелепые в неумелых руках, в руках волшебника По обретают живой ужас, который преследует нас по ночам; и все потому, что автор отлично разобрался в механике и физиологии страшного и непривычного — выделении главных составляющих; подборе несовместимых и причудливых деталей, предшествующих и сопутствующих ужасному; подборе происшествий и аллюзий, которые появляются случайно и заранее как символы или образы каждого важного шага в направлении ужасной развязки; отличном регулировании накопленной энергии и безошибочная аккуратность в соединении отдельных частей, что определяет безупречное единство целого и громоподобную эффективность кульминационного момента; деликатной нюансировке сцен и пейзажей для создания желаемой атмосферы и оживления желаемой иллюзии — всего этого и многого другого, слишком неуловимого, чтобы об этом говорить обычному читателю, тем более чтобы ему это понять. Возможно, у По много мелодрамы и простоты — нам рассказывали

о некоем привередливом французе, который якобы мог читать По только в изысканном переводе Бодлера или гармонизированном переводе Галликалли, — но все это перекрывается врожденным и сильным ощущением внеземного, смертельного, ужасного, что изливалось из всех пор творческого интеллекта автора и штемпелевало его ужасы неизгладимой печатью высшей гениальности. Рассказы По о сверхъестественном живут той жизнью, о которой другие могут только мечтать. Подобно большинству фантастов, По более силен в развитии сюжета и описаниях, чем в построении характера. Его типичный главный герой — темноволосый, красивый, гордый, меланхоличный, умный, чувствительный, капризный, предпочитающий размышления и одиночество, иногда немного сумасшедший господин из древней и богатой семьи; обычно он начитан в литературе о сверхъестественном и загадочно честолюбив в познании запретных тайн вселенной. Помимо звучного имени, этот персонаж ничего не взял из раннего готического романа; и он, что очевидно, не ходульный персонаж и не негодяй из романов Радклифф или французских романов. Не прямые, но все-таки родственные связи у него есть, поскольку его мрачный, амбициозный и антисоциальный характер очень напоминает типичного героя Байрона, который в свою очередь есть порождение готических Манфредов, Монтони, Амбросио. Если говорить подробнее, то черты персонажей По надо искать у самого По, который часто впадал в уныние, был чувствительным, немного сумасшедшим, одиноким и странным» подобно своим высокомерным и одиноким жертвам Рока.

Глава 8

Традиция сверхъестественного в Америке

Публика, для которой писал По, хотя и не оценившая его искусство, была привычна к ужасам, с которыми он имел дело. Унаследовав весь соответствующий европейский фольклор, Аме-

рика имела дополнительные источники сверхъестественного, и легенды, повествовавшие о темной, таинственной стороне жизни, всегда считались достойной темой для литературы. Чарльз Брокде Браун⁹⁶ добился феноменальной славы своими романами в духе Радклифф, и более легкие вариации сверхъестественной темы Вашингтона Ирвинга очень быстро стали считаться классикой. Потом появился Пол Элмер Мор⁹⁷, указавший на новый источник — духовные и теологические интересы первых колонистов, не говоря уж о незнакомой и страшной природе, которая их окружала. Огромные пространства мрачных девственных лесов, вечно сумеречных, в которых могла водиться любая нечисть; орды меднокожих индейцев, чей странный мрачный вид и чьи жестокие обычаи прямо указывали на их дьявольское происхождение; свобода, данная под влиянием пуританской теократии, в отношении строгого и мстительного Бога кальвинистов и адского соперника этого Бога, о котором очень много говорилось каждое воскресенье; мрачная сфокусированность на своем внутреннем мире из-за лесного образа жизни людей, лишенных нормальных развлечений и увеселений, измученных требованиями постоянного религиозного самопознания, обреченных на неестественные эмоциональные репрессии, да еще вынужденных вести постоянную жестокую борьбу за выживание — все это неизбежно порождало обстановку, в которой не только по углам шептались о черных делах ведьм и рассказы о колдовстве и невероятных ужасах передавались из уст в уста много позже жутких дней салецкого кошмара.

По стал представителем более новой, более разочарованной и более технически совершенной школы литературы о сверхъестественном, которая родилась в недрах подходящей среды. Еще одна школа — традиционных моральных ценностей, дисциплинированного самоограничения, более или менее прихотливой фантазии — была представлена другой знаменитой, непонятой, одинокой фигурой в американской словесности — робким и чувствительным Натаниелем Готорном⁹⁸, произросшим в старинном Салеме, где один из его прадедов был кровавым судьей, преследовавшим ведьм. У Готорна нет жестокости, бесстрашия, ярких цветов, напряженных драматических чувств, космического зла, неразделенного и безличного артистизма По. Наоборот, у него нежная душа, зажата в тиски пуританства старой Новой Англии; затуманенная и тоскующая; опечаленная аморальной все-

ленной и всюду сеющая семена банальных мыслей наших предков, прославлявших святой и непреложный закон. Зло, будучи реальной силой для Готорна, всегда появляется как тайный и побежденный соперник; и видимый мир становится в его воображении сценой нескончаемой трагедии, в которой участвуют невидимые и не совсем реальные сущности, борющиеся за власть и влияющие на жизнь несчастных смертных, которые составляют суетное и самообманывающееся человечество. Он был наследником американской литературы о сверхъестественном и видел зловещую толпу смутных теней в обыденной жизни, однако его не в меньшей степени интересовали впечатления, ощущения, пробуждаемые собственно прекрасным искусством. Ему было необходимо придать своей фантазии спокойную и грустную форму дидактической аллегории, в которой его смирный покорный цинизм мог проявиться вместе с наивным морализаторством в отношении вероломной человеческой расы, которую он не мог не любить не оплакивать, несмотря на ее очевидное лицемерие. Сверхъестественный ужас, таким образом, никогда не являлся главным для Готорна; но так как писатель всем своим существом чувствовал его, то и не мог не живописать, призывая нереальный мир, иллюстрации своей печальной проповеди.

Намеки Готорна на сверхъестественное, всегда спокойные и сдержанные и не очень ясные, есть во всех его сочинениях. Настроение, порождающее их, нашло для себя приятный выход в пересказе, с немецким привкусом, классических мифов для детей в «Книге чудес» и «Тэнгльудских сказках», а в иные времена проявлялось в некоторой странности и почти неуловимом волшебстве или колдовстве в событиях, которые не должны были относиться к сверхъестественным, как в его ужасном, вышедшем в свет посмертно романе «Тайна доктора Гримшоу», в котором с явным отвращением описан до сих пор сохранившийся в Салеме дом, примыкающий к старинному кладбищу на Чартер-стрит.

В «Мраморном фавне», действие которого происходит на итальянское вилле, имеющей недобрую славу, великолепно сфантазированные тайны являют себя на границе поля зрения обычного читателя; на всем протяжении повествования рассыпаны

намеки на неземную кровь, бегущую по жилам смертного, и это не может не подстегивать интерес, несмотря на упорного инкуба поучительной аллегории, антипапистской пропаганды и пуританского ханжества который побудил современного писателя Д. Г. Лоренса⁹⁹ выразить желание отнести к автору с неуважением. «Септимус Фелтон» один из последних романов, вышедших в свет посмертно, проводит ту же идею, которая заложена в незаконченном «Долливере», и более или менее умело касается темы эликсира жизни; а заметки к ненаписанному роману под названием «Шаги из прошлого» показывают, что Готорн интенсивно разрабатывал старинное английское суеверие — о древнем и проклятом роде, члены которого оставляют кровавые следы при ходьбе, — которое так или иначе проявилось и в «Септимусе Смите», и в «Тайне доктора Гримшоу».

Во многих рассказах Готорна явно присутствует сверхъестественное, будь то атмосфера или событие. В «Портрете Эдварда Портера» из «Легенд провинциального дома» есть что-то дьявольское. «Черная завеса священника» (рассказ, основанный на реальном событии) и «Честолюбивый гость» подразумевают гораздо больше, чем утверждают, тогда как «Этан Гранд» -фрагмент незаконченного сочинения — поднимается до высот космического ужаса со своим древним горным краем, пылающими печами, байроническим «непростительным грешником», чья беспокойная жизнь заканчивается ночью под раскат ужасающего хохота, когда он ищет смерть в пламени. Некоторые записи Готорна рассказывают о сверхъестественных сюжетах, которые он, проживи дольше, воплотил бы в рассказы. Особенно впечатляющий сюжет — о странном незнакомце, который время от времени появляется на публичных собраниях, а под конец становится известно, что он выходит из очень старой могилы. Однако главным законченным и целостным произведением Готорна среди других его сочинений о сверхъестественном является знаменитый и отлично написанный роман «Дом о семи фронтонах», в котором вновь с поразительной силой идет речь о древнем проклятии, и мрачным фоном служит очень старый дом в Салеме — один из тех готических домов с островерхими крышами, которые стали типичными для новоанглийских городов, но которые после семнадцатого века уступили место более известным домам с двускатными крышами классического георгианского стиля, который называется колониальным. Из готических островерхих до-

мов едва ли дюжина сохранилась в США в своем первоначальном виде, однако один, отлично известный Готорну, все еще стоит на Тернер-стрит в Салеме, и на него указывают как на вероятный прототип литературного дома, вдохновивший автора на написание романа. Это сооружение с призрачными шпилями, скоплением труб, нависающим вторым этажом, с газовыми рожками на углах и ромбовидными зарешеченными окошками, несомненно, могло произвести впечатление как символ темной пуританской эпохи скрываемого ужаса и перешептываний о ведьмах, которая предшествовала красоте, рациональности и приволью восемнадцатого столетия. Готорну пришлось многое из этого повидать в юности, и он знал, как волшебные сказки связаны с ужасом. Ему были известны слухи о проклятии, наложенном на его собственный род в наказание за жестокость его прадеда-судьи на ведьминском процессе в 1692 году. Из этого дома вышла бессмертная история — великий вклад Новой Англии в литературу о сверхъестественном — и у нас есть возможность почувствовать подлинность атмосферы. Тайный ужас скрывается в потемневших от сырости, засиженных мухами, укрытых вязами стенах древнего дома, воспроизведенного так живо, что у нас перехватывает горло от зловещего вида этого места, когда мы читаем, что его создатель — старый полковник Пинчен — с беспримерной жестокостью отобрал землю у владевшего ею Мэтью Моля, которого осудил на виселицу как колдуна в тот год, когда была самая сильная паника. Моль умер, проклиная Пинчена — «он еще напьется крови», — и вода в старом колодце на отобранной земле стало горькой. Сын Моля, плотник, согласился построить большой дом для одержавшего победу врага своего отца, однако полковник неожиданно умер в день окончания строительства. Потом последовали не самые счастливые времена, время от времени всплывали слухи о проклятии Моля и темных силах, которыми владеют его потомки, иногда представителей рода Пинчендов настигал трагический конец.

Зло старого дома — почти такое же живое, как дома Ашера, описанного По, хотя и более неуловимое — сопровождает все повествование как главный мотив, предвещающий трагедию; и когда дело доходит до современных Пинчендов, они пребывают в жалком состоянии. Несчастливая старая Гепсиба, нищая чудачка; похожий на ребенка неудачливый Клиффорд, только что освободившийся из тюрьмы, куда попал по ошибке; хитрый и бесприн-

ципный судья Пинчен, словно оживший полковник, — все они потрясающие символы, с которыми могут соперничать чахлые растения и анемичные птицы в саду. Почти жаль, что автор придумал счастливый конец для своей истории, союз веселой Фебы, последней в роде Пинчен, и приятного молодого человека, оказывающегося последним представителем рода Молей. Этот союз, очевидно, положит конец проклятию. Готорн избегает даже намека на зло в речах и действиях и держит свой ужас на задворках; его неожиданные проявления служат, чтобы поддержать соответствующее настроение и избавить сочинение от чисто аллегорической сухости. События типа колдовства Элис Пинчен в начале восемнадцатого века и особого звучания ее клавиатур, предшествующего очередной смерти — вариант незапамятного европейского мифа, — соединяют действие непосредственно со сверхъестественным; тогда как ночное появление в старинной гостиной судьи Пинчена с жутковато тикающими часами — настоящий ужас самого истинного и неподдельного толка. То, как смерть судьи Пинчена поначалу подается в намеках, потом с помощью принимающегося кота за окном, кстати, задолго до того, как читатель или кто-то из персонажей начинают подозревать неладное, и этот гениальный прием сделал бы честь самому По. Потом странный кот внимательно ночью и днем смотрит снаружи на одно и то же окно, будто ждет чего-то. Очевидно, что это психологический прием из первичного мифа, как нельзя лучше подошедший более позднему произведению.

Однако Готорн не оставил учеников. Его настроение и позиция принадлежат эпохе, ушедшей вместе с ним, а душа По — который так ясно понял естественную основу сверхъестественного и точную механику его воспроизведения — выжила и расцвела. Среди первых учеников По надо назвать молодого и талантливого ирландца Фиц-Джеймса О'Брайена (1828–1862), который поселился в Америке и погиб, доблестно сражаясь, в Гражданской войне. Это он первым в «Что это было?» дал нам отличный рассказ об осязаемом, но невидимом существе, прототипе мопассановского «Орли»; это он создал неповторимые «Бриллиантовые линзы», рассказав о молодом владельце микроскопа, влюбившемся в девушку из иного мира, который открылся ему в капле воды. Ранняя смерть О'Брайена, несомненно, лишила нас замечательных рассказов о странном и ужасном, ведь его гений, если честно, столь же велик, как гений По или Готорна.



Пикеринг-Хаус. Салем. Массачусетс. Открытка 1905 года.

Этот дом был построен в 1651-м году, является частью исторического района Макинтайр.

«Если бы религия была правдой — ее последователи не вбивали бы ее насильно в головы детей, а лишь наставляли бы их на неуклонный поиск истины, вне зависимости от ее соответствия традициям или практической пользы»

(Г. Ф. Лавкрафт)



Слева направо: Говард Филлипс Лавкрафт, Чарльз Уильям Хейнс, Уильям Пол Кук. 5 июля 1921 г.

«Нет другой темы, кроме Непознанного, в чем бы я испытывал вдохновение и о чем мог бы писать. Жизнь никогда не интересовала меня настолько, насколько бегство от жизни»

(Г. Ф. Лавкрафт)

Ближе к настоящему величию был эксцентричный и мрачный журналист Амброз Бирс¹⁰⁰, который родился в 1842 году и тоже участвовал в Гражданской войне, но уцелел и написал несколько бессмертных рассказов, а потом исчез в 1913 году в загадочном тумане, словно сотворенном его собственной жутковатой фантазией. Бирс был известным сатириком и памфлетистом, однако своей литературной репутацией он обязан мрачным и жестоким рассказам; большая их часть так или иначе связана с Гражданской войной и составляет самую яркую и достоверную картину, какую когда-либо это событие имело в литературе. Если по справедливости, то все рассказы Бирса принадлежат литературе ужаса; и, если многие из них имеют дело лишь с физическим и психологическим ужасом внутри Природы, то самые значительные предполагают сверхъестественное зло и составляют значительный вклад в американский фонд литературы о сверхъестественном. Мистер Сэмюэль Лавмен¹⁰¹, ныне живущий поэт и критик, который был лично знаком с Бирсом, таким образом суммирует свое представление о гении великого «создателя теней» в предисловии к письмам писателя:

*«У Бирса, в первый раз, ужас не столько неписанный закон или извращение По или Мопассана, сколько педантично определенная и жутковатая атмосфера. Простые слова, но такие, что никто не решится отнести их на счет ограниченности словарного запаса автора, рассказывают о нечестивом кошмаре, новой и до сих пор неизвестной его трансформации. У По можно найти его как *tour de force*, у Мопассана — как нервный срыв в результате наивысшего напряжения. Для Бирса все просто и ясно. Дьяволизм и в своей мучительной смерти держится за свои законные права. И каждый раз Природа молчаливо это подтверждает.*

В «Смерти Гальпина Фрэзера» цветы, трава, ветки и листья деревьев великолепным образом противостоят сверхъестественному злу. Не золотой мир, а мир, пропитанный тайной лазури и непокорства грез, от которого захватывает дух, — вот мир Бирса. И все же, как ни странно, в нем тоже есть место бесчеловечности».

«Бесчеловечность», о которой упомянул мистер Лавмен, находит облачение в виде сардонической комедии или кладби-

щенского юмора, а удовольствие — в образах жестокости и мучительного разочарования. И это отлично иллюстрируют некоторые из подзаголовков в черных повествованиях, например: «Не всегда едят то, что лежит на столе» (это о трупе, по поводу которого идет дознание у коронера) или: «И голый человек может быть в лохмотьях» (это относится к чудовищно искромсанному телу).

В целом творчество Бирса неровное. Многие из рассказов лишены воображения и испорчены бойким и банальным стилем журналистских поделок; однако суровое зло, определяющее их все, очевидно, и некоторые из них являются вечными горными вершинами американской литературы ужаса. «Смерть Гальпина Фрэзера», по словам Фредерика Тейбера¹⁰² Купера, самый дьявольски-ужасный рассказ в литературе англосаксов, повествует о теле без души, прячущемся ночью в страшном кроваво-красном лесу, и о человеке, преследуемом родовыми воспоминаниями, который находит смерть в когтях той, что была его обожаемой матерью. «Проклятье» постоянно перепечатывается во всех антологиях и рассказывает об ужасных опустошениях, приносимых невидимым существом, которое днем и ночью бродит по горам и полям. «Соответствующие условия» с поразительной точностью и очевидной простотой вызывают мучительное чувство ужаса, какого только может добиться написанное слово. В этой истории таинственный писатель Колстон¹⁰³ говорит своему другу Маршу: «Тебе достает храбрости читать меня в omnibusе, но — в пустом доме — в одиночестве — в лесу — ночью! Ну нет! У меня в кармане рукопись, которая тебя убьет!»

Марш читает рукопись в «соответствующих условиях» — и она убивает его. «Средний палец правой ноги» имеет довольно нелепое развитие сюжета, но кульминация производит сильное впечатление. Человек по фамилии Мантон ужасным образом убивает двух детей и жену, у которой нет среднего пальца на правой ноге. Через десять лет, изменившийся, он возвращается в те же края, но его узнают и провоцируют на поединок в темноте и в пустом доме, где он когда-то совершил преступление. Когда подходит час дуэли, с ним играют жуткую шутку и оставляют одного на первом этаже запертого и заброшенного дома, о котором ходит много, страшных слухов. Нет никакого оружия, потому что единственная цель — испугать убийцу. На другой день его находят скорчившимся в углу и с искаженным лицом, мертвого

от страха. Единственный возможный ключ для понимания случившегося в следующих словах: «В пыли, накопившейся за много лет и лежавшей толстым слоем на полу — от двери, в которую они вошли, через всю комнату, не доходя ярда до скрюченного трупа Мантона, — вели три параллельных ряда не очень четких, но явных следов босых ног, по краям детских, а посередине — женских. Обратных следов видно не было; они вели только в одну сторону». И конечно же женские следы показывают отсутствие среднего пальца на правой ноге. «Дом с привидениями», рассказанный с жестокой обыденностью журналистики, несет в себе жуткие намеки на страшную тайну. В 1858 году целая семья из семи человек неожиданно исчезла с плантации в Восточном Кентукки, бросив все свое имущество — мебель, одежду, запасы еды, лошадей, скот, рабов. Примерно через год двое мужчин, застигнутых бурей, были вынуждены укрыться в брошенном доме и попали в странную подземную комнату, освещенную неземным зеленоватым светом, с железной, не открывающейся изнутри дверью. В этой комнате лежали разложившиеся трупы всех членов пропавшей семьи; и когда один из пришедших бросается к трупу, который он как будто узнал, другой настолько одуревает от странной вони, что случайно закрывает дверь и, потеряв сознание, оставляет своего товарища в подвале. Очнувшись через шесть недель, он уже не в силах отыскать тайную комнату, а во время Гражданской войны дом сгорает дотла. Случайно запертого в подвале мужчину никто больше не видел и не слышал. Бирс далеко не всегда так ярко, как По, реализует возможности, которые предоставляет тема сверхъестественного для создания особого настроения; в основном его сочинения несколько наивны, угловаты, провинциальны и контрастируют в этом с сочинениями мастеров в жанре литературы ужаса более позднего времени. Тем не менее его искренность и мастерство, вне всяк сомнений, оградили его от опасности кануть в Лету. Полное собрание произведений Бирса состоит из двух томов рассказов о сверхъестественном «Может ли такое быть?» и «Середина жизни». Первый том почти полностью посвящен сверхъестественному.

Большая часть произведений, принадлежащих литературе ужаса, выходит из-под пера авторов, не работающих в этом жанре. Исторический роман «Элси Веннер» Оливера Уинделла Холмса¹⁰⁴ с великолепной отстраненностью повествует о неестественном змееподобии молодой женщины, которое было у нее еще до

рождения, и здесь есть атмосфера, поддержанная замечательно выписанными пейзажами. В «Повороте винта» Генри Джеймс успешно преодолевает свою обычную помпезность и многословие и создает по-настоящему достоверное ощущение страшной угрозы, рассказывая о двух мертвых и злых слугах, Питере Квинте и гувернантке, мисс Джессел, и их злой власти над маленьким мальчиком и девочкой, когда-то отданными под их опеку. Повествование Джеймса, возможно, слишком путаное, слишком елейное и изысканное, слишком приверженное утонченности, чтобы полностью раскрыть разрушительный ужас проходящего; несмотря на это, здесь есть редкая поднимающаяся волна страс с кульминацией — смертью мальчика, которая гарантирует повести постоянное место в ее жанре.

Ф. Марион Кроуфорд¹⁰⁵ написал несколько рассказов о сверхъестественном разного достоинства, теперь уже собранных в один том под названием «Бродячие призраки». В «Так как кровь есть жизнь» есть довольно яркое изображение лунатического вампиризма в окрестностях старинного города, расположенного на гористом и пустынном побережье. В «Мертвой улыбке» речь идет о семейных кошмарах в старом доме и наследственных подземельях в Ирландии, и здесь довольно убедительно показан бенши.

«Верхняя полка», однако, шедевр Кроуфорда в жанре литературы ужаса и один из самых потрясающих рассказов в литературе вообще. В нем с несравненным искусством описана парадная зала в которой происходили самоубийства, а также призрачная сырость, непонятно почему открытый иллюминатор, кошмарная схватка с непонятным существом. Очень искренними, хотя и не без обычной для 1890-х годов манерной экстравагантности, были ранние сочинения об ужасном Роберта У. Чемберса, ставшие чрезвычайно известными как произведения другого жанра. «Король в желтом» — серия почти не связанных между собой рассказов, разве что некоей чудовищной и запретной книгой, которая несет с собой страх, безумие, сверхъестественную трагедию, и в этой серии автор достигает высот космического ужаса, несмотря на шероховатости и несколько банальную и аффектированную культивацию атмосферы готической мастерской, ставшую популярной благодаря «Трилби» Дю Морье¹⁰⁶. Самый

сильный из его рассказов, наверное, «Желтый знак», в котором идет речь о неразговорчивом и страшном кладбищенском стороже с лицом, напоминающем раздувшегося могильного червя. Парень, рассказывающий о драке с этим человеком, дрожит и бледнеет, вспоминая некоторые подробности. «Клянусь Богом, это правда, когда я ударил его и он схватил меня за руки, сэр, я хотел выдернуть руки, и тогда его палец вошел мне в запястье». Художник, который, повидавшись с ним, ночью во сне видит катафалк, который видит и его приятель, поражен голосом сторожа, что-то ему пробормотавшего. Звуки его голоса заполняют голову, «как густой маслянистый туман с запахом гнили». А бормочет он всего лишь: «Вы нашли желтый знак?»

Колдовской талисман из оникса с иероглифами был подобран на улице приятелем художника и на короткое время оказался у него; но, с любопытством прочитав дьявольскую и запретную книгу ужасов, оба приятеля узнали, что талисман на самом деле является безмянным желтым знаком проклятых почитателей Астура — из древней Каркозы, где была написана книга и откуда приходят кошмарные воспоминания, живущие в подсознании всех людей. Вскоре приятели слышат скрип черного катафалка, который везет сторож с лицом трупа. В поисках желтого знака он входит в темный дом, и все замки ржавеют от его прикосновения. А когда в дом вбегают люди, привлеченные жутким нечеловеческим криком, они находят на полу троих людей, из которых двое мертвы, а один умирает. Один из трупов уже почти совсем сгнил. Это кладбищенский сторож, и врач восклицает: «Этот человек мертв уже несколько месяцев». Стоит заметить, что автор берет многие из своих имен и аллюзий, связанных со страшным миром прапамяти, из рассказов Амброза Бирса. Другие ранние работы мистера Чемберса об *outré*¹⁰⁷ и ужасном — «Создатель лун» и «В поисках неведомого». Нельзя не пожалеть, что он не развивал это направление в своем творчестве, хотя мог бы стать настоящим мастером. Ужасное, поданное с подлинной силой, можно найти в сочинениях ново-английской писательницы реалистического направления Мэри Э. Уилкинс, в ее книге рассказов «Ветер в розовых кустах» имеется ряд явных достижений. В «Тенях на стене» мы читаем мастерски выписанное новоанглийское семейство, обреченное на трагедию, а неведомо откуда взявшаяся тень отравленного брата отлично подготавливает нас к кульминационному моменту, когда тень тайного убийцы, который был убит

в соседнем городе, неожиданно появляется рядом. Шарлотта Перкинс Гилмен в «Желтых обоях» поднимается на классический уровень в проницательном описании безумия, которое завладевает женщиной, живущей в комнате с жуткими обоями, где когда-то держали сумасшедшую. В «Мертвой долине» известный архитектор и медиевист Ральф Адаме Крэм¹⁰⁸ вполне убедительно передает неуловимый местный ужас, создавая своими описаниями соответствующую атмосферу.

Продолжает традицию сверхъестественного одаренный и разносторонний юморист Ирвин Ш. Кобб¹⁰⁹, в чьих ранних и недавних работах есть настоящие удачи. В «Рыбьей голове», ранней работе, автор ярко живописует сходные и неестественные черты гибридного идиота и странной рыбы из отдаленного озера, которая в конце концов мстит за убийство своего двуногого родственника. В поздние работы мистер Кобб вводит научный элемент, как, например, в рассказ о наследственной памяти, в котором современный человек с негритянскими предками произносит слова на языке африканских джунглей, когда его калечит поезд в обстоятельствах, напоминающих те, в которых его черного предка сто лет назад покалечил носорог.

Очень высоко в художественном смысле стоит роман «Черная комната» (1927) покойного Леонарда Клайна¹¹⁰. В нем рассказывается о человеке, который — с характерной амбициозностью героя-негодяя готического или байронического типа — бросает вызов природе, желая воссоздать целиком свою прошлую жизнь с помощью ненормальной стимуляции памяти. Для этого он использует любые записи, мнемонические приемы, картины — наконец, запахи, музыку и экзотические лекарства. В итоге он выходит за пределы собственной жизни и достигает черных пропастей наследственной памяти — вплоть до дочеловеческой эпохи, когда существовали лишь покрытые паром топи каменноугольного периода, и до совсем невообразимых глубин первичного времени и пространства. Он призывает себе на помощь еще более странную музыку и принимает еще более странные лекарства, и в конце концов его пугается даже его огромный пес. От него начинает исходить нечеловеческий запах, и он становится безликим недочеловеком, после чего бежит в лес и воет по ночам под окнами. Когда его находят в лесу, он искалечен и мертв, а рядом лежит искалеченный труп пса. Они убили друг друга. Атмосфера в этом романе по-настоящему

жуткая, и много внимания уделено жуткому дому центрального персонажа. Менее продуманное и сбалансированное, но тем не менее очень убедительное сочинение Герберта Ш. Гормана¹¹¹ «Место, названное Дагон» повествует о темной истории Западного Массачусетса, где потомки людей, бежавших из Салема, все еще поддерживают традицию нездоровых и выродившихся ужасов черного шабаша.

Великолепна атмосфера ужаса в «Жутком доме» Лиланда Холла¹¹², однако впечатление снижается из-за банального романтизма автора. Весьма примечательны в своем роде некоторые концепции автора романов и рассказов Эдварда Лукаса Уайта¹¹³, который берет свои темы в основном из реальных снов. Странности в «Песне сирены» очень жизненны, а «Лукунду» и «Морда» пробуждают темный страх. Мистер Уайт вводит в свои рассказы одну особенность — косой свет, который придает убедительность его описаниям. Из молодых американцев никто не передает космический ужас лучше калифорнийского поэта, художника и прозаика Кларка Эштона Смита¹¹⁴, чьи причудливые рисунки, картины, рассказы доставляют удовольствие немногочисленной чуткой аудитории. Для фона мистер Смит берет пространства отдаленного и парализующего страха — заросли ядовитых и переливчатых растений на пустошах Сатурна, странные грозные храмы в Атлантиде, Лемурии и древних забытых мирах, болота со смертельными грибами в потусторонних странах за пределами земли. Его самая длинная и претенциозная поэма «Любитель гашиша» написана белым стихом и рассказывает о хаотических и неправдоподобных пространствах где-то между звездами из калейдоскопического ночного кошмара. В откровенно демонических странностях и разнообразии замыслов мистеру Смигу как будто нет равных среди умерших и живых писателей. Кто еще видел такие роскошные, великолепные, путанные сны о бесконечных пространствах и множествах измерений, да еще умел рассказать о них? Его рассказы насыщены другими галактиками, мирами, измерениями, но и странными земными ареалами и временами. Он повествует о древней Гиперборее и ее черном бесформенном боге Тсатоггуа, об исчезнувшем континенте Зотике и о мифической проклятой, населенной вампирами земле Аверони в средневековой Франции. Некоторые из лучших произведений мистера Смита можно найти в небольшом сборнике, озаглавленном «Двойная тень и другие фантазии» (1933).

Глава 9

Традиция сверхъестественного на Британских островах

Британская литература последнего времени, имея трех-четырёх величайших фантастов современности, была чрезвычайно плодотворна и на литературу о сверхъестественном. Довольно часто за сверхъестественное брался Редьярд Киплинг¹⁵, который, несмотря на вездесущую манерность, великолепно справлялся с темой в таких бесспорных шедеврах, как «Фантом Рикшоу», «Лучшая история в мире», «Второе появление Имрэя», «След зверя». Последний особенно пронизателен. Читатель наверняка не забудет изображений обнаженного священника, больного проказой и мычащего, как выдра; пятен, которые появляются на груди человека, проклятого священником; растущей плотоядности жертвы и праха, который начинают испытывать к нему лошади; постепенного превращения жертвы в леопарда. Финальное поражение злого колдуна не портит рассказ и не мешает его таинственному сюжету. Лафкадио Хирн¹⁶, странный, мечущийся, экзотичный, уходит еще дальше от ареала реального и с великолепным искусством чуткого поэта плетет фантазии, невозможные для автора, любящего толстые ростбифы. В его «Фантазиях», написанных в Америке, есть упыри, которых больше ни у кого не встретишь; тогда как его «Квейден», написанный в Японии, с беспримерным мастерством и утонченностью запечатлевает волшебные легенды и сказки этой удивительно богатой красками страны. Колдовство языка Хирна проявилось также и в его переводах с французского, в первую очередь произведений Готье и Флобера. Его версия «Искушений святого Антония» Флобера является классическим изображением воспламененной и буйной фантазии, облаченной в магию поющих слов.

Оскар Уайльд, несомненно, занимает место среди писателей, посвятивших себя сверхъестественному, благодаря

и своим изысканным сказкам, и роману «Портрет Дориана Грея», в котором диковинный портрет в течение многих лет стареет вместо человека, погрязающего тем временем во всех возможных пороках и преступлениях, но не теряющего юную красоту и свежесть. Неожиданная и мощная кульминация наступает, когда Дориан Грей, став убийцей, хочет уничтожить портрет, ибо перемены на нем выдают моральную деградацию владельца. Он кромсает портрет ножом, потом слышны страшные крики, что-то падает, и, когда на другой день приходят слуги, они обнаруживают портрет во всем его первоначальном великолепии. «На полулежал мертвый старик в смокинге и с ножом в сердце. Он был седой, морщинистый, жалкий на вид. Лишь обратив внимание на перстни на его пальцах, слуги поняли, кто это».

Мэтью Фипс Шил¹¹⁷, автор многих романов и рассказов о сверхъестественном, преувеличенном, приключенческом, иногда достигает высокого уровня в жанре литературы ужаса. «Кселуча» — на редкость жуткий фрагмент, но гораздо лучше бесспорный шедевр мистера Шила «Дом звуков», написанный витиевато в «желтые девяностые» годы и переделанный в более сдержанном ключе в начале двадцатого столетия. Эта история в окончательном виде заслуженно занимает место среди лучших произведений своего жанра. Она рассказывает о подкрадывающемся ужасе и угрозе, произнесенной в давние века на приарктическом острове у берегов Норвегии, где, несмотря на дьявольские ветры, адские волны и сильные ливни, мстительный старик построил зловещую бронзовую башню. Рассказ отдаленно напоминает, хотя в нем много отличий, «Падение дома Ашера» Эдгара По. В романе «Фиолетовое облако» мистер Шил с поразительной силой описывает проклятие, которое пришло из арктической стужи, чтобы погубить человечество, и со временем оставившее на планете всего одного жителя. Чувства этого человека, когда он понимает, в каком положении оказался, и его скитания в качестве хозяина планеты по городам с валяющимися повсюду трупами и доступными богатствами переданы с искусством, которому всего немного недостает до настоящего волшебства. К сожалению, вторая часть книги с ее банальным романтизмом очень уступает первой.

Гораздо шире, чем Шил, известен Брэм Стокер¹¹⁸, создавший много воистину ужасных сюжетов в серии романов, бедный

стиль которых снижает их возможный эффект. В «Логовище белого червя», в котором речь идет о гигантском примитивном существе, живущем под древним замком, инфантильный сюжет почти губит великолепный замысел. «Драгоценность из семи звезд» — о странном египетском воскрешении из мертвых, — кажется, получше. Но самый удачный и знаменитый «Дракула», который стал едва ли не знаменем для современных эксплуататоров ужасного мифа о вампирах. Граф Дракула, вампир, обитает в страшном замке в Карпатах, но потом переезжает в Англию, имея целью населить страну вампирами. То, как англичанин живет среди ужасов Дракулы и как в конце концов проваливается замысел мертвого злодея — две темы, объединенные для создания произведения, занявшего постоянное место в анналах английской литературы. «Дракула» породил множество подобных ему романов о сверхъестественном ужасе, среди которых лучшие, вероятно, «Жук» Ричарда Марша¹¹⁹, «Дети королевы-колдуньи» «Сакса Ромера» (Артура Сарсфилда Варда) и «Дверь в сверхъестественное» Джеральда Блисса. В последнем сочинении довольно ярко изложено суеверие, связанное с оборотнями. Тоньше и искуснее роман «Холодный причал» Фрэнсиса Брега Янга, в котором с очевидным мастерством изложены сопоставляемые рассказы нескольких персонажей и убедительно описан старинный зловещий дом. Пародийный и всемогущий злодей Хамфри Ферниваль напоминает тип Манфреда-Монтони, то есть раннеготического «негодяя», но не кажется банальным в окружении многих умных персонажей. Лишь легкая путаница в объяснении под конец и слишком свободное пользование предсказаниями, влияющими на сюжет, делает это произведение не совсем совершенным.

В романе «Ведьминский лес» Джон Бьюкен¹²⁰ с великолепной силой описывает возрождение кошмарного шабаша в отдаленном районе Шотландии. Описание черного леса со зловещим камнем и ужасных космических предзнаменований, воздаст, когда ужас наконец побежден, сторицей тому, кого не испугают замедленное действие и обилие шотландских слов. Некоторые из рассказов мистера Бьюкена на редкость яркие и жизнеподобны в описании потустороннего; «Зеленая антилопа-гну», рассказ об африканском колдовстве, «Ветер на крыльце», возрождающий британско-романские ужасы, «Скул Скерри» — об арктическом ужасе — особенно хороши.

Клименс Хаусмен¹²¹ в лаконичной новелле «Оборотень» добивается высокой степени жуткого напряжения, в какой-то степени сравнимого даже с фольклорным. В «Эликсире жизни» у Артура Рэнсома¹²² есть несколько великолепных кусков, хотя сюжет в целом наивен, а «Тень» Г. Б. Дрейка показывает неведомые и ужасные пространства. «Лилит» Джорджа Макдоналда¹²³ являет неотразимые и оригинальные чудеса, причем первая и более простая из двух версий как будто убедительнее.

Заслуживает внимания и замечательный мастер, для которого невидимый загадочный мир — близкая и живая реальность: поэт Уолтер де ла Мар¹²⁴, чья волшебная поэзия и несравненная проза одинаково имеют дело со странными видениями, открывающими нам неведомые миры красоты и ужаса, а также запретные измерения жизни. В романе «Возвращение» речь идет о душе мертвого уже два столетия человека, которая освобождается из могилы и прицепляется к людям, меняя даже облик жертвы, так что она становится похожей на того, кто уже давно обратился в прах. Из рассказов, составляющих несколько сборников, многие незабываемы благодаря тому, как в них описаны самые черные последствия ужаса и колдовства; особенно это касается «Тетушки Ситона», в котором задействован зловещий вампиризм; «Дерева», рассказывающего об ужасном растении в саду умирающего от голода художника; «Из глубин», где нам дана возможность самим вообразить, кто ответил умирающему расточителю в темном пустом доме, когда он потянул за шнур страшного колокольчика на чердаке своего заселенного кошмарами детства; «Затворника», в котором есть лишь намек на то, что погнало ночью из дома случайного гостя; «Мистера Кемпа» — о сумасшедшем отшельнике, который находится в поиске человеческой души, обитая в страшном скалистом районе возле давно заброшенной церкви; «Дня Всех Святых» — о демонических силах, захвативших одинокую средневековую церковь и странным образом восстанавливающих прогнившие стены. Де ла Мар не делает страх единственным или доминирующим элементом в своих рассказах, гораздо более интересуясь тонкостями характера своего персонажа. Иногда он все же дает волю причудливым фантазиям в духе Барри. Де ла Мар принадлежит к тем немногим, для которых нереальное присутствует рядом как яркое и живое; и он способен добиться такого от своих случайных опытов в жанре литературы ужаса, что по плечу

редкому мастеру. Его стихотворение «Слушатели» возвращает готический кошмар в современную поэзию. В последнее время рассказов о сверхъестественном становится все больше, и большой вклад в этот жанр был сделан многосторонним Э. Ф. Бенсоном¹²⁵, чей рассказ «Человек, который зашел слишком далеко» словно шепотом повествует о доме на опушке темного леса и об оставленном копытом Пана следе на груди мертвеца. «Видимое и невидимое», сборник рассказов мистера Бенсона, содержит несколько историй исключительной силы; например, «Negotium Perambulans», в котором ужасное чудовище с древней церковной доски исполняет акт таинственного мщения одинокой деревушке на Корнуоллском побережье; и «Рог ужасов», который зовет страшного недочеловека, обитающего на недоступных альпийских вершинах. «Лицо», в другом сборнике, очень сильный рассказ благодаря созданной автором атмосфере ужаса. Герберту Р. Уэйкфилду¹²⁶ в сборниках «Они возвращаются вечером» и «Те, которые возвращаются» удастся подниматься к высотам, несмотря на мешающее ощущение всезнания автора, Лучшие рассказы — «Красный домик» с его липким кошмаром, «Он приходит и уходит», «И он будет петь», «Пирамида», «Погляди туда», «Кожа слепого» и «Семнадцатая дыра в Данкастере» с чуточкой скрытого тысячелетнего ужаса. Мы упоминали о сочинениях, посвященных сверхъестественному, Г. Д. Уэллса и А. Конан Доила. Первый в «Страшном призраке» достигает очень высокого уровня, но и во всех из «Тридцати странных рассказов» очень силен фантастический элемент. Доил тоже умел убедительно сыграть на сверхъестественном, как, например, в «Капитане «Полярной звезды», рассказе об арктических призраках, и «Лоте No249», где с большим мастерством разыграна тема реанимированной мумии. Хью Уолпол¹²⁷, из той же семьи, что и основатель готической литературы, иногда с большим успехом справляется со сверхъестественным, и его рассказ «Миссис Лант» внушает неподдельный ужас. Джон Меткаф в сборнике, названном «Дымящаяся нога», время от времени демонстрирует редкую силу, а судя по рассказу «Плохие земли», у автора редкий талант в работе со сверхъестественным. Более веселые и приближающиеся к приятной безобидной фантазии сэра Д. М. Барри¹²⁸ рассказы Э. М. Форстера, объединенные под заголовком «Небесный омнибус». Из них лишь один, имеющий отношение к Пану и ауре ужаса, может быть соотнесен с кос-

мическим ужасом. Миссис Г. Д. Эверет, хотя и тяготеет к очень старым и банальным моделям, иногда достигает уникальных высот сверхъестественного ужаса в сборнике рассказов «Маска смерти». Л. П. Хартли¹²⁹ известен своим язвительным и очень неприятным рассказом «Гость из глубин». «Страшные рассказы» Мэй Синклер¹³⁰ традиционного оккультного толка, в них нет творческого развития темы ужаса, что определяет степень мастерства в данном жанре. Ее больше интересуют человеческие чувства и психологический анализ, нежели феномен нереального космоса. Заметим, кстати, что сторонники оккультизма, как правило, менее, чем материалисты, сильны в создании потустороннего и фантастического, поскольку для них фантомный мир обыкновенная реальность и они относятся к нему без особого страха, отчего не умеют произвести такое впечатление, как те, кто видят в нем абсолютную и страшную угрозу естественному порядку. Довольно неровный с точки зрения стиля, но иногда очень мощный в описании других, находящихся за пределами обыденной реальности миров и существ — Уильям Хоуп Ходжсон¹³¹, известный сегодня гораздо хуже, чем он того заслуживает. Несмотря на тяготение к банальной сентиментальной концепции вселенной и отношения к ней человека, Ходжсон, скорее всего, уступает лишь Алджернону Блэквуду¹³² в описании потустороннего. Немногие могут соперничать с ним в искусстве как бы ничего не значащих деталей или случайных намеков на безымянные и чудовищные силы, обитающие неподалеку, а также в передаче ощущений, возникающих от близости потустороннего и сверхъестественного. Разнообразные зловещие чудеса и неведомые земли явлены тем, кто сумел спастись с затонувшего корабля, в «Кораблях Глен Карриг» (1907). Очевидная угроза в первой части книги описана великолепно, хотя потом заметен спад в сторону банального приключенческого романа. Не очень аккуратное и псевдоромантическое повествование в стиле восемнадцатого столетия снижает общее впечатление, однако очевидная морская эрудиция автора несколько компенсирует недостатки.

«Дом на границе» (1908), вероятно, лучшее из всего написанного мистером Ходжсоном, рассказывает об одиноком и зловещем доме в Ирландии, в котором сошлись страшные силы внеземного мира и аномальные силы тайных земных бездн. Скитания духа Повествователя сквозь неисчислимые световые годы



Абрахам «Брэм» Стокер (1847–1912) — ирландский писатель, романист и автор коротких рассказов, театральный критик. Наиболее известен как автор готического романа ужасов 1897 года «Дракула».

«Как счастливы те, жизнь которых проходит без страха, без ужасов, для которых сон является благословением ночи и не доставляет ничего, кроме сладких сновидений»

(Б. Стокер «Дракула»)

по космическим пространствам и кальпам вечности, наблюдения за гибелью Солнечной системы — нечто уникальное в современной литературе. К тому же автор в состоянии убедительно описать неясный, как бы засевающий в осаде ужас, угрожающий нашей реальной жизни. Не будь в книге нескольких сентиментальных банальностей, она бы стала чистой воды классикой.

Роман «Призрачные пираты» (1909), рассматриваемый мистером Ходжсоном как последняя часть трилогии, в которой две первые части представлены упомянутыми выше романами, — внушительное описание последнего плавания странного корабля и жутких морских чудовищ (квазичеловеческого вида, возможно это духи погибших пиратов), которые захватывают корабль и утаскивают неведомо куда. Временами описания достигают редкостной силы, если учесть морские знания автора и его умение подбирать намеки и происшествия, указывающие на скрытые в природе ужасы.

«Ночная страна» (1912) — очень длинное повествование (538 страниц) о бесконечно отдаленном, на миллионы и миллионы лет, будущем Земли после гибели Солнца. Оно несколько сумбурное: как бы сны человека из семнадцатого столетия, чей разум соединяется с разумом его следующего воплощения, но излишне многословное, грешащее повторами и нарочитой романтической сентиментальностью, а также архаикой, которая здесь еще более неуместна и нелепа, чем в «Глен Карриг».

Однако, несмотря на все недостатки, роман производит сильное впечатление благодаря уникальному черному воображению автора. Картина черной, как ночь, мертвой планеты, на которой еще живут потомки человеческой расы, сосредоточенные в огромной пирамиде, но которая захвачена чудовищными гибридными и неведомыми силами тьмы, незабываема для читателя: существа нечеловеческого и непредставимого вида — мародеры черного, запретного для людей и неисследованного мира вне пирамиды — отчасти описаны, отчасти оговорены намеками и производят сильное впечатление; но и ночной пейзаж с его безднами, горами и умирающими вулканами внушает явный ужас. Примерно в середине романа центральный персонаж покидает пирамиду и скитается по просторам, где миллионы лет не бывало человека — и в его неспешно, день за днем описываемом путешествии в немыслимой тьме есть ощущение космического ужаса, тайны, от которой захватывает дух, страшного ожидания, равно-

го которому не найти в произведениях других авторов. Последняя часть книги слишком затянута, однако не в силах испортить общее сильное впечатление.

Последняя книга мистера Ходжсона «Карнаки, охотник за призраками» состоит из нескольких повестей, опубликованных предварительно в разных журналах. По качеству она уступает другим книгам. Здесь присутствует более или менее банальный персонаж — «непогрешимый детектив», потомок М. Дюпена Шерлока Холмса и близкий родственник Джона Сайленса, созданного Алджерноном Блэквудом, переходящий из одного сюжета в другой в атмосфере профессионального оккультизма. Несколько эпизодов, однако, по-настоящему убедительны и напоминают об уникальном даре автора.

Естественно, в коротком эссе нельзя проследить все оттенки ужасного в современной классической литературе. Так или иначе элемент ужасного входит во все произведения, описывающие жизнь, как прозаические, так и логические; и поэтому нас не удивляет, когда мы находим его у поэта Браунинга, чей «Чайльд Роланд у башни черной» грозит бедой, или у Джозефа Конрада, который часто писал о черных тайнах моря и о демонической силе Рока, определяющей жизнь одиноких и маниакально непоколебимых людей.

У ужасного неисчислимо количество вариантов, но нам придется ограничить себя его проявлениями в относительно чистом виде, когда оно определяет произведение искусства или, по крайней мере, играет в нем не последнюю роль.

Немного наособицу, если говорить о британской литературе ужаса, развивается ее ирландская ветвь, которая пышно расцвела во время Кельтского возрождения в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков. В Ирландии сказки и легенды о призраках и волшебстве всегда были очень популярны, а в течение века их записывали, переводили и пересказывали такие преданные им литераторы, как Уильям Карлтон¹³³, Т. Крофтон Кроукер¹³⁴, леди Уайльд¹³⁵ — мать Оскара Уайльда, Дуглас Хайд¹³⁶ и У. Б. Йейтс¹³⁷. Вытащенная на свет Ирландским возрождением, эта часть национального фольклора была тщательно собрана и изучена; а ее самые яркие черты проявились потом в работах Йейтса, Д. М. Синга¹³⁸, «А Э.»¹³⁹, леди Грегори¹⁴⁰, Падрайка Колема¹⁴¹, Джеймса Стивенса¹⁴² и их коллег. В целом это, скорее, веселая фантастика, чем ужасная, но все же и фольклор, и авторские

произведения содержат в себе много такого, что является владением космического ужаса. Рассказы о захоронениях в затопленных волшебными озерами церквях, описания предсказывающих смерть банши¹⁴³ и жутких событий, баллады о призраках и «нечестивых жителях ратов» вызывают ужас и составляют впечатляющую часть литературы о сверхъестественном. Несмотря на провинциальную нелепость и абсолютную наивность, настоящий кошмар в прозе представлен в истории о Теге О'Кейне, в наказание за порочную жизнь целую ночь возившего на себе от кладбища к кладбищу страшный труп, который требовал захоронения, но везде получал отказ от мертвецов принять его в свои ряды. Йейтс, несомненно, самый выдающийся представитель Ирландского возрождения, если не всей современной поэзии, создал несколько очень интересных собственных произведений, не считая переложений старых легенд.

Глава 10

Современные мастера

Лучшие рассказы нашего времени в жанре литературы ужас унаследовав все ценное из довольно долго эволюционировавшие жанра, обладают естественностью, убедительностью, высокими художественными качествами, оставляющими далеко позади что-либо написанное в готическом жанре век или более века назад. За прошедшее время резко возросли техника, мастерство, опыт, познания в психологии, так что большинство давних работ кажутся наивным и претенциозным, что возмещается, если возмещается, лишь талантом, выходящим за рамки любых ограничений. Повествования о небылицах, изложенные бойким и напыщенным стилем, с ложной мотивацией, когда чуть ли не каждый эпизод фальшив и якобы романтичен, уже давно отошли к более легкому и веселому жанру литературы о сверхъестественном. Серьезные повествования о сверхъестественном или убедительны, как реалистические, благодаря своей насыщенности и верности Природе, за исключением одного сверхъестественного ответа сюжета, которое позволяет себе автор, или полностью

отданы на волю фантазии, отчего атмосфера в них адаптируется к требованиям утонченно экзотического мира или некоего нереального мира за пределами земли и времени, где все может произойти в соответствии с той или иной логикой воображения, присущего человеческому разуму. По крайней мере, такова главная тенденция, хотя конечно же многие из великих современных писателей иногда сбиваются на стиль незрелого романтизма или пустопорожний и нелепый жаргон псевдонаучного оккультизма, как раз теперь находящегося в стадии очередного прилива.

Из ныне живущих создателей космического ужаса, вознесенного на высочайшую художественную вершину, немногие, если вообще кто-то найдется, могут соперничать с разносторонним Артуром Мейченом¹⁴⁴, автором нескольких дюжин коротких и длинных рассказов, в которых элемент тайного ужаса и надвигающегося кошмара передан с несравненной реалистической точностью и живостью.

Мистер Мейчен, профессиональный литератор и мастер изысканной лирической и выразительной прозы, возможно, вложил излишнюю рассудочность в свои плутовские «Хроники Клеменди», яркие эссе, живые автобиографические книги, свежие и одухотворенные переводы и, более того, незабываемое эпическое повествование «Холмы грез» — о своих утонченных эстетических воззрениях. В нем юный герой откликается на волшебство древнего Уэльса, которому принадлежит и сам автор, и живет придуманной жизнью в римском городе Иска Силурум, превратившемся в деревушку Каирлеон-на-Уске. Однако факт остается фактом. Его мощные сочинения об ужасном начала девятисотых годов уникальны и определяют целую эпоху в истории жанра.

Мистер Мейчен с его впечатляющим кельтским наследием связан памятью детства с дикими куполообразными холмами, древними лесами и загадочными римскими руинами в Гвенте и создал воображаемую жизнь редкой красоты, насыщенности, исторической обоснованности. Он впитал в себя средневековую тайну темных лесов и древних обычаев и защищает Средние века во всей их полноте — вплоть до католической веры. Точно так же он поддался колдовству британо-римской жизни, которой когда-то жил его край, и находит странную магию в укрепленных лагерях, мозаичных полах, фрагментах статуй и еще сотне

вещей, рассказывающих о тех днях, когда властвовал классицизм и латинский язык был языком его родины. Молодой американский поэт Фрэнк Белкнап Лонг¹⁴⁵ отлично рассказал о богатом содержании и волшебном стиле этого мечтателя в сонете «Читая Артура Мейчена»:

Как славен лес осеннею порой,
Тропинки древние в горах петляют,
Между дубрав волшебных убегают
Туда, где вал построен крепостной.
Сверкает ярко солнце в небесах,
И облака в его огне краснеют,
И на земле деревья пламенеют —
Тоска смертельная стоит в лесах.
Я жду, когда поэт из кельтских стран
Расскажет в книге об орлах имперских
И северных делах легионерских,
Мне явленных сквозь золотой туман.
Я жду, чтоб мудрость разделить его
И горе, что из древности пришло.

Из работ мистера Мейчена в жанре литературы ужаса, наверное, самая знаменитая — «Великий бог Пан» (1894), в которой рассказывается об удивительном и ужасном эксперименте и его последствиях. Молодая женщина благодаря операции на головном мозге обретает способность видеть гигантское и чудовищное божество Природы, отчего сходит с ума и умирает меньше чем через год после операции. Спустя много лет странная, жутковатая и не похожая на местных детишек Элен Воан объявляется в сельском Уэльсе и как-то странно бродит по лесам. Маленький мальчик сходит с ума, увидев кого-то или что-то, когда следит за ней, а потом примерно такое же ужасное наказание постигает юг девушку. Эта тайна странно связана с римскими сельскими богами, обитавшими в тех местах и известными по фрагментам античных статуй. Проходит еще сколько-то лет, и в обществе появляется женщина необычной, экзотической красоты, которая до смерти пугает своего мужа, заставляет художника писать немыслимые картины ведьминских шабашей, насылает эпидемию самоубийств на мужчин в своем окружении и в конце концов становится известной как частая посетительница лондонского

дна, где даже самые погрязшие в пороках вырожденки потрясены ее гнусностями. Благодаря пронизательному сопоставлению высказываний тех, кто знал эту женщину в разное время, становится понятно, что она и есть та самая девочка Элен Воан, которая является дочерью — не от смертного мужчины — той самой молодой женщины, мозг которой подвергся операции. Она — дочь бога Пана и в конце концов умирает в результате бесконечных перевоплощений, включая пол тоже, и извращения изначального закона жизни.

Очарование этого повествования трудно передать. Никто еще не описывал беспредельный ужас, которым пронизаны все от первого до последнего параграфы, как мистер Мейчен, постепенно раскрывающий смысл своих намеков и наблюдений. Мелодрамы он не избежал, да и совпадений у него немало, которые кажутся нелепыми при более тщательном анализе, однако это сущая безделица в сравнении со зловещим ведьмовством повествования в целом, и чуткий читатель подойдет к последним фразам с понятным страхом и желанием повторить слова одного из персонажей «Это слишком неправдоподобно, слишком чудовищно; ничего такого не должно быть в нашем спокойном мире... Нет, приятель если это возможно, жизнь на земле станет кошмаром».

Менее знаменитой и менее целостной, чем «Великий бог Пан», но гораздо более выдержанной в создании атмосферы и выше по художественным достоинствам стала любопытная и тревожная хроника «Белые люди», в основе которой дневник или записки маленькой девочки, которую няня познакомила с запретным колдовством и убивающими душу обычаями зловещего ведьминского культа — того культа, слухи о котором крестьяне передают из уст в уста по всей Западной Европе. Его члены иногда убегают один за другим в лесную чащу или на пустошь ради отвратительных оргий ведьминских шабашей. Повествование мистера Мейчена, триумф мастерского отбора и сдержанности, аккумулирует невиданную силу по мере продолжения детского лепета с упоминанием странных «нимф», «куколок», «белых, зеленых, алых обрядов», «букв Акло», «языка Чиан», «игр Мао» и так далее, ребята, о которых няня узнала от своей бабушки-колдуньи, она учит трехлетнего ребенка, и безыскусное описание страшных тайн содержит в себе ужас, смешанный с печалью. Злые чары, отлично известные антропологам, описываются с детским простодушием. В конце концов, зимним вечером, ребенок совершает колдов-

ское путешествие к старым валлийским холмам, и это колдовство придает нетронутой природе волшебство, странность, абсурдные чувства. Подробности путешествия показаны с поразительной живостью, и даже самый строгий критик признает в повествовании шедевр фантастической прозы, с невероятной силой передающий скрытый ужас и космическую аберрацию. В конце концов ребенок, которому уже исполнилось тринадцать лет, находит в темной чаще нечто таинственное и гибельно-прекрасное. В итоге девочкой завладевает ужас, как предсказано в прологе, но она вовремя принимает яд. Подобно матери Элен Воан в «Великом боге Пане», девочка встретила страшное божество. Ее находят мертвой в черном лесу рядом с непонятной вещью, которую она отыскала; эта вещь — светящаяся белым светом статуя римской работы, с которой связаны страшные слухи Средневековья и которую теперь разбивают в пыль.

В романе «Три обманщика», чье значение до некоторой степени снижено подражанием весельчаку Стивенсону, есть несколько повествований, которые соответствуют высокому уровню мастерства Мейчена как создателя ужаса. Здесь мы находим выраженную в наиболее зрелой форме любимую мысль автора о том, что под горами и скалами дикого Уэльса живет примитивный низкорослый народ, чьи следы дают основания для многочисленных легенд о феях, эльфах и «маленьком народце». Иногда они виноваты в неожиданных исчезновениях людей и подмене нормальных детей странными темноволосыми созданиями. Эта тема великолепно изложена в эпизоде, названном «Повествование о черной печати», в котором профессор, открыв сходство некоторых знаков на валлийских скалах и на доисторической черной печати из Вавилона, делает еще несколько открытий, ведущих его в направлении неведомого и ужасного. Странное описание, сделанное географом Солинусом в далекой древности, несколько непонятных исчезновений в безлюдных местах Уэльса, дегенерат, родившийся у матери в сельском районе после того, как она испытала потрясший ее до глубины души ужас, — все это профессор связывает в единую цепочку, которая может вызвать страх и отвращение у любого, кто доброжелательно и с уважением относится к человеческой расе. Он берет к себе мальчика-идиота, который иногда разговаривает странным шипящим голосом и подвержен эпилептическим припадкам. Однажды, после ночного припадка в кабинете профессора, там обнаруживаются

неприятные запахи и другие свидетельства чужеродного присутствия, а вскоре профессор оставляет объемистый документ и идет, чего-то ожидая и панически боясь, к колдовским холмам. Оттуда он не возвращается, но рядом с фантастическим камнем в дикой стороне находят его часы, деньги и кольцо, связанные и завернутые в пергамент, на котором начертаны те же страшные знаки, что и на черной вавилонской печати, и на камне среди валлийских гор. Объемистый документ объясняет достаточно, чтобы заподозрить самое страшное. Профессор Грегг, сопоставив многочисленные исчезновения в Уэльсе, надпись на камне, описание древнего географа и черную печать, сделал вывод, что ужасная раса смуглых существ с незапамятных времен живет под холмами безлюдного Уэльса. Он разгадал послание на черной печати и доказал, что мальчик-идиот, сын куда более могущественного, чем обычный человек, отца, унаследовал чудовищные воспоминания и возможности. В ту странную ночь в своем кабинете профессор с помощью черной печати призвал «ужасное превращение холмов» и пробудил в идиоте ужасы отцовского наследства. Он «видел, как его тело раздулось, словно пузырь, а лицо почернело...». Потом проявились нечеловеческие последствия, и профессор Грегг познал космический ужас в его самой страшной форме. Ему предстали жуткие пропасти, и он, подготовленный этим, отправился туда, где были дикие горы. Он собирался встретиться с «маленьким народцем», и его документ заканчивается такой фразой: «Если случится так, что я не вернусь, то не имеет смысла рассказывать сейчас о моей ужасной судьбе».

В «Трех обманщиках» есть «Рассказ о белом порошке», в котором достигается абсолютная кульминация жуткого страха. Фрэнсис Лестер, молодой студент юриспруденции, испытывает нервный срыв из-за уединенного образа жизни и переутомления и покупает некое снадобье у аптекаря, не очень-то внимательного к своим лекарствам. Как потом выясняется, в снадобье есть соль, которая в зависимости от времени и температуры меняет свои безобидные свойства на самые ужасные; короче говоря, из нее получается средневековый *vinum sabbati*, который принимали во время оргий на ведьминских шабашах ради жутких перевоплощений и — если принимали неправильно-невыразимых последствий. Ни о чем не подозревая, юноша регулярно разводит белый порошок в стакане воды и пьет после еды, и поначалу порошок как будто идет ему на пользу. Но постепенно его ожившая

душа начинает требовать развлечений; он много времени проводит вне дома и очень сильно меняется психологически. Однажды у него на правой руке появляется странное мертвенно-бледное пятно, и он возвращается к своему уединению; в конце концов вовсе перестает выходить из комнаты и никого к себе не пускает. Вызванный врач покидает дом в ужасе, говоря, что он ничем не может помочь. Через две недели сестра больного, прогуливаясь снаружи, видит в окне запертой комнаты чудовищное существо, а слуги сообщают, что еда, оставленная у дверей, остается нетронутой. Переговоры через закрытую дверь ни к чему не приводят, разве что глухой голос просит всех уйти. Наконец, дрожащая служанка сообщает нечто ужасное. Потолок в комнате, которая расположена под комнатой Лестера, покрыт жуткой черной слизью, а на кровати целая лужа этой нечисти. Доктор Габерден, вынужденный прийти еще раз, ломает дверь в комнату юноши и без остановки бьет железной палкой обнаруженное там полуживое существо, которое представляет собой «черную вонючую массу, не твердую и не жидкую, разлагающуюся на глазах, меняющуюся и растекающуюся». Горящие точки посередине напоминают глаза, и, прежде чем умереть, существо поднимает нечто вроде руки. Вскоре врач, не в силах забыть то, что он видел, умирает на пути в Америку, где он намеревался начать новую жизнь.

Мистер Мейчен возвращается к демоническому «народцу» в «Красной руке» и «Сверкающей пирамиде»; и в «Ужасе», истории военного времени, он, сохраняя убедительную таинственность, пишет о том, как сказывается отказ современного человека от духовности на земных тварях, которые начинают сомневаться в его превосходстве и объединяются ради его уничтожения. Весьма изысканная и переходящая от ужаса к настоящей мистике — история о Граале под названием «Великое возвращение», написанная тоже во время войны. Слишком хорошо известен, чтобы еще что-то о нем говорить, рассказ «Лучник», который вновь и убедительно вызывает к жизни популярную легенду об «ангелах Монса» — призраках английских лучников, сражавшихся при Креси и Азенкуре, которые в 1914 году пришли на помощь тесным полкам «старых негодяев» Англии. Менее напористый, чем мистер Мейчен, в передаче беспредельного ужаса, однако гораздо более тяготеющий к идее о том, что потусторонний мир постоянно влияет на наш мир, — вдохновенный и плодovitый Алджернон Блэквуд, среди многочисленных и неровных работ которо-

го есть великолепные образцы в жанре литературы ужаса. Даже речи не может идти о сомнениях в даровании мистера Блэквуда, ибо еще никто с таким искусством, серьезностью и детальной точностью не передавал обертоны некоей странности в обычных вещах и происшествиях, никто со столь сверхъестественной интуицией не складывал деталь к детали, чтобы вызвать чувства или ощущения, помогающие преодолеть переход из реального мира в нереальный мир или в видения. Не очень владея поэтическим колдовством, он все же является бесспорным мастером сверхъестественной атмосферы и умеет облечь в нее даже самый обыкновенный психологический фрагмент. Лучше других он понимает, что чувствительные утонченные люди всегда живут где-то на границе грез и что разницы между образами, созданными реальным миром и миром фантазий, нет почти никакой. Менее значительные работы мистера Блэквуда портят морализаторство, случающиеся безвкусные украшения, упрощенность сверхъестественного, когда оно благожелательно к людям, и использование расхожего жаргона современного оккультизма. Недостатком его более серьезных работ является многословность, причина которой в чрезмерной сложности замысла, воплощению которого мешает несколько прямолинейный журналистский стиль, лишенный магии, цвета, живости, ведь таким стилем не передашь некоторые ощущения, тем более нюансы сверхъестественного. Но, несмотря на все это, главные произведения мистера Блэквуда достигают классического уровня и пробуждают, как никакие другие, страх перед огромностью чужеродных сфер и чужеродного бытия. Почти бесконечное число работ мистера Блэквуда включает и романы, и рассказы, причем рассказы иногда бывают совершенно независимыми, а иногда объединенными в серии. В первую очередь надо упомянуть «Ивы», где парочка путешественников, к своему ужасу, сталкивается с неведомыми существами, живущими на островке на Дунае. Здесь строгое искусство мистера Блэквуда достигает своих высот, и впечатление создается повествованием без единого лишнего параграфа и единой фальшивой ноты. Еще одно сильное, но не выдержанное до конца сочинение — «Вендиг», где нам показывают ужасные свидетельства существования лесного демона, о котором по вечерам шепчутся дровосеки Северных лесов. То, как некоторые следы рассказывают о невероятных вещах, воистину триумфальное достижение мастера. В «Случае в арендованном доме» нас пугают

некие страшные существа, вызванные колдуном из черного пространства, а «Слушатель» рассказывает об ужасном психическом наследстве человека, умершего в старом доме от проказы. В сборнике «Невероятные приключения» есть несколько рассказов, которые можно считать лучшими из до сих пор написанных автором, в которых речь идет о диких ночных обрядах на вершинах холмов, о тайном и ужасном, существующем в реальной природе, о немыслимых безднах под египетскими песками и пирамидами; все это написано со вкусом и пониманием, а ведь будь автор чуть грубее — и его повествование могло бы вызвать лишь смех. Некоторые из включенных в книгу произведений вряд ли можно назвать рассказами, или историями, скорее это исследования в области неуловимых впечатлений и полузабытых снов. Сюжет не столь важен, ибо здесь царство атмосферы.

«Джон Сайленс — непревзойденный врач» — книга, состоящая из пяти повестей, в каждой из которых триумфально выступает один персонаж. Несколько снижают уровень этой прозы черты популярной детективной истории, ибо доктор Сайленс принадлежит к тем добрым гениям, которые используют свои замечательные способности во благо достойных людей, попавших в беду, но все равно среди этих повестей есть прекрасные работы, выразительные и живые. Первая повесть «Психическое нашествие» рассказывает о том, что поразило чуткого автора в доме, в котором когда-то творились черные дела, и об уничтожении множества демонов. «Древние чары», наверное, лучшая повесть в этой книге, дает почти завораживающе жизненное описание старого французского города, где как-то раз все жители в обличье кошек принимали участие в нечестивом шабаше. В «Огненной Немезиде» некое ужасное существо появляется из свежeproлитой крови, а в «Тайном культе» речь идет о немецкой школе, в которой процветал сатанизм и еще долго сохраняется зловещая атмосфера. «Собачья стоянка» — повесть об оборотне, однако подпорченная морализаторством и оккультизмом. Слишком утонченные для жанра литературы ужаса, но по-настоящему значительные как произведения художественной литературы в целом такие изысканные фантазии, как «Джимбо» и «Кентавр». Мистер Блэквуд достигает в этих романах максимального приближения к неуловимой субстанции грезы и производит настоящие разрушения на принятых границах между реальностью и вымыслом.

Непревзойденным в создании чистой поющей прозы, а также в создании великолепного душевного мира радужных экзотических видений был и остается Эдвард Джон Мортон Драке Планкетт¹⁴⁶, восемнадцатый барон Дансейни, чьи рассказы и коротенькие пьесы составляют, по сути, уникальное явление в нашей литературе.

Лорд Дансейни принадлежит странному миру фантастической красоты и навсегда отдан борьбе с грубостью и уродством повседневности. Его точка зрения по-настоящему космическая, даже если сравнивать его произведения с литературными произведениями не только настоящего, но и прошлого. Он, так же, как По, чуток к драматическому элементу прозы и понимает важность отдельных слов и деталей, но гораздо лучше экипирован с точки зрения риторики, ибо сумел выработать простой лирический стиль на основе Библии короля Иакова, и с поразительной убедительностью вложил свою лепту чуть ли не во все европейские мифы и легенды, творя сложный, или эклектичный, фантастический цикл, в котором на равных, не ущемляя друг друга, в идеальной гармонии соединены европейская палитра, эллинистическая форма, тевтонская мрачность и кельтская тоска. В большинстве случаев Дансейни придумывает свои страны — «за Востоком» или «на краю мира». Его система оригинальных имен и названий, которая укоренена в классической, восточной или другой почве, великолепна своей многозначностью и поэтичностью: Аргимен, Бефмоора, Полтарнис, Каморак, Илюриэль, Сардатрион.

Скорее красота, чем ужас — лейтмотив творчества Дансейни. Ему нравится живой зеленый цвет жадеита и медных куполов и изысканное сияние закатных лучей солнца на слоновой кости минаретов в придуманных им городах. Юмор и ирония довольно часто соединяются с некоторым цинизмом, и о его вещах не скажешь, что они наивны. Как мастер триумфальной нереальности, он не может избежать космического ужаса, который позволяет нам назвать его автором литературы ужаса. Дансейни нравится хитро и ловко намекать на чудовищные вещи и неслыханные своды, как это делается в волшебной сказке. В «Книге чудес» мы читаем о Хло-Хло, гигантском идоле-пауке, который не все время проводит дома; и о том, что пугает Сфинкса в лесу; и о воре Слите, который прыгает с края земли, увидев свет и зная, кто зажег его; и о гибеллинах-людоедах¹⁴⁷, которые живут

в зловещей башне и охраняют сокровище; и о гнолах¹⁴⁸, которые живут в лесу и от которых не так-то легко улизнуть; о городе Никогда и глазах, которые следят за всем из Глубин; и о многом другом. «Рассказы мечтателя» рассказывают о тайне, которая изгнала мужчин Бефмооры в пустыню; об огромных воротах Пердондариса, выточенных из единого куска слоновой кости; о путешествии несчастного старого Билла, чей капитан проклял команду и посещал отвратительные острова, чуть ли не на глазах поднимавшиеся из моря, на которых стояли зловещие домишки с жуткими невиданными окнами.

Многие из пьес Дансейни насыщены сверхъестественным ужасом. В «Богах гор» семеро бродяг заявляют о себе как о воплощениях зеленых идолов на дальней горе и наслаждаются роскошью и почетом в городе, где почитают этих идолов, пока там не узнают, что настоящие идолы покинули свое место. О весьма нескладном зрелище им сообщили в сумерках — «гора не должна гулять вечером»; и в конце концов, когда они ждут трупку танцоров, то обращают внимание, что те идут как будто тяжелее, чем ходят танцоры. Действие продолжается, и самонадеянных нечестивцев превращают в зеленые жадеитовые статуи те самые шагающие статуи, на чью святость они посягнули. Однако сюжет не самое большое достоинство этой замечательной и убедительной пьесы. Все эпизоды выписаны с потрясающим мастерством, так что целое представляет собой один из важнейших вкладов современности не только в драматургическую литературу, но и в литературу вообще. «Ночь в таверне» рассказывает о четырех ворах, которые украли изумрудный глаз Клеша, чудовищного индуистского бога. Они увлекают в свою комнату и убивают трех священнослужителей, которые должны были им отомстить и напали на их след, однако ночью Клеш сам приходит за своим глазом, забирает его и уходит, вызывая каждого из воров во тьму для неизвестного наказания. В «Смехе богов» показан обреченный город, который находится на краю джунглей, и призракный лютнист слышит только тех, кто должен умереть (ср. призракный звук клавикордов Алисы в «Доме о семи фронтонах» Готорна); а во «Врагах королевы» пересказывается анекдот Геродота, о том, как мстительная принцесса приглашает своих врагов на пир в подземелье, которое затапливается Нилом. Однако никакой пересказ не в силах передать даже малую толику всевластных чар лорда Дансейни. Его фантастические города и неслыханные

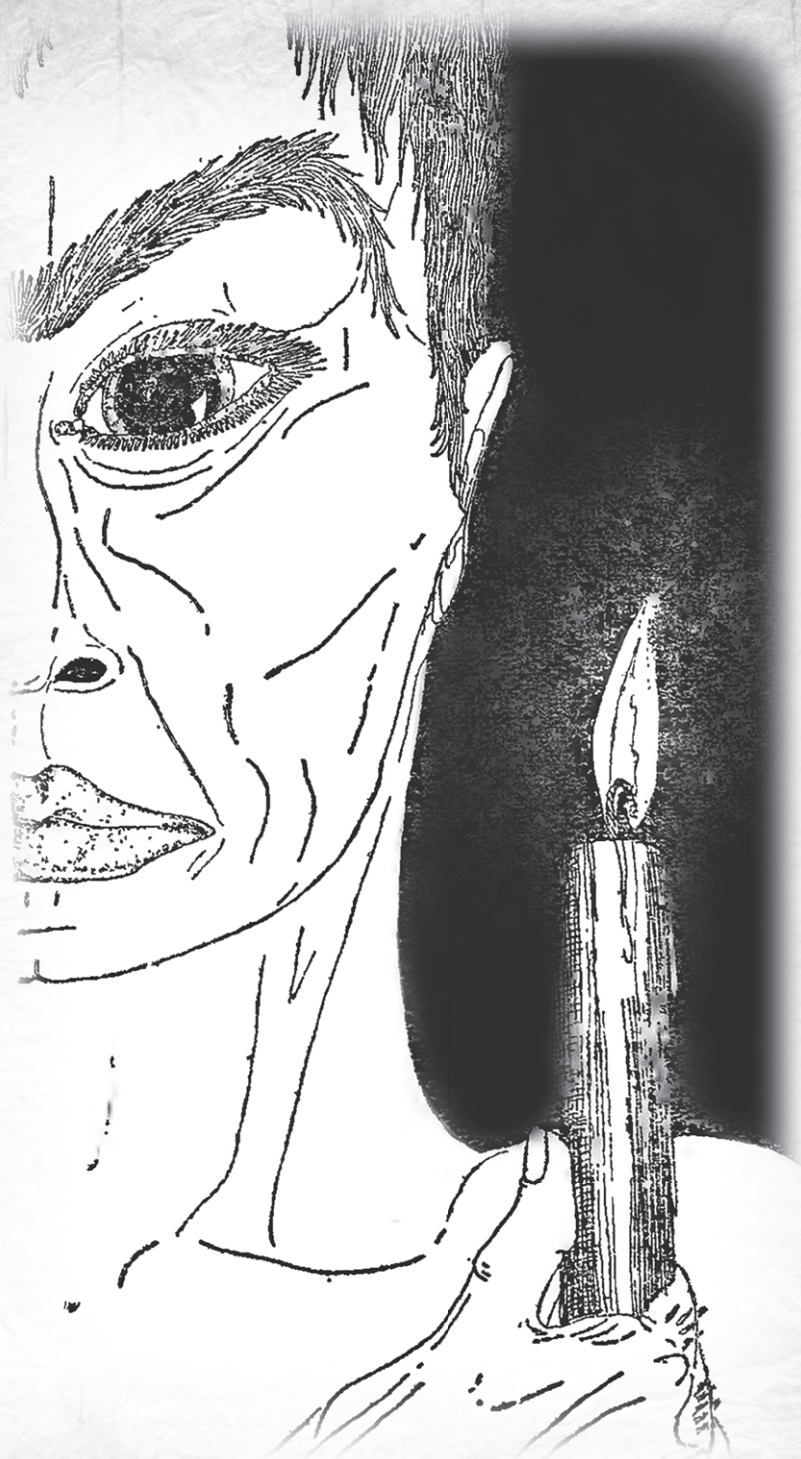


Иллюстрация к рассказу «Дагон» из журнала «Weird Tales». Октябрь 1923 г.

обычаи описаны с той уверенностью, которая отличает мастера, и мы трепещем, словно сами принимаем участие в его тайных мистериях. Для человека, одаренного богатым воображением, он — талисман и ключ, открывающий богатые сокровищницы грез и фрагментарных воспоминаний; так что мы думаем о нем как о поэте, который из любого читателя творит поэта.

Совершенно не похожим на лорда Дансейни, но одаренным почти дьявольской силой вызывать ужас, слегка отступая от прозаической повседневности, является ученый муж Монтегю Роде Джеймс¹⁴⁹, ректор Итонского колледжа, известный антикварий и признанный авторитет, когда речь идет о средневековых манускриптах и истории церковной архитектуры. Доктор Джеймс, издавна любивший рассказывать таинственные истории на Рождество, постепенно стал писателем первого ранга, выработав свои оригинальные стиль и метод, служащие примером для большого числа его учеников.

Искусство доктора Джеймса, вне всяких сомнений, не случайно, и в предисловии к одному из своих сборников автор сформулировал три основных правила сочинения об ужасном. История о привидениях, как он считает, должна происходить в знакомых декорациях современного мира, чтобы быть ближе к читателю с его жизненным опытом. В феномене сверхъестественного, кроме того, должно быть заложено зло, а не добро, поскольку автор собирается вызвать у читателя в первую очередь страх. И наконец, нужно тщательно избегать *patois* (Местный говор) оккультизма или псевдонауки, иначе очарование случайного правдоподобия исчезнет в неубедительном педантизме.

Осуществляя на практике свои теоретические установки, доктор Джеймс раскрывает тему в легкой, часто разговорной манере. Создавая иллюзию повседневности, он вводит сверхъестественные элементы осторожно и постепенно; окружая их обыденными прозаическими деталями, а иногда парой штрихов из своей средневековой учености. Осознавая тесную связь между современным сверхъестественным феноменом и традицией, он обычно использует отдаленных исторических предшественников описываемых им событий; имея в таких случаях возможность применить свои знания прошлого, а также способность архивизировать речь и колорит. Любимая сцена в историях Джеймса — какой-нибудь старый собор, который автор может описать с профессиональной дотошностью.

В повествованиях доктора Джеймса нередко случаются на-смешливые виньетки и портреты с натуры, которые в его опытных руках служат для усиления главного элемента и совсем их не портят, как это случилось бы у менее искусного мастера. Предлагая новый тип привидения, он далеко уходит от привычной готической традиции, ибо там большинство привидений были бледными и величественными, и об их присутствии узнавали, лишь увидев их, а (призрак Джеймса тощий, маленький и волосатый — медлительное адское страшилище, нечто среднее между человеком и зверем, — и к нему обычно сначала прикасаются, а уж потом его видят. Иногда зрелище бывает еще более эксцентричным — штука фланели с паучьими глазами или невидимое существо, которое заворачивается в простыни и показывает лицо из мятой ткани. Доктор Джеймс владеет, и это очевидно, научными познаниями в области нервной системы человека и его эмоций и знает, как соотнести утверждение, фантазию и тонкие предположения, чтобы получить наилучший результат. Ему больше удаются события и декорации, чем атмосфера, и нужные чувства он вызывает у читателей, обращаясь не к чувствам, а к разуму. Конечно же этот метод, с потерями в ярких кульминациях, имеет свои недостатки, так же, как достоинства, и многие будут скучать по напряжению, которого такие писатели, как Мейчел, добиваются с помощью слов и декораций. Однако обвинение в скуке можно предъявить лишь немногим рассказам. Как правило, лаконичного и искусного разворачивания сверхъестественных событий бывает достаточно для пробуждения у читателя желанного ужаса.

Рассказы мистера Джеймса объединены в четыре маленьких сборника: «Рассказы антиквария о привидениях», «Новые рассказы антиквария о привидениях», «Тощий призрак и другие» и «Предостережение любопытному». У него есть еще милая детская фантазия «Пять кувшинов», в которой действуют свои сверхъестественные существа. Из написанного мистером Джеймсом трудно выбрать самое любимое или, скажем, типическое, хотя у каждого читателя, несомненно, свои пристрастия в зависимости от темперамента. «Граф Магнус», безусловно один из лучших рассказов, изображает подлинную — тревожную и неопределенную — Голконду. Мистер Враксолл — английский путешественник середины девятнадцатого столетия — прибывает в Швецию, чтобы собрать материал для книги. Постепенно его заинтересовывает древний род де ла Гарди, живший недалеко от деревни Рабак,

и он начинает изучать все, что о нем известно, а в результате этих занятий его особенно завораживает фигура строителя манора, некоего графа Магнуса, о котором ходят страшные и странные слухи. Граф, который жил в начале семнадцатого столетия, был жестоким хозяином, знаменитым своими наказаниями браконьеров и провинившихся арендаторов. Его жестокость вошла в поговорку, а после его смерти и погребения в гигантском мавзолее, построенном рядом с церковью, стали распространяться темные слухи о странных появлениях графа — как в случае с двумя крестьянами, которые ночью охотились на его территории через сто лет после его смерти. Наутро священник нашел обоих, но один обезумел, а другой умер, и его лицо было ободрано до костей.

Мистер Враксолл слушает истории, которые ему рассказывают, и неожиданно узнает о Черном паломничестве графа, паломничестве в Хоразин, что в Палестине, то есть в один из городов, проклятых Господом, в котором, как говорят старые священники, родился Антихрист. Никто не смеет даже намекнуть на то, что представляло собой Черное паломничество и что за странное существо привез с собой, вернувшись, граф. Тем временем мистера Враксолла охватывает желание исследовать мавзолей графа Магнуса, и, наконец, он получает разрешение войти в него, но в сопровождении дьякона. Там обнаруживаются несколько надгробий и три медных саркофага, один из которых принадлежит графу. По краю саркофага выбито несколько сцен, включая ужасное преследование — испуганного человека преследует в лесу приземистое существо с щупальцами осьминога, выполняющая приказ высокого человека в плаще, который стоит на вершине ближнего холма. На саркофаге предусмотрены три массивных железных замка, но один валяется на полу и напоминает путешественнику о металлическом кляцанье, которое он слышал за день до посещения мавзолея, когда шел мимо и думал о возможной встрече с графом Магнусом. Чары мистера Враксолла сыграли свою роль, и он получил ключ от мавзолея для повторного визита, уже в одиночку, во время которого находит второй открытый замок. На следующий день, то есть в последний день пребывания в Рабаке, он вновь идет в мавзолей, чтобы попрощаться с мертвецом. Вновь он думает о том, что неплохо бы повидаться с графом, и, с ужасом видя, что последний замок на саркофаге открывается, падает на пол, а крышка медленно, со скрипом поднимается, бежит прочь из мавзолея, в панике забыв запереть дверь.

Возвращаясь в Англию, путешественник ощущает нечто странное в отношении попутчиков, когда плывет на корабле. Фигуры в плащах внушают ему беспокойство, и он чувствует, что за ним постоянно следят. Из двадцати восьми пассажиров, которых он насчитал на корабле, только двадцать шесть появляются за обеденным столом, а двое не приходят никогда — высокий мужчина в плаще и его спутник, что пониже ростом и тоже закутанный в плащ. Заканчивая морское путешествие в Гарвиче, мистер Враксолл делает попытку сбежать в закрытом экипаже, но на перекрестке вновь видит две знакомые фигуры. Наконец он поселяется в маленьком деревенском домике и все свое время посвящает торопливым записям. На второе утро его находят мертвым, и во время следствия семь присяжных заседателей падают в обморок, поглядев на труп. Дом, в котором он остановился, стоит пустой, а когда его сносят через полвека, то находят в забытом шкафу записи.

В «Сокровище аббата Томаса» английский антикварий разгадывает шифр на окнах эпохи Ренессанса и находит золото, припрятанное в углублении в стенке колодца, расположенного во дворе немецкого аббатства. Однако хитроумный владелец клада приставил к нему охрану, и нечто в черном обхватывает руками шею искателя клада так, что тому приходится отказаться от поисков и призвать священника. После этого каждый вечер искатель клада ощущает чье-то присутствие и чувствует жуткую вонь за дверью своей комнаты в отеле, пока, наконец, священник при свете дня не ставит обратно камень, закрывающий вход в подземную сокровищницу — из которой кто-то выходил по ночам, чтобы отомстить за поиски золота старого аббата Томаса. Закончив работу, священник обращает внимание на странную, похожую на лягушку, резную надпись на старинной крышке колодца и узнает латинское выражение: «*Depositum custodi*», что означает: «Храни, что поручено тебе».

Из других замечательных рассказов Джеймса назовем «Скамейки в кафедральном соборе», в котором странное резное изображение каким-то образом оживает, чтобы отомстить за продуманное убийство старого декана его честолюбивым преемником; «Ох, свистни, и я приду» — о некоем ужасе, являющемся, стоит дунуть в свисток, найденный в руинах средневекового собора; и «Случай из истории собора» — о древнем захоронении под разобранной кафедрой и о демоне, который наводит на всех ужас и заражает чумой. Доктор Джеймс, хоть у него и легкий стиль,

пробуждает настоящий страх в его наиболее пугающем виде, и, несомненно, является одним из немногих настоящих мастеров в своем мрачном крае.

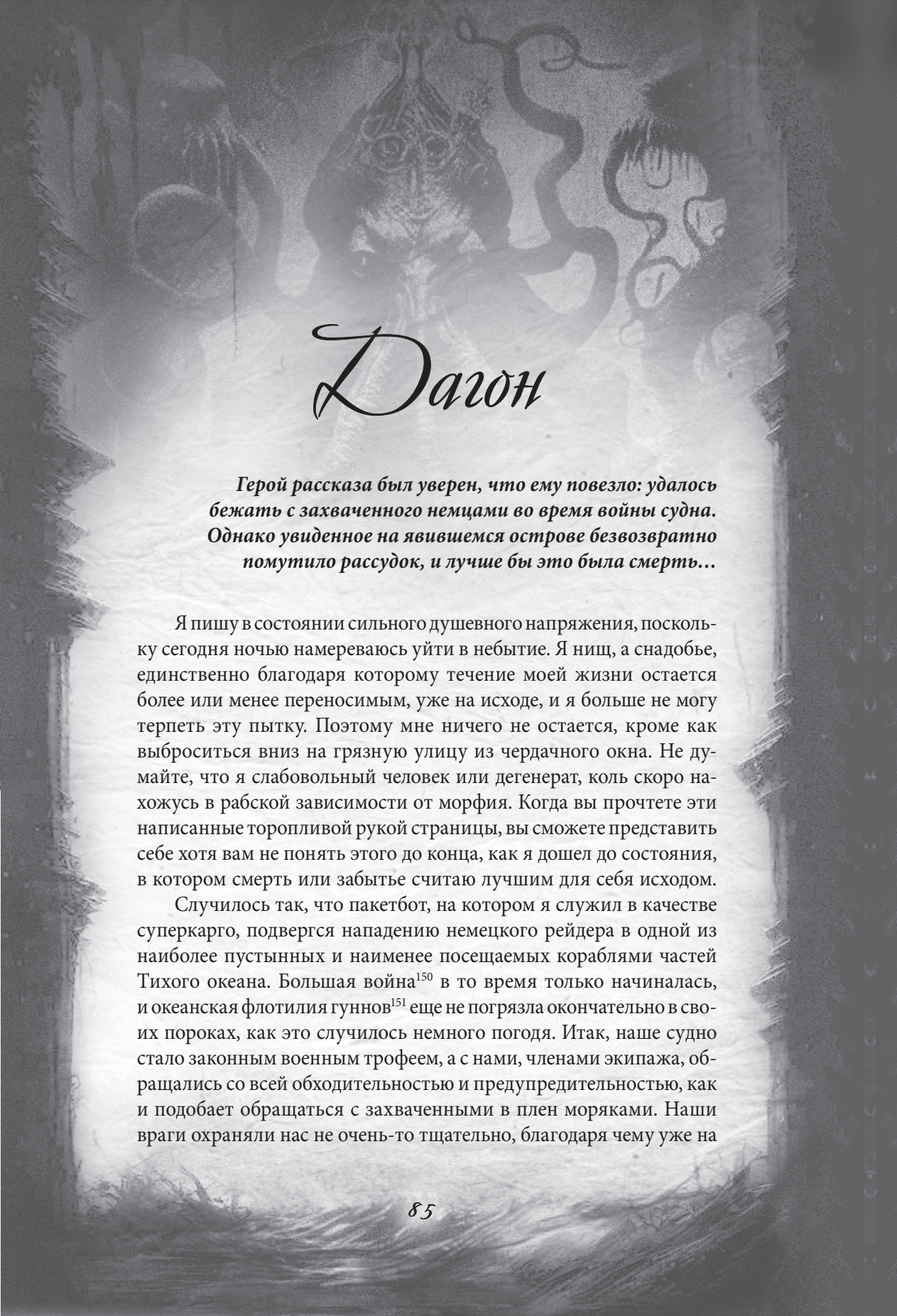
Для тех, кто получает удовольствие, строя всякие предположения о будущем, повествование о сверхъестественном ужасе представляет определенный интерес. Хоть ему и противостоит высокая волна трудолюбивого реализма, циничного легкомыслия и искушенного разочарования, оно получает поддержку от параллельной волны растущего мистицизма, рожденного благодаря реакции оккультизма и религиозного фундаментализма на материалистические откровения, и от фантазии, пробужденной благодаря современной науке, которая расширила пространство и уничтожила барьеры, дав нам атомную химию, быстро развивающуюся астрофизику, теорию относительности и попытку проникнуть в тайны биологии и человеческой мысли.

Скоро то, что мы защищаем, будет иметь преимущество; поскольку даже сегодня несомненно больше радушия выказывается сочинениям о сверхъестественном, чем, скажем, лет тридцать назад, когда лучшие произведения Артура Мейчена упали на камни суровых и самоуверенных девяностых. Амброз Бирс, почти неизвестный в свое время, теперь получил всеобщее признание.

Однако мы ни в каких направлениях не будем искать поразжающие воображение мутации. В любом случае баланс тенденций сохранится; и пока мы закономерно ожидаем улучшения техники письма, у нас нет причин думать, что положение жанра литературы ужаса в пределах художественной литературы как-то изменится. Это узкая, но важная ветвь человеческого самовыражения, и потому она будет востребована лишь небольшой аудиторией читателей с очень чуткой восприимчивостью. Какой бы универсальный шедевр завтрашнего дня ни появился, рожденный иллюзией или ужасом, его примут благодаря высокому мастерству, а не симпатичной теме. И все же кто скажет, что черная тематика является неодолимым препятствием? Сверкающая красота чаша Птолемея была выточена из оникса.

1925–1927 гг.

© Перевод Л. Володарской



Дагон

Герой рассказа был уверен, что ему повезло: удалось бежать с захваченного немцами во время войны судна. Однако увиденное на явившемся острове безвозвратно помutilo рассудок, и лучше бы это была смерть...

Я пишу в состоянии сильного душевного напряжения, поскольку сегодня ночью намереваюсь уйти в небытие. Я нищ, а снадобье, единственно благодаря которому течение моей жизни остается более или менее переносимым, уже на исходе, и я больше не могу терпеть эту пытку. Поэтому мне ничего не остается, кроме как выброситься вниз на грязную улицу из чердачного окна. Не думайте, что я слабовольный человек или дегенерат, коль скоро нахожусь в рабской зависимости от морфия. Когда вы прочтете эти написанные торопливой рукой страницы, вы сможете представить себе хотя вам не понять этого до конца, как я дошел до состояния, в котором смерть или забытие считаю лучшим для себя исходом.

Случилось так, что пакетбот, на котором я служил в качестве суперкарго, подвергся нападению немецкого рейдера в одной из наиболее пустынных и наименее посещаемых кораблями частей Тихого океана. Большая война¹⁵⁰ в то время только начиналась, и океанская флотилия гуннов¹⁵¹ еще не погрязла окончательно в своих пороках, как это случилось немного погодя. Итак, наше судно стало законным военным трофеем, а с нами, членами экипажа, обращались со всей обходительностью и предупредительностью, как и подобает обращаться с захваченными в плен моряками. Наши враги охраняли нас не очень-то тщательно, благодаря чему уже на

шестой со времени нашего пленения день мне удалось бежать на маленькой лодке, имея на борту запас воды и пищи, достаточный для того, чтобы выдержать довольно длительное путешествие.

Обретя наконец-то долгожданную свободу и бездумно положившись на волю волн, я имел весьма смутное представление о том, где нахожусь. Не будучи опытным навигатором, я смог только очень приблизительно определить по положению солнца и звезд, что нахожусь где-то южнее экватора. О долготе я не имел ни малейшего представления; тщетной оказалась и надежда на то, что вскоре удастся увидеть полоску берега или какой-нибудь островок. Стояла хорошая погода и в течение бесчисленного количества дней я дрейфовал под палящим солнцем, ожидая, что появится какой-нибудь корабль или течение выбросит меня на берег обитаемой земли. Однако ни корабль, ни земля так и не появились, и постепенно меня охватило отчаяние от сознания своего полного одиночества посреди вздымающейся синей громады нескончаемого океана.

Изменения произошли во время сна. Я не могу припомнить в деталях, как все случилось, поскольку сон мой, будучи беспокойным и насыщенным различными видениями, оказался тем не менее довольно продолжительным. Проснувшись же, я обнаружил, что меня наполовину засосало в слизистую гладь отвратительной черной трясины, которая однообразными волнистостями простиралась вокруг меня настолько далеко, насколько хватало взора. Моя лодка лежала на поверхности этой трясины неподалеку от меня.

Хотя легче всего представить, что первым моим чувством было изумление от такой неожиданной и чудовищной трансформации пейзажа, на самом деле я скорее испугался, чем изумился, ибо воздух и гниющая почва произвели на меня столь жуткое впечатление, что я весь похолодел внутри. Почва издавала мерзкий запах, исходящий от скелетов гниющих рыб и других, с трудом поддающихся описанию объектов, которые, как я заметил, торчали из отвратительной грязи, образующей эту нескончаемую равнину. Скорее всего мне не удастся в простых словах передать картину этого неопишуемого по своей мерзости пейзажа, который окружал меня со всех сторон. Я не слышал ни звука, не видел ничего, кроме необозримого пространства черной трясины, а сама абсолютность тишины и однородность ландшафта подавляли меня, вызывая поднимающийся к горлу ужас.

Солнце сияло с небес, которые показались мне почти черными в своей безоблачной наготе; казалось, они отражали это чернильное болото у меня под ногами. Когда я влез в лежащую на поверхности трясины лодку и немного пораскинул мозгами, я решил, что ситуации, в которой я оказался, может найтись только одно объяснение. Вследствие подводного извержения вулкана невиданной силы часть океанского дна оказалась выброшенной на поверхность, причем наверх были вынесены слои, которые в течение многих миллионов лет лежали скрытыми под необозримой толщей воды. Протяженность новой земли, поднявшейся подо мной была столь велика, что, как я ни напрягал свой слух, я не мог уловить ни малейшего шума океанской волны. Не было видно и никаких морских птиц, которые обычно в таких случаях слетаются в поисках добычи, каковую представляют из себя мертвые морские организмы.

В течение нескольких часов я сидел, предаваясь размышлениям, в лодке, которая лежала на боку и давала мне небольшую тень, в то время как солнце перемещалось по небу. На закате дня почва стала менее вязкой, и мне показалось, что она достаточно подсохла для того, чтобы в скором времени по ней можно было пройти пешком. В ту ночь я спал, но очень немного, а на следующий день занимался упаковкой выюка с водой и пищей, готовясь к поискам исчезнувшего моря и возможного спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва стала уже настолько сухой, что по ней можно было шагать без всяких усилий. Запах гниющей рыбы сводил с ума, но я был слишком озабочен более серьезными вещами, чтобы обращать внимание на такие незначительные неудобства, и бесстрашно продвигался к неведомой цели. Весь день я уверенно шел на запад, сверяя курс по отдаленному холму, вздымавшемуся посреди этой черной пустыни. В ту ночь я сделал привал под открытым небом, а наутро продолжил свое продвижение к холму, хотя моя цель, как мне показалось, почти не приблизилась ко мне по сравнению с днем, когда я впервые заметил ее. К вечеру четвертого дня я достиг подножия холма, который оказался гораздо выше, чем он виделся на расстоянии; из-за прилегающей долины он более резко выделялся на общем фоне. Я слишком устал, чтобы сразу начинать подъем, и прикорнул у окрашенного лучами заходящего солнца склона холма.

Я не знаю, почему мои сны были в ту ночь такими безумными, но еще до того, как убывающая, фантастически выпуклая луна взошла на востоке и стала высоко над равниной, я проснул-

ся в холодном поту, решив больше не спать. Слишком ужасными были мои ночные видения, чтобы я мог и дальше выносить их. И тут-то, в холодном сиянии луны, я понял, как опрометчиво поступал, путешествуя днем. Переживая дневные часы в каком-нибудь укрытии, куда не достигали слепящие лучи обжигающего солнца, я мог бы сберечь немало сил для ночных переходов; и в самом деле, сейчас я чувствовал себя вполне способным совершить восхождение, на которое я не решился во время заката солнца. Подхватив свой вьюк, я начал путь к гребню холма.

Я уже говорил, что монотонное однообразие холмистой равнины наполняло меня неясным страхом; но мне кажется, что страх этот был ничем по сравнению с тем ужасом, что я испытал, когда достиг вершины холма и глянул вниз на другую его сторону. Моему взору предстал бездонный карьер или, если угодно, каньон, черные глубины которого не трогал пока свет луны, взошедшей еще недостаточно высоко для того, чтобы пролить свои лучи за крутой скалистый гребень. У меня возникло чувство, что я стою на краю мира и заглядываю в бездонный хаос вечной ночи, начинающийся за этим краем. Меня охватил ужас, и перед моими глазами пронеслись реминисценции из «Потерянного рая»¹⁵² и страшное восхождение Сатаны из проклятого царства тьмы.

Когда луна поднялась выше, я стал замечать, что склоны долины были отнюдь не такими вертикальными, как я представлял себе вначале. Выступы и обнаженные слои породы образовывали хорошую опору для ног, благодаря чему можно было легко спуститься вниз, а через несколько сотен футов крутой обрыв и вовсе переходил в пологий спуск. Под влиянием импульса, который я и сейчас не могу до конца объяснить себе, я начал спускаться по почти отвесной стене, с трудом цепляясь за выступы скал, пока не остановился внизу, на пологом склоне, не отрывая взора от стигийский глубин, которых никогда еще не достигал ни единый луч света.

Почти сразу же мое внимание привлек огромных размеров странный предмет, расположенный на противоположном склоне, круто поднимавшемся примерно на сотню ярдов надо мной; обласканный лучами восходящей луны, которых он не знал, наверное, уже миллионы лет, предмет этот испускал белое мерцающее сияние. Вскоре я убедился, что это была всего лишь гигантская каменная глыба, однако все же не мог отделаться от впечатления, что ее контуры и положение не являлись результатом деятельности одной только природы. Когда мне удалось разглядеть предмет более под-

робно, меня охватили чувства, которые я не в силах выразить, ибо, несмотря на чудовищную величину глыбы и ее присутствие в бездне, разверзшейся на морском дне еще во времена, когда мир был слишком молод, чтобы его могли населять люди, несмотря на все это, я вдруг совершенно отчетливо понял, что этот странный предмет являлся тщательно оконтуренным монолитом, массивное тело которого несло на себе следы искусной обработки и, возможно, служило когда-то объектом поклонения живых и мыслящих существ.

Ошеломленный, испуганный, и тем не менее испытывающий нечто вроде невольной дрожи восхищения, присущей ученому или археологу, я внимательно осмотрел окружающую меня картину. Луна, находящаяся почти в зените, ярко и таинственно светила над отвесными кручами, окаймлявшими ущелье, и в этом почти дневном сиянии мне удалось различить, что на дно каньона стекает обширная река, она извивается и исчезает в противоположных его концах, почти задевая мне ноги своими водами. Мелкие волны на другой стороне ущелья плясали у основания громадного монолита, на поверхности которого я мог сейчас ясно видеть как надписи, так и грубо высеченные фигурки. Надписи были выполнены в иероглифической системе, абсолютно мне незнакомой и состоящей по большей части из условных символов, связанных с водной средой. Среди знаков были рыбы, утри, осьминоги, ракообразные, моллюски, киты и им подобные существа. Все это было совершенно непохоже на то, что я когда-либо видел в ученых книгах. Некоторые символы представляли из себя изображения каких-то морских существ, очевидно, неизвестных современной науке, но чьи разложившиеся формы, мне довелось ранее наблюдать на поднявшейся из океана равнине.

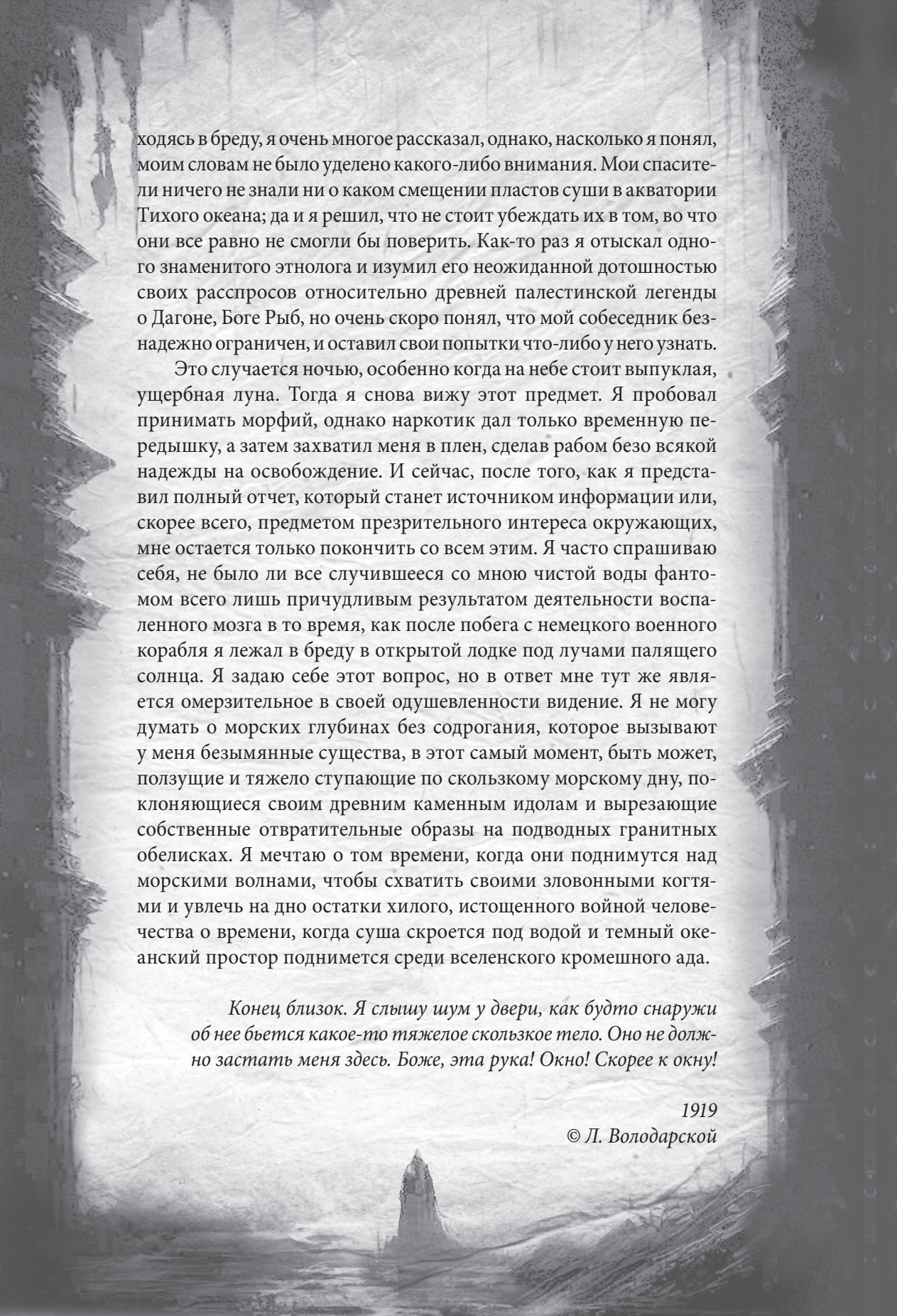
Но более всего я был очарован живописной резьбой. По ту сторону текущего между мной и каменной глыбой потока воды находилось несколько барельефов, которые, благодаря их огромным размерам, можно было разглядеть, не напрягая зрения. Клянусь, их сюжеты могли бы вызвать зависть у самого Доре. Я думаю, что эти объекты, по замыслу, должны были изображать людей или, по крайней мере, определенный род людей, хотя существа эти изображались то резвящимися, как рыбы, в водах какого-то подводного грота, то отдающими почести монолитной святыне, которая также находилась под волнами. Я не отваживаюсь останавливаться подробно на их лицах и формах, ибо одно лишь воспоминание об этом может довести меня до обморока. Гротескные

в такой степени, недоступной, пожалуй, даже воображению Поли Булвера¹⁵³, они были дьявольски человекоподобными в своих общих очертаниях, несмотря на перепончатые руки и ноги, естественно широкие и отвислые губы, стеклянные выпученные глаза и другие особенности, вспоминать о которых мне и вовсе неприятно. Довольно странно, но они, похоже, были высечены почти без учета пропорций их сценического фона например, одно из существ было изображено убивающим кита, который по величине едва превосходил китобоя. Как я уже говорил, я отметил про себя гротескность фигур и их странные размеры; однако мгновение спустя я решил, что это просто боги, выдуманные каким-нибудь первобытным племенем рыбаков или мореходов, чьи последние потомки вымерли за многие тысячелетия до появления первого родственника пилтдаунца или неандертальца. Охваченный благоговейным страхом, который вызвала во мне эта неожиданно представшая моим глазам картина прошлого, по дерзости своей превосходящая концепции наиболее смелых из антропологов, я стоял в глубоком раздумье, а луна отбрасывала причудливые блики на поверхность лежащего предо мною безмолвного канала.

Затем вдруг я увидел его. Поднявшись над темными водами и вызвав этим лишь легкое, почти беззвучное вспенивание, какой-то необычный предмет плавно вошел в поле моего зрения. Громадный, напоминающий Полифема¹⁵⁴ и всем своим видом вызывающий чувство отвращения, он устремился, подобно являющемуся в кошмарных снах чудовищу, к монолиту, обхватил его гигантскими чешуйчатыми руками и склонил к постаменту свою отвратительную голову, издавая при этом какие-то неподдающиеся описанию ритмичные звуки. Наверное, в тот самый момент я и сошел с ума.

Я почти не помню своего сумасшедшего подъема на гребень скалы и возвращения к брошенной лодке, которые я совершил в каком-то иступленном бреду. Мне кажется, всю дорогу я не переставал петь, а когда у меня не оставалось сил петь, принимался бездумно смеяться. У меня остались смутные воспоминания о сильной буре, которая случилась через некоторое время после того, как я добрался до лодки; во всяком случае, я могу сказать, что слышал раскаты грома и другие звуки, которые природа издает только в состоянии величайшего неистовства.

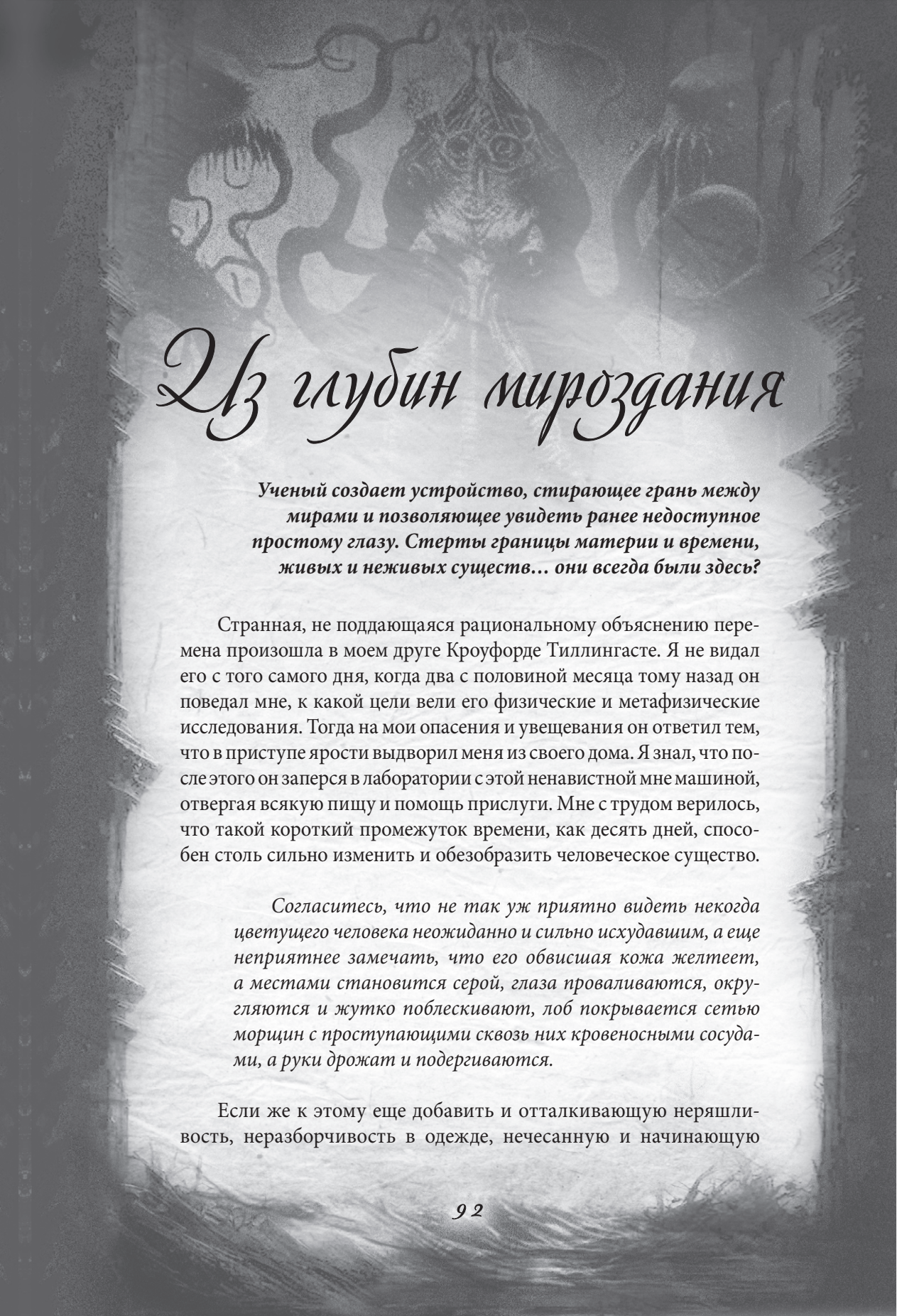
Когда я вернулся из небытия, я обнаружил, что нахожусь в госпитале города Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского корабля, подобравшего мою лодку в открытом океане. На-



ходясь в бреду, я очень многое рассказал, однако, насколько я понял, моим словам не было уделено какого-либо внимания. Мои спасители ничего не знали ни о каком смещении пластов суши в акватории Тихого океана; да и я решил, что не стоит убеждать их в том, во что они все равно не смогли бы поверить. Как-то раз я отыскал одного знаменитого этнолога и изумил его неожиданной дотошностью своих расспросов относительно древней палестинской легенды о Дагоне, Боге Рыб, но очень скоро понял, что мой собеседник безнадежно ограничен, и оставил свои попытки что-либо у него узнать.

Это случается ночью, особенно когда на небе стоит выпуклая, ущербная луна. Тогда я снова вижу этот предмет. Я пробовал принимать морфий, однако наркотик дал только временную передышку, а затем захватил меня в плен, сделав рабом безо всякой надежды на освобождение. И сейчас, после того, как я представил полный отчет, который станет источником информации или, скорее всего, предметом презрительного интереса окружающих, мне остается только покончить со всем этим. Я часто спрашиваю себя, не было ли все случившееся со мною чистой воды фантомом всего лишь причудливым результатом деятельности воспаленного мозга в то время, как после побега с немецкого военного корабля я лежал в бреду в открытой лодке под лучами палящего солнца. Я задаю себе этот вопрос, но в ответ мне тут же является омерзительное в своей одушевленности видение. Я не могу думать о морских глубинах без содрогания, которое вызывают у меня безымянные существа, в этот самый момент, быть может, ползущие и тяжело ступающие по скользкому морскому дну, поклоняющиеся своим древним каменным идолам и вырезающие собственные отвратительные образы на подводных гранитных обелисках. Я мечтаю о том времени, когда они поднимутся над морскими волнами, чтобы схватить своими зловонными когтями и увлечь на дно остатки хилого, истощенного войной человечества о времени, когда суша скроется под водой и темный океанский простор поднимется среди вселенского крошечного ада.

*Конец близок. Я слышу шум у двери, как будто снаружи
об нее бьется какое-то тяжелое скользкое тело. Оно не долж-
но застать меня здесь. Боже, эта рука! Окно! Скорее к окну!*



В глубин мироздания

Ученый создает устройство, стирающее грань между мирами и позволяющее увидеть ранее недоступное простому глазу. Стерты границы материи и времени, живых и неживых существ... они всегда были здесь?

Странная, не поддающаяся рациональному объяснению перемена произошла в моем друге Кроуфорде Тиллингасте. Я не видал его с того самого дня, когда два с половиной месяца тому назад он поведал мне, к какой цели вели его физические и метафизические исследования. Тогда на мои опасения и увещания он ответил тем, что в приступе ярости выдворил меня из своего дома. Я знал, что после этого он заперся в лаборатории с этой ненавистной мне машиной, отвергая всякую пищу и помощь прислуги. Мне с трудом верилось, что такой короткий промежуток времени, как десять дней, способен столь сильно изменить и обезобразить человеческое существо.

Согласитесь, что не так уж приятно видеть некогда цветущего человека неожиданно и сильно исхудавшим, а еще неприятнее замечать, что его обвисшая кожа желтеет, а местами становится серой, глаза проваливаются, округляются и жутко поблескивают, лоб покрывается сетью морщин с проступающими сквозь них кровеносными сосудами, а руки дрожат и подергиваются.

Если же к этому еще добавить и отталкивающую неряшливость, неразборчивость в одежде, нечесанную и начинающую



Иллюстрация к рассказу «Дагон». Художник — Марио Цуккарелло

редеть шевелюру, давно не стриженную седую бороду, почти скрывающую некогда гладко выбритое лицо, то невольно испытываешь нечто близкое к шоку.

Таким предстал передо мной Кроуфорд Тиллингаст в ночь, когда его малопонятная записка заставила меня после нескольких недель изгнания вновь появиться у дверей знакомого дома. То, что предстало передо мной со свечой в трясущейся руке на пороге старого, уединенного дома на Беневолент-Стрит, скорее напоминало тень человека карикатурный образ, поминутно озиравшийся по сторонам и пугавшийся каких-то невидимых или видимых только ему одному вещей.

Слухи о том, что Кроуфорд Тиллингаст когда-то занимался наукой и философией, являются не более чем слухами. Заниматься такими вещами было в пору беспристрастному человеку с холодным рассудком, а для чувственного и импульсивного человека, каким был мой друг, наука сулила две равные по своим трагическим последствиям возможности отчаяние в случае неудачи или невыразимый и неописуемый ужас в случае успеха. Однажды Тиллингаст уже стал жертвой провала и, как следствие, развил в себе склонность к затворничеству и меланхолии. Теперь же, по страху, который он испытывал, я понял, что он стал жертвой успеха. Я предупреждал его об этом еще десять недель назад, когда, влекомый своей фантастической идеей, он с головой ушел в исследования. Тогда он был чрезвычайно возбужден. Он весь раскраснелся и излагал свои идеи неестественно высоким, но, как всегда, монотонным голосом.

— Что знаем мы, говорил он, о мире и о вселенной, которая окружает нас? У нас до абсурдного мало органов чувств, а наши представления об окружающих предметах до невероятного скудны. Мы видим вещи такими, какими мы созданы их видеть, и мы не в состоянии постичь абсолютную их суть. Пятью слабыми чувствами мы лишь обманываем себя, лишь иллюзорно представляем, что воспринимаем весь безгранично сложный космос. В то же самое время иные существа, с более сильным и широким спектром чувств могут не только по иному воспринимать предметы, но способны видеть и изучать целые миры материи, энергии и жизни, которые окружают нас, но которые никогда не постичь земными чувствами. Я всегда верил, что эти странные, недостижимые миры существуют рядом с нами, а сейчас, как мне кажется, я обнаружил способ разрушить преграду, отделяющую

нас от них. Я не шучу. Через двадцать четыре часа вот эта машина, что стоит у стола, начнет генерировать энергию, способную оживить наши атрофированные или, если угодно, рудиментарные чувства. Эта энергия откроет доселе неизвестные человеку перспективы в постижении органической жизни. Мы узреем причину, по которой ночью воют собаки, а кошки наостряют слух. Мы увидим это и многое другое из того, что недоступно обыкновенным смертным. Мы преодолеем время, пространство и границы измерений и, оставаясь неподвижными, проникнем в глубь мироздания.

Когда Тиллингаст закончил свою речь, я принялся всячески отговаривать его от этой затеи, ибо, зная его достаточно хорошо, испытал скорее испуг, чем чувство радости и торжества. Но он был фанатично одержим своей идеей и, не пожелав меня слушать, выставил из дома. Его фанатизм не иссяк и сейчас, но желание выговориться победило в нем сварливость, и он прислал мне несколько строк, написанных в повелительном тоне, но при этом почерком, который я едва смог разобрать. Войдя в обиталище друга, который так неожиданно превратился в трясущуюся от страха горгулью, я похолодел от ужаса, который, казалось, исходил от всякой тени в этом сумеречном доме. Слова и заверения, прозвучавшие здесь десять недель тому назад словно бы приобрели физическую плоть и отчетливые очертания. Я вздрогнул при звуке глухого, изменившегося до неузнаваемости голоса хозяина. Я хотел было кликнуть прислугу, но Тиллингаст тут же заверил меня в том, что вся челядь покинула его три дня тому назад, каковое сообщение пришлось мне очень не по душе. Мне показалось по меньшей мере странным, что старый, верный Грегори оставил хозяина, даже не сообщив об этом мне его давнему и испытанному другу. Именно от Грегори получал я известия о том, что происходило с Тиллингастом после того, как последний в припадке гнева выдворил меня из дома.

Но понемногу обуревавшее меня чувство страха вытеснялось все возрастающим любопытством. О том, что именно потребовалось Кроуфорду Тиллингасту от меня на сей раз, я мог только догадываться, но то, что он обладал великой тайной, которой жаждал поделиться, не вызывало у меня ни малейших сомнений. Еще тогда, когда я воспротивился его желанию прорваться в неизвестное, я почти разделял его веру, а сейчас, когда он почти наверняка добился успеха, я готов был последовать за ним куда

угодно. Страшную цену этой победы над собой мне еще предстояло осознать. А сейчас я безмолвно двигался по неосвещенным пустынным комнатам туда, куда вело меня неяркое желтое пламя свечи, нетвердо сжимаемой дрожащей рукой этой пародии на человека. Электричество было отключено по всему дому, а когда я спросил почему, Кроуфорд ответил, что так и должно быть.

— Но это уж слишком... Я никогда не осмелюсь... различил я среди сплошного потока, невнятных фраз, что мой друг бормотал себе под нос. Это весьма встревожило меня, ибо ранее за ним никогда не водилось привычки разговаривать с самим собой. Мы вошли в лабораторию, и я снова увидел эту отвратительную электрическую машину, стоявшую у стола и излучавшую жуткий фиолетовый свет. Она была подключена к мощной химической батарее, но, по-видимому, была обесточена, ибо в данный момент она не вздрагивала и не издавала устрашающих звуков, как это мне случалось наблюдать раньше. В ответ на мои расспросы Тиллингаст пробубнил, что свечение, исходящее от машины, не имеет электрической природы.

Он усадил меня слева от нее и повернул выключатель, расположенный под рядом стеклянных ламп. Послышались привычные звуки, сначала напоминающие плевки, затем переходящие в жалобный вой и завершающиеся постепенно сходящим на нет жужжанием. Одновременно свечение то усиливалось, то ослабевало, и наконец приобрело какой-то бледный, тревожащий цвет или, точнее, палитру цветов, которую я не мог не то чтобы определить, а даже представить себе. Тиллингаст, который внимательно наблюдал за мною, усмехнулся, увидев мою озадаченную гримасу.

— Хочешь знать, что это такое? прошептал он. Это ультрафиолет. Я изумленно выпучил глаза, а он, не переставая ухмыляться, продолжал: Ты считал, что ультрафиолетовые лучи не воспринимаются зрением и был абсолютно прав. Но сейчас ты можешь наблюдать их, как и многое другое, ранее недоступное человеческому взору. Я объясню. Волны, вырабатываемые машиной, пробуждают в нас тысячи спящих чувств, унаследованных нами за период, протяженный от первых до последних шагов эволюции, от состояния свободных электронов — до синтеза человека органического. Я лицеизрел истину и теперь хочу открыть ее тебе. Хочешь посмотреть, как она выглядит? Я покажу тебе, Тиллингаст сел, задув свечу, прямо напротив меня и тяжелым взором посмотрел мне в глаза. Органы чувств, кото-

рые у тебя имеются, и прежде всего слух, уловят множество новых, доселе неизвестных ощущений. Затем появятся другие. Ты когда-нибудь слышал о шишковидном теле¹⁵⁵? Мне становится смешно, когда я думаю об этом жалком эндокринологе, об этом запутавшемся вконец человечешке, этом выскочке Фрейде. Тело это есть величайший орган из всех, которые только имеются у человека, и открыл это я. Подобно глазам, оно передает зрительную информацию непосредственно в мозг. Если ты нормален, ты получаешь эту информацию в полной мере... естественно, я имею ввиду образы из глубин мироздания.

Я окинул взором огромную, с наклонной южной стеной мансарду, залитую тусклыми лучами, недоступными обычному глазу. Дальние ее углы были по-прежнему темны, и все помещение казалось погруженным в нереальную дымку, скрывавшую его действительную природу и влекшую воображение в мир фантомов и иллюзий. Тиллингаст замолчал. Мне представилось, что я нахожусь в некоем огромном и экзотичном храме давно умерших богов, некоем сплетенном из тумана строении с неисчислимыми колоннами черного камня, взлетающими от основания влажных плит к облачным высотам, что простираются за пределами моего видения. Картина эта некоторое время сохраняла отчетливость, но постепенно перешла в жуткое ощущение полного, абсолютно-го одиночества посреди бесконечного, невидимого и беззвучного пространства. Казалось, меня окружает одна пустота и больше ничего. Я почувствовал, как на меня наваливается ужас, какого я не испытывал с самого детства. Он-то и заставил меня вытащить из кармана револьвер с тех пор, как я подвергся нападению в Ист Провиденс, я регулярно ношу его с собой с наступлением темноты. Затем откуда-то из бесконечно удаленных в пространстве и времени областей до меня начал доноситься какой-то звук. Он был едва уловимым, слегка вибрирующим и, вне всякого сомнения, музыкальным, но в то же время в нем был оттенок какой-то исступленной дикости, заставивший все мое естество испытать нечто, похожее на медленную, изощренную пытку. Затем раздался звук, напоминающий царапание по шероховатому стеклу. Одновременно потянуло чем-то вроде сквозняка, казалось, исходившего из того же источника, что и звук. В то время как, затаив дыхание, я напряженно вслушивался, звук и поток воздуха усиливались, и внезапно я увидел себя привязанным к рельсам на пути быстро мчащегося поезда. Но стоило мне заговорить с Тиллин-

гастом, как видение это мгновенно прекратилось. Передо мной снова были только человек, уродливая машина и погруженное в полумрак пространство за ней. Тиллингаст омерзительно скалился, глядя на револьвер, почти бессознательно вынутый мною из кармана. По выражению его лица я понял, что он видел и слышал все то, что видел и слышал я, если только не больше. Я шепотом пересказал ему свои впечатления. В ответ он посоветовал мне оставаться по возможности спокойным и сосредоточенным.

— Не двигайся, предупредил он. Мы можем видеть в этих лучах, но не забывай о том, что и нас видят. Я уже говорил тебе, что слуги ушли из дома, но не сказал каким образом. Эта глупая баба, моя экономка, включила внизу свет, хотя я строго-настрого предупреждал ее не делать этого. Естественно, в следующее мгновение колебания тока в энергосети пришли в резонанс с излучением. Должно быть это было страшно: их истошные вопли доносились до меня, прорываясь сквозь пелену всего того, что я видел и слышал в другом измерении. Нужно признаться, что и меня пробрал озноб, когда я обнаружил одежду, кучками валявшуюся вокруг дома. Одежда миссис Апдайк лежала возле выключателя в холле тут-то я все и понял. Оно утатило их всех до одного. Но пока мы не двигаемся, мы в безопасности. Не забывай о том, что мы контактируем с миром, в котором мы беспомощны, как младенцы... Не шевелись! От этого шокирующего откровения и последовавшей за ним резкой команды я испытал нечто вроде ступора, и в этом необычном состоянии моему разуму вновь предстали картины, идущие из того, что Тиллингаст называл глубинами мироздания. Я погрузился в водоворот звуков, неясных движений и размытых картин, разворачивающихся перед моими глазами. Очертания комнаты окончательно расплылись, и в образовавшемся черном пространстве появилось отверстие, своеобразный фокус, откуда нисходил, постепенно расширяясь, поток непонятных клубящихся форм, казалось, пробивавший невидимую мне крышу дома в какой-то определенной точке вверху и справа от меня. Передо мной вновь предстало видение храма, но на этот раз колонны уходили в океан света, из которого вырывался слепящий луч, уже виденный мною прежде. Картины и образы сменяли друг друга в бешеном калейдоскопе. В потоке видений, звуков и незнакомых мне доселе чувственных впечатлений, я ощутил в себе желание и готовность раствориться в них или просто исчезнуть. Одну такую вспышку образов я запомнил

навсегда. На какое-то мгновение мне привиделся клочок ночного неба, исполненного светящихся вращающихся сфер. Затем видение отступило, и я увидел мириады светящихся солнц, образовывавших нечто вроде созвездия или галактики необычной формы, смутно напоминавшей искаженные очертания лица Кроуфорда Тиллингаста. В следующий момент я почувствовал, как огромные живые тела касаются, а некоторые даже просачиваются сквозь меня. Тиллингаст, судя по всему, внимательно наблюдал их движение. Я вспомнил, что он говорил о шишковидном теле, и мне стало интересно узнать, какие неведомые откровения являются его сверхъестественному взору.

Неожиданно все окружающее предстало мне в увеличенном виде. Сквозь светящийся эфемерный хаос проступила картина, на которой хотя и нечетко, но все же достаточно ясно присутствовали элементы некоей связности и постоянства. Это было что-то очень знакомое, точнее, что-то неестественно наложенное на привычную окружающую действительность, подобно тому, как кинокадр проецируется на расписной театральный занавес. Я видел лабораторию, электрическую машину и размытые очертания Тиллингаста, что сидел напротив меня. Но пространство, свободное от привычных глазу вещей, было до отказа заполнено неопируемыми живыми и неживыми формами, сплетающимися друг с другом в отвратительные клубки, а возле каждого знакомого предмета кишели сонмы непостижимых чужеродных существ. Казалось, все земные предметы вступали в сложные взаимодействия с чужеродными и наоборот. Среди живых объектов выделялись желеобразные, чернильного цвета чудовища, извивавшиеся в унисон с вибрацией машины. Они кружили в пугающем изобилии, и я с ужасом взирал на то, как они вливались друг в друга их текучесть позволяла им просачиваться сквозь что угодно, даже сквозь тела, которые мы аксиоматично принимаем за твердые. Эти существа не стояли на месте, а неустанно плавали во всех направлениях, как если бы были одержимы какой-то злой целью. Временами они пожирали друг друга атакующий стремительно бросался к жертве и в следующее мгновение последняя бесследно исчезала. Внутренне содрогнувшись, я понял, что теперь знаю, как исчезли несчастные слуги. Однако я уже не мог отогнать от себя этих существ, ибо меня влекла жажда познания только что открывшегося мне запредельного мира. Тиллингаст, не спуская с меня глаз, произнес:

— Ты видишь их? Ты видишь их? Ты видишь этих плывущих и прыгающих вокруг тебя, этих проникающих сквозь тебя существ? Ты видишь то, что составляет наш чистый воздух и наше голубое небо? Разве не преуспел я в ломке старых представлений и не показал тебе мир, скрытый от глаз простых смертных? Он продолжал истошно вопить в окружающем нас хаосе, угрожающе приблизив свое лицо к моему. Глаза его горели, как два раскаленных уголька, и только теперь я заметил, что они были полны ненависти. Машина исторгала из своих недр невыносимые звуки.

— Ты, наверное, вообразил, что эти неповоротливые существа унесли моих слуг? Глупец, они безобидны! Но слуг ведь нет, правда? Ты пытался остановить меня, ты пытался разуверить меня, когда я больше всего нуждался в твоей поддержке. Ты убоился вселенской истины, жалкий трус, но ничего сейчас ты в моих руках! Что унесло слуг? Что заставило их так кричать?.. Не знаешь, да? Подожди, скоро узнаешь. Смотри мне в глаза и слушай меня внимательно. Ты полагаешь, что существуют пространство и время. Ты также уверен в том, что миру присущи материя и форма. Я же исследовал такие глубины мироздания, которые твой убогий мозг просто не в состоянии представить. Я заглянул за границы беспредельного и воззвал к демонам звезд... Я обуздал духов, которые, путешествуя из одного мира в другой, повсюду сеют смерть и безумие... Космос отныне принадлежит мне. Ты слышишь меня? Эти существа сейчас охотятся за мной существа, которые пожирают и переваривают все живое, но я знаю, как спастись от них. Вместо меня они заберут тебя, как до этого забрали слуг... Что, испугался, мой дорогой? Я предупреждал тебя, что здесь опасно шевелиться. Этим я спас тебя от смерти, но спас только для того, чтобы ты мог еще немного поглазеть вокруг да послушать меня. Если бы ты хоть чуточку шелохнулся, они бы уже давным-давно слопали тебя. Не беспокойся, они не сделают тебе больно. Они и слугам не сделали ничего плохого просто один вид их заставил бедняг орать, что есть мочи. Мои любимцы не очень-то красивы, но ведь они из миров, где эстетические стандарты слегка отличаются от наших. Переваривание, уверяю тебя, проходит почти мгновенно. Но я хочу, чтобы ты прежде взглянул на них. Сам я их никогда не видал однажды чуть было не влип, да, по счастью, я-то знаю, как этого избежать. А вот ты не знаешь. Ну как, тебе интересно? Нет? Я так и знал, что ты не настоящий ученый. Дрожишь, а? Дрожишь от жажды лицезреть высшие су-

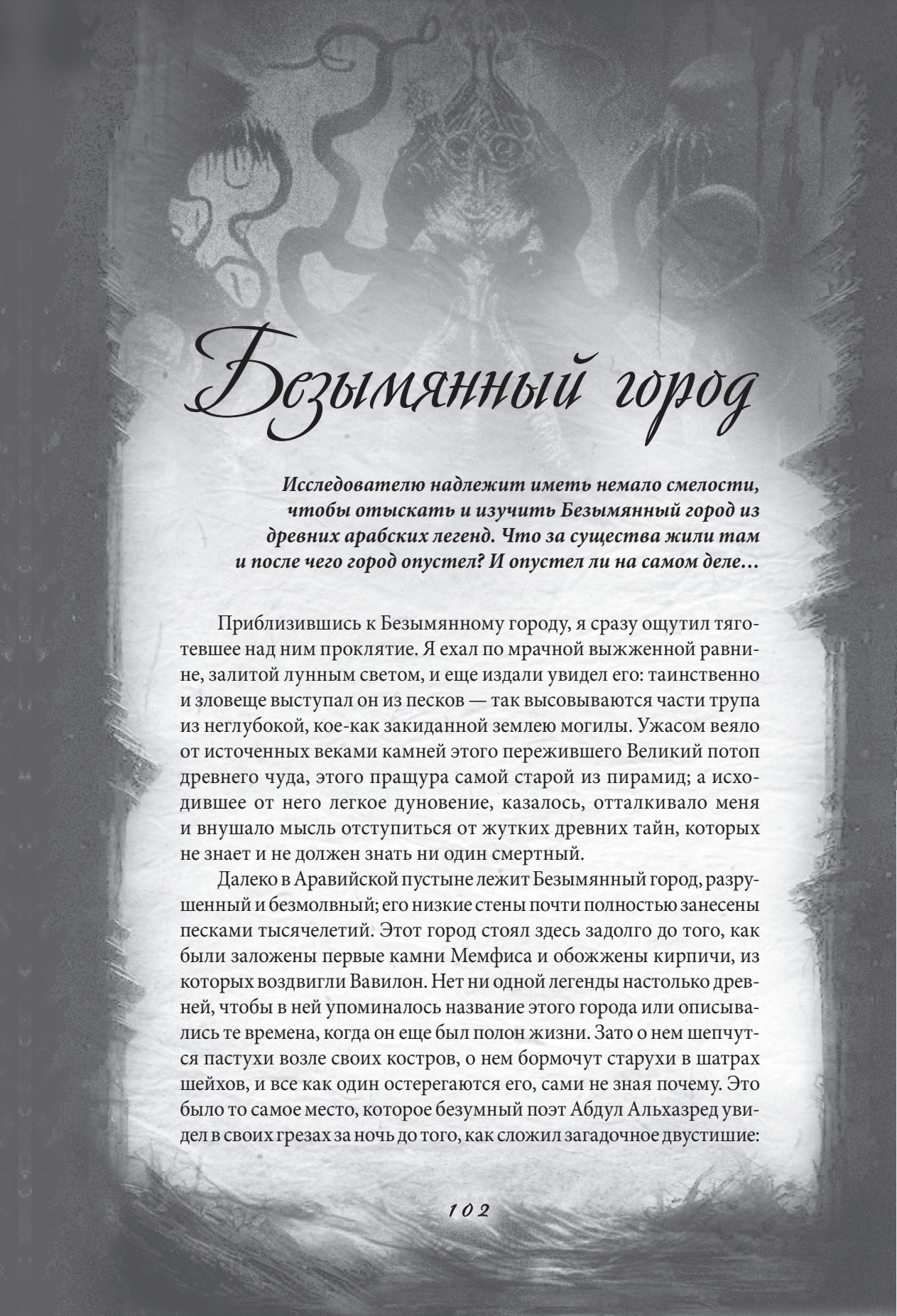
щества, которых я нашел. Почему же ты не хочешь шевельнуться? Что, устал? Брось, не волнуйся, дружище, они уже близко... Взгляни, да взгляни же, будь ты проклят!.. Смотри, одно из них как раз зависло над твоим левым плечом!..

О том, что последовало за этим, рассказывать неинтересно, да в этом и нет никакой надобности. Вы наверняка все знаете из газет. Проходившие мимо полицейские услышали выстрел в доме Тиллингаста обнаружили мертвым, а меня без сознания. Сначала меня арестовали, так как револьвер, из которого стреляли, принадлежал мне, однако уже через три часа я был на свободе. Экспертиза установила, что Тиллингаст скончался от апоплексического удара, а я стрелял по машине, бесполезные обломки которой теперь валялись по всему полу тиллингастовой лаборатории. Об увиденном мною в ту ночь я не проронил ни слова, опасаясь, что следователь отнесется к этому с вполне оправданным недоверием. Из уклончивых показаний, которые я предоставил на дознании, врач заключил, что я находился под гипнотическим воздействием мстительного и одержимого жаждой убийства маньяка.

Хотелось бы верить врачу. Тогда я смог бы наконец пересмотреть свои вновь приобретенные представления о строении воздуха и небесных сфер и привести в порядок мои расстроенные вконец нервы, а заодно и избавиться от гнетущего ощущения чьего-то постоянного присутствия у меня за спиной. Единственный факт, который до сих пор заставляет меня сомневаться в правоте доктора, заключается в том, что полиции так и не удалось обнаружить тела пропавших слуг, убитых, по их мнению, Кроуфордом Тиллингастом.

1934

© Перевод О. Скворцова



Безымянный город

Исследователю надлежит иметь немало смелости, чтобы отыскать и изучить Безымянный город из древних арабских легенд. Что за существа жили там и после чего город опустел? И опустел ли на самом деле...

Приблизившись к Безымянному городу, я сразу ощутил тяготеющее над ним проклятие. Я ехал по мрачной выжженной равнине, залитой лунным светом, и еще издали увидел его: таинственно и зловеще выступал он из песков — так высовываются части трупа из неглубокой, кое-как закиданной землею могилы. Ужасом веяло от источенных веками камней этого пережившего Великий потоп древнего чуда, этого пращура самой старой из пирамид; а исходящее от него легкое дуновение, казалось, отталкивало меня и внушало мысль отступить от жутких древних тайн, которых не знает и не должен знать ни один смертный.

Далеко в Аравийской пустыне лежит Безымянный город, разрушенный и безмолвный; его низкие стены почти полностью занесены песками тысячелетий. Этот город стоял здесь задолго до того, как были заложены первые камни Мемфиса и обожжены кирпичи, из которых воздвигли Вавилон. Нет ни одной легенды настолько древней, чтобы в ней упоминалось название этого города или описывались те времена, когда он еще был полон жизни. Зато о нем шепчутся пастухи возле своих костров, о нем бормочут старухи в шатрах шейхов, и все как один остерегаются его, сами не зная почему. Это было то самое место, которое безумный поэт Абдул Альхазред увидел в своих грезах за ночь до того, как сложил загадочное двустиише:

То не мертво, что вечность охраняет,
Смерть вместе с вечностью порою умирает.

Мне было известно, что арабы остерегаются Безымянного города — зловещего места, упоминаемого в причудливых сказаниях и до сих пор сокрытого от людских глаз; однако я отогнал от себя мысли о возможных причинах этих страхов и отправился верхом на верблюде в нехоженую пустыню. Я единственный, кому довелось его увидеть, и потому ни на одном лице не застыло такой печати ужаса, как на моем, и ни одного человека не охватывает такая страшная дрожь, как меня, когда по ночам ветер сотрясает оконные стекла. Когда я подступал к городу, замершему в жуткой тишине нескончаемого сна, он смотрел на меня, остывая от пустынного зноя под лучами холодной луны. И, возвратив ему этот взгляд, я забыл торжество, которое испытал, найдя его, и остановил своего верблюда, дожидаясь рассвета.

После нескольких часов ожидания на востоке повис предрасветный полумрак, звезды поблекли, а затем серые сумеречные тона оттеснил розовый свет, окаймленный золотом. Вдруг я услышал стонущий звук и увидел песчаный смерч, бушевавший среди древних камней, хотя небо было ясным и обширные пространства пустыни оставались неподвижными. Затем над линией горизонта, окаймлявшей пустыню, появился огненный край солнца, который был виден сквозь дымку уносившегося прочь вихря, и мне, охваченному какой-то лихорадкой, почудился доносившийся из неведомых глубин протяжный металлический звук — он словно приветствовал огненный диск, как некогда приветствовал его Мемнон с берегов Нила. В ушах моих стоял звон, воображение бурлило, пока я неспешно погонял своего верблюда, приближаясь к этому затерянному в песках безмолвному месту, которое из всех живущих на земле удостоился созерцать я один.

Я бродил тут и там среди бесформенных фундаментов домов, не находя ничего похожего на резьбу или надписи, которые напоминали бы о людях (если то были люди), построивших город и живших в нем необозримое число лет назад. В здешнем налете древности было что-то нездоровое, и больше всего на свете мне хотелось увидеть какие-нибудь знаки или свидетельства того, что город и в самом деле был задуман и заложен представителями рода человеческого. Сами пропорции и размеры этих развалин вызывали у меня какие-то неприятные ассоциации. Распо-

лагая набором инструментов и снаряжения, я сделал множество раскопок внутри двориков, окруженных стенами разрушенных сооружений; однако дело продвигалось медленно, и я не обнаружил ничего существенного. С наступлением лунной ночи я почувствовал дуновение прохладного ветра, а вместе с ним новый приступ отступившего было страха и не решился заночевать в городе. Когда я покидал древние стены, чтобы уснуть за их пределами, за моей спиной снова возник небольшой песчаный смерч, с воем пронесшийся над серыми камнями, хотя луна была яркой, а пустыня по большей части оставалась спокойной.

Я пробудился на рассвете, вырвавшись из хоровода кошмарных сновидений, и в ушах моих стоял звон, подобный колокольному. Я увидел, как оранжевый край солнца пробивается сквозь оседающий столб смерча над Безымянным городом, и отметил про себя безмятежность всего остального ландшафта. Я побродил среди развалин, которые вздувались под толстым слоем песка, как тело какого-нибудь сказочного великана под покрывалом, и еще раз попытался откопать реликвии забытой расы, но вновь безрезультатно. В полдень я отдохнул, а затем длительное время посвятил исследованию стен, следов бывших улиц и контуров почти исчезнувших зданий. Все говорило о том, что некогда это был могучий город, и я задумался, в чем же состоял источник его величия. В моем воображении возникла живая картина века столь отдаленного, что о нем не могли знать и халдеи. Перед моим внутренним взором промелькнули таинственные образы: обреченный Сарнат, стоявший на земле Мнара, когда человечество было еще молодо; загадочный Иб, высеченный из серого камня задолго до появления на земле рода человеческого.

Неожиданно я наткнулся на место, где из песков вздымалась невысокая, но крутая скала, и здесь с великой радостью обнаружил следы, оставленные народом, явно жившим задолго до Великого потопа. Отверстия, вырубленные в скале, несомненно являлись входами в жилища или небольшие храмы, и я подумал, что их интерьер наверняка хранит не одну тайну невообразимо далеких столетий, тогда как резные изображения на их фасадах могли давным-давно стереть песчаные бури.

Ближайшие ко мне темные проемы располагались очень низко и были засыпаны песком, но я расчистил один из них лопатой и пополз вперед, держа перед собой зажженный факел. Очутившись внутри, я понял, что вырубленное в скале пространство дей-

ствительно было храмом, сохранившим кое-какие следы народа, который поклонялся здесь своим богам задолго до того, как эти места превратились в пустыню. Были здесь примитивные и удивительно низкие алтари, колонны, ниши; мне не удалось обнаружить ни скульптур, ни фресок, зато здесь в изобилии присутствовали камни странных форм, явно обработанные и выглядевшие как некие символы. Потолок зала был очень низок: даже стоя на коленях, я едва мог выпрямиться, — что меня немало озадачило. Однако сам зал был настолько велик, что мой факел освещал лишь незначительную часть его пространства. Когда же я добрался до дальнего конца зала, меня бросило в дрожь, ибо имевшиеся там алтари и камни напомнили мне о забытых обрядах, ужасных, отвратительных и необъяснимых по своей природе. Что за люди могли воздвигнуть и посещать такой храм? Внимательно осмотрев помещение, я выполз наружу, охваченный жаждой узнать, какие еще тайны скрываются в этих подземельях.

Уже смеркалось, однако все увиденное пробудило во мне такое неодолимое любопытство, что я, пересилив страх, решил остаться на ночь среди длинных, отбрасываемых в лунном свете теней, наполнивших меня ужасом в тот момент, когда я впервые увидел Безымянный город. В сумерках я расчистил другой проем и заполз в него с новым факелом; внутри я обнаружил еще большее количество камней и символов, столь же непонятных, как и в первом храме. Комната была такой же низкой, но гораздо менее просторной и заканчивалась очень узким проходом между рядами мрачных алтарей или надгробий. Я пристально разглядывал их, как вдруг шум ветра и крик моего верблюда нарушили царившую вокруг тишину, и мне пришлось выбраться наружу, чтобы узнать, что так встревожило животное.

Над допотопными руинами ярко сияла луна, освещая плотное облако песка, поднятое, как мне показалось, сильным, но уже стихавшим ветром, который дул со стороны вздымавшейся надо мною скалы. Я посчитал, что этот холодный ветер, несущий песок, и напугал моего верблюда, и хотел было отвести его в более надежное укрытие, как вдруг бросил случайный взгляд вверх и увидел, что над скалой вихря не было. Меня вновь охватил страх, но я тут же вспомнил о внезапно налетающих и ограниченных малым пространством смерчах, которые наблюдал до того на восходе и закате солнца, и пришел к выводу, что здесь это обычное дело. Я решил, что ветер дует из какой-нибудь расще-

лины, ведущей в пещеру, и попытался проследить его источник. Вскоре выяснилось, что он вылетал из черного устья храма, расположенного далеко к югу от меня — настолько далеко, что я едва мог разглядеть его. Я направился в ту сторону, преодолевая сопротивление удушливого песчаного облака, и по приближении обнаружил, что этот храм крупнее прежних мною виденных, а вход в него забит спекшимся песком в гораздо меньшей степени. Я попытался было войти внутрь, но ледяной поток воздуха ужасающей силы остановил меня, едва не погасив мой факел. Ветер рвался из темной двери наружу с фантастической силой и зловеще завывал, вздымая песок и развевая его среди таинственных развалин. Однако вскоре он начал слабеть, и поднятый им песок понемногу оседал на землю. В то же время среди призрачных камней города мне почудилось чье-то незримое присутствие, а взглянув на луну, я увидел, что она подрагивает и колышется, словно отражение в подернутой рябью воде. Трудно найти слова, чтобы передать мой страх, и все же он не заглушил жажды открытий, а потому, когда ветер окончательно стих, я вошел в темный зал, откуда он вырывался еще минуту назад.

Этот храм, как я заметил еще снаружи, был больше других; скорее всего, он располагался в пещере естественного происхождения, имевшей и другие выходы, раз по ней свободно гулял ветер. Здесь я мог стоять в полный рост, но алтари и камни были такими же приземистыми, как и в предыдущих храмах. Наконец-то я увидел следы изобразительного искусства древнего народа — на стенах и потолочном своде видны были остатки засохшей краски, которая уже почти выцвела и осыпалась. Со все возрастающим волнением я разглядывал хитросплетения тонко очерченных резных узоров. Подняв факел над головой, я осмотрел потолочный свод и обнаружил, что для естественного углубления он имеет чересчур правильную форму. Доисторические каменотесы, должно быть, обладали немалым мастерством.

Яркая вспышка факельного пламени открыла мне то, что я искал, — отверстие, ведущее в недра скалы, откуда исходили внезапные порывы ветра. У меня подкосились колени, когда я увидел, что это была не какая-то расщелина, а явно рукотворный дверной проем, прорубленный в твердой породе. Я просунул в проем факел и увидел черный туннель, под низким сводчатым потолком которого



Старцы.
Художник — Том Арданс

обнаружились мелкие, грубо высеченные ступеньки, круто сбегавшие вниз. О, эти ступеньки будут сниться мне всегда с той поры, как мне открылась их тайна.

А в ту минуту я даже не знал, как их лучше назвать — ступеньками или просто выщербинами для упора ног при крутом спуске. В голове у меня роились безумные мысли; казалось, слова и предостережения арабских пророков плывут над пустыней из ведомых людям краев в Безымянный город, о котором людям лучше ничего не знать. После минутного колебания я шагнул вперед и начал осторожный спуск по ступенькам, пробуя каждую из них ногой, словно это была шаткая приставная лестница.

Такой жуткий спуск может привидеться разве что в тяжелом бреду или в страшном наркотическом дурмане. Узкий проход увлекал меня все дальше и дальше вниз; он был бесконечен, словно страшный, населенный нечистью колодец, и света моего факела было недостаточно, чтобы озарить те неведомые глубины, в которые я опускался. Я потерял чувство времени и забыл, когда последний раз смотрел на часы, а мысль о расстоянии, пройденном мною в этом туннеле, заставляла меня содрогаться. Местами спуск становился более крутым или, напротив, более пологим, местами менялось его направление; однажды мне попался длинный, низкий, пологий проход, в котором я тут же едва не вывихнул себе ногу, споткнувшись на неровном полу. Продвигаться пришлось с величайшей осторожностью, держа факел впереди себя на расстоянии вытянутой руки. Потолок здесь был таким низким, что я не мог полностью распрямиться. Затем опять начались пролеты крутых ступенек. Я все еще продолжал свой бесконечный спуск, когда мой слабеющий факел погас. Кажется, я не сразу заметил это, ибо когда все же обнаружил, что остался без огня, моя рука по-прежнему была вознесена над головой, как если бы он продолжал гореть. Состояние неизвестности наполнило меня тревогой — я почувствовал себя ничтожным скитальцем, явившимся в далекие древние места, охраняемые неведомыми силами.

Во тьме на мое сознание обрушился поток разнообразных мыслей и видений — отрывки из ценных своей редкостью демонологических трудов, сентенции безумного араба Альхазреда, цитаты из кошмарных апокрифов Дамаския и нечестивые строки из бредового «Образца мира» Готье де Метца. Я твердил про себя обрывки причудливых фраз

и что-то бессвязно бормотал об Афрасиабе и демонах, плывущих с ним по течению Окса; неоднократно в голове моей мелькало выражение из сказки лорда Дансени: «неотражаемая чернота бездны». Один раз, когда спуск неожиданно круто пошел вниз, я начал нараспев цитировать строфу из Томаса Мура и остановился лишь тогда, когда почувствовал, что эти строки навевают на меня самый настоящий ужас:

Вместилище бездонной тьмы
Черно, как ведьмины котлы
С кипящим зельем. Наклонясь,
Чтоб отыскать какой-то путь
Сквозь эту бездну, я узрел,
Насколько мог проникнуть взор,
Стеклянный отблеск темных стен,
Сверкающих, как черный лак,
И мрак, что сквозь осклизлый зев
Обитель Гибели струит.

Мне уже начало казаться, что время остановилось, как вдруг я вновь почувствовал, что ноги мои стоят на ровном горизонтальном полу, и обнаружил, что нахожусь в каком-то помещении. Оно было ненамного выше комнат в двух меньших храмах, находившихся сейчас наверху, невообразимо далеко от меня. Я не мог стоять в полный рост: распрямить спину по-прежнему можно было, только опустившись на колени. Не видя ничего вокруг, я начал наугад двигаться в разных направлениях и очень скоро понял, что нахожусь в узком коридоре, вдоль стен которого стоят рядами деревянные ящики со стеклянными крышками — последнее я определил на ощупь. Отполированное дерево и стекло — в этой палеозойской бездне? Мысли о том, что может скрываться за всем этим, заставили меня содрогнуться. Ящики были расставлены по обе стороны прохода на одинаковом расстоянии друг от друга. Они имели продолговатую форму и стояли горизонтально, своими размерами и очертаниями напоминая гробы, что в очередной раз наполнило меня ужасом. Попытавшись сдвинуть с места два или три ящика, я обнаружил, что они прочно закреплены на месте.

Проход этот, насколько я мог судить, был довольно длинным; поэтому, не опасаясь встретить на своем пути никаких препятствий, я устремился вперед в полусогнутом положении — навер-

ное, со стороны это выглядело довольно нелепо, но кто мог увидеть меня в этой крошечной тьме? Время от времени я ощупывал пространство то слева, то справа от себя — лишь для того, чтобы убедиться, что стены и ряды ящиков все еще тянутся вдоль прохода. Как всякий человек, я настолько привык мыслить визуальными образами, что вскоре почти забыл о темноте и рисовал в своем воображении бесконечный однообразный коридор с расставленными вдоль него ящиками из дерева и стекла, как если бы эта картина была доступна моим глазам. И в какой-то миг я понял, что действительно вижу коридор.

Я не могу сказать точно, когда мое воображение трансформировалось в видение; просто в определенный момент я заметил впереди постепенно усиливающееся свечение, и до меня дошло, что я различаю смутные очертания коридора и ящиков, проступавшие вследствие какой-то неизвестной подземной флуоресценции. В первые минуты все было точь-в-точь как я себе представлял, поскольку свечение было очень слабым; но по мере того, как, спотыкаясь и едва удерживая равновесие, я продолжал механически продвигаться в направлении усиливавшегося света, становилось все более очевидным, что мое воображение рисовало лишь слабое подобие подлинной картины. В отличие от грубой отделки храмов наверху этот зал был совершенным памятником на редкость величественного и в то же время экзотического искусства. Яркие, насыщенные, вызывающе фантастические узоры и рисунки складывались в непрерывную настенную роспись, линии и цвета которой не поддаются описанию. Ящики были изготовлены из необычного золотистого дерева, а внутри их, под крышками из гладкого прозрачного стекла, покоились мумифицированные фигуры, по своей гротескности превосходившие образы самых жутких ночных кошмаров.

Я не могу передать всю степень их уродливости. Более всего подошло бы сравнение с рептилиями; в их очертаниях сквозило что-то от крокодила и в то же время угадывалось нечто тюлене. Но в целом они были абсолютно фантастическими существами, о которых едва ли слышал хотя бы один земной биолог или палеонтолог. По своим размерам они приближались к человеку маленького роста, а их передние конечности завершались маленькими подобиями человеческих ладоней с хорошо развитыми пальцами. Более всего меня поразили их головы, очертания которых противоречили всем известным канонам биологии. Невоз-

можно назвать ничего такого, с чем можно было бы сравнить эти головы — в мимолетной вспышке мне представилась отвратительная помесь кошки, бульдога, мифического сатира и человека. Сам Юпитер не мог бы похвалиться таким огромным выпуклым лбом, а наличие рогов, крокодилья челюсть и пустое место там, где должен находиться нос, не позволяли втиснуть это уродство в рамки известных классификаций. Некоторое время я раздумывал о подлинности этих мумий, склоняясь к серьезному подозрению, что это всего лишь рукотворные идола, но в конце концов остановился на том, что предо мной лежали все же подлинные представители неких архидревних видов, обитавших здесь во времена, когда Безымянный город переживал свой расцвет. В качестве завершающего штриха к нелепому облику чудовищ можно отметить их одеяния — как ни поразительно, но большинство из них было завернуто в роскошнейшие ткани и увешано украшениями из золота, драгоценных камней и неизвестных мне блестящих металлов.

Значение этих пресмыкающихся тварей было, должно быть, огромным, поскольку они занимали первое место в буйных сюжетах фантастических фресок на стенах и потолке. С бесподобным мастерством художник изобразил жизнь в их мире, где города и сады были построены и размечены в соответствии с их размерами, но я не мог отделаться от мысли, что история, запечатленная на этих изображениях, — не более чем аллегория на историю народа, который поклонялся этим странным существам. Я решил, что для людей, населявших Безымянный город, они были тем же, чем была волчица для Рима или тотемные животные для индейцев.

Отталкиваясь от этой точки зрения, я воочию перебирал вехи несомненно замечательной истории Безымянного города. Я словно внимал сказанию о могучей метрополии на морском побережье, жители которой правили миром до того, как Африка поднялась из океанских волн; я наблюдал за ходом борьбы с пустыней, которая после отступления моря надвинулась на плодородную долину вокруг столицы. Я видел войны, в которых участвовали ее обитатели, их триумфы и поражения, беды и радости и, наконец, стал свидетелем отчаянной борьбы города с наступавшей пустыней, когда его жители (аллегорически представленные здесь в виде гротескных рептилий) были вынуждены прорубать сквозь скалы подземный путь в другой мир, о существовании которого говорили их пророки. Все эти сюжеты, совершенно сверхъестественные на первый взгляд, были представлены весьма правдо-

подобно, и связь изображений с ледящим душу спуском, который я совершил, не вызвала сомнений. На некоторых фресках я даже узнавал пройденные мной участки пути.

Медленно продвигаясь по коридору в направлении источника света, я увидел изображения последующих этапов истории — исход народа, который в течение десяти миллионов лет населял Безымянный город и окружающую долину; тяжелое расставание с местами, где их пращуры, бывшие некогда кочевниками, осели в пору юности Земли и где все последующие поколения хранили воздвигнутые в девственной скале первобытные храмы, продолжая поклоняться заключенным в них святыням. Свет усилился, и я смог рассмотреть изображения более тщательно. По-прежнему полагая, что странные рептилии символизировали древних людей, я попытался мысленно дополнить картину их жизни и обычаев. Многое казалось мне странным и необъяснимым. Цивилизация, имевшая свою письменность, находилась — и это было очевидно — на более высоком уровне, чем появившиеся гораздо позднее египетские и халдейские народы, и вместе с тем ее облик был обрисован далеко не полно. Например, я так и не смог отыскать хотя бы одного изображения смерти или погребального обряда — они встречались только среди картин, запечатлевших сцены войны, насилия и эпидемий. На сцене естественной смерти было как будто наложено табу. Похоже было, что иллюзорный идеал бессмертия довлел над этим народом в течение жизни многих поколений.

Сцены, изображенные ближе к концу прохода, отличались наибольшей живописностью и экстравагантностью: лунный пейзаж Безымянного города, опустевшего и лежавшего в развалинах, резко контрастировал с видом неких райских куш, к которым, должно быть, пробили путь сквозь скалы его жители. На этих фресках город и пустынная долина были неизменно показаны в лунном свете, а над рухнувшими стенами поднимался золотой нимб, приоткрывая завесу, за которой таилось лучезарное совершенство прежних времен — словно некий бесплотный призрак вышел в тот момент из-под кисти художника. Пышность сцен райской жизни настолько была в глаза, что невозможно было поверить в их подлинность, — мне открылся неведомый мир вечного дня, с роскошными городами, цветущими холмами и долинами. Рассматривая же последние фрески, я решил, что вижу признаки творческого кризиса художника. Изображения были выполнены менее искусно, а их сюжеты отличались неум-

ной фантастичностью — в этом они намного превосходили даже самые неправдоподобные из ранних сцен. Скорее всего, это было запечатленное в красках свидетельство медленного упадка древнего народа и одновременного возрастания ненависти этих людей к внешнему миру, который наступал на них вместе с пустыней. Фигуры людей — по-прежнему аллегорически представленных в виде рептилий — постепенно уменьшались и истощались, однако их души, изображенные в виде облаков, парящих над руинами в лунном свете, сохраняли прежние пропорции. Изнуренные жрецы — на фресках это были рептилии в красочных одеждах — посылали проклятия принесенному извне воздуху и всем, кто вдыхал его; леденящая кровь финальная сцена изображала, как обычного вида человек — вероятно, один из первых обитателей Ирема, Города Столбов — был растерзан представителями более древней расы. Вспомнив, как боялись арабы Безымянного города, я с облегчением заметил, что на этом фрески обрывались, а далее шли уже не расписанные стены и потолок.

Увлеченный непрерывной чередой запечатленных на стенах исторических сюжетов, я незаметно для себя достиг конца этого низкого зала и обнаружил ворота, сквозь которые пробивалось фосфоресцирующее излучение, освещавшее мой путь.

Приблизившись к ним вплотную, я не смог сдержать крика изумления, вызванного зрелищем, открывшимся мне по ту сторону ворот; ибо вместо ожидаемой мною анфилады других, более ярко освещенных комнат предо мной предстала безграничная пустота, заполненная однородным сиянием — такое сияние видит человек, стоя на вершине Эвереста и устремляя взор в бескрайние просторы подернутого дымкой и ласкаемого лучами солнца воздушного океана. Позади меня остался проход, настолько тесный, что я не мог выпрямиться в полный рост; впереди лежала лучезарная подземная бесконечность.

Проход завершился площадкой, с которой брала начало круто уходящая в бездну лестница — нескончаемая череда мелких ступенек, похожих на те, что остались далеко позади, в темных коридорах. Однако я мог видеть лишь на расстоянии четырех-пяти футов — все остальное было скрыто от взора светящимся туманом. Слева от прохода висела на петлях распахнутая внутри

массивная медная дверь; необычайно толстая и украшенная причудливыми барельефами, дверь эта, если ее затворить, могла полностью изолировать подземный мир лучезарного света от пробитых в скале проходов. Я посмотрел на ступеньки и решил, что ни за что на свете не стану спускаться вниз. Затем я без сил опустился на каменный пол, даже смертельная усталость не могла избавить меня от потока безумных мыслей.

Закрыв глаза, я лежал и предавался размышлениям, и снова в голове моей возникали сюжеты фресок — но на сей раз они были наполнены новым, зловещим смыслом. Я говорю о сценах, запечатлевших расцвет Безымянного города, растительный мир долины вокруг него и дальние страны, с которыми вели торговлю его купцы. Для меня оставалось загадкой выдающееся положение аллегорических пресмыкающихся тварей, и я подумал, что представленная в картинах история, скорее всего, достаточно точно отражала истинное положение вещей. Пропорции Безымянного города на фресках были подогнаны под размеры рептилий. Я задумался над тем, какими же должны были быть подлинные размеры и пропорции Безымянного города. И вновь вспомнил о необычайно низких потолках первобытных храмов и подземных коридоров, вырубленных таким образом несомненно для того, чтобы выразить свое подобострашие перед пресмыкающимися божествами, которым здесь поклонялись: их почитатели волея-неволей должны были опуститься на четвереньки. Возможно, сами обряды предполагали передвижение ползком для имитации движений этих рептилий. Однако никакая религиозная теория не могла убедительно объяснить, почему горизонтальные проходы этого страшного спуска были такими же тесными, как и храмы, — или еще теснее, поскольку в них невозможно было выпрямиться, даже стоя на коленях. Новый приступ страха охватил меня, когда я подумал об этих древних мумифицированных рептилиях. Рождающиеся в сознании ассоциации бывают очень причудливыми, и я весь сжался от мысли, что, за исключением того несчастного, растерзанного толпой на последней фреске, я был единственным носителем человеческого облика среди этого скопища реликвий и символов первозданной жизни.

Но — в который уже раз — страх, затаившийся в моей мятущейся душе, был побежден любопытством. Лучезарная пропасть манила меня. Увидеть и явить миру то, что она веками скрывала в себе, почел бы за величайшую честь самый выдающийся иссле-

дователь. Я ни на минуту не сомневался в том, что эта череда ступенек вела в чудесный, таинственный элизиум, изображенный на фресках, и надеялся обнаружить там свидетельства существования представителей человеческого рода, которых не нашел в покрытом росписями коридоре. Фрески этого подземного царства изображали сказочные города и долины, и моя фантазия уже парила над величественными руинами, ожидавшими меня внизу.

Мои страхи относились скорее к прошлому, нежели к будущему. Даже физический страх, вызванный моим нахождением здесь — в этом тесном коридоре с его мертвыми рептилиями и допотопными фресками, за много миль от привычного верхнего мира, перед лицом мира иного, исполненного тумана и гнетущего света, — не мог сравниться со смертельным ужасом, навеваемым атмосферой восставшей из первозданного хаоса древности. Казалось, из первобытных камней и вырубленных в скале храмов Безымянного города выступала сама вечность, неподвластная никаким измерениям; на позднейшей из увиденных мною на фресках географических карт были изображены океаны и континенты, неизвестные современному человеку, и лишь немногие из контуров смутно напоминали мне сегодняшние очертания некоторых земель и берегов. И теперь уже никому не дано узнать, что произошло в ту геологическую эру, когда прервалась череда настенных росписей и скатилась в омерзительную тряси-ну упадка некогда гордая раса, не приемлющая смерть. Было время, когда в этих пещерах и в лежащих за ними лучезарных сферах ключом была жизнь, но сейчас среди уцелевших памятников глубокой древности не было никого, кроме меня, и я содрогался при мысли о бесчисленных эпохах, на протяжении которых эти реликвии пребывали здесь в молчаливом бдении.

Внезапно я почувствовал новый приступ безумного страха — того самого страха, который временами завладевал моим сознанием с тех пор, как я впервые увидел жуткую долину и Безымянный город под холодной луной; и несмотря на то, что силы мои были на исходе, я весь напрягся, присел на корточки и устремил взгляд в черный коридор, ведущий наверх, в мир, населенный людьми. Чувства, охватившие меня, были сродни тем, что не позволили мне оставаться на ночь в Безымянном городе, и были они столь же мучительны и необъяснимы. Однако мгновение спустя я испытал еще большее потрясение, услышав звук — первый звук, взломавший глухую тишину этих замогильных глубин. Это был

глубокий, низкий стон — словно скопище духов, обреченных на вечные муки, стеноло под землей; стон исходил из темного коридора, в который я вперил свои взор. Звук стремительно нарастал, и наконец в низком проходе раскатилось громовое эхо. В тот же миг я ощутил усилившийся поток холодного воздуха — он струился из туннелей со стороны лежавшего наверху города. Холодный воздух несколько взбодрил меня и привел в состояние душевного равновесия, ибо мгновение спустя я вспомнил о внезапных порывах ветра, которые каждый раз на восходе и на закате возникали вокруг устья, открывавшего вход в бездну; как раз один из таких порывов и помог мне обнаружить потайные туннели. Я посмотрел на часы — близилось время восхода солнца — и приготовился оказать сопротивление воздушному потоку, который устремился в недра земли, служившие ему домом, с таким же неистовством, с каким он вечером рвался наружу. Страх мой растаял, что было вполне объяснимо: мои размышления над неизвестным феноменом прервало проявление естественной природной стихии.

Между тем, становясь все неистовее, стон перерастал в пронзительный визг, с которым ветер ночи устремлялся в подземную пучину. Я снова упал ничком и лихорадочно вцепился в пол, в ужасе представив себе, как шквальный поток швырнет меня сквозь распахнутую дверь в разверзшуюся за нею фосфоресцирующую бездну. Боязнь сорваться в эту пропасть целиком овладела мной; однако к тому времени, когда я заметил, что мое тело и впрямь скользит по камням к зияющему провалу, я был уже пленником тысячи новых страхов, заполонивших мое воображение. Неумолимость воздушного потока пробудила во мне самые невероятные фантазии; содрогнувшись, я вновь сравнил себя с тем увиденным мною в жутком коридоре одиноким представителем рода человеческого, который был разорван в клочья сыновьями Безымянного города, — ибо в той беспощадной силе, с которой терзал меня ветер, угадывалось нарастающее с каждой секундой мстительное неистовство, казалось, вызванное неспособностью быстро расправиться со мной. Кажется, в последний момент из моей груди вырвался дикий вопль, — я почти потерял рассудок, — но даже если это было так, мой крик растворился в шуме этой преисподней, наполненной завывавшими ветрами-призраками. Я попытался ползти, преодолевая натиск незримого убийственного потока, но не смог даже удержаться на месте — струя воздуха медленно и неумолимо подталкивала меня

ко входу в неизвестный мир. Остатки разума покинули меня, загадочное двустипное безумного араба Альхазреда, увидавше-го Безымянный город во сне, вновь завертелось в моей голове, и я принялся безостановочно повторять его вслух:

То не мертво, что вечность охраняет,
Смерть вместе с вечностью порою умирает.

Одни только сумрачные боги пустыни знают, что произошло потом: как отчаянно я боролся во тьме с несущим смерть потоком, какой Абаддон вернул меня к жизни, в которой я обречен всегда помнить о ночном ветре и дрожать при его появлении до тех пор, пока забвение — или что-нибудь похуже — не овладеет мною. Что это было? Нечто чудовищное, неестественное, колоссальное — поверить в реальность подобного невозможно, разве что в безмолвные, отягощенные проклятием бессонницы предрассветные часы.

Как я уже говорил, ярость обрушившегося на меня воздушного потока была поистине адской, а его звучание наполнило меня ужасом и омерзением, ибо в нем ощущалась извечная, за-предельная злоба. А вскоре хаотичные звуки стихии, доносившиеся из коридора передо мной, дополнились новыми, которые, терзая мой мозг, раздавались как будто позади меня — оттуда, из могилы бесконечно древней цивилизации, миллионы лет скрытой от солнечного мира людей, теперь неслись леденящие кровь, вполне членораздельные вопли на неизвестном мне языке. Обернувшись, я увидел четко вырисовывавшиеся на фоне лучезарного эфира контуры кошмарных созданий, возникавших из тьмы коридора и мчавшихся мимо меня в недра земли, — воистину орда демонов во всеоружии, с перекошенными от ненависти мордами. Да, это были они, полуматериальные дьяволы, порождение расы, о которой люди не имеют ни малейшего понятия. Это были ползучие рептилии Безымянного города!

Наконец ветер стих, и я погрузился в кромешный мрак, ибо за последней из тварей захлопнулась тяжелая медная дверь, и оглушительное протяжное эхо ее металлического лязга вырвалось в далекий мир людей, приветствуя восходящее солнце, как некогда приветствовал его Мемнон на берегах Нила.

Зов Ктулху

Лучше бы не находить разгадку, объединяющую сошедших с ума творцов со всего света и потерявших сон, кровавых культистов и заблудших моряков... Впрочем, знающих слишком многое судьба незавидна

[Обнаружено в бумагах покойного Френсиса Виланда Терстона, г. Бостон.]

«Можно предположить, что еще сохранились представители тех могущественных сил или существ... свидетели того страшно далекого периода, когда сознание являло себя в формах и проявлениях, исчезнувших задолго до прихода волны человеческой цивилизации... в формах, память о которых сохранили лишь поэзия и легенда, назвавшие их богами, чудовищами и мифическими созданиями всех видов и родов...»

Элджернон Блэквуд

Глава 1 Ужас в глине

Проявлением наибольшего милосердия в нашем мире является, на мой взгляд, неспособность человеческого разума связать воедино все, что этот мир в себя включает. Мы живем на тихом

островке невежества посреди темного моря бесконечности, и нам вовсе не следует плавать на далекие расстояния. Науки, каждая из которых тянет в своем направлении, до сих пор причиняли нам мало вреда; однако настанет день и объединение разрозненных доселе обрывков знания откроет перед нами такие ужасающие виды реальной действительности, что мы либо потеряем рассудок от увиденного, либо постараемся скрыться от этого губительного просветления в покое и безопасности нового средневековья.

Теософы высказали догадку о внушающем благоговейный страх величии космического цикла, в котором весь наш мир и человеческая раса являются лишь временными обитателями. От их намеков на странные проявления давно минувшего кровь застыла бы в жилах, не будь они выражены в терминах, прикрытых успокоительным оптимизмом. Однако не они дали мне возможность единственный раз заглянуть в эти запретные эпохи: меня дрожь пробирает по коже, когда я об этом думаю, и охватывает безумие, когда я вижу это во сне. Этот проблеск, как и все грозные проблески истины, был вызван случайным соединением воедино разрозненных фрагментов — в данном случае одной старой газетной заметки и записок умершего профессора. Я надеялся; что никому больше не удастся совершить подобное соединение; во всяком случае, если мне суждена жизнь, то я никогда сознательно не присоединю ни одного звена к этой ужасающей цепи. Думаю, что и профессор тоже намеревался хранить в тайне то, что узнал, и наверняка уничтожил бы свои записи, если бы внезапная смерть не помешала ему.

Первое мое прикосновение к тому, о чем пойдет речь, случилось зимой 1926–27 года, когда внезапно умер мой двоюродный дед, Джордж Геммел Эйнджелл, заслуженный профессор в отставке, специалист по семитическим языкам Брауновского университета в Провиденсе, Род-Айленд. Профессор Эйнджелл получил широкую известность как специалист по древним письменам, и к нему часто обращались руководители крупнейших музеев; поэтому его кончина в возрасте девяноста двух лет не прошла незамеченной. Интерес к этому событию значительно усиливали и загадочные обстоятельства, его сопровождавшие. Смерть настигла профессора во время его возвращения с места причала парохода из Ньюпорта; свидетели утверждали, что он упал, столкнувшись с каким-то негром, по виду — моряком, неожиданно появившимся из одного из подозрительных тем-

ных дворов, выходивших на крутой склон холма, по которому пролегал кратчайший путь от побережья до дома покойною на Вильямс-стрит. Врачи не могли обнаружить каких-либо следов насилия на теле, и, после долгих путаных дебатов, пришли к заключению, что смерть наступила вследствие чрезмерной нагрузки на сердце столь пожилого человека, вызванной подъемом по очень крутому склону. Тогда я не видел причин сомневаться в таком выводе, однако впоследствии кое-какие сомнения у меня появились — и даже более: в конце концов я счел его маловероятным.

Будучи наследником и душеприказчиком своего двоюродного деда, который умер бездетным вдовцом, я должен был тщательно изучить его архивы; с этой целью я перевез все папки и коробки к себе в Бостон. Основная часть отобранных мною материалов была впоследствии опубликована Американским Археологическим Обществом, но оставался еще один ящик, содержимое которого я нашел наиболее загадочным и который не хотел показывать никому. Он был заперт, причем я не мог обнаружить ключ до тех пор, пока не догадался осмотреть личную связку ключей профессора, которую тот носил с собой в кармане. Тут мне, наконец, удалось открыть ящик, однако, сделав это, я столкнулся с новым препятствием, куда более сложным. Ибо откуда мне было знать, что означали обнаруженный мной глиняный барельеф, а также разрозненные записи и газетные вырезки, находившиеся в ящике? Неужели мой дед в старости оказался подвержен самым грубым суевериям? Я решил найти чудаковатого скульптора, несомненно, ответственного за столь очевидное расстройство прежде трезвою рассудка старого ученого.

Барельеф представлял собой неправильный четырехугольник толщиной менее дюйма и площадью примерно пять на шесть дюймов; он был явно современного происхождения. Тем не менее изображенное на нем ничуть ни отвечало современности ни по духу, ни по замыслу, поскольку, при всей причудливости и разнообразии кубизма и футуризма, они редко воспроизводят ту загадочную регулярность, которая таится в доисторических письменах. А в этом произведении такого рода письма безусловно присутствовали, но я, несмотря на знакомство с бумагами и коллекцией древних рукописей деда, не мог их идентифицировать с каким-либо конкретным источником или хотя бы указать малейший намек на их отдаленную принадлежность.

Над этими иероглифами располагалась фигура, которая явно была плодом фантазии художника, хотя импрессионистская манера исполнения мешала точно определить ее природу. Это было некое чудовище, или символ, представляющий чудовище, или просто нечто рожденное болезненным воображением. Если я скажу, что в моем воображении, тоже отличающимся экстравагантностью, возникли одновременно образы осьминога, дракона и карикатуры на человека, то, думается, я смогу передать дух изображенного существа. Мясистая голова, снабженная щупальцами, венчала нелепое чешуйчатое тело с недоразвитыми крыльями; причем именно общий контур этой фигуры делал ее столь пугающе ужасной. Фигура располагалась на фоне, который должен был, по замыслу автора, изображать некие циклопические архитектурные сооружения.

Записи, которые содержались в одном ящике с этим барельефом вместе с газетными вырезками, были выполнены рукой профессора Эйнджелла, причем, видимо, в последние годы жизни. То, что являлось, предположительно, основным документом, было озаглавлено «КУЛЬТ КТУЛХУ», причем буквы были очень тщательно выписаны, вероятно, ради избежания неправильного прочтения столь необычного слова. Сама рукопись была разбита на два раздела, первый из которых имел заглавие — «1925—Сны и творчество по мотивам снов Х. А. Уилкокса, Томас-стрит, 7, Провиденс, Лонг-Айленд», а второй — «Рассказ инспектора Джона Р. Легресса, Вьенвиллстрит, 121, Новый Орлеан, А. А. О. — собр, 1908—заметки о том же+ свид. Проф. Уэбба» Остальные бумаги представляли из себя краткие записи, в том числе содержание сновидений различных лиц, сновидений весьма необычных, выдержки из теософских книг и журналов (в особенности — из книги У. Скотта-Эллиота «Атлантис и потерянная Лемурия»), все остальное же — заметки о наиболее долго действовавших тайных культовых обществах и сектах со ссылками на такие мифологические и антропологические источники как «Золотая ветвь» Фрезера и книга мисс Мюррей «Культ ведьм в Западной Европе». Газетные вырезки в основном касались случаев особенно причудливых психических расстройств, а также вспышек группового помешательства или мании весной 1925 года.

Первый раздел основной рукописи содержал весьма любопытную историю. Она началась 1 марта 1925 года, когда худой темноволосый молодой человек, нервно-возбужденный, явился

к профессору Эйджеллу, принеся с собой глиняный барельеф, еще совсем свежий и потому влажный. На его визитной карточке значилось имя Генри Энтони Уилкокк и мой дед узнал в нем младшего сына из довольно известной семьи, который в последнее время изучал скульптуру в Художественной Школе Род-Айленда и проживал в одиночестве в Флер-де-Лиз-Билдинг, неподалеку от места своей учебы. Уилкокк был не по годам развитой юноша, известный своим талантом и своими чудачествами. С раннего детства он испытывал живой интерес к странным историям и непонятным сновидениям, о которых имел привычку рассказывать. Он называл себя «психически гиперсензитивным», а добропорядочные степенные жители старого коммерческого района считали его просто «чудаком» и не воспринимали всерьез.

Почти никогда не общаясь с людьми своего круга, он постепенно стал исчезать из поля зрения общества и теперь был известен лишь небольшой группе эстетов из других городов. Даже Клуб Искусств Провиденса, стремившийся сохранить свой консерватизм, находил его почти безнадежным.

В день своего визита, как сообщала рукопись профессора, скульптор без всякого вступления, сразу попросил хозяина помочь ему разобраться в иероглифах на барельефе. Говорил он в мечтательной и высокопарной манере, которая позволяла предположить в нем склонность к позерству и не вызвала симпатии; неудивительно, что мой дед ответил ему довольно резко, ибо подозрительная свежесть изделия свидетельствовала о том, что все это не имеет никакого отношения к археологии. Возражения юного Уилкокка, которые произвели на моего деда столь сильное впечатление, что он счел нужным их запомнить и впоследствии воспроизвести письменно, носили поэтический и фантастический характер, что было весьма типично для его разговоров и, как я мог убедиться в дальнейшем, вообще было его характерной чертой. Он сказал:

«Разумеется, он совсем новый, потому что я сделал его прошлой ночью во сне, где мне явились странные города; а сны старше, чем созерцательный Сфинкс или окруженный садами Вавилон».

И вот тогда он начал свое бессвязное повествование, которое пробудило дремлющую память и завоевало горячий интерес



Иллюстрация к рассказу «Зов Ктулху» из журнала «Weird Tales».
Февраль 1928 года.

Художник — Хью Ранкин

моего деда. Предыдущей ночью случились небольшие подземные толчки, наиболее ощутимые в Новой Англии за последние годы; это очень сильно повлияло на воображение Уилкокса. Когда он лег спать, то увидел совершенно невероятный сон об огромных Циклопических городах из титанических блоков и о взметнувшихся до неба монолитах, источавших зеленую илистую жидкость и начиненных потаенным ужасом. Стены и колонны там были покрыты иероглифами, а снизу, с какой-то неопределенной точки звучал голос, который голосом не был; хаотическое ощущение, которое лишь силой воображения могло быть преобразовано в звук и, тем не менее, Уилкокс попытался передать его почти непроизносимым сочетанием букв — «Ктулху фхтагн».

Эта вербальная путаница оказалась ключом к воспоминанию, которое взволновало и расстроило профессора Эйнджелла. Он опросил скульптора с научной дотошностью, и неистовой сосредоточенностью взялся изучать барельеф, над которым, не осознавая этого, во время сна работал юноша и который увидел перед собой, очнувшись, продрогший и одетый в одну лишь ночную рубашку. Как сказал впоследствии Уилкокс, мой дед сетовал на свою старость, так как считал, что именно она не позволила ему достаточно быстро распознать иероглифы и изображения на барельефе. Многие из его вопросов казались посетителю совершенно посторонними, в особенности те, которые содержали попытку как-то связать его с различными странными культурами, сектами или сообществами; Уилкокс с недоумением воспринимал неоднократные заверения профессора, что тот сохранит в тайне его признание в принадлежности к какому-либо из широко распространенных мистических или языческих религиозных объединений. Когда же профессор Эйнджелл убедился в полном невежестве скульптора в любых культовых вопросах, равно как и в области криптографии, он стал добиваться от своего гостя согласия сообщать ему о содержании последующих сновидений. Это принесло свои плоды, и после упоминания о первом визите рукопись содержала сообщения о ежедневных приходах молодого человека, во время которых он рассказывал о ярких эпизодах своих ночных видений, где всегда содержались некие ужасающие циклопические пейзажи с нагромождениями темных, сочащихся камней, и всегда там присутствовал подземный голос или разум, который монотонно выкрикивал нечто загадочное, воспринимавшееся органами чувств как совершеннейшая тарабарщина.

Два наиболее часто встречавшихся набора звуков описывались буквосочетаниями «Ктулху» и «Р'льех».

23-го марта, продолжала рукопись, Уилкокс не пришел; обращение не его квартиру показало, что он стал жертвой неизвестной лихорадки и был перевезен в свой семейный дом на Уотермэн-стрит. Той ночью он кричал, разбудив других художников, проживавших в доме, и с тех пор в его состоянии чередовались периоды бреда с полным беспамятством. Мой дед сразу же телефонировал его семье и с тех пор внимательно следил за состоянием больного, часто обращаясь за информацией в офис доктора Тоби на Тейер-стрит, который, как он узнал, был лечащим врачом. Пораженный лихорадкой мозг больного населяли странные видения, и врача, сообщавшего о них, время от времени охватывала дрожь. Видения эти содержали не только то, о чем прежде рассказывал юный Уилкокс, но все чаще упоминались гигантские создания, «в целые мили высотой», которые расхаживали или неуклюже передвигались вокруг.

Ни разу он не описал эти объекты полностью связно, но те отрывочные слова, которые передавал доктор Тоби, убедили профессора, что существа эти, по-видимому, идентичны безымянным чудовищам, которых изобразил молодой человек в своей «сонной скульптуре». Упоминание этого объекта, добавлял доктор, всегда предшествовало наступлению летаргии. Температура больного, как ни странно, не очень отличалась от нормальной; однако все симптомы указывали скорее на настоящую лихорадку, чем на умственное расстройство.

2-го апреля около трех часов пополудни болезнь Уилкокса неожиданно прекратилась. Он сел в своей кровати, изумленный пребыванием в доме родителей и не имевший никакого представления о том, что же происходило в действительности и во сне начиная с ночи 22 марта. Врач нашел его состояние удовлетворительным, и через три дня он вернулся в свою квартиру; однако, более не смог оказать никакой помощи профессору Эйнджеллу. Все следы причудливых сновидений полностью исчезли из памяти Уилкокса, и мой дед прекратил записи его ночных образов спустя неделю, в течение которой молодой человек пунктуально сообщал ему совершенно заурядные сны.

Тут первый раздел рукописи заканчивался, однако сведения, содержащиеся в отрывочных записях, давали дополнительную пищу для размышлений — и столь много, что лишь присущий

мне скептицизм, составлявший в то время основу моей философии, мог способствовать сохранению недоверчивого отношения к художнику. Упомянутые записи представляли собой содержание сновидений различных людей и относились именно к тому периоду, когда юный Уилкоккс совершал свои необычные визиты. Похоже, что мой дед развернул весьма обширные исследования, опрашивая почти всех своих знакомых, к кому мог свободно обратиться, об их сновидениях, фиксируя даты их появлений.

Отношение к его просьбам, видимо, было различным, но в целом он получил так много откликов, что ни один человек не справился бы с ними без секретаря.

Исходная корреспонденция не сохранилась, однако заметки профессора были подробными и включали все значимые детали ночных видений. При этом «средние люди», обычные представители деловых и общественных кругов — по традиции считающиеся в Новой Англии «солью земли» — давали почти полностью негативные результаты, хотя время от времени среди них встречались тяжелые, плохо сформированные ночные видения — имевшие место всегда между 23 марта и 2 апреля, то есть в период горячки юного Уилкоккса. Люди науки оказались чуть более подверженными аффекту, хотя всего лишь четыре описания содержали мимо-летные проблески странных ландшафтов, да в одном случае упоминалось наличие чего-то аномального, вызвавшего страх.

Прямое отношение к теме исследования имели только сновидения поэтов и художников, и я предполагаю, что если бы была использована возможность сопоставить их содержание, не удалось бы избежать самой настоящей паники.

Скажу больше, поскольку самих писем от опрошенных здесь не было, я подозревал, что имели место наводящие вопросы или даже, что данные были подтасованы под желаемый результат. Вот почему я продолжал думать, что

Уилкоккс, каким-то образом осведомленный о материалах, собранных моим дедом раньше, оказал внушающее воздействие на престарелого ученого. Короче говоря, отклики эстетов давали волнующую картину. Начиная с 28 февраля и по 2 апреля очень многие из них видели во сне весьма причудливые вещи, причем интенсивность сновидений была заметно выше в период лихорадки скульптора.

Больше четверти сообщений содержали описание сцен и полувзвук, похожих на те, что приводил Уилкоккс; некоторые из

опрошенных признавались, что испытали сильнейший страх перед гигантским непонятным объектом, появлявшимся под концом сна. Один из случаев, описанный особенно подробно, оказался весьма печальным. Широко известный архитектор, имевший пристрастие к теософии и оккультным наукам, в день начала болезни Уилкокса впал в буйное помешательство и скончался через несколько месяцев, причем он почти непрерывно кричал, умоляя спасти его от какого-то адского существа. Если бы мой дед в своих записях вместо номеров указывал подлинные имена своих корреспондентов, то я смог бы предпринять какие-то собственные попытки расследования, но за исключением отдельных случаев такой возможности у меня не было. Последняя группа дала наиболее подробные описания своих впечатлений. Меня очень интересовало отношение всех опрошенных к исследованиям, предпринятым профессором. На мой взгляд, хорошо, что они так и не узнали об их результатах.

Вырезки из газет, как я выяснил, имели отношение к различным случаям паники, психозов, маниакальных явлений и чудачеств, происшедшим за описываемый период времени. Профессору Эйнджеллу, по-видимому, потребовалось целое пресс-бюро для выполнения этой работы, поскольку количество вырезок было огромным, а источники сообщений разбросаны по всему земному шару. Здесь было сообщение о ночном самоубийстве в Лондоне, когда одинокий человек с диким криком выбросился во сне из окна. Было и бессвязное послание к издателю одной газеты в Южной Африке, в котором какой-то фанатик делал зловещие предсказания на основании видений, явившихся ему во сне. Заметка из Калифорнии описывала теософскую колонию, члены которой, нарядившись в белые одежды, все вместе приготовились к некоему «славному завершению», которое, однако, так и не наступило; сообщение из Индии осторожно намекало на серьезные волнения среди местного населения, возникшие в конце марта.

Участились оргии колдунов на Гаити; корреспонденты из Африки также сообщали об угрожающих признаках народных волнений. Американские военные на Филиппинах отметили факты тревожного поведения некоторых племен, а нью-йоркские полицейские были окружены возбужденной толпой впавших в истерику левантийцев в ночь с 22 на 23 марта. Запад Ирландии тоже был полондиких слухов и пересудов, а живописец Ардуа-Бонно, известный приверженностью к фантастическим сюжетам, выста-

вил исполненное богохульства полотно под названием «Пейзаж из сна» на весеннем слоне в Париже в 1926 году. Записи же о беспорядках в психиатрических больницах были столь многочисленны, что лишь чудо могло помешать медицинскому сообществу обратить внимание на это странное совпадение и сделать выводы о вмешательстве мистических сил. Этим зловещим подбором вырезок все было сказано и я сепия с трудом могу представить, что какой-то бесчувственный рационализм побудил меня отложить все это в сторону. Однако тогда я был убежден, что юный Уилкоккс осведомлен о более ранних материалах, упомянутых профессором.

Глава 2

Рассказ инспектора Легресса

Материалы, которые придали сну скульптора и его барельефу такую значимость в глазах моего деда, составляли тему второго раздела обширной рукописи. Случилось так, что ранее профессор Эйнджелл уже видел дьявольские очертания безымянного чудовища, ломал голову над неизвестными иероглифами и слышал зловещие звуки, которые можно было воспроизвести только как «Ктулху», причем все это выступало в такой внушающей ужас связи, что жадный интерес профессора к Уилкоксу и поиск все новых подробностей были вполне объяснимыми.

Речь идет о событиях, происшедших в 1908 году, то есть семнадцатью годами ранее, когда Американское Археологическое Общество проводило свою ежегодную конференцию в Сент-Луисе. Профессор Эйнджелл в силу своего авторитета и признанных научных достижений, играл существенную роль во всех обсуждениях; и был одним из первых, к кому обращались с вопросами и проблемами, требующими экспертной оценки. Главным и наиболее интересным среди всех неспециалистов на этой конференции был вполне заурядной внешности мужчина средних лет, прибывший из Нового Орлеана для того, чтобы получить информацию, недоступную тамошним местным источникам. Его звали

Джон Рэймон Легресс, и по профессии он был полицейским инспектором. С собой он привез и сам предмет интереса — гротескную, омерзительного вида и, по всей видимости, весьма древнюю каменную фигурку, происхождение которой было ему неизвестно.

Не стоит думать, что инспектор Легресс хоть в какой-то степени интересовался археологией. Напротив, его желание получить консультацию объяснялось чисто профессиональными соображениями. Эта статуэтка, идол, фетиш, или что-то еще; была конфискована в болотистых лесах южнее Нового Орлеана во время облавы на сборище, как предполагалось — колдовское; причем обряды, связанные с ним, были столь отвратительны и изощрены, что полиция не могла отнестись к ним иначе, как к некоему темному культу, доселе совершенно неизвестному и куда более дьявольскому, чем самые мрачные африканские колдовские секты. По поводу его истоков, кроме отрывочных и малоправдоподобных сведений, полученных от задержанных участников церемонии, ничего не было выяснено; поэтому полиция была заинтересована в любых сведениях, любых суждениях специалистов, которые помогли бы объяснить устрашающий символ и, благодаря ему, добраться до первоисточников культа.

Инспектор Легресс был явно не готов к тому впечатлению, которое произвело его сообщение. Одного вида привезенной им вещицы оказалось достаточно, чтобы привести всех собравшихся ученых мужей в состояние сильнейшего возбуждения, они тут же столпились вокруг гостя, уставившись на маленькую фигурку, крайняя необычность которой, наряду с ее явной принадлежностью к глубокой древности, свидетельствовала о возможности заглянуть в доселе неизвестные и потому захватывающие горизонты античности.

Рука неизвестного скульптора вдохнула жизнь в этот жуткого вида объект; и вместе с тем в тусклую зеленоватую поверхность неизвестного камня были, казалось, вписаны века и даже целые тысячелетия.

Фигурка, медленно переходившая из рук в руки и подвергавшаяся тщательному осмотру, имела семь-восемь дюймов в высоту. Она изображала монстра, очертания которого смутно напоминали антропоидные, однако у него была голова осьминога, лицо представляло собой массу щупалец, тело было чешуйчатым,

гигантские когти на передних и задних лапах, а сзади — длинные, узкие крылья. Это создание, которое казалось исполненным губительного противоестественного зла, имело тучное и дородное сложение и сидело на корточках на прямоугольной подставке или пьедестале, покрытом неизвестными иероглифами. Кончики крыльев касались заднего края подставки, седалище занимало ее центр, в то время как длинные кривые когти скрюченных задних лап вцепились в передний край подставки и протянулись под ее дно на четверть длины. Голова монстра была наклонена вперед, так, что кончики лицевых щупалец касались верхушек огромных передних когтей, которые обхватывали приподнятые колени. Существо это казалось аномально живым и, так как происхождение его было совершенно неизвестным, тем более страшным.

Запредельный возраст этого предмета был очевиден; и в то же время ни одной ниточкой не была связана эта вещь ни с каким известным видом искусства времен начала цивилизации — так же, впрочем, как и любого другого периода.

Даже материал, из которого была изготовлена фигурка, остался загадкой, поскольку зеленовато-черный камень с золотыми и радужными крапинками и прожилками не напоминал ничего из известного в геологии или минералогии.

Письмена вдоль основания тоже поставили всех в тупик: никто из присутствовавших не мог соотнести их с известными лингвистическими формами несмотря на то, что здесь собралось не менее половины мировых экспертов в этой области. Иероглифы эти, как по форме, так и по содержанию, принадлежали к чему-то страшно далекому и отличному от нашего человеческого мира; они выглядели напоминанием о древних и неосвященных циклах жизни, в которых нам и нашим представлениям не было места.

И все-таки, пока присутствующие ученые безнадежно качали головами и признавали свое бессилие перед лицом задачи, поставленной инспектором, нашелся в этом собрании человек, увидевший штрихи причудливой близости, смутного сходства этой фигурки монстра и письменных форм, его сопровождающих и того события, свидетелем которого он был, и о котором рассказал с некоторой неуверенностью. Им оказался ныне покойный профессор Уильям Чэннинг Уэбб, профессор антропологии Принстонского университета, не без оснований признанный выдающимся исследователем.

Сорок восемь лет назад профессор Уэбб участвовал в экспедиции по Исландии и Гренландии в поисках древних руниче-

ских рукописей, раскрыть секрет которых ему так и не удалось; будучи на западном побережье Гренландии, он столкнулся с необычным племенем вырождающихся эскимосов, чья религия, представлявшая собой своеобразную форму поклонения дьяволу, напугала его своей чрезвычайной кровожадностью и своими отвратительными ритуалами. Это было верование, о котором все прочие эскимосы знали очень мало и упоминали всегда с содроганием; они говорили, что эта религия пришла из ужасных древних эпох, с времен, что были еще до сотворения мира. Помимо отвратительных ритуалов и человеческих жертвоприношений были там и довольно странные традиционные обряды, посвященные верховному дьяволу или «торнасуку», а для наименования последнего профессор Уэбб нашел фонетическое соответствие в названии «ангекок» или «жрецколдун», записав латинскими буквами как можно ближе к звучанию оригинала. Но в данном случае наиболее важен был фетиш, который хранили служители культа и вокруг которого верующие танцевали, когда утренняя заря загоралась над ледяными скалами. Фетиш, как заявил профессор, представлял собой очень грубо выполненный каменный барельеф, содержащий какое-то жуткое изображение и загадочные письмена.

Насколько он припоминал, во всех своих основных моментах то изображение походило на дьявольскую вещицу, лежавшую сейчас перед ними.

Это сообщение, принятое присутствующими с изумлением и тревогой, вдвойне взволновало инспектора Легресса; он тут же принялся засыпать профессора вопросами. Поскольку он отметил и тщательно записал заклинания людей, арестованных его подчиненными на болоте, то просил профессора Уэбба как можно точнее припомнить звучание слогов, которые выкрикивали поклонявшиеся дьяволу эскимосы. За этим последовало скрупулезное сравнение деталей, завершившееся моментом подлинного и всеобщего изумления и благоговейной тишины, когда и детектив, и ученый признали полную идентичность фраз, использованных двумя сатанинскими культами, которых разделяли такие гигантские пространства. Итак, и эскимосские колдуны и болотные жрецы из Луизианы пели, обращаясь к внешне сходным идолам, следующее — предположение о делении на слова было сделано на основании пауз в пении — «Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн».

Легресс имел преимущество перед профессором Уэббом в том, что некоторые из захваченных полицией людей сообщили смысл этих звукосочетаний. По их словам, текст означал: «В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа».

Тут уже инспектор Легресс, повинуясь общему настоятельному требованию, подробно рассказал историю, происшедшую с болотными служителями культа; историю, которой мой дед придавал большое значение. Его рассказ был воплощением мечты специалиста по мифологии или теософа, показывающим потрясающую распространенность космических фантазий среди таких примитивных каст и парий, от которых менее всего можно было этого ожидать.

Первого ноября 1907 года в полицию Нового Орлеана поступили отчаянные заявления из южных районов, местностей болот и лагун, Тамошние поселенцы, в основном грубые, но дружелюбные потомки племени Лафитта, были охвачены ужасом в результате непонятного явления, происшедшего ночью. Это было несомненно колдовство, но колдовство столь кошмарное, что им такое не могло даже придти в голову; некоторые из женщин и детей исчезли с того момента, как зловеющие звуки тамтама начали доноситься из глубин черного леса, в который не решался заходить ни дин из местных жителей. Оттуда слышались безумные крики и вопли истязаемых, леденящее душу пение, видны были дьявольские пляски огоньков; всего этого, как заключил напуганный посланник, люди уже не могли выносить.

Итак, двадцать полицейских, разместившихся на двух повозках и автомобиле, отправились на место происшествя, захватив с собой дрожащего от испуга скваттера в качестве проводника. Когда проезжая дорога закончилась, все вылезли из повозок и машины и несколько миль в полном молчании шлепали по грязи через мрачный кипарисовый лес, под покровы которого никогда не проникал дневной свет. Страшные корни и свисающие с деревьев петли испанского лишайника окружали их, а появлявшиеся время от времени груды мокрых камней или обломки сгнившей стены усиливали ощущение болезненности этого ландшафта и чувство депрессии. Наконец, показалась жалкая кучка хижин, поселок скваттеров и доведенные до истерики обитатели выскочили навстречу.

Издалека слышались приглушенные звуки тамтамов; и порыв ветра иногда приносил с собой леденящий душу крик. Красноватый огонь, казалось, просачивался сквозь бледный подлесок, запуганные скваттеры наотрез отказались сделать хоть один шаг по направлению к сборищу нечестивых и поэтому инспектор Легресс со своими девятнадцатью полицейскими дальше пошел без проводников.

Местность; в которую вступали сейчас полицейские, всегда имела дурную репутацию, и белые люди, как правило, избегали здесь появляться. Ходили легенды таинственном озере, в котором обитает гигантский бесформенный белый полип со светящимися глазами, а скваттеры шепотом рассказали, что в этом лесу дьяволы с крыльями летучих мышей вылетают из земляных нор и в полночь водят жуткие хороводы. Они уверяли, что все это происходило еще до того, как здесь появились индейцы, до того, как появились люди, даже до того, как в этом лесу появились звери и птицы. Это был настоящий кошмар и увидеть его означало умереть. Люди старались держаться от этих мест подальше, но нынешний колдовской шабаш происходил в непосредственной близости от их поселка, и скваттеров, по всей видимости, само по себе место сборища пугало куда сильнее, чем доносящиеся оттуда вопли.

Лишь только поэт или безумец мог бы отдать должное тем звукам, которые доносились до людей Легресса, продиравшихся сквозь болотистую чащу по направлению к красному свечению и глухим ударам тамтама. Есть, как известно, звуки, присущие животным, и звуки, присущие человеку; и жутко становится, когда источники их вдруг меняются местами. Разнузданные участники оргии были в состоянии звериной ярости, они взвинчивали себя до демонических высот завываниями и пронзительными криками, прорывавшимися сквозь толщу ночного леса и вибрировавшими в ней, подобно смрадным испарением из бездны ада.

Время от времени беспорядочное улюлюканье прекращалось, и тогда слаженный хор грубых голосов начинал распевать страшную обрядовую фразу:

«Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн».

Наконец полицейские достигли места, где деревья росли пореже, и перед ними открылось жуткое зрелище. Четверо из них зашатались, один упал в обморок, двое в страхе закричали, однако крик их, к счастью, заглушала безумная какофония оргии, Легресс плеснул

болотной водой в лицо потерявшему сознание товарищу и вскоре все они стояли рядом, дрожа и почти загнипнотизированные ужасом.

Над поверхностью болота располагался травянистый островок, площадью примерно в акр, лишенный деревьев и довольно сухой. На нем в данный момент прыгала и извивалась толпа настолько уродливых представителей человеческой породы, которых могли представить и изобразить разве что художники самой причудливой и извращенной фантазии. Лишенное одежды, это отродье топталось, выло и корчилося вокруг чудовищного костра кольцеобразной формы; в центре костра, появляясь поминутно в разрывах огненной завесы, возвышался большой гранитный монолит примерно в восемь футов, на вершине которого, несоразмерно миниатюрная, покоилась резная фигурка. С десяти виселиц, расположенных через равные промежутки по кругу, свисали причудливо вывернутые тела несчастных исчезнувших скваттеров. Именно внутри этого круга, подпрыгивая и вопя, двигаясь в нескончаемой вакханалии между кольцом тел и кольцом огня, бесновалась толпа дикарей.

Возможно это было лишь игрой воспаленного воображения, но одному из полицейских, экспансивному испанцу, слышалось, что откуда-то издалека доносятся звуки, как бы вторящие ритуальному пению, и отзвук этот шел из глубины леса, хранилища древних страхов и легенд. Человека этого, Жозефа Д. Галвеса, я последствии опрашивал, и он действительно оказался чрезвычайно впечатлительным. Он уверял даже, что видел слабое биение больших крыльев, а также отблеск сверкающих глаз и очертания громадной белой массы за самыми дальними деревьями — но тут, я думаю, он стал жертвой местных суеверий.

На самом деле, полицейские оставались в состоянии ступора всего несколько мгновений. Чувство долга возобладало: хотя в толпе было не менее сотни беснующихся ублюдков, полицейские полагались на свое оружие и решительно двинулись вперед. В течение последовавших пяти минут шум и хаос стали совершенно неописуемыми, Дубинки полицейских наносили страшные удары, грохотали револьверные выстрелы, и, в результате, Легресс насчитал сорок семь угрюмых пленников, которым он приказал одеться и выстроиться между двумя рядами полицейских. Пятеро участников колдовского шабаша были убиты, а двое тяжело раненных были перенесены на импровизированных носилках своими плененными товарищами. Фигурку с монолита, разумеется, сняли и Легресс забрал ее с собой.

После того как изнурительное путешествие завершилось, пленники были тщательно допрошены и обследованы в полицейском управлении. Все они оказались людьми смешанной крови, чрезвычайно низкого умственного развития, да еще и с психическими отклонениями. Большая часть из них была матросами, а горстка негров и мулатов, в основном из Вест-Индии, или португальцев с островов Кэйп-Верде, приносила оттенок колдовства в этот разнородный культ.

Но еще до того, как были заданы все вопросы, выяснилось, что здесь речь идет о чем-то значительно более древнем и глубоком, чем негритянский фетишизм.

Какими бы дефективными и невежественными ни были эти люди, они с удивительной последовательностью придерживались центральной идеи своего отвратительного верования,

Они поклонялись, по их собственным словам, Великим Старейшинам, которые существовали еще за века до того, как на земле появились первые люди, и которые пришли в совсем молодой мир с небес. Эти Старейшины теперь ушли, удалились вглубь земли и под дно моря; однако их мертвые тела рассказали свои секреты первому человеку в его снах, и он создал культ, который никогда не умрет. Это был именно их культ, и пленники утверждали, что он всегда существовал и всегда будет существовать, скрытый в отдаленных пустынях и темных местах по всему миру, до тех пор, пока великий жрец Ктулху не поднимется из своего темного дома в великом городе Р'льехе под толщей вод, и не станет властелином мира. Наступит день, и он, когда звезды будут им благоприятствовать, их призовет,

А больше пока сказать ничего нельзя. Есть секрет, который невозможно выпытать никакими- средствами, никакими мучениями. Человек никогда не был единственным обладателем сознания на Земле, ибо из тьмы рождаются образы, которые посещают, немногих верных и верующих. Но это не Великие Старейшины. Ни один человек никогда не видел Старейшин. Резной идол представляет собой великого Ктулху, но никто не может сказать, как выглядят остальные. Никто не может теперь прочесть древние письмена, но слова передаются из уст в уста.

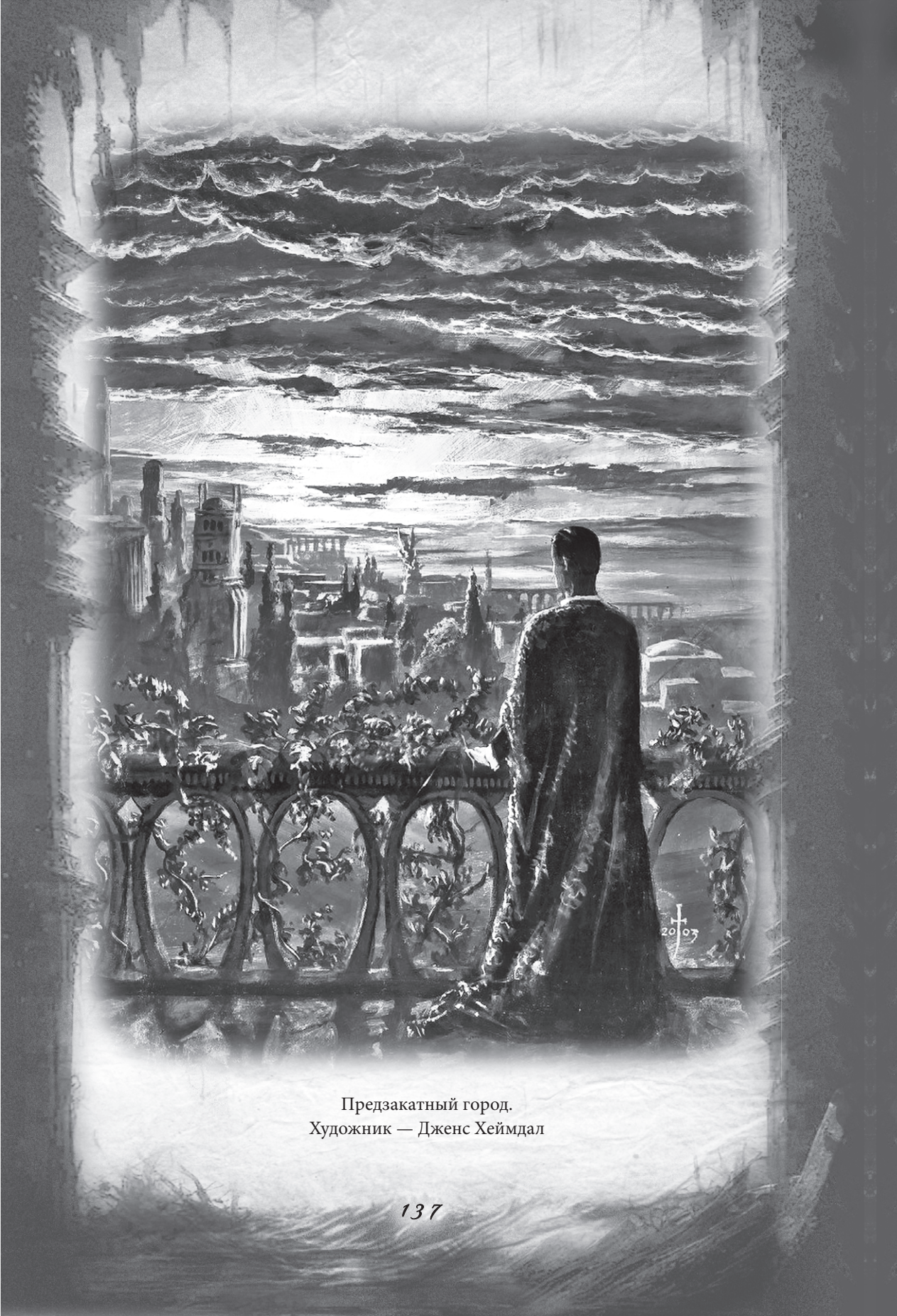
Заклинание, которое они поют, не является великим секретом из тех, которые передаются только шепотом и никогда не произносятся вслух. А закливание, которое

они распевают, означает лишь одно: «В Р'льехе, в своем доме мертвый Ктулху спит в ожидании своего часа».

Лишь двое из захваченных пленников оказались вменяемыми настолько, чтобы их можно было повесить, всех же прочих разместили по различным лечебницам. Все они отрицали участие в ритуальных убийствах, и уверяли, что убийства совершали Чернокрылые, приходившие к ним из своих убежищ, которые с незапамятных времен находятся в глуши леса. Однако больше об этих таинственных союзниках ничего связного узнать не удалось. Все, что полиция смогла выяснить, было получено от весьма престарелого метиса по имени Кастро, который клялся, что бывал в самых разных портах мира и что он беседовал с бессмертными вождями культа в горах Китая.

Престарелый Кастро припомнил отрывки устрашающих легенд, на фоне которых блекнут все рассуждения теософов и которые представляют человека и весь наш мир, как нечто недавнее и временное. Были эпохи, когда на земле господствовали иные Существа, и они создали большие Города. Как рассказывал бессмертный Китаец, останки этих Существ еще могут быть обнаружены: они превратились в циклопические камни на островах Тихого океана. Все они умерли задолго до появления человека, но есть способы, которыми можно их оживить, особенно когда звезды вновь займут благоприятное положение в цикле вечности.

Ведь они сами пришли со звезд и принесли с собой свои изображения, Великие Старейшины, продолжал Кастро, не целиком состоят из плоти и крови. У них есть форма — ибо разве эта фигурка не служит тому доказательством? — но форма их не воплощена в материи. Когда звезды займут благоприятное положение, Они смогут перемещаться из одного мира в другой, но пока звезды расположены плохо. Они не могут жить. Однако, хотя Они больше не живут, но Они никогда полностью не умирали. Все Они лежат в каменных домах в их огромном городе Р'льехе, защищенные заклетами могущественного Ктулху, в ожидании великого возрождения, когда звезды и Земля снова будут готовы к их приходу. Но и в этот момент освобождению Их тел должна способствовать какая-нибудь внешняя сила. Заклęcia, которые делают их неуязвимыми, одновременно не позволяют Им сделать первый шаг, поэтому теперь они могут только лежать без сна в темноте и думать, пока бесчисленные миллионы лет проносятся мимо. Им известно



Предзакатный город.
Художник — Дженс Хеймдал

все, что происходит во вселенной, поскольку форма их общения — это передача мыслей. Так что даже сейчас они разговаривают друг с другом в своих могилах. Когда, после бесконечного хаоса, на Земле появились первые люди, Великие старейшины обращались к самым чутким из них при помощи внедрения в них сновидений, ибо только таким образом мог Их язык достичь сознания людей.

И вот, прошептал Кастро, эти первые люди создали культ во-круг маленьких идолов, которых показали им Великие Старейшины: идолов, принесенных в давно стершиеся из памяти века, с темных звезд. Культ этот никогда не прекратится, он сохранится до тех пор, пока звезды вновь не займут удачное положение, и тайные жрецы поднимут великого Ктулху из его могилы, чтобы оживить Его подданных и восстановить Его власть на земле. Время это легко будет распознать, ибо тогда все люди станут как Великие Старейшины — дикими и свободными, окажутся по ту сторону добра и зла, отбросят в сторону законы и, мораль, будут кричать, убивать и веселиться. Тогда освобожденные Старейшины раскроют им новые приемы, как кричать, убивать и веселиться, наслаждаясь собой, и вся земля запыхает всеуничтожающим огнем свободы и экстаза, до тех пор культ, при помощи своих обрядов и ритуалов, должен сохранять в памяти эти древние способы и провозглашать пророчества об их возрождении.

В прежние времена избранные люди могли говорить с погребенными Старейшинами во время сна, но потом что-то случилось. Великий каменный город Р'льех, с его монументами и надгробиями исчез под волнами; и глубокие воды, полные единой первичной тайны, сквозь которую не может пройти даже мысль, оборвали и это призрачное общение. Но память никогда не умирает, и верховные жрецы говорят, что город восстанет вновь, когда звезды займут благоприятное положение. Тогда из земли восстанут ее черные духи, призрачные и забытые, полные молвы, извлеченной из-под дна забытых морей. Но об этом старый Кастро говорить не вправе. Он резко оборвал свой рассказ, и в дальнейшем никакие попытки не могли заставить его говорить. Странно также, что он категорически отказался описать размеры Старейшин. Сердце этой религии, по его словам, находится посреди безвестных пустынь Аравии, где дремлет в неприкосновенности Ирем, Город Колонн. Это верование никак не связано с европейским культом ведьм, и практически неизвестно никому, кроме его приверженцев. Ни в одной из книг нет даже намек на

него, хотя, как рассказывал бессмертный Китаец, в «Некрономиконе» безумного арабского автора Абдулы Альхазреда есть строки с двойным смыслом, которые начинающий может прочесть по своему усмотрению, в частности такой куплет, неоднократно являвшийся предметом дискуссий:

«Вечно лежать без движения может не только мертвый,
А в странные эпохи даже смерть может умереть».

Легресс, на которого все это произвело глубокое впечатление, безуспешно пытался узнать, получил ли подобный культ историческое признание. По всей видимости, Кастро сказал правду, утверждая, что он остался полностью скрытым.

Специалисты из университета в Тулэйне, куда обратился Легресс, не смогли сказать что-либо ни о самом культе, ни о фигурке идола, которую он им показал, теперь инспектор обратился к ведущим специалистам в данной области и вновь не смог услышать ничего более существенного, чем гренландская история профессора Уэбба.

Лихорадочный интерес, вызванный на собрании специалистов рассказом Легресса и подкрепленный показанной им фигуркой, получил отражение в последующей корреспонденции присутствовавших специалистов, хотя почти не был упомянут в официальных публикациях археологического общества. Осторожность — всегда является первой заботой ученых, привыкших сталкиваться с шарлатанством и попытками мистификации. На некоторое время Легресс передал игрушку идола профессору Уэббу, однако, после смерти последнего, получил ее обратно и она оставалась у него, так что увидеть загадочную вещицу я смог лишь совсем недавно. Это в самом деле довольно жуткого вида произведение, несомненно очень похожее на «сонную скульптуру» юного Уилкокса.

Неудивительно, что мой дед был весьма взволнован рассказом скульптора, ибо какие же еще мысли могли у него возникнуть, если учесть, что он уже знал историю Легресса о загадочном культе, а тут перед ним был молодой человек, который увидел во сне не только фигурку и точные изображения иероглифов, обнаруженных в луизианских болотах и гренландских льдах, но и встретил во сне по крайней мере три слова, в точности повторяющих заклинания эскимосских сатанистов и луизианских уродцев? Естественно, что профессор Эйнджелл тут же начал

свое собственное расследование; хотя, по правде сказать, я лично подозревал юного Уилкокса в том, что тот, каким-то образом узнав о злополучном культе и выдумав серию так называемых «сновидений», решил продлить таинственную историю, втянув в это дело моего деда. Записи сновидений и вырезки из газет, собранные профессором, были, разумеется, серьезным подкреплением его догадок; однако мой рационализм и экстравагантность проблемы в целом привели меня к выводу, который я тогда считал наиболее разумным. Поэтому, тщательно изучив рукопись еще и еще раз и соотнеся теософические и антропологические суждения с рассказом Легресса, я решил поехать в Провиденс, чтобы высказать справедливые упреки в адрес скульптора, позволившего себе столь наглый обман серьезного пожилого ученого.

Уилкокс все еще проживал в одиночестве во Флер-де-Лиз-Билдинг на Томас-стрит, в здании, представлявшем собой уродливую викторианскую имитацию архитектуры семнадцатого века, выставлявшую собой оштукатуренный фасад среди очаровательных домиков колониального стиля в тени самой изумительной георгианской церкви в Америке. Я застал его за работой и, осмотрев разбросанные по комнате произведения, понял, что передо мной на самом деле выдающийся и подлинный талант. Я был убежден, что он со временем станет одним из самых известных декадентов, ибо он сумел воплотить в глине, затем отразить в мраморе те ночные кошмары и фантазии, которые Артур Мэйчен создал в прозе, а Кларк Эштон Смит оживил в своих стихах и живописных полотнах.

Смуглый, хрупкого сложения и несколько неряшливого вида, он вяло откликнулся на мой стук в дверь и, не поднимаясь с места, спросил что мне нужно. Когда я назвал себя, он проявил некоторый интерес: видимо, в свое время мой дед разбудил в нем любопытство, анализируя его странные сновидения, хотя так и не раскрыл перед ним истинной причины своего внимания. Я также не прояснил для него этой проблемы, но тем не менее постарался его разговорить.

Спустя очень короткое время я смог полностью убедиться в его несомненной искренности, поскольку манера, в которой он говорил о своих снах, рассеяла мои подозрения. Эти сновидения и их след в бессознательном сильнейшим образом повлияли на его творчество. Он показал мне чудовищную статую, контуры которой оказали на меня такое воздействие, что заставили едва

ли не задрожать от заключенной в ней мощной и темной силы. Он не мог припомнить никаких иных впечатлений, вдохновивших его на это творение, помимо своего «сонного барельефа», причем контуры фигуры возникали под его руками сами собой. Это был, несомненно, образ гиганта, созданный его бредом во время горячки. Очень скоро стало совершенно ясно, что он понятия не имеет о тайном культе, хотя настойчивые расспросы моего деда наводили его на какие-то мысли; тут, признаться, я вновь подумал, что он каким-то образом мог быть наведен на свой кошмарные образы.

Он рассказывал о своих снах в необычной поэтической манере; пробуждая меня воочию увидеть ужасающие картины сырого циклопического города из скользкого зеленоватого камня — чья геометрия, по его словам, была совершенно неправильной — и явственно слышать непрерывный полусознательный зов из-под земли: «Ктулху фхтагн! Ктулху фхтагн!».

Слова эти составляли часть жуткого призыва, обращенного к мертвому Ктулху, лежащему в своем каменном склепе в Р'льехе, и я, несмотря на укоренившийся во мне рационализм, почувствовал глубокое волнение. «Уилкоккс, — подумал я, — все-таки слышал раньше об этом культе, возможно мельком, случайно, и вскоре позабыл о нем, а воспоминание это растворилось в массе не менее жутких вещей, прочитанных в книгах и бывших плодом его фантазии.

Позднее, силу его острой впечатлительности, эти воспоминания нашли воплощение в снах, в барельефе, и в этой жуткой статуе, которую я увидел сегодня; таким образом его мистификация была ненамеренной». Молодой человек относился к тому типу людей, чья склонность к аффектации и дурные манеры раздражали меня; однако, это ничуть не мешало отдать должное его таланту и искренности. Мы расстались вполне дружески, и я пожелал ему всяческих успехов, которых, несомненно, заслуживал его художественный дар.

Проблема таинственного культа продолжала меня волновать, время от времени мне давалось встретиться с коллегами деда и узнать их точку зрения на его истоки. Я посетил Новый Орлеан, побеседовал с Легрессом и другими участниками того давнего полицейского рейда, увидел устрашающий каменный символ и даже смог опросить кое-кого из живых пленников-уродцев. Старик Кастро, к сожалению, умер несколькими года-

ми раньше. То, что я смог получить из первых рук, подтвердило известное мне из рукописи моего деда и, тем не менее, вновь взволновало меня; теперь уже я не сомневался, что попал на след совершенно реальной, исключительно тайной и очень древней религии, научное открытие которой сделает меня известным антропологом. Моей тогдашней установкой по-прежнему оставался абсолютный материализм (хотелось бы мне, чтобы и теперь он сохранился), и меня крайне раздражало своей непозволительной алогичностью совпадение по времени невероятных сновидений и событий, в том числе отраженных и в газетных вырезках, которые собрал покойный профессор Эйнджелл.

И вот тогда я начал подозревать, а сегодня уже могу утверждать, что я это знаю — смерть моего деда была далеко не естественной. Он упал на узкой улочке, идущей вверх по холму, кишмя кишасей всякими заморскими уродами, после того, как его толкнул моряк-негр, Я не забыл, что среди служителей культа в Луизиане было много людей смешанной крови и моряков, и меня нисколько не удивили сообщения об отравленных иголках и других тайных методах, столь же бесчеловечных и древних, как тайные обряды и ритуалы. Да, в самом деле, Легресса и его людей никто не тронул, однако, в Норвегии загадочной смертью закончил свой путь моряк, бывший свидетелем подобной оргии. Разве не могли сведения о тщательных расследованиях, которые предпринял мой дед после получения данных о снах скульптора, достичь чьих-то ушей? Я думаю, что профессор Эйнджелл умер потому, что слишком много знал или, по крайней мере, мог узнать слишком много. Суждено ли мне уйти так же, как ему, покажет будущее, ибо я уже сейчас знаю слишком многое...

Глава 3

Морское безумие

Если бы небесам захотелось когда-нибудь совершить для меня благодеяние, то таковым стало бы полное устранение последствий случайного стечения обстоятельств, которое побудило меня бросить взгляд на одну бумагу. В иной ситуации ничего не могло бы

заставить меня посмотреть на этот старый номер австралийского журнала «Сиднейский бюллетень» от 18 апреля 1925 года. Он ускользнул от внимания и той фирмы, которая занималась сбором газетных и журнальных вырезок для моего деда.

К тому времени я почти оставил изучение того, что мой дед называл «Кульг Ктулху», и находился в гостях у одного своего друга, ученого из Патерсона, штат Нью-Джерси, хранителя местного музея, довольно известного специалиста по минералогии. Рассматривая как-то образцы камней из запасников музея, я обратил внимание на странное изображение на старой бумаге, постеленной на полке под камнями. Это как раз и был «Сиднейский бюллетень», о котором я упомяну, а картинка же представляла собой выполненное методом автотипии изображение страшной каменной фигурки, почти идентичной той, которую Легресс обнаружил на болотах.

С жадностью вытащив журнал из-под драгоценного груза коллекции, я внимательно просмотрел заметку и был разочарован ее малым объемом. Содержание ее, однако, было необычайно важным для моих изрядно выдохшихся поисков и поэтому я аккуратно вырезал заметку из журнала. В ней сообщалось следующее:

«ОБНАРУЖЕНО ТАИНСТВЕННОЕ БРОШЕННОЕ СУДНО»

«Неусыпный» Прибывает с Неуправляемой Новозеландской Яхтой на Буксире. Один Живой и Один Мертвый Обнаружены на Борту. Рассказ об Отчаянной Битве и Гибели на Море. Спасенный Моряк Отказывается Сообщить Подробности Странного Происшествия, У Него Обнаружен Причудливый Идол. Предстоит Расследование.

Грузовое судно «Неусыпный», принадлежащее компании «Моррисон», отправившееся из Вальпараисо, подошло сегодня утром к своему причалу в Дарлинг-Харборе, имея на буксире пробитую и неуправляемую, но прекрасно вооруженную паровую яхту «Бдительная» из Данедина, Новая Зеландия, которая была замечена 12 апреля в 34 градусах 21 минуте южной широты и 152 градусах 17 минутах западной долготы с одним живым и одним мертвым человеком на борту.

«Неусыпный» покинул Вальпараисо 25 марта и 2 апреля значительно отклонился к югу от своего курса из-за необыкновенно сильного шторма и гигантских волн, 12 апреля было обнаружено

брошенное судно; яхта на первый взгляд казалась совершенно пустой, однако затем там заметили одного живого человека в полубессознательном состоянии и одного покойника, умершего не менее недели назад.

Оставшийся в живых сжимал в руках страшного каменного идола неизвестного происхождения; примерно футовой высоты, в отношении которого специалисты Сиднейского университета, королевского Общества, а также Музея Кдлледж-стрит признали свою полную неосведомленность. Сам оставшийся в живых матрос утверждает, что обнаружил эту вещь в салоне яхты, в небольшом резном алтаре довольно, грубого образца.

Этот человек, после того как пришел в чувство, рассказал весьма странную историю о пиратстве и кровавой резне. Он назвался Густавом Йохансеном, норвежцем, вторым помощником капитана на двухмачтовой шхуне «Эмма» из Окленда, которая отплыла в Каллао 20 февраля, имея на борту команду из одиннадцати человек.

Он рассказал, что «Эмма» задержалась в пути и была отнесена к югу от своего курса сильным штормом 1-го марта, и 22 марта в 49 градусах и 51 минуте южной широты и 128 градусах и 34 минутах западной долготы встретила «Бдительную», управляемую странной и зловещего вида командой из канаков и людей смешанной расы. Получив повелительное требование повернуть назад, капитан Коллинз, отказался выполнить его; и тут странный экипаж без всякого предупреждения открыл, яростный огонь по шхуне из батареи медных пушек, составлявших вооружение яхты.

Команда «Эммы», как сказал оставшийся в живых, приняла вызов и, хотя шхуна уже начала тонуть от пробоин ниже ватерлинии, смогла подвести шхуну бортом к борту яхты, проникнуть на нее и вступить в схватку с диким экипажем на палубе. В результате этой схватки они были принуждены перебить всех дикарей, хотя тех было несколько больше, из-за их яростного и отчаянного, хотя и довольно неуклюжего сопротивления.

Трое из экипажа «Эммы» были убиты, среди них — капитан Коллинз и первый помощник Грин; оставшиеся восемь под командой второго помощника Йохансена взяли на себя управление захваченной яхтой, двигаясь своим курсом с целью определить, были ли у экипажа яхты причины требовать от них его изменения.

На следующий день они увидели маленький остров и, причалив, высадились на него, хотя никто из них не знал ранее о его

существовании в этой части океана; шестеро почему-то погибли на этом острове, причем в этой части своего рассказа Йохансен стал крайне сдержанным и скрытным, сообщив лишь о том, что они упали в глубокую расщелину в скалах.

Позднее, по всей видимости, он и его оставшийся в живых напарник сели на яхту и попытались управлять ею, но 2 апреля оказались жертвами шторма.

С этого момента и по день своего спасения 12 апреля, Йохансен мало что помнит, в частности не может указать, когда умер его напарник, Уильям Брайден. Смерть последнего, как показал осмотр, не была вызвана какими-либо явными причинами и по всей вероятности произошла в результате перевозбуждения или атмосферных явлений.

Из Данедина по телеграфу сообщили, что «Бдительная» была, хорошо известным торговым судном, курсировавшим между островами Тихого океана, и что она пользовалась дурной репутацией по всему побережью; Ей владела группа представителей смешанных рас, достаточно необычная, чьи частые сборища и ночные путешествия в лесную чащу давали пищу для немалого любопытства; она вышла в море в большой спешке сразу же после шторма и подземных толчков 1 марта.

Наш оклендский корреспондент сообщает, что «Эмма» и ее экипаж имели чрезвычайно высокую репутацию, а Йохансена характеризует как трезвомыслящего и достойного человека.

Адмиралтейство назначило расследование этого происшествия, которое начнется уже завтра; в ходе расследования будет предпринята попытка получить от Йохансена более обширную информацию, чем данная им в настоящее время.

Вот и вся заметка вместе с фотоснимком дьявольского изображения; но какую же цепь ассоциаций она вызвала у меня! Ведь все это было бесценными новыми сведениями относительно культа Ктулху и подтверждало, что он имеет отношение к морю, а не только к земле. В самом деле, каким мотивом руководствовался смешанный экипаж, когда приказал «Эмме» повернуть назад, столкнувшись с ней на своем пути с ужасным идолом? Что это был за неизвестный остров, на котором умерли шестеро членов экипажа «Эммы» и о котором помощник Йохансен так не хотел рассказывать? Что было вскрыто в ходе расследования, предпринятого адмиралтейством, и что знали об этом гибельном культе в Данедине? И самое главное — какая глубокая

и сверхъестественная связь существовала между этими датами и различными поворотами событий, зафиксированных моим дедом? Наличие такой зловещей связи было очевидным...

1 марта — по-нашему — 28 февраля в соответствии с международной демаркационной линией суточного времени — были землетрясение и шторм. Из Данедина «Бдительная» и ее шумный экипаж вышли весьма поспешно, как будто подчиняясь чьему-то настоятельному требованию, и в это же время на другом конце земли поэты и художники начали видеть в своих снах странный, пропитанный сыростью циклопический город, а юный скульптор вылепил во сне из глины фигурку наводящего ужас Ктулху. 23 марта экипаж «Эммы» высаживается на неведомом острове, где оставляет потом шестерых мертвецов; и именно в этот день сны чувствительных людей приобретают особую яркость, и кошмар их усиливается сценой преследования гигантским монстром, в этот же день архитектор сходит с ума, а скульптор неожиданно впадает в горячечный бред! А что же сказать по поводу шторма 2 апреля — дня, когда все сны о сочащемся влагой городе неожиданно прекращаются и когда Уилкоккс чудесным образом избавляется от странной лихорадки? Что все это означает — наряду с намеками старого Кастро об ушедших под толщу вод Старейшинах, пришедших со звезд, и их грядущем царствовании; культе верующих в них и их способности владеть сновидениями? Неужели я балансирую на самом краю космического ужаса, лежащего за пределами того, что может постичь и вынести человек? Если это так, то второе апреля каким-то образом остановило ту чудовищную угрозу, которая уже начала осаду души Человечества.

В тот же вечер, отправив несколько телеграмм, я попрощался со своим хозяином и сел на поезд до Сан-Франциско. Менее, чем через месяц я уже был в Данедине, где, однако, мало что было известно о странных служителях небывалого культа, которые порой заходили в портовые таверны, Разного рода отбросы общества были слишком банальной темой для упоминания; хотя ходили смутные слухи относительно одного путешествия, совершенного этими уродцами в глубь острова, во время которого с отдаленных холмов были слышны приглушенные звуки барабана и виднелись красные языки пламени.

В Окленде я узнал, что по возвращении Йохансена его русые волосы оказались совершенно седыми; вернувшись после

поверхностного и неполного допроса в Сиднее, он продал свой коттедж на Вест-стрит в Данедине и вместе с женой уехал к себе в Осло. О своем необычайном приключении он рассказывал друзьям не больше, чем сообщил представителям адмиралтейства, так что они не могли ничего добавить и помогли мне лишь тем, что дали его адрес в Осло.

После этого я отправился в Сидней и совершенно безрезультатно побеседовал с моряками и участниками адмиралтейского суда. Я видел «Бдительную», ныне проданную и используемую как торговое судно, на Круговом Причале Сиднейской бухты, но ее внешний вид ничего не добавил к моим сведениям. Скрыченная фигурка со своей жуткой головой, драконьим туловищем, крыльями и покрытым иероглифами пьедесталом теперь хранилась в музее Гайд-Парка; я долго и внимательно осматривал ее, обнаружив вещь, выполненную с исключительным искусством, столь же таинственную, пугающе древнюю и внеземную по материалу, как и меньший по размеру экземпляр Легресса.

Хранитель музея, геолог по специальности, сказал мне, что считает ее чудовищной загадкой, поскольку на земле не существует такого камня, из которого она могла быть изготовлена. Тут я с содроганием вспомнил слова старого Кастро, которыми он описывал Легрессу Старейшину: «Они пришли со звезд и принесли с собой Свои изображения».

Все это настолько захватило меня, что я направился в Осло для встречи с Йохансеном. Добравшись до Лондона, я пересел там на корабль, отправлявшийся в норвежскую столицу, и в один из осенних дней вышел на набережную в тени Эдеберга, Йохансен проживал, как я узнал, в Старом Городе короля Харольда Хардредра, сохранявшего имя «Осло» на протяжении всех веков, пока больший город маскировался под именем «Христиания». Я немного проехал на такси и вскоре с бьющимся сердцем постучал в дверь чисто старинного домика с оштукатуренным фасадом. Женщина в черном с печальным лицом выслушала мои объяснения и на неуверенном английском сообщила ошеломившую меня новость; — Густав Йохансен умер.

Он прожил совсем недолго после своего возвращения, сказала его жена, потому что события 1925 года его надломили. Он рассказал ей не больше, чем всем остальным, однако оставил

большую рукопись — «Технические Детали», как он говорил — на английском языке, вероятно для того, чтобы уберечь свою жену от риска случайно с ней ознакомиться. Однажды, когда он проходил по узкой улочке близ Готенбургского дока, из чердачного окна одною из домов на него упала связка каких-то бумаг и сбила с ног. Двое матросов-индийцев помогли ему подняться, но он скончался еще до прибытия медицинской помощи.

Врачи не нашли никакой очевидной причины смерти и приписали ее сердечной недостаточности и ослабленному состоянию.

С тех пор меня снедает постоянный и навязчивый темный страх и я знаю, что он не оставит меня, пока я не найду свой конец, «случайно» или еще как-нибудь. Убедив вдову, что ознакомление с «Техническими Деталями» — цель моего столь долгого путешествия, я смог получить рукопись и начал читать ее на обратном пути в Лондон.

Это было непритязательное и довольно бессвязное сочинение — попытка простого моряка написать задним числом дневник происшедших с ним событий — день за днем восстановить то самое ужасное последнее путешествие. Я не могу передать его дословно, учитывая всю туманность изложения, повторы и перегруженность излишними деталями, но я постараюсь следовать сюжету так, чтобы вы поняли, почему звук воды, бьющей в борта корабля, стал для меня постепенно настолько невыносимым, что я вынужден был заткнуть свои уши ватой.

Йохансен, слава Богу, хотя увидел и Город и Существо, узнал не все. Но описанного им вполне хватило, чтобы я лишился спокойного сна. Стоит мне лишь подумать о том, что таится совсем рядом с нашей жизнью, о проклятиях, пришедших сюда с седых звезд и спящих теперь под толщей морских вод, об известном зловещему культу и им хранимом, как ужас пронизывает меня до мозга костей.

Путешествие Йохансена началось именно так, как он сообщил комиссии адмиралтейства. «Эмма», груженная балластом, покинула Окленд 20 февраля и почувствовала на себе полную силу вызванной подземным толчком бури, которая подняла со дна моря ужасы, наполнившие сны многих людей. Впоследствии корабль снова подчинился управлению и стал быстро продвигаться вперед, пока не оказался остановленным «Бдительной» 22 марта, и я смог почувствовать горечь и сожаление помощника капитана, когда он описывал, как подверглась обстрелу,

а затем и затонула, их шхуна. С нескрываемым отвращением он сообщал о смуглолицых служителях культа, находившихся на борту «Бдительной».

По-видимому в них было что-то такое, что-то небывало гнусное, отчего их уничтожение превращалось почти в священный долг — именно поэтому Йохансен с нескрываемым недоумением воспринял обвинение самого себя и своих людей в жестокости, прозвучавшее во время слушания в суде. Затем, движимые любопытством, люди Йохансена мчались вперед на захваченной яхте, пока, находясь в 47 градусах 9 минутах южной широты и 126 градусах 43 минутах западной долготы, не наткнулась на береговую линию, где посреди липкой грязи и ила обнаружили поросшую тростником каменную кладку, которая была не чем иным, как материализованным ужасом той планеты — кошмарным городом-трупом Р'льехом, построенном в незапамятные доисторические времена гигантскими отвратительными созданиями, спустившимися с темных звезд. Там лежали великий Ктулху и его несметные полчища, укрытые в зеленых осклизлых каменных усыпальницах, посылавшие те самые послания, которые в виде ночных кошмаров проникали в сны чутких людей, а верных слуг призывали в поход с миссией освобождения и возрождения своих повелителей. Обо всем это Йохансен и не подозревал, но видит Бог, вскоре он увидел столько, что этою было вполне достаточно!

Я предположил, что только самая верхушка чудовищной, увенчанной монолитом цитадели, под которой лежал великий Ктулху, выступала над поверхностью воды. Когда же я подумал о протяженности той части, что уходит вглубь, у меня сразу же возникла мысль самоубийстве. Йохансен и его матросы были охвачены благоговейным ужасом перед лицом космического величия этого влажного Вавилона древних демонов, и, по всей видимости, без всякой подсказки догадались, что это не могло быть творением нашей или же любой другой цивилизации с планеты Земля. Трепет от немыслимого размера зеленоватых каменных блоков, от потрясающей высоты огромного резного монолита, от ошеломляющего сходства колоссальных статуй и барельефов со странной фигуркой, обнаруженной в корабельном алтаре «Бдительной», явно чувствуется в каждой строке бесхитростного повествования помощника капитана.

Не имея представления о том, что такое футуризм, Йохансен, тем не менее приблизился к нему в своем изображении города.

Вместо точного описания какого-либо сооружения или здания, он ограничивается только общими впечатлениями от гигантских углов или каменных плоскостей — поверхностей слишком больших, чтобы они были созданы на этой планете, вдобавок покрытых устрашающими изображениями и письменами. Я упомянул здесь его высказывания об углах, поскольку это напомнило мне один момент в рассказе Уилкокса о его сновидениях. Он сказал, что геометрия пространства, явившегося ему во сне, была аномальной, неэвклидовой и пугающе наполненной сферами и измерениями, отличными от привычных нам. И вот теперь малограмотный матрос почувствовал то же самое, глядя на ужасную реальность. Йохансен и его команда высадились на отлогий илистый берег этого чудовищного акрополя, и стали, скользя, карабкаться вверх по титаническим, сочащимся влагой блокам, которые никак не могли быть лестницей для смертных. Даже солнце на небе выглядело искаженным в миазмах, источаемых этой погруженной в море громадой, а угроза и опасность злобно притаилась в этих безумных, ускользающих углах резного камня, где второй взгляд ловил впадину на том месте, на котором первый обнаруживал выпуклость.

Нечто очень похожее на страх охватило всех путешественников еще до того, как они увидели что-либо кроме камней, ила и водорослей. Каждый из них убежал бы, если бы не боязнь подвергнуться насмешкам со стороны остальных, и потому они только делали вид, будто что-то ищут — как оказалось, совершенно безрезультатно — какой-нибудь небольшой сувенир на память об этом месте.

Португалец Родригес был первым, кто забрался на подножие монолита и крикнул, что обнаружил нечто интересное. Остальные подбежали к нему и все вместе с любопытством уставились на огромную резную дверь с уже знакомым изображением головоногого дракона. Она была похожа, писал Йохансен, на дверь амбара; они все сразу поняли, что это именно дверь из-за витиевато украшенной перемычки, порога и косяков, хотя они не смогли решить; лежит ли она плоско, как дверь-люк, или стоит косо, как дверь внешнего погребца. Как говорил Уилкоккс, геометрия здесь была совершенно неправильной. Нельзя было с уверенностью сказать, расположены море и поверхность земли горизонтально или нет, поскольку относительное расположение всего окружающего фантазмагорически менялось.



Ктулху и Р'льех.

Художник — Доминик Сигнор

Брайден нажал на камень в нескольких местах, но безуспешно. Тогда Донован аккуратно ощупал всю дверь по краям, нажимая на каждый участок по отдельности. Он карабкался вдоль гигантского покрытого плесенью камня — то есть, можно было подумать, что он карабкается, если только вещь эта все-таки не лежала горизонтально. Затем очень мягко и медленно панель размером в акр начала опускаться вниз и они поняли, что она балансировала в неустойчивом равновесии. Донован соскользнул вниз вдоль косяка, присоединился к своим товарищам, и теперь они все вместе наблюдали за странным снижением чудовищного резного портала. В этом фантастическом мире призматического искажения, плита двигалась совершенно неестественно, по диагонали, так что все правила движения материи и законы перспективы казались нарушенными.

Дверной проем был черным, причем темнота казалась почти материальной. Через какие-то мгновения этот мрак вырывался наружу, как дым после многовекового заточения, а по мере том как он вливался в сморщенное горбатое небо на хлопающих перепончатых крыльях, на глазах у них стало меркнуть солнце. Из открывшихся глубин поднимался совершенно невыносимый смрад, а отличавшийся острым слухом Хоукинс уловил отвратительный хлюпающий звук, доносившийся снизу. И вот тогда, неуклюже громохкая и источая слизь, перед ними появилось оно и наощупь стало выдавливать свою зеленую, желеобразную безмерность через черный дверной проем в испорченную атмосферу ядовитого безумного города.

В этом месте рукописи почерк бедняги Йохансена стал почти неразборчивым. Из шести человек, не вернувшихся на корабль, двое умерли тут же, на месте — по его мнению, просто от страха. Существо описать было невозможно — ибо нет языка, подходящего для передачи таких пучин кричащего вневременного безумия, такого жуткого противоречия всем законам материи, энергии и космического порядка. Шагающая или точнее, ковыляющая горная вершина. Боже праведный! Что же удивительного в том, что на другом конце земли выдающийся архитектор сошел с ума, а бедный Уилкоккс, получив телепатический сигнал, заболел лихорадкой? Зеленое, липкое порождение звезд, пробудилось, чтобы заявить свои права. Звезды вновь заняли благоприятное положение, и то, чего древнему культу не удалось добиться всеми своими ритуалами, было по чистой случайности осуществлено

кучкой совершенно безобидных моряков. После миллиардов лет заточения великий Ктулху был вновь свободен и жаждал насладиться этой свободой.

Трое были сметены гигантскими когтями прежде, чем кто-то из них пошевелился. Упокой Господь их душу, если где-нибудь в этой Вселенной есть место для упокоения. Это были Donovan, Гуэрера и Энгстром. Паркер поскользнулся, когда оставшиеся в живых, потеряв голову от страха, неслись к лодке по гигантским ступеням, покрытым зеленой коркой, и Йохансен уверял, что Паркер был словно проглочен каменной кладкой. В конце концов до лодки добежали только Брайден и сам Йохансен: они отчаянно начали грести к «Бдительной», а чудовище шлепнулось в воду и теперь, теряя время, барахталось у берега.

Несмотря на явную нехватку рабочих рук им удалось запустить «Бдительную» и отплыть. Медленно набирая ход, яхта начала вспенивать эту мертвую воду, а между тем, возле каменных нагромождений гибельного берега, который никак нельзя было назвать землей, титаническое Существо что-то бормотало и пускало слюни, как Полифем, посылающий проклятия вслед удаляющемуся кораблю Одиссея. Затем великий Ктулху, многократно более мощный, чем легендарные Циклопы, начал преследование, поднимая гигантские волны своими космическими гребками. Брайден потерял рассудок.

С того момента он все время только смеялся с короткими паузами до тех пор, пока смерть не настигла его. Йохансен же почти в полном отчаянии бродил по палубе, не зная, что предпринять.

Однако Йохансен все-таки не сдался. Зная, что Существо без труда настигнет «Бдительную», даже если двигаться на всех парах, он решился на отчаянный шаг: установив машину на самый полный, взлетел на мостик и резко развернул штурвал. Поднялись мощные волны и закипела соленая вода. Когда же машина вновь набрала полные обороты, храбрый норвежец направил нос корабля прямо на преследующее его чудовищное желе, вынырнувшее над грязной пеной кормой дьявольского галеона. Чудовищная верхняя часть головоногого с развевающимися щупальцами поднималась почти до бушприта стойкой яхты, но Йохансен вел корабль вперед.

Раздался взрыв, как будто лопнул гигантский пузырь, за ним — отвратительный звук разрезаемой титанической

медузы, сопровождаемый зловонием тысячи разверстых могил. За один миг корабль накрыло едкое и ослепляющее зеленое облако, так что была видна лишь яростно кипящая вода за кормой; и хотя — Боже всемилостивый! — разметававшиеся клочья безымянного посланца звезд постепенно воссоединялись в свою тошнотворную первоначальную форму, дистанция между ним и яхтой стремительно увеличивалась.

Все было кончено. С того момента Йохансен сидел в рубке, рассматривал фигурку идола, да еще время от времени готовил нехитрую еду для себя и сидящего рядом смеющегося безумца. Он даже не пытался управлять судном после отчаянной гонки, поскольку силы, казалось, полностью оставили его. Затем был шторм 2 апреля и сознание Йохансена начало затуманиваться. Возникло ощущение вихревого призрачного кружения в водоворотах бесконечности, бешеной скачки сквозь вертящиеся вселенные на хвосте кометы, хаотических бросков из бездны на луну и оттуда назад, в бездну, сопровождавшееся истерическим хохотом веселящихся древних богов и зеленых, машущих перепончатыми крыльями и гримасничающих бесов Тартара.

Посреди этого сна пришло спасение — «Неусыпный», адмиралтейский суд, улицы Данедина и долгое возвращение домой в старый дом у Эдеберга. Он не в состоянии был рассказать о случившемся — его приняли бы за сумасшедшего.

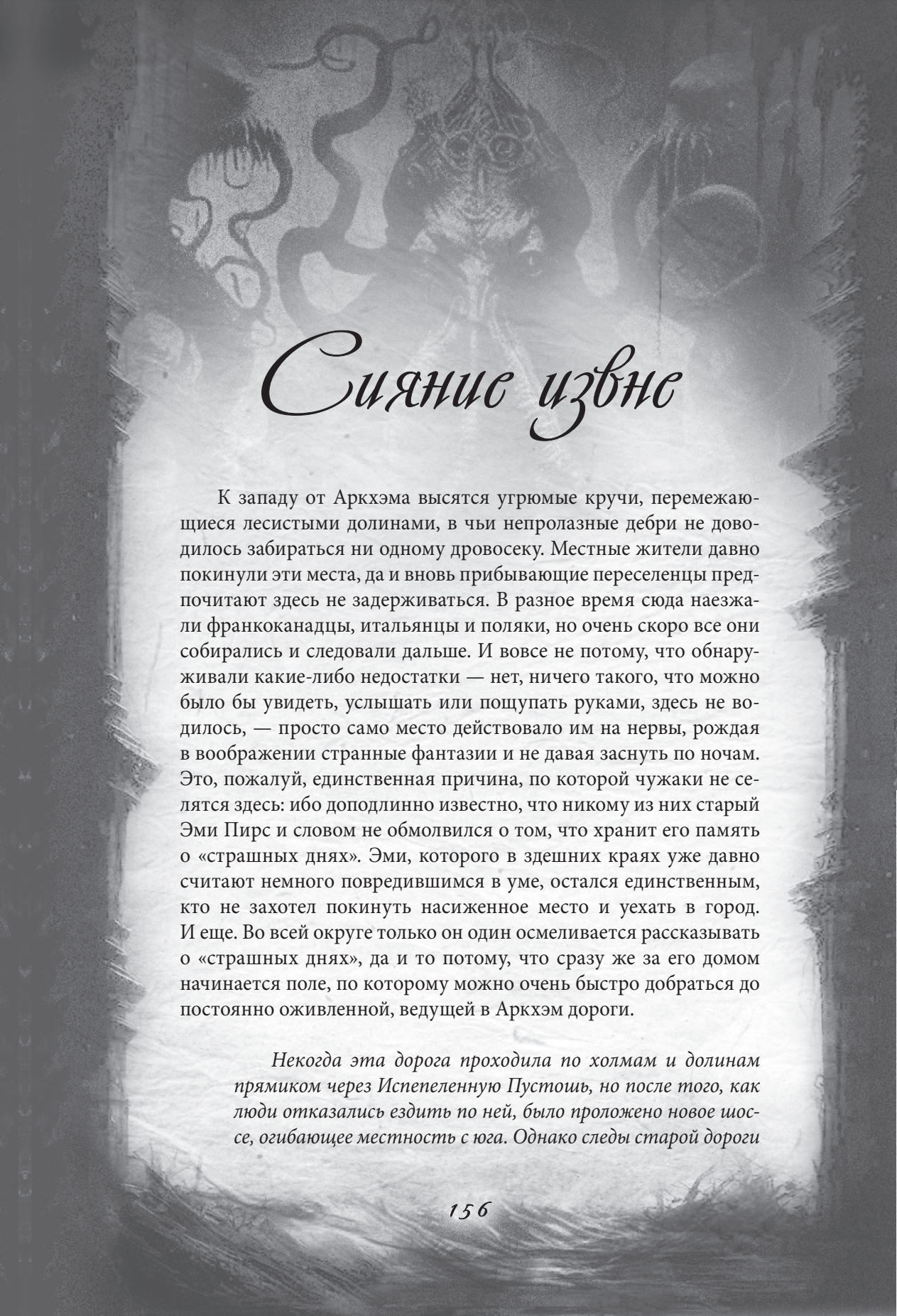
Перед смертью он должен был описать происшедшее, но так, чтобы жена ничего не узнала. Смерть представлялась ему благодеянием, если только она могла все стереть из его памяти. Таков был документ, который я прочел, и затем положил в жестяной ящик рядом с барельефом и бумагами профессора Эйнджелла. Сюда же будут помещены и мои собственные записи — свидетельство моего здравого рассудка и, таким образом, соединится в единую картину то, что, как я надеюсь, никто больше не сможет собрать воедино. Я заглянул в глаза вселенского ужаса и с этих пор даже весеннее небо и летние цветы отравлены для меня его ядом. Но, я думаю, что мне не суждено жить долго. Так же, как ушел из жизни мой дед, как ушел бедняга Йохансен, так же предстоит покинуть этот мир и мне, Я слишком много знаю, а ведь культ все еще жив.

Ктулху тоже еще жив, и, как я предполагаю, снова обитает в каменной бездне, хранящей его с тех времен, как появилось

наше солнце. Его проклятый город вновь ушел под воду, ибо «Неусыпный» беспрепятственно прошел над этим местом после апрельского шторма; но его служили на земле все еще вопят, танцуют и приносят человеческие жертвы вокруг увенчанных фигурками идола монолитов в пустынных местах. Должно быть, он пока еще удерживается в своей бездонной черной пропасти, иначе весь мир сейчас кричал бы от страха и бился в припадке безумия. Кто знает исход? Восставший может уйти в бездну, а опустившийся в бездну может вновь восстать. Воплощение все-ленской мерзости спит в глубине, ожидая своего часа, а смрад гниения расползается над гибнущими городами людей. Настанет время — но я не должен и не могу думать об этом! Молю об одном — коль мне не суждено будет пережить эту рукопись, пусть мои душеприказчики не совершат безрассудства и не дадут другим людям ее прочесть.

1928

© Перевод П. Лебедева



Сияние извне

К западу от Аркхэма высятся угрюмые кручи, перемежающиеся лесистыми долинами, в чьи непролазные дебри не доводилось забираться ни одному дровосеку. Местные жители давно покинули эти места, да и вновь прибывающие переселенцы предпочитают здесь не задерживаться. В разное время сюда наезжали франкоканадцы, итальянцы и поляки, но очень скоро все они собирались и следовали дальше. И вовсе не потому, что обнаруживали какие-либо недостатки — нет, ничего такого, что можно было бы увидеть, услышать или пощупать руками, здесь не водилось, — просто само место действовало им на нервы, рождая в воображении странные фантазии и не давая заснуть по ночам. Это, пожалуй, единственная причина, по которой чужаки не селятся здесь: ибо доподлинно известно, что никому из них старый Эми Пирс и словом не обмолвился о том, что хранит его память о «страшных днях». Эми, которого в здешних краях уже давно считают немного повредившимся в уме, остался единственным, кто не захотел покинуть насиженное место и уехать в город. И еще. Во всей округе только он один осмеливается рассказывать о «страшных днях», да и то потому, что сразу же за его домом начинается поле, по которому можно очень быстро добраться до постоянно оживленной, ведущей в Аркхэм дороги.

Некогда эта дорога проходила по холмам и долинам прямоком через Испепеленную Пустошь, но после того, как люди отказались ездить по ней, было проложено новое шоссе, огибающее местность с юга. Однако следы старой дороги

все еще можно различить среди густой поросли наступающего на нее леса, и, без сомнения, кое-какие ее приметы сохранятся даже после того, как большая часть низины будет затоплена под новое водохранилище. Если это случится — вековые леса падут под ударами топоров, а Испепеленная Пустошь навсегда скроется под толщей воды.

Я только собирался отправиться к этим холмам и долинам на разметку нового водохранилища, а меня уже предупредили, что место «нечистое». Дело было в Аркхэме, старинном и, пожалуй, одном из немногих оставшихся городков, где легенды о нечистой силе дожили до наших дней, и я воспринял предупреждение как часть обязательных страшных историй, которыми седовласые старушки испокон веков пичкают своих внуков на ночь. Само же название «Испепеленная Пустошь» показалось мне чересчур вычурным. Когда я добрался туда, было ясное раннее утро, но стоило мне ступить под мрачные своды ущелий, как я оказался в вечном полумраке. Тишина, царившая в узких проходах, была чересчур мертвой, и слишком уж много сырости таил в себе настил из осклизлого мха и древнего перетгноя.

Но все это не шло ни в какое сравнение с Испепеленной Пустошью. На первый взгляд, пустошь представляла собой обычную проплешину, какие остаются в результате лесного пожара — но почему же, вопрошал я себя, на этих пяти акрах серого безмолвия, въевшегося в окрестные леса и луга наподобие того, как капля кислоты въедается в бумагу, с тех пор не выросло ни одной зеленой былинки? Большая часть пустоши лежала к северу от старой дороги, и только самый ее краешек переползал за южную обочину. Только подумав о том, что мне придется пересекать это неживое пепельное пятно, я почувствовал, что все мое существо необъяснимым образом противится этому. Чувство долга и ответственности за возложенное поручение заставили меня наконец двинуться дальше. На всем протяжении моего пути через пустошь я не встретил ни малейших признаков растительности. Повсюду, насколько хватало глаз, недвижимо, не колышима ни единым дуновением ветра, лежала мельчайшая серая пыль или, если угодно, пепел. В непосредственной близости от пустоши деревья имели странный, нездоровый вид, а по самому краю выжженного пятна стояло и лежало немало мертвых гниющих стволов. Как ни ускорял я шаг, а все же успел заметить справа от себя

грудю потемневших кирпичей и булыжника, высившуюся на месте обвалившегося дымохода и еще одну такую же кучу там, где раньше, по всей видимости, стоял погреб. Немного поодаль зиял черный провал колодца, из недр которого вздымались зловонные испарения и окрашивали проходящие сквозь них солнечные лучи в странные, неземные тона.

После пустоши даже долгий, изнурительный подъем под темными сводами чащобы показался мне приятным и освежающим, и я больше не удивлялся тому, что, стоит разговору зайти об этих местах, жители Аркхэма переходят на испуганный шепот. В наступивших сумерках никакая сила не смогла бы подвинуть меня на возвращение прежним путем, а потому я добрался до города по более долгой, но зато достаточно удаленной от пустоши южной дороге.

Вечером я принялся расспрашивать местных старожилов об Испепеленной Пустоши и о том, что означала фраза «страшные дни». Мне не удалось ничего толком разузнать, кроме, пожалуй, того, что дело происходило в восьмидесятих годах прошлого столетия и что тогда была убита или бесследно пропала одна местная фермерская семья, но дальнейших подробностей мои собеседники не могли, а может быть, не желали мне сообщить. При этом все они, словно сговорившись, убеждали меня не обращать внимания на полоумные рассказы старого Эми Пирса.

Это поразительное единодушие как раз и послужило причиной тому, что на следующее утро, порасспросив дорогу у случайных прохожих, я стоял у дверей полуразвалившегося коттеджа, в котором обитал местный сумасшедший. Пришлось изрядно поколотить в дверь, прежде чем старик поднялся открыть мне, и по тому, как медлительна была его шаркающая походка, я понял, что он далеко не обрадован моему посещению.

Не зная, как лучше подступиться к старику, я притворился, что мой визит носит чисто деловой характер, и принялся рассказывать о цели своих изысканий, попутно вставляя вопросы, касающиеся характера местности. Мое невысокое мнение о его умственных способностях, сложившееся из разговоров с городскими обывателями, также оказалось неверным — он был достаточно сметлив и образован для того, чтобы мгновенно уяснить себе суть дела не хуже любого другого аркхэмца. Однако он вовсе не походил на обычного фермера, каких я немало встречал в районах, предназначенных под затопление. Единственным чувством,

отразившимся на его лице, было чувство облегчения, как будто он только и желал, чтобы мрачные вековые долины, где прошла его жизнь, исчезли навсегда. «Конечно, их лучше затопить, мистер, а еще лучше — если бы их затопили тогда, сразу же после «страшных дней». И вот тут-то, после этого неожиданного вступления, он понизил голос до доверительного хриплого шепота, подался корпусом вперед и, выразительно покачивая дрожащим указательным пальцем правой руки, начал свой рассказ.

Я безмолвно слушал и по мере того, как его дребезжащий голос все больше завладевал моим сознанием, ощущал невольный озноб. Не раз мне приходилось помогать рассказчику находить потерянную нить повествования, связывать воедино обрывки научных постулатов, слепо сохраненные его слабеющей памятью из разговоров приезжих профессоров. Когда старик закончил, я более не удивлялся ни тому, что он слегка тронулся умом, ни тому, что жители Аркхэма избегают говорить об Испепеленной Пустоши.

На следующий день я уже возвращался в Бостон сдавать свои полномочия. Я не мог заставить себя еще раз приблизиться к этому мрачному хаосу чащоб и крутых склонов или хотя бы взглянуть в сторону серого пятна Испепеленной Пустоши, посреди которой, рядом с грудой битого кирпича и булыжника, чернел бездонный зев колодца...

По словам Эми, все началось с метеорита, с этого белого полуденного облака, этой цепочки взрывов по всему небу и, наконец, этого огромного столба дыма, выросшего над затерянной в дебрях леса ложиной. К вечеру всему Аркхэму стало известно: порядочных размеров скала свалилась с неба и угодила прямо во двор Нейхема Гарднера. Дом Нейхема стоял на том самом месте, где позднее суждено было появиться Испепеленной Пустоши. Это был на редкость опрятный, чистенький домик посреди цветущих садов и полей. Нейхем поехал в город рассказать тамошним жителям о метеорите, а по дороге завернул к Эми Пирсу. Эми тогда было сорок лет, голова у него работала не в пример лучше, чем сейчас, и потому все последовавшие события накрепко врезались ему в память. На следующее утро Эми и его жена вместе с тремя профессорами Мискатоникского университета, поспешившими собственными глазами узреть пришельца из неизведанных глубин межзвездного пространства, отправились к месту падения метеорита. По прибытии их прежде всего

удивил тот факт, что размеры болида оказались не такими громадными, как им за день до того обрисовал хозяин фермы. «Он съежился», — объяснил Нейхем, однако ученые мужи тут же возразили, что метеориты «съеживаться» не могут. Нейхем добавил еще, что жар, исходящий от раскаленной глыбы, не спадает с течением времени и что по ночам от нее исходит слабое сияние. Профессора потыкали болид киркой и обнаружили, что он, на удивление мягок. Он действительно оказался мягким, как глина или как смола, и потому небольшой кусочек, который ученые мужи унесли в университет для анализа, им пришлось скорее отщипнуть, нежели отломить от основной глыбы. Им также пришлось поместить образец в старую бадью, позаимствованную на кухне у Нейхема, ибо даже столь малая частичка метеорита упрямо отказывалась охлаждаться на воздухе. На обратном пути они остановились передохнуть у Эми, и тут-то миссис Пирс изрядно озадачила их, заметив, что кусочек метеорита за это время значительно уменьшился в размерах, да к тому же почти наполовину прожог дно гарднеровской бадьи. А впрочем, он и с самого начала был не очень велик, и, может быть, тогда им только показалось, что они взяли больше.

На следующий день — а было это в июне восемьдесят второго — сверх меры возбужденные профессора опять всей гурьбой повалили на ферму Гарднеров. Проходя мимо дома Эми, они ненадолго задержались, чтобы порассказать ему о необыкновенных вещах, которые выделявал принесенный ими накануне образец, прежде чем исчезнуть без следа. Университетские умники долго покачивали головами, рассуждая о странном родстве ядра метеорита с кремнием. И вообще, в их образцовой исследовательской лаборатории анализируемый материал повел себя неподобающим образом: термическая обработка древесным углем не произвела на него никакого воздействия и не выявила никаких следов поглощенных газов, бура дала отрицательную реакцию, а нагревание при самых высоких температурах, включая и те, что получаются при работе с кислородно-водородной горелкой, выявило лишь его полную и безусловную неспособность к испарению. На наковальне он только подтвердил свою податливость, а в затемненной камере — люминесцентность. Его нежелание остывать окончательно взбудоражило весь технологический колледж. И после того, как спектроскопия показала наличие световых полос, не имеющих ничего общего с полосами обычного спектра, среди ученых толь-

ко и было разговоров, что о новых элементах, непредсказуемых оптических свойствах и прочих вещах, которые обыкновенно изрекают ученые мужи, столкнувшись с неразрешимой загадкой.

Несмотря на то, что образец сам по себе напоминал сгусток огня, они пытались расплавить его в тигле со всеми известными реагентами. Вода не дала никаких результатов. Азотная кислота и даже царская водка лишь яростно шипели и разлетались мелкими брызгами, соприкоснувшись с его раскаленной поверхностью. Эми с трудом припоминал все эти мудреные названия, но когда я начал перечислять ему некоторые растворители, обычно применяемые в такого рода процедурах, он согласно кивал головой. Да, они пробовали и аммиак, и едкий натр, и спирт, и эфир, и благоуханный дисульфид углерода и еще дюжину других, но, хотя образец и начал понемногу остывать и уменьшаться в размерах, в составе растворителей не было обнаружено никаких изменений, указывающих на то, что они вообще вошли в соприкосновение с исследуемым материалом. Однако, вне всякого сомнения, вещество это было металлом. Прежде всего потому, что оно вызывало магнетические свойства, а, кроме того, после погружения в кислотные растворители, ученым удалось уловить слабые следы видманштеттеновских линий, обычно получаемых при работе с металлами метеоритного происхождения. После того, как образец уже значительно поостыл, опыты были продолжены. Однако на следующее утро он исчез вместе с ретортой, оставив после себя обугленное пятно на деревянном стеллаже.

Все это профессора поведали Эми, остановившись ненадолго у дверей его дома, и дело кончилось тем, что он опять, на этот раз без жены, отправился с ними поглазеть на таинственного посланника звезд. За два прошедших дня метеорит «съежился» настолько заметно, что даже не верящие ни во что профессора не могли отрицать очевидность того, что лежало у них перед глазами. Исследуя поверхность и — при помощи молотка и стамески — отделяя от нее еще один довольно крупный кусок, они копнули глубже и, потянув на себя свою добычу, обнаружили, что ядро метеорита было не столь однородным, как ученые мужи полагали вначале.

Взору их открылось нечто, напоминавшее боковую поверхность сверкающей глобулы, — подобие икринки. Цвет глобулы невозможно было определить словами, да и цветом-то его можно было назвать лишь с большой натяжкой — настолько мало общего имел он с земной цветовой палитрой. Легкое пробное постуки-

вание по лоснящемуся телу глобулы выявило, с одной стороны, хрупкость стенок, с другой — ее полую природу. Потом один из профессоров врезал по ней, как следует, молотком, и она лопнула с тонким неприятным звуком, напоминающим хлюпанье. Более ничего не произошло: разбитая глобула не только не выпустила из себя никакого содержимого, но и сама моментально исчезла, оставив лишь сферическое, в три дюйма шириной, углубление в метеоритной породе.

После нескольких неудачных попыток пробурить раскаленный болид в поисках новых глобул, в руках неутомимых исследователей остался все тот же образец, который им удалось извлечь утром и который, как выяснилось позднее, в лабораторных условиях повел себя ничуть не лучше своего предшественника.

Той ночью разразилась гроза, а когда на следующее утро профессора опять появились на ферме Нейхема, их ожидало горькое разочарование. Обладая ярко выраженным магнетизмом, метеорит, очевидно, таил в себе некие неизвестные электростатические свойства, ибо, согласно свидетельству Нейхема, во время грозы «он притягивал к себе все молнии подряд». В течение часа молния шесть раз ударила в невысокий бугорок посреди его двора, а когда гроза миновала, от пришельца со звезд не осталось ничего, кроме наполовину засыпанной оползнем ямы рядом с колодцем.

Вполне естественно, что аркхэмские газеты, куда университетские мужи бросились помещать свои статьи о необычном феномене, устроили грандиозную шумиху по поводу метеорита и чуть ли не ежедневно посылали корреспондентов брать интервью у Нейхема Гарднера и членов его семьи. А после того, как у него побывал и репортер одной из бостонских ежедневных газет, Нейхем быстро начал становиться местной знаменитостью. Он был высоким, худым, добродушным мужчиной пятидесяти лет от роду. У него была жена и трое детей. Нейхем и Эми, впрочем, как и их жены, частенько заглядывали друг другу в гости, и за все годы дружбы Эми не мог сказать о нем ничего, кроме самого хорошего. Нейхем, кажется, немного гордился известностью, которая нежданно-негаданно выпала на долю его фермы, и все последующие недели только и говорил, что о метеорите.

А затем наступила осень. День ото дня наливались соком яблоки и груши, и торжествующий Нейхем клялся всякому встречному, что никогда еще его сады не приносили столь роскошного урожая. Достигавшие невиданных размеров и кре-

пости плоды уродились в таком поразительном изобилии, что Гарднерам пришлось заказать добавочную партию бочек для хранения и перевозки своего будущего богатства. Однако Нейхема постигло ужасное разочарование, ибо среди неисчислимого множества этих, казалось бы, непревзойденных кандидатов на украшение любого стола не обнаружилось ни одного, который можно было бы взять в рот. К нежному вкусу плодов примешивалась неизвестно откуда взявшаяся тошнотворная горечь и приторность, так что даже малейший надкус вызывал непреодолимое отвращение. То же самое творилось с помидорами и дынями...

Зимой Эми видел Нейхема не так часто, как прежде, но и нескольких коротких встреч ему хватило, чтобы понять, что его друг чем-то не на шутку встревожен. Да и остальные Гарднеры заметно изменились: они стали молчаливы и замкнуты, с течением времени их все реже можно было встретить на воскресных службах и сельских праздниках. Причину внезапной меланхолии, поразившей доселе цветущее фермерское семейство, невозможно было объяснить, хотя временами то один, то другой из домашних Нейхема жаловался на ухудшающееся здоровье и расстроенные нервы. Сам Нейхем выразился по этому поводу достаточно определенно: однажды он заявил, что его беспокоят следы на снегу. На первый взгляд, то были обыкновенные беличьи, кроличьи и лисьи следы, но наметанный глаз потомственного фермера уловил нечто не совсем обычное в рисунке каждого отпечатка и в том, как они располагались: таинственные следы только отчасти соответствовали анатомии и повадкам белок, кроликов и лис, водившихся в здешних местах испокон веков. Эми не придавал этим разговорам большого значения до тех пор, пока однажды ночью ему не довелось, возвращаясь домой из Кларкс-Корнерз, проезжать мимо фермы Нейхема. В ярком свете луны дорогу перебежал кролик, и было в этом кролике и его гигантских прыжках нечто такое, что очень не понравилось ни Эми, ни его лошади. Во всяком случае, понадобился сильный рывок вожжей, чтобы помешать последней стремглав броситься наутек.

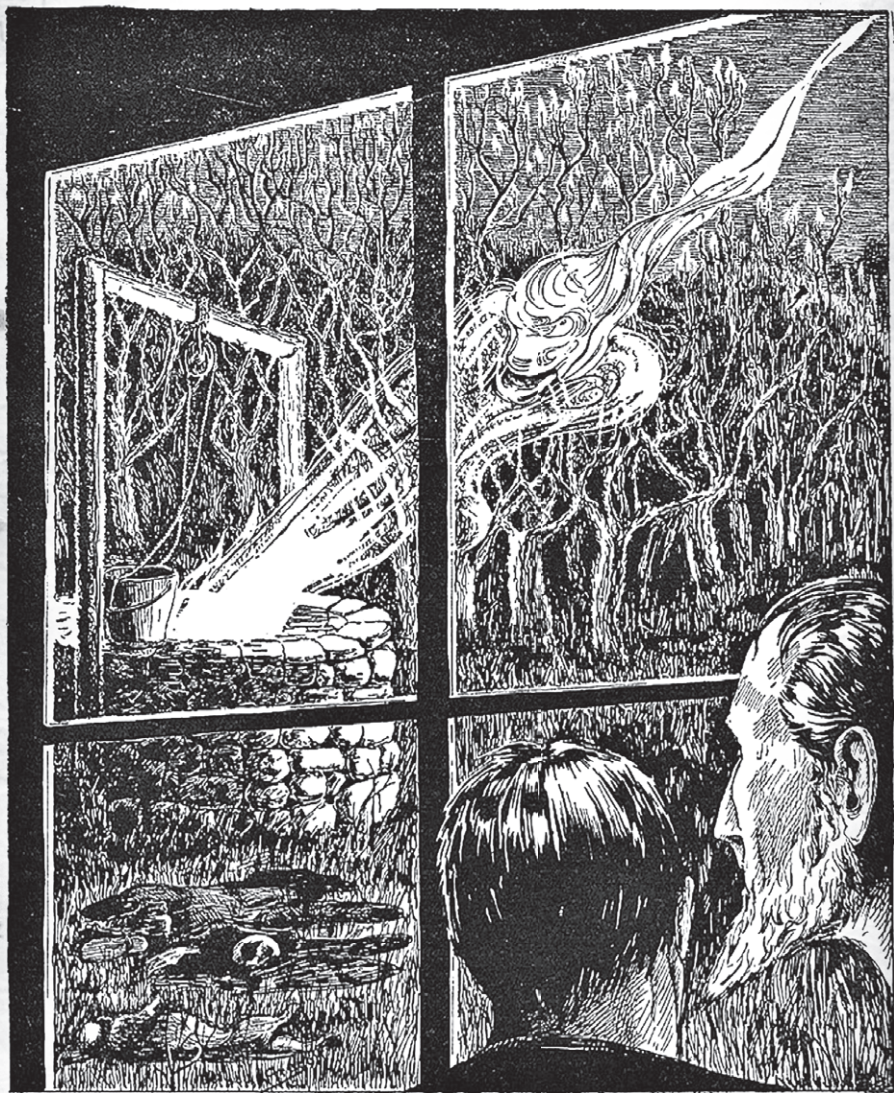
Весной стали поговаривать, что близ фермы Гарднеров снег тает гораздо быстрее, чем во всех остальных местах, а в начале марта в лавке Поттера состоялось возбужденное обсуждение очередной новости. Проезжая по гарднеровским угодиям, Стивен Райс обратил внимание на пробивавшуюся вдоль кромки леса поросль скунсовой капусты. Никогда в жизни ему не до-

водилось видеть скунсовую капусту столь огромных размеров и такого странного цвета, что его вообще невозможно было передать словами. Растения имели отвратительный вид и издавали резкий тошнотворный запах. Тут все заговорили о пропавшем урожае предыдущей осени, и вскоре по всей округе не осталось ни единого человека, который не знал бы о том, что земли Нейхе-ма отравлены. Конечно, все дело было в метеорите — и, памятуя об удивительных историях, которые в прошлом году рассказывали о нем университетские ученые, несколько фермеров, будучи по делам в городе, выбрали время и потолковали с профессорами о всех происшедших за это время событиях. Однажды те заявили к Нейхему и часок-другой покрутились на ферме, но, не имея склонности доверять всякого рода слухам и легендам, пришли к очень скептическим заключениям: возможно, что какая-нибудь минеральная составляющая метеорита и в самом деле попала в почву, но если это так, то она вскоре будет вымыта грунтовыми водами, а что касается следов на снегу и пугливых лошадей, то это, без сомнения, всего лишь обычные деревенские байки, порожденные таким редким научным явлением, как аэролит. На деревьях вокруг гарднеровского дома рано набухли почки, и по ночам их ветви зловеще раскачивались на ветру. Таддеус, средний сын Нейхема, уверял, что ветки качаются и тогда, когда никакого ветра нет, но этому не могли поверить даже самые за-ядлые из местных сплетников. Однако никто не мог не чувствовать повисшего в воздухе напряжения. У всех Гарднеров появилась привычка временами безмолвно вслушиваться в тишину, как если бы там раздавались звуки, доступные им одним. Выйдя из транса, они ничего не могли объяснить, ибо находившие на них моменты оцепенения свидетельствовали не о напряженной работе сознания, а, скорее, о почти полном его отсутствии. К сожалению, такие случаи становились все более частыми, и вскоре то, что «с Гарднерами творится неладное», стало обычной темой местных пересудов.

В апреле деревья в гарднеровском саду оделись странным цветом, а на каменистой почве двора и на прилегающих к дому пастбищах пробилась к свету невиданная поросль, которую только очень опытный ботаник мог бы соотнести с обычной флорой региона. Все, за исключением трав и листовы, было окрашено в различные сочетания одного и того же призрачного, нездорового тона, которому не было места на Земле. Бессчетное количество

The COLOUR OUT OF SPACE

By H. P. Lovecraft



....and in the fearsome instant of deeper darkness, the watchers saw wriggling at that treetop height, a thousand tiny points of faint and unhallowed radiance, tipping each bough like the fire of St. Elmo....and all the while the shaft of phosphorescence from the well was getting brighter and brighter and bringing to the minds of the huddled men, a sense of doom and abnormality.... It was no longer shining out; it was pouring out; and as the shapeless stream of unplaceable colour left the well, it seemed to flow directly into the sky.

Титульный лист первого издания рассказа «Сияние извне» в журнале «Amazing Stories». Художник — Дж. М. де Арагон

раз Нейхем перепаживал и засеивал заново свои пастбища в долине и на предгорьях, но так ничего и не смог поделать с отравленной почвой. В глубине души он знал, что Труды его напрасны, и надеялся лишь на то, что уродливая растительность нынешнего лета вберет в себя всю дрянь из принадлежащей ему земли и очистит ее для будущих урожаев. Конечно, на нем сказалось и то, что соседи начали их сторониться, но последнее обстоятельство он переносил гораздо лучше, чем его жена, для которой общение с людьми значило очень многое. Ребятам, каждый день посещавшим школу, было не так тяжело, но и они были изрядно напуганы ходившими вокруг их семьи слухами. Более всего страдал Таддеус, самый чувствительный из троих детей.

В мае появились насекомые, и ферма Нейхема превратилась в сплошной жужжащий и шевелящийся ковер. Большинство этих созданий имело не совсем обычный вид и размеры, а их ночное поведение противоречило всем существующим биологическим законам. Гарднеры начали дежурить по ночам — они вглядывались в темноту, окружавшую дом, со страхом выискивая в ней, сами не ведая, что. Тогда же они удостоверились и в том, что странное явление Таддеуса относительно деревьев было чистой правдой. Сидя однажды у окна, за которым на фоне звездного неба простер свои разлапистые ветви клен, миссис Гарднер обнаружила, что несмотря на полное безветрие, ветви эти определенно раскачивались, как если бы ими управляла некая внутренняя сила. Это были явно не те старые добрые клены, какими они видели их еще год назад! Но следующее зловещее открытие сделал человек, не имевший к Гарднерам никакого отношения. Привычка притупила их бдительность, и они не замечали того, что сразу же бросилось в глаза скромному мельнику из Болтона, который в неведении последних местных сплетен как-то ночью проезжал по злосчастной старой дороге. Позднее его рассказу даже уделили крохотную часть столбца в «Аркхэмских ведомостях», откуда новость и стала известна всем фермерам округа, включая самого Нейхема. Ночь выдалась на редкость темной, от слабеньких фонарей, установленных на крыльях пролетки, было мало толку, но когда мельник спустился в долину и приблизился к нейхемовской ферме, окружавшая его тьма странным образом рассеялась. Это было поразительное зрелище: насколько хватало глаз, вся растительность — трава, кусты, деревья — испускала тусклое, но отчетливо видимое сияние, а в одно мгновение мель-

нику даже почудилось, что на заднем дворе дома, возле коровника, шевельнулась какая-то фосфоресцирующая масса, отдельным пятном выделившаяся на общем светлом фоне.

Когда школа закрылась на летние каникулы, Гарднеры практически потеряли последнюю связь с внешним миром и потому охотно согласились на предложение Эми делать для них в городе кое-какие покупки. Вся семья медленно, но, верно, угасала как физически, так и умственно, и когда в округе распространилось известие о сумасшествии миссис Гарднер, никто особенно не удивился.

Это случилось в июне, примерно через год после падения метеорита. Несчастную женщину преследовали неведомые воздушные создания, которых она не могла толком описать. Речь ее стала малопонятной — исчезли все существительные, и теперь миссис изъяснялась только глаголами и местоимениями. Что-то неотступно следовало за ней, оно постоянно изменялось и пульсировало, оно надрывало ее слух чем-то лишь очень отдаленно напоминающим звук. С ней что-то делали — высасывали что-то — в ней есть нечто, чего не должно быть — его нужно прогнать — нет покоя по ночам — стены и окна расплываются, двигаются... Поскольку жена не представляла серьезной угрозы для окружающих, Нейхем не стал отправлять ее в местный приют для душевнобольных, и некоторое время она как ни в чем ни бывало бродила по дому. Даже после того, как начались изменения в ее внешности, все продолжало оставаться по-старому. И только когда сыновья уже не смогли скрывать своего страха, а Таддеус едва не упал в обморок при виде гримас, которые ему корчила мать, Нейхем решил запереть ее на чердаке. К июлю она окончательно перестала говорить и передвигалась на четвереньках, а в конце месяца старик Гарднер с ужасом обнаружил, что его жена едва заметно светится в темноте — точь-в-точь, как вся окружавшая ферму растительность.

Незадолго до того со двора убежали лошади. Четырех беглянок пришлось искать целую неделю, а когда их все же нашли, то оказалось, что они не способны даже нагнуться за пучком травы, росшей у них под ногами. Что-то сломалось в их дурацких мозгах, и в конце концов всех четверых пришлось застрелить для их же собственной пользы.

А между тем растения продолжали сереть и сохнуть. Даже цветы, сначала поражавшие всех своими невиданными красками, теперь стали однообразно серыми, а начинающие созревать фрукты имели, кроме привычного уже пепельного цвета, карликовые размеры и отвратительный вкус. К началу сентября вся растительность начала бурно осыпаться, превращаясь в мелкий сероватый порошок, и Нейхем стал серьезно опасаться, что его деревья погибнут до того, как отравы вымоется из почвы.

Каждый приступ болезни жены теперь сопровождался ужасающими воплями, отчего он и его сыновья находились в постоянном нервном напряжении. Они стали избегать людей, и когда в школе вновь начались занятия, дети остались дома. Теперь они видели только Эми, и как раз он-то во время одного из своих редких визитов и обнаружил, что вода в гарднеровском колодце больше не годилась для питья. Она стала не то, чтобы затхлой, не то, чтобы соленой — во всяком случае, настолько омерзительной на вкус, что Эми посоветовал Нейхему, не откладывая дела в долгий ящик, вырыть новый колодец на лужайке выше по склону. Нейхем, однако, не внял предупреждению своего старого приятеля, ибо к тому времени стал нечувствителен даже к самым необычным и неприятным вещам. Они продолжали брать воду из зараженного колодца, апатично запивая ею свою скудную и плохо приготовленную пищу, которую принимали в перерывах между безрадостным, механическим трудом, заполнявшим все их бесцельное существование. Ими овладела тупая покорность судьбе, как если бы они уже прошли половину пути по охраняемому невидимыми стражами проходу, ведущему в темный, но уже ставший привычным мир, откуда нет возврата.

Таддеус сошел с ума в сентябре, когда в очередной раз, прихватив с собой пустое ведро, отправился к колодцу за водой. Очень скоро он вернулся, визжа от ужаса и размахивая руками: «Там, внизу, живет свет...» Два случая подряд — многовато для одной семьи, но Нейхема не так-то просто было сломить. Неделю или около того он позволял сыну свободно разгуливать по дому, а потом, когда тот начал наткаться на мебель и падать на что ни попадя, запер его на чердаке, в комнате, расположенной напротив той, в которой содержалась его мать. Отчаянные вопли, которыми эти двое обменивались через запертые двери, особенно угнетающе действовали на маленького Мервина, который всерьез полагал, что его брат переговаривается с матерью на неизвестном людям языке.

Примерно в это же время начался падеж скота. Куры и индейки приобрели сероватый оттенок и быстро издохли одна за другой, а когда их попытались приготовить в пищу, то обнаружилось, что мясо стало сухим, ломким и непередаваемо зловонным. Свиньи сначала непомерно растолстели, а затем вдруг стали терпеть такие чудовищные изменения, что ни у кого просто не нашлось слов, чтобы дать объяснение происходящему. Разумеется, их мясо тоже оказалось никуда не годным, и отчаяние Нейхема стало беспредельным. Ни один местный ветеринар и на милое не осмелился бы подойти к его дому, а специально вызванное из Аркхэма светило только и сделало, что вылупило глаза от изумления и удалилось, так ничего и не сказав. А между тем свиньи начинали понемногу сереть, затвердевать, становиться ломкими и в конце концов разваливаться на куски, еще не успев издохнуть, причем глаза и рыльца несчастных животных превращались в нечто совершенно невообразимое. Все это было очень странно и непонятно, если учесть, что скот не получил ни единой былинки с зараженных пастбищ. Затем мор перекинулся на коров. Отдельные участки, а иногда и все туловище очередной жертвы непостижимым образом сжималось, высыхало, после чего кусочки плоти начинали отваливаться от пораженного места, как старая штукатурка от гладкой стены. На последней стадии болезни (которая во всех без исключения случаях предшествовала смерти) наблюдалось появление серой окраски и общая затверделость, ведущая к распаду, как и в случае со свиньями.

Когда пришла пора собирать урожай, на дворе у Нейхема не осталось ни единого животного — птица и скот погибли, а все собаки исчезли однажды ночью, и больше о них никто не слышал. Что же касается пятерых котов, то они убежали еще на исходе лета, но на их исчезновение вряд ли кто-нибудь обратил внимание, ибо мыши в доме давным-давно перевелись, а миссис Гарднер была не в том состоянии, чтобы заметить пропажу своих любимцев. Девятнадцатого октября пошатывающийся от горя Нейхем появился в доме Пирсов с ужасающим известием. Бедный Таддеус скончался в своей комнате на чердаке — скончался при обстоятельствах, не поддающихся описанию. Нейхем вырыл могилу на обнесенном низкой изгородью семейном кладбище позади дома и опустил в нее то, что осталось от его сына. Смерть не могла прийти снаружи, ибо низкое зарешеченное окно и тяжелая дверь чердачной комнаты оказались нетронутыми, но бездыхан-

ное тело Таддеуса носило явные признаки той же страшной болезни, что до того извела всю гарднеровскую живность. Эми и его жена, как могли, утешали несчастного, в то же время ощущая, как у них по телу пробегают холодные мурашки. Смертный ужас, казалось, исходил от каждого Гарднера и всего, к чему бы они не прикасались, а самое присутствие одного из них в доме было равносильно дыханию бездны, для которой у людей не было и никогда не будет названия. Эми пришлось сделать над собой изрядное усилие, прежде чем он решился проводить Нейхема домой, а когда они прибыли на место, ему еще долго пришлось успокаивать истерически рыдавшего маленького Мервина. Старший сын Зенас не нуждался в утешении. Все последние дни он только и делал, что сидел, невидящим взором уставясь в пространство и механически выполняя, что бы ему ни приказал отец, — участь, показавшаяся Эми еще не самой страшной.

Прошло три дня, а ранним утром четвертого (Эми только что отправился куда-то по делам) Нейхем ворвался на кухню Пирсов и заплетающимся языком выложил оцепеневшей от ужаса хозяйке известие об очередном постигшем его ударе. На этот раз пропал маленький Мервин. Накануне вечером, прихватив с собой ведро и лампу, он пошел за водой — и не вернулся. Сначала Нейхем подумал, что ведро, и фонарь пропали вместе с мальчиком, однако странные предметы, обнаруженные им у колодца на рассвете, когда после целой ночи бесплодного обшаривания окрестных полей и лесов, он, падая от усталости, вернулся домой, заставили его изменить свое мнение. На мокрой от росы полоске земли, опоясывающей жерло колодца, поблескивала расплюснутая и местами оплавленная решетка, которая когда-то, несомненно, являлась частью фонаря, а рядом с нею валялись изогнутые, перекрученные от адского жара обручи ведра. И больше ничего. Нейхем был близок к помешательству и, уходя, попросил Эми приглядеть за его женой и сыном, если ему суждено умереть раньше их. Все происходящее представлялось ему карой небесной — вот только за какие грехи ниспослана эта кара, он так и не мог понять. Ведь насколько ему было известно, он ни разу в жизни не нарушал заветов, которые в незапамятные времена Творец оставил людям.

Две недели о Нейхеме ничего не было слышно, и в конце концов Эми поборол свои страхи и отправился на проклятую ферму. К его радости, Нейхем оказался жив. Он очень ослаб и лежал без движения на низенькой кушетке, установленной у кухонной

стены, но несмотря на свой болезненный вид, находился в полном сознании и в момент, когда Эми переступал порог дома, громким голосом отдавал какие-то распоряжения Зенасу. В кухне царил адский холод, и, не пробыв там и минуты, Эми начал непроизвольно поеживаться, пытаясь сдержать охватывающую его дрожь. Заметив это, хозяин отрывисто приказал Зенасу подбросить в печь побольше дров. А когда в следующее мгновение Нейхем осведомился, стало ли ему теперь теплее или следует послать сорванца за еще одной охапкой, Эми понял, что произошло. Не выдержала, оборвалась самая крепкая, самая здоровая жила, и теперь несчастный фермер был надежно защищен от новых бед.

Несколько осторожных вопросов не помогли Эми выяснить, куда же подевался Зенас. «В колодце... от теперь живет в колодце...» — вот и все, что удалось ему разобрать в бессвязном лепете помешанного. Внезапно в голове у него пронеслась мысль о запертой в комнате наверху миссис Гарднер, и он изменил направление разговора. «Небби? Да ведь она стоит прямо перед тобой!» — воскликнул в ответ пораженный глупостью друга Нейхем, и Эми понял, что с этой стороны помощи он не дожидается и что надо приниматься за дело самому. Оставив Нейхема бормотать что-то себе под нос на кушетке, он сдернул с гвоздя над дверью толстую связку ключей и поднялся по скрипучей лестнице на чердак. Из четырех дверей, выходивших на площадку, только одна была заперта на замок. Эми принялся вставлять в замочную скважину ключи из связки. После третьей или четвертой попытки замок со щелчком сработал, и, поколебавшись минуту-другую, Эми толкнул низкую, выкрашенную светлой краской дверь.

В лицо ему ударила волна невыносимого зловония, и прежде чем двинуться дальше, он немного постоял на пороге, наполняя легкие пригодным для дыхания воздухом. Войдя же и остановившись посреди комнаты, заметил какую-то темную кучу в одном из углов. Когда ему удалось разобрать, что это было такое, из груди его вырвался протяжный вопль ужаса. Он стоял посреди комнаты и кричал, а от грязного дощатого пола поднялось (или это ему только показалось?) небольшое облачко, на секунду заслонило собою окно, а затем с огромной скоростью пронеслось к дверям, обдав обжигающим дыханием, как если бы это была струя пара, вырвавшаяся из бурлящего котла. Странные цветочные узоры переливались у Эми перед глазами, и не будь он в тот момент напуган до полусмерти, они бы, конечно, сразу же на-

помнили ему о невиданной окраске глобулы, найденной в ядре метеорита и разбитой профессорским молотком, а также о нездоровом оттенке, который этой весной приобрела едва появившаяся на свет растительность вокруг гарднеровского дома. Но как бы то ни было, в тот момент он не мог думать ни о чем, кроме той чудовищной, той омерзительной груды в углу чердачной комнаты, которая раньше была женой его друга и которая разделила страшную и необъяснимую судьбу Таддеуса и большинства остальных обитателей фермы. А потому он стоял и кричал, отказываясь поверить в то, что этот воплощенный ужас, продолжавший у него на глазах разваливаться, крошиться, расплзаться в бесформенную массу, все еще очень медленно, но совершенно отчетливо двигался вдоль стены.

Любой другой на его месте, несомненно, свалился бы без чувств или потерял рассудок, но сей достойный потомок твердолобых первопроходцев лишь слегка ускорил шаги, выходя за порог, и лишь чуть дольше возился с ключами, запирая за собой низкую дверь и ту ужасную тайну, что она скрывала.

Теперь следовало позаботиться о Нейхеме — его нужно было как можно скорее накормить и обогреть, а затем перевезти в безопасное место и поручить заботам надежных людей. Уже начав спускаться по полутемному лестничному пролету, Эми услышал, как внизу, в кухне, с грохотом свалилось на пол что-то тяжелое. Ушей его достиг слабый сдавленный крик, и он, как громом пораженный, замер на ступеньках. Глухие шаркающие звуки, как если бы какое-то тяжелое тело волочили по полу, сменились после непродолжительной тишины таким отвратительным чавканьем и хлюпаньем, что Эми всерьез решил: это сам сатана явился из ада высасывать кровь у всего живого, что есть на земле. Под влиянием момента в его непривычном к умопостроениям мозгу вдруг сложилась короткая ассоциативная цепочка, и он явно представил себе то, что происходило в комнате наверху за секунду до того, как он открыл запертую дверь. Господи, какие еще ужасы таил в себе потусторонний мир, в который ему было уготовано нечаянно забрести? Не осмеливаясь двинуться ни вперед, ни назад, Эми продолжал стоять, дрожа всем телом в темном лестничном проеме... С того момента прошло уже четыре десяти-

ка лет, но каждая деталь давнего кошмара навеки запечатлелась у него в голове — отвратительные звуки, гнетущее ожидание новых ужасов, темнота лестничного проема, крутизна узких ступеней и — милосердный Боже! — слабое, но отчетливое свечение окружавших его деревянных предметов: ступеней, перекладин, опорных брусьев крыши и наружной обивки стен.

Вдруг Эми услышал, как во дворе отчаянно заржала его лошадь, за чем последовал дробный топот копыт и грохот подскакивающей на выбоинах пролетки. Звуки эти быстро удалялись, из чего он совершенно справедливо заключил, что напуганная Геро стремглав бросилась домой. Однако это еще не все. Эми был готов поклясться, что в разгар переполоха ему почудился негромкий всплеск, определенно донесшийся со стороны колодца. Поразмыслив, Эми решил, что это был камень, который выбила из невысокого колодезного бордюра наскочившая на него пролетка, ибо именно возле колодца он оставил свою лошадь, не удосужившись проехать несколько метров до привязи. Доносившиеся снизу шаркающие звуки стали теперь гораздо более отчетливыми, и Эми крепче сжал в руках тяжелую палку, прихваченную им на всякий случай на чердаке. Не переставая ободрять себя, он спустился с лестницы и решительным шагом направился на кухню. Однако туда он так и не попал, ибо того, за чем он шел, там уже не было. Оно лежало на полпути между кухней и гостиной и все еще проявляло признаки жизни. Само ли оно приползло сюда или было принесено некой внешней силой, Эми не мог сказать, но то, что оно умирало, было очевидно. За последние полчаса Нейхем претерпел все ужасные превращения, на которые раньше уходили дни, а то и недели; и отвердение, потемнение и разложение уже почти завершилось. Высохшие участки тела на глазах осыпались на пол, образуя кучки мелкого пепельно-серого порошка. Эми не смог заставить себя прикоснуться к нему, а только с ужасом посмотрел на разваливающуюся темную маску, которая еще недавно была лицом его друга, и прошептал:

— Что это было, Нейхем? Что это было?

Распухшие, потрескавшиеся губы раздвинулись, и увядающий голос прошелестел в гробовой тишине:

— Не знаю... не знаю... просто сияние... оно обжигает... холодное, влажное, но обжигает... живет в колодце... я видел его... похоже на дым... колодец светится по ночам... Тед и Мервин и Зенас... все живое... высасывает жизнь из всего живого... в камне

с неба... оно было в том камне с неба... заразило все кругом... не знаю, чего ему надо... та круглая штука... ученые выковыряли ее из камня с неба... они разбили ее... она было того же цвета... того же цвета, что и листья, и трава... в камне были еще... семена... яйца... они выросли... впервые увидел его на этой неделе... стало большое, раз справилось с Зенасом... сначала селится у тебя в голове... потом берет всего... от него не уйти... оно притягивает... ты знаешь... все время знаешь, что будет худо... но поделаться ничего нельзя... я видел его не раз... оно обжигает и высасывает... оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав... берегись, Эми, оно не только светится... оно высасывает жизнь...

Это были его последние слова. То, чем он говорил, не могло больше издать ни звука, ибо составляющая его плоть окончательно раскрошилась и провалилась внутрь черепа.

Эми прикрыл останки белой в красную клетку скатертью и, пошатываясь, вышел через заднюю дверь на поля. По отлогому склону он добрался до десятиакрового гарднеровского пастбища, а оттуда по северной дороге, что шла напрямик через леса, побрел домой. Он не мог пройти мимо колодца, от которого убежала его лошадь, ибо перед тем, как отправиться в путь, бросил на него взгляд из окна и убедился в том, что пролетка не оставила на каменном бордюре ни малейшей царапины — скорее всего, она вообще проскочила мимо. Значит, это был не камень...

Эми сразу же отправился в Аркхэм заявить полиции, что семьи Гарднеров больше не существует. В полицейском участке он высказал предположение, что причиной смерти послужила та же самая неведомая болезнь, что ранее погубила весь скот на ферме. После этого Эми подвергли форменному допросу, а кончилось дело тем, что его заставили сопровождать на злосчастную ферму трех сержантов, коронера, судебно-медицинского эксперта и ветеринара. Шестеро представителей закона разместились в легком фургоне, Эми уселся в свою пролетку, и около четырех часов пополудни они уже были на ферме. Даже привыкшие к самым жутким ипостасям смерти полицейские не смогли выдержать невольной дрожи при виде останков, найденных на чердаке и под белой в красную клетку скатертью в гостиной. Мрачная пепельно-серая пустыня, окружавшая дом со всех сторон, сама по себе могла вселить ужас в кого угодно, однако эти две груды праха выходили за границы человеческого разумения.

Даже судмедэксперт признался, что ему тут, собственно, не над чем работать, разве что только собрать образцы для анализа. Две наполненные пеплом склянки попали на лабораторный стол технологического колледжа Мискатоникского университета. Помещенные в спектроскоп, оба образца дали абсолютно неизвестный спектр, многие полосы которого совпадали с полосами спектра, снятого в прошлом году с кусочка странного метеорита. Однако в течение месяца образцы утратили свои необычные свойства, и спектральный анализ начал стабильно указывать на наличие в пепле большого количества щелочных фосфатов и карбонатов.

Эми и словом бы не обмолвился о колодце, если бы знал, что за этим последует. Но солнце садилось, и ему хотелось поскорее убраться восвояси. И он сказал, что Нейхем ужасно боялся колодца — боялся настолько, что ему даже в голову не пришло заглянуть в него, когда он искал пропавших Мервина и Зенаса. После этого заявления полицейским ничего не оставалось, как досуха вычерпать колодец и обследовать его дно. Эми стоял в сторонке и дрожал, в то время как полицейские поднимали на поверхность и выплескивали на сухую, потрескавшуюся землю одно ведро зловонной жидкости за другим. Люди у колодца морщились, зажимали носы, и неизвестно, удалось бы им довести дело до конца, если бы уровень воды в колодце не оказался на удивление низок и уже через четверть часа работы не обнаружилось дно. Полагаю, нет необходимости распространяться в подробностях о том, что они нашли. Достаточно сказать, что Мервин и Зенас оба были там. Останки их представляли из себя удручающее зрелище и почти целиком состояли из разрозненных костей да двух черепов. Кроме того, были обнаружены небольших размеров олень и дворовый пес, а также целая россыпь костей, принадлежавших, по-видимому более мелким животным. Ил и грязь, скопившиеся на дне колодца, оказались на редкость рыхлыми и пористыми, и вооруженный багром полицейский, которого на веревках опустили в колодезный сруб, обнаружил, что его орудие может полностью погрузиться в вязкую слизь, так и не встретив никакого препятствия.

Спустились сумерки, и работа продолжалась при свете фонарей. Поняв, что в колодце не удастся более найти ничего существенного, все гурьбой повалили в дом и, устроившись в древней гостиной, освещаемой фонарями да призрачными бликами, принялись обсуждать результаты проведенных изысканий. Конечно,

они не могли поверить, чтобы рядом с ними могло произойти нечто, не отвечающее законам природы. Без сомнения, метеорит отравил окрестную землю, но как объяснить тот факт, что пострадали люди и животные, не взявшие в рот ни крошки из того, что выросло на этой земле? Может быть, виновата колодезная вода? Вполне возможно. Было бы очень недурно отправить на анализ и ее. Но какая сила, какое безумие заставило обоих мальчиков броситься в колодец? Один за другим они прыгнули туда, чтобы там, на илистом дне, умереть и рассыпаться в прах от все той же (как показал краткий осмотр останков) серой иссушающей заразы. И вообще, что это за болезнь, от которой все сереет, сохнет и рассыпается в прах?

Первым свечение у колодца заметил коронер, сидевший у выходившего во двор окна. Оно поднималось из черных недр колодца, как слабый луч фонарика, и терялось где-то в вышине, успевая отразиться в маленьких лужицах зловонной колодезной воды, оставшихся на земле после очистных работ. Сияние это было весьма странного цвета, и когда Эми, толкавшийся за спинами сгрудившихся у окна людей, наконец получил возможность выглянуть во двор, он почувствовал, как у него останавливается сердце. Ибо то был цвет хрупкой глобулы, цвет уродливой растительности и, наконец — теперь он мог в этом поклясться — цвет того движущегося облачка, что не далее как сегодня утром на мгновение заслонило собой узенькое окошко чердачной комнаты. Какая-то тварь точно такого-же цвета прикончила внизу беднягу Нейхема. И лошадь понеслась прочь со двора, и что-то тяжелое упало в колодец — а теперь из него угрожающе выпирал в небо бледный мертвенный луч все того же дьявольского цвета.

Нужно отдать должное крепкой голове Эми, которая даже в тот напряженный момент была занята разгадкой парадокса, носящего чисто научный характер. Его поразило тот факт, что светящееся, но все же достаточно разреженное облако выглядело совершенно одинаково как на фоне светлого квадрата окна, за которым сияло раннее погожее утро, так и в крошечной тьме посреди черного, опаленного смертью ландшафта. Что-то здесь было не так, не по законам природы, и он невольно подумал о последних страшных словах своего умирающего друга: «Оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав».

Во дворе отчаянно забились и заржали лошади, оставленные на привязи. Кучер направился было к дверям, чтобы выйти и успокоить испуганных животных, когда Эми остановил его, а между тем сияние во дворе становилось все ярче, и все отчаяннее ржали лошади. Это был поистине ужасный момент: мрачное жилище, четыре чудовищные свертка с останками в дровянике у задней двери и столб неземного, демонического света, вздымающийся из осклизлой бездны во дворе.

Внезапно один из толпившихся у окна полицейских издал короткий сдавленный вопль. Присутствующие, вздрогнув от неожиданности, проследили его взгляд. Ни у кого не нашлось слов, да и никакие слова не могли бы выразить охватившее всех смятение. Ибо в тот вечер одна из самых невероятных легенд округа перестала быть легендой и превратилась в жуткую реальность — вся природа замерла в жутком оцепенении, но то, что вселилось в черные, голые ветви росших во дворе деревьев, по-видимому, не имело к природе никакого отношения, иначе как объяснить тот факт, что они двигались на фоне всеобщего мертвого затишья! Они судорожно извивались, как одержимые, пытаясь вцепиться в низколетящие облака, они дергались и свивались в клубки, как если бы какая-то неведомая чужеродная сила дергала за связывающую их с корнями невидимую нить. Набежавшее на луну плотное облачко ненадолго скрыло силуэты шевелящихся деревьев в кромешной тьме — и тут из груди каждого присутствующего вырвался хриплый, приглушенный ужасом крик. Ибо тьма, поглотившая бившиеся в конвульсиях ветви, лишь подчеркнула царившее снаружи безумие: там, где секунду назад были видны кроны деревьев, теперь плясали, подпрыгивали и кружились в воздухе тысячи бедных, фосфорических огоньков. Это чудовищное созвездие замогильных огней, напоминающих рой обожравшихся светляков-трупоедов, светило все тем же пришлым неестественным светом, который Эми отныне суждено было запомнить и смертельно бояться всю оставшуюся жизнь.

Между тем исходивший из колодца столб света становился все ярче и ярче, а в головах сбившихся в кучу дрожащих людей, напротив, все более сгущалась тьма, рождая мрачные образы и роковые предчувствия, выходившие далеко за границы обычного человеческого сознания. Теперь сияние уже не исходило, а вырывалось из темных недр, бесшумно подымаясь к нависшим тучам. Деревья с каждой секундой светились все ярче и напо-

минали брызжащие во все стороны фосфорические фонтаны. Ржание и биение лошадей у привязи становилось невыносимым, но ни один из бывших в доме ни за какие земные блага не согласился бы выйти наружу. Светилось уже деревянное коромысло над колодцем, а когда один из полицейских молча ткнул пальцем в сторону каменной ограды, все обратили внимание на то, что притулившиеся к ней пристройки и навесы тоже начинают излучать свет, и только полицейский фургон да пролетка Эми оставались невовлеченными в эту огненную феерию. «Оно... это явление... распространяется на все органические материалы, какие только есть поблизости», — пробормотал судмедэксперт. Ему никто не ответил, но тут полицейский, которого спускали в колодец, заявил, содрогаясь всем телом, что его длинный багор, очевидно, задел нечто такое, чего не следовало задевать. «Это было ужасно, — добавил он. — Там совсем не было дна. Одна только муть и пузырьки — да ощущение, что кто-то притаился там, внизу». Лошадь Эми все еще билась и ржала во дворе, наполовину заглушая дрожащий голос своего хозяина, которому удалось выдать из себя несколько бессвязных фраз: «Оно вышло из этого камня с неба... Оно пришло извне, где все не так, как у нас... теперь оно собирается домой».

В этот момент сияющий столб во дворе вспыхнул ярче прежнего и начал приобретать определенную форму. Одновременно привязанная у дороги Геро издала жуткий рев, какого ни до, ни после того не доводилось слышать человеку. Все присутствующие зажали ладонями уши, а Эми, содрогнувшись от ужаса и тошноты, поспешно отвернулся от окна. Один из полицейских знаками дал понять остальным, что пылающая смерть уже находится вокруг них, в этой самой гостиной! Лампа, которую Эми незадолго до того затушил, действительно, не была нужна, так как все деревянные предметы вокруг начали испускать все то же ненавистное свечение. Оно разливалось по широким половицам и брошенному поверх них лоскутному ковру, мерцало на переплете окон, пробежало по выступающим угловым опорам, вспыхивало на буфетных полках и над камином и уже распространялось на двери и мебель. Оно усиливалось с каждой минутой, и вскоре уже ни у кого не осталось сомнений в том, что, если они хотят жить, им нужно немедленно отсюда убираться.

Через заднюю дверь Эми вывел всю компанию на тропу, пересекавшую поля в направлении пастбища. Они брели по ней,

The Dunwich Horror.

by H.P. LOVECRAFT

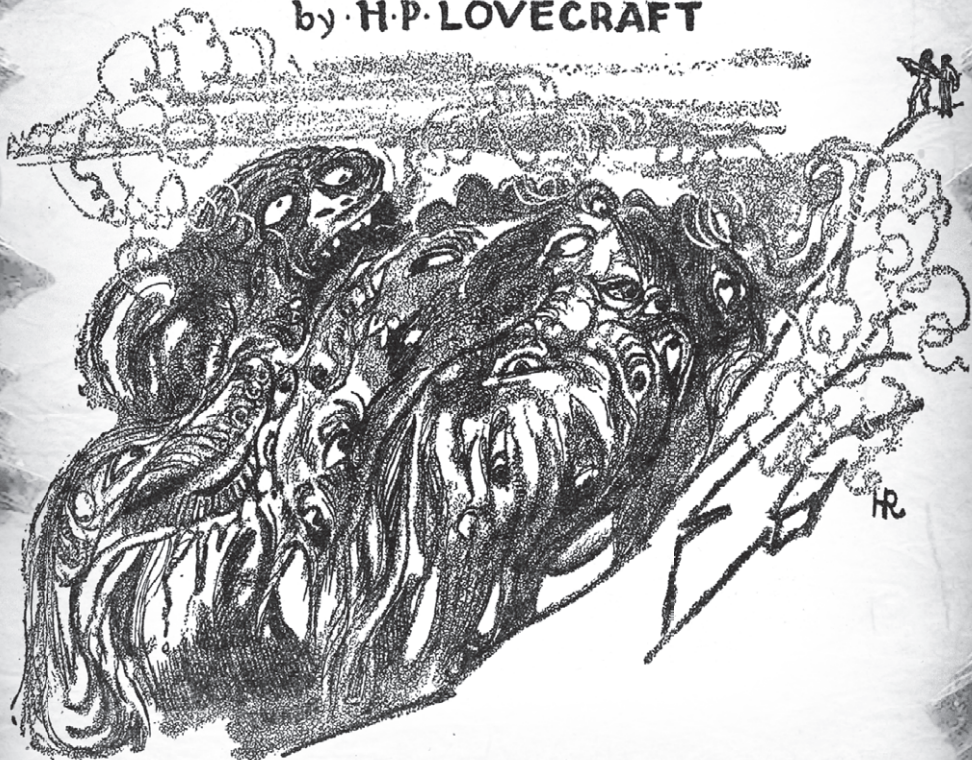


Иллюстрация к рассказу «Ужас Данвича» из журнала «Weird Tales».
Апрель 1929 г.

как во сне, спотыкаясь и покачиваясь, не смея оборачиваться назад, до тех пор, покуда не оказались на высоком предгорье.

Когда они остановились, чтобы в последний раз посмотреть на долину, их взору предстала ужасающая картина: ферма напоминала одно из видений Фюзели: светящееся аморфное облако в ночи, в центре которого набухал переливчатый жгут неземного, неопишущего сияния. Холодное смертоносное пламя поднялось до самых облаков — оно волновалось, бурлило, ширилось и вытягивалось в длину, оно уплотнялось, набухало и бросало в тьму блики всех цветов невообразимой космической радуги.

А затем отвратительная тварь стремительно рванулась в небо и бесследно исчезла в идеально круглом отверстии, которое, казалось, специально для нее кто-то прорезал в облаках. Эми стоял, задрал голову и тупо уставившись на созвездие Лебеда, в районе которого пущенная с земли сияющая стрела была поглощена Млечным Путем. Донесшийся из долины оглушительный треск заставил его опустить взгляд долу. Позднее многие ошибочно утверждали, что это был взрыв, но Эми отчетливо помнит, что в тот момент они услышали только громкий треск и скрежет разваливающегося на куски дерева. В следующую секунду над обреченной фермой забурился искрящийся дымовой гейзер, из сердца которого вырвался и ударил в зенит ливень обломков таких фантастических цветов и форм, каких наверняка не существовало в нашей Вселенной. Сквозь быстро затягивавшуюся дыру в облаках они устремились вслед за растворившейся в космическом пространстве тварью, и через мгновение от них не осталось и следа.

Теперь внизу царил крошечная тьма, а сверху резкими, ледяными порывами уже налетал ураган, принесшийся, казалось, непосредственно из распахнувшейся над людьми межзвездной бездны. Перепуганные, дрожащие люди на склоне холма решили, что, пожалуй, им не стоит ждать, пока появится луна и высветит то, что осталось от гарднеровского дома, а лучше поскорее отправиться восвояси. Слишком подавленные, чтобы обмениваться замечаниями, все семеро поспешили прочь по северной дороге, что должна была вывести их к Аркхэму. Эми в тот день досталось больше других, и он попросил всю компанию сделать небольшой крюк и завести его домой. Он просто представить себе не мог, как пойдет один через эти мрачные, стонущие под напором ветра леса, ибо минуту тому назад бедняге довелось пережить еще одно потрясение: в то время, как все остальные благоразумно

повернулись спиной к проклятой долине и ступили на ведущую в город тропу, Эми замешкался и еще раз взглянул в клубящуюся тьму. Он увидел, как там, далеко внизу, с обожженной, безжизненной земли поднялась тоненькая светящаяся струйка — поднялась только затем, чтобы тут же нырнуть в черную пропасть, откуда совсем недавно ушла в небо светящаяся нечисть. Эми понял, что последний слабый отросток чудовищной твари затаился все в том же колодце, где и будет теперь сидеть, ожидая своего часа. Именно в тот момент что-то и повернулось у Эми в голове, и с тех пор он так уже и не оправился.

На следующий после происшествия день трое полицейских вернулись на ферму, чтобы осмотреть развалины при дневном свете. Однако они не нашли там, практически, никаких развалин — только кирпичный дымоход, завалившийся каменный погреб, разбросанный по двору щебень вперемешку с металлическими обломками да бордюр ненавистного колодца. Все живое или сделанное из органического материала — за исключением мертвой лошади Эми, которую они оттащили в ближайший овраг и закопали в землю, да его же пролетки, в тот же день доставленной владельцу, — все исчезло без следа. Остались лишь пять акров жуткой серой пустыни, где с тех пор так и не выросло ни одной былинки. Те немногие местные жители, у которых хватило духу сходить посмотреть, окрестили ее Испепеленной Пустошью. Странные слухи расползаются по округе. Ботаникам следовало бы заняться изучением причудливой, медленно гибнущей растительности по краям выжженного пятна и заодно опровергнуть, если, конечно, удастся, бытующую в округе легенду, гласящую, что это самое пятно медленно, почти незаметно — не более дюйма в год — наступает на окружающий его лес.

Не спрашивайте меня, что я обо всем этом думаю. Я не знаю — вот и все. Эми был единственным, кто согласился поговорить со мной — из жителей Архэма невозможно вытянуть и слова, а все три профессора, видевшие метеорит и сверкающую глобулу, давно умерли. Однако в том, что там были другие глобулы, можете не сомневаться. Одна из них выросла, набралась сил, пожрав все живое вокруг, и улетела, а еще одна, как видно, не успела. Я уверен, что она до сих пор скрывается в колодце — недаром мне так не понравились краски заката, игравшие в зловонных испарениях над его жерлом. Засевшая в колодце тварь питается и копит силы. Но какой бы дьявол ни высиживал там свои яйца,

он, очевидно, накрепко привязан к этому месту, иначе давно уже пострадали бы соседние леса и поля. Может быть, его держат корни деревьев, что вонзают свои ветви в небо в напрасной попытке вцепиться в облака?..

Если верить описаниям Эми, то эта тварь — газ. Он не подчиняется физическим законам нашей Вселенной. Он не имеет никакого отношения к звездам и планетам, безобидно мерцающим в окулярах наших телескопов или безропотно запечатлевающимся на наших фотопластинках. Он не входит в состав атмосфер, чьи параметры и движения усердно наблюдают и систематизируют наши астрономы. Это просто сияние — сияние извне — грозный вестник, явившийся из бесконечно удаленных, неведомых миров, о чьей природе мы не имеем даже смутного представления, миров, одно существование которых заставляет содрогнуться наш разум и окаменеть наши чувства, ибо при мысли о них мы начинаем смутно прозревать черные, полные угрозы пропасти, что ждут нас в космическом пространстве.

Я надеюсь, что до той поры, пока Испепеленная Пустошь не скроется под водой, ничего не случится с Пирсом. Эми такой милый старик — когда строители выедут на место, я, пожалуй, накажу главному инженеру присматривать за ним. Мне ужасно не хочется, чтобы он превратился в пепельно-серое, визжащее, разваливающееся на куски чудовище, что день ото дня все чаще является мне в моих беспокойных снах.

1927

© Перевод И. Богданова

Ужас Данвича

Второго февраля 1913 года у Лавинии Уэйтли родился сын Уилбер. Странный мальчик, который рос не по дням, а по часам, внушал страх жителям Данвича. Его деда считали колдуном, а сам он читал в библиотеке Мискатоникского университета черные книги, где выискивал информацию об ужасном Ключнике Миров. «Однако все это только пролог к Данвичскому кошмару».

«Горгоны, Гидры и Химеры — страшные рассказы о Целено и Гарпиях — все они могут воссоздаваться в мозгу язычника — однако все они на самом деле существовали. Все это — копии, типы — точнее архетипы, которые есть в нас, и они существуют от века.

Иначе каким же образом то, что наяву мы считаем выдумкой, может оказывать на нас влияние? Разве мы испытываем ужас при мысли о них потому, что считаем способными причинить нам физическую боль? нет, меньше всего! Эти страхи имеют куда более древнее происхождение. Они берут начало за пределами тела — иначе говоря, не будь тела, они бы все равно существовала...

Так что страх, о котором здесь идет речь, чисто духовной природы — то что он столь же силен, сколь и не привязан ни к одному земному объекту, то что он преобладает в период нашего безгреховного младенчества — все это затрудняет поиск решения, которое позволило бы нам проникнуть в глубины нашего доземного существования и хотя бы одним глазком заглянуть в страну теней, что была до появления человека».

Чарльз Лэмб «Ведьмы и другие ночные страхи»

Глава 1

Если человек, путешествующий по северным районам центрального Массачусетса, на развилке дорог в Эйлсбери близ Динз-Корнерс повернет не в ту сторону, то он окажется в пустынном и любопытном месте. Местность становится более возвышенной, а окаймленные зарослями вереска стены камня все ближе и ближе подходят к колее пыльной извилистой дороги. Деревья в много численных полосках леса кажутся чересчур большими, а дикие травы, сорняки и заросли куманики чувствуют себя здесь куда вольготнее, чем в обжитых районах. В то же время засеянные поля становятся более скудными и встречаются все реже; а немногочисленные разбросанные здесь дома несут на себе удивительно сходный отпечаток старости, разрушения и запущенности. Сам не зная почему, путешественник не решается спросить дорогу у кого-либо из одиноких людей грубоватой наружности, сидящих на полуразвалившихся крылечках или работающих на наклонных лугах среди разбросанных там и сям камней. Эти фигуры выглядят столь тихими и вороватыми, что сразу чувствуешь присутствие чего-то угрожающего, от чего лучше держаться подальше. Когда дорога поднимается так высоко, что видишь горы над темными лесами, ощущение неясной тревоги усиливается.

Вершины кажутся слишком закругленными и симметричными, чтобы дать чувство комфорта и естественности, а порой на фоне неба с особой четкостью вырисовываются странные кольца высоких каменных колонн, которыми увенчана большая часть этих вершин.

Узкие ущелья и овраги неясной глубины пересекают дорогу, а переброшенные через них грубо сколоченные мосты всегда кажутся довольно опасными. Когда дорога вновь начинает идти под уклон, появляются участки болотистой местности, вызывающие инстинктивную неприязнь, а по вечерам — настоящий страх из-за стрекота невидимых козодоев; светлячков, танцующих в необыкновенном изобилии; хриплою и резкого, неприятно настойчивого свиста жаб. Узкая сверкающая лента Мискатоника в его верховьях очень напоминает змею, когда он, изгибаясь, подходит к подножию куполообразных холмов.

По мере приближения к холмам, путешественник начинает опасаться их лесистых склонов больше, чем увенчанных камнями вершин. Эти склоны поднимаются вверх, такие темные и крутые, что возникает желание оставить их в стороне, но дорога не позволяет их миновать. По другую сторону скрытого деревьями мостика видна маленькая деревушка, укрывшаяся между рекой и вертикальным склоном Круглой Горы, и тут путешественника удивляет зрелище полусгнивших двускатных крыш, напоминающих скорее о старых архитектурных традициях, чем о типичных строениях этой местности. Большинство домов брошены и вот-вот рухнут, а церковь с разрушенной колокольной служит складом для хозяйственного скарба обитателей деревни.

Жутким кажется доверяться темному тоннелю мостика, но иного пути нет.

Когда же перебираешься на другую сторону, сразу ощущаешь слабый, но какой-то скверный запах деревенской улицы, запах плесени и многолетнего гниения.

Миновав это место, путешественник всегда испытывает чувство облегчения, а затем следует по узкой дорожке, огибает подножия холмов и пересекает гладкую равнину, пока, наконец, вновь не попадает на развилку в Эйлсбери. И лишь тут он иногда узнает, что, оказывается, проехал через Данвич.

Посторонние стараются как можно реже заглядывать в Данвич, а после одного ужасного периода все указатели, где он было отмечен, убрали.

Окружающий ландшафт, если рассматривать его с обычной эстетической точки зрения, даже более чем прекрасен; тем не менее никакого притока художников или просто любителей летних путешествий Данвич не знает. Пару веков назад, когда никто не посмеивался над рассказами о служителях Сатаны, ведьминой крови и странных лесных обитателях, было принято всячески избегать этой местности. В наш рациональный век — с тех пор, как данвичский ужас 1928 года был замят усилиями людей, которые искреннее беспокоились о благополучии городка, да и всего нашего мира — люди, сами не зная почему, продолжают остерегаться этого места. По всей видимости, одной из причин является то, что местные жители ныне заметно опустили, далеко пройдя по пути регресса и упадка, столь характерному для многих захолустных уголков Новой Англии. В конечном итоге они, как бы образовали свою собственную расу, имеющую явные признаки умственного

и физического вырождения и узкородственных кровных связей. Уровень их интеллектуального развития удручающе низок, и при этом летопись их деяний буквально пропитана порочностью, убийствами, кровосмешениями и актами неопишущей жестокости и извращенности.

Представители старейших семей, двух или трех, приехавших из Салема в 1692 году, смогли каким-то образом удержаться над уровнем общей деградации; хотя многие ветви этих семей столь сильно смешались с прочей массой, что только имена напоминали об их происхождении. Некоторые из Уотлисов и Бишопов все еще посылали своих старших сыновей в Гарвард и Мискатоник, хотя сыновья эти редко возвращались под старый заплесневелый кров, где родились они сами и их предки.

Никто, даже те, кому были известны все обстоятельства недавних кошмарных событий, не смог бы объяснить, что же все — таки с Данвичем не в порядке; между тем старые легенды рассказывали о греховных обрядах и тайных собраниях индейцев, во время которых они вызывали призраков с больших круглых холмов и выкрикивали иступленные моления, откликами на которые были громкий треск и грохот, доносившиеся из-под земли. В 1747 году преподобный Эбиджа Ходли, недавно прибывший в приходскую церковь Данвич-Вилледж, произнес памятную проповедь по поводу близкого соседства Сатаны и его мерзких слуг; в частности, он сказал:

«Нужно признать, что Богохульства Демонов Ада слишком хорошо известны, чтобы их можно было отрицать: проклятые голоса Азазеля и Базраэля, Веельзевула и Велиала слышатся сейчас из-под земли, о чем сообщали заслуживающие доверия очевидцы, ныне живущие. Я лично не далее чем две недели назад очень явственно уловил разговор между Дьявольскими Силами, когда находился у холма за моим домом; он сопровождался треском и грохотом, стонами, скрежетом, шипением и свистом, издавать которые не способно ни одно существо на земле, Звуки эти несомненно исходят из тех пещер, обнаружить которые дано только черной Магии, а отпереть — одному Дьяволу».

Мистер Ходли исчез вскоре после того, как прочел эту проповедь, однако текст ее, отпечатанный в Спрингфилде, сохранился до наших дней. Сообщения о странных звуках и шумах близ холмов продолжают ежегодно поступать и все еще остаются загадкой для геологов и физиографов.

Другие предания рассказывают о неприятных запахах, ощущаемых вблизи от венчающих холмы колец из каменных колонн, о воздушных потоках, шум которых доносится из определенных точек на дне больших оврагов; были и легенды, относящиеся к так называемому Двору Танцев Дьявола — открытому всем ветрам, лишенному растительности склону холма. И еще местные жители смертельно боялись многочисленных козодоев, которые заводили свои песни теплыми ночами. Уверяли, что эти птицы — призраки, поджидающие души умирающих, и что они издают свои крики в унисон с их последними трудными вздохами. Если они могут поймать летящую душу, когда та покидает тело, то они мгновенно улетают с ней, издавая дьявольский смех; если им не удастся этого сделать, то они постепенно погружаются в молчание.

Эти сказки, разумеется, уже устарели и сейчас звучат курьезно, ибо они пришли к нам с очень древних времен. Данвич в самом деле был очень стар — древнее, чем любое из поселений, находящихся в пределах тридцати миль от него. К югу от деревни еще до сих пор можно видеть стены погребца и дымоход старинного дома Бишопов, который был построен до 1700 года; а руины мельницы у водопада, построенной в 1806 году, были самым современным образцом архитектуры. Промышленность не прижилась в этих местах, и развернувшееся в девятнадцатом веке фабричное движение оказалось тут недолговечным. Старейшим сооружением были огромные кольца грубо вытесанных каменных колонн на вершинах холмов, но они относились к продуктам деятельности индейцев, а не жителей Данвича. Россыпи черепов и человеческих костей, обнаруженные внутри этих колец, а также вокруг огромною, в форме стола, камня на Сторожевом Холме, подтверждали распространенное представление о том, что здесь располагались места захоронений Покумтуков, хотя многие антропологи, отвергая невероятность подобного объяснения, настаивали на том, что эти останки людей европеоидной расы.

Глава 2

В окрестностях Данвича, в большом и частично необитаемом фермерском доме у склона холма, в четырех милях от деревни и в полутора милях от ближайшего жилья, в воскресенье, 2 февра-

ля 1913 года, в 5 часов утра родился Уилбур Уотли. Дату запомнили, потому что это было Сретение, которое жители Данвича отмечали под другим названием, а еще и потому, что этой ночью все-собаки в округе беспрерывно заливались лаем, а с холмов доносился шум.

Менее значительным представлялось то обстоятельство, что мать была из семьи Уотли, внешне непривлекательная, даже уродливая альбиноска, 35 лет, проживавшая с престарелым полусумасшедшим отцом, о котором в молодые годы ходили самые устрашающие истории по поводу его причастности к колдовству.

Мужа у Лавинии Уотли не было, но она, в соответствии с местными традициями, не пыталась каким-либо образом отречься от ребенка. Более того, Лавиния даже по — своему гордилась темноволосым, похожим на козленка младенцем, внешность которого ничем не напоминала ее несколько болезненное лицо альбиноски с красными глазами, и не раз многие слышали, как она бормочет странные пророчества относительно необыкновенных возможностей и потрясающего будущего своего сына.

Такие пророчества не были чем-то неожиданным в поведении Лавинии, ибо она была одиноким созданием, часто во время грозы бродила по холмам и пыталась читать огромные тома, которые были собраны семейством Уотли за два века и перешли к ее отцу, изъеденные червями и разваливающиеся на части.

Лавиния никогда не ходила в школу, но была переполнена обрывками древних знаний, которые передал ей Старый Уотли. Одинокий фермерский дом всегда был для местных жителей несколько страшноватым из-за предполагаемой склонности Старого Уотли к черной магии; не способствовала популярности этого дома и таинственная насильственная смерть миссис Уотли, случившаяся, когда Лавинии было двенадцать лет. Оказавшись в одиночестве посреди странных воздействий, Лавиния любила предаваться грандиозным и безудержным грезам наяву и необычным занятиям; ее досуг не был посвящен и домашним обязанностям, вследствие чего из дома давно исчезли чистота и порядок.

В ночь, когда появился на свет Уилбур, из дома донесся ужасный крик, перекрывавший даже шум с холмов и собачий лай, однако ни врач, ни повивальная бабка при этом рождении не присутствовали. Целую неделю соседи ничего не знали о новорожденном, пока Старик Уотли не приехал однажды на своих санях по снегу и стал говорить что-то бессвязное группе зевак, собравшихся у лавки Осборна. С престарелым Уотли что-то слу-

чилось — появился какой-то дополнительный оттенок скрытности в его поведении и затуманенном сознании, превративший старика из объекта страха в его субъект.

Помимо этого можно было заметить некоторые признаки гордости, позднее проявившиеся и у его дочери, а то, что им было сказано по поводу возможного отца ребенка, многие запомнили надолго:

«Мне наплевать на то, что подумают люди — если сын Лавинии похож на своего папочку, то он и не может выглядеть так, как остальные, к кому вы привыкли. Не нужно думать, что се люди такие, как и те, что здесь живут.

Лавиния много читала и видела такое, о чем вы только болтаете. Я так понимаю, что ее мужик ничуть не худший муж, чем любой по эту сторону Олсбери; а если бы вы знали про наши холмы то, что известно мне, то вы не пожелали бы ей венчания в церкви. Вот что я вам скажу — настанет день и вы, ребята, еще услышите, как ребенок Лавинии кричит имя своего отца с вершины Сторожевого Холма»

Единственными, кто видел Уилбура в первый месяц его жизни, были старый Захария Уотли, еще из тех, прежних Уотли, и невенчанная жена Эрла Сойера Мэми Бишоп. Визит Мэми был вызван простым любопытством и ее последующие рассказы делают честь ее наблюдательности; Захария же пришел, чтобы привести пару олдернских коров, которых Старик Уотли купил у его сына Куртиса. Это событие положило начало серии закупок скота семейством маленькою Уилбура, прекратившихся лишь в 1928 году, когда начался и закончился данвичский ужас; и несмотря на эти покупки, полусгнивший двор Уотли никогда не был переполнен скотиной, Настал момент, когда люди не могли усмирить свое любопытство и сосчитали все стадо, которое паслось на склоне холма за старым фермерским домом, но им ни разу не удалось обнаружить там более десяти-двенадцати анемичных вялых животных. По всей видимости, какая-то хворь или зараза, вероятнее всего, вызванная плохим пастбищем или вредными грибами, которые развелись на грязном скотном дворе, привела к падежу скота. Странного вида раны и болячки, похожие на следы порезов, виднелись на телах животных; а пару раз еще в ранние периоды жизни ребенка некоторые любопытные заме-

чали такие же ранки на горле у седого небритого старика и его кудрявой дочери-альбиноски.

Весной того года, когда родился Уилбур, Лавиния вновь стала совершать прогулки по холмам, держа в своих миниатюрных руках смуглолицего младенца.

Всеобщий интерес к делам Уотли постепенно сошел на нет, по мере того как большинство жителей смогли посмотреть на мальчика, причем никто не задумался о быстром развитии ребенка, взрослого буквально не по дням, а по часам. А рост его был действительно феноменальным, ибо спустя три месяца после рождения он достиг размеров и физической силы, которые редко наблюдаются и у годовалых детей. Его движения и даже звуки, которые он издавал, отличались целенаправленностью и самоконтролем, весьма необычным для младенца, и, к вящему удивлению окружающих, он в семь месяцев начал ходить без постоянной помощи.

Спустя некоторое время — во время праздника Хэллоуин — в полночь, на вершине Сторожевого Холма, там, где лежал древний камень, похожий на стол, посреди древних костей можно было видеть яркое пламя. Разговоры об этом начались тогда, когда Сайлес Бишоп — из тех, прежних Бишопов, — сказал, что примерно за час до того, как появилось пламя, видел, как мальчик уверенно бежал вверх по склону холма впереди своей матери. Сайлес, который загонял назад отбившуюся от стада телку, увидев две фигуры в колеблющемся свете фонаря, почти забыл о своих заботах. Они почти бесшумно неслись через подлесок, и пораженный наблюдатель подумал, что они совершенно раздеты. Впоследствии он не был так в этом уверен и говорил, что по крайней мере на мальчике, по всей видимости, были темные штанишки, перепоясанные ремешком с бахромой. Позже никто и никогда не видел, чтобы, находясь в сознании, Уилбур не был полностью и тщательно застегнут на все пуговицы, и малейший беспорядок в одежде и даже угроза подобного беспорядка наполняли его гневом и тревогой. Это выглядело разительным контрастом с его неряшливыми матерью и дедом и возбуждало всеобщее недоумение до тех пор, пока ужасные события 1928 года не дали отмеченному факту самое исчерпывающее объяснение.

В январе следующего года предметом бурного обсуждения и всяческих сплетен стало то, что «черный ублюдок Лавинии» начал разговаривать, и это в возрасте одиннадцати месяцев! Его

речь была замечательна не только тем, что в ней отсутствовал местный акцент, но и тем, что была совершенно лишка признаков детского лепета. Мальчик не был особенно разговорчив, но когда ему все-таки случалось говорить, в его речи слышались элементы, совершенно не характерные для Данвича и его обитателей. Необычность эта не относилась к тому, что он говорил, или даже к простым идиомам, которые он использовал; скорее она относилась к интонации или была связана с теми внутренними органами, которые отвечали за формирование звуков. Мимика и выражение лица также были замечательны — прежде всего своим зрелым характером; ибо, хотя он и унаследовал от матери и деда отсутствие подбородка, однако ею прямой и вполне сформировавшийся нос, вкупе с выражением больших, темных, латинского типа глаз придавал ему облик почти взрослого человека со сверхъестественным для такого возраста интеллектом. Тем не менее, это ощущение присущего ему ума не устраняло чрезвычайной уродливости; было что-то козлиное или звериное в его толстых губах, желтоватой пористой коже, грубых курчавых волосах и причудливо удлинённых ушах. Очень скоро он начал вызывать еще большую неприязнь, чем его мать и дед, и все суждения о нем были пропитаны ссылками на прежнюю склонность Старика Уотли к магии, и тем, как он однажды выкрикнул ужасное имя «Йог-Сохот» посреди кольца камней на холме, держа в руках раскрытую книгу, и как содрогнулись холмы от этого крика. Собаки ненавидели мальчика, и он всегда должен был защищаться от их яростных нападений, сопровождающихся залившимся лаем.

Глава 3

Между тем Старик Уотли продолжал приобретать скот, хотя стадо его от этого не увеличивалось. Кроме того, он пилил доски и начал восстанавливать заброшенные части дома — обширное сооружение с остроконечной крышей, задняя часть которого почти полностью скрывалась скалистыми склонами холма. По всей видимости, у старика сохранилось еще немало сил, позволивших ему завершить столь тяжелый труд, и хотя он все еще временами что-то бессвязно бормотал, но в целом плотницкие работы оказали на него серьезное позитивное влияние.

Собственно, это началось с рождения Уилбура, когда один из сараев с инструментами был неожиданно приведен в порядок и снабжен солидным новым замком. Теперь же, занимаясь восстановлением заброшенного верхнего этажа дома, он показал себя не менее старательным мастером. Мания его проявилась, пожалуй, только в тщательном заколачивании досками всех окон в восстановленной части дома — хотя многие заявляли, что само по себе восстановление уже является признаком безумия. Менее неожиданным было затеянное им оборудование еще одной комнаты внизу для своего внука — комнаты, которую некоторые видели, хотя на обшитый досками второй этаж никто не смог заглянуть. Комнату для внука он снабдил крепкими стеллажами до самого потолка; на них он постепенно начал размещать в строгом порядке все подпорченные древние книги и их части, которые раньше в беспорядке валялись по углам.

«Я в свое время попользовался ими, — говорил он, пытаюсь склеить разорванные листы с помощью, клея; приготовленно-го на ржавой кухонной плите, — но мальчику они пригодятся еще больше. Он сможет использовать их по своему усмотрению, поскольку в них есть все необходимые для него знания».

Когда Уилбуру исполнилось год и семь месяцев, его размеры и достижения стали почти пугающими. Он вырос с четырехлетнего ребенка, говорил свободно и очень умно. Он бегал по полям и холмам, сопровождая мать во всех ее прогулках. Дома же он сосредоточенно и прилежно изучал причудливые рисунки и карты в книгах своего дедушки, а Старик Уотли обучал и экзаменовал его долгими тихими часами. К тому времени работа по восстановлению дома была завершена, и те, кто видел его снаружи, удивлялись, почему одно из окон верхнего этажа было превращено в прочную, обшитую досками дверь. Окно это располагалось на задней части фасада, близко подходящего к холму; и никто не смог бы ответить, для чего к нему с земли была подведена крепкая деревянная лестница. После завершения работ по дому многие обратили внимание не то, что старый сарай для инструментов, тщательно запертый и с заколоченными окнами с момента появления Уилбура на свет, вновь оказался заброшенным. Дверь теперь была небрежно распахнута, и когда Эрл Сойер однажды заглянул внутрь после продажи скота Старiku Уотли, он был пора-

Visit Miskatonic University in
ARKHAM
MASSACHUSETTS



Located in beautiful Lovecraft Country

Аркхэм.
Художник — Стив Томас

жен странным запахом этого помещения — такой вони, уверял он, ему никогда еще не приходилось ощущать, разве что возле индейских каменных колец на вершинах холмов, и вряд ли можно было представить себе какое-нибудь другое место, где бы так воняло.

Последующие месяцы не были отмечены заметными событиями, если не считать медленного, но неуклонного усиления шумов, которые доносились с возвышенностей. Накануне мая 1915 года произошли подземные толчки, которые ощутили даже жители Олсбери, а во время Хеллоуина из-под земли донеслись раскаты, странным образом совпавшие со вспышками пламени — «проделки ихних Уотлиевых ведьм» — на вершине Сторожевого Холма, Уилбур между тем рос так же быстро, и к четырем годам выглядел на все десять. Теперь он бегло читал сам, однако говорил меньше, чем раньше. Определенная молчаливость стала его характерной чертой, и именно тогда окружающие впервые стали отмечать первые проблески дьявольщины на его козлином лице. Время от времени он бормотал какие-то слова на неизвестном языке, напевал странные мелодии в причудливом ритме, от которых слушателя охватывало леденящее чувство необъяснимого ужаса, Ненависть к нему деревенских собак стала широко известной и он, чтобы спокойно расхаживать по деревне и ее окрестностям, был вынужден носить с собой пистолет. Осуществлявшееся им в силу необходимости применение этого оружия не способствовало его популярности среди владельцев четвероногих стражей.

Те немногие посетители, что бывали в их доме, часто заставляли Лавинию в одиночестве на первом этаже, в то время как с заколоченною второго доносились странные выкрики и топот ног. Она сама никогда не рассказывала, чем ее отец и мальчик занимались там, и как-то раз она смертельно побледнела, увидев, что смешливый торговец рыбой, заглянувший в дом, попытался открыть дверь, ведущую на второй этаж. Торговец позднее рассказал посетителям лавки в Данвиче, что ему послышался оттуда конский топот. Его слушатели задумались, сразу припомнив необычную дверь и сходни, а также скотину, которая так стремительно исчезала куда-то. После этого многие передернулись от страха, вспомнив истории о молодых годах Старика Уотли и о странных существах, вызывавшихся из-под земли, когда выхолощенного бычка приносили в жертву языческим бога. К тому же было замечено, что деревенские собаки стали ненавидеть всю усадьбу Уотли так же яростно, как до того ненавидели и боялись юною Уилбура.

В 1917 году пришла война и сквайр Сойер как председатель местной призывной комиссии предпринял достаточно усилий по набору молодых мужчин Данвича, пригодных для посылки в лагерь военной подготовки. Власти, озабоченные признаками при-
сущего всему региону вырождения, послали нескольких офице-
ров и медицинских специалистов для выяснения этого вопроса; читатели газет Новой Англии, видимо, вспомнят опубликованные результаты тех исследований. Публикации привлекли внимание репортеров к семье Уотли, в результате чего «Бостон Глоуб» и «Ар-
кхэм Эдвертайзер» напечатали красочные статьи о необыкновен-
но быстром развитии Уилбура, черной магии Старика Уотли, стел-
лажах со старинными книгами, заколоченном досками втором
этаже фермерского дома, о таинственности всей этой местности
и о звуках, доносящихся с холмов. Уилбуру было в то время че-
тыре с половиной года, а выглядел он на пятнадцать, Ею верхнюю
губу и щеки покрывал темно-коричневый пушок, а голос начинал
ломаться. Эрл Сойер проводил репортеров и фотографов к дому
Уотли и обратил их внимание на странный запах, который те-
перь, казалось, сочился с закрытого верхнего этажа. Это был, как
он им сказал, точно такой же запах, как и тот, что он почувствовал
в сарае с инструментами, заброшенном после того, как дом был
отремонтирован; так же, как и запах, который он иногда чувство-
вал, находясь у каменного кольца на вершине. Жители Данвича,
когда статьи появились в газетах, их прочитали и посмеялись над
очевидными ошибками авторов. Кроме того, они недоумевали,
почему журналисты придавали такое значение тому, что Старик
Уотли всегда платил за приобретаемый скот старинными золоты-
ми монетами. Уотли же приняли визитеров с плохо скрываемым
раздражением, причем, не ища дальнейшей популярности, упорно
отказывались давать интервью.

Глава 4

В последовавшем десятилетии летопись семьи Уотли впол-
не вписывалась в жизнь этой нездоровой общины привыкшей
к странностям и ожесточавшейся только во время их оргий в кан-
ун мая и на празднике Хеллоуин. Дважды в год они разжигали
костры на вершине Сторожевого Холма, и в это время грохот гор

многократно усиливался; в остальные периоды они занимались своими странными и зловещими делами в одиноком фермерском доме. Со временем посетители стали слышать звуки из закрытой второго этажа даже в те моменты, когда все семейство Уотли находилось внизу, и задавались вопросом — быстро и безболезненно или, наоборот, долю и мучительно приносятся в жертву корова или бычок. Ходили разговоры о возможной жалобе в Обществе Защиты Животных, но из этих разговоров ничего не вышло, ибо жители Данвича никогда не хотели привлекать к себе внимание внешнего мира.

Примерно в 1923 году, когда Уилбуру было десять лет, а его разум, голос, рост, фигура, бородатое лицо были такими же, как у зрелого мужчины, в старом доме началась вторая великая эпопея плотницких работ. Все они происходили на этот раз внутри закрытой верхней части дома, и по частям разобранных бревен люди заключили, что молодой человек и его дед сломали все перегородки и даже разобрали пол чердака, в результате чего образовалось обширное пространство между первым этажом и острокопечной крышей. Они даже разломали большой старый дымоход, и приделали к ржавой плите непрочную жестяную дымовую трубу.

После этих событий, весной, Старик Уотли обратил внимание на все растущее число козодоев, которые прилетали из Холодной Весенней Долины, чтобы посвистать под его окном по ночам. Он склонен был рассматривать это обстоятельство как важный знак, и говорил завсегдатаям Осборна, что, видимо, пришло его время, «Они свистят почти в унисон с моим дыханием, — сказал он, — думаю, что они готовы поймать мою душу. Они знают, что конец уже близок, и не хотели бы его пропустить. Вы, ребята, узнаете, после того, как я умру, поймали они меня или нет. Если поймают, то будут петь и смеяться до самого вечера. Если же нет, то будут вести себя тихо. Я думаю, что между ними и душами, на которых они охотятся, порой происходят жестокие драки».

Во время Праздника Урожая, ночью, Уилбур Уотли, проскакав сквозь темноту на последней оставшейся у него лошади до Осборна, позвонил в Эйлсбери и срочно вызвал доктора Хогтона. Доктор нашем Старика Уотли в очень тяжелом состоянии: работа сердца и затрудненное дыхание указывали на то, что конец близок. Бесформенная белесая дочь и бородатый внук стояли рядом с кроватью, в то время как из

пространства над их головами доносились беспокойные звуки, похожие на ритмичный шум набегающих на берег волн.

Доктора, однако, более всего тревожило щебетание ночных птиц за окнами: казалось, что целый легион козодоев выкрикивал свои нескончаемые послания, дьявольски совпадающие с тяжелым неровным дыханием умирающего человека. Все это было так же жутко и неестественно, как и все в этой местности, куда доктор Хогтон поехал неохотно, только отозвавшись на срочный вызов.

Около часа ночи Старик Уотли пришел в сознание, прервал свое хриплое дыхание и сказал, обращаясь к внуку: «Больше пространства, Вилли, больше пространства и, поскорее. Ты растешь, а оно растет быстрее. Скоро оно уже сможет тебе служить, мальчик. Открой ворота для Йог-Сохота при помощи того долгого песнопения, которое ты найдешь на странице 751 полного издания, а затем подожги тюрьму при помощи спичек. Огонь с земли не сможет зажечь ее».

Он был явно не в своем уме. После паузы, во время которой стоя козодоев за окном приспособливали свои крики к изменившемуся дыханию старика, а издали слышались пока слабо различимые шумы с холмов, он добавил еще несколько фраз: «Корми его регулярно, Вилли, и следи за количеством, но не позволяй расти слишком быстро, а то места не хватит и оно может сломать помещение или выберется наружу прежде, чем ты откроешься перед Йог-Сохотом, а тогда всему конец, все пойдет прахом. Только те, что по ту сторону, могут заставить его плодиться и действовать... Только они, старые, как захотят вернуться...»

Но тут речь его вновь сменилась лихорадочными глотками воздуха, и Лавиния закричала, услышав, как козодой сменили свою песню. Так продолжалось больше часа, когда наконец раздался финальный горловой хрип. Доктор Хогтон опустил сморщенные веки на остекленевшие серые глаза, и тут шум и крики птиц неожиданно прекратились. Наступила тишина. Лавиния всхлипнула, а Уилбур хмыкнул, услышав отдаленные раскаты грома с холмов.

«Им не удалось заполучить его» — пробурчал он густым низким голосом.

Уилбур к тому времени стал ученым весьма обширной эрудиции в своей области и был известен своей перепиской со многими библиотеками в самых разных городах, где хранились

редкие и запрещенные древние книги. В Данвиче его все больше и больше ненавидели и боялись из-за странных исчезновений некоторых молодых людей, после которых подозрение как-то само собой падало на его дверь; однако, он всегда был в состоянии приостановить расследование при помощи страха или используя все те же запасы старинного золота, которые, как и при жизни его деда, шли на регулярную и все возрастающую закупку скота.

Теперь он уже был во всех отношениях зрелым человеком, и рост его, достигший среднего для взрослого мужчины уровня, начал постепенно переходить этот предел. В 1925 году, когда один из его корреспондентов из Университета Мискатоника заглянул к нему, а затем бледный и озадаченный удалился, в нем было шесть и три четверти фута.

Все эти годы Уилбур с растущим презрением относился к своей матери, альбиноске, полукалке, и в конце концов запретил ей сопровождать его в восхождении на вершины в канун мая и на праздник Хеллоуин, а в 1926 году несчастное создание как-то пожаловалось Мэми Бишоп, что боится своего сына:

«К сожалению, я не могу сказать тебе, Мэми, всего, что знаю о нем, — говорила Лавиния, — а теперь уж и сама не знаю всего. Уповаю на Господа, потому что не знаю, ни чего хочет мой сын, ни чем он занимается».

В тот раз, во время праздника Хеллоуин, грохот с вершин был сильнее обычного, однако внимание людей привлек скорее ритмичный крик множества козодоев, которые собрались, по-видимому, у неосвещенного дома Уотли. После полуночи вопли их достигли дьявольского апофеоза, наполнив собой все окрестности, и только к рассвету они наконец утомнились. Затем они снялись и улетели на юг, где пробыли на месяц дольше, чем обычно. Никто из местных жителей не умер в эту ночь, но бедная Лавиния Уотли, искалеченная альбиноска, больше не появлялась.

Летом 1927 Уилбур отремонтировал два сарая на хозяйственном дворе и принялся перетаскивать туда свои книги и прочие пожитки. Вскоре после этого Эрл Соьер сообщил любопытным у Осборна, что в доме Уотли вновь начались плотницкие работы. Уилбур закрыл окна и двери нижнего этажа, и, похоже, разбирает все перекрытия, как они с дедом сделали четыре года назад на втором этаже. Теперь он живет в одном из сараев и, по мне-

нию Сойера, стал робким и озабоченным. Люди предполагали, что ему кое-что известно по поводу исчезновения матери, и теперь уже очень немногие решались появляться поблизости от его дома. Рост Уилбура, кстати, достиг уже семи футов и, по всем признакам, прекращаться не собирался.

Глава 5

В следующую зиму произошла еще одно странное событие, а именно — первое путешествие Уилбура за пределы Данвича. Переписка с библиотекой Уайденер в Гарварде, Национальной Библиотекой в Париже, Британским Музеем, Университетом Буэнос-Айреса и библиотекой Университета Мискатоник в Аркхэме, видимо, уже не могла обеспечить его всеми книгами, которые были ему нужны; поэтому в конце концов он отправился за книгами лично, в поношенной одежде, неопрятный, заросший бородой, со странным выговором; отправился, чтобы свериться с оригиналом в Мискатонике, ближайшем к нему источнике необходимой литературы. Купив дешевый чемодан в лавке Осборна, он, к тому времени достигший почти восьми футов роста, похожий на черную, звероподобную горгулью, прибыл в Аркхэм. Появился он там, чтобы получить хранившийся в — библиотеке колледжа под замком ужасный том — «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда в латинском переводе Олауса Вормуса, изданный в семнадцатом столетии в Испании. Он никогда не был в этом городе, но без труда нашел университетский двор, куда проследовал, миновав огромного сторожевого пса с белыми клыками; тот невероятно громко лаял на Уилбура, яростно пытаясь сорваться с крепкой цепи.

Уилбур захватил с собой бесценный, но неважно сохранившийся экземпляр английской версии интересующей его книги, выполненный доктором Ди, который он получил от деда. Когда ему дали возможность ознакомиться с латинским экземпляром, он сразу же стал сравнивать два текста с целью найти определенный фрагмент, который должен был быть на 751 странице его собственной поврежденной книги. Это он вынужден был объяснить библиотекарю — тому же эрудиту Генри Эрмитэйджу (члену-корреспонденту Академии Мискатоника, доктору философии Прин-

стона, доктору Литературы Джона Хопкинса), который как-то раз был у них на ферме и теперь забросал его вопросами. Уилбур признался, что ищет магическую формулу или заклинание, включающую устрашающее имя «Йог-Сохот», причем он озадачен наличием расхождений, повторов и неясностей, которые мешают ее точно определить. Пока он переписывал заклинание, которое смог наконец обнаружить, доктор Эрмитэйдж невольно заглянул ему через плечо на открытую книгу: левая страница содержала чудовищные угрозы разуму и спокойствию нашего мира: «Не следует думать, (гласил текст, который Эрмитэйдж быстро переводил в уме на английский) что человек является древнейшим или последним властителем Земли, или что известная нам форма жизни существует в одиночку. Старейшины были, Старейшины есть и Старейшины будут. Они ходят среди нас, первобытные и безмолвные, не имеющие измерений и невидимые. Йог-Сохот знает ворота.

Йог-Сохот и есть ворота. Йог-Сохот это и страж ворот, и ключ к ним.

Прошлое, настоящее и будущее слились воедино в нем. Он знает, где Старейшины совершили прорыв в прошлом, и где они сделают это вновь. Он знает, где они ступали по Земле, и где они все еще ступают, и почему никто не может увидеть их там. Люди могут иногда догадаться об Их близости по Их запахам, но об Их внешности никто из людей не может знать, они могут догадываться о ней лишь, если увидят внешность тех, кого Они оставили среди людей а таких есть множество видов — от таких, что полностью повторяют образ человека, до таких, у которых облик не имеет ни формы, ни материальной субстанции — то есть, таких, как они сами. Они расхаживают, оставаясь незамеченными в пустынных местностях, где произносятся Слова и исполняются Обряды во время их Сезонов. Ветер невятно произносит Их речи, земля высказывает Их мысли, они сгибают леса и сокрушают города, но ни лес, ни город не видит руку, их разрушающую, Кадат в холодной пустыне знал их, а какой человек знает Кадат?

Ледовые пустыни Юга и затонувшие острова Океана хранят камни, на которых запечатлен их знак, но кто видел замерзшие города или затонувшие башни, давно увитые морскими водорослями или рачками? Великий Ктулху — Их двоюродный брат, но даже он может видеть их только смутно. Йа! Шаб-Ниггурат!

Лишь по зловонию их узнаешь ты их. Руки их у тебя на горле, но ты их не видишь, и обиталище Их как раз там, где порог, что

ты охраняешь. Йог-Сохот — вот ключ к тем воротам, где встречаются сферы. Человек правит теперь там, где раньше правили они; скоро Они будут править там, где теперь правит человек. После лета наступает зима, после зимы — вновь придет лето. Они ждут, могучие и терпеливые, когда придет их пора царствовать».

Доктор Эрмитэйдж, сопоставляя только что прочитанное с тем, что ему было известно о Данвиче и его задумчивых обитателях, о Уилбуре Уотли и его смутной и устрашающей ауре, его подозрительном появлении на свет, туманной вероятности убийства собственной матери, ощутил волну страха, столь же реального, как дуновение липкого холода из могилы. Этот согнувшийся, похожий на козла гигант, сидевший перед ним, выглядел как порождение иной планеты или иного измерения; как нечто, лишь частично принадлежащее человечеству и связанное с черными безднами сущности и существования, протянувшиеся как титанические фантомы по ту сторону энергии и материи, пространства и времени. Тут Уилбур поднял голову и начал говорить своим странным резонирующим голосом, как будто голосовые связки были у него не такими, как у всех остальных людей:

«Мистер Эрмитэйдж, — сказал он, — я тут прикинул, что должен взять эту книгу с собой. В ней есть некоторые вещи, которые я должен Попробовать в определенных условиях, а здесь их добиться невозможно, и было бы непростительным грехом — позволить каким-то бюрократическим правилам и запретам остановить меня. Позвольте мне взять ее с собой, сэр, и я клянусь, что никто ничего не заметит. Нечего говорить, что я буду очень аккуратен с ней. Я подумал, что этот экземпляр вполне мог бы заменить...»

Он остановился, прочитав в лице библиотекаря твердый отказ, и тут его козлиные черты приняли коварное, хитрое выражение. Эрмитэйдж, наполовину готовый сказать, что он может сделать копию с нужных ему страниц, вдруг подумал о возможных последствиях и сдержал себя. Слишком велика была ответственность — дать в руки такому созданию ключ к столь богохульным внешним сферам. Уотли увидел, как обстоит дело, и постарался снять напряжение.

«Что ж, если вы так к этому относитесь. Может быть, в Гарварде не будут такими нервными, как вы». И, ничего больше не

сказав, встал и вышел из здания, нагибаясь перед каждым дверным проемом.

Эрмитэйдж услышал дикий лай огромного сторожевого пса и внимательно изучил гориллоподобную походку Уотли, пересекавшего ту часть университетского двора, которая была видна в окно. Он подумал о всяких безумных историях, которые слышал, вспомнил старые воскресные статьи в «Эдвертайзере», все те знания, которые он почерпнул у грубых и неотесанных жителей Данвича во время своего единственного визита туда. Невиданные на земле вещи — по крайней мере, на трехмерной земле — нахлынули на него, смрадные и ужасные, сквозь ущелья Новой Англии, и бесстыдно нависли над вершинами гор. Теперь он, казалось, ощутил близкое присутствие вторгающегося ужаса и заметил адское наступление древнего и прежде пассивного ночного кошмара. Он спрятал «Некрономикон» с дрожью отвращения, однако комната все еще была наполнена неопределенным, но порочным зловонием. «По зловонию узнаете Их», — припомнил он выдержку из текста. Да — запах был точно такой же, как и тот, что поразил его возле фермерского дома Уотли меньше трех лет тому. назад, Он подумал об Уилбуре, зловещем, звероподобном, и насмешливо хмыкнул, вспомнив деревенские сплетни по поводу его происхождения.

«Узкородственный брак?» вслух пробормотал Эрмитэйдж. «Боже правый, какие простаки! Покажи им „Великого Бога Пана“ Артура Мейчена, и они подумают, что тут какой-то банальный данвичский скандал! Но что же все-таки — что за ужасное неопределенное влияние на этой трехмерной земле или вне ее — оказал Отец Уилбура Уотли? Родился он на Сретение — спустя девять месяцев после кануна мая 1912 года, когда слухи о странных звуках из-под земли дошли до Аркхэма — что же было на вершине холма той майской ночью и кто был там? Какой крестный ужас связал себя с нашим миром, войдя в получеловеческую плоть и кровь?»

В течение последующих недель доктор Эрмитэйдж пытался собрать все возможные данные об Уилбуре Уотли и неопределенных явлениях в районе Данвича. Он связался с доктором Хогтоном из Эйлсбери, который присутствовал при последних минутах Старика Уотли, и нашел в последних словах старика, сообщенных ему врачом, немало заслуживающего обдумывания. Поездка в Данвич ничего нового не дала, но тщательное изучение «Некрономикона», особенно тех страниц, которыми так откровенно заинтересовался Уилбур, дало ему новые ужасные ключи к природе, методам и же-

ланиям странною злу, которое смутно угрожало этой планете. Беседы с несколькими учеными, специализирующимися в архаических источниках в Бостоне, обмен письмами со многими другими разных местах, вызвали у него растущее чувство изумления, которое, медленно пройдя через разные стадии тревоги, в конце концов привело к состоянию острого духовного страха. Лето шло, и он смутно чувствовал, что необходимо что-то предпринять в отношении кошмара, таящегося в верховьях Мискатоника, и того чудовищного создания, которое люди знали как Уилбура Уотли.

Глава 6

Собственно данвичский ужас пришелся на период между праздником урожая и равноденствием 1928 года, причем доктор Эрмитэйдж был среди свидетелей его чудовищного пролога. Он слышал об эксцентричном путешествии Уилбура в Кэмбридж, о его отчаянных попытках получить в свое пользование «Некрономикон» или сделать копии его страниц в библиотеке Уайденера. Усилия эти оказались напрасными, поскольку Эрмитэйдж успел настоятельно попросить всех библиотекарей, в чьем владении имелся этот ужасный том, ни в коем случае не выдавать его. Говорят, что в Кэмбридже Уилбур ужасно нервничал: с одной стороны, очень хотел заполучить себе книгу, а с другой стороны, не меньше хотел побыстрее попасть домой, как будто опасался каких-то последствий столь долгого своего отсутствия.

В начале августа то, чего можно было ожидать, началось. В первые часы третьего августа доктор Эрмитэйдж был внезапно разбужен диким, яростным лаем свирепого сторожевого пса из университетского двора. Страшное и глубокое рычание, полубезумный хриплый лай не прекращались: они усиливались, хотя сопровождались пугающими, но имеющими какое-то зловещее значение паузами. А затем послышался вопль, вырвавшийся из другой глотки — вопль был такой, что разбудил половину всех спящих Аркхэма и впоследствии еще долго преследовал их во сне — подобною воплю не могло издать ни одно земное существо, или, по крайней мере, полностью земное.

Эрмитэйдж, наспех одевшись, устремился через газоны и улицу к зданиям колледжа. Были слышны завывания охранной

сигнализации, установленной в библиотеке. Открытое окно зияло чернотой в лунном свете. То, что пришло, безусловно смогло проникнуть внутрь, поскольку лай, теперь быстро превращающийся в вой и глухое рычание, доносился уже изнутри. Какое-то чутье подсказало Эрмитэйджу, что происходящее здесь не стоит видеть неподготовленным зрителям, поэтому он властно остановил толпу, приказав отойти назад, а сам тем временем отпер двери вестибюля. Звуки, доносившиеся изнутри, к тому моменту поутихли, если не считать настороженного монотонного подвывания; но тут же Эрмитэйдж ясно различил в кустах целый хор козодоев, издававший дьявольски ритмичный свист, как будто в унисон с дыханием умирающего.

Здание было пропитано ужасным запахом, слишком хорошо знакомым доктору Эрмитэйджу, и вот три человека уже устремились через вестибюль к маленькому читальному залу, откуда доносился низкий вой. Примерно секунду — никто не решался зажечь свет, но в конце концов Эрмитэйдж собрался с силами и щелкнул выключателем. Один из троих — неизвестно, кто именно — громко закричал, увидев то, что было распростерто перед ними среди раздвинутых в беспорядке столов и перевернутых стульев. Профессор Райс позднее рассказывал, что он на мгновение полностью лишился сознания, хотя смог удержаться на ногах.

Существо, которое скрючившись лежало на боку, в зловонной луже зелено-желтого гноя, липкого как деготь, достигало в длину почти девяти футов, и собака порвала на нем всю одежду и частично задела кожу. Оно еще было живо, но судорожно подергивалось, грудь же его вздымалась в чудовищной синхронности с безумным пением ожидавших снаружи козодоев. Обрывки одежды существа и кусочки кожи с его ботинок были разбросаны по комнате, а прямо рядом с окном, где он, очевидно, и был брошен, лежал пустой холщовый мешок.

Возле центрального стола лежал на полу пистолет, и впоследствии по вдавленному, косо вышедшему из обоймы патрону удалось понять, почему он не выстрелил. Однако в тот момент все эти детали не были видны на фоне существа, лежавшего на полу. Было бы банальным утверждать, что описать его невозможно, однако сказать, что его не смог бы ясно себе представить тот, чьи представления слишком тесно связаны с привычными на земле живыми формами и с тремя известными нам измерениями, было бы совершенно справедливо.

Частично существо это было несомненно человекоподобным, руки и голова были очень похожи на человеческие, козлиное лицо без подбородка носило отпечаток семьи Уотли. Однако торс и нижняя часть тела были загадочными с точки зрения тератологии, ибо, по всей видимости, лишь одежда позволяла существу передвигаться по земле без ущерба для его нижних конечностей.

Выше пояса оно было полуантропоморфным, хотя его грудь, куда все еще впивались когти настороженного пса, была покрыта сетчатой кожей, наподобие крокодиловой. Спина пестрела желтыми и черными пятнами, напоминая чешую некоторых змей. Ниже пояса, однако, дело обстояло хуже, поскольку тут всякое сходство с человеческим заканчивалось и начиналась область полнейшей фантазии. Кожа была покрыта густой черной шерстью, а из области живота мягко свисали длинные зеленовато-серые щупальца с красными ртами-присосками. На каждом из бедер, глубоко погруженные в розоватые реснитчатые орбиты, располагались некие подобия глаз; на месте хвоста у существа имелся своего рода хобот, составленный из пурпурных колечек, по всем признакам представлявший собой недоразвитый рот. Конечности, если не считать покрывавшей их густой шерсти, напоминали лапы гигантских доисторических ящеров; на концах их находились изобретенные венами подушечки, которые не походили ни на когти, ни на копыта. При дыхании существа его хвост и щупальца ритмично меняли цвет, как будто подчиняясь какому-то циркулярному процессу, появлялись при этом различные оттенки зеленого — от нормального, до совершенно нечеловеческого зеленовато-серого; на хвосте же это проявлялось в чередовании желтого с грязноватым серо-белым в тех местах, что разделяли пурпурные кольца. Крови видно не было — только зловонная зеленовато-желтая сукровица, которая струйками растекалась по полу.

Присутствие трех человек, по всей видимости, побудило умирающее существо очнуться, оно начало что-то бормотать, не поворачиваясь и не поднимая головы. Доктор Эрмитэйдж сохранил записи его речевого творчества, однако твердо заявляем, что не было произнесено ни одного слова по-английски. Поначалу произносимые слоги не содержали ничего похожего хоть на один из известных на Земле языков, однако в конце концов стали появляться разрозненные фрагменты, явно заимствованные из «Некрономикона», этой чудовищной ереси, в поисках которого существо явно сюда и прибыло. Эти фрагменты, как припомни-

нает Эрмитэйдж, звучали следующим образом: «Н'гаи, н'гха'гхаа, баггшоггог, й'хах; Йог-Сохот, Йог-Сохот...» Они уходили в ничто, сопровождаемые криками козодоев, ритмичное крещендо которых отражало злобное предвкушение смерти.

Затем дыхание остановилось, и пес поднял голову, издав протяжный похоронный вой. Желтое, козлиное лицо лежащего на полу существа изменилось, огромные черные глаза ужасающее запали. За окном неожиданно прекратилось стрекотание козодоев, перекрывая ропот собравшейся толпы, раздалось сеющее панику хлопанье крыльев, на фоне луны показались тучи пернатых наблюдателей, которые затем скрылись из вида, обозленные, что добыча им не досталась, Собака резко сорвалась с места, испуганно гавкнула и выскочила через окно. В толпе поднялся крик, и доктор Эрмитэйдж громко объявил стоящим на улице, что никого нельзя впускать в здание до тех пор, пока не приедет полиция или врач. «Слава Богу, что окна достаточно высоки и в них нельзя заглянуть с улицы», — подумал он, но тем не менее тщательно опустил темные шторы на каждом окне. К этому времени прибыло двое полицейских; доктор Морган встретил их в вестибюле и попросил, ради их собственного блага, запретить доступ в источающий зловоние читальный зал, пока не прибудет медицинский эксперт и распростертое на полу существо не будет накрыто покрывалом.

Между тем на полу читального зала происходили пугающие перемены. Нет возможности описать, какого рода распад шел перед глазами доктора Эрмитэйджа и профессора Райса, и насколько стремительными он был, но позволительно будет заметить, что, помимо внешнего очертания лица и рук, подлинно человеческих элементов в Уилбуре Уотли оказалось ничтожно мало. Когда прибыл медицинский эксперт, на деревянном крашеном полу оставалась только клейкая белая масса, да и неприятный запах почти исчез. Уотли был лишен черепа и костного скелета, во всяком случае, человеческих.

Глава 7

Но все это было лишь прологом к настоящему данвичскому ужасу. Сбитые с толку представители официальных властей выполнили необходимые формальности, причем аномальные детали происшедшего были старательно скрыты от публики и прессы;

в Данвич и Эйлсбери были посланы люди с заданием выяснить, кто может являться или является наследниками покойною Уилбура Уотли. Посланные обнаружили жителей злополучной местности в большом волнении, как из-за усилившегося грохота, который доносился из-под куполообразных холмов, так и от невыносимой вони, источником которой была пустая скорлупа, обшитая досками, прежде представлявшая собой дом Уотли. Эрл Сойер, который в период отсутствия Уилбура присматривал за лошадью и скотиной, заболел тяжелым нервным расстройством. Официальные власти предпочли не входить в заколоченный досками дом, столь шумный и пугающий, и с радостью ограничили осмотр жилища покойного, то есть — недавно сооруженного сарая, единственным посещением. Они составили длиннейший запрос в суде Эйлсбери и выяснилось, что все еще продолжается судебный процесс между бесчисленными Уотли, проживающими в верховьях Мискатоника.

Почти бесконечная рукопись, содержащаяся в огромном гроссбухе и более всего похожая на дневник, о чем свидетельствовали промежутки между записями, использование различных чернил и изменения в почерке, оказалась неразрешимой загадкой для тех, кто нашел ее на стареньком бюро, служившем хозяину письменным столом. После недели безрезультатных дискуссий, ее отослали в университет Мискатоника вместе с коллекцией странных книг покойного, для изучения и расшифровки; но даже лучшие лингвисты вскоре поняли, что решить эту загадку нелегко. Никаких следов старинного золота, которым Уилбур и Старик Уотли расплачивались за скотину и отдавали долги, обнаружено не было.

По-настоящему ужас разразился, когда наступил вечер девятого сентября.

Грохот с холмов был особенно сильным в этот вечер, и собаки неистово лаяли всю ночь. Те, кто рано проснулись наутро десятого сентября, почувствовали странный запах. Около семи часов Лютер Браун, работник с фермы Джорджа Кори, что между Холодным Весенним Ущельем и деревней, в диком испуге прибежал домой, прервав свое обычное утреннее путешествие к Десятиакровому Лугу, куда он гнал скотину. Он едва не бился в припадке от страха, когда ввалился на кухню; во дворе собралось столь же напуганное стадо: било копытами и жалобно мычало — коровы в панике побежали вслед за мальчиком. Заикаясь и едва переводя

дыхание, Лютер рассказал миссис Кори: «Там, на дороге, за ущельем, миссис Кори, — там что-то такое есть! Пахнет, как при грозе, а все кусты и маленькие деревья помяты и отклонились от дороги, как будто там протащили целый дом, Но это еще не все, это не страшное. Там есть следы, на дороге, миссис Кори, — огромные круглые отпечатки, как днище у бочки, они давлены глубоко, как будто от слона, но только их намного больше, чем сделали бы четыре ноги! Я глянул на пару этих отпечатков, прежде чем сбежал оттуда; каждый покрыт такими линиями, которые идут из одной точки, примерно, как у пальмового листа, только раза в три больше. И запах там такой жуткий, примерно, как возле старого дома Колдуна Уотли...»

Тут он остановился и снова задрожал от приступа страха. Миссис Кори начала обзванивать соседей: так началась увертюра паники, возвестившая о главных кошмарах. Когда она дозвонилась до Салли Сойер, экономки Сета Бишопа, ближайшего соседа Уотли, то настал ее черед выслушивать, вместо того чтобы рассказывать: Чонси, мальчик Салли, который плохо спал, прошелся к холмам по направлению к дому Уотли и, лишь мельком взглянув на их усадьбу и на пастбище, где коровы мистера Бишопа были оставлены на ночь, в ужасе побежал назад.

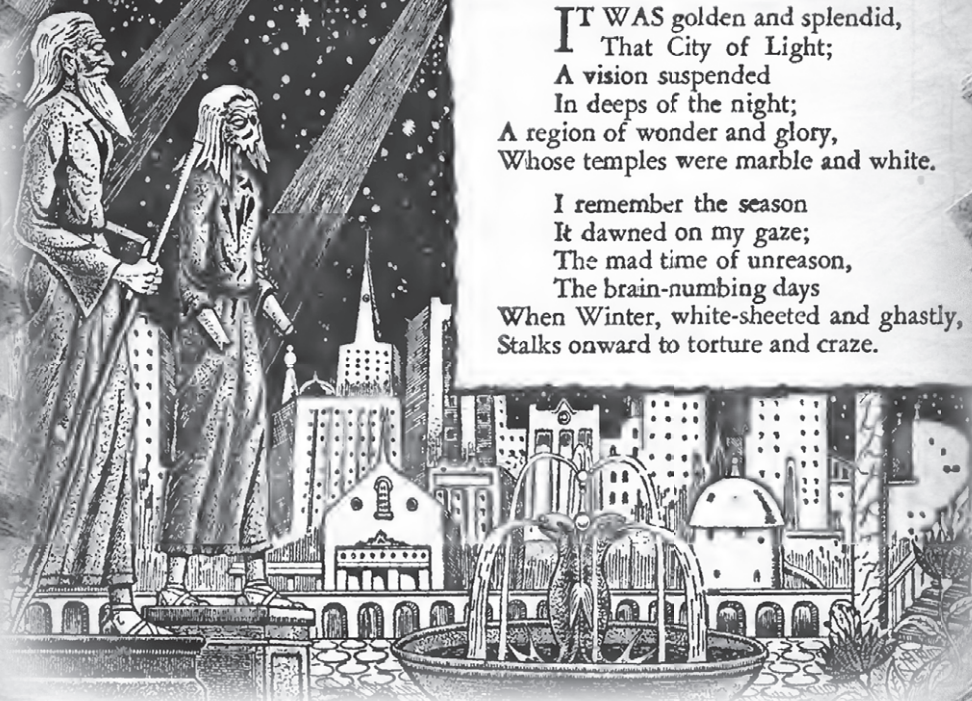
«Да, миссис Кори, — голос Салли дрожал на другом конце провода, — Чонси только что прибежал и не может ничего толком рассказать, так испугался! Он сказал, что дом Старика Уотли весь разломан и доски разбросаны во-круг, как будто его изнутри динамитом взорвали, только пол внизу цел, но он весь заляпан пятнами, как будто дегтем, и пахнут они ужасно и капают на землю через край, там где доски все разломаны. И еще там какие-то ужасные отметины в саду — большие круглые отметины размером с большую бочку и все пропитаны такой же липкой дрянью, как и во взорванном доме. Чонси говорит, что они ведут туда, к лугам, где большой прокос шире, чем большой амбар, и где повсюду каменные столбы понатыканы, куда ни глянь».

«И он еще сказал, слышите, миссис Кори, он сказал, насчет того, как решил поискать коров Сета, хоть и был напуган до смерти; и он их нашел на верхнем пастбище, поблизости от Дво-

The City BY H.P. Lovecraft

IT WAS golden and splendid,
That City of Light;
A vision suspended
In deeps of the night;
A region of wonder and glory,
Whose temples were marble and white.

I remember the season
It dawned on my gaze;
The mad time of unreason,
The brain-numbing days
When Winter, white-sheeted and ghastly,
Stalks onward to torture and craze.



Иллюстрации из журнала «Weird Tales».

«А так как стены и окна рано или поздно могут свести с ума человека, который много читает и много мечтает, то обитатель этой комнаты привык каждую ночь высовываться из окна, чтобы хоть краем глаза увидеть нечто, не принадлежащее земному миру с серыми многоэтажными городами»

(Г. Ф. Лавкрафт)

ра Танцев Дьявола, и они были в жутком виде. Половина вообще исчезла, как не было, а у остальных как будто почти всю кровь высосали, и такие болячки, как, помните, были у Уотлиевой скотины, с тех пор как родился у Лавинии этот черный ублюдок. Сет пошел взглянуть на коров, хотя, клянусь чем угодно, он вряд ли решится подойти близко к дому Колдуна Уотли! Чонси толком не разглядел, куда ведут эти глубокие круглые отметины, но он сказал, то, скорей всего, они идут к ущелью, где дорога в деревню»

«Я вам еще вот что скажу, миссис Кори, там что-то есть такое, что-то не то... И я думаю, что этот Уилбур Уотли, он заслужил такой плохой конец, потому что все это из-за него. Он вовсе и не человек, я это всегда всем говорила, и я думаю, что они со Стариком Уотли что-то там выращивали в этом своем заколоченном доме, и даже еще хуже, чем он сам. Вокруг Данвича всегда водились призраки — живые призраки — не такие как люди и опасные для людей».

«Земля опять вчера разговаривала, а под утро Чонси слышал, как громко кричали козодои в Холодном Весеннем Ущелье, он глаз сомкнуть не мог. А потом он подумал, что слышит иные, слабые звуки от дома Колдуна Уотли, — как будто дерево трещит или доски отдирают, или как будто ящик деревянный разламывают. Он ночь не спал до восхода, а встав, первым делом пошел к Уотли, чтобы самому посмотреть, и я вам скажу, миссис Кори, что он увидел достаточно! Ничего хорошею тут нет, и я думаю, что тут все должны принять участие и что-то сделать. Я знаю, что происходит что-то ужасное, и чувствую что мне недолго осталось жить, но только один Бог знает все».

«А как ваш Лютер, он заметил, куда ведут эти большие следы? Нет? Ну, что ж, миссис Кори, если они были на дороге с этой стороны ущелья и если они еще не подошли к вашему дому, тогда они, наверное, уходят прямо туда, в ущелье. Так и должно быть. Я всегда говорила, что это Холодное Весеннее Ущелье — нездоровое и дурное место. Козодои и светлячки ведут себя вовсе не так, как творения божии, а кроме того, там, говорят, вы можете услышать разные странные вещи, снизу, если будете стоять между обрывом и Медвежьей Берлогой».

К полудню три четверти всех мужчин и юношей Данвича двинулись по дорогам и лугам между свежими развалинами дома Уотли и Холодным Весенним Ущельем, в ужасе рассматривая чудовищные гигантские следы, изувеченных коров Бишопы,

странные, зловонные обломки фермерского дома, а также помятую, обесцвеченную растительность на полях и обочинах дороги. То, что обрушилось на этот мир, несомненно попало в находившееся здесь огромное зловещее ущелье: все деревья на краях его были согнуты или сломаны, а в нависающем над обрывом подлеске была продолблена широкая дорога. Можно было подумать, что дом, сметенный обвалом, соскользнул, разрывая густое сплетение деревьев и кустарника, по крутому склону ущелья. Снизу не доносилось ни звука, а только отдаленный, почти неразличимый запах; неудивительно, что собравшиеся мужчины предпочитали стоять на краю обрыва, вместо того чтобы спуститься вниз и напасть на ужасного неведомого Циклопа и его логове. Три собаки, которые находились вместе с людьми, поначалу яростно заливались лаем, однако, приблизившись к ущелью, трусливо замолчали. Кто-то позвонил в «Эйлсбери Транскрипт», однако редактор, привыкший к чудным историям из Данвича, ограничился тем, что состряпал небольшую, в один абзац, юмористическую заметку: ее впоследствии передало агентство «Ассошиэйтед Пресс».

Вечером все отправились по домам и забаррикадировали двери своих домов и амбаров. Нечего говорить, что ни одна ко́рова не была оставлена на пастбище. Около двух часов ночи ужасающая вонь и дикий собачий лай разбудил семейство Элмера Фрая, на восточном склоне Холодного Весеннего Ущелья, и все потом единодушно говорили, что неподалеку был слышен приглушенный шелест и плеск. Миссис Фрай предложила позвонить соседям, и Элмер уже готов был с ней согласиться, но тут треск ломающегося дерева прервал их дискуссию. Звук этот доносился, по всей вероятности, из амбара: сразу же за этим послышались ужасные крики и топот скотины. Собаки рабски подползли и прижались к ногам онемевших от страха людей. Фрай механически зажег фонарь, но отдавал себе отчет, что выйти сейчас на темный двор равносильно смерти. Дети и женщины хныкали, воздерживаясь от крика, следуя какому-то загадочному, древнему инстинкту самосохранения. Наконец крики скотины затихли, сменившись жалостливым мычанием, после чего, в свою очередь, стали слышны удары, стук и треск. Семейство Фраев, прижавшись друг к другу в гостиной, не решалось двигаться, пока последние отзвуки не затихли где-то далеко, по-видимому, в Холодном Весеннем Ущелье. Затем, среди сдавленных стонов из хлева и демонических криков ночных козодоев из ущелья, Сели-

на Фрай бросилась к телефону и рассказала всем, кому смогла, о второй волне данвичского ужаса.

На следующий день всю деревню охватила настоящая паника: перепуганные группки людей направились к месту вчерашних дьявольских событий. Две гигантские полосы разрушений протянулись от ущелья к двору Фраев, чудовищные отпечатки покрывали опустошенные участки почвы, а старый амбар с одной стороны был совершенно разрушен. Что касается стада, то найти удалось только его четвертую часть. Из коров некоторые были растерзаны, а оставшихся в живых пришлось пристрелить. Эрл Сойер предложил обратиться за помощью в Эйлсбери или Арххэм, но остальные утверждали, что от этого не будет никакого проку. Старый Зебалон Уотли, из той ветви Уотли, которая занимала промежуточную стадию между нормальностью и вырождением, выдвинул мрачные предположения относительно обрядов, которые, видимо, совершались на вершинах холмов.

Он происходил из семейства, где были крепки традиции, а потому его воспоминания о песнопениях внутри огромных каменных колец связывались не только с Уилбуром и его дедушкой.

И вновь тьма пала на пораженную ужасом деревню, слишком пассивную, чтобы организовать реальное сопротивление. В нескольких случаях семейства, связанные близким родством, собирались вместе и сидели в мрачном унынии под одной крышей, однако в большинстве случаев повторилось вчерашнее сооружение баррикад. Однако в эту ночь ничего не произошло, если не считать шума, доносившегося с холмов. Когда наступило утро, многие надеялись, что кошмар прекратится так же неожиданно, как и пришел. Нашлись даже отчаянные головы, предложившие совершить экспедицию в ущелье, в качестве оборонительной меры, однако они не рискнули подать пример колеблющемуся большинству.

Когда пришла очередная ночь, вновь баррикадировались входы в жилища, хотя на этот раз уже меньшее количество семей собирались вместе. Наутро и семейство Фраев, и домочадцы Сета Бишопы сообщили о волнении среди собак, а также о неясных звуках и запахах, различимых издали; между тем вышедшие поутру на разведку добровольцы с ужасом обнаружили свежие отпечатки чудовищных следов на дороге, опоясывающей Сторожевой Холм. Как и перед этим, обе стороны дороги несли на себе следы повреждений, вызванных прохождением гигантской дьявольской массы при этом конфигурация следов говорила о движении в двух

направлениях, как будто движущаяся юра пришла со стороны Холодного Весеннего Ущелья, а затем вернулась обратно. У подножья холма тридцатифутовая полоса смятого кустарника вела вверх, и тут у наблюдателей перехватило дыхание, когда они увидели, что неумолимый след идет даже по наиболее отвесным, почти перпендикулярным земле участкам. Что же это было за кошмарное существо, если оно могло взбираться по практически вертикальной каменной стене; когда же исследователи взобрались по безопасным тропам на вершину, то обнаружили, что там следы кончаются, или, точнее сказать, поворачивают в противоположную сторону.

Здесь было то самое место, на котором Уотли разводили свои костры и пели свои дьявольские песни у камня в форме стола в канун Мая и во время Хеллоуина. Теперь этот камень лежал в центре обширного пространства, истоптанного циклопическим страшилищем, а на его слегка вогнутой поверхности находились густые и зловонные остатки той же липкой смоляной массы, которую обнаружили на полу разрушенного дома Уотли в первый день данвичского кошмара. Очевидно, что страшилище спустилось по той же дороге, по которой сюда поднималось, но пытаться что-либо понять было бесполезным: логика, разум, и нормальные представления о причинности здесь явно не срабатывали.

Ночь четверга началась примерно так же, как и предыдущие, однако закончилась куда менее удачно. Козодои в ущелье кричали с такой необыкновенной настойчивостью, что многие не могли уснуть, а где-то около трех часов ночи все телефоны вдруг зазвонили. Те, кто поднимал трубку, слышали, как обезумевший от страха человек кричал: «Помогите мне, о, Бо-оже! ... и людям казалось, что грохот падения и треск прерывали разговор. Никто не решился выйти из дому и что-либо предпринять, и до самого утра неизвестно было, откуда раздался ночной звонок. Получившие его поутру звонили по всем номерам подряд и обнаруживали, что только номер Фраев не отвечал. Истина обнаружилась часом позднее, когда спешно собранная группа вооруженных мужчин подошла к дому Фрая в начале ущелья. То, что они увидели, было ужасно, хотя и не явилось неожиданным. Вокруг появились дополнительные проплешины на земле и множество страшных следов, но никакого дома уже не было. Он был смят и раздавлен, как яичная скорлупа, причем среди развалин не было обнаружено никого, ни живых, ни мертвых. Только вонь и липкая смола. Семейство Элмера Фрая исчезло из Данвича бесследно».

Глава 8

Между тем, более тихая, хотя, в духовном смысле, куда более резкая фаза кошмара мрачно разворачивалась за закрытой дверью уставленной книжными полками комнаты в Аркхэме. Загадочная рукопись или дневник Уилбура Уотли, присланная в университет Мискатоник для расшифровки, породила сильное беспокойство и затруднение среди специалистов по древним современным языкам; даже использованный в ней алфавит, хотя и не лишенный сходства с давно умершим, использовавшимся в Месопотамии, был абсолютно неизвестен самым крупным специалистам. Окончательное заключение экспертов оценивало текст, как шифрованную запись, составленную с использованием искусственного алфавита, и ни один из методов криптографии не дал никакого ключа к пониманию. Старинные книги из дома Уотли хотя и были исключительно интересными и в ряде случаев давали возможность открыть новые перспективные направления научных исследований, тем не менее ничем не могли помочь расшифровке текста рукописи. Одна из них, объемистый том с железной застёжкой, также была написана с использованием неизвестного алфавита — совсем другой природы, и больше, чем что-либо другое, напоминавшего санскрит. Старый гроссбух был в конце концов передан доктору Эрмитэйджу, как из-за его особого интереса к семейству Уотли, так и в силу его обширных лингвистических познаний и знакомства с мистическими заклинаниями античных времен и средневековья.

Эрмитэйджу пришла в голову мысль о том, что алфавит может представлять собой средство, тайно использовавшееся определенными запрещенными культами, которые дошли о нас из глубокой древности и унаследовали многие формы и традиции от колдунов и волшебников Сарацинии. Однако не этот вопрос он считал наиболее важным, ибо не столь существенно было, по его мнению, знать источник или происхождение символов, которые явно использовались для зашифровки текста. Его убеждение состояло в том, что, принимая во внимание гигантский объем текста, пишущий вряд ли стал бы пользоваться иным языком, помимо родного, если не считать отдельных осо-

бых формул и заклинаний. Исходя из этого, он подошел к рукописи, предполагая, что основой ее является английский язык.

Доктор Эрмитэйдж по многократным неудачным попыткам своих коллег понял, что загадка является сложной и глубоко упрямой и что даже не стоит пытаться найти простое решение. Всю оставшуюся часть августа он посвятил изучению огромного количества материалов по криптографии: изучил все источники в своей библиотеке, проводил бессонные ночи над тайнами «Полиграфии» Тритемия, «Таинственными буквенными записями» Джамбаттиста Порты, «Особенностями шифров» Де Вигенера, «Криптографическими исследованиями» Фальконера, изучил книги восемнадцатого века, например — исследования Дэвиса и Фикнесса, а также самые современные работы таких крупнейших специалистов, как Блэр, фон Мартен и Клубер. В конце концов он пришел к выводу, что имеет дело с одной из тех наиболее утонченных и изощренных криптограмм, в которых множество отдельных листов соотносимых букв расположены как таблица умножения, и текст составлен при помощи ключевых слов, известных лишь самому автору. Исследователи прошлого дали ему гораздо больше, чем современные ученые, и Эрмитэйдж решил, что ключ к рукописи имеет глубоко древнее происхождение, и без сомнения, прошел долгую цепь мистических преобразований. Несколько раз казалось ему, что перед ним забрезжил дневной свет истины, однако всякий раз какое-то непредвиденное препятствие отбрасывало его назад. Но вот наступил сентябрь, и тучи стали рассеиваться. Определенные буквы, находившиеся в определенных местах рукописи, выявились со всей очевидностью: стало ясно, что исходным текстом действительно был текст на английском.

Вечером второго сентября усилия его позволили сломать последний барьер, и доктор Эрмитэйдж в первый раз смог прочесть связный фрагмент записей Уилбура Уотли. Как и предполагали вначале, это был дневник: текст отражал как высокую оккультную эрудицию, так и общую безграмотность странного существа, его автора. Одна из первых записей, прочитанных Эрмитэйджем, относилась к 26 ноября 1916 года, она оказалась поразительной и пугающей.

Это писал, вспомнил ученый, мальчик трех с половиной лет, который внешне выглядел на двенадцать-тринадцать:

«Сегодня учил Акло для Сабаота, оно мне не понравилось, на него отвечают с холма, а не из воздуха. Тот, что

наверху, обогнал меня сильнее, чем я думал, похоже, что у него немного земных мозгов. Выстрелил в собаку Элама Хатчинса, колли по кличке Джек, когда он попытался меня укусить, а Элам сказал, что убьет меня, если тот умрет, Я не думаю, что так будет.

Дедушка заставлял меня повторять заклинание Дхо вчера вечером, и я, кажется, видел внутренний город у двух магнитных полюсов. Я отправляюсь к этим полюсам, когда земля будет очищена, если я не смогу пробиться при помощи заклинания Дхо — Нха, когда я совершу это. Те, что из воздуха, говорили мне в Субботу, что пройдут годы, прежде чем я смогу очистить землю, и к тому времени, наверное, дедушка уже умрет, так что я должен выучить все углы граней и все заклинания от Ир до Нххнгр. Те, что снаружи, помогут, но они не могут войти в тело без человеческой крови. Тот, что наверху, он, похоже, будет точным образцом. Я могу увидеть, если сотворю знак Вууриш или посыплю порошком Ибн Гази на это, и оно похоже на тех, кто бывает в канун Мая на Холме. Интересно, как я буду выглядеть, когда земля будет очищена и когда на ней не останется земных существ. Тот, кто пришел после Акло Сабаот, сказал, что я, может быть, преобразованный оттуда, чтобы повлиять».

Утро застало доктора Эрмитэйджа в холодном поту от ужаса и неистовстве сосредоточенности. Он не отрывался от рукописи всю ночь, сидел при свете электрической лампы, переворачивая страницу за страницей дрожащими руками, стараясь как можно быстрее расшифровать текст. Он взволнованно позвонил домой, своей жене, сказал, что не придет, а когда она принесла ему завтрак, то едва смог проглотить кусочек. Весь день он читал, время от времени останавливаясь, когда требовалось заново применить ключ. Ланч и обед ему приносили, но ел он очень мало. К середине следующей ночи он задремал в кресле, но вскоре проснулся, увидев во сне целый клубок кошмаров, почти таких же пугающих, как те истинные угрозы существованию человека на земле, о которых он только что узнал.

Утром четвертого сентября профессор Райс и доктор Морган настояли на разговоре с ним, после которого они вышли дрожащие и пепельно-серые. Вечером он лег спать, но спал беспокойно.

На следующий день, в среду, он вернулся к рукописи и принялся делать обширные выписки из уже прочитанного и нового материала. Этой ночью он спал совсем немного, в кресле, не выходя из своего кабинета, но еще до рассвета вновь вернулся к рукописи. Перед полуднем его врач, доктор Хартвелл, навестил его и настоял на прекращении этой изнуряющей работы. Эрмитэйдж отказался, заявив, что для него жизненно важно дочитать рукопись и найти объяснение прочитанному. Этим вечером, едва опустились сумерки, он наконец завершил свое ужасное чтение и в полном бессилии откинулся в кресле. Его жена, которая принесла обед, нашла его в полукоматозном состоянии, но он был способен резким окриком остановить ее, когда она взглянула на записи, сделанные его рукой. С трудом поднявшись, он собрал исписанные листы и запечатал их в большой конверт, который положил во внутренний карман пальто. Ему хватило сил, чтобы дойти до дома, но он явно нуждался в медицинской помощи, так что немедленно был вызван доктор Хартвелл. Когда доктор укладывал Эрмитэйджа постель, тот без конца повторял про себя: «Но что же мы можем сделать, Боже милосердный?»

Доктор Эрмитэйдж выспался, но на следующий день как будто бредил. Он ничего не объяснил доктору Хартвеллу, однако, когда успокаивался, то настаивал на серьезном и долгом разговоре с Райсом и Морганом. Его бред был очень причудливым, например, он неистово требовал уничтожить что-то такое, что находится в заколоченном фермерском доме; ссылаясь на какой-то фантастический план, предусматривающий уничтожение всей человеческой расы, всей животной и растительной жизни на земле какой-то ужасной древней расой существ из иного измерения. Он кричал, что мир в опасности, поскольку Древние Существа хотят полностью стереть его и отбросить из солнечной системы и космического пространства в какую-то другую грань или фазу вечности, откуда он однажды выпал, миллиарды эпох тому назад. Порой он просил, чтобы ему принесли чудовищный «Некрономикон» или «Демонолатрию»

Ремигиуса, в которых он надеялся найти заклинания, способные остановить нависающую опасность.

«Остановить их! Остановить их! — продолжал он выкрикивать. — Эти Уотли хотел впустить их, а самый опасный еще остался! Скажите Райсу и Моргану, что мы должны что-то делать — действовать придется вслепую, но я знаю, как изготовить

порошок... Его не кормили со второго августа, когда Уилбур приехал сюда и нашел здесь смерть, а с такой скоростью...»

Однако Эрмитэйдж, к счастью, обладал очень крепким для своих семидесяти трех лет здоровьем, так что за ночь, во время сна, его организм справился с надвигающейся горячкой. Он проснулся утром в пятницу с ясной головой, но встревоженный гложущим его страхом и осознание огромной ответственности. В субботу он уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы пойти в библиотеку, и вызвал к себе Райса и Моргана на совещание, так что всю оставшуюся часть дня и вечер трое ученых напрягали свои умственные способности в сложнейших размышлениях и яростных дискуссиях. Странные, загадочные и ужасные книги в огромных количествах были принесены с полок, из хранилищ и фондов; диаграммы, формулы и заклинания копировались с лихорадочной быстротой и в пугающем изобилии. Скептицизма больше не осталось. Все трое видели тело Уилбура Уотли, лежавшее на полу в комнате этого самого здания, и после этого ни один из них не рискнул бы относиться к дневнику, как к запискам сумасшедшего.

Мнения о том, нужно ли ставить в известность полицию штата Массачусетс разделились, причем негативное мнение в конце концов возобладало. Тут речь шла о таких вещах, в которые просто не поверил бы непосвященный, что, кстати, вполне подтвердили дальнейшие события. Поздно ночью обсуждение прекратилось, хотя определенного плана выработать пока не удалось. Все воскресенье Эрмитэйдж был поглощен сопоставлением различных заклинаний и смешиванием различных химикатов из университетской лаборатории. Чем больше он углублялся в дьявольский дневник, тем больше он склонен был сомневаться в возможности уничтожить то существо, которое оставил после себя Уилбур Уотли, каким-либо химическим агентом — это угрожающее планете существо, неизвестное ученому, готово было через несколько часов взбунтоваться и стать памятным данвичским ужасом.

Понедельник повторил воскресенье, и доктор Эрмитэйдж продолжал свои исследования и бесконечные опыты. Дальнейшее изучение чудовищного дневника привело к появлению различных вариантов плана и их изменениям, причем доктор знал, что добиться полной определенности ему не удастся. Ко вторнику основные контуры действия были намечены, и он принял решение о необходимости съездить в Данвич на этой неделе. Затем, в среду ему пришлось испытать шок.

В углу страницы «Аркхэм Эдвертайзер» была помещена шутивая заметка, сообщавшая о том, какое чудовище удалось вырастить в Данвиче при использовании бутлеггерского виски. Эрмитэйдж в неопишемом страхе позвонил Райсу и Моргану. Их дискуссия затянулась далеко за полночь, а на следующий день они были заняты лихорадочными сборами в дорогу, Эрмитэйдж отдавал себе отчет, что вмешивается в сферу действия чудовищных сил, и вместе с тем понимал, что теперь нет другой возможности предотвратить пагубные последствия того зловещего вмешательства, которое было осуществлено ранее.

Глава 9

Утром в пятницу Эрмитэйдж, Морган и Райс отправились на автомобиле в Данвич и прибыли в деревню к часу пополудни. Погода была прекрасна я, но даже яркие лучи солнца не позволяли избавиться от скрытого ужаса и дурных предзнаменований, которые, казалось, поджидают в необычных куполообразных холмах и глубоких затененных ущельях этой зловещей местности. Время от времени перед глазами возникали мрачные круги из камней на вершинах. По атмосфере гнетущего молчания у лавки Осборна они догадались, что случилось что-то ужасное, и вскоре узнали об уничтожении семьи и дома Элмера Фрая. В течение дня они объехали Данвич, опрашивали местных жителей по поводу случившегося и сами осмотрели развалины дома Фрая с длинными следами липкой смолы, дьявольские отпечатки во дворе, изувеченную скотину Сета Бишопа и гигантские участки разворошенной растительности в разных местах. След, идущий вверх и вниз по Сторожевому Холму, представился Эрмитэйджу знаком какого-то вселенского катаклизма, и он долго смотрел на расположенный на вершине зловещий камень.

Наконец ученые, узнав о приезде сегодняшним утром представителей полиции штата Эйлсбери, получивших телефонное сообщение о трагедии семьи Фрая, решили найти их и сравнить результаты наблюдений. Однако нигде нельзя было обнаружить следов прибывших полицейских. Говорили, что в машине их было пятеро, но сейчас машина стояла пустой возле развалин дома Фрая. Местные жители были этим озадачены не меньше, чем Эр-

митэйдж и его коллеги, тем более, что полицейские утром беседовали со всеми очевидцами. Тут старый Сэм Хатчинс, подталкивая Фреда Фарра и указывая на глубокую сырую впадину, побледнел.

«Господи, — сказал он, задыхаясь, — я предупреждал, чтобы они не опускались в ущелье, да мне и в голову не могло прийти, что кто-нибудь туда полезет, там ведь и эти следы, и эта вонь и козодои кричат там в темноте...»

Холодная дрожь охватила и гостей и местных обитателей, и каждое ухо напряглось, бессознательно, инстинктивно прислушиваясь. Эрмитэйдж, впервые реально столкнувшись с этим кошмаром и его чудовищными деяниями, ощутил сильнейшее волнение от чувства собственной ответственности. Скоро наступит ночь и именно тогда горное чудовище выйдет своей жуткой дорогой. «Negotium parabolus in tenebris...»¹⁵⁶ Старый библиотекарь повторил заклинание, которое он выучил, и сжал в руке бумажку, на которой было написано дополнительное заклинание, то, которое он выучить не успел. Он проверил свой электрический фонарик, а стоящий рядом с ним Райс достал из саквояжа металлический распылитель, наподобие тех, которые используют для борьбы с насекомыми; Морган же вынул из чехла крупнокалиберную винтовку, на которую надеялся, несмотря на предупреждение коллег о том, что материальное оружие здесь не поможет.

Эрмитэйдж, прочитавший страшный дневник, слишком хорошо представлял, чего можно ожидать, однако он ни словом, ни намеком не дал знать об этом жителям Данвича, чтобы не увеличивать их испуг. Когда сгустились сумерки, люди разбрелись по своим домам и вновь принялись озабоченно запираяться изнутри, несмотря на явные доказательства бесполезности людских замков и укрепленных дверей перед лицом силы, способной гнуть деревья и сокрушать дома по своей прихоти. Они скептически покачали головами, узнав о намерении визитеров стоять дозором у развалин дома Фрая, и, расходясь по домам, данвичцы не считывали когда-либо увидеть отважных исследователей.

Этой ночью под холмами вновь раздался грохот, и снова слышалось угрожающее пение козодоев. Время от времени из ущелья вырывался ветер, принося с собой неопишемое зловоние, мгновенно наполнявшее тяжелый ночной воздух, то самое зловоние, которое все трое ощущали и ранее, когда стояли над умирающей

тварью, прожившей пятнадцать с половиной лет в человеческом облике. Однако ожидавшийся кошмар так и не наступил. Что бы там ни скрывалось на дне ущелья, оно явно выжидало, и Эрмитэйдж сказал коллегам, что нападать на него в темноте было бы равносильно самоубийству.

Робко наступило утро, и ночные звуки прекратились. Был серый, пасмурный день, время от времени накрапывал дождик; на северо-западе над холмами собирались густые тяжелые облака. Прибывшие из Аркхэма ученые находились в нерешительности. Укрывшись от усилившегося дождя в одном из немногих сохранившихся хозяйственных сооружений на дворе Фрая, они обсуждали свои дальнейшие действия: выжидать или нападать. Последнее требовало от них спуска в ущелье. Пелена дождя становилась все гуще, а откуда-то из-за горизонта доносились раскаты грома, и вот совсем рядом блеснула раздвоенная молния, ударив как будто в самый центр проклятого ущелья. Небо сразу потемнело, поколебав надежды ученых на то, что гроза будет короткой и сменится ясной погодой.

Было все еще темно, когда, не более чем через час, с дороги донесся разноголосый шум. Через мгновение показалась группа людей, не меньше дюжины, которые бежали с криками и даже истерическим плачем. Кто-то из бежавших впереди начал выкрикивать отдельные слова, и прибывшие из Аркхэма бросились вперед, как только поняли смысл этих слов.

«О, Боже мой, Боже, — задыхался кричавший, — Оно снова идет, и на этот раз днем! Оно вышло оттуда — вышло и движется, вот прямо сейчас, в эту самую минуту, и одному Богу известно, когда оно нападет на всех нас!»

Рассказчик здесь сбился с дыхания, но его сменил другой.

«Примерно с час назад Зеб Уотли услышал телефонный звонок, и это была миссис Кори, жена Джорджа. Она сказала, что ее работник Лютер, который отгонял скотину, после удара большой молнии увидел, как согнулись деревья с другой стороны ущелья — напротив этого места — и почувствовал тот же ужасный запах, что он ощутил и в прошлый понедельник. И ему послышался шелестящий звук, как будто что-то плещется, и звук был сильнее, чем бывает, когда деревья качаются от ветра, и тут вдруг деревья вдоль дороги все наклонились на одну сторону и был слышен

топот и шлепанье по грязи. Но при этом Лютер божится, что ничего видно не было, только все деревья отодвинулись и кусты тоже. А затем далеко впереди, где ручей Бишоп течет, он услышал страшный треск на мосту, как будто дерево разламывается. И все равно ничего не было видно, только как деревья гнутся. А после шелест уже слышался совсем издали — на дороге, что ведет к дому Колдуна Уотли на Сторожевом Холме — у Лютерахватило духу добежать туда, откуда раздавались звуки, и посмотреть на землю. Там кругом была грязь и вода, на небе была темень непроглядная, и дождь смывал все подряд; и все равно у края ущелья, где были сдвинуты деревья, он опять увидел эти страшные следы, размером с дно бочки, такие же, какие видел в тот понедельник».

Тут вновь взял слово первый рассказчик.

«Но это не самое страшное — это только начало. Зебу позвонили из дома Сета Бишоп. Это Салли, его хозяйка, кричала как резаная — она только что увидела, как деревья у дороги согнулись и был такой звук, как будто слон топает и дышит, и идет к ее дому. Потом она еще сказала, там был тоже этот ужасный запах и ее сынок Чонси завопил, что это такой же запах, как и тот, что он почуял возле развалин дома Уотли в понедельник утром. И собаки все время лаяли и выли тоже.

И вот тут она заорала так ужасно, и говорит, что кусты у дороги смялись, как будто ураган пролетел, только ветер не может так сильно повалить. Вдруг Салли опять закричала и сказала, что только что забор повалился, хотя совершенно не было видно того, кто это сделал. Потом в трубке было слышно, что Чонси и старый Сет Бишоп тоже закричали, а Салли сказала, что в дом ударило что-то тяжелое — не молния или еще чего-нибудь, в переднюю стену, и продолжало лупить туда, хотя через окна ничего не было видно. И потом... потом...»

«И тогда... Салли, она крикнула: «О, помогите кто-нибудь, дом рушится... и через трубку был слышен страшный треск, и все они кричали... примерно так же, как и тогда, когда оно напало на дом Элмера Фрая, только еще хуже...»

Говорящий умолк и слово взял еще кто-то из толпы.

«Вот и все — дальше ни звука, ни слова. Мы сели в машины и собрались, все здоровые крепкие мужики, кого смогли позвать,

возле дома Кори и пришли сюда к вам, чтобы спросить, что нам нужно делать. Неужели это божья кара за то, что мы не такие, как все, а ведь божьей кары ни одному смертному не избежать».

Эрмитэйдж понял, что пришло время действовать, и твердо сказал, обращаясь к группе неуверенных, перепуганных деревенских жителей.

«Мы должны начать преследование, ребята, — он старался говорить как можно увереннее. — Я убежден, что у нас есть возможность уничтожить это существо. Вы, ребята, должно быть, знаете, что эти Уотли были колдунами — и вот эта тварь, она произошла от колдовства, а значит, справиться с ней можно только теми же самыми средствами. Я читал дневник Уилбура Уотли и некоторые из старинных книг, которые он изучал; и теперь я, кажется, знаю нужное заклинание, которое позволит прогнать это существо. Разумеется, полностью уверенным я быть не могу, но надо действовать. Оно невидимо — я так и думал — но в этом распылителе находится порошок, который может на секунду показать его нам. Позднее мы обязательно попробуем это сделать. Эта тварь очень страшная, слишком страшная, чтобы сохранить ей жизнь, однако она не столь ужасна, чем то, во что превратился бы Уилбур, проживи он хоть немного дольше. Вы просто не представляете себе, чего избежал наш мир. Теперь нам осталось справиться только с этим существом, а оно не может размножаться, хотя способно принести мною вреда; так что мы должны без всяких колебаний его уничтожить. Мы должны настичь его — и первое, с чего следует начать — это направиться к тому месту, которое только что подверглось нападению.

Пусть кто-то из вас нас проводит — я плохо знаю ваши дороги, но предполагаю, что должен быть какой-нибудь короткий путь. Что вы об этом думаете?»

Мужчины немного посоветовались, а затем Эрл Сойер, указывая грязным пальцем сквозь слегка поредевшую пелену дождя, сказал: «Вы можете быстрее всего добраться до участка Сета Бишопы, если пересечение здесь нижний луг, перейдете в мелком месте через ручей, а потом взберетесь вверх по покосу Кэрриера и сквозь маленький лесок на ту сторону. Так вы как раз и выйдете на верхнюю дорогу совсем рядом от Сета Бишопы — чуть-чуть с другой стороны».

Эрмитэйдж, Райс и Морган отправились в указанном направлении; большинство из местных последовало за ними. Небо

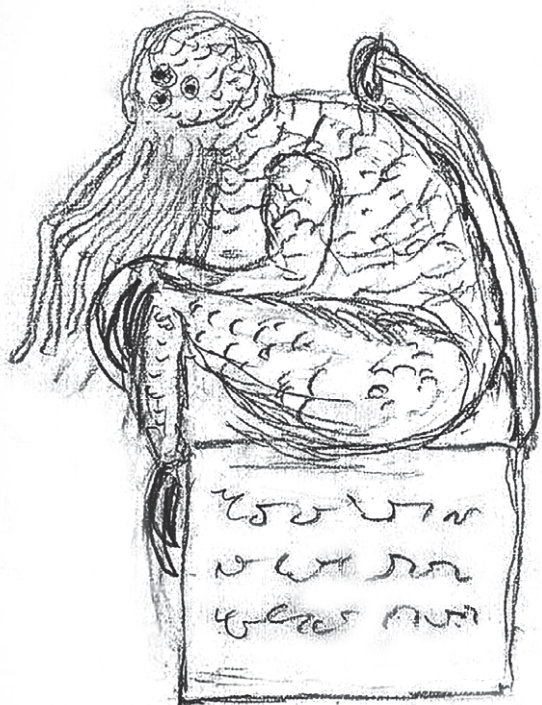
постепенно светлело, и появились признаки того, что гроза сошла на нет. Когда Эрмитэйдж по ошибке пошел не в том направлении, Джо Осборн окликнул его, и затем вышел вперед, чтобы указывать дорогу. Уверенность и храбрость людей постепенно возрастали, хотя неясные очертания поросших лесом вершин, лежащих в конце их короткого пути, среди фантастических древних деревьев, служили для этих качеств весьма серьезным испытанием.

К моменту, когда они выбрались на грязную раскисшую дорогу, из-за туч вышло солнце. Они были совсем недалеко от усадьбы Сета Бишопа, но согнутые деревья и ужасные, уже легко узнаваемые следы ясно показывали, что здесь произошло: вновь повторился инцидент, ранее случившийся с семейством Фраев, и ни одного живого существа, как и ни одного погибшего не было обнаружено среди обломков того, что еще совсем недавно было домом Бишопа. Никому не хотелось оставаться здесь, посреди зловония и липкой смоляной дряни, и все инстинктивно повернулись к линии, оставленной устрашающими отпечатками, которая вела к развороченному фермерскому дому Уотли и далее к увенчанному алтарем склонам Сторожевого Холма.

Когда они проходили мимо обиталища Уилбура Уотли, многих охватила заметная дрожь и тут снова их решимость была поколеблена: сравнить с землей такой огромный дом было делом нешуточным, для этого нужна была зловещая дьявольская сила. Напротив подножия Сторожевого Холма следы покидали дорогу, и отпечатки шли вдоль широкой проплешины, обозначавший прежний путь монстра на вершину и обратно.

Эрмитэйдж вынул карманную подзорную трубу большой силы увеличения и осмотрел в нее крутой зеленый склон холма. Затем он подал трубу Моргану, который отличался более острым зрением. Спустя мгновение Морган громко вскрикнул, передавая инструмент Эрлу Сойеру и одновременно указывая пальцем в определенное место на склоне холма. Сойер, неуклюже, как большинство новичков, не сталкивавшихся раньше с оптическими приборами, некоторое время бессмысленно крутил колесо настройки, но затем, с помощью Эрмитэйджа, правильно навел трубу и становил резкость. Когда это было сделано, он издал крик, значительно менее сдержанный, чем у доктора Моргана.

«Боже всемилостивый, — трава и кусты шевелятся! Оно поднимается кверху — медленно — ползет вверх по склону — прямо сейчас ползет на вершину — одному Небу известно, зачем!»



Profile

To R. H. Barlow, Esq., whose Sculpture
 hath given immortality to this trivial
 Design of his obli'd obdt Servt

Arthur H. L. Loverscraft

16th May, 1934

Эскиз Ктулху.
 Художник — Г. Ф. Лавкрафт

Паника быстро распространилась среди присутствующих. Одно дело — искать безымянное чудовище, и совсем другое — найти его. Заклинания, может быть, и сработают — а вдруг нет? Все начали засыпать профессора Эрмитэйджа вопросами об этой твари, и, похоже, ни один из его ответов не мог удовлетворить местных жителей. Каждый ощутил близость к таким проявлениям Природы, которые полностью лежат за пределами нормального опыта человечества.

Глава 10

В конце концов трое из Аркхэма — старый, белобородый доктор Эрмитэйдж, коренастый, со стальными седыми волосами профессор Райс и худой, моложавый доктор Морган, пошли на гору одни. После длительных терпеливых инструкций относительно того, как настраивать и пользоваться трубой, они оставили прибор перепуганным мужчинам Данвича, и, пока ученые совершали свое восхождение, местные жители наблюдали за ними. Подъем оказался тяжелым, и Эрмитэйдж не раз нуждался в помощи.

Высоко над головам поднимавшейся группы колебалась гигантская просека, — прокладывающее ее адское создание двигалось вверх с неумолимой настойчивостью гигантской змеи. Через некоторое время стало ясно, что преследователи настигают добычу.

Куртис Уотли — из прежних, невыродившихся Уотли — держал трубу, когда группа из Аркхэма сделала крюк, уходя от просеки. Куртис сообщил собравшимся, что «эти люди» явно собираются забраться на вершину, которая возвышается над просекой в том месте, где кусты пока еще не смяты. Так оно и случилось, в результате идущим удалось сократить разрыв между собой и преследуемой тварью.

Затем Весли Кори, взявший трубу, закричал, что Эрмитэйдж направляет распылитель, который держит в руке Райс, и что сейчас, наверное, что-то произойдет. Толпа беспокойно зашевелилась, потому что люди слышали, что этот распылитель должен сделать невидимое чудовище на мгновение видимым. Двое или трое мужчин закрыли глаза руками, но Куртис Уотли выхватил трубу и напряженно прильнул к окуляру. Он увидел, что у Райса,

находящуюся со своими коллегами в очень удобной точке, были хорошие шансы прицельно распылить волшебный порошок.

Те, кто наблюдал за происходящим невооруженным глазом, видели только мгновенную вспышку серого облака — размером с довольно большое здание — вблизи от вершины холма. Куртис, державший в руках инструмент, выронил его с диким воплем прямо в доходившую до лодыжек дорожную грязь. Он зашатался и упал бы на землю, не подхвати его вовремя двое или трое стоявших рядом мужчин. Все, что он мог сделать, это только почти беззвучно застонать.

«О, о Боже милосердный... там... там...»

Град вопросов обрушился на него, и один только Генри Уилер догадался поднять упавшую трубу и стереть с нее грязь. Куртис, казалось, потерял всякую связность речи, и даже односложные ответы давались ему с большим трудом.

«Больше, чем амбар... из извивающихся канатов... все оно похоже на куриное яйцо, только такое, что больше и не представить... с дюжиной ног, похожих на бочки, и они наполовину закрываются, когда оно ступает... ничего в нем нет твердого... все, как студень, как будто все сделано из отдельных извивающихся канатов, которые собрали и прижали друг к другу... над этим большие выпученные глаза... десять или двадцать ртов или хоботов, которые торчат у него со всех сторон, большие, как труба дымохода, и они все время вскидываются, открываются и закрываются... все серые, с такими голубыми или багровыми кольцами... и о Бо-о-же праведный на Небесах — там пол-лица на верхушке!

Это последнее впечатление, видим, оказалось слишком сильным для бедняги Куртиса, и он потерял сознание, прежде чем смог вымолвить еще хоть слово.

Фред Фарр и Уилл Хатчинс отнесли его на обочину дороги и положили на сырую траву. Генри Уилер, дрожа всем телом, посмотрел через спасенную трубу на гору. Сквозь линзы можно было различить три фигурки, которые, очевидно, бежали по направлению к вершине так быстро, как только могли и как позволял уклон холма. Только это — больше ничего не было видно. Затем все услышали странный шум в долине и у подножия Сторожевого Холма. Это было пение бесчисленных козодоев, и в их пронзительном хоре были различимы нотки тревоги и зловещего ожидания.

Теперь труба попала в руки Эрла Сойера, который сообщил собравшимся, что три фигурки теперь стоят на гребне холма, на

одном уровне с камнем в форме алтаря, но при этом в достаточном отдалении от него. Одна из фигурок, доложил он, ритмично поднимает над головой руки, и как только Сойер об этом сказал, все различили едва слышный звук, такой, как будто жесты сопровождалось громким пением. «Наверное, это он произносит заклинание», — прошептал Уилер, хватая трубу. Козодои теперь пели совершенно неистово, причем в причудливом, нерегулярном ритме.

Внезапно свет солнца как бы померк. Это было очень странным, и все сразу же обратили на это внимание. Грохот донесся из-под холмов, причудливым образом перемешиваясь с гармоничными раскатами, которые, очевидно, шли сверху. Сверкнула молния, и пораженные люди стали безуспешно искать признаки приближающейся грозы. Пение трех смельчаков из Аркхэма теперь стало ясно различимым, и Уилер увидел, что они уже все вместе размахивают руками, ритмично сопровождая заклинания этими движениями. Из какого-то фермерского дома вдаль донесся яростный собачий лай.

Теперь дневной свет изменился настолько, что собравшиеся люди в изумлении уставились на горизонт. Багровая тьма, породить которую могло только спектральное смещение небесной голубизны, давила сверху на грохочущие холмы. Вновь сверкнула молния, на этот раз она была ярче, чем раньше, и всем показалось, что вокруг каменного алтаря, там, на вершине, появилась какая-то туманность. Ни один из них, однако, не ахал смотреть в этот момент в трубу: люди из Данвича вдруг ощутили свое соприкосновение с неуловимой угрозой, которой был заряжен воздух.

И тут раздалась те глубокие, надтреснутые, грубые звуки, которые потом не мог забыть ни один из присутствовавших. Они были рождены не в человеческом горле, ибо человеческие органы не в состоянии породить такое акустическое извращение. Скорее можно было подумать, что они рождены были в самом ущелье, не будь их совершенно очевидным источником камень в форме алтаря. Было бы ошибкой называть их звуками — столь многое их страшный, супернизкий басовый тембр говорил напрямую смутному вместилищу подсознания и ужаса, куда более чувствительному, чем ухо, но все-таки, по форме, это были бесспорно туманные полуартикулированные слова. Они были очень громкими — громкими, как грохот снизу и раскаты грома сверху, которым они вторили — и тем не менее они исходили от невидимого существа.

«Игнаих». игнаих... тхфлтхкх'нгха... Йог-Сохот...» — гудел ужасающий голос из космоса. «Й'бтхнк». хь'ехье — н'гркдл'лх...»

Тут звучание приостановилось, и Генри Уилер припал к трубе, но увидел только три силуэта на вершине: фигурки яростно размахивали руками, делая странные жесты, по мере того как пение достигло своей кульминации. Из каких бездонных колодцев архаической ужаса, из каких неизмеримых пучин внекосмического сознания или тайной, долго скрывавшейся наследственности, происходили эти неотчетливые громовые каркающие звуки? Теперь они стали более отчетливыми в своем неистовстве.

«Эх-я-я-я-яхьяах — э'яяяааа... нгх'аааа... нгх'ааа... х'ююх... х'ююх». ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ!... па-папа — ПАПА! ПАПА! ЙОГ-СОХОТ!...»

На этом все кончилось, Мертвенно-бледные люди на дороге все еще вслушивались в эти несомненно произнесенные по-английски слова, которые густо и громоподобно опускались из сводящей с ума пустоты над ужасным алтарем, но больше им никогда не суждено было их услышать. Вместо их раздался грохот взрыва, который, казалось, расколол юры; оглушающий, апокалиптический звон, источником которого могла быть и земля, и небо.

Единичный штык молнии ударил из багрового зенита в цент каменного алтаря, и гигантская невидимая волна невероятной силы и с неописуемым зловонием помчалась с вершины холма во все стороны; деревья, трава и кусты яростно заколыхались, а испуганные люди у подножия холма, едва не задохнувшись от смертельного смрада, с трудом удержались на ногах. Вдали завывали собаки; зеленая трава и листва деревьев на глазах увяли, приняв странный, серо-желтый оттенок, а по полям и лесам разметало бесчисленные тела мертвых козодоев.

Зловоние быстро рассеялось, однако растительность уже не восстановилась. И по сей день вокруг эту страшного холма растет что-то странное, несущее на себе отпечаток греха. Куртис Уотли пришел в сознание лишь после того, как с холма сошли трое из Аркхэма, сошли медленно, освещенные солнцем, которое вновь стало ярким и чистым. Они были молчаливы и исполнены скорби, как будто испытали потрясение от воспоминаний и впечатлений даже более сильных, чем те, которые превратили

группу местных жителей в кучку дрожащих трусов. В ответ на град вопросов они только покачали головами и подтвердили самое главное.

«Эта тварь исчезла навсегда, — сказал Эрмитэйдж, — она расщеплена на элементы, из которых была сотворена изначально, и больше не будет существовать. В нормальном мире это существо вообще невозможно. Лишь самая малейшая частица его была материей в том смысле, как мы это понимаем. Оно было похоже на своего отца — и большая его часть вернулась к нему в какую-то туманную область или измерение, лежащее вне нашей материальной Вселенной, в некую бездонную пучину, из которой его на миг смогли вызвать на холмы наиболее разнузданные ритуалы человеческого богохульства и ереси».

Наступила краткая пауза, и в это мгновение рассеянные ощущения бедного Куртиса Уотли начали постепенно собираться воедино: он поднял руки к голове и издал протяжный стон. Память его, казалось, возвратилась к тому моменту, когда сознание покинуло беднягу, и увиденный в трубу кошмар вновь обрушился на него.

«О, о мой Бог, эта половина лица — эта половина лица на самом верху... это лицо с красными глазами и белесыми курчавыми волосами, и без подбородка, как Уотли... Это был осьминог, головоногое, паук — или все вместе, но у них было почти человеческое лицо, там, вверху, и оно было лицом Колдуна Уотли, только... только размерами оно было в целые ярды, целые ярды.

Он остановился в изнеможении, а вся группа местных жителей уставилась на него; их изумление пока еще не превратилось в новый приступ ужаса. Только старый Зебулон Уотли, который старался припомнить далекое прошлое, но до сих пор не прооронил ни слова, наконец заговорил:

«Пятнадцать лет минуло, — бессвязно бормотал он, — я сам слышал, как Старик Уотли сказал, что наступит день и мы услышим, как дитя Лавинии прокричит имя своего отца с вершины Сторожевого Холма...»

Но тут Джо Осборн перебил его, обратившись с вопросом к людям из Аркхэма.

«Что же это было все-таки, и как молодой Колдун Уотли вызвал это из воздуха?»

Тщательно подбирая слова, Эрмитэйдж попытался объяснить.

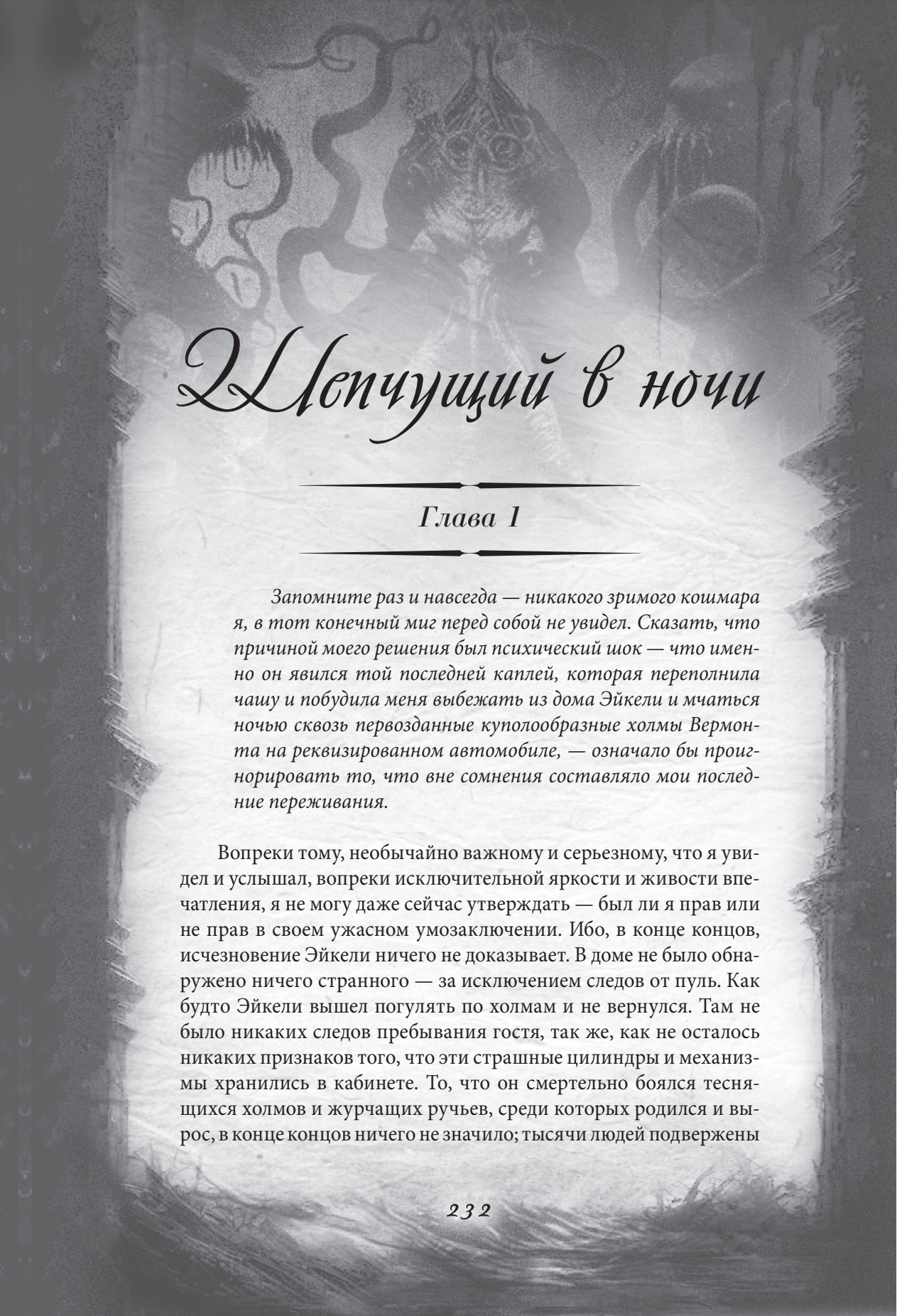
«Это было — ну что ж, это представляет собой силу, которая не принадлежит нашей части космоса, силу, которая действует, развивается, растет и принимает очертания согласно иным законам, чем те, что господствуют в нашей Природе. Людям нет необходимости вызывать подобных существ с той стороны; лишь только исключительно безнравственные люди или наиболее дьявольские секты пытались совершить подобное. Часть этой силы была и в самом Уилбуре Уотли — вполне достаточная, чтобы превратить его в дьявола и в быстро созревающее чудовище, так что его смерть стала ужасающим зрелищем.

Я намерен предать огню его отвратительный дневник, а вы поступили мудро, взорвав этот каменный алтарь и разрушив все эти каменные кольца на вершинах холмов. Подобные сооружения служат для вызова существ, подобных тем, кого столь любили Уотли — тварей, которых они собирались впустить сюда, чтобы они материализовались и уничтожили, смели с этой планеты весь человеческий род, а саму Землю унести в неизвестное место ради некоей неизвестной цели.

Что же касается той твари, которую мы только что отослали обратно — семейство Уотли растило ее для выполнения страшной роли в том, что должно было произойти. Существо это росло быстро и стало столь гигантским по той же причине, что и Уилбур — но оно обогнало Уилбура в размерах и темпах роста — потому что в нем было больше потустороннего. Нет смысла спрашивать, как Уилбур вызвал его из воздуха. Он не вызывал это существо. Это был его брат-близнец, но он больше, чем Уилбур, походил на отца»

1929

© Перевод П. Лебедева



Шепчущий в ночи

Глава 1

Запомните раз и навсегда — никакого зримого кошмара я, в тот конечный миг перед собой не увидел. Сказать, что причиной моего решения был психический шок — что именно он явился той последней каплей, которая переполнила чашу и побудила меня выбежать из дома Эйкели и мчаться ночью сквозь первозданные куполообразные холмы Вермонта на реквизированном автомобиле, — означало бы проигнорировать то, что вне сомнения составляло мои последние переживания.

Вопреки тому, необычайно важному и серьезному, что я увидел и услышал, вопреки исключительной яркости и живости впечатления, я не могу даже сейчас утверждать — был ли я прав или не прав в своем ужасном умозаключении. Ибо, в конце концов, исчезновение Эйкели ничего не доказывает. В доме не было обнаружено ничего странного — за исключением следов от пуль. Как будто Эйкели вышел погулять по холмам и не вернулся. Там не было никаких следов пребывания гостя, так же, как не осталось никаких признаков того, что эти страшные цилиндры и механизмы хранились в кабинете. То, что он смертельно боялся теснящихся холмов и журчащих ручьев, среди которых родился и вырос, в конце концов ничего не значило; тысячи людей подвержены

таким труднообъяснимым страхам. Более того, его непонятные поступки и опасения вплоть до самого последнего момента могли быть отнесены за счет чудачества и эксцентричности.

Все началось, насколько я представляю, с исторического небывалого наводнения в Вермонте 3 ноября 1927 года. В то время, как и сейчас, я был преподавателем литературы в университете Мискатоника, что в Эркхеме, штат Массачусетс, и с энтузиазмом начинал заниматься изучением фольклора Новой Англии. Вскоре после наводнения, среди различных сообщений о трудностях, страданиях и организованной помощи, наполнявших газеты, появились странные истории о существах, обнаруженных в потоках некоторых вздувшихся рек; так что многие из моих друзей ввязывались по этому поводу в горячие дискуссии и обращались ко мне с просьбами пролить свет на этот вопрос. Я был польщен тем, что мои исследования фольклора воспринимались столь серьезно и, как мог, старался развенчать дикие вымыслы, которые, казалось мне, порождены грубыми старыми суевериями. Меня позабавило, что серьезные, образованные люди настаивают, что эти слухи основаны не на пустом месте, а имеют под собой — пусть неясные и искаженные, — но факты.

Истории, на которые было обращено мое внимание, описывались в нескольких газетных заметках; один рассказ имел устный источник и был передан моему знакомому в письме от его матери из Хардвика, штат Вермонт. Во всех случаях сообщалось примерно одно и то же, хотя упоминались три различных места — одно в районе реки Винуски близ Монпелье, другое — у Уэст-ривер, округ Уиндхэм близ Ньюфэй-на, а третье — с центром в Пас-сумпсике, округ Каледония, выше Линдонвиля. Разумеется, упоминались и другие места, но анализ показывал, что все сосредоточивалось вокруг трех основных. В каждом случае сельские жители сообщали о появлении в бурлящей воде, что стекала с немногочисленных холмов, одного или нескольких, очень причудливых и будоражащих воображение объектов, причем имела место тенденция связывать эти объекты с примитивным полузабытым циклом устных легенд, который только помнили старики.

Люди считали, что эти объекты представляли собой органические, доселе невиданные, формы. Естественно, что в этот трагический момент поток нес с собой и много человеческих тел, но видевшие их были уверены, что объекты не люди, хотя размеры и общие очертания смутно напоминали человеческие. Не

были они, как уверяли очевидцы, и какими — либо животными, во всяком случае, известными в Вермонте. Это были розоватые существа примерно пяти футов длиной; с телами ракообразных и парами крупных спинных плавников или перепончатых крыльев и несколькими членистыми конечностями; на месте головы у них имелся свернутый улиткой эллипсоид со множеством коротких усиков. Описания этих существ, полученные из разных источников, были поразительно похожими; правда, надо принять во внимание то обстоятельство, что старые легенды, распространенные в этой холмистой местности, содержали яркие описания, которые вполне могли повлиять на воображение свидетелей. По моей версии все свидетели — а ими были наивные, простые и неотесанные жители глухих районов — во всех случаях видели исковерканные, деформированные стихией тела людей, а полузабытые местные сказки и легенды наделили жалкие останки фантастическими атрибутами.

Древний фольклор, туманный, исчезающий и почти забытый нынешним поколением, носил сам по себе весьма необычный характер и, по всей вероятности, испытал влияние более ранних индейских мифов и легенд. Я был хорошо знаком с этим фольклором, прежде всего по исключительно редкой монографии Эли Давенпорт, которая охватывала устный материал, собранный среди самых пожилых людей штата еще до 1839 года. Легенды эти, вдобавок, почти совпадали с историями, которые довелось услышать мне лично от старожилов в горах Нью-Хэмпшира. Если кратко изложить суть легенд, то в них идет речь о скрытой расе монстров, которые прячутся где-то в районе отдаленных холмов — в густых лесах высочайших вершин и в темных долинах, где текут ручьи из неизвестных источников. Существа эти редко удается увидеть воочию, однако свидетельства их присутствия были замечены лишь тем, кто рискнул забраться по склонам некоторых холмов дальше, чем обычно, или залезть в глубокие, узкие с отвесными краями ущелья, в которые не решаются заходить даже волки.

Странные следы обнаруживали в пересохших руслах ручьев и на бесплодных клочках земли, а также находили удивительные круги из камней, вокруг которых трава выцвела, причем они явно не были помещены туда самой Природой. Кроме того, в толще холмов имелись пещеры загадочной глубины, входы в них были завалены валунами, расположение которых было

вряд ли случайным, причем упомянутые выше странные следы имелись и там: как ведущие внутрь, так и наружу — если, разумеется, можно точно оценить по этим следам их направление. И, что хуже всего, там были твари, которые встречались весьма редко — в полумраке отдаленных долин и в густых лесах на вершинах холмов.

Все это было бы не так тревожно, если бы описания не столь совпадали между собой. Здесь же случилось так, что все свидетельства имели несколько совпадающих пунктов; утверждали, в частности, что существа имеют вид огромных, светло-красных крабов с многочисленными парами конечностей и двумя большими крыльями на спине, напоминающими крылья летучих мышей. Порой они ходили на всех ногах, а иногда только на самой задней паре, используя передние для перемещения крупных объектов неопределенной природы. Однажды их видели в большом числе, причем целая группа этих созданий шествовала вдоль мелкого лесного ручья по трое в ряд, представляя собой явно организованную единицу. Однажды — ночью — видели летящую особь. Она взлетела с вершины одинокого лысого холма и исчезла в небе после того, как ее гигантские хлопающие крылья на мгновение полностью закрыли диск полной луны.

Эти существа в большинстве случаев, казалось, не вмешивались в дела людей. Порой же на них возлагали ответственность за исчезновение искателей приключений — в особенности тех, кто строил себе дома слишком близко от некоторых долин или слишком высоко на некоторых холмах. Многие места в силу этого издревле считались нежелательными для поселения. Люди с дрожью смотрели на крутые откосы соседних холмов, хотя уже давно забылось, сколько жителей пропало без следа и сколько фермерских домов, стоявших у подножия этих угрюмых, зеленых стражей, сгорело дотла.

Но, в соответствии с ранними легендами, эти создания могли причинить вред только тем, кто нарушал границы их территории. Позднее появились истории об их любопытстве по отношению к людям и попытках создать секретные аванпосты в человеческом мире. Имелись сказки об отпечатках когтистых лап, обнаруженных по утрам вокруг окон фермерских домов, и об исчезновениях людей в регионах, далеких от их убежища. Были, кроме того, истории о голосах, имитирующих человеческую речь, обращавшихся со странными предложениями к одиноким путникам на

дорогах или лесных тропинках, и о детях, испуганных до смерти существами, которых они видели или слышали на опушках леса, выходявших прямо к их домам. Ближайший к нынешним дням пласт этих легенд — пласт, предшествовавший отмиранию и суеверия и боязни тесных контактов с жуткими местами, — составляли легенды, в которых рассказывалось об отшельниках и одиноких фермерах, проживавших обособленно и в какой-то момент испытавших психический надлом, трагический по последствиям: про таких говорили, что они «продали себя» этим странным созданиям. В одном из северо-восточных округов в начале XIX века была даже своеобразная мода — обвинять чудаковатых и нелюбимых в пособничестве ненавистным силам или дружбе с ними.

Что же касается природы этих существ — то объяснения, само собой, варьировали. Как правило, их называли «те», или «бывшие», хотя в ходу в разные периоды и в разных местностях были и другие названия. Основная масса пуритан без всяких экивоков называла их близкими друзьями дьявола и превратила в предмет оживленных теологических рассуждений. Жители, которые по наследству получили кельтские легенды, — в основном шотландского и ирландского происхождения из Нью-Хэмпшира, а также их родня, поселившаяся в Вермонте, — связывали эти существа со злыми духами и «маленьким народцем» болот и лесов и защищались от них заклинаниями, передаваемыми от поколения к поколению. Но, несомненно, наиболее фантастическое объяснение природы этих созданий принадлежало индейцам. Хотя разные племена отличались своими легендами, но имелось согласие в определенных, существенных чертах: молчаливо предполагалось, что эти создания не являются исконными жителями земли.

Миф Пеннакуков, бывший наиболее последовательным и самым красочным, учил, что «Крылатые» пришли с Большой Медведицы, что в небесах, и в холмах создали шахты, в которых добывают камни, недоступные им ни в каком другом месте Вселенной. Они не живут здесь, говорит легенда, а просто держат аванпосты и улетают с огромными грузами камней к себе на звезды, на север. Они приносят вред только тем людям, которые слишком близко к ним приближаются или за ними шпионят. Животные их избегают, потому, что испытывают к ним инстинктивную ненависть, а не потому что боятся стать для них добычей.

Крылатые не могут есть земные продукты и живность земли, так что привозят с собой пищу со своих звезд. Очень плохо оказаться рядом с ними, и время от времени молодые охотники, забредающие на их холмы, исчезают и уже не возвращаются. Плохо также прислушиваться к тому, что те шепчут по ночам в лесах жужжащими голосами, имитирующими человеческие. Им известна речь разных людей — Пеннакуков, Гуронов, людей Пяти Наций, — но, по всей вероятности, у них нет собственной речи, да она им, похоже, и не нужна. Между собой они общаются, меняя цвет головы, причем каждый цвет означает что-то свое.

Разумеется, все легенды, как белых, так и индейцев, благополучно почили в девятнадцатом веке, оставив лишь отдельные атаквистические вспышки. Жизнь вермонтцев устоялась; и как только места их обитания и способы жизни зафиксировались согласно некоторому плану, они стали все реже и реже вспоминать о тех страхах, которые легли в основу этого плана, да и о том, что такие страхи вообще когда-то были. Большинству людей было лишь известно, что некоторые холмистые области считаются крайне нездоровыми, невыгодными и неудачными для проживания, и чем дальше от них держаться — тем лучше. Со временем экономические интересы так тесно связались с привычными местами проживания, что в выходе за их границы не было никакого смысла, и получалось, что холмы оставлены необитаемыми не по какому-то замыслу, а просто в силу стечения обстоятельств. И теперь мало кто шептался по поводу ужасных обитателей холмистой местности, за исключением бабушек, любящих страшные истории, да впавших в детство долгожителей; но и эти паникеры признавали, что теперь от тех созданий не приходится ждать ничего плохого, коль скоро они уже привыкли к поселившимся здесь людям и коль скоро люди оставили обитателей холмов в покое.

Обо всем этом я уже давно читал, да к тому же знал об этом из рассказов жителей Нью-Хэмпшира; поэтому, когда начали появляться слухи, связанные с наводнением, я без труда смог установить, на чем они основаны. Я всячески старался втолковать это своим друзьям; и меня забавляло, что находятся упрямцы, «настаивающие на присутствии элементов истины в этих рассказах.

Эти люди говорили, что между ранними легендами есть существенное сходство, в том числе — в деталях, и что во многом

вермонтские холмы остаются до конца не исследованными, так что было бы неразумно походя отмечать вероятность наличия там загадочных обитателей; нельзя было убедить моих упрямых друзей и в том, что, как известно, все мифы имеют общую структуру и объясняются одним и тем же типом искажения реальности, порожденным ранней стадией, развития мышления человека. Не было смысла демонстрировать таким оппонентам, что вермонтские мифы по существу мало отличались от тех всеобщих легенд о природной персонификации, которые наполнили античный мир фавнами, дриадами и сатирами, предположили существование калликанзараев в Греции и дали диким уэльсам и ирландцам возможность предположить существование странных, маленьких и тщательно спрятанных племен троглодитов и обитателей земляных нор. Бесполезно было также напоминать им о вере непальских горных племен в существование страшного Ми-Го или «Отвратительного Снежного Человека», таящегося посреди ледяных и горных шпилей Гималаев.

Когда я привел своим оппонентам все эти доводы, они повернули их против меня же, заявляя, что из этого как раз следует актуальный исторический характер древних легенд; что это как раз и свидетельствует о реальном существовании некоей странной «прежней» расы, населявшей землю, вынужденной скрыться после прихода и установления господства людей, представители которой сохранились, хоть и в значительно уменьшенном числе, до сравнительно недавних времен — или даже и до наших дней.

Чем больше я старался высмеивать эти рассуждения, тем сильнее мои упрямые друзья защищали их, добавляя к своим доводам то, что и без привязки к древним легендам нынешние сообщения выглядят слишком ясными, согласованными, детализированными и трезво-прозаичными в изложении, чтобы от них отмахнуться. Два или три фанатичных экстремиста договорились до того, что, ссылаясь на древние индейские сказания, предположили неземное происхождение загадочных существ, цитируя при этом диковинные книги Чарльза Форта, в которых утверждалось, что пришельцы из космоса и других миров часто посещали Землю. Большинство из моих собеседников были, однако, просто романтиками, страстно желавшими привнести в реальную жизнь фантастические представления о прячущемся «маленьком народце», ставшие популярными благодаря блестящей фантазии ужасов Артура Мэйчена.

Глава 2

Нет ничего удивительного, что из подобных дебатов родились и материалы для публикаций, попавшие в форме писем в газету «Эркхем Эдвертайзер»; некоторые из них перепечатывали газеты, издававшиеся в тех районах Вермонта, откуда пришли загадочные истории о наводнении. Так, «Ратлэнд Геральд» уделила половину страницы выдержкам из этих писем, а «Брэттлборо Реформер» полностью перепечатала один из моих обширных исторических и мифологических комментариев, сопроводив их собственными суждениями в колонке «Свободное Перо», где выразила восхищение моими скептическими умозаключениями и полностью их поддержала. К весне 1928 года я стал широко известной фигурой в Вермонте, хотя ни разу не бывал в этом штате. И вот тут-то получил я письма от Генри Эйкели, которые произвели на меня столь сильное впечатление, что раз и навсегда приковали мое внимание к пленительному краю теснящихся зеленых склонов и журчащих лесных ручьев.

Большая часть сведений о Генри Уэнтворте Эйкели была собрана в результате переписки с его соседями и единственным сыном, проживавшим в Калифорнии; все эти сведения были собраны мной после случая в его одиноком сельском доме. Он был, как я выяснил, последним представителем уважаемой семьи здешних старожил, давшей юристов, администраторов и просвещенных аграриев. В его лице, однако, семейство пережило переход от практических занятий к чистой науке; он был замечен своими успехами в математике, астрономии, биологии, антропологии и фольклоре в университете Вермонта. Ранее я никогда о нем не слышал, и в своих письмах он почти ничего о себе не сообщал; но сразу было видно, что это человек с сильным характером, образованный, с развитым интеллектом, хотя и затворник, не очень искушенный в чисто земных делах.

Несмотря на чудовищность того, что он отстаивал, я с самого начала отнесся к Эйкели куда серьезнее, чем к любому другому своему оппоненту. С одной стороны, он был действительно близок к тем реальным событиям — визуально и ощутимо, — о которых столь нетрадиционно рассуждал; с другой стороны, будучи подлинным ученым, он изъяснялся неподдельную готовность под-

вергнуть свои заключения экспериментальной проверке. У него не было личных предпочтений в результатах, главное — получить убедительные доказательства. Разумеется, я начал с того, что счел его доводы ошибочными, но признал его ошибки «интеллектуальными», так что никогда я не приписывал безумию ни поддержку идей Эйкели некоторыми его друзьями, ни его собственного страха перед одинокими зелеными холмами. Я признавал, что им сделано много; знал, что многие из сообщенных им сведений и в самом деле несут в себе необычные обстоятельства, заслуживающие расследования, хотя меня и не устраивали предложенные им фантастические объяснения происшедшего. Позднее я получил от него определенные вещественные доказательства, которые перевели всю проблему на совершенно иную и весьма странную основу.

Мне не приходит в голову ничего лучшего, чем привести здесь в возможно более полном виде письмо, в котором Эйкели представился мне и которое стало такой важной поворотной точкой в моей собственной интеллектуальной жизни. У меня уже больше нет этого письма, но память хранит почти каждое его слово — настолько поразило меня его содержание; и я еще и еще раз убеждаюсь в полной вменяемости человека, который его писал. Вот его текст — текст, попавший ко мне, исполненный неразборчивым, старомодно выглядевшим почерком человека, который, ведя тихую жизнь ученого, явно мало общался с окружающим миром.

«Тауншенд, Уиндхэм Ко.,

Вермонт 5 мая 1928 года.

Альберту Н. Уилмэрту, Эсквайру

118 Сэлтонстэл-стрит, Эрххэм. Массачусетс.

Уважаемый сэр!

С большим интересом прочитал я в «Брэттлборо Реформер» перепечатку (от 23 апреля 1928 года) Вашего письма по поводу недавних историй, особенно — относительно тел, обнаруженных в потоке во время наводнения прошлой осенью, и по поводу тех любопытных элементов фольклора, с которыми происшедшее так хорошо согласуется. Вполне понятны причины, которые могут побудить того, кто не является здешним жителем, занять подобную позицию, и причины, по которым с вами согласна колонка «Свободное Перо». Такая точка зрения характерна для образованных людей, как в Вермонте, так и за его пределами. Точно

H. P. LOVECRAFT
**THE WHISPERER IN
DARKNESS**



Иллюстрация к повести «Шепчущий в ночи».
Художник — Александр Мур

такой же точки зрения придерживался и я, будучи молодым человеком (сейчас мне 51 год), до того, как начал свои исследования. Именно эти исследования, как общего характера, так и посвященные книге Давенпорта, побудили меня изучить те участки холмов, которые до настоящего времени не посещались.

На мысль об этих исследованиях меня навели странные старые легенды, которые мне довелось услышать от пожилых фермеров, грубых и невежественных людей, хотя, признаюсь, теперь я желал бы, чтобы этих исследований вообще не было. Я могу без ложной скромности сказать, что хорошо знаком с антропологией и фольклором. Я много занимался ими в колледже и знаком с такими признанными авторитетами в этой области, как Тайлор, Люббок, Фрейзер, Куатрефейджес, Мюррей, Осборн, Кейт, Буле, Дж. Эллиот Смит и так далее. Для меня не новость то, что истории о тайных племенах так же стары, как само человечество. Я увидел перепечатки ваших писем и писем тех, кто не согласен с вами, в «Ратлэнд Геральд», и думаю, что догадываюсь, на чем именно основываются ваши доводы.

Хотел бы сказать, что сейчас, боюсь, ваши оппоненты ближе к истине, чем вы, хотя все разумные доводы, безусловно, на вашей стороне. Они ближе к правоте, чем сознают это сами, — ведь они-то основываются только на интуитивных соображениях и не знают того, что известно теперь мне. Если бы я знал об этом так же мало, как они, то был бы полностью на вашей стороне.

Вы, наверное, заметили, что я никак не могу приступить к делу, вероятно, из-за того, что боюсь; но скажу все-таки — у меня есть конкретные доказательства, что чудовищные создания и в самом деле живут в зарослях на высоких холмах, куда никто не заходит.

Я не видел ни одного из тех, которые проплывали с потоком во время наводнения, но я видел существа, похожие на них, при обстоятельствах, о которых страшусь рассказать. Я видел следы, причем совсем недавно, видел их возле своего дома (а я живу в старой усадьбе Эйкели, южнее местечка Тауншенд, со стороны Темной Горы) так близко, что не решаюсь об этом сказать. И мне довелось слышать голоса в лесу в местах, о которых я не смогу ничего написать.

Есть место, где я так часто слышал эти голоса, что даже принес туда фонограф с диктофонной приставкой, и постараюсь дать вам возможность прослушать свои записи. Я демонстрировал эти

записи некоторым местным старикам, и один голос напугал их почти до паралича, так как был похож на тот самый, о котором упоминает Давенпорт и о котором говорили им еще их бабушки и даже пытались его имитировать. Я знаю, что думают люди о тех, кто «слышит голоса», — но прежде, чем вы сделаете вывод, прослушайте эту запись и спросите кого-нибудь из старых жителей глухих районов, что они об этом думают. Если вы можете дать этому обычное объяснение, хорошо; но, возможно, за этим есть еще что-то. Цель моя состоит не в том, чтобы спорить с вами, а в том, чтобы предоставить информацию, которая человеку ваших вкусов наверняка покажется очень интересной. Но это строго между нами, строго частное дело. Для публики — я на вашей стороне, поскольку некоторые события показали, что людям не следует знать об этом слишком много. Мои собственные исследования носят сугубо частный характер, поэтому я не хотел бы никакими высказываниями привлекать внимание людей, побуждать их посещать места, которые я изучал. Истина, ужасная истина состоит в том, что что потусторонние существа все время наблюдают за нами; они имеют среди нас своих шпионов, собирающих информацию. Большую часть своих данных я получил от жалкого человека, который был одним из этих шпионов, если только он не сумасшедший (а я думаю, что он был вполне нормален). Позднее он покончил с собой, но я думаю, что есть и другие. Эти создания пришли с другой планеты, они способны существовать в межзвездном пространстве и перелетать через него на неуклюжих, но мощных крыльях, которые способны сопротивляться эфиру, но мало чем могут помочь им на Земле. Я готов рассказать вам об этом позже, если вы не сочтете меня сумасшедшим. Они прибыли сюда, чтобы добыть металлы в шахтах, проложенных глубоко под холмами, и я думаю, что знаю, откуда они явились. Они не причинят нам вреда, если мы оставим их в покое, но никто не может сказать, что будет, если мы проявим чрезмерное любопытство. Разумеется, большая группа людей может смести всю их колонию. Этого они боятся. Но если такое случится, то еще больше существ явится «оттуда» — столько, сколько им необходимо для продолжения добычи. Они легко могли бы завоевать Землю, но до сих пор не пытались, потому что им это не нужно. Они предпочли бы оставить все, как есть, и избежать беспокойства.

Я думаю, что они постараются избавиться от меня, потому что я слишком многое узнал. В лесу у Круглого Холма я нашел

большой черный камень с неизвестными иероглифами, наполовину стертymi, а после того, как я принес его домой, все изменилось. Если они решат, что я узнал слишком много, то либо убьют меня, либо заберут меня с Земли к себе, в тот мир, откуда они сюда явились. Они и раньше забирали отсюда образованных людей, чтобы быть информированными о состоянии дел в человеческом мире.

Тут я подхожу ко второй цели своего обращения к вам — а именно, хочу убедить вас предпринять все усилия, чтобы прекратить нынешние обсуждения этой проблемы, ни в коем случае не допускать дальнейшего распространения этой информации среди широкой публики. Людей следует держать подальше от этих холмов, а для этого нужно, в свою очередь, не возбуждать более их любопытства. Бог свидетель, что шума уже и так было достаточно, со всеми этими агентами по продаже недвижимости и толпами отдыхающих, которые шлеются по диким местам и покрывают холмы своими развалюхами.

Я буду рад продолжить переписку с вами и постараюсь выслать запись фонографа и черный камень (он так истерт, что фотография ничего не покажет) поездом, если вы пожелаете. Я пишу «постараюсь», потому что предполагаю со стороны этих существ возможные препятствия. Есть тут один угрюмый скрытный парень, по имени Браун, на ферме, что недалеко от деревни, — я думаю, он их шпион. Мало-помалу они постараются отрезать меня от остального мира, поскольку я чересчур много знаю о них.

Они обладают самыми неожиданными возможностями обнаружения моих намерений. Возможно, что вы и не получите это письмо. Думаю, что буду вынужден в конце концов покинуть эту часть страны и переехать жить к моему сыну, в Сан-Диего, Калифорния. Так я и сделаю, если дела пойдут еще хуже, хотя и нелегко покидать место, где ты родился и где жили шесть поколений твоей семьи. Кроме того, я вряд ли решусь продать этот дом кому бы то ни было сейчас, когда существа уже взяли мое жилище на заметку. По-моему, они попытаются получить обратно черный камень и уничтожить запись фонографа, но, пока у меня есть силы, я им не позволю этого сделать. Мои огромные полицейские псы их одерживают, поскольку их здесь немного и они не очень ловки в передвижениях. Как я уже сказал, их крылья не очень подходят для коротких полетов в воздухе. Сейчас я буквально на грани расшифровки этого камня — при этом весьма ужасным способом — и вы, с вашим знанием фольклора, могли бы оказать

мне большую помощь в поисках пропавших звеньев. Вы, без сомнения, знаете устрашающие мифы, предвосхищающие появление на земле людей, — циклы про Йог-Стотхотха и Ктулху, — на которые есть ссылка в «Некрономиконе». Я когда-то ознакомился с одним из экземпляров и слышал, что в библиотеке вашего колледжа также есть экземпляр, который вы держите под замком.

Чтобы закончить, мистер Уилмерт, выражу уверенность, что мы с вами могли бы быть очень полезными друг другу. Я не желал бы подвергать вас какому-либо риску, поэтому предупреждаю, что хранение камня и записи фонографа небезопасно; но мне кажется, что Вы сочтете любой риск оправданным в интересах получения знаний. Я намерен поехать в Ньюфэйн или Бреттлборо, чтобы выслать вам то, что вы пожелаете, поскольку тамошним почтовым отделениям я доверяю больше. Должен сказать, что живу сейчас одиноко и не имею возможности держать прислугу. Никто не хочет оставаться в этом доме, потому что эти существа пытаются приближаться по ночам к моему жилищу, а собаки из-за этого беспрерывно лают. Хорошо, что все началось после того, как умерла моя жена, иначе это, без сомнения, свело бы ее с ума.

С надеждой, что я не очень потревожил вас и что вы не будете выбрасывать это письмо в корзину, как бред безумца, а сочтете целесообразным поддерживать со мной контакт, остаюсь Искренне преданный вам

Генри У. Эйкели

P. S. Я сделал несколько отпечатков фотографий, которые, как я полагаю, помогут доказать некоторые из высказанных мною суждений. Старожилы утверждают, что они истинны. Я pošлю вам снимки, если вы того пожелаете.

Г. У. Э.

Трудно описать, какие чувства овладели мною после прочтения этого документа в первый раз. По идее, я должен был посмеяться над этими чудачествами куда сильнее, чем над значительно более умеренными предположениями, которые раньше позабавили меня; и все-таки что-то в тоне этого письма побудило меня воспринять его с парадоксальной серьезностью. Не то, чтобы я хоть на мгновение поверил в тайное племя, прилетевшее к нам со звезд, о котором толковал мой корреспондент; но все же, преодолев некоторые первоначальные сомнения, почувствовал уверенность,

что имею дело с безусловно нормальным человеком и что он в самом деле столкнулся с реально существующим, хотя и невероятным и аномальным явлением, которое не мог объяснить иначе, чем делал это в письме. Разумеется, дело не может обстоять так, как он пишет, рассуждал я, но здесь безусловно есть то, что заслуживает серьезного исследования. Этот человек, очевидно, был очень взволнован и встревожен чем-то, причем явно неадекватно, однако трудно было представить, чтобы его обеспокоенность являлась совершенно беспричинной. Он излагал свои соображения настолько конкретно и логично, но тем не менее его история удивительным образом совпадала с некоторыми старыми мифами и даже — с самыми фантастическими индейскими легендами.

Как то, что он действительно слышал какие-то голоса на холмах, так и то, что он нашел черный камень, о котором упоминал в письме, было вполне возможным. Однако те безумные предположения, которыми он сопровождал упоминание о голосах и камне, были, по всей видимости, внушены ему человеком, утверждавшим, что он является шпионом потусторонних существ, тем самым человеком, который впоследствии покончил с собой. Легко было предположить, что самоубийца являлся по-настоящему сумасшедшим, но смог при этом заставить наивного Эйкели — к тому же подготовленного к этому своими фольклорными изысканиями — поверить в его бред. Что же до его последних соображений, то было похоже, что невозможность нанять себе прислугу объясняется тем, что невежественные соседи Эйкели, так же, как и он, убеждены в том, что его дом по ночам осаждают сверхъестественные чудища. Собаки, разумеется, тоже лают по-настоящему.

Наконец, что касается записи фонографа, то я не сомневался, что либо это были звуки, издаваемые животными и напоминавшие человеческую речь, либо же звуки эти издавало некое скрывающееся среди холмов человеческое существо, которое деградировало по какой-то причине до животного состояния. Тут мои мысли обратились к черному камню с иероглифами. Да, и что могли содержать фотографии, которые Эйкели намеревался мне выслать и которые старожилы нашли столь пугающими?

По мере того, как я раз за разом перечитывал письмо, меня не покидало ощущение, что мои оппоненты располагают данными, более серьезными, чем я предполагал ранее. В конце концов, в этих заброшенных, необитаемых местностях, близ холмов, могли обитать какие-то странные уродцы, жертвы дурной

наследственности, хотя, разумеется, они и не были чудовищами со звезд, как утверждали легенды. И если они существуют, то присутствие странных тел в бурных потоках становится вполне объяснимым. И я начал испытывать чувство стыда от того, что сомнения в прежней моей правоте породило нечто столь эксцентричное, как письмо Генри Эйкели.

В конце концов, я ответил на письмо Эйкели, взяв при этом тон дружелюбного интереса и попросив дополнительных подробностей. Ответ его пришел почти немедленно; и в конверте было несколько фотографий, иллюстрирующих то, о чем он рассказывал. Глянув на эти фотоснимки, я ощутил удивительное чувство страха и прикосновения к чему-то запретному; ибо, несмотря на неясность изображений, они обладали дьявольской внушающей силой.

Чем больше я смотрел на них, тем больше убеждался в том, что моя серьезная оценка Эйкели и его истории была вполне оправданной. Без всякого сомнения, эти фотографии содержали убедительное доказательство существования на вермонтских холмах явления, лежащего далеко за пределами наших привычных знаний и представлений. Самое жуткое на этих фотографиях представляли собой следы — снимок был сделан, когда яркое солнце осветило клочок голой земли где-то на пустынной вершине. Даже беглый взгляд позволял убедиться, что это не мистификация; ибо четко очерченные камни и лезвия трав полностью исключали подделку или двойную экспозицию. Я назвал это «отпечатком ноги», но «отпечаток когтя» было бы точнее. Даже сейчас я не могу описать этот след, избежав сравнения с ужасным, отвратительным крабом, причем была какая-то неопределенность в направлении этого следа. Он был не очень глубоким или свежим отпечатком и по размеру не превосходил размер ноги среднего человека. Из центральной подушечки выходили в противоположных направлениях пары зубьев пилы — вид их сбивал с толку, если вообще этот объект являлся исключительно органом движения.

Другая фотография — явно с большой выдержкой, сделанная в тени, — представляла собой изображение входа в лесную пещеру, отверстие которой закрывал круглый валун. На голой земле перед входом можно было разобрать густую сеть линий, когда я рассмотрел ее в увеличительное стекло, то с неприятным чувством убедился, что следы точно такие же, как и на другом снимке. Третий снимок

изображал кольцо камней жреческого типа, помещенных на вершине холма. Вокруг загадочного кольца трава была сильно утоптана и почти совсем стерта, причем здесь я не смог различить ни одного следа даже в увеличительное стекло. Исключительная отдаленность изображенной местности доказывалась перспективой уходящих за горизонт совершенно безлюдных холмов.

Но если самым неприятным и пугающим было изображение отпечатка на земле, то наиболее любопытным оказался снимок большого черного камня, найденного в лесах возле Круглого холма. Эйкели фотографировал камень, по всей вероятности, на столе в своем кабинете, поскольку я смог разглядеть ряд книжных полок, а на заднем плане бюст Мильтона. Камень был заснят в вертикальном положении и представлял собой изрезанную поверхность, размером один на два фута, но у меня не хватает слов, чтобы сказать что-либо определенное об этих узорах или хотя бы об общей конфигурации всего камня. Какие геометрические принципы легли в основу его огранки — ибо это несомненно была искусственная огранка, — я могу только догадываться; но скажу без колебаний, что никогда я не видел предмета столь странного и чуждого нашему миру. Из иероглифов, начертанных на поверхности, очень немногие были различимы, но один-два вызвали у меня просто шок. Конечно, это могла быть и фальсификация, ибо есть и кроме меня люди, читавшие чудовищный «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда; но тем не менее я испытал нервную дрожь, узнав определенные идеограммы, которые, как я знал по своим исследованиям, связаны с наиболее святотатственными и леденящими кровь историями о существах, которые вели безумное полусуществование задолго до того, как были сотворены Земля и другие внутренние миры солнечной системы.

Из пяти оставшихся фотографий три изображали болотистую или холмистую местность, которая, казалось, несла на себе отпечаток тайных и зловредных обитателей. Еще одна изображала странную отметину на земле, совсем рядом с домом Эйкели, которую он сфотографировал наутро после того, как собаки всю ночь лаяли особенно яростно. Снимок был очень расплывчатый, и по нему трудно было сказать что-либо определенное; но отпечаток отдаленно напоминал «след когтя» на голой земле. Последняя фотография изображала само место жительства Эйкели: ак-

куратный беленький двухэтажный дом, построенный, вероятно, лет сто — сто двадцать тому назад, с хорошо подстриженным газоном и обложенной камнями дорожкой, ведущей к искусно выполненной резной двери в георгианском стиле. Несколько огромных полицейских псов сидели на газоне у ног человека приятной наружности с аккуратной седой бородкой, который, как я догадался, и был сам Эйкели — он же и делал этот снимок, о чем свидетельствовала лампочка в его руке.

Осмотрев фотографии, я приступил к чтению обширного письма и на последующие три часа погрузился в пучины неопишемого ужаса. То, что ранее Эйкели излагал лишь в общих чертах, он описывал подробно, в мельчайших деталях; представляя длинные списки слов, уловленных ночью в лесу, подробные описания розоватых существ, шнырявших в сумерках в густых зарослях возле холмов, а также чудовищные космогонические рассуждения, извлеченные из собственных научных исследований и бесконечных разговоров с самозванным безумным шпионом, наложившим на себя руки. Я столкнулся с именами, которые встречал ранее лишь в контексте самых зловещих предположений — Йюггот, Великий Ктулху, Тсатхоггуа, Йог-Стохотх, Р'льех, Ньярлатхотеп, Азатхотх, Хастур, Йян, Ленг, Озеро Хали, Бетмура, Желтый Знак, Л'мур-Катхулос, Брэн и Магнум Инноминандум — и был перенесен через неизвестные эпохи и непостижимые измерения в миры древних, открытых реальностей, о которых безумный автор «Некрономикона» лишь смутно догадывался. Мне было сообщено о хранилищах первичной жизни и о потоках, вытекавших оттуда; и, наконец, о струйках этих потоков, которые оказались связанными с судьбами нашей планеты.

Я не в силах был собраться с мыслями; и если ранее я пытался многие вещи объяснять, то теперь начинал верить в самые аномальные и невероятные чудеса. Массив конкретных доказательств был грандиозен и подавлял, а спокойная, холодная научная манера Эйкели — в которой не было ни грана фанатизма, истерики или экстравагантности — сильнейшим образом повлияла на мое восприятие проблемы и на мои оценки. Когда я отложил письмо в сторону, то уже мог понять опасения автора и был готов предпринять все возможное, чтоб помешать людям посетить эту дикую местность. Даже сейчас, когда время притупило мои тогдашние впечатления и во многом стерло из памяти мои тогдашние сомнения и переживания, даже теперь есть такие фрагменты

в письме Эйкели, которые я не рискну привести и даже не доверю бумаге. Я почти рад, что это письмо и запись фонографа теперь исчезли, — и я желал бы, по причинам, которые скоро станут ясны, чтобы новая планета по ту сторону Нептуна не была открыта.

После прочтения письма я прекратил все публичные выступления по поводу кошмара в Вермонте. Доводы моих оппонентов оставил без ответа или отложил в сторону, сделав неопределенные обещания вернуться к ним впоследствии, и в конце концов дискуссия была предана забвению. Последнюю часть мая и весь июнь мы поддерживали оживленную переписку с Эйкели. Правда, время от времени письма терялись, и мы были вынуждены восстанавливать написанное и тратить много сил на копирование. Главной нашей целью было сравнить собственные подходы к загадочным мифам, чтобы добиться согласованного представления о связи ужасных явлений в Вермонте со структурой и содержанием примитивных мифов.

Прежде всего, мы согласились, что эти ужасные существа и адское Ми-Го из Гималаев были кошмарными воплощениями одного порядка. Тут были также захватывающие зоологические гипотезы, которые я предпочел обсудить с профессором Декстером из своего колледжа, несмотря на категорическое требование Эйкели никому не сообщать о возникшей перед нами проблеме. Если я и нарушил это требование, то лишь потому, что считал: на этой стадии предупреждение относительно опасности вермонтских холмов — и гималайских пиков, на которые отчаянные исследователи стремились забраться, — более отвечает интересам людей, чем молчание. Одной из конкретных задач, стоявших перед нами, была расшифровка иероглифов на злосчастном камне, расшифровка, которая должна была сделать нас обладателями тайн, более глубоких и более потрясающих, чем все тайны, известные теперь человеку.

Глава 3

К концу июня я, наконец, получил запись фонографа — из Бреттлборо, поскольку Эйкели не доверял железнодорожной ветке, расположенной севернее. Им овладела все возраставшая шпиономания, усилившаяся после пропажи некоторых из наших

писем; он часто стал говорить о коварных действиях некоторых людей, которых считал агентами скрытных созданий, их тайными орудиями. Более всего он подозревал угрюмого фермера Уолтера Брауна, жившего в одиночестве у подножия холма, вблизи от густого леса, и уверял, что часто видел его праздно шатающимся в Бреттлборо, Беллоуз-Фоллз, Ньюфэйне и Южном Лондондерри, когда появление его там было совершенно немотивированным и ничем не оправданным. Более того, он пребывал в уверенности, что слышал голос Брауна при определенных обстоятельствах во время одного ужасного разговора; а однажды обнаружил след или, точнее, отпечаток когтя недалеко от дома Брауна. След этот был расположен подозрительно близко к отпечатку ноги самого Брауна и они были повернуты друг к другу.

Итак, запись прибыла из Бреттлборо, куда Эйкели приехал на своем «Форде» по пустынным дорогам Вермонта. Он признался в сопровождающей посылку записке, что начинает бояться этих дорог и даже за продуктами в Тауншенд предпочитает ездить лишь при дневном свете. Снова и снова он повторял, что нельзя приближаться к этим тихим и загадочным холмам, зная так много, как он, и что скоро он собирается переехать в Калифорнию к сыну.

Прежде, чем прослушать запись на аппарате, который я взял в административном здании колледжа, я внимательно прочел сопроводительную записку Эйкели и все его предшествовавшие письма, где эта запись упоминалась. Она была получена, согласно его данным, примерно в час ночи 1 мая 1915 года, близ закрытого входа в пещеру на лесистом западном склоне Темной Горы, там, где она возвышается над болотом. В этом месте всегда звучали странные голоса, и именно поэтому он и принес туда фонограф, диктофон и восковой валик. Прошлый опыт подсказывал ему, что ночь накануне Первого Мая — или ночь Шабаша, согласно европейским легендам, — должна быть наиболее удачной, и это подтвердилось. Стоит отметить, однако, что больше он ни разу не слышал голосов на этом месте.

В отличие от большинства лесных звуков, содержание этой записи было похоже на запись какого-то ритуала, причем включало один явно различимый человеческий голос, который Эйкели не мог идентифицировать. Голос этот не принадлежал Брауну, а был, по всей видимости, голосом человека более высокого культурного уровня. Второй же голос, собственно и представлявший собой главное в этой записи, был скорее похож на отвратительное жужжание.

По-видимому, фонограф и диктофон при записи работали очень хорошо, что было печально, учитывая приглушенное и невнятное звучание самого записывающегося ритуала; в результате разобрать можно было лишь отдельные фрагменты. Эйкели прислал мне собственную письменную расшифровку записи, и я еще раз проглядел ее прежде, чем включить аппаратуру. Текст скорее был темным и загадочным, чем ужасным, хотя знание обстоятельств и источника придавало ему дополнительную жуть, которую не могли бы отразить никакие слова. Я представлю все это здесь полностью, так, как смог запомнить, — после неоднократного прочтения записи и прослушивания — все досконально. Такое нелегко забыть! (Неразборчивые звуки)

(Хорошо поставленный мужской голос)...

он Повелитель Леса, даже для... и дары людей Ленга... итак, из колодцев ночи в бездны космоса, и из бездн космоса в колодцы ночи, вечно вознесутся хвалы Великому Ктулху, Тсат-хогуа, и к Тому, Чье Имя Не Может Быть Названо. Вечны хвалы Им, и пожелание изобилия Черному Козерогу Лесов. Йа! Шаб-Ниггуратх! Козерог с Тысячным Потомством!

(Жужжащая имитация человеческой речи)

Йа! Шаб-Ниггуратх! Черный Козерог Лесов С Тысячным Потомством! (Человеческий голос)

Наступило время для Повелителя Лесов... семь и девять, вниз по ступеням из оникса... посвятить Ему, тому, кто из Бездны, Азатоту, Из Тех, Кому Ты учил нас поклоняться... на крыльях ночи за пределы космоса, за пределы т... Тому, кому Йюггот — младший сын, катящийся в одиночестве в черном эфире у края...

(Жужжащий звук)...

ходить среди людей и найти пути к тому, что знает Тот, кто из Бездны. Ньярлатхотеу, Могущественному Посланцу, ему все должно быть сказано. И Он примет внешность человека, восковую маску и одежды, которые скроют его, и спустится вниз из страны Семи Солнц, чтобы притвориться...

(Снова жужжащий звук)...

(Ньярл) атотеп, Великий Посланец, приносящий из пустоты чудесную радость Йюгготу, Отец Миллиона Избранных, Ищущий среди..

(Здесь речь прерывается — конец записи)

Вот, что я услышал, включив фонограф. Меня охватил настоящий страх, когда я нажал рукоятку и услышал скрип иглки

по валику, так что я обрадовался, когда первые слабо различные слова оказались произнесенными человеческим голосом — мягким, приятным, интеллигентным голосом, с бостонским акцентом, явно не принадлежащий уроженцу Вермонта. Прислушиваясь к записи, я обнаружил ее идентичной тщательно выполненному протоколу Эйкели. Этот сочный бостонский голос распевал: «...Йа! Шаб-Ниггуратх! Козерог с Тысячным Потомством!...» И тут я услышал другой голос. До сих пор меня охватывает дрожь, стоит лишь подумать, как меня поразили эти звуки, хоть я и был, казалось, подготовлен к ним письмами Эйкели. Те люди, которым я впоследствии описывал ту запись, ничего не находили в ней, кроме дешевого шарлатанства или признаков безумия; но если бы им довелось услышать этот отвратительный голос или прочесть все письма Эйкели (в особенности то — ужасное энциклопедически полное второе письмо), я уверен, что они резко изменили бы свое отношение. Мне очень жаль, что я подчинился требованию Эйкели и больше никому не дал прослушать записи — не менее жаль, что все письма его тоже пропали. Что же касается меня самого, то с учетом реального впечатления от звучания, да еще моих знаний о подоплеке всей истории и ее обстоятельств, голос этот был просто чудовищным. В исполнении этого адского обряда он звучал синхронно с человеческим голосом, но в моем воображении являлся отвратительным эхом, которое доносится через невообразимые бездны из дьявольских миров. Прошло более двух лет с тех пор, как я прослушал этот богохульный восковой цилиндр, до сих пор у меня в ушах звучит это дрожащее жужжание, как будто я слышал его только что.

«Йа! Шаб-Ниггуратх! Черный Козерог Лесов с Тысячным Потомством!»

Но хоть и звучит этот голос неотрывно в моих ушах, я все-таки не могу еще достаточно точно подвергнуть его анализу для того, чтобы описать. Он был подобен гудению какого-то отвратительного гигантского насекомого, умышленно преобразованному в артикулированную речь какого-то чуждого существа, причем я был совершенно уверен, что органы, продуцирующие этот звук, ничем не похожи на вокальные органы человека, как, впрочем, и других млекопитающих. Были тут вариации в тембре, диапазоне и полутонах, полностью выводившие это явление за рамки человеческого, земного опыта. Первое появление этого звучания настолько поразило меня, что всю оставшуюся часть записи я слу-

шал в состоянии некоей прострации. Когда же звучали более развернутые пассажи жужжащей речи, ощущение кошунственной бесконечности, поразившее меня при первых звуках, обострилось. Наконец, запись резко оборвалась в момент произнесения высказываний исключительно четким и ясным человеческим голосом с бостонским акцентом; но я по-прежнему сидел, тупо глядя перед собой, даже когда аппарат автоматически выключился.

Нечего и говорить, что я неоднократно прослушал эту ужасающую запись и предпринял отчаянные попытки анализа и комментирования, сравнивая свои соображения с записями Эйкели. Было бы нежелательно, да и бессмысленно излагать здесь все наши заключения; но замечу, что, по нашему убеждению, ключ лежал в некоторых наиболее отвратительных обрядах из первобытных тайных верований людей. Для нас было также ясно, что между скрывающимися созданиями «оттуда» и определенными представителями человеческого рода существовали древние и весьма прочные связи. Насколько разветвленными были эти связи и в какой степени их состояние в наши дни соотносилось с их состоянием в древности, мы не догадывались; в лучшем случае здесь было поле для неограниченных спекуляций. По всей видимости, между человеком и безымянной бесконечностью имелись чудовищные узы с незапамятных времен. Те кошунственные действия, которые происходили на Земле, скорее всего пришли с темной планеты Йюггот, на краю Солнечной системы; однако сама она представляла собой, вероятно, всего лишь излюбленный аванпост какой-то наводящей страх межзвездной расы, за пределами эйнштейновского пространственно-временного континуума или величайшего известного Космоса.

Между тем мы продолжали обсуждать черный камень и способы доставки его в Эркхем — Эйкели считал нецелесообразным мой приезд к нему, на место страшных исследований. По тем или иным причинам он также боялся доверить перевозку камня какой-либо из привычных транспортных магистралей. Его идея сводилась к тому, чтобы доставить камень через сельскую местность в Беллоуз-Фоллз, затем отправить его через Киин, Уинчендон и Фичбург, хотя это и потребовало бы от него поездки в порядке сопровождения по довольно пустынным, пролегающим среди холмов дорогам, часто пересекаемым лесами, что было куда менее удобным, чем поездка по главной магистрали на Бреттлборо. Он сообщил, что когда посылал мне запись фонографа,

то заметил возле офиса человека, чьи действия и внешний вид не внушили ему доверия. Человек этот как-то слишком нарочито стремился разговориться с клерками и сел именно на тот поезд, которым была отправлена записка. Эйкели признался, что не был спокоен за судьбу посылки до тех пор, пока не получил от меня уведомления о ее благополучном прибытии.

Примерно в это же время — то есть во вторую неделю июля — затерялось еще одно мое письмо, о чем я узнал из тревожного сообщения Эйкели. После этого он попросил меня больше не писать ему в Тауншенд, а отсылать всю корреспонденцию на Главный почтамт в Бреттлборо, куда он будет часто наезжать в своей машине или поездом. Я почувствовал, что его тревога все время возрастает, ибо он очень подробно сообщал мне об усилившемся лае собак в безлунные ночи, а также о свежих отпечатках когтей, порой обнаруживаемых им по утрам на дороге и на своем заднем дворе. Как-то раз он рассказал о настоящем скопище отпечатков, выстроившихся в линию, напротив не менее густой линии собачьих следов, и прислал мне устрашающий фотоснимок в подтверждение своих слов. Это случилось как раз после той памятной ночи, когда собачий лай превзошел все мыслимые пределы.

В среду 18 июля, утром, я получил телеграмму из Беллоуз-Фоллз, в которой Эйкели сообщал, что он отправил черный камень поездом № 5508, отправившимся из Беллоуз-Фоллз в 12:15, то есть в свое обычное время, и прибывающим в Бостон на Северный Вокзал в 4:12 пополудни. Он должен был, по моим расчетам, прибыть в Эркхем, по меньшей мере, к следующему полудню, так что почти все утро четверга я его ожидал. Но наступил и прошел полдень, а когда я позвонил в почтовый офис, мне сообщали, что никакого груза для меня не прибыло. Уже сильно встревожившись, я позвонил транспортному агенту в Бостон на Северный Вокзал; и без особого удивления узнал, что груз не прибыл и туда. Поезд № 5508 прибыл вчера с 35-минутным опозданием, и никакой коробки для меня там не было. Агент обещал навести справки и все выяснить; я же послал в конце дня телеграмму Эйкели, в которой обрисовал сложившуюся ситуацию.

Ответ из Бостона пришел на следующий день, агент позвонил мне, как только выяснил все обстоятельства. Похоже, что посыльный на поезде № 5508 припомнил инцидент, который мог иметь отношение к пропаже моего груза — перебранку с худощавым, рыжеволосым, неотесанным мужчиной с очень стран-

ным голосом, происшедшую, когда поезд делал стоянку в Киине, Нью-Хэмпшир, примерно после часа дня.

Этот мужчина, как он сказал, был крайне взволнован и уверял, что ожидает прибытия тяжелого ящика, которого не было в поезде и который даже не упоминался в журналах посыльного. Он назвался Стенли Эдамсом, и у него был такой монотонный густой голос, что клерк почувствовал себя дурно, разговаривая с ним. В результате посыльный даже не смог запомнить, чем же разговор закончился, а помнил лишь, что когда он вновь пришел в полное сознание, поезд уже тронулся. Бостонский агент добавил, что этот посыльный был молодым человеком исключительной честности и надежности, с хорошими рекомендациями и уже давно работал на компанию.

Этим вечером я выехал в Бостон, чтобы лично расспросить посыльного о случившемся, получив его имя и адрес в конторе. Он оказался откровенным человеком, с приятными манерами, но я скоро понял, что он не сможет ничего добавить к тому, что мне уже было известно. Станным мне показалось лишь то, что он не был уверен, сможет ли узнать того человека, если встретит его еще раз. Поняв, что от него я больше ничего не смогу добиться, я вернулся в Эркхем и до утра писал Эйкели, затем в почтовую компанию, полицейское управление и почтовому агенту в Киине. Я чувствовал, что человек с необычным голосом, который так сильно повлиял на посыльного, играет ключевую роль во всем этом загадочном деле, и надеялся, что станционные служители или телеграфисты в Киине смогут что-то сообщить о нем, о том, как он обратился со своим запросом, когда и где.

Я вынужден, однако, признаться, что все мои попытки расследовать ситуацию оказались тщетными. Действительно, человек со странным голосом был замечен после полудни 18 июля в Киине, а какой-то зевака смутно запомнил у него в руках тяжелый ящик; однако человек этот был им абсолютно неизвестен, и прежде, как и впоследствии, никто его не видел. Он не заходил в помещение телеграфа и не получал никаких сведений, равно как никаких сообщений касательно присутствия черного камня на поезде № 5508 ни для кого по телеграфу не поступало. Естественно, Эйкели присоединился ко мне в расследовании этого происшествия и даже сам съездил в Киин, чтобы опросить возможных очевидцев случившегося и людей, живущих неподалеку от станции; однако его отношение к происшествию было



Ми-го.
Художник — М. У. Уоткинс

куда более фаталистическим, чем мое. Он склонен был считать потерю ящика зловещим следствием неизбежного противодействия и ничуть не надеялся на возможность найти утраченное. Он говорил о несомненной телепатической и гипнотической силе созданий, живущих на холмах, и их агентов, а в одном из писем намекал, что, по его убеждению, камень уже давно покинул нашу планету. Я, со своей стороны, был сильно разгневан, поскольку видел в изучении старых, полустертых иероглифов возможность узнать нечто новое и удивительное. Этот эпизод еще долго будоражил бы мое воображение, если бы последующие письма Эйкели не озаменовали собой начало совершенно новой фазы ужасной истории загадочных холмов, которая сразу же завладела моим вниманием.

Глава 4

Неизвестные создания, писал Эйкели все более неровным почерком, взялись за него гораздо серьезнее, чем раньше, и с более определенными целями. Ночной лай собак в безлунные ночи или когда луна была полузакрыта облаками стал просто чудовищным, а кроме того, были отмечены попытки пристать к Эйкели, когда он оказывался на пустынных дорогах. Второго августа, направляясь на машине в деревню, он увидел срубленный ствол дерева, перегородивший ему дорогу там, где она пересекала участок густого леса; в то же время лай двух огромных собак, бывших с ним вместе, ясно предупредил его о созданиях, которые могут прятаться поблизости. Что могло бы случиться, не будь рядом с ним собак, — он не решался даже предположить — но с тех пор больше никуда не выходил без собак из своей своры — по крайней мере, двух верных и сильных помощников. Вскоре имели место еще два дорожных происшествия, пятого и шестого августа; один раз машину обстреляли; в другой раз залиvistый собачий лай известил его о присутствии дьявольских созданий в лесу.

Пятнадцатого августа я получил отчаянное письмо, которое необычайно меня взволновало, так что я искренне пожелал, чтобы Эйкели отбросил свою скрытность и призвал на помощь закон. В ночь с 12 на 13 августа случилось уж нечто совсем ужасное, возле дома была стрельба, и утром он обнаружил трех из сво-

их двенадцати огромных псов убитыми. На дороге видны были многочисленные отпечатки когтей и, между ними, следы Уолтера Брауна. Эйкели позвонил в Бреттлборо, чтобы ему доставили новых собак, но телефонная линия отключилась, прежде, чем он успел что-либо сказать. Позже он отправился на машине в Бреттлборо и выяснил, что монтер нашел главный кабель перерубленным, причем как раз на том участке, что находился близ одиноких холмов Ньюфэйна. Но Эйкели направился домой с четырьмя новыми псами и несколькими ящиками патронов для своего крупнокалиберного ружья. Письмо было написано в почтовом отделении Бреттлборо и пришло ко мне безо всякой задержки.

Мое отношение к происходящему в этот момент перестало быть чисто научным и превратилось в сугубо личную тревогу, Я боялся за жизнь Эйкели, в его отдаленном одиноком сельском доме, и частично за себя самого из-за моей явной причастности к загадочной проблеме холмов. Эти твари могли дотянуться и сюда. Смогут ли они всосать и заглотить меня? В своем ответе на его письмо я умолял Эйкели обратиться за помощью к властям и предупреждал, что сделаю это сам, если он меня не послушается. Я выразил намерение лично посетить Вермонт, несмотря на его протесты, и помочь ему объяснить ситуацию представителям власти. В ответ на это пришла телеграмма из Беллоуз-Фоллз следующего содержания:

*«ВЫСОКО ЦЕНЮ ВАШ ПОРЫВ НО НИЧЕГО НЕ
МОГУ СДЕЛАТЬ НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ НИКАКИХ
ДЕЙСТВИЙ САМИ ПОТОМУ ЧТО ЭТО МОЖЕТ ТОЛЬКО
НАВРЕДИТЬ ОБОИМ ЖДИТЕ ОБЪЯСНЕНИЙ»*

ГЕНРИ ЭЙКЕЛИ

Но это ничуть не прояснило дела, совсем наоборот. После моего ответа на телеграмму я получил записку от Эйкели, написанную дрожащей рукой и содержащую потрясающее сообщение, что он не только не посылал мне телеграмму, но и не получал письма. Спешное расследование, проведенное им в Беллоуз-Фоллз, обнаружило, что телеграмма была отправлена странным рыжеволосым мужчиной с необыкновенным, густым, монотонным голосом, каковыми сведениями и исчерпывалось то, что удалось выяснить Эйкели. Клерк показал ему оригинал текста телеграммы, нацарапанный карандашом, но почерк был совершенно не-

знакомым для моего коллеги. Он обратил внимание только на то, что подпись была неточной — Э-Й-К-Л-И, без буквы «Е». Напрашивались некоторые предположения, но охваченный несомненным кризисом, Эйкели не высказывал их.

Он сообщал также о гибели еще нескольких собак и приобретении других на замену, а также о ружейной стрельбе, которая стала неотъемлемой приметой всех безлунных ночей. Среди отпечатков когтей на дороге и на заднем дворе его фермы регулярно появлялись следы Брауна и еще одного-двух человек, обутих в ботинки. Эйкели признавал, что тут ничего хорошего нет и что ему пора поскорее переезжать к сыну в Калифорнию, даже если не удастся быстро продать дом. Но нелегко покидать то единственное место, которое ты считаешь по-настоящему своим домом. Он попробует еще сколько-нибудь продержаться; возможно, ему удастся отвадить непрошенных гостей — особенно если он открыто откажется от дальнейших попыток проникнуть в их секреты.

Я тут же ответил Эйкели, вновь предложив свою помощь, и еще раз высказал горячее желание приехать к нему, чтобы вместе убедить представителей власти в опасности сложившейся вокруг него ситуации. Его ответ содержал уже менее твердые возражения против моего плана, чем раньше, но он писал, что предпочитает немного переждать — чтобы привести свои дела в порядок и подготовиться к отъезду из отчего дома, которые стал почти смертельно опасным. Люди подозрительно относятся к его исследованиям, и лучше будет уехать потихоньку, не будоража окружающих и не порождая сомнений в его психической нормальности. На его долю выпало уже более чем достаточно испытаний, признавал он, но тем не менее ему хотелось бы уехать отсюда, сохраняя достоинство.

Это письмо я получил 28 августа и отправил в ответ максимально ободряющее послание. Очевидно, мое сочувствие имело свое действие, поскольку в следующем письме Эйкели выразил мне признательность и куда меньше сообщал о своих страхах. Вместе с тем, его письмо нельзя было назвать слишком оптимистичным, поскольку он выразил убеждение, что страшные создания оставили его в покое лишь на время, видимо, на период полнолуния. Он надеялся, что ночи будут ясными, и смутно намекал на возможность перебраться в Бреттлборо, когда полнолуние кончится. Снова я попытался в письме приободрить его, но 5 сентября пришло новое послание, очевидно, опередившее

мое письмо, которое еще было в пути и на которое я уже не смог бы дать такого безмятежного отклика. Учитывая его важность, приведу текст письма полностью — насколько мне удалось запечатлеть в памяти эти написанные дрожащим почерком строки. Письмо сообщало следующее:

«Понедельник

Дорогой Уилмерт!

Вот довольно обескураживающий постскрипtum к моему последнему письму. Прошлой ночью небо закрыли густые облака — лунный свет совершенно не пробивался сквозь них — хотя дождя не было. Дела обстоят плохо, и мне кажется, что конец близок, вопреки всем нашим надеждам. После полуночи что-то опустилось на крышу дома. Я слышал, как собаки рвутся с привязи, отпустил их, и одной удалось вспрыгнуть на крышу с низенькой пристройки.

Там завязалась яростная схватка, и я услышал ужасающее жужжание, которого никогда не забуду. А потом почувствовал этот чудовищный запах. Примерно в этот же момент прогремели выстрелы, и пробившие крышу пули едва не настигли меня. Я думаю, что основные силы этих существ подошли с холмов, и собаки разделились, отвлеченные происходящим на крыше. В чем там дело, я еще не знал, но боялся, что эти твари научились лучше управляться со своим крыльями. Я погасил свет в доме, распахнул окна, как бойницы, и открыл огонь по кругу, стараясь стрелять так, чтобы не угодить в собак. На этом все и закончилось, а утром я обнаружил во дворе большие лужи крови, а рядом с ним зеленую липкую жижу, с запахом, отвратительнее которого мне до сих пор не встречалось. Я вскарабкался на крышу и там обнаружил ту же отвратительную липкую гадость. Пятеро собак были убиты, причем, боюсь, что одну подстрелил я сам по неосторожности, потому что она получила пулю в спину. Теперь я заделал дыры от пуль и собираюсь в Бреттлборо за новыми собаками. Люди на тамошней псарне наверняка думают, что я сумасшедший. Позже напишу вам еще. Видимо, через одну-две недели я буду готов уехать, хоть мне тяжело даже думать об этом. Извините, спешу — Эйкели».

Но это было не единственное письмо, опередившее мое. На следующее утро — 6 сентября — пришло еще одно; на этот раз неистовые каракули, которые совершенно поставили меня в ту-

пик, так что я не знал, что делать дальше. Это письмо я тоже постараюсь воспроизвести как можно полнее, насколько позволяет моя память.

«Вторник

Облака так и не рассеялись, луны вновь не видно — да она и так на ущербе. Я бы опутал дом электрическими проводами и поставил бы прожектор, не будь я уверен, что они перережут кабель, как только он будет протянут.

Кажется, я схожу с ума. Может быть, все, о чем я вам пишу, это сон или бред безумца. И раньше это было ужасно, но теперь превзошло все пределы. Прошлой ночью они со мной говорили — говорили этим проклятым жужжащим голосом и сказали такие вещи, которые я не решусь вам передать. Я отчетливо слышал их голос на фоне собачьего лая, а когда этот голос затихал, то ему помогал человеческий голос. Держитесь от этого подальше, Уилмерт, — это гораздо хуже, чем мы с вами могли представить. Они не намерены отпускать меня в Калифорнию — они хотят забрать меня отсюда живым или же живым в теоретическом понимании, психически, умственно живым. . Причем не только на Йюггот, но и еще дальше — за пределы Галактики, а может быть, и за пределы изогнутого края Вселенной. Я сказал им, что не отправлюсь туда, куда они хотят меня взять — или куда они своим ужасным способом предложили мне отправиться, но боюсь, что сопротивление бесполезно. Дом мой расположен настолько изолированно, что они могут прийти не только ночью, но и среди бела дня. Еще шесть собак убиты, и когда я ехал сегодня в Бреттлборо, то в тех местах, где дорога идет по лесу, я чувствовал присутствие существ. С моей стороны было ошибкой отправлять вам запись фонографа и злополучный черный камень. Лучше уничтожьте запись, пока не поздно. Хорошо было бы собрать все мои вещи и книги и остановиться в Бреттлборо. Я сбежал бы и без вещей, если бы мог, но что-то внутри меня не позволяет этого сделать. Я мог бы ускользнуть от них в Бреттлборо, ще обрел бы безопасность, но чувствую себя пленником в своем доме. И у меня такое чувство, что даже если я попытаюсь скрыться, все бросив, — далеко мне от них не уйти. Поверьте, это ужасно — и не вмешивайтесь в это. Ваш Эйкели».

Получив это письмо, я не мог заснуть всю ночь. Меня поразили остатки трезвого рассудка Эйкели. Содержание письма

было полностью безумным, однако манера изложения — в свете всего случившегося — отличалась мрачной убедительностью. Я не пытался ответить на это письмо, ожидая реакции Эйкели на мое предыдущее послание. Реакция не замедлила появиться уже на следующий день, хотя новые обстоятельства полностью перечеркнули содержание моего письма. Вот что мне запомнилось из очередного письма Эйкели, наспех нацарапанного и покрытого кляксами.

«Среда

У — получил ваше письмо, но уже не вижу смысла что-либо обсуждать. Я полностью капитулировал. Удивительно, что у меня вообще были силы сопротивляться им. Теперь мне не спастись, даже если бы я был готов все бросить и скрыться. Они меня не отпустят.

Вчера я получил от них письмо — его принес посыльный, когда я был в Бреттлборо. Отпечатано и отправлено по почте из Беллоуз-Фоллз. Сообщают, что намерены со мной сделать, — не могу этого повторить. Берегите себя, умоляю! Разбейте этот валик с записью. Ночи продолжают оставаться облачными, а серп луны все время убывает. Хотелось бы мне набраться храбрости и попросить о помощи — но всякий, кто не побоится прийти, сочтет меня сумасшедшим, пока не получит конкретных доказательств. А пригласить к себе людей просто так я не могу, ибо долгие годы жил отшельником и ни с кем не поддерживал контактов.

Но я не сообщил вам еще самое худшее, Уилмерт. Соберитесь с силами, прежде чем будете читать дальше, ибо это вызовет у вас шок. Но помните, что я говорю чистую правду. Вот она — я видел одну из этих тварей и прикоснулся к ней, или, по крайней мере, к ее части. О, Боже милосердный, это было чудовищно! Разумеется, существо это было мертвым. Одна из собак прикончила его, и я нашел его утром у псарни. Я попробовал укрыть его в дровяном сарае, чтобы показать людям, но за несколько часов оно полностью испарилось. Ничего не осталось. Вы же знаете, что все эти объекты во время наводнения были замечены только на первое утро после разлива. А вот и самое худшее. Я попытался сфотографировать это создание, но когда проявил пленку, на ней ничего не было, кроме дровяного сарая.

Из чего же была сделана эта тварь? Я ведь видел ее и прикасался к ней, и они оставляют следы. Они явно состоят из мате-

рии — но что это за материя? Форма не поддается описанию. Это как гигантский краб со множеством мясистых колечек, образующих пирамидки, или узелков из толстых волокнистых образований, а на том месте, где у человека находится голова, — у него многочисленные щупальца. Липкая зеленоватая масса — это его кровь или сок. И каждую минуту их становится все больше и больше здесь, на Земле.

Уолтер Браун исчез — я больше нигде не вижу его, хотя раньше он попадался мне буквально за каждым углом. Может быть, я попал в него одним из моих выстрелов, ведь эти существа, похоже, всегда стараются убрать своих убитых и раненых.

Доехал сегодня до города без всяких осложнений, но боюсь, что они стали воздерживаться от нападений, потому что теперь уже уверены во мне. Пишу это в почтовом отделении Бреттлборо. Возможно, это мое последнее письмо, прощальное — если так, то напишите моему сыну, Джорджу Гудинафу Эйкели, 176, Плезант-стрит, Сан-Диего. Калифорния, но прошу, не приезжайте сюда. Если через неделю от меня не будет весточки, напишите мальчику и следите за новостями в газетах.

Теперь я намерен разыграть две свои последние карты — если у меня хватит силы воли. Во-первых, испытать против них отравляющий газ (у меня есть соответствующие химикалии, и я сделал маски для себя и для собак), а если и это не сработает, то поставить в известность шерифа. Меня могут отправить в сумасшедший дом — все равно, это лучше, чем то, что собираются сделать те, «другие». По-видимому, я смогу привлечь их внимание к следам вокруг дома — они довольно слабые, но появляются каждое утро. Хотя полиция может сказать, что я их сам сфабриковал, поскольку за мной водится слава чудаковатого субъекта.

Можно попытаться позвать полицейских ко мне в дом на ночь, чтобы они сами убедились в происходящем, — хотя не следует исключать того, что эти существа поймут, в чем дело, и в такую ночь воздержатся от всякой активности. Они перерезают телефонный кабель, стоит мне только позвонить куда —нибудь ночью, — монтеры находят это очень странным и могут свидетельствовать, если только не откажутся от своих наблюдений и не подумают, что это я сам режу кабель. Вот уже больше недели я не вызывал никого, чтобы восстановить связь.

Я мог бы попросить кого-нибудь из простых людей выступить в качестве свидетелей и подтвердить реальность всех этих

ужасов, но ведь все же смеются над ними, да и к тому же эти люди так давно не бывали у меня, что сами ничего не подозревают. Ни одного из живущих в этой местности фермеров не затащить ближе, чем на милю, к моему дому — их сюда не заманишь ни деньгами, ни лаской. Посыльный, который приносит мне почту, слышал, что они говорят. Боже правый! Если бы я только мог убедить его в том, насколько это все реально! Думаю, что смог бы показать ему следы, но ведь он приходит в середине дня, а к этому моменту следы уже исчезают. Если бы я попытался сохранить какой-нибудь след, накрыв его коробкой или кастрюлей, то он наверняка подумал бы, что я сам его нарисовал.

Если б я не жил всегда таким отшельником, то люди заходили бы ко мне, как бывало раньше. Я никогда не решался никому показать ни черный камень, ни свои фотоснимки, никогда не давал прослушивать ту самую запись, никому, кроме простых, грубых людей. Другие сказали бы, что я все это выдумал и просто посмеялись бы надо мной. Но я все-таки могу попробовать и показать фотоснимки. На них отчетливо видны следы этих когтей, хотя сами существа, оставившие их, и не могли быть сфотографированы. Как жаль, что никто больше не видел эту тварь утром, до того, как она исчезла!

Не знаю, чем все это окончится. После всего, что со мной было, сумасшедший дом — не самое плохое для меня место. Врачи помогут мне привести мозги в порядок, отвлечься от этого дома, а это для меня сейчас главное, чтобы спастись.

Если не получите известий от меня в ближайшее время, напишите моему сыну Джорджу. Прошу вас. Прощайте, разбейте эту запись и больше не вмешивайтесь в это дело.

Ваш — Эйкели.»

Это письмо повергло меня в беспросветный ужас. Я не знал, как реагировать, поэтому наспех написал несколько бессвязных слов утешения и невразумительных советов и отправил заказной почтой. Помню, что умолял Эйкели немедленно приехать в Бреттлборо и обратиться к властям с просьбой о защите; добавил, что я тоже приеду в город, захватив с собой запись фонографа, чтобы убедить экспертов в психической нормальности Эйкели. По-моему, я еще написал, что, на мой взгляд, настало время предупредить людей об угрозе со стороны этих существ. Легко заметить, что в этот момент моя вера во все, что сообщал Эйкели,

была полной, хотя я думал, что неудавшаяся попытка получить снимок мертвого монстра объясняется не насмешкой Природы, а промахом самого Эйкели, совершенным из-за волнения.

Глава 5

Вскоре после этого, опережая мое бессвязное послание, в субботу 8 сентября днем пришло совершенно иное, вполне успокаивающее письмо, аккуратно отпечатанное на новой машинке; странное письмо с уверениями и приглашением, ознаменовавшее удивительнейший поворот всей кошмарной драмы далеких холмов. Цитирую вновь по памяти — при этом я постарался как можно точнее передать стиль этого письма. На нем стоял почтовый штемпель Беллоуз-Фоллз, причем подпись была напечатана так же, как и основной текст, — что часто бывает с новичками в жанре машинописных посланий. Вместе с тем текст был исключительно аккуратен, что как раз нетипично для новичка; из всего этого я заключил, что Эйкели, должно быть, использовал машинку раньше — возможно, в колледже. Сказать, что письмо принесло чувство облегчения, было бы не совсем точно, поскольку под этим чувством еще лежал слой беспокойства. Если Эйкели психически нормален в состоянии ужаса, то нормален ли он теперь, в состоянии избавления? И когда он говорит об «улучшении взаимопонимания», что именно он имеет в виду? Вообще, все в целом выглядело настолько противоречащим его недавнему настроению! Однако вот содержание письма, scrupulously сохраненное в памяти, что составляет предмет моей немалой гордости.

«Тауншенд, Вермонт,
Вторник, 6 сентября, 1928 г.
Мой дорогой Уилмерт!

Мне доставляет большое удовольствие успокоить вас по поводу всех глупостей, о которых я вам писал. Я говорю «глупости», хотя имею в виду скорее собственную искаженную страхом установку, чем мои описания определенных явлений. Явления эти реальны и значимы, моя же ошибка состоит в том, что я сформировал у себя неадекватное к ним отношение.

Я, кажется, уже упоминал, что мои странные посетители начали общаться со мной, по крайней мере, попытались вступить в контакт. Вчера ночью такой речевой обмен стал реальностью. В ответ на определенные сигналы я принял в своем доме их посланца — поспешу сказать, что это был представитель человеческого рода. Он сообщил мне много такого, о чем ни вы ни я даже не догадывались, и ясно показал, насколько ошибочными были наши представления о целях «Существ Извне» в создании тайной колонии на этой планете.

Похоже, что зловещие легенды относительно того, что они намерены сделать с человечеством, являются следствием невежественного искажения аллегорических высказываний — высказываний, разумеется, порожденных культурной почвой и формой мышления, которые превосходят все, о чем мы только можем мечтать. Мои собственные предположения, как я охотно признаю, так же далеки были от истины, как любая догадка невежественных фермеров и диких индейцев. То, что я считал болезненным, постыдным и унижительным, в действительности является заслуживающим благоговения, освобождающим разум и даже восхитительным — мои же прежние оценки были просто-напросто проявлением присущей человеку издавна тенденции ненавидеть и бояться того, что совершенно отличается от него.

Теперь я сожалею о том ущербе, который причинил этим удивительным потусторонним существам во время наших ночных перестрелок. Если бы я сразу догадался спокойно и разумно поговорить с ними! Однако они не затаили обиды на меня, их поведение в этом смысле очень отличается от нашего. К несчастью, в качестве своих агентов в Вермонте они используют некоторых лиц весьма низкого уровня развития — взять хотя бы того же Уолтера Брауна. Он способствовал возникновению у меня предвзятого отношения к этим существам. В действительности же они никогда не причиняют людям вреда сознательно, однако часто подвергаются жестокому преследованию со стороны представителей человеческого рода. Существует, например, тайный культ сатанистов (вы, как эрудированный в области мистики человек, поймете, если я свяжу их с Хастуром или Желтым Знаком), целью которого является выследить эти создания и нанести им удар, как чудовищным силам из другого измерения. Именно против таких агрессоров — а не против нормальных людей — направлены серьезные охранительные миры Существ Извне. Кстати, мне стало извест-

но, что многие из наших утраченных писем были похищены не Существами Извне, а эмиссарами этого самого зловещего культа.

Все, чего хотят Существа Извне от человека, — это мира и невмешательства, а также интеллектуального взаимопонимания. Последнее сейчас абсолютно необходимо, поскольку наши знания и технические средства достигли такого уровня, при котором становится невозможным сохранять тайну существования на земле аванпостов Существ Извне, столь для них необходимых. Чужеродные создания, хотели бы лучше узнать человека, и побудить некоторых духовных и научных лидеров человечества побольше узнать о них. В результате такого обмена информацией все недоразумения прекратятся и будет установлен обоюдодоприемлемый «модус вивенди». Всякое же предположение о порабощении или принижении человечества является просто смехотворной.

В качестве первого шага на пути «улучшения взаимопонимания» Существа Извне, естественным образом, решили прибегнуть к моему опыту — поскольку я о них собрал много информации — и использовать меня в качестве первого их переводчика на Земле. Вчера ночью они многое мне объяснили — факты колоссальной важности, открывающие безграничные горизонты — в дальнейшем мне будет сообщено еще больше, как устно, так и письменно. Меня не приглашали пока совершить путешествие «вовне», хотя я не исключаю такой возможности в будущем, чего искренне желаю, — с использованием особых средств, превосходящих все, к чему мы теперь привыкли и что рассматриваем, как опыт человечества. Дом мой более не будет подвергаться осаде. Все возвращается в нормальное русло, и необходимость держать собак тоже отпадает. Взамен ужаса я получу доступ к колоссальным источникам знания и интеллектуального пиршества, недоступного ни одному из смертных.

Существа Извне являются, по всей видимости, наиболее изумительными органическими творениями в пространстве и времени, как и за пределами их, — представителями населяющей весь космос расы, по отношению к которой все остальные формы жизни представляют всего лишь ее вырожденные ветви. Они в большей степени растения, чем животные, если позволительно применять эти термины к материи, их образующей, и имеют своего рода губчатую структуру; хотя наличие подобной хлорофиллу субстанции и весьма своеобразная пищеварительная система полностью отличают их от настоящих листостебельных грибо-

видных. Тип их строения вообще является совершенно чуждым нашей части космоса — с электронами, обладающими иным уровнем вибрации. Именно поэтому создания такого типа не могут быть запечатлены на обычной фотопленке или фотопластинках, хотя наши глаза в состоянии их увидеть. С другой стороны, любой толковый химик сможет создать фотоэмульсию, способную сохранить их изображение. Существа такого рода обладают уникальной способностью перемещаться в холодном безвоздушном межзвездном пространстве в своем телесном виде, хотя некоторые из подвидов нуждаются в механических приспособлениях или необычных хирургических пересадках. Лишь немногие особи обладают крыльями, сопротивляющимися эфиру, типичными для вермонтских представителей. Внешнее сходство с некоторыми формами животных, равно как и строение, которое мы можем принять за материальное, является следствием скорее параллельной эволюции, чем близкого родства. Способности их мозга превосходят все существующие живые формы, хотя крылатые существа с наших холмов не являются в этом смысле наиболее развитыми. Обычным средством их общения служит телепатия, хотя у них есть рудиментарные вокальные органы, которые после несложной хирургической операции (ибо хирургия для них вещь привычная, и можно сказать — рутинная), могут примерно воспроизводить речь любого существа, который ею владеет.

Их основное нынешнее обиталище — это до сих пор неоткрытая и почти абсолютно неосвещенная планета на самом краю нашей солнечной системы — расположенная за пределами Нептуна и девятая от Солнца по расстоянию. Это, как удалось выяснить, объект, удостоившийся таинственного обращения «Йюггот» в некоторых древних и запретных рукописях; и в скором времени ему предстоит стать средоточием мышления о нашем мире, с целью усиления взаимопонимания. Я не удивлюсь, если астрономы станут особенно подвержены этим потокам мыслей и «откроют» Йюггот, когда Существа Извне того пожелают. Но Йюггот, вне всякого сомнения, лишь промежуточная ступень. Основная масса этих созданий населяет причудливо организованные пучины, находящиеся за пределами самого смелого человеческого воображения. Сфера пространства-времени, которую мы считаем вместилищем всего космоса, на самом деле представляет собой лишь атом в подлинной бесконечности, принадлежащей им. И та часть этой бесконечности, какую только в состоянии вме-

стить человеческий мозг, была постепенно открыта передо мной, как до того было сделано в отношении не более, чем пятидесяти других людей за всю историю существования человечества. Все это покажется вам поначалу бредом, Уилмерт, но со временем вы оцените ту колоссальную возможность, которая передо мной открылась. Я хочу, чтобы вы воспользовались ею вместе со мной, тем более что я должен рассказать вам еще массу вещей, которые не опишешь на бумаге. Раньше я предупреждал, чтобы вы не ездили ко мне. Теперь же, когда мы в безопасности, я с удовольствием снимаю это предупреждение и приглашаю вас.

Можете ли вы приехать сюда до того, как начнется семестр в вашем колледже? Это было бы великолепно. Захватите с собой запись фонографа и все мои письма к вам — они понадобятся нам при обсуждении и помогут воссоздать в целостности эту поразительную историю. Желательно чтобы вы привезли и фотоснимки, потому что я куда-то задевал и фотографии, и негативы в недавней суматохе. Но если бы вы только знали, какой потрясающий материал я хочу присоединить к этим отрывочным и неточным сведениям — и какое изумительное приспособление будет служить основой для моих добавлений!

Не надо долго раздумывать — теперь я свободен от слежки, и вам не угрожает встреча с чем-либо неестественным или пугающим. Приезжайте сразу, и я встречу вас на станции Бреттлборо, куда приеду на машине, — приготовьтесь пробыть у меня подольше, помните, что вас ожидают многие вечера обсуждения таких вещей, которые превосходят все человеческие устремления. Не надо только никому об этом говорить — ибо эта информация не должна, разумеется, стать достоянием нашей испорченной публики.

Железнодорожное сообщение с Бреттлборо хорошее — можете ознакомиться с расписанием в Бостоне. Доезжайте экспрессом до Гринфилда, а затем переседайте, чтобы проделать небольшой отрезок оставшегося пути. Я рекомендую вам сесть на поезд 4:10 вечера из Бостона. Он прибывает в Гринфилд в 7:35, а в 9:19 оттуда идет поезд, прибывающий в Бреттлборо в 10:01. Это по будним дням. Дайте мне знать дату приезда, и я встречу вас с машиной на станции.

Прошу прощения за то, что письмо напечатано на машинке, но мой почерк за последнее время стал, как вы знаете, весьма неровным, и я не в состоянии писать длинные тексты. Эту новую

«Корону» я получил вчера в Бреттлборо — похоже, что она очень хорошо работает.

Ожидаю ответа и надеюсь скоро увидеть вас с записью фонографа и всеми письмами от меня — а также с фотографиями — Остаюсь в ожидании встречи

Ваш Генри У. Эйкели Альберту Н. Уилмерту, эсквайру, Университет Мискатоник

Эркхем, штат Массачусетс».

Чувства мои после прочтения и перечитывания этого странного и непредвиденного письма были настолько смешаны, что это не поддается описанию. Я сказал, что испытал одновременно чувство облегчения и тревогу, но это лишь грубо передает те оттенки моих подсознательных ощущений, которые пронизывали как облегчение, так и тревогу. Начать с того, что это послание находилось в полном противоречии с предшествовавшей цепочкой посланий — смена настроения с дикого ужаса на спокойное благодушие и даже воодушевление была слишком полной и неожиданной, подобно удару молнии! Я с трудом мог поверить, что один-единственный день мог так сильно изменить психологическое состояние того, кто написал недавнее чудовищное изложение событий, происшедших в среду, какие бы благоприятные открытия этот день ни принес. Временами ощущение противоречивости побуждало меня задаваться вопросом, а не была ли вся эта драма фантастических сил, происшедшая вдали от меня, неким полубредом, созданным моим собственным воображением? Но тут я вспоминал о записи фонографа и . чувствовал себя еще более озадаченным.

Менее всего мог я ожидать вот такого письма! Анализируя свои впечатления, я смог выделить в них две совершенно различных фазы. Во-первых, если предположить психическую нормальность Эйкели в данный момент и ранее, то отмеченная перемена в нем представлялась слишком быстрой и невероятной. Во-вторых, собственно манера Эйкели, его установка, его язык изменились также чересчур кардинально. Вся его личность, казалось, подверглась какой-то скрытой мутации — мутации настолько глубокой, что было очень сложно сочетать два его образа, если предполагать, повторяю, что и тогда и теперь он был вменяемым. Подбор слов, стиль — все было как будто несколько иное. Отличаясь академической сензитивностью к особенностям изложения, я легко заметил отклонения в ритмике и характере

построения фраз. Разумеется, эмоциональное потрясение или откровение, вызывающие столь радикальную перемену, должны быть по-настоящему экстремальными! С другой стороны, во многом это было письмо, весьма характерное для Эйкели. Та же старая склонность ссылаться на вечность и бесконечность — та же типично научная дотошность. Я не мог даже на мгновение — по крайней мере, больше, чем на мгновение, — поверить в возможность фальшивки или злостной подмены. Разве приглашение — готовность предоставить мне возможность лично убедиться в истине — не доказывало подлинности письма?

Я не смог заснуть субботней ночью, а потому все время думал о смутных моментах и чудесах, связанных с полученным письмом. Разум, уставший от накопившихся страхов и чудовищных фактов, с которыми он столкнулся за последние четыре месяца, безостановочно работал над этим потрясающим новым материалом, снова и снова проходя циклы колебания и убеждения, уже не раз пережитые при столкновении с прежними сенсациями. Безумен он или нормален, подвергся какой-то метаморфозе или просто испытал облегчение, но похоже было, что Эйкели действительно столкнулся с каким-то невероятным изменением всей перспективы его опасных исследований; изменением, которое полностью устранило чувство опасности — реальной или воображаемой, — и открыло новые головокружительные сферы космического и сверхчеловеческого знания. Моя собственная жажда познать неизведанное ничуть не уступала его стремлениям, и я ощутил, что тоже захвачен ситуацией разрушения загадочного барьера. Сбросить безумные и ограничивающие нас во всем пути пространства, времени и естественных законов, — чтобы обрести связь с потусторонним — приблизиться к бездонным пучинам бесконечности и ее секретам — ради этого, безусловно, стоило рискнуть своей жизнью, своей душой и своим здравым рассудком! Да к тому же Эйкели уверяет, что более нет никаких препятствий, — он сам приглашает меня, в то время как ранее убедительно отговаривал от поездки. При мысли о том, что он может мне сообщить, я просто задрожал от возбуждения — возникло чувство какого-то столбняка от предвкушения того, что я буду сидеть в одиноком и недавно подвергавшемся осаде сельском доме с человеком, который общался с посланцами из открытого космоса; сидеть там с этой ужасной звукозаписью и пачкой писем, в которых Эйкели суммировал свои ранние заключения.



Иллюстрация к «Тень над Инсмутом» в «Arkham House».
Художник — Тони Патрик

Итак, утром в воскресенье я телеграфировал Эйкели, что встречу с ним в Бреттлборо в следующую среду — 12 сентября, если, конечно, эта дата его устраивает. Лишь в одном отношении я не последовал его совету — а именно, в выборе поезда. Честно говоря, мне не хотелось приезжать в эту мрачную местность Вермонта на ночь глядя; а потому я позвонил на станцию и выяснил другие возможности. Встав пораньше и отправившись на поезде 8:07 утра в Бостон, я мог успеть на утренний до Гринфилда в 9:25, который прибывал туда в 12:22. Это давало возможность прибыть в Бреттлборо в 1:08 пополудни, то есть время гораздо более подходящее, чем 10:01 вечера, чтобы встретиться с Эйкели и ехать вместе с ним в район заброшенных, таинственных холмов.

Я сообщил о своем маршруте в телеграмме и был рад получить ответ уже этим вечером, что мой вариант вполне устраивает корреспондента. Его телеграмма гласила:

«УСЛОВИЯ ВПОЛНЕ ПОДХОДЯЩИЕ ВСТРЕЧАЮ ПОЕЗДОМ ОДИН НОЛЬ ВОСЕМЬ СРЕДУ НЕ ЗАБУДЬ ЗАПИСЬ И ПИСЬМА И СНИМКИ СОХРАНИТЕ ЦЕЛЬ ПОЕЗДКИ ТАЙНЕ ОЖИДАЙТЕ ВАЖНЫХ ОТКРЫТИЙ ЭЙКЕЛИ»

Получение этой телеграммы в ответ на мою, посланную Эйкели, и, разумеется, доставленную к нему домой со станции Тауншенд либо официальным посыльным, либо сообщенную по телефону, избавило меня от всяких подсознательных сомнений относительно авторства ошеломляющего письма. Облегчение мое было очевидным, оно было даже сильнее, чем я мог ожидать, — видимо, все мои сомнения были запряваны достаточно глубоко. Однако в эту ночь я спал крепким и спокойным сном, а последующие два дня был занят подготовкой к поездке.

Глава 6

В среду я выехал согласно намеченному графику, захватив с собой саквояж, заполненный всем необходимым в дорогу, научными материалами, включающими запись фонографа, фотоснимки и целую папку с письмами Эйкели. Как было условлено, я никому не сообщил о цели своей поездки, ибо понимал,

что дело требует максимальной секретности, даже если все будет складываться для нас наилучшим образом. Мысль о предстоящем интеллектуальном и духовном контакте с чуждыми, потусторонними существами была ошеломительна даже для моего, подготовленного к этому разума; что же говорить о ее возможном влиянии на огромные массы несведущих дилетантов? Не знаю, что преобладало во мне — страх или ожидание захватывающего приключения, — когда я в Бостоне пересаживался на поезд, идущий на запад сначала через хорошо знакомые мне места, а затем через все менее и менее известные: Уолтхэм — Конкорд — Эйер — Фитчбург — Гарднер — Этхол...

Мой поезд прибыл в Гринфилд с семиминутным опозданием, однако местный в северном направлении еще не отошел. Поспешно пересев на него, я смотрел в окно вагона и с замиранием сердца наблюдал, как поезд пронесится через залитые дневным солнцем местности, о которых я так много читал, но где никогда до сих пор не был. Я знал, что въезжаю на старую и сохранившую свой первозданный облик территорию Новой Англии, в отличие от механизированных и урбанизированных районов юга и побережья, где прошла вся моя жизнь; неиспорченная, древняя земля без иностранцев и фабричных дымов, рекламных щитов и бетонных покрытий, то есть без всех тех признаков современности, которые прижились в остальной части. Здесь ожидаешь увидеть сохранившиеся в неприкосновенности атрибуты местных традиций, жизни, глубокие корни которой полностью выросли в окружающий ландшафт — сохранившегося образа жизни, где еще остались странные древние воспоминания и где почва весьма благоприятна для загадочных, редко упоминаемых верований.

Время от времени я видел голубую реку Коннектикут, сверкающую на солнце, а после Нортфилда мы ее пересекли. Впереди неясно вырисовывались зеленые загадочные холмы, и когда подошел кондуктор, я узнал, что мы, наконец, въехали на территорию Вермонта. Он предложил мне перевести стрелки часов на час назад, поскольку эта область северных холмов не участвовала в использовании режимов летнего и зимнего времени. Выполняя его совет, я как будто почувствовал, что одновременно и календарь переворачиваю на целый век назад.

Поезд ехал совсем рядом с рекой, а на противоположном берегу в Нью-Хэмпшире можно было видеть приближающийся склон крутого Вэнтестикьюта, средоточия многих древних ле-

генд. Слева от меня появились улицы, а справа, в потоке, показался зеленый остров. Люди встали с мест и направились к двери. Я последовал за ними. Вагон остановился, и я увидел внизу длинный перрон станции Бреттлборо.

Оглядев шеренгу ожидающих на стоянке машин, я мгновенно размышлял, какая из них могла быть «Фордом» Эйкели, но мой выбор оказался затруднен одним обстоятельством. Похоже, что меня узнали раньше, чем я проявил инициативу. И в то же время человек, подходивший ко мне с протянутой для рукопожатия рукой, явно не был Эйкели, хотя он и спросил сочным приятным голосом, не я ли мистер Альберт Н. Уилмерт из Эркхема. Человек этот ничуть не походил на бородатого седого Эйкели, каким я видел того на фотоснимке; он был значительно моложе, явно городской житель, модно одетый, с маленькими черными усиками. Его хорошо поставленный голос был мне чем-то знаком, хотя с определенностью припомнить его я не мог.

Пока я его разглядывал, он сообщил, то прибыл сюда из Тауншенда вместо своего друга, мистера Эйкели. С последним, как он объяснил, случился приступ астмы, и он оказался не в состоянии совершить поездку по свежему воздуху. Ничего серьезного, заверил он меня, и это никак не помешает нашим планам. Я не мог сразу понять, насколько мистер Нойес, — так он себя назвал, — был в курсе исследований Эйкели и его открытий, хотя мне показалось, что его небрежная манера выдает человека совершенно постороннего. Припомнив, что Эйкели вел жизнь отшельника, я был несколько удивлен наличием у него такого друга, но мое удивление не помешало мне сесть в машину, на которую он показал. Это оказался вовсе не древний автомобиль, который я ожидал увидеть, вспомнив письма Эйкели, где он его упоминал, а большой и безукоризненно чистый представитель последнего поколения машин — явно собственность Нойеса, с массачусетским номером. Мой проводник, решил я, должно быть, просто на лето приехал в Тауншенд.

Нойес забрался в машину, и мы сразу же тронулись. Я порадовался тому, что мой попутчик не слишком разговорчив, так как необычная напряженность, висевшая в воздухе этим днем, не располагала к общению. В свете дневного солнца городок выглядел очень привлекательным; я успел заметить это, пока мы двигались вниз под уклон и поворачивали направо на главную улицу. Погруженный в полудрему, как все старинные города Новой Ан-

глии, которые помнишь с детства: к тому же что-то в расположении крыш и шпилей, дымовых труб и кирпичных стен трогало струны самых глубоких, связанных с далеким прошлым чувств. Я ощущал себя у порога местности, еще наполовину заколдованной нетронутыми наслоениями прошедших времен: местности, где еще могли случиться странные события из прошлого, которого до сих пор никто не будоражил.

Когда мы выехали из Бреттлборо, моя напряженность и предчувствие чего-то дурного усилились, чему способствовала окружающая нас холмистая местность, с ее громоздящимися, давящими, угрожающими зелеными и гранитными склонами, таящими страшные тайны и сохранившимися с незапамятных времен обитателями, которые могли быть, а могли и не быть угрозой для всего человечества. Некоторое время мы ехали вдоль широкой, но мелководной реки, текущей от неизвестных холмов на севере и носящей название Вест-Ривер. Услышав это название от своего попутчика, я передернулся от страха, потому что вспомнил, что именно в этом потоке, как сообщали газеты, было обнаружено одно из этих чудовищных крабовидных созданий во время злополучного наводнения.

Постепенно местность вокруг становилась все более дикой и пустынной. Старинного вида мосты выглядели из складок холмов, как призраки прошлого, а заброшенная железнодорожная линия, бегущая параллельно реке, казалось, источала явственный аромат запустения. Перед нами возникали яркие картины живописных долин, ще возвышались огромные скалы; девственный гранит Новой Англии, серый и аскетичный, пробивался через зеленую листву, обрамлявшую вершины гор. В узких ущельях бежали ручьи, до которых не достигали лучи солнца и которые несли к реке бесчисленные тайны пиков, куда не ступала еще нога человека. От дороги ответвлялись в обе стороны узкие, едва различимые тропы, прокладывавшие свой путь сквозь густые, роскошные чаши лесов, среди первобытных деревьев которых вполне могли обитать целые армии духов. Увидев все это, я подумал о том, как досаждали Эйкели невидимые обитатели лесов во время его поездок по этой дороге, и понял, наконец, какие чувства он мог тогда испытывать.

Старинная, живописная деревенька Ньюфэйн, которую мы проехали спустя менее часа пути, была нашим послед-

ним пунктом в том мире, который человек мог считать безусловно принадлежащим себе. После этого мы утратили всякую связь с нынешними, реальными и отмеченными временем явлениями и вступили в фантастический мир молчащей нереальности, в котором узкая ленточка дороги поднималась и опускалась, обегая как будто по своей прихоти необитаемые зеленые вершины и почти пустынные долины. Помимо шума нашего мотора и легкого движения, звуки которого доносились от редких одиноких ферм, которые мы проезжали время от времени, единственным звуком, достигавшим ушей, было бульканье странных источников, скрытых в тенистых лесах.

От близости карликовых, куполообразных холмов теперь по-настоящему перехватывало дыхание. Их крутизна и обрывистость превзошли мои ожидания и ничем не напоминали сугубо прозаический мир, в котором мы живем. Густые, нетронутые леса на этих недоступных склонах, казалось, скрывали в себе чуждые и ужасающие вещи, и мне пришло в голову, что и необычная форма холмов сама по себе имеет какое-то странное давным-давно утраченное значение, как будто они были гигантскими иероглифами, оставленными здесь расой гигантов, о которой сложено столько легенд, и чьи подвиги живут только в редких глубоких снах. Все легенды прошлого и все леденящие кровь доказательства, содержащиеся в письмах и предметах, принадлежащих Генри Эйкели, всплыли в моей памяти, усилив ощущение напряженности растущей угрозы. Цель моего визита и все чудовищные обстоятельства, которые были с ним связаны, вдруг обрушились на меня разом, вызвав холодок в спине и почти перевесив мою жажду познать неизведанное.

Мой спутник, по всей видимости, угадал мое настроение, ибо по мере того, как дорога становилась шире и менее ухоженной, а наше продвижение замедлялось и вибрация машины усиливалась, его любезные пояснения становились все более пространственными, превратившись постепенно в непрерывный речевой поток. Он говорил о красоте и загадочности этих мест и обнаруживал знакомство с фольклорными исследованиями моего будущего хозяина. Его вежливые вопросы показывали, что ему известен сугубо научный характер моего приезда, а также то, что я везу важные материалы; но он ни одним словом не намекнул на

знакомство с глубиной и невероятностью истин, которые открылись перед Эйкели.

Манера поведения моего попутчика была столь любезной, бодрой, вполне городской и абсолютно нормальной, что его высказывания, по идее, должны были бы успокоить и подбодрить меня; но, как это ни странно, я лишь все более и более тревожился по мере того, как мы углублялись в первозданную дикость холмов и лесных чащ. Временами мне казалось, что он просто хочет выпытать все, что мне известно о чудовищных тайнах этих мест; к тому же с каждым его словом усиливалось ощущение, смутное, дразнящее и пугающее, что этот голос я где-то слышал. Он был не просто знаком мне, несмотря на мягкую и интеллигентную манеру. Я почему-то связывал его в памяти с какими-то забытыми ночными кошмарами и чувствовал, что сойду с ума, если не вспомню, где я его слышал. Если бы в этот момент подвернулась уважительная причина, ей богу, я отказался бы от своего визите. Но ясно было, что такой причины нет, — и я утешал себя надеждой, что спокойный научный разговор с самим Эйкели поможет мне взять себя в руки.

Кроме того, в космической красоте гипнотического пейзажа, открывавшегося моим глазам, был какой-то странный элемент успокоения. Время, казалось, затерялось в лабиринтах дороги, которые остались позади, и вокруг нас разливались цветущие волны воображения, воскресшая красота ушедших столетий — седые рощи, нетронутые пастбища с яркими осенними цветами, да еще — на больших расстояниях друг от друга — маленькие коричневые строения фермерских усадеб, уютно устроившихся в тени гигантских деревьев посреди ароматов шиповника и лугового мятлика. Даже солнечный свет был здесь каким-то необычно ярким, как будто особая атмосфера существовала специально для этой местности. Мне никогда еще не приходилось видеть ничего похожего, разве что — фоновый пейзаж на полотнах итальянских примитивистов. Содомы и Леонардо передавали подобный простор на своих картинах, но лишь только в далекой перспективе, сквозь сводчатые арки эпохи Возрождения. Теперь мы как бы наяву погружались в атмосферу этих книг, и мне казалось, что я приобретаю то изначально мне знакомое или унаследованное, что я всегда безуспешно пытался найти.

Неожиданно, обогнув поворот, на вершине крутого склона машина остановилась. Слева от меня, по ту сторону ухоженного газона, подходившего к самой дороге и огороженного барьером

из белого камня, стоял двух-с-половиною-этажный дом необычного для этой местности размера и изысканности, с целой группой присоединившихся к нему сзади и справа строений: амбаров, сараев и ветряной мельницы. Я сразу же узнал его, так как видел на фотографии, присланной Эйкели, так что не удивился, заметив его имя на железном почтовом ящике возле дороги. На некотором расстоянии от дома сзади тянулась полоса болот и редколесья, за которой поднимался крутой, густо поросший лесом холм, завершавшийся остроконечной вершиной. Последняя, как я догадался, была вершиной Темной Горы, половину подъема на которую мы только что совершили.

Выйдя из машины и приняв из моих рук саквояж, Нойес предложил подождать, пока он сходит предупредить Эйкели о моем прибытии. Сам он, по его словам, чрезвычайно торопился и не мог задерживаться. Когда он быстрым шагом направился по дорожке к дому, я вылез из машины, чтобы слегка размять ноги перед длинным разговором. Чувство нервозности и напряжения, казалось, вновь достигло максимума теперь, когда я оказался на месте, где происходили страшные события, описанные Эйкели, и, честно скажу, я побаивался предстоящего обсуждения, в ходе которого мне предстояло столкнуться с чуждым и запретным миром.

Близкий контакт с чем-то чрезвычайно необычным чаще ужасает, чем вдохновляет, так что меня вовсе не бодрила мысль о том, что этот участок дороги видел чудовищные следы и зловонную зеленую жижу, найденные после безлунной ночи, ночи ужаса и смерти. С удивлением я обнаружил, что не видно собак Эйкели. Неужели он их продал после того, как Существа Извне заключили с ним мир? Как я ни старался, но не мог ощутить уверенность, в глубине и подлинности этого мира, которые Эйкели пытался представить в своем последнем странно не похожем на предыдущие письме. В конце концов, он был человеком простодушным, не отягощенным большим жизненным опытом и практицизмом. Не было ли каких-либо глубоких и зловещих подводных течений под поверхностью этого нового альянса?

Ведомый своими мыслями, я посмотрел на пыльную поверхность, которая несла на себе столь жуткие свидетельства. Несколько последних дней были сухими, так что самые разнообразные следы испещрили поверхность дороги, несмотря на то, что район этот посещался крайне редко. Из смутного любопытства я стал анализировать свои впечатления, пытаюсь совместить кошмарные образы

с конкретным местом и связанными с ним событиями. Было что-то напряженное и угрожающее в кладбищенской тишине, в приглушенном, еле слышном плеске отдаленных ручейков, в толпящихся вокруг зеленых вершинах и черных лесах, душивших горизонт.

И тут в моем сознании всплыл образ, который сделал все эти смутные угрозы и полеты фантазии совершенно несущественными. Я сказал, что осматривал причудливую сеть отпечатков на дороге с некоторым любопытством — однако в одно мгновение любопытство сменилось неожиданным парализующим ударом подлинного ужаса. Ибо, хотя следы в пыли и были в основном спутанными и накладывались друг на друга, и не могли привлечь случайного взора, но мой неутомимый взгляд уловил определенные детали близ того места, где дорожка к дому соединялась с дорогой, по которой мы ехали: я без всякого сомнения и безо всякой надежды распознал страшное значение этих деталей. Не зря же, в конце концов, я часами изучал фотоснимки, присланные Эйкели, с изображением отпечатков когтей Существ Извне. Слишком хорошо запомнил я эти клешни, и эту неопределенность направления следа, которую нельзя было встретить ни у одного земного существа. Мне не было оставлено ни одного шанса для спасительной ошибки. Вновь, несомненно, перед моими глазами были оставленные не более нескольких часов назад, по крайней мере, три следа, которые явно и богохульственно выделялись из удивительной вязи отпечатков человеческих ног, покрывавших дорожку к дому Эйкели. Это были адские следы живых грибов с планеты Йюггот. Тем не менее я взял себя в руки. Чего, в конце концов, я еще ожидал, если всерьез относился к письмам Эйкели? Он говорил, что установил мир с этими существами. Чего же странного в том, что одно из них посетило его дом? Но ужас, охвативший меня, был сильнее всяких доводов рассудка. Разве кто-нибудь может оставаться спокойным, впервые столкнувшись со следами когтей живого существа, прибывшего из открытых глубин космоса? Тут я увидел Нойеса, выходящего из дверей и приближавшегося ко мне быстрыми шагами. Мне необходимо, сказал я себе, ничем не выдать свое волнение, поскольку друг Эйкели может ничего не знать о глубоком проникновении того в сферу запретного.

Нойес поспешил сообщить мне, что Эйкели рад меня видеть и готов принять, хотя неожиданный приступ астмы не позволяет ему до конца исполнить роль гостеприимного хозяина еще, по крайней мере, день или два. Эти приступы очень сильно отража-

ются на нем, приводя к понижению температуры и общей слабости. Под их воздействием он обычно вынужден говорить шепотом, а также бывает немощен и неуклюж. У него распухли ступни и лодыжки, так что он был вынужден перебинтовать их, как старый англичанин, страдающий подагрой. Сегодня он в неважной форме, так что мне лучше самому спланировать свое время; хотя он жаждет поговорить со мной. Я найду его в кабинете, что слева от центрального входа, — там, где опущены шторы. Когда он болен, то предпочитает обходиться без солнечного света, потому что глаза его слишком чувствительны.

Когда Нойес попрощался со мной и укатил в своей машине на север, я медленно пошел по направлению к дому. Дверь осталась приоткрытой; но прежде, чем подойти к ней и войти в дом, я окинул взглядом весь дом, пытаюсь понять, что мне показалось странным. Амбары и сараи выглядели весьма прозаично, и я заметил потрепанный «Форд» Эйкели в его объемистом неохраняемом убежище. И тут секрет странности открылся мне. Ее создавала полнейшая тишина. Обычно ферму хоть частично оживляют звуки, издаваемые различной живностью. Но здесь всякие признаки жизни отсутствовали, и вот это отсутствие, несомненно, казалось странным.

Я не стал долго задерживаться на дорожке, а решительно открыл дверь и вошел, захлопнув ее за собой. Не скрою, это потребовало от меня определенного усилия, и теперь, оказавшись внутри, я испытал сильнейшее стремление убежать отсюда. Не то, чтобы внешний вид здания был зловещим; напротив, я решил, что созданный в позднем колониальном стиле, он выглядел очень законченным и изысканным и восхищал явным чувством вкуса человека, который его строил. То, что побуждало меня к бегству, было очень тонким, почти неопределенным. Вероятно, это был странный запах, который я почувствовал, хотя для меня был привычным запах затхлости, присущий даже лучшим старинным домам.

Глава 7

Отбросив эти смутные колебания, я, следуя указаниям Нойеса, толкнул окантованную медью белую дверь слева. Комната была затемнена, о чем я был предупрежден; войдя в нее, я почувствовал тот же странный запах, который здесь был явно сильнее. Помимо

этого, чувствовалась слабая, почти неощутимая вибрация в воздухе. На мгновение опущенные шторы сделали меня почти слепым, но тут извиняющееся покашливание или шепот привлекли мое внимание к креслу в дальнем, темном углу комнаты. В окружении этой темноты я разглядел белые пятна лица и рук; я пересек комнату, чтобы поприветствовать человека, пытавшегося заговорить. Как ни приглушено было освещение, я тем не менее догадался, что это действительно мой хозяин. Я много раз рассматривал фотографии, и, без сомнения, передо мной было это строгое, обветренное лицо с аккуратно подстриженной седой бородкой.

Но, взглядываясь, я почувствовал, как радость узнавания смешивается с печалью и тревогой; ибо передо мной было, несомненно, лицо человека очень больного. Мне показалось, что нечто более серьезное, чем астма, скрывалось за этим напряженным, неподвижным лицом, немигающими стеклянными глазами; только тут я понял, как тяжело повлияло на него пережитое. Случившегося было достаточно, чтобы сломать любого человека, и разве любой, даже молодой и крепкий, смог бы выдержать подобную встречу с запретным? Неожданное и странное облегчение, догадался я, пришло к нему слишком поздно, чтобы спасти от серьезного срыва. Зрелище бледных, вялых рук, безжизненно лежащих на коленях, вызвало у меня укол сострадания. На нем был просторный домашний халат, а шея была высоко обмотана ярким желтым шарфом.

Тут я заметил, что он пытается говорить тем же сухим шепотом, каким приветствовал меня. Поначалу было трудно уловить этот шепот, поскольку серые усы скрывали движения губ, и что-то в его тембре сильно меня беспокоило; но, сосредоточившись, я вскоре смог хорошо разбирать его слова. Произношение явно не было местным, а язык отличался даже большей изысканностью, чем можно было предположить по письмам. — Мистер Уилмерт, если не ошибаюсь? Извините, что я не встаю поприветствовать вас. Видимо, мистер Нойес сказал, что я неважно себя чувствую; но я не мог не принять вас сегодня. Вам известно содержание моего последнего письма — но у меня есть еще многое, что я хотел бы сообщить вам завтра, когда буду получше себя чувствовать. Не могу выразить, как приятно мне лично познакомиться с вами после нашей переписки. Надеюсь, вы захватили с собой письма? А также звукозаписи и фотографии? Ноейс оставил ваш саквояж в прихожей — вы, наверно, заметили. К сожалению, нам придется

отложить разговор, так что сегодня вы можете располагать своим временем. Ваша комната наверху — прямо над этой, а ванная возле лестницы. Обед для вас оставлен в столовой — через дверь направо — можете воспользоваться им в любое время. Завтра я смогу проявить большее гостеприимство, а сейчас, прошу извинить, чувствую себя слишком слабым. Будьте, как дома, — можете оставить письма, запись фонографа и фотографии здесь, на столе, прежде чем подниметесь к себе наверх. Мы с вами обсудим все это здесь — видите, в углу находится фонограф.

Благодарю вас, но ваша помощь не потребуется. Эти приступы уже давно мучают меня, так что я привык к ним. Загляните ко мне ненадолго перед сном. Я ночую здесь; я часто так делаю. Утром мне наверняка будет лучше, так что мы сможем с вами заняться нашими делами. Вы, конечно, понимаете, что мы столкнулись с проблемой колоссальной важности. Нам, единственным на земле, открылись бездны пространства, времени и знания, превосходящие все, что до сих пор было доступно науке и философии человечества.

Знаете ли вы, что Эйнштейн был неправ и что существуют объекты, способные перемещаться со скоростью, превышающей скорость света? Существуют также способы перемещения вперед и назад во времени, так что можно увидеть и ощутить прошлое и будущее. Вы и представить себе не можете, до какой степени ушли вперед эти существа в области научных знаний. Для них нет буквально ничего невозможного в области манипуляции с сознанием и телом живого существа. Я надеюсь совершить путешествие на другие планеты и даже на другие звезды и в другие галактики. Первым будет посещение планеты Йюггот, ближайшего из миров, населенного этими существами. Это странная темная сфера на самом краю солнечной системы, до сих пор неизвестная нашим астрономам. Но я писал вам об этом. Настанет день, когда оттуда будет направлен на нас управляемый поток сознания, и планета в результате будет открыта людьми — или же один из их союзников здесь даст намек ученым.

Там, на Йюгготе, имеются огромные города -гигантские многоярусные сооружения из черного камня, подобного тому образцу, который я пытался вам послать. Он попал сюда с Йюггота. Солнце на этой планете светит не ярче звезд, но тамошние обитатели не нуждаются в свете. Они обладают иными, более тонкими органами чувств и не делают окон в своих гигантских домах и башнях. Наоборот, свет приносит им вред и мешает им,

поскольку его нет в черных глубинах космоса по ту сторону пространства времени, где они обитают и откуда они явились. Посещение Йюггота свело бы с ума любого слабого человека — и тем не менее я туда отправлюсь. Черные смоляные реки, текущие под загадочными циклопическими мостами, — построенными еще более древней расой, изгнанной и забытой прежде, чем нынешние создания пришли на Йюггот из пучин бесконечности, — превратили бы любого человека в нового Данте или По, если только он сохранил рассудок, чтобы описать увиденное.

Но поверьте — тамошний темный мир грибных садов и городов без единого окна не столь ужасен, как может показаться. Только наше восприятие способно увидеть его кошмаром. Возможно, и для этих созданий тот мир представлялся ужасным, когда они прибыли туда в незапамятные времена. Они были здесь задолго до окончания сказочной эпохи Ктулху и помнят скрывшийся под водами Р'льех, когда он еще возвышался над океаном. Они были и внутри этой земли — есть такие отверстия в земной коре, о которых людям ничего не известно, — в том числе и здесь, в холмах Вермонта, — а в них великие неизведанные миры непознанной жизни; залитый голубым светом К'н — ян, залитый красным светом Йотх, и черный, лишенный света Н'кай. Именно из Н'кая явился ужасающий Тсатхоггуа — это, знаете ли, бесформенное, жабоподобное божье создание, упоминающееся в «Некрономиконе» и цикле легенд «Комморион», сохраненным для нас первосвященником Атлантиды по имени Кларкаш-Тон.

Но об этом мы с вами поговорим позже. Сейчас уже, наверное, четыре или уже пять часов. Давайте-ка принесите все, что вы привезли, потом сходите перекусить и возвращайтесь для обстоятельной беседы.

Я медленно повернулся и повиновался хозяину; принес свой саквояж, открыл его и выложил на стол привезенные материалы, а потом поднялся в комнату, отведенную для меня. В сочетании со следами когтей, увиденными мною на дороге, слова, которые прошептал мне Эйкели, оказали на меня причудливое воздействие, а отзвуки знакомства с неизвестным миром грибовидных — запретным Йюгготом — вызвали у меня на теле мурашки, чего я, признаться, не ожидал. Я очень сожалел о болезни Эйкели, но должен признаться, что его хриплый шепот вызывал не только сочувствие и жалость, но и ненависть. Если бы он не так торжествовал по поводу Йюггота и его темных секретов!

Отведенная мне комната оказалась очень уютной и хорошо мебелированной, лишенной как неприятного затхлого запаха, так и раздражающей вибрации воздуха; оставив там саквояж, я спустился вниз, поблагодарил Эйкели и отправился в столовую, чтобы съесть оставленный для меня ланч. Столовая находилась по ту сторону от кабинета, и я увидел, что кухонная пристройка расположена в том же направлении. На обеденном столе находилось несколько сэндвичей, кекс, сыр, а рядом с чашкой и блюдцем меня ждал термос с горячим кофе. Плотно закусив, я налил себе большую чашку, но обнаружил, что здесь качество не соответствовало кулинарным стандартам. Первая же ложечка оказалась со слабым привкусом кислоты, так что я больше не стал пить. Во время всего ланча меня не покидала мысль об Эйкели, сидевшем в темноте соседней комнаты, в глубоком кресле. Я даже заглянул туда, предложив ему тоже съесть что-нибудь, но он прошептал, что еще не может есть. Позднее, сказал он, перед сном я выпью молока с солодом — и это будет все на сегодня.

После ланча я вымыл посуду в раковине на кухне — вылив туда кофе, которому я не смог отдать должное. Вернувшись после этого в темную комнату, я придвинул кресло к своему хозяину и приготовился выслушать все, что он сочтет нужным мне сообщить. Письма, фотографии и запись все еще лежали на большом столе в центре комнаты, но пока что мы к ним не обращались. Вскоре я перестал обращать внимание даже на непривычный запах и странное ощущение вибрации.

Я сказал уже, что в некоторых письмах Эйкели — особенно во втором письме, наиболее обширном, — были такие вещи, которые я не решаюсь повторить или даже записать на бумаге. Это в еще большей степени относится к тому шепоту, который я выслушал тем вечером в темной комнате в доме, стоявшем близ одиноких холмов. Я не могу даже намекнуть на безграничность космического ужаса, открытую мне этим хриплым голосом. Он и ранее знал много чудовищного, но то, что он узнал теперь, заключив мир с Существами Извне, было чрезмерным бременем для нормальной психики. Даже и теперь я полностью отказываюсь поверить в то, что он говорил о формировании первичной бесконечности, о наложении измерений, об угрожаемом положении наших космических пространства и времени в бесконечной цепи связанных космосов-атомов, которые образуют ближай-

ший супер-космос кривых, углов, а также материальной и полуматериальной электронной структуры.

Никогда еще психически нормальный человек не оказывался в такой близости к тайне бытия — никогда еще органический мозг не был ближе к аннигиляции в хаосе, который полностью переступает все пределы формы, энергии и симметрии. Я узнал, откуда впервые пришел Ктулху и почему с тех пор засияла половина великих звезд истории. Я догадался — по намекам, которые даже мой хозяин делал с паузами, — о тайнах Магеллановых Облаков и шаровидных туманностей, черной истине, скрытой за древней аллегорией Тао. Была полностью раскрыта тайна Доэлей, и мне стала известна сущность (хотя и не источник происхождения) Псов Тиндалоса. Легенда о Йиге, Отце Змей, уже перестала быть метафорической, и я стал испытывать отвращение, узнав о чудовищном ядерном хаосе по ту сторону искривленного пространства, которое в «Некрономиконе» было скрыто под именем Азатхотха. Было шокирующим переживанием присутствовать при снятии покровов тайны с кошмаров древних мифов, которые, будучи изложены в конкретных понятиях, своей ненавистностью превзошли самые дерзкие предсказания античных и средневековых мистиков. С неизбежностью я был подведен к мысли, что первые, кто прошептал эти страшные сказки, должно быть, имели контакты с Сущностями Извне и, вероятно, посетили космические сферы, которые теперь предложено посетить Эйкели.

Мне было сообщено о Черном камне и о том, что он обозначает, после чего я искренне порадовался, что камень ко мне не попал. Мои догадки относительно иероглифов на камне оказались правильными. Несмотря на все это, Эйкели заключил мир с дьявольской силой; мало того — жаждал заглянуть еще глубже в ее чудовищные пучины. Я поинтересовался, с кем из потусторонних существ беседовал он после его последнего письма ко мне, и много ли среди них было столь же близких к человеческому роду, как тот первый посланец, которого он упомянул. Ощущение напряжения в голове у меня стало нестерпимым, и мне приходили на ум самые дикие мысли относительно странного, устойчивого запаха и странных вибраций в темной комнате.

Приближалась ночь, и, припомнив рассказы Эйкели о прежних ночах, я задрожал, подумав, что сегодня ночь будет безлунной. Не нравилось мне и то, что дом находился

вблизи от заросшего лесом крутого склона, ведущего к необитаемой вершине Темной Горы. С разрешения Эйкели я зажег маленькую лампу, прикрутил ее, так что она светила еле-еле, и поставил на книжную полку рядом с бюстом Мильтона, похожим на привидение; потом я, однако, об этом пожалел, потому что свет лампы сделал лицо моего хозяина, и без того напряженное, неподвижное, а также его безвольно лежащие на коленях руки, похожими на лицо и руки покойника. Похоже было, что он совершенно не в силах шевельнуться, хотя несколько раз я заметил, как он кивает головой.

После всего им сказанного оставалось недоумевать, какие важные секреты он оставил на завтра; однако, в конце концов, стало ясно, что темой завтрашнего разговора будет его путешествие на Йюггот и по ту сторону от него — и мое собственное возможное участие в путешествии. Его, по всей видимости, позабавило чувство ужаса, которое я испытал, услышав предложение о путешествии через космические просторы, ибо голова его сильно затряслась, когда мой страх стал очевидным. Затем он очень мягко объяснил, как человеческие существа могут совершить — и уже несколько раз совершали — на первый взгляд совершенно невероятный перелет через межзвездное пространство. Насколько я понял, человеческое тело целиком не совершало этого полета, дело в том, что потрясающий уровень хирургических, биологических, химических и механических возможностей Существ Извне позволил им найти способ перемещать человеческий мозг без сопутствующей физической субстанции.

Существовал безболезненный способ извлечения мозга и сохранения органического остатка в живом состоянии во время его отсутствия. Обнаженное мозговое вещество помещалось затем в периодически пополняемую жидкость внутри непроницаемого для эфира цилиндра, изготовленного из металла, который добывали только на планете Йюггот. Через систему электродов, помещенных в вещество мозга, и соединенных с хитроумной аппаратурой, удавалось воспроизвести функции зрения, слуха и речи. Для крылатых грибовидных существ перемещение этих металлических цилиндров через космос не представляло никакой сложности. На каждой из планет, принадлежащей к их цивилизации, они могли использовать многочисленные стационарные приборы, способные к взаимодействию, с герметически закры-



*«Величайший ужас земли — кошмарный город-труп Р'льех,
построенный в доисторические времена гигантскими
отвратительными созданиями, спустившимися с темных звезд.
Там ежит Великий Ктулху и его несметные полчища,
укрытые в зеленых и лиственных усыпальницах»*

(Г. Ф. Лавкрафт)

тым мозгом. В результате, после небольшой настройки, эти перемещенные интеллекты могли вновь обрести полную способность к сенсорной деятельности и артикуляции — причем на любом эта пе их перемещения через континуум пространства-времени и за его пределами. Это было для них не сложнее, чем перевезти запись звука и воспроизвести ее в любом месте, где имеется фонограф соответствующей конструкции. Надежность процесса не подлежала сомнению. Поскольку это путешествие совершалось многократно, у Эйкели не было оснований бояться перелета.

Тут в первый раз за весь вечер одна из вялых, тощих рук указала на дальнюю стену комнаты, где находилась высоко расположенная полка. На этой полке в ровном ряду стояло более дюжины цилиндров из металла, подобного которому я ранее никогда не встречал, — цилиндры эти были высотой примерно в фут и несколько меньшего диаметра с тремя углублениями, расположенными в форме равностороннего треугольника на выпуклой передней поверхности. Один из цилиндров был соединен через два углубления или гнезда с двумя же странного вида приборами, стоявшими внизу. Мне уже не нужно было объяснять их предназначение, и меня стал бить озноб, как при малярийной лихорадке. Потом рука указала на ближний угол, где также располагались какие-то сложные приборы с присоединенными к ним проводами и штекерами, некоторые из них были похожи на два устройства, стоявшие на полке за цилиндрами. — Перед вами четыре типа приборов, Уилмерт, — вновь зазвучал шепот. — Четыре типа — по три функции каждый — всего дает двенадцать единиц. В этих цилиндрах наверху представлено четыре вида различных существ. Трое из них — люди, шестеро — грибовидные существа, которые не могут телесно перемещаться в космосе, двое — существа с Нептуна (Господи! Если бы вы только видели, какие у них тела на своей планете!), Остальные же происходят из центральных пещер одной темной звезды, лежащей по ту сторону Галактики. На главном аванпосту внутри Круглого Холма вы можете обнаружить другие цилиндры и приборы — цилиндры внекосмических веществ мозга, органы чувств у которых отличны от наших, — это союзники и исследователи из самых дальних пределов, расположенных Извне — и специальные приборы, предназначенные для того, чтобы их восприятие и возможности выражения устраивали как их самих, так и их слушателей. Круглый холм, как большинство из аванпостов, используемых суще-

ствами в разных частях Вселенной, представляет собой крайне космополитическое место. Разумеется, мне для экспериментов были переданы только представители самых простых типов.

Теперь возьмите вот эти три прибора, на которые я указываю, и поставьте их на стол. Вон тот высокий с двумя стеклянными линзами на передней части — потом ящик с электронными лампами и резонатором — и еще вон тот с металлическим диском наверху. А теперь цилиндр с этикеткой «Б-67», видите? Подставьте этот виндзорский стул, чтобы дотянуться до полки. Тяжелый ли? Не беспокойтесь! Не перепутайте этикетку — «Б-67». Не заденьте тот новенький, блестящий цилиндр, который присоединен к двум измерительным инструментам — тот, что с моим именем на этикетке. Так, поставьте теперь «Б-67» на стол рядом с приборами — и установите вот этот переключатель на всех трех приборах в крайнее левое положение.

Сейчас соедините провод от прибора с линзами с верхним гнездом цилиндра — да, вот так! Присоедините теперь таким же образом прибор с электронными лампами к левому гнезду, а прибор с диском к внешнему гнезду. А теперь переместите все указатели приборов в крайнее правое положение — сначала у того, что с линзами, потом — с диском, а потом — с лампами. Так, хорошо. Я должен вам сказать, что перед вами здесь одно из человеческих существ. Такое же, как и любой из нас. Некоторых других я покажу вам завтра.

До сих пор не могу понять, почему я так покорно подчинялся шепоту, и еще — кем я тоща считал Эйкели — психически нормальным или безумцем. После происшедшего я, кажется, должен был бы ко всему приготовиться; однако этот механический балаган столь напоминал причуды сумасшедших изобретателей или ученых-маньяков, что у меня возникли сомнения более сильные, чем даже те, что вызвал предшествовавший разговор. То, что сообщил шепчущий, лежало далеко за пределами всех человеческих знаний и верований, — однако разве другие вещи, еще более выходящие за указанные пределы, не выглядят менее абсурдными только потому, что не предполагают конкретных вещественных доказательств?

Пока мой разум метался в творящемся хаосе, я уловил скрип и жужжание от всех трех приборов, присоединенных к цилиндру, — скрип и жужжание, которые вскоре ослабли до полной бесшумности. Что должно было произойти? Или мне предстояло

услышать голос? А если так, то как мне можно было убедиться, что все это — не хитроумное приспособление, в которое говорит спрятанный человек? Даже сейчас я не могу с уверенностью сказать, что же я услышал или что там на самом деле происходило. Но что-то определенно происходило.

Чтобы быть кратким, скажу только, что машина с лампами и громкоговоритель начали говорить, причем по содержанию речи стало очевидным присутствие говорящего и его возможность нас видеть. Голос был громким, безжизненным, металлическим и механическим во всех своих проявлениях. В нем не было никакого намека на интонацию или выразительность, и он дребезжал и скрипел с чрезвычайной четкостью и неторопливостью.

— Мистер Уилмерт, — произнес голос, — надеюсь, что не испугал вас. Я — такое же человеческое существо, как и вы, но тело мое в данный момент находится в безопасности внутри Круглого Холма, примерно в полутора милях к востоку отсюда — оно подвергается сейчас требуемому оживляющему воздействию. Сам же я здесь, слышу и говорю при помощи этих электронных вибраторов. Через неделю я отправляюсь через пространство, как уже много раз делал до этого, и надеюсь, что мистер Эйкели составит мне приятную компанию. Я хотел бы и вас видеть рядом, ибо мне известны ваши взгляды и ваша репутация, а кроме того, я хорошо знаком с вашей перепиской. Я являюсь, как вы, разумеется, догадались, одним из союзников Существ Извне, которые посещают нашу планету. Впервые я встретился с ними в Гималаях и там оказал им некоторые услуги. В ответ они дали мне возможность испытать то, что мало кому из людей когда-либо приходилось испытывать.

Вы можете себе представить, что я побывал на тридцати семи различных небесных телах — планетах, темных звездах, а также менее определенных объектах — включая восемь, находящихся за пределами нашей галактики, а два — вообще, по ту сторону искривленного космоса пространства и времени. Все это не причинило мне ни малейшего вреда. Мозг мой был отделен от моего тела при помощи столь искусных разрезов и сечений, что назвать это хирургической операцией было бы слишком грубо. Прилетающие существа обладают методами, позволяющими так искусно отделять мозг от тела, что тело не стареет, когда из него извлечен мозг. Добавлю, что с применением аппаратуры мозг становится практически бессмертным, необходимо только периодически менять раствор, в котором он сохраняется.

В общем, я искренне надеюсь, что вы решитесь на это путешествие вместе со мной и мистером Эйкели. Пришельцы жаждут знакомства со знающими людьми, такими, как вы, чтобы показать им величайшие первозданные пучины, которые мы могли разве что воображать по своему невежеству. Первая встреча с этими существами может вас озадачить, но я не сомневаюсь, что вы будете выше этого. Я думаю, что мистер Нойес тоже отправится с нами — это тот, кто привез вас сюда в своей машине. Он уже несколько лет с нами — думаю, что вы узнали его голос по той записи, которую прислал вам мистер Эйкели.

Тут говорящий сделал небольшую паузу, отреагировав на то, как я вскочил с места, а затем продолжил.

— Итак, мистер Уилмерт, оставляю решение на ваше усмотрение; добавлю лишь, что человек с вашей любовью ко всему необычному, интересом к фольклору не может пропустить такой шанс. Вам абсолютно нечего бояться. Все перемещения производятся безболезненно, более того — есть особого рода наслаждение в полностью механизированном состоянии органов чувств. Когда же электроды отключены, то вы просто погружаетесь в сон, полный ярких фантастических видений.

А теперь, если не возражаете, мы прервем наш разговор до завтрашнего утра. Доброй ночи — пожалуйста, отключите все эти тумблеры, верните их в левое крайнее положение; порядок не имеет значения, хотя лучше, если прибор с линзами вы отключите последним. Доброй ночи, мистер Эйкели, — прошу вас, отнесите к нашему гостю с максимальным уважением! Ну, что, готовы выключить?

Я механически подчинился и выключил все три тумблера, хотя меня раздирали сомнения по поводу всего происходящего. Моя голова все еще кружилась, когда я услышал шепот Эйкели, который попросил меня оставить все приборы на столе. Он никак не прокомментировал случившееся здесь, да и вряд ли какой-либо комментарий мог быть воспринят моим перегруженным сознанием. Я услышал, как он предложил мне взять в свою комнату лампу и заключил тем, что ему хочется теперь побыть одному в темноте. Пора было отдыхать, ибо его дневной и вечерний монологи утомили бы и совершенно здорового человека. Все еще ошарашенный, я пожелал хозяину доброй ночи и стал подниматься по лестнице, держа в руке лампу, хотя в кармане у меня лежал превосходный фонарик.

Я был рад покинуть этот кабинет, с его странным запахом и смутным ощущением вибрации, и в то же время никак не мог отрешиться от кошмарного ощущения страха, загадочности и космической аномальности происходившего в комнате, из которой только что вышел, и столкновения с невиданной силой. Дикая, пустынная местность; темный, таинственный, поросший лесом склон, подошедший так близко к дому; следы на дороге; болезненный, неподвижный хозяин дома, шепчущий во тьме; дьявольские цилиндры и приборы, и в довершение всего — приглашение подвергнуться невероятной хирургии и совершить немыслимое путешествие — все это, столь неожиданное и многочисленное, обрушилось на меня с нарастающей силой, которая подорвала мою волю и, похоже, физическое здоровье.

Особенно шокирующим оказалось то обстоятельство, что мой добровольный гид Нойес был участником чудовищного древнего ритуала, шабаша, зафиксированного фонографом, хотя я с самого начала почувствовал что-то смутно знакомое в его голосе. Другим шоком было мое отношение к хозяину, поражавшее меня всякий раз, когда я пытался его анализировать; потому что, насколько я испытывал симпатию к нему раньше, по его письмам, настолько отталкивающее впечатление произвел он на меня сегодня. Казалось бы, его болезнь должна была вызвать у меня сострадание; но вместо этого меня охватила дрожь ужаса. Он был таким безжизненным, малоподвижным, похожим на труп — а этот беспрестанный шепот был таким ненавистным и нечеловеческим!

Мне пришло в голову, что этот шепот отличался от всего, что мне когда-либо приходилось слушать; что, несмотря на удивительную неподвижность губ шепчущего, прикрытых усами, в нем была некая скрытая сила и мощь, удивительная для сдавленной речи астматика. Я мог разобрать все слова говорящего, сидя в другом конце комнаты, а пару раз мне показалось, что слабые, но всепроникающие звуки его речи отражали не столько слабость, сколько умышленное подавление силы — причины этого были мне неясны. С самого начала в тембре голоса обнаружилось что-то раздражающее. Теперь, когда я пытался в этом разобраться, мне показалось, что сложившееся впечатление аналогично тому, которое сделало голос Нойеса таким смутно зловещим для меня. Но где или когда я с ним сталкивался, по-прежнему оставалось загадкой.

Одно было совершенно ясно — я не хотел бы провести здесь еще одну ночь. Моя жажда знаний улетучилась, растворившись

в ужасе и отвращении, и теперь у меня было лишь единственное желание — побыстрее убежать из этой паутины болезненности и противоестественных откровений. Того, что я узнал, было для меня вполне достаточно. По всей видимости, странные космические контакты имели место в действительности, — но нормальному человеку, безусловно, не стоило с ними связываться.

Богохульство как будто обступило меня со всех сторон и невыносимо давило на все мои чувства. Я понял, что заснуть в эту ночь мне не удастся; я просто погасил лампу и лег на постель прямо в одежде. Это было, конечно, абсурдно, но я готовился к любой неожиданности, сжав в правой руке захваченный на всякий случай револьвер, а в левой — свой карманный фонарик. Снизу не было слышно ни звука, и я представлял себе, что мой хозяин сидит в кресле, как мертвец, в жесткой неподвижности, окруженный тьмой.

Откуда-то доносилось тиканье часов, и нормальность этого звука порождала во мне смутное чувство признательности. Однако этот звук напоминал мне еще одно обстоятельство, которое внушало тревогу, — полное отсутствие признаков животных, а теперь я осознал, что и привычные шумы дикой природы тоже совершенно отсутствовали. Если не считать зловещего плеска отдаленных вод, тишина создавала впечатление аномальности происходящего — межпланетарную пустоту — и я задался вопросом — какая неясная порча, порожденная далекими звездами, обрушилась на эту местность. Я припомнил из старых легенд, что собаки и другие животные всегда ненавидели Существ Извне, подумал о том, что же могли значить те следы на дороге.

Глава 8

Не спрашивайте меня, сколько длилось мое забытие и что из последовавшего было просто сном. Если я скажу, что временами просыпался, что-то слышал или видел, вы ответите, что это мне тоже только снилось и что все случившееся дальше было сном вплоть до момента, когда я выбежал из дома, добрался до сарая, в котором увидел старый «форд», забрался в него и начал безумную, бесцельную гонку по холмистой местности, которая, в конце концов, вывела меня — после многочасового блуждания по пугающим лесным лабиринтам — в деревню, оказавшуюся Тауншендом.

Вы, наверняка, не склонны будете доверять и всем остальным деталям моего рассказа: скажете, что все фотографии, звукозаписи, цилиндры, разговаривающие при помощи приборов, и тому подобные доказательства есть не что иное, как чистой воды обман со стороны исчезнувшего Генри Эйкели, самая настоящая мистификация. Вы можете даже намекнуть, что он сговорился с другими чудаками, чтобы осуществить эту глупую, но изощренную мистификацию, — что он сам организовал инцидент в Киине, когда с поезда сняли посылку с черным камнем, и что он подговорил Нойеса сделать ту чудовищную запись на восковом валике. Однако остается странным, что Нойеса так никогда и не обнаружили; что он оказался неизвестным во всех деревнях близ дома Эйкели, нигде его не знали, хотя он часто бывал в этих местах. Я хотел бы прекратить попытки вспомнить номер его автомобиля — а может быть, лучше, что я и не вспомнил. Ибо я, что бы вы там ни говорили и что бы сам я ни говорил себе, знаю, что зловещие создания Извне должны скрываться где-то в области малоизученных холмов и что существа эти имеют своих шпионов и посланцев среди людей. Держаться подальше от этих существ и их посланцев — вот все, чего бы мне хотелось в дальнейшей жизни.

Когда мой безумный рассказ побудил шерифа послать отряд к дому, Эйкели исчез безо всякого следа. Его просторный халат, желтый шарф и ножные бинты лежали на полу в кабинете рядом с его изящным креслом, причем нельзя было понять, что еще из одежды пропало вместе с ним. Собаки и скот действительно отсутствовали, а на стенах дома и внутри его имелись необычные следы пуль; однако, помимо этого, ничего необычного обнаружено не было. Ни цилиндров, ни приборов, ни тех доказательств, которые я привез с собой в саквояже, ни странного запаха, ни вибраций, ни следов на дороге, ничего загадочного, на что я обратил внимание в последний момент.

Неделю, последовавшую за моим бегством, я провел в Бреттлборо, расспрашивая самых разных людей, которые знали Эйкели, и убедился, что все случившееся не есть плод иллюзий или сна. Станные закупки собак и боеприпасов, а также химикатов, которые осуществлял Эйкели, разрезания его телефонных кабелей, которые были записаны; вместе с тем все, кто его знал, — включая сына в Калифорнии — настаивали, что его отрывочные высказывания по поводу своих странных исследований были весьма последовательны. Солидные люди считали его сумас-

шедшим и, не раздумывая, заявляли, что все собранные доказательства являются лишь мистификациями, сфабрикованными с изощренностью безумца и, возможно, поддерживали его сообщения во всех деталях. Он показывал кое-кому из этих простых деревенских жителей фотографии и черный камень и даже давал прослушивать ужасающую звукозапись; и все до единого твердо сказали, что следы и жужжащий голос были точно такими же, как описывали старинные легенды.

Они подтвердили также, что возле дома Эйкели все чаще и чаще можно было видеть и слышать что-либо подозрительное после того, как он обнаружил черный камень, и что это место теперь избегают все, кроме почтальона и случайных людей. Темная Гора и Круглый Холм были давно уже печально знамениты, как места, посещаемые призраками, так что мне не удалось найти людей, которые когда-либо тщательно осматривали хоть одно из этих мест. Случавшиеся время от времени исчезновения местных жителей в истории этого района были тщательно зафиксированы, среди них значилось исчезновение полубродяги Уолтера Брауна, о котором неоднократно упоминал Эйкели в своих письмах. Я даже встретил одного фермера, утверждавшего, что он своими глазами видел одно из странных мертвых тел во время наводнения в потоке вспученной Уест-Ривер, однако рассказ его был слишком путаным, чтобы относиться к нему серьезно.

Покидая Бреттлборо, я решил никогда больше не возвращаться в Вермонт и в тот момент был уверен, что решение мое окончательное. Эти дикие холмы и в самом деле были аванпостом наводящей страх космической расы — в чем я уже почти не сомневался после того, как прочитал сообщение об открытии девятой планеты за пределами Нептуна, что было предсказано пришельцами. Астрономы, даже не подозревая сами, насколько зловеще точными они оказались, назвали эту планету Плутон. Я понимал, что это — не что иное, как Йюггот — мрачный, как ночь, — и меня охватывала дрожь при попытках понять, почему ее чудовищные обитатели желали открытия своей планеты именно таким образом и именно в это время. Я безуспешно старался убедить себя, что демонические создания не намерены совершить нечто враждебное по отношению к Земле и ее обитателям.

Но я еще не рассказал вам, чем же закончилась та ужасная ночь в сельском доме. Как я упомянул, в конце концов, меня захватил в свои объятия тревожный сон; дремота, переполненная

обрывками сновидений, в которых передо мной являлись чудовищные пейзажи. Что именно разбудило меня, я не могу еще сказать, но то, что в какой-то момент я действительно проснулся, не подлежит сомнению. Первое смутное впечатление состояло в том, что мне слышались крадущиеся шаги за моей дверью, скрип половиц и неуключие попытки справиться с дверным замком. Это, однако, очень быстро прекратилось; а затем очень явственно донеслись до меня голоса снизу, из кабинета. Там, по всей видимости, было несколько говоривших, причем чувствовалось, что между ними идет спор.

Прислушавшись несколько секунд, я полностью стряхнул с себя сон, ибо голоса были такие, что помышлять о продолжении ночного отдыха было совершенно невозможно. Интонации говоривших были различными, но тот, кто хоть раз слушал эту проклятую запись фонографа, ничуть не сомневался бы в происхождении и принадлежности, по крайней мере, двух из них. Как ни чудовищна была эта мысль, но я понял, то нахожусь под одной крышей с безымянными существами из пучин космоса; ибо эти два голоса, несомненно, представляли собой дьявольское жужжание, которое использовали Существа Извне в своих разговорах с людьми. Голоса эти были разными — они отличались по высоте, темпу и интонации, — но это были те самые проклятые голоса.

Третий голос, безусловно, шел от машины, которая соединялась с одним из изолированных веществ мозга, содержавшимся в цилиндре. Отличить его можно было даже яснее, чем жужжание пришельцев; громкий; металлический, безжизненный голос, который я слышал накануне вечером, с его безликой, лишенной всякой интонации, скрипучей манерой был незабываемым. Я не пытался задаться вопросом, был ли он идентичен тому самому, который я слышал вечером, потому что понял, что любой мозг будет продуцировать вокальные тона одинакового характера, будучи присоединенным к тому же самому прибору; единственные отличия могли касаться языка, ритма, скорости и произношения. В довершение картины были слышны два подлинных человеческих голоса: один — грубый голос неизвестного мне и, без всякого сомнения, местного жителя; в другом я без труда узнал мягкие бостонские нотки моего давешнего гида, мистера Нойеса.

По мере того, как я пытался разобрать слова, которые массивный пол моей комнаты столь надежно глушил, я уловил также шум, шарканье и скрипы в той комнате, где собрались говорив-

шие; это не позволяло избавиться от впечатления, что кабинет переполнен живыми существами — их, по всей видимости, было куда больше, чем позволяли предположить голоса. Истинную природу царившего там возбуждения и шума описать трудно, ибо не с чем было сравнить происходящее. По комнате передвигались какие-то предметы, причем словно они были разумными существами; звук их шагов был подобен тяжелому топоту — как будто по полу тяжело и неуклюже шатались плохо скоординированные создания из твердой резины или роговой массы. Если применить более конкретное, но менее точное сравнение, — как будто люди в разбитых деревянных ботинках не по размеру ковыляли и топали на полированном полу. Я даже не пытался представить себе происхождение и внешний вид тех, кто издавал эти звуки.

Вскоре я понял, что разобрать что-то связанное в происходившем разговоре мне не удастся. Отдельные слова — включая имя Эйкели и мое — звучали время от времени довольно разборчиво, особенно когда их произносил механический голос; однако подлинное значение их оставалось неясным. И по сей день я не могу вывести определенного связанного содержания из услышанного, а страх, порожденный ими, был скорее внушенным, чем открывшимся в результате ужаснувшего меня откровения. Леденящий кровь конклав собрался там, внизу, понимал я; но что именно обсуждалось — было загадкой. Любопытно, что меня охватило ощущение безусловного святотатства и гибельности происходящего, вопреки уверениям Эйкели о дружелюбии Существ Извне.

Терпеливо прислушиваясь, я, наконец, начал отличать голоса друг от друга, хотя еще не в силах был схватить суть произносимого внизу. Однако мне удалось, насколько я понял, уловить эмоции, владевшие основными участниками обсуждения. Один из жужжащих голосов, несомненно, принадлежал носителю каких-либо властных полномочий, поскольку в нем слышались нотки авторитарности; механический же голос, несмотря на свою громкость и регулярность, явно принадлежал носителю подчиненной позиции, в нем была даже мольба. В голосе Нойеса звучали примирительные оттенки. Что касается других участников, то тут я не решался сделать предположения. Я не расслышал уже знакомый мне шепот Эйкели, но это меня не удивило, поскольку столь слабый звук ни за что не проник бы через массивный пол моей комнаты. Я попытаюсь привести здесь кое-что из разрозненных слов, а также других звуков, с указанием тех, кто их

произносил, разумеется, по моей догадке. Первые разборчивые фразы принадлежали говорящей машине.

(Говорящая машина)

«...взял это на себя... получить обратно письма и запись... кончить на этом... обманут... видеть и слышать... черт побери... безличная сила, в конце концов... новенький, блестящий цилиндр... Боже правый...»:

(Первый Жужжащий Голос)

«...в этот раз мы остановились... маленький и человеческий... Эйкели... мозг... говорит...»

(Второй Жужжащий Голос)

«...Ньярлатотеп... Уилмерт... Записи и письма... дешевое жульничество...»

(Нойес)

«...(Непроизносимое слово или имя, может быть, — Н'га-Кт-хан)... безвредно... покой... пару недель... театрально... говорил вам об этом раньше...»

(Первый Жужжащий Голос)

«...нет повода... первоначальный план... результаты. Нойес может стеречь... Круглый Холм... новый цилиндр... машина Нойеса...»

(Нойес)

«...ладно... все ваши... здесь внизу... отдохнуть... место»

(Несколько Голосов одновременно и совершенно неразборчиво)

(Топот множества ног, сливающийся с возбужденным шумом и грохотом)

(Странный звук хлопающих крыльев)

(Шум заведенного автомобиля, постепенно удаляющийся)

(Тишина)

Вот какие звуки донеслись до моих ушей снизу, пока я, не шевелясь, лежал на кровати в этом сельском доме — пристанище призраков, расположившемся вблизи демонических холмов — я лежал совершенно одетый, сжимая в правой руке револьвер, а в левой — карманный фонарик. Сна у меня не было, как я уже сказал, ни в одном глазу; и тем не менее какой-то жуткий паралич сковал меня до тех пор, пока эхо последних звуков не исчезло вдали. Я слышал тиканье старинных деревянных коннектикутских часов откуда-то снизу, а также неровный храп спящего человека. Видимо, Эйкели заснул после этого бурного ночного обсуждения, и я несколько не был удивлен.

Даже просто подумать, что все это значит или решить, что мне делать, я не мог. В конце-то концов, что я услышал, помимо того, на что меня уже навела предыдущая информация? Разве я не знал, что Пришельцы теперь свободно приходят в этот дом? Эйкели, несомненно, был удивлен их столь неожиданным визитом сегодня. И все-таки что-то в этом отрывочном разговоре невообразимо испугало меня, пробудило самые чудовищные подозрения и самые ужасные сомнения, заставило страстно желать, чтобы все это оказалось не более, чем сном. Я думаю, что мое подсознание уловило нечто, недоступное пока моему рассудку. Но как там Эйкели? Как он себя вел? Разве он не мой друг и разве он мог допустить, чтобы мне был причинен какой-нибудь вред? Мирное похрапывание снизу, казалось, доказывало смехотворность охвативших меня страхов.

Возможно ли, чтобы Эйкели был использован зловещими силами в качестве средства, чтобы заманить меня сюда, в эти холмы, вместе с письмами, фотографиями и записью фонографа? Неужели эти существа собрались уничтожить нас обоих, потому что мы слишком много знаем о них? Вновь мне на ум пришла мысль о неожиданности и неестественности того изменения ситуации, которое произошло между предпоследним и последним письмами Эйкели. Что-то, подсказывало мне чутье, было не так. Все было не так, как выглядело. Этот кислый кофе, который я выплеснул, — не было ли тут попытки со стороны неизвестной силы подмешать яд или наркотик? Я должен поговорить с Эйкели, причем немедленно, и призвать его к трезвой оценке ситуации. Они загипнотизировали его своими обещаниями космических путешествий и открытий, но теперь он вынужден будет прислушаться к доводам рассудка. Мы должны выбраться отсюда, пока не поздно. Если ему не хватает силы воли, чтобы вырваться на свободу, то я должен его поддержать. Ну, а уж если мне не удастся убедить его, то, по крайней мере, самому нужно отсюда бежать. Я уверен, что он одолжит мне свой «форд», а я могу оставить его в Бреттлборо, в гараже. Я увидел его в сарае — дверь была приоткрыта, и я был уверен, что машину удастся сразу завести. Та минутная неприязнь к Эйкели, которую я ощутил во время нашего вечернего разговора и сразу после его окончания, теперь бесследно исчезла. Теперь он был в таком же положении, как и я, так что мы должны были держаться друг друга. Зная о его болезненном состоянии, я очень не хотел будить его, но иного выхода не было. Я понял, что оставаться в этом доме до утра невозможно.

Наконец, я почувствовал, что смогу начать действовать, и вытянулся, чтобы напрячь все мышцы и восстановить свой контроль над ними. Поднявшись, я стал действовать очень осмотрительно и тихо, повинаясь скорее импульсу, чем сознательному обдумыванию. Я нашел свою шляпу, взял саквояж и направился вниз по лестнице, освещая себе путь фонариком. В правой руке я по-прежнему нервно сжимал револьвер, держа в левой и саквояж и фонарик одновременно. Зачем я предпринял эти предосторожности, я не очень понимал, поскольку на самом деле спускался вниз, чтобы разбудить единственного, помимо меня, обитателя дома.

Спустившись на цыпочках по скрипящей лестнице в нижний холл, я смог услышать спящего более явственно и понял, что он, скорее всего, находится в комнате слева от меня — гостиной, в которую я не заходил. Справа от меня разверзлась дверь кабинета, из которого я некоторое время назад слышал голоса. Открыв незапертую дверь гостиной, я провел дорожку светом фонарика по направлению к источнику храпа и, наконец, осветил лицо спящего. Но в следующее мгновение я резко отвел от него луч фонарика и быстро, по-кошачьи выскочил в холл, на этот раз проявив осторожность не инстинктивно, а совершенно сознательно. Дело в том, что спящим на диване был вовсе не Эйкели, а мой бывший попутчик Нойес.

В чем тут дело, я не мог понять; но здравый смысл подсказывал мне, что самое безопасное было бы — выяснить как можно больше, прежде чем кого-либо будить. Вернувшись в холл, я тщательно прикрыл за собой дверь в гостиную; тем самым снизив шансы разбудить Нойеса. После этого я тихонько вошел в кабинет, где ожидал увидеть Эйкели, спящего или бодрствующего, в большом угловом кресле, которое, очевидно, было излюбленным местом его отдыха. Пока я двигался вперед, луч фонарика поймал большой центральный стол, на котором стоял один из этих дьявольских цилиндров, с машинами для зрения и слуха, присоединенных к нему, а также с говорящей машиной, которую можно было присоединить в любой момент. Здесь, как я предполагал, находился мозг, который говорил со мной во время той жуткой встречи предыдущим вечером; на секунду я испытал непреодолимое желание присоединить к нему говорящую машину и посмотреть, что он теперь скажет.

Должно быть, он и сейчас ощущал мое присутствие; ибо приборы для зрения и слуха не могли бы пропустить свет моего

фонарика и скрип половиц под моими ногами. Однако мне сейчас было не до того, чтобы выслушивать эту штуку. Я безучастно отметил про себя, что это было совсем новенький цилиндр с именем Эйкели на нем, который я раньше видел на полке и который мой хозяин просил не трогать. Вспоминая теперь это обстоятельство, я могу только пожалеть о своей робости и думаю, что необходимо было заставить этот цилиндр говорить. Бог знает, какие тайны, ужасные сомнения и вопросы это могло бы прояснить! Но в тот момент с моей стороны оказалось милосердием, что я оставил этот препарат в покое.

Со стола я перевел луч фонарика в угол, где, как я думал, сидит Эйкели, но обнаружил, к своему изумлению, что кресло было пустым, то есть в нем никто не сидел. С сиденья на пол свешивался знакомый старый домашний халат, а рядом с ним на полу лежал желтый шарф, а также громоздкие бинты — повязки на ступни, которые показались мне такими странными. Пока я размышлял, куда мог деваться Эйкели и почему это он так легко расстался со своими аксессуарами больного, я заметил, что комната очистилась от странного запаха и что вибрация, на которую я обращал внимание раньше, тоже отсутствует. Что же, в таком случае, было их источником? Неожиданно я сообразил, что ощущал их только во время присутствия здесь Эйкели. Они были сильнее всего там, где он сидел, и полностью отсутствовали за дверью этой комнаты. Я остановился и стал обводить комнату лучом своего фонарика, напрягая свой мозг поисками объяснений того, что произошло здесь.

О, если бы Небу было угодно, чтобы я ушел прежде, чем свет фонарика упал на пустое кресло еще раз! После того, как это все-таки произошло, я не мог уйти тихо; вместо этого я издал приглушенный крик, который, видимо, потревожил, хотя и не разбудил спящего с другой стороны холла. Мой сдавленный крик и прежнее ровное похрапывание Нойеса были последними звуками, которые я слышал в подавленном безумием доме под покрытой черными деревьями вершиной холма, населенного призраками, — в этом доме, ставшем средоточием транскосмического ужаса меж одиноких зеленых холмов и шепчущих проклятия ручьев этой древней земли.

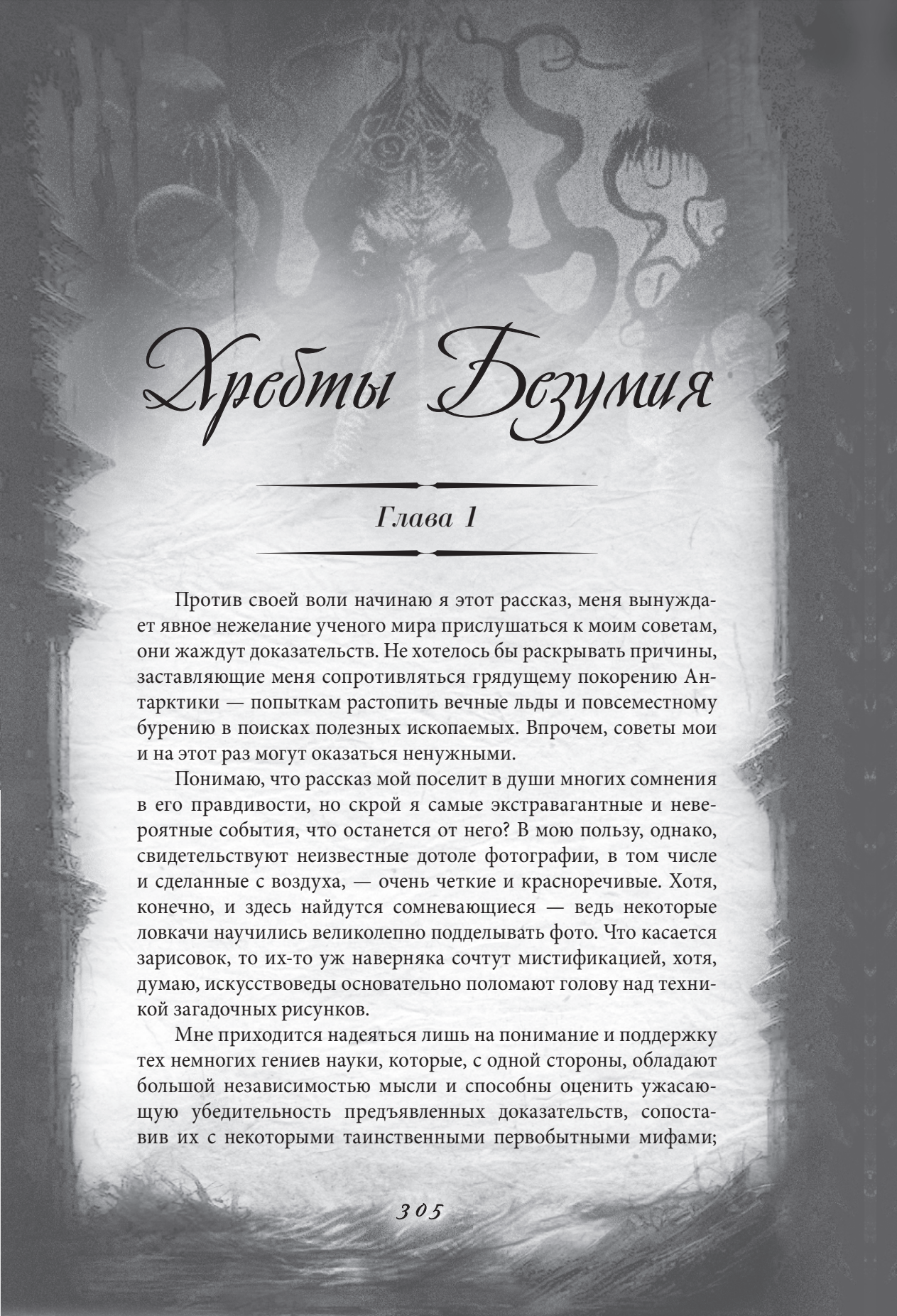
Удивительно, что я не выронил из рук фонарик, саквояж и револьвер во время своего панического бегства, но мне как-то удалось все это удержать. Я выбрался из ужасной комнаты и из этого дома без всякого лишнего шума, сумел забраться со

своими пожитками в старый «форд», стоявший под навесом, и вывести эту древнюю развалюху, чтобы отправиться на ней в неизвестную мне пока зону безопасности посреди этой черной безлунной ночи. Последовавшая затем гонка была похожа на бред, порожденный воображением По или Рембо, или гравюрами Гюстава Доре, но в конце концов я достиг Тауншенда. Вот и все. Если мое психическое здоровье до сих пор сохранилось, то это чистая удача. Время от времени меня охватывает страх при мысли, что принесут предстоящие годы, особенно это проявляется с тех пор, как была открыта столь неожиданно планета Плутон.

Как я уже упоминал, тогда мой фонарик вновь вернулся к пустому креслу, описав перед этим круг по комнате; и тут я в первый раз заметил на сиденье странные предметы, поначалу не разглядев их из-за разбросанных пол пустого халата. Эти предметы, всего три, не были впоследствии обнаружены следователями. Как я сказал уже в самом начале, ничего собственно ужасного в них не было. Кошмар определялся тем, что можно было предположить, исходя из их присутствия здесь. Даже теперь меня не покидают сомнения — моменты, во время которых я почти готов разделить скепсис людей, приписавших все случившееся со мною сну, галлюцинациям и расстроенным нервам.

Эти три предмета были чертовски умно сконструированы и снабжены весьма оригинальными металлическими зажимами для их присоединения к органическим образованиям, о которых я не пытаюсь делать никаких предположений. Я надеюсь — искренне надеюсь — что то были восковые объекты, произведения искуснейшего художника, хотя мой глубоко кроющийся внутренний страх подсказывает совершенно иное. Боже праведный! Этот шепчущий во тьме, окруженный отвратительным запахом и вибрациями! Колдун, чародей, посланник, ребенок, подмененный эльфами, тот, что извне... этот страшный шепот... подавленное жужжание... и все это время — в новеньком блестящем цилиндре на полке... бедняга... «Потрясающий уровень хирургических, биологических, химических и механических возможностей...»

Дело в том что три предмета на кресле были совершенными, до самой последней микроскопической детали точными копиями — или оригиналами — лица и обеих рук Генри Уэнтворта Эйкели.



Хребты Безумия

Глава I

Против своей воли начинаю я этот рассказ, меня вынуждает явное нежелание ученого мира прислушаться к моим советам, они жаждут доказательств. Не хотелось бы раскрывать причины, заставляющие меня сопротивляться грядущему покорению Антарктики — попыткам растопить вечные льды и повсеместному бурению в поисках полезных ископаемых. Впрочем, советы мои и на этот раз могут оказаться ненужными.

Понимаю, что рассказ мой поселит в души многих сомнения в его правдивости, но скрой я самые экстравагантные и невероятные события, что останется от него? В мою пользу, однако, свидетельствуют неизвестные дотоле фотографии, в том числе и сделанные с воздуха, — очень четкие и красноречивые. Хотя, конечно, и здесь найдутся сомневающиеся — ведь некоторые ловкачи научились великолепно подделывать фото. Что касается зарисовок, то их-то уж наверняка сочтут мистификацией, хотя, думаю, искусствоведы основательно поломают голову над техникой загадочных рисунков.

Мне приходится надеяться лишь на понимание и поддержку тех немногих гениев науки, которые, с одной стороны, обладают большой независимостью мысли и способны оценить ужасающую убедительность предъявленных доказательств, сопоставив их с некоторыми таинственными первобытными мифами;

а с другой — имеют достаточный вес в научном мире, чтобы приостановить разработку всевозможных грандиозных программ освоения «хребтов безумия». Жаль, что ни я, ни мои коллеги, скромные труженики науки из провинциальных университетов, не можем считаться достаточными авторитетами в столь сложных и абсолютно фантастических областях бытия.

В строгом смысле слова мы и специалистами-то в них не являемся. Меня, например, Мискатоникский университет направил в Антарктику как геолога: с помощью замечательной буровой установки, сконструированной профессором нашего же университета Фрэнком Х. Пэбоди, мы должны были добыть с большой глубины образцы почвы и пород. Не стремясь прослыть пионером в других областях науки, я тем не менее надеялся, что это новое механическое устройство поможет мне многое разведать и увидеть в ином свете.

Как читатель, несомненно, знает из наших сообщений, установка Пэбоди принципиально нова и пока не имеет себе равных. Ее незначительный вес, портативность и сочетание принципа артезианского действия бура с принципом вращающегося перфоратора дают возможность работать с породами разной твердости. Стальная бурильная коронка, складной хвостовик бура, бензиновый двигатель, разборная деревянная буровая вышка, принадлежности для взрывных работ, тросы, специальное устройство для удаления разрушенной породы, несколько секций бурильных труб — шириной по пять дюймов, а длиной, в собранном виде, до тысячи футов, — все это необходимое для работы снаряжение могло разместиться всего на трех санях, в каждые из которых впрягалось по семь собак. Ведь большинство металлических частей изготовлялись из легких алюминиевых сплавов. Четыре огромных самолета, сконструированных фирмой Дорнье для полетов на большой высоте в арктических условиях и снабженных специальными устройствами для подогрева горючего, а также для скорейшего запуска двигателя (последнее — также изобретение Пэбоди), могли доставить нашу экспедицию в полном составе из базы на краю ледникового барьера в любую нужную нам точку. А там можно передвигаться уже и на собаках.

Мы планировали исследовать за один антарктический сезон — немного задержавшись, если потребуется, — как можно больший район, сосредоточившись в основном у горных хребтов и на плато к югу от моря Росса. До нас в этих местах побывали

CONTENTS COPYRIGHTED 1936 FEBRUARY 20¢

ASTOUNDING STORIES



Обложка первого издания произведения Говарда Лавкрафта
«Хребты Безумия» в журнале «Astounding Stories».
Февраль 1936 г.

Шеклтон, Амундсен, Скотт и Бэрд. Имея возможность часто менять стоянку и перелетать на большие расстояния, мы надеялись получить самый разнородный геологический материал. Особенно интересовал нас докембрийский период — образцы антарктических пород этого времени, малоизвестны научному миру. Хотелось также привезти с собой и куски отложений из верхних пластов, содержащих органические остатки — ведь знание ранней истории этого сурового, пустынного царства холода и смерти необычайно важно для науки о прошлом Земли. Известно, что в давние времена климат на антарктическом материке был теплым и даже тропическим, а растительный и животный мир богатым и разнообразным; теперь же из всего этого изобилия сохранились лишь лишайники, морская фауна, паукообразные и пингвины. Мы очень надеялись пополнить и уточнить информацию о былых формах жизни. В тех случаях, когда бурение покажет, что здесь находятся остатки фауны и флоры, мы взрывом увеличим отверстие и добудем образцы нужного размера и кондиции.

Из-за того, что внизу, на равнине, толща ледяного покрова равнялась миле, а то и двум, нам приходилось бурить скважины разной глубины на горных склонах. Мы не могли позволить себе терять время и бурить лед даже значительно меньшей толщины, хотя Пэбоди и придумал, как растапливать его с помощью вмонтированных в перфоратор медных электродов, работающих от динамо-машины. После нескольких экспериментов мы отказались от такой затеи, а теперь именно этот отвергнутый нами метод собирается использовать, несмотря на все наши предостережения, будущая экспедиция Старкуэтера-Мура.

Об экспедиции Мискатоникского университета широкая общественность знала из наших телеграфных отчетов, публиковавшихся в «Аркхемской газете» и материалах «Ассошиэтед Пресс», а позднее — из статей Пэбоди и моих. Среди ее членов были четыре представителя университета: Пэбоди, биолог Лейк, физик Этвуд, он же метеоролог, и я, геолог и номинальный глава группы, а также шестнадцать помощников: семеро студентов последнего курса и девять опытных механиков. Двенадцать из шестнадцати могли управлять самолетом, и все, кроме двоих, были умелыми радистами. Восемь разбирались в навигации, умели пользоваться компасом и секстантом, в том числе Пэбоди, Этвуд и я. Кроме того, на двух наших кораблях — допотопных деревянных китобойцах, предназначенных для работы в аркти-

ческих широтах и имеющих дополнительные паровые двигатели, — были полностью укомплектованные команды.

Финансировали нашу экспедицию Фонд Натаниэля Дерби Пикмена, а также еще несколько спонсоров; сборы проходили очень тщательно, хотя особой рекламы не было. Собаки, сани, палатки с необходимым снаряжением, сборные части самолетов — все перевозилось в Бостон и там грузилось на пароходы. Великолепной оснащенностью экспедиции мы во многом обязаны бесценному опыту наших недавних блестящих предшественников: мы придерживались их рекомендаций во всем, что касалось продовольствия, транспорта, разбивки лагеря и режима работы. Многочисленность таких предшественников и их заслуженная слава стали причиной того, что наша экспедиция, несмотря на ее значительные успехи, не привлекла особого внимания общественности.

Как упоминалось в газетах, мы отплыли из Бостона 2 сентября 1930 года и шли вначале вдоль североамериканского побережья. Пройдя Панамский канал, взяли курс на острова Самоа, сделав остановку там, а затем в Хобарте, административном центре Тасмании, где в последний раз пополнили запасы продовольствия. Никто из нас прежде не был в полярных широтах, и потому мы целиком полагались на опыт наших капитанов, старых морских волков, не один год ловивших китов в южных морях, — Дж. Б. Дугласа, командовавшего бригом «Аркхем» и осуществлявшего также общее руководство кораблями, и Георга Торфинсена, возглавлявшего экипаж барка «Мискатоник».

По мере удаления от цивилизованного мира солнце все позже заходило за горизонт — день увеличивался. Около 62' южной широты мы заметили первые айсберги — плоские, похожие на огромные столы глыбы с вертикальными стенками, и еще до пересечения Южного полярного круга, кое событие было отпраздновано нами 20 октября с традиционной эксцентричностью, стали постоянно наткаться на ледяные заторы. После долгого пребывания в тропиках резкий спад температуры особенно мучил меня, но я постарался взять себя в руки в ожидании более суровых испытаний. Меня часто приводили в восторг удивительные атмосферные явления, в том числе впервые увиденный

мною поразительно четкий мираж: отдаленные айсберги вдруг ясно представились зубчатыми стенами грандиозных и фантастичных замков.

Пробившись сквозь льды, которые, к счастью, имели в себе открытые разломы, мы вновь вышли в свободные воды в районе 67' южной широты и 175' восточной долготы. Утром двадцать шестого октября на юге появилась ослепительно блиставшая белая полоска, а к полудню всех нас охватил восторг: перед нашими взорами простиралась огромная заснеженная горная цепь, казалось, не имевшая конца. Словно часовой на посту, высилась она на краю великого и неведомого материка, охраняя таинственный мир застывшей Смерти. Несомненно, то были открытые Россом Горы Адмиралтейства, и, следовательно, нам предстояло, обогнув мыс Адэр, плыть вдоль восточного берега земли Виктории до места будущей базы на побережье залива Мак-Мердо, у подножья вулкана Эребус на 77'9" южной широты. Заключительный этап нашего пути был особенно впечатляющим и будоражил воображение. Величественные, полные тайны хребты скрывали от нас материк, а слабые лучи солнца, невысоко поднимавшегося над горизонтом даже в полдень, не говоря уж о полуночи, бросали розовый отблеск на белый снег, голубоватый лед, разводя между льдинами и на темные, торчащие из-под снега гранитные выступы скал. Вдали, среди одиноких вершин, буйствовал свирепый антарктический ветер; лишь ненадолго умирал он свои бешеные порывы; завывания его вызывали смутное представление о диких звуках свирели; они разносились далеко и в силу неких подсознательных мнемонических причин беспокоили и даже вселяли ужас. Все вокруг напоминало странные и тревожные азиатские пейзажи Николая Рериха, а также *еще* более невероятные и нарушающие душевный покой описания зловещего плоскогогорья Ленг, которые дает безумный араб Абдула Альхазред в мрачном «Некрономиконе». Впоследствии я не раз пожалел, что, будучи студентом колледжа, заглядывал в эту чудовищную книгу.

7 ноября горная цепь на западе временно исчезла из поля нашего зрения; мы миновали остров Франклина, а на следующий день вдали, на фоне длинной цепи гор Перри, замаячили конусы вулканов Эребус и Террор на острове Росса. На востоке же белесой полосой протянулся огромный ледяной барьер толщиной не менее двухсот футов. Резко обрываясь, подобно отвесным скалам у берегов Квебека, он ясно говорил, что кораблям идти

дальше нельзя. В полдень мы вошли в залив Мак-Мердо и встали на якорь у курящегося вулкана Эребус. Четкие очертания этого гиганта высотой 12 700 футов напомнили мне японскую гравюру священной Фудзиямы; сразу же за ним призрачно белел потухший вулкан Террор, высота его равнялась 10 900 футам.

Эребус равномерно выпускал из своего чрева дым, и один из наших ассистентов, одаренный студент по фамилии Денфорт, обратил наше внимание, что на заснеженном склоне темнеет нечто, напоминающее лаву. Он также прибавил, что, по-видимому, именно эта гора, открытая в 1840 году, послужила источником вдохновения для По, который спустя семь лет написал:

Было сердце мое горячее,
Чем серы поток огневой,
Чем лавы поток огневой,
Бегущий с горы Эореи
Под ветра полярного вой,
Свергающийся с Эореи,
Под бури арктической вой.

Денфорт, большой любитель такого рода странной, эксцентрической литературы, мог говорить о По часами. Меня самого интересовал этот писатель, сделавший Антарктиду местом действия своего самого длинного произведения — волнующей и загадочной «Повести о приключениях Артура Гордона Пима».

А на голом побережье и на ледяном барьере вдали с шумным гоготанием бродили, переваливаясь и хлопая лапами, толпы нелепейших созданий — пингвинов. В воде плавало множество жирных чаек, поверхность медленно дрейфующих льдин была также усеяна ими.

Девятого числа, сразу после полуночи, мы с превеликим трудом добрались на крошечных лодчонках до острова Росса, таща за собой канаты, соединяющие нас с обоими кораблями; снаряжение и продовольствие доставили позже на плотах. Ступив на антарктическую землю, мы пережили чувства острые и сложные, несмотря на то, что до нас здесь уже побывали Скотт и Шеклтон. Палаточный лагерь, разбитый нами прямо у подножия вулкана, был всего лишь временным пристанищем, центр же управления экспедицией оставался на «Аркхеме». Мы перевезли на берег все бурильные установки, а также собак, сани, палатки, продоволь-

ствие, канистры с бензином, экспериментальную установку по растапливанию льда, фотоаппараты, аэрокамеры, разобранные самолеты и прочее снаряжение, в том числе три миниатюрных радиоприемника — помимо тех, что помещались в самолетах. В какой бы части ледяного континента мы ни оказались, они помогли бы нам не терять связь с «Аркхемом». А с помощью мощного радиопередатчика на «Аркхеме» осуществлялась связь с внешним миром; сообщения о ходе работ регулярно посылались в «Аркхемскую газету», имевшую свою радиостанцию в Кингпорт-Хеде (штат Массачусетс). Мы надеялись завершить дела к исходу антарктического лета, а в случае неудачи перезимовать на «Аркхеме», послав «Мискатоник» домой заблаговременно — до того, как станет лед, — за свежим запасом продовольствия.

Не хочется повторять то, о чем писали все газеты, и рассказывать еще раз о штурме Эребуса; об удачных пробах, взятых в разных частях острова; о неизменной, благодаря изобретению Пэбоди, скорости бурения, которая не снижалась даже при работе с очень твердыми породами; об удачных испытаниях устройства по растапливанию льда; об опаснейшем подъеме на ледяной барьер с санями и снаряжением и о сборке пяти самолетов в лагере на ледяной круче. Все члены нашей экспедиции — двадцать мужчин- и пятьдесят пять ездовых собак — чувствовали себя превосходно, правда, до сих пор мы еще не испытывали лютого холода или ураганного ветра. Ртуть в термометре держалась на отметках 4' — 7' ниже нуля — морозы, к которым мы привыкли у себя в Новой Англии, где зимы бывают довольно суровыми. Лагерь на ледяном барьере был также промежуточным, там предполагалось хранить бензин, провизию, динамит и еще некоторые необходимые вещи.

Экспедиция могла рассчитывать только на четыре самолета, пятый оставался на базе под присмотром летчика и еще двух подручных и в случае пропажи остальных самолетов должен был доставить нас на «Аркхем». Позже, когда какой-нибудь самолет или даже два были свободны от перевозки аппаратуры, мы использовали их для связи: помимо этой основной базы, у нас имелось еще одно временное пристанище на расстоянии шестисот — семисот миль — в южной части огромного плоскогорья, рядом с ледником Бирдмора. Несмотря на метели и жесточайшие ветры, постоянно дующие с плоскогорья, мы в целях экономии и эффективности работ отказались от промежуточных баз.

В радиосводках от 21 ноября сообщалось о нашем захватывающем беспосадочном полете в течение четырех часов над бескрайней ледяной равниной, окаймленной на западе горной грядой. Рев мотора разрывал вековое безмолвие; ветер не мешал полету, а попав в туман, мы продолжили путь по радиокompасу.

Когда между 83' и 84' южной широты впереди замаячил некий массив, мы поняли, что достигли ледника Бирдмора, самого большого шельфового ледника в мире; ледяной покров моря сменяла здесь суша, горбатившаяся хребтами. Теперь мы окончательно вступали в сверкающее белизной мертвое безмолвие крайнего юга. Не успели мы это осознать, как вдали, на востоке, показалась гора

Нансена, высота которой равняется почти 15 000-футов. Удачная разбивка лагеря за ледником на 86° 7' южной широты и 174° 23' восточной долготы и невероятно быстрые успехи в бурильных и взрывных работах, проводившихся в нескольких местах, куда мы добирались на собаках или на самолетах, — все это успело стать достоянием истории, так же как и триумфальное восхождение Пэбоди с двумя студентами, Гедни и Кэрролом, на гору Нансена, которое они совершили 13–15 декабря. Находясь на высоте 8 500 футов над уровнем моря, мы путем пробного бурения обнаружили твердую почву уже на глубине двадцати футов и, прибегнув к установке Пэбоди, растапливающей снег и лед, смогли добыть образцы пород там, где до нас не помыслил бы это сделать ни один исследователь. Полученные таким образом докембрийские граниты и песчаники подтвердили наше предположение, что у плато и большей, простирающейся к западу, части континента одно происхождение, чего нельзя было сказать о районах, лежащих к юго-востоку от Южной Америки; они, по нашему разумению, составляли другой, меньший, континент, отделенный от основного воображаемой линией, соединяющей моря Росса и Уэдделла. Впрочем, Бэрд никогда не соглашался с нашей теорией.

В некоторых образцах песчаников, которые после бурения и взрывных работ обрабатывались уже долотом, мы обнаружили крайне любопытные вкрапления органических остатков — окаменевшие папоротники, морские водоросли, трилобиты, криноиды и некоторых моллюсков — лингвелл и гастроподов, что представляло исключительный интерес для изучения первобытной истории континента. Встречались там и странного вида треугольные полосатые отпечатки, около фута в основании, которые Лейк собирал по частям из сланца, добытого на большой глубине в самой

западной точке бурения, недалеко от гор Королевы Александры. Биолог Лейк посчитал полосатые вкрапления фактом необычным и наводящим на размышления; я же как геолог не нашел здесь ничего удивительного — такой эффект часто встречается в осадочных породах. Сланцы сами по себе — метаморфизированные образования, в них всегда есть спрессованные осадочные породы; под давлением они могут принимать самые невероятные формы — так что особых причин для недоумения я тут не видел.

6 января 1931 года Лейк, Пэбоди, Дэниэлз, все шестеро студентов, четыре механика и я вылетели на двух самолетах в направлении Южного полюса, однако разыгравшийся не на шутку ветер, который, к счастью, не перерос в частый здесь свирепый ураган, заставил нас пойти на вынужденную посадку. Как писали газеты, это был один из наших разведывательных полетов, когда мы наносили на карту топографические особенности местности, где еще не побывал ни один исследователь Антарктиды. Предыдущие полеты оказались в этом отношении неудачными, хотя мы вдоволь налюбовались тогда призрачно-обманчивыми полярными миражами, о которых во время морского путешествия получили лишь слабое представление. Далекие горные хребты парили в воздухе как сказочные города, а белая пустыня под волшебными лучами низкого полночного солнца часто обретала золотые, серебряные и алые краски страны грез, суля смельчаку невероятные приключения. В пасмурные дни полеты становились почти невозможны: земля и небо сливались в одно таинственное целое и разглядеть линию горизонта в этой снежной хмари было очень трудно.

Наконец мы приступили к выполнению нашего первоначального плана, готовясь перелететь на пятьсот миль к западу и разбить там еще один лагерь, который, как мы ошибочно полагали, будет находиться на другом малом континенте. Было интересно сравнить геологические образцы обоих районов. Наше физическое состояние оставалось превосходным — сок лайма разнообразил наше питание, состоявшее из консервов и солонины, а умеренный холод позволял пока не кутаться. Лето было в самом разгаре, и, поспешив, мы могли закончить работу к марту и тем избежать долгой тяжелой зимовки в период антарктической ночи. На нас уже обрушилось несколько жестоких ураганов с запада, но урона мы не понесли благодаря изобретательности Этвуда, поставившего элементарные защитные устройства вокруг наших самолетов и укрепившего палатки. Нам фантастически везло.

В мире знали о нашей программе, а также об упрямой настойчивости, с которой Лейк требовал до переселения на новую базу совершить вылазку в западном, а точнее, в северо-западном направлении. Он много думал об этих странных треугольных вкраплениях, мысль о них не давала ему покоя; в результате ученый пришел к выводу, что их присутствие в сланцах противоречит природе вещей и не отвечает соответствующему геологическому периоду. Любопытство его было до крайности возбуждено, ему отчаянно хотелось возобновить буровые и взрывные работы в западном районе, где отыскиались эти треугольники. Он почему-то уверовал в то, что мы встретились со следами крупного, неизвестного науке организма, основательно продвинувшегося на пути эволюции, однако почему-то выпадающего из классификации. Странно, но горная порода, сохранившая их, относилась к глубокой древности — кембрийскому, а может, и докембрийскому периоду, что исключало возможность существования не только высокоразвитой, но и прочей жизни, кроме разве одноклеточных и трилобитов. Сланцам, в которых отыскились странные следы, было от пятисот до тысячи миллионов лет.

Глава 2

Полагаю, читатели с неослабевающим вниманием следили за нашими сообщениями о продвижении группы Лейка на северо-запад, в края, куда не только не ступала нога человека, но о которых и помыслить-то раньше было невозможно. А какой бы поднялся переполох, упомяни мы о его надеждах на пересмотр целых разделов биологии и геологии. Его предварительная вылазка совместно с Пэбоди и еще пятью членами экспедиции, длившаяся с 11 по 18 января, омрачилась гибелью двух собак при столкновении саней с оледеневшими каменными выступами. Однако бурение принесло Лейку дополнительные образцы архейских сланцев, и тут даже я заинтересовался явными и многочисленными свидетельствами присутствия органических остатков в этих древнейших пластах. Впрочем, то были следы крайне примитивных организмов — революции в науке подобное открытие не сделало бы, оно говорило лишь в пользу того, что низшие формы жизни существовали на Земле еще в до-

кембрии. Поэтому я по-прежнему не видел смысла в требовании Лейка изменить наш первоначальный план; внеся в него экспедицию на северо-запад, что потребовало бы участия всех четырех самолетов, большого количества людей и всех машин. И все же я не запретил эту экспедицию, хотя сам решил не участвовать в ней, несмотря на все уговоры Лейка. После отлета группы на базе остались только мы с Пэбоди и еще пять человек; я тут же засел за подробную разработку маршрута восточной экспедиции. Еще раньше пришлось приостановить полеты самолета, начавшего перевозить бензин из лагеря у пролива Мак-Мердо. На базе остались только одни сани и девять собак: совсем без транспорта находиться в этом безлюдном крае вечной Смерти было неразумно.

Как известно, Лейк на своем пути в неведомое посылал с самолета коротковолновые сообщения, они принимались как нами, в южном лагере, так и на «Аркхеме», стоявшем на якоре в заливе Мак-Мердо, откуда передавались дальше всему миру — на волне около пятидесяти метров. Экспедиция стартовала в четыре часа утра 22 января, а первое послание мы получили уже два часа спустя. В нем Лейк извещал нас, что они приземлились в трехстах милях от базы и тотчас приступают к бурению. Через шесть часов поступило второе, очень взволнованное сообщение: после напряженной работы им удалось пробурить узкую скважину и подорвать породу; наградой стали куски сланцем — на них обнаружили те же отпечатки, из-за которых и заварился весь этот сыр-бор.

Через три часа мы получили очередную краткую сводку: экспедиция возобновила полет в условиях сильного ветра. На мой приказ не рисковать Лейк резко возразил, что новые находки оправдают любой риск. Я понимал, что он потерял голову и взбунтовался — дальнейшая судьба всей экспедиции находилась теперь под угрозой. Оставалось только ждать, и я со страхом представлял себе, как мои товарищи стремительно движутся в глубь коварного и зловещего белого безмолвия, готового обрушить на них свирепые ураганы, озадачить непостижимыми тайнами и простирающегося на полторы тысячи миль — вплоть до малоизученного побережья Земли Королевы Мэри и Берега Нокса..

Затем часа через полтора поступило еще одно, крайне эмоциональное послание прямо с самолета, оно почти изменило мое отношение к экспедиции Лейка и заставило пожалеть о своем неучастии:

«22.05. С борта самолета. После снежной бури впереди показались горы необычайной величины. Возможно, не уступают Гималаям, особенно если принять во внимание высоту самого плато. Наши координаты; примерно 76° 15' южной широты и 113° 10' восточной долготы. Горы застилают весь горизонт. Кажется, вижу два курящихся конуса. Вершины все черные — снега на них нет. Резкий ветер осложняет полет».

После этого сообщения все мы, затаив дыхание, застыли у радиоприемника. При мысли о гигантских горных хребтах, возвышающихся неприступной крепостью в семистах милях от нашего лагеря, у нас перехватило дыхание. В нас проснулся дух первопроходцев, и мы от души радовались, что наши товарищи, пусть без нас, совершили такое важное открытие. Через полчаса Лейк снова вышел на связь:

«Самолет Мултона совершил вынужденную посадку у подножия гор. Никто не пострадал, думаем сами устранить повреждения. Все необходимое перенесем на остальные три самолета — независимо от того, полетим дальше или вернемся на базу. Теперь нет нужды путешествовать с грузом. Невозможно представить себе величие этих гор. Сейчас налегке полечу на разведку в самолете Кэрролла.

Вам трудно вообразить себе здешний пейзаж. Самые высокие вершины вздымаются ввысь более чем на тридцать пять тысяч футов. У Эвереста нет никаких шансов. Этвуд остается на земле — будет определять с помощью теодолита высоту местности, а мы с Кэрроллом немного летаем. Возможно, я ошибся относительно конусов, потому что формация выглядит слоистой. Должно быть, докембрийские сланцы с вкраплением других пластов. На фоне неба прочерчены странные конфигурации — на самых высоких вершинах как бы лепятся правильные секции каких-то кубов. В золотисто-алых лучах заходящего солнца

все это выглядит очень впечатляюще — будто приоткрылась дверь в сказочный, чудесный мир. Или — ты дремлешь, и тебе снится таинственная, диковинная страна. Жаль, что вас здесь нет — хотелось бы услышать ваше мнение».

Хотя была глубокая ночь, ни один из нас не подумал идти спать. Должно быть, то же самое происходило на базе в заливе и на «Аркхеме», где также приняли это сообщение. Капитан Дуглас сам вышел в эфир, поздравив всех с важным открытием, к нему присоединился Шерман, радист с базы. Мы, конечно, сожалели о поломке самолета, но надеялись, что ее легко устранить. И вот в двадцать три часа мы опять слышали Лейка:

«Летим с Кэрроллом над горами. Погода не позволяет штурмовать самые высокие вершины, но это можно будет сделать позже. Трудно и страшно подниматься на такую высоту, но игра стоит свеч. Горная цепь тянется сплошным массивом — никакого проблеска с другой стороны. Некоторые вершины превосходят самые высокие пики Гималаев и выглядят очень необычно. Хребты состоят из докембрийских сланцевых пород, но в них явно угадываются пласты другого происхождения. Насчет вулканов я ошибся. Конца этим горам не видно. Выше двадцати одной тысячи футов снега нет.

На склоне высоких гор странные образования. Массивные, низкие глыбы с отвесными боковыми стенками; четкие прямые углы делают их похожими на стены крепостного вала. Невольно вспоминаешь картины Рериха, где древние азиатские дворцы лепятся по склонам гор. Издали это смотрится потрясающе. Когда мы подлетели ближе, Кэрроллу показалось, что глыбы состоят из более мелких частей, но, видимо, это оптическая иллюзия — просто края искрошились и обточились, и немудрено — сколько бурь и прочих превратностей климата пришлось им вынести за миллионы лет.

Некоторые слои, особенно верхние, выглядят более светлыми, чем другие, и, следовательно, природа их кристаллическая. С близкого расстояния видно множество пещер или впадин, некоторые необычайно правильной формы — квадратные или полукруглые. Надо обязательно осмотреть

их. На одном пике видел что-то наподобие арки. Высота его приблизительно от тридцати до тридцати пяти тысяч футов. Да я и сам нахожусь сейчас на высоте двадцати одной тысячи пятисот футов — здесь жуткий холод, продрог до костей. Ветер завывает и свищет вовсю, гуляет по пещерам, но для самолета реальной опасности не представляет».

Еще с полчаса Лейк разжигал наше любопытство своими рассказами, а потом поделился намерением покорить эти вершины. Я заверил его, что составлю ему компанию, пусть прилетит за мной самолет. Только прежде нам с Пэбоди нужно решить, как лучше распорядиться бензином и где сосредоточить его основной запас в связи с изменением маршрута. Теперь, учитывая буровые работы Лейка и частую аэроразведку, большая масса горючего должна храниться на новой базе, он предполагал разбить ее у подножия гор. Полет же в восточном направлении откладывался — во всяком случае, до будущего года. Я вызвал по радиации капитана Дугласа и попросил его переслать нам как можно больше бензина с той единственной упряжкой, которая оставалась в заливе. Нам предстояло пуститься в путь через неисследованные земли между базой на заливе Мак-Мердо и стоянкой Лейка.

Позднее на связь вышел Лейк и сообщил, что решил разбить лагерь на месте поломки самолета Мултона, где уже вовсю шел ремонт. Ледяной покров там очень тонкий, в некоторых местах даже чернеет грунт, так что Лейк сможет проводить буровые и взрывные работы, не совершая вылазки на санях и не карабкаясь в горы. Его окружает зрелище неописуемой красоты, продолжал он, но ему как-то не по себе у подножия этих гигантов, высящихся плотной стеной и вспарывающих пиками небо. По расчетам Этвуда, высота пяти главных вершин колеблется от тридцати до тридцати четырех тысяч футов. Лейка явно беспокоило, что местность не защищена от ветра: можно ожидать любой метели, от которых нас пока Бог миловал. Лагерь находился на расстоянии немногим более пяти миль от подножия высочайших гор. В пробившемся сквозь ледяную пустыню голосе Лейка я уловил подсознательное беспокойство, очень уж он призывал нас поторопиться и как можно скорее составить представление об этом таинственном уголке Антарктики. Сам он наконец собрался отдохнуть после этого безумного дня, беспримерного по нагрузкам и полученным результатам.

Утром Лейк, Дуглас и я провели одновременно переговоры с наших, так далеко отстоящих друг от друга баз и договорились, что один из самолетов, Лейка доставит к нему в лагерь Пэбоди, меня и: еще пятерых членов экспедиции, а также столько горючего, сколько сможет поднять. Вопрос об остальном топливе оставался открытым и зависел от того, какое мы примем решение относительно восточной экспедиции. Сошлись на том, чтобы подождать с этим несколько дней — у Лейка пока хватало горючего и на нужды лагеря, и на бурение. Хорошо было бы пополнить запасы, и южной базы, хотя в том случае, если экспедиция на восток откладывалась, база будет пустовать до следующего лета. Лейку вменили в обязанность послать самолет с заданием проложить трассу от открытых им гор до залива Мак-Мердо.

Пэбоди и я готовились к закрытию базы на более или менее длительный срок. Даже если будет принято решение зимовать в Антарктике, мы, возвращаясь на «Аркхем», сюда не завернем. Несколько палаток были уже укреплены кубами плотного снега, и теперь мы решили довершить начатое. У Лейка на новой базе палаток хватало — в чем-чем, а в этом недостатка не было, так что везти их с собой не представлялось разумным. Я послал радиограмму, что уже через сутки мы с Пэбоди готовы вылететь на новое место.

Однако после четырех часов, когда мы получили взволнованное и неожиданное послание от Лейка, деятельность наша несколько затормозилась. Рабочий день его начался неудачно: обзорный полет показал, что в ближайших, свободных от снега, скалах полностью отсутствуют столь нужные ему древние архейские пласты, коих было великое множество на вершинах хребтов, манящих и дразнящих его воображение. Большинство скал состояло из юрских и команчских песчаников, а также из пермских и триасовых кристаллических сланцев, в которых поблескивала темная обнаженная порода — по виду каменный уголь. Это не могло не разочаровать Лейка, который надеялся напасть здесь на древнейшие — старше пятисот миллионов лет — породы. Он понимал, что архейские пласты, где ему впервые повстречались странные отпечатки, залегают на крутых склонах гигантских гор, к которым следовало еще добираться на санях.

Тем не менее Лейк решил в интересах дела начать буровые работы и, установив буровую машину, поручил пятерым членам экспедиции управляться с нею; остальные тем временем обустро-



Иллюстрация к книге «Хребты безумия».
Художник — Вилле Ассинен

ивали лагерь и занимались ремонтом самолета. Для работ выбрали место в четверти мили от базы, где горная порода казалась не очень твердой. Песчаник здесь бурился отлично — почти обошлись без сопутствующих взрывных работ. Через три часа после первого основательного взрыва раздались возбужденные крики бурильщиков, и руководитель работ, молодой человек по фамилии Гедни, прибежал в лагерь с потрясающим известием.

Они наткнулись на пещеру. После начала бурения песчаник быстро сменился известняком, полным мельчайших органических отложений — цефалоподов, кораллов, морских ежей и спириферид; изредка попадалось нечто, напоминающее губки и позвонки рыб, — скорее всего, из отрядов телеостов, акул и ганоидов. Это была уже сама по себе важная находка: первый раз в наши руки попадали органические остатки позвоночных, но когда вскоре после этого буровая коронка, пройдя очередной пласт, вышла в пустоту, бурильщиков охватил двойной восторг. Заложили динамит, и последовавший взрыв приоткрыл завесу над подземной тайной: сквозь зияющее неровное отверстие — пять на пять футов — жадным взорам людей предстала впадина в известняке, размытом более пятидесяти миллионов лет назад медленно сочившимися грунтовыми водами этого некогда тропического мира.

Пещерка была не глубже семи-восьми футов, зато разветвлялась во всех направлениях и, судя по гулявшему в ней ветру, составляла лишь одно звено в целой подземной системе, верх и низ которой были густо усеяны крупными сталактитами и сталагмитами, некоторые — столбчатой структуры. Но что важнее всего, тут были россыпи раковин и костей, кое-где они просто забивали проходы. Это костное месиво, вынесенное потоком из неизвестных зарослей мезозойских древесных папоротников и грибов, лесов третичной системы с веерными пальмами и примитивными цветковыми растениями, содержало в себе останки такого множества представителей животного мира — мелового, эоценового и прочих периодов, что даже величайшему палеонтологу потребовалось бы больше года на опись и классификацию этого богатства. Моллюски, ракообразные, рыбы, амфибии, рептилии, птицы и низшие млекопитающие — крупные и мелкие, известные и неизвестные науке. Немудрено, что Гедни бросился сломя голову к лагерю, после чего все, побросав работу, помчались, не смотря на лютый мороз, туда, где буровая вышка указывала на

местонахождение только что найденной дверцы в тайны земного прошлого и канувших в вечность тысячелетий.

Слегка утолив свое любопытство ученого, Лейк нацарапал в блокноте короткую информацию о событиях и отправил молодого Мултона в лагерь с просьбой послать сообщение в эфир. Так я впервые услышал об этом удивительном открытии — о найденных раковинах, костях ганоидов и плакодерм, останках лабиринтодонтов и текодонтов, черепных костях и позвонках динозавра, кусках панциря броненосца, зубах и крыльях птеродактиля, останках археоптерикса, зубах миоценских акул, костях первобытных птиц, а также обнаруженных останках древнейших млекопитающих — палеотерий, кеифодонтов, эогиппусов, ореодонтов и титанофонеусов. Останки позднейших видов, вроде мастодонтов, слонов, верблюдов или быков, отсутствовали, и потому Лейк определил возраст пласта и содержащихся в нем окаменелостей довольно точно — не менее тридцати миллионов лет, причем самые последние отложения приходились на олигоцен.

С другой стороны, преобладание следов древнейших организмов просто поражало. Хотя известняковая формация по всем признакам, в том числе и вкрапленным органическим останкам, относилась к команчскому периоду и никак не к более раннему, в разбросанных по пещере костях узнавались останки организмов, обычно относимых к значительно более древнему времени — рудиментарных рыб, моллюсков и кораллов, распространенных в силурийском и ордовикском периодах. Вывод напрашивался сам собой: в этой части Земли существовали организмы, жившие как триста, так и тридцать миллионов лет тому назад. Продолжалось ли это мирное сосуществование на антарктических землях и дальше — после того, как во времена олигоцена пещеру наглухо завалило? Это оставалось загадкой. Во всяком случае, начало материковых оледенений в период плейстоцена пятьсот тысяч лет назад — ничтожная цифра по сравнению с возрастом этой пещеры: наверняка убило все ранние формы жизни, которые каким-то чудом здесь удержались.

Лейк не успокоился, послав нам первую сводку, а тут же накал еще одно донесение и отправил его в лагерь, не дождавшись возвращения Мултона. Тот так и остался сидеть в одном из самолетов у передатчика, диктуя мне — и разумеется, радисту «Аркхе-ма», который держал связь с внешним миром, — серию посланий Лейка. Те из читателей, кто следил за газетными публикациями,

несомненно, помнят, какой ажиотаж вызвали они в научном мире. Именно они побудили снарядить экспедицию Старкуэтера-Мура, которая вот-вот отправится в путь, если мне не удастся отговорить ее энтузиастов от безумного плана. Приведу эти послания дословно, как записал их наш радист Мактай, — так будет вернее.

«Во время бурения Фаулер обнаружил необычайно ценные свидетельства в песчаных и известняковых пластах — отчетливые треугольные отпечатки, подобные тем, что мы видели в архейском сланце. Значит, этот вид просуществовал шестьсот миллионов лет — вплоть до команчского периода, не претерпев значительных морфологических изменений и лишь слегка уменьшившись в объеме. Команчские отпечатки сохранились хуже древних. Прессе следует подчеркнуть исключительную важность открытия. Для биологии оно не менее ценно, чем для физики и математики — теории Эйнштейна. И полностью подкрепляет выводы, к которым я пришел за годы работы.

Открытие доказывает, как я и подозревал, что на Земле сменилось несколько циклов органической жизни, помимо того, известного всем, что начался с археозойской клетки. Еще тысячу миллионов лет назад юная планета, считавшаяся непригодной для любых форм жизни и даже для обычной протоплазмы, была уже обитаема. Встает вопрос: когда и каким образом началась эволюция.

Некоторое время спустя. Разглядывая окопоскелетные кости крупных наземных и морских ящеров и древних млекопитающих, нашел отдельные следы увечий, которые не могло нанести ни одно из известных науке хищных или плотоядных животных. Увечья эти двух типов, от колотых и резаных ран. В одном или даже двух случаях кости кажутся аккуратно отрубленными. Но в общем повреждено не так уж много экземпляров. Послал в лагерь за электрическими фонариками. Хочу расширить границы пещеры, обрубив часть сталактитов».

«Еще немного спустя. Нашел любопытный мыльный камень длиной около шести дюймов и шириной полтора. Очень отличается от местных пород — зеленоватый; не-

понятно, к какому периоду его отнести. Удивительно гладкий, правильной формы. Напоминает пятиконечную звезду с отломанными краями и с насечками во внутренних углах и в центре. Небольшое плавное углубление посередине. Интересно, каково его происхождение и как он приобрел столь удивительную форму? Возможно, действие воды. Кэрролл надеется с помощью линзы уточнить его геологические особенности. На нем правильные узоры из крошечных точек. Все время, пока мы изучали камень, собаки непрерывно лаяли. Кажется, он им ненавистен. Нужно проверить, нет ли у него особого запаха. Следующее сообщение отправлю после прихода Миллза с фонарями, когда мы продвинемся по пещере дальше».

«22.15. Важное открытие. Оррендорф и Уоткинс, работая при свете фонарей под землей, наткнулись на устрашающего вида экземпляр — нечто бочкообразное, непонятного происхождения. Может, растительного? Разросшиеся морские водоросли? Ткань сохранилась, очевидно, под действием пропитавших ее минеральных солей. Прочная, как кожа, местами удивительно гибкая. По бокам и концам — следы разрывов. Длина находки — шесть футов, ширина — три с половиной; можно накинуть на каждый размер, учитывая потери, еще по футу. Похоже на бочонок, а в тех местах, где обычно клепки, — набухшие вертикальные складки. Боковые обрывы — видимо, более тонких стеблей — проходят как раз посередине. В бороздах между складками — любопытные отростки, что-то вроде гребешков или крыльев; они складываются и раскрываются, как веер. Все отростки в плохом состоянии, сильно попорчены, кроме одного, он равняется почти семи футам. Видом странная особь напоминает чудовищ из первобытной мифологии, в особенности легендарных Старцев из «Некрономикона».

Крылья этой твари перепончатые, остов их трубчатый. На концах каждой секции видны крошечные отверстия. Поверхность ссохлась, и потому непонятно, что находится внутри и что оторвалось. Нужно будет, вернувшись на базу, тут же вскрыть этот таинственный организм. Пока не могу решить — растение это или жи-

вотное? Многое, говорит в пользу того, что неизвестный организм относится к древнейшему времени. В это трудно поверить. Заставил всех обрубать сталактиты и искать другие экземпляры, подобные этому. Нашли еще несколько костей с глубокими зарубками, но с этим можно подождать. Не знаю, что делать с собаками. Они будто взбесились, остервенело лают на находку и наверняка разорвали бы ее на куски, не удерживай мы их на расстоянии силой».

«23.30. Всем, всем — Дайеру, Пэбоди, Дугласу. Дело, можно сказать, чрезвычайной важности. Пусть «Архкем» тут же свяжется с радиостанцией Кингспорта. Отпечатки в архейском сланце принадлежат именно этому бочкообразному «растению». Миллз, Будро и Фаулер нашли и других подобных особей — целых тринадцать штук — в сорока футах от скважины. Они лежали вперемежку с обломками тех гладких, причудливой формы мыльных камней: все камни — меньше предыдущих, тоже звездчатые, но без отбитых концов, разве только крошились немного.

Из этих органических особей восемь сохранились превосходно, целы все отростки. Все экземпляры извлекли из пещеры, предварительно отведя подальше собак. Те их просто не выносят, так и заливаются истошным лаем. Прислушайте внимательно точное описание нашей находки и для верности повторите. В газетах оно должно появиться предельно точным.

Длина каждого экземпляра — восемь футов. Само бочкообразное, пяти-складочное тело равняется шести футам в длину и трем с половиной — в ширину. Ширина указывается в центральной части, диаметр же оснований — один фут. Все особи темно-серого цвета, хорошо гнутся и необычайно прочные. Семифутовые перепончатые «крылья» того же цвета, найденные сложенными, идут из борозд между складками. Они более светлого цвета, остов трубчатый, на концах имеются небольшие отверстия. В раскрытом состоянии — по краям зубчатые. В центре тела, на каждой из пяти вертикальных, похожих на клепки, складок — светло-серые гибкие лапы-щупальца. Обвернутые в настоящий момент вокруг тела, они способ-

ны в деятельном состоянии дотягиваться до предметов на расстоянии трех футов — как примитивная морская лилия с ветвящимися лучами. Отдельные щупальца у основания — трех дюймов в диаметре, через шесть дюймов они членятся на пять щупалец, каждое из которых еще через восемь дюймов разветвляется на столько же тонких, сужающихся к концу щупалец-усиков — так что на каждой «грозди» их оказывается по двадцать пять.

Венчает торс светло-серая, раздутая, как от жабр, «шея», на которой сидит желтая пятиконечная, похожая на морскую звезду «головка», поросшая жесткими разноцветными волосиками длиной в три дюйма..

Гибкие желтоватые трубочки длиной три дюйма свисают с каждого из пяти концов массивной (около двух футов в окружности) головки. В самом центре ее — узкая щель, возможно, начальная часть дыхательных путей. На конце каждой трубочки сферическое утолщение, затянутое желтой пленкой, под которой скрывается стекловидный шарик с радужной оболочкой красного цвета — очевидно, глаз.

Из внутренних углов головки тянутся еще пять красноватых трубочек, несколько длиннее первых, они заканчиваются своего рода мешочками, которые при нажиме раскрываются, и по краям круглых отверстий, диаметром два дюйма, хорошо видны острые выступы белого цвета, наподобие зубов. По-видимому, это рот. Все эти трубочки, волосики и пять концов головки аккуратно сложены и прижаты к раздутой шее и торсу. Гибкость тканей при такой прочности — удивительная.

В нижней части туловища находится грубая копия головки, но с другими функциями. На светло-серой раздутой лжешее отсутствует подобие жабр, она сразу переходит в зеленоватое пятиконечное утолщение, тоже напоминающее морскую звезду.

Внизу также находятся прочные мускулистые щупальца длиной около четырех футов. У самого туловища ширина их в диаметре составляет семь дюймов, но к концу они утончаются, достигая не более двух с половиной дюймов, и переходят в зеленоватую треугольную перепончатую «лапку» с пятью фалангами. Длина ее — восемь дюймов, ширина у «запястья» — шесть. Эта лапа, плавник или

нога, словом, то, что оставило свой след на камне от тысячи до пятидесяти — шестидесяти миллионов лет назад.

Из внутренних углов пятиконечного нижнего утолщения также тянутся двухфутовые красноватые трубочки, ширина которых колеблется от трех дюймов у основания до одного — на конце. Заканчиваются они отверстиями. Трубочки необычайно плотные и прочные и при этом удивительно гибкие.

Четырехфутовые щупальца с лапками, несомненно, служили для передвижения — по суше или в воде. Похоже, очень мускулистые. В настоящее время все эти отростки плотно обвиты вокруг лжешеи и низа туловища — точно так же, как и в верхней части.

Не совсем уверен, к растительному или животному миру отнести это существо, но скорее все же к животному. Может быть, это невероятно продвинутая на пути эволюции морская звезда, не утратившая, однако, и некоторых признаков примитивного организма. Свойства семейства иглокожих налицо, хотя кое-что явно не согласуется.

При том что морское происхождение в высшей степени вероятно, озадачивает наличие «крыла» (хотя оно могло помочь при передвижении в воде), а также симметричное расположение отдельных частей, более свойственное растениям с их вертикальной постановкой, в отличие от горизонтальной — у животных. Эта тварь находится у истоков эволюции, предшествуя даже простейшим архейским одноклеточным организмам; это сбивает с толку, когда задумываешься о происхождении таинственной находки.

Неповрежденные особи так напоминают некоторых существ из древней мифологии, что нельзя не предположить, что когда-то они обитали вне Антарктики. Дайер и Пэбоди читали «Некрономикон», видели жуткие рисунки вдохновленного им Кларка Эштона Смита и потому понимают меня, когда я говорю о Старцах — тех, которые якобы породили жизнь на Земле не то шутки ради, не то по ошибке. Ученые всегда считали, что прообраз этих Старцев — древняя тропическая морская звезда, фантастически преображенная болезненным сознанием. Вроде чудовищ из доисторического фольклора, о которых писал Уилмарт. Вспоминается культ Ктулху...

Материал для изучения огромный. Судя по всему, геологические пласты относятся к позднему мелу или к раннему эоцену. Над ними нависают массивные сталагмиты. Отколоть их стоит большого труда, но именно такая высокая прочность препятствовала разрушению. Удивительно, как хорошо все здесь сохранилось — очевидно, благодаря близости известняка. Других интересных находок пока нет — возобновим поиски позже. Главное теперь — переправить четырнадцать крупных экземпляров на базу и уберечь их от собак, которые уже хрюпят от лая. Держать животных вблизи находок нельзя ни в коем случае.

Оставив трех человек стеречь собак, мы вдесятером без труда перевезем драгоценные экземпляры на трех санях, хотя ветер сильный. Нужно сразу же наладить воздушное сообщение с базой у залива и заняться транспортировкой находок на корабль. Перед сном препарирую одну из особей. Жаль, нет здесь настоящей лаборатории. Дайеру, должно быть, стыдно, что он возражал против экспедиции на запад. Сначала открыли высочайшие в мире горы, а теперь вот и это. Думаю, наши находки сделали бы честь любой экспедиции. Если это не так, значит, я ничего не смыслю. Сделан большой вклад в науку. Спасибо Пэбоди за его устройство, оно нам очень помогло при бурении, иначе мы не проникли бы в пещеру. А теперь вы, на «Аркхеме», повторите дословно описание найденных особей».

Трудно передать наши с Пэбоди чувства после получения этой радиограммы. Ликовали и все наши спутники. Мактай топорливо переводил на английский звуки, монотонно доносившиеся из принимающего устройства. Как только радист Лейка закончил диктовку, Мактай аккуратно переписал все донесение. Все мы понимали, что это открытие знаменует переворот в науке, и я сразу же после того, как радист с «Аркхема» повторил описание находок, поздравил Лейку. К этим поздравлениям присоединились Шерман, глава базы в заливе Мак-Мердо, и капитан Дуглас от имени команды «Аркхема». Позже я как научный руководитель экспедиции сказал несколько слов, комментируя это открытие. Радист «Аркхема» должен был донести мои слова до мировой общественности. О сне, естественно, никто и подумать не мог. Все находились в состоянии крайнего возбуждения,

а моим единственным желанием было как можно скорее оказаться в лагере Лейка. Меня очень расстроило его известие, что ветер в горах усиливается, делая воздушное сообщение на какое-то время невозможным.

Но через полтора часа мое разочарование вновь сменилось жгучим интересом. Лейк в новых донесениях рассказывал, как все четырнадцать экземпляров благополучно доставили в лагерь. Путешествие оказалось нелегким — находки оказались на удивление тяжелы: девять человек едва справились с этим грузом. Для собак пришлось городить на безопасном от базы расстоянии укрытие из снега. Предполагалось, что там их будут держать и кормить. Все найденные экземпляры разложили на плотном снегу рядом с палатками, кроме того, который Лейк отобрал для предварительного вскрытия.

Препарирование оказалось делом не столь легким, как могло на первый взгляд показаться. Несмотря на жар, шедший от газолитновой горелки в наскоро оборудованной под лабораторию палатке, обманчиво гибкая ткань выбранной, хорошо сохранившейся и мускулистой особи нисколько не утратила своей удивительной плотности. Лейк ломал голову, как сделать необходимые надрезы и одновременно не нарушить внутренней целостности организма. Конечно, он располагал еще семью абсолютно неповрежденными особями, но ему не хотелось кромсать их без крайней надобности, не зная, обнаружатся ли в пещере другие. В конце концов Лейк решил не вскрывать этот экземпляр, а, убрав его, занялся тем, у которого хоть и сохранились звездчатые утолщения на концах, были повреждения и разрывы вдоль одной из складок туловища.

Результаты, о которых тут же сообщили по радио, поражали и настораживали. Говорить об особой тщательности и аккуратности вскрытия не приходилось — инструменты с трудом резали необычную ткань, но даже то небольшое, чего удалось достичь, приводило в недоумение и внушало благоговейный страх. Вся биология подлежала теперь пересмотру: эта ткань не имела клеточного строения. Однако организм принадлежал явно к органическому миру, и, несмотря на солидный возраст — около сорока миллионов лет, — его внутренние органы сохранились в идеальном виде. Одним из свойств этой неизвестной формы жизни была неразрушаемая временем, необычайно плотная кожа, созданная природой в процессе эволюции беспозвоночных на некоем неведомом нам этапе. Когда Лейк приступил к вскрытию,

влаги в организме отсутствовала, но постепенно, под влиянием тепла, у неповрежденной стороны тела собралось немного жидкости с резким, отталкивающим запахом. Густую темно-зеленую жижу трудно было назвать кровью, хотя она, очевидно, выполняла ее функции. К тому времени все тридцать семь собак уже находились в загоне — не обустроенном, однако, до конца, — но даже оттуда доносился их свирепый лай. С распространением едкого запаха он еще более усилился.

Словом, предварительное вскрытие не только не внесло ясности, но, напротив, напустило еще больше туману. Предположения о назначении внешних органов неизвестной особи оказались правильными, и, видимо, были все основания считать ее принадлежащей к животному миру, однако обследование внутренних органов дало много свидетельств близости к растениям, и Лейк окончательно растерялся. Таинственный организм имел системы пищеварения и кровообращения, а также выбрасывал продукты отходов через красноватые трубки у звездчатого основания. На первый взгляд, органы дыхания потребляли кислород, а не углекислый газ; внутри обнаружились также специальные камеры, где задерживался воздух; вскоре стало понятно, что кислородный обмен осуществляли еще и жабры, а также поры кожи. Следовательно, Лейк имел дело с амфибией, которая могла прожить долгое время без поступления кислорода. Голосовые связки находились, видимо, в непосредственной связи с системой дыхания, но имели такие отклонения от нормы, что делать окончательные выводы не стоило. Отчетливая, артикулированная речь вряд ли была возможна, но издавать трубные звуки разной высоты эта тварь вполне могла. Мускулатура была развита даже чрезмерно.

Но особенно обескуражила Лейка невероятно сложная и высокоразвитая нервная система. Будучи в некоторых отношениях чрезвычайно примитивной и архаичной, эта тварь имела систему ганглиев и нервных волокон, свойственных высокоразвитому организму. Состоящий из пяти главных отделов мозг был удивительно развит, наличествовали и признаки органов чувств. К ним относились и жесткие волосики на головке, хотя полностью уяснить их функцию не удавалось — ничего похожего у других земных существ не имелось. Возможно, у твари было больше, чем пять чувств: Лейк с трудом представлял себе поведение и образ жизни, исходя из известных стереотипов. Он полагал, что встретился с высокочувствительным организмом, выполняв-

шим в первобытном мире специализированные функции, вроде наших муравьев и пчел. Размножалась тварь как бессемянные растения — ближе всего к папоротникообразным: на кончиках крыльев у нее образовывались споры — происхождение ее явно прослеживалось от талломных растений и проталлиев.

Причислить ее куда-либо было невозможно. Хотя внешне тварь выглядела как морская звезда, но являлась несравненно более высоким организмом. Обладая признаками растения, она на три четверти принадлежала к животному миру. О ее морском происхождении говорили симметричные очертания и прочие признаки, однако далее она развивалась в других направлениях. В конце концов у нее выросли крылья, значит, не исключено, что эволюция оторвала ее от земли. Когда успела она проделать весь этот сложный путь развития и оставить свои следы на архейских камнях, если Земля в те далекие годы была совсем молодой планетой? Это: невозможно уразуметь. Замечтавшийся Лейк припомнил древние мифы о Старцах, прилетевших с далекой звезды и шулки ради, или по ошибке, сотворивших здесь жизнь, припомнил он и фантастические рассказы друга-фольклориста из Мискатоникского университета о живущих в горах тварях родом из космоса.

Лейк, конечно, подумывал и о том, не могло ли на докембрийском камне оставить следы существо более примитивное, чем лежащая перед ним особь, но быстро отказался от такого легкого объяснения. Те следы говорили скорее о более высокой организации. Размеры лженоги у позднейшей особи уменьшились, да и вообще форма и строение как-то огрубелись и упростились. Более того, нервные волокна и органы вскрываемого существа указывали на то, что имела место регрессия. Преобладали, к удивлению Лейка, атрофированные и рудиментарные органы. Во всяком случае, для окончательных выводов недоставало информации, и тогда Лейк вновь обратился к мифологии, назвав в шулку найденных тварей Старцами.

В половине третьего ночи, решив на время прекратить работу и немного отдохнуть, Лейк, накрыв рассеченную особь брезентом, вышел из палатки и с новым интересом стал изучать неповрежденные экземпляры. Под лучами незаходящего антарктического солнца они несколько обмякли, углы головок и две или три трубочки немного распрямились, но Лейк не увидел в этом никакой опасности, полагая, что процесс распада не может идти быстро при минусовой температуре. Однако он сдви-

нул цельные экземпляры ближе друг к другу и набросил на них свободную палатку, чтобы предохранить трофеи от прямых солнечных лучей. Это к тому же умеряло неприятный едкий запах, который необычайно возбуждал собак. Они чуяли его даже на значительном расстоянии: за ледяными стенами, которые росли все выше и выше, — над воздвижением этого снежного убежища теперь трудилось вдвое больше человек. Со стороны могучих гор подул сильный ветер, там, видимо, зарождалась буря, и Лейк для верности придавил углы палатки тяжелыми льдинами. Зная, насколько свирепыми бывают внезапные антарктические ураганы, все под руководством Этвуда продолжили начатую ранее работу по укреплению снегом палаток, загона для собак и сооруженных на скорую руку укрытий для самолетов. Лейка особенно тревожили недостаточно высокие снежные стены этих укрытий, возводившихся в свободную минуту, от случая к случаю, и он наконец бросил всю рабочую силу на решение этой важнейшей задачи.

После четырех часов Лейк дал радиоотбой, посоветовав нам отправляться спать; его группа, хорошо поработав, тоже немного отдохнет. Он перемолвился несколькими теплыми словами с Пэбоди, еще раз поблагодарив того за удивительное изобретение, без которого им вряд ли удалось бы совершить открытие. Этвуд тоже дружески попрощался с нами. Я еще раз поздравил Лейку, признав, что он был прав, стремясь на запад. Мы договорились о новой встрече в эфире в десять утра. Если ветер утихнет, Лейк пошлет за нами самолет. Перед сном я отправил последнюю сводку на «Аркхем», попросив с большой осторожностью передавать эфир информацию о сенсациях дня. Слишком все невероятно! Нам могли не поверить, нужны доказательства.

Глава 3

В ту ночь никто из нас не мог заснуть крепким сном, все мы поминутно просыпались. Возбуждение было слишком велико, а тут еще ветер бушевал с неимоверной силой. Его свирепые порывы заставляли нас задумываться, каково же там, на базе Лейки, у подножья бесконечных неведомых хребтов, в самой колыбели жестокого урагана. В десять часов Мактай был уже на ногах и попытался связаться по радиации с Лейком, но помешали атмосферные

условия. Однако нам удалось поговорить с «Аркхемом», и Дуглас сказал мне, что также не смог вызвать Лейка на связь. Об урагане он узнал от меня — в районе залива Мак-Мердо было тихо, хотя в это верилось с трудом.

Весь день мы провели у приемника, прислушиваясь к малейшему шуму и потрескиванию в эфире, и время от времени тщетно пытались связаться с базой. Около полудня с запада налетел шквал, порывы безумной силы испугали нас — не снесло бы лагерь. Постепенно ветер утих, лишь около двух часов возобновился на непродолжительное время. После трех он окончательно утих, и мы с удвоенной энергией стали искать Лейка в эфире. Зная, что у него в распоряжении четыре радиофицированных самолета, мы не допускали мысли, что все великолепные передатчики могут разом выйти из строя. Однако нам никто не отвечал, и, понимая, какой бешеной силы мог там достигать шквалистый ветер, мы строили самые ужасные догадки.

К шести часам вечера страх наш достиг апогея, и, посоветовавшись по радио с Дугласом и Торфинсеном, я решил действовать. Пятый самолет, оставленный нами в заливе Мак-Мердо на попечение Шермана и двух матросов, находился в полной готовности, оснащенный для таких вот крайних ситуаций. По всему было видно, что момент наступил. Вызвав по радио Шермана, я приказал ему срочно вылететь ко мне, взяв обоих матросов: условия для полета стали к этому времени вполне благоприятными. Мы обговорили состав поисковой группы и решили в конце концов отправиться все вместе, захватив также сани и собак. Огромный самолет, сконструированный по нашему специальному заказу для перевозки тяжелого машинного оборудования, позволял это сделать. Готовясь к полету, я не прекращал попыток связаться с Лейком, но безуспешно.

Шерман вместе с матросами Гунарсонном и Ларсеном взлетели в половине восьмого и несколько раз за время полета информировали нас, как обстоят дела. Все шло хорошо. Они достигли нашей базы в полночь, и мы тут же приступили к совещанию, решая, как действовать дальше. Было довольно рискованно лететь всем в одном самолете над ледяным материком, не имея промежуточных баз, но никто не спасовал. Это был единственный выход. Загрузив часть необходимого в самолет, мы около двух часов ночи легли отдохнуть, но уже спустя четыре часа снова были на ногах, заканчивая паковать и укладывать вещи.

И вот 5 января в 7 часов 15 минут утра начался наш полет на север в самолете, который вел пилот Мактай. Кроме него в самолете находились еще десять человек, семь собак, сани, горючее, запас продовольствия, а также прочие необходимые вещи, в том числе и рация. Погода стояла безветренная, небо чистое, температура для этих мест не слишком низкая, так что особых трудностей не предвиделось. Мы были уверены, что с помощью указанных Лейком координат легко отыщем лагерь. Но дурные предчувствия нас не покидали: что обнаружим мы у цели? Ведь радио по-прежнему молчало, никто не отвечал на наши постоянные вызовы,

Каждый момент этого четырехчасового полета навсегда врезался в мою память: он изменил всю мою жизнь. Именно тогда, в 54-летнем возрасте, я навсегда утратил мир и покой, присущий человеку с нормальным рассудком и живущему в согласии с природой и ее законами. С этого времени мы — все десятеро, но особенно мы с Денфортом — неотрывно следили за фантомами, таящимися в глубинах этого чудовищного искаженного мира, и ничто не заставит нас позабыть его. Мы не стали бы рассказывать, будь это возможно, о наших переживаниях всему человечеству. Газеты напечатали бюллетени, посланные нами с борта самолета, в которых сообщалось о нашем беспосадочном перелете; о встрече в верхних слоях атмосферы с предательскими порывами ветра; об увиденной с высоты шахте, которую Лейк пробурил три дня назад на полпути к горам, а также о загадочных снежных цилиндрах, замеченных ранее Амундсеном и Бэрдом, — ветер гнал их по бескрайней ледяной равнине. Затем наступил момент, когда мы не могли адекватно передавать охватившие нас чувства, а потом пришел и такой, когда мы стали строго контролировать свои слова, введя своего рода цензуру.

Первым завидел впереди зубчатую линию таинственных кратеров и вершин матрос Ларсен. Он так завопил, что все бросились к иллюминаторам. Несмотря на значительную скорость самолета, горы, казалось, совсем не приближались; это говорило о том, что они бесконечно далеки и видны только из-за своей невероятной, непостижимой высоты. И, все же постепенно они мрачно вырастали перед нами, застилая западную часть неба, и мы уже могли рассмотреть голые, лишенные растительности и незащищенные от ветра темные вершины. Нас пронизывало непередаваемое ощущение чуда, переживаемое при виде этих за-

литых розоватым антарктическим светом громад на фоне облаков ледяной пыли, переливающейся всеми цветами радуги.

Эта картина рождала чувство близости к некоей глубочайшей тайне, которая могла вдруг раскрыться перед нами. За безжизненными жуткими хребтами, казалось, таились пугающие пучины подсознательного, некие бездны, где смешались время, пространство и другие, неведомые человечеству измерения. Эти горы представлялись мне вместилищем зла — хребтами безумия, дальние склоны которых обрывались, уходя в пропасть, за которой ничего не было. Полупрозрачная дымка облаков, окутывающая вершины, как бы намекала на начинающиеся за ними бескрайние просторы, на затаенный и непостижимый мир вечной Смерти — далекий, пустынный и скорбный.

Юный Денфорт обратил наше внимание на любопытную закономерность в очертаниях горных вершин — казалось, к ним прилепились какие-то кубики; об этом упоминал и Лейк в своих донесениях, удачно сравнивая их с призрачными руинами первобытных храмов в горах Азии, которые так таинственно и странно смотрятся на полотнах Рериха. Действительно, в нездешнем виде этого континента с его загадочными горами было нечто рериховское. Впервые я почувствовал это в октябре, завидев издали Землю Виктории, теперь прежнее чувство ожило с новой силой. В сознании всплывали древние мифические образы, беспокоящие и будоражащие. Как напоминало это мертвое пространство зловещее плато Ленг, упоминаемое в старинных рукописях! Ученые посчитали, что оно находилось в Центральной Азии, но родовая память человечества или его предшественников уходит в глубины веков, и многие легенды, несомненно, зарождались в землях, горах и мрачных храмах, существовавших в те времена, когда не было еще самой Азии да и самого человека, каким мы его себе сейчас представляем. Некоторые особенно дерзкие мистики намекали, что дошедшие до нас отрывки Пнакотических рукописей созданы до плейстоцена, и предполагали, что последователи Цатогуа не являлись людьми так же, как и сам Цатогуа. Но где бы и в какое время ни существовал Ленг, это было не то место, куда бы я хотел попасть, не радовала меня и мысль о близости к земле, породившей странных, принадлежавших непонятно к какому миру чудовищ — тех, о которых упоминал Лейк. Как сожалел я в эти минуты, что некогда взял в руки отвратительный «Некрономикон» и подолгу беседовал в университете



Инсму. Художник — Тайен Ким

с фольклористом Уилмартом, большим эрудитом, но крайне неприятным человеком.

Это настроение не могло не усилить мое и без того неприятное отношение к причудливым миражам, рожденным на наших глазах изменчивой игрой света, в то время как мы приближались к хребтам и уже различали холмистую местность предгорий. За прошедшие недели я видел не одну дюжину полярных миражей, и некоторые не уступали нынешнему в жутком ирреальном правдоподобии. Но в этом, последнем, было что-то новое, какая-то потаенная угроза, и я содрогался при виде поднимающегося навстречу бесконечного лабиринта из фантастических стен, башен и минаретов; сотканых из снежной пыли.

Казалось, перед нами раскинулся гигантский город, построенный по законам неведомой человечеству архитектуры, где пропорции темных как ночь конструкций говорили о чудовищном надругательстве над основами геометрии. Усеченные конусы с зазубренными краями увенчивались цилиндрическими колоннами, кое-где вздутыми и прикрытыми тончайшими зубчатыми дисками; с ними соседствовали странные плоские фигуры, как бы составленные из множества прямоугольных плит, или из круглых пластин, или пятиконечных звезд, перекрывавших друг друга. Там были также составные конусы и пирамиды, некоторые переходили в цилиндры, кубы или усеченные конусы и пирамиды, а иногда даже в остроконечные шпили, сбитые в отдельные группки — по пять в каждой. Все эти отдельные композиции, как бы порожденные бредом, соединялись воедино на головокружительной высоте трубчатыми мостиками. Зрелище подавляло и ужасало своими гигантскими размерами. Миражи такого типа не являлись чем-то совершенно новым: нечто подобное в 1820 году наблюдал и даже делал зарисовки полярный китобой Скорсби, но время и место усугубляли впечатление: глядя на неведомые горы, возвышавшиеся темной стеной впереди, мы не забывали, какие странные открытия совершили здесь наши друзья, а также не исключали, что с ними, то есть с большей частью нашей экспедиции, могло приключиться несчастье. Естественно, что в мираже нам чудились потаенные угроза и беспредельное зло.

Когда мираж начал расплываться, я не мог не почувствовать облегчения, хотя в процессе исчезновения все эти зловещие башенки и конусы принимали на какое-то время еще более отвратительные, неприемлемые для человека формы. Когда мираж раста-

ял, превратившись в легкую дымку, мы снова обратили свой взор к земле и поняли, что наш полет близится к концу. Горы взмывали ввысь на головокружительную высоту, словно крепость неких гигантов, а их удивительная геометрическая правильность улавливалась теперь с поразительной четкостью простым, не вооруженным биноклем глазом. Мы летели над самым предгорьем и различали среди льда, снежных наносов и открытой земли два темных пятна — по-видимому, лагерь Лейка и место бурения. Еще один подъем начинался примерно через пять-шесть миль, образуя нижнюю гряду холмов, оттеняющих грозный вид пиков, превосходящих самые высокие вершины Гималаев. Наконец Роупс, студент, сменивший Мактая у штурвала самолета, начал снижение, направляя машину к левому большому «пятну», где, как мы считали, располагалась база. Мактай же тем временем послал в эфир последнее, еще не подвергшееся нашей цензуре, послание миру.

Не сомневаюсь, что все читали краткие, скупые бюллетени о ходе наших поисковых работ. Через несколько часов после посадки мы в осторожных выражениях сообщили о гибели всей группы Лейка от пронесшегося здесь прошлым днем или ночью урагана. Были найдены трупы десяти человек, не могли отыскать лишь тело молодого Гедни. Нам простили отсутствие подробностей, объяснив его шоком от трагедии, и поверили, что все одиннадцать трупов невозможно перевезти на корабль из-за множества увечий, причиненных ураганным ветром. Я горжусь тем, что даже в самые страшные минуты, обескураженные и потрясенные, с перехваченным от жуткого зрелища дыханием, мы все же нашли в себе силы не сказать всей правды. Мы недоговаривали самого главного, я и теперь не стал бы ворошить прошлое, если бы не возникла необходимость предупредить смельчаков о предстоящих им кошмарных встречах,

Ураган действительно произвел бесчисленные разрушения. Трудно сказать, удалось бы людям выжить, не будь еще одного вмешательства в их судьбы. Вряд ли. На нашу экспедицию еще не обрушивался такой жестокий ураган, который бы в ярости швырял и крошил ледяные глыбы. Один ангар — все здесь не очень-то подготовили к подобным стихийным бедствиям — был просто стерт в порошок, а буровая вышка разнесена вдребезги. Открытые металлические части самолетов и буровой техники ледяной вихрь отполировал до ослепительного блеска, а две небольшие палатки, несмотря на высокие снежные укрепления, валялись,

распластанные на снегу. С деревянного покрытия буровой установки полностью сошла вся краска, от ледяной крошки оно было сплошь выщерблено. К тому же ветер замел все следы. Мы также не нашли ни одного цельного экземпляра древнего организма — с собой увезти нам было нечего. В беспорядочной куче разных обломков нашлось несколько любопытных камней, среди них диковинные пятиконечные кусочки зеленого мыльного камня с еле заметными точечными узорами, ставшими предметом споров и разных толкований, а также некоторое количество органических остатков, в том числе и кости со странными повреждениями.

Ни одна собака не выжила; почти полностью разрушилось и спешно возведенное для них снежное убежище. Это можно было приписать действию урагана, хотя с подветренной стороны укрытия остались следы разлома — возможно, обезумевшие от страха животные вырвались наружу сами. Все трое саней исчезли; мы объяснили пропажу тем, что бешеный вихрь унес их в неизвестном направлении. Буровая машина и устройство по растапливанию льда совсем вышли из строя, о починке не могло быть и речи, мы просто спихнули их в яму — «ворота в прошлое», как называл ее Лейк. Оставили мы в лагере и два самолета, больше других пострадавшие при урагане, тем более что теперь у нас было только четыре пилота — Шерман, Денфорт, Мактай и Рупс, причем перед отлетом Денфорт пребывал в состоянии такого тяжелого нервного расстройства, что допускать его к пилотированию ни в коем случае не следовало. Все, что мы смогли отыскать — книги, приборы и прочее снаряжение, — тоже загрузили в самолет. Запасные палатки и меховые вещи либо пропали, либо находились в негодном состоянии.

Около четырех часов дня, совершив облет местности на небольшой высоте в надежде отыскать Гедни и убедившись, что он бесследно исчез, мы послали на «Аркхем» осторожное, обдуманное сообщение. Полагаю, благодаря нашим стараниям оно получилось спокойным и достаточно обтекаемым, поскольку все сошло как нельзя лучше. Подробнее всего мы рассказали о волнениях наших собак при приближении к загадочным находкам, что и следовало ожидать после донесений бедняги Лейка. Однако, помнится, не упомянули, что они приходили в такое же возбуждение, обнюхивая странные зеленоватые камни и некоторые другие предметы среди всеобщего развала в лагере и на месте бурения: приборы, самолеты, машины были разворочены, от-

дельные детали сорваны яростным ветром — казалось, и ему не чуждо было любопытство.

О четырнадцати неведомых тварях мы высказались очень туманно. И это простительно. Сообщили, что на месте оказались только поврежденные экземпляры, но и их хватило, чтобы признать описание бедняги Лейка абсолютно точным. Было нелегко скрывать. Наши истинные эмоции по этому поводу, а также не называть точных цифр и не упоминать, где мы обнаружили выше-названные экземпляры. Между собой мы уже договорились ни словом не намекать на охватившее, по-видимому, группу Лейка безумие. А чем еще, как не безумием, можно было объяснить захоронение шести поврежденных тварей — в стоячем положении, в снегу, под пятиугольными ледяными плитами с нанесенными на них точечными узорами, точь-в-точь повторяющими узоры на удивительных зеленоватых мыльных камнях, извлеченных из мезозойских или третичных пластов. А восемь неповрежденных экземпляров, о которых упоминал Лейк, сгинули бесследно.

Мы с Денфортом постарались также не будоражить общественное мнение, сказав лишь несколько общих слов о жутком полете над горами, которое предприняли на следующее утро. С самого начала было ясно, что одолеть эти высоченные горы сможет только почти пустой самолет, поэтому на разведку полетели лишь мы двое, что спасло других от немыслимых испытаний. Когда мы в час ночи вернулись на базу, Денфорт был на грани истерики, но кое-как держал себя в руках. Я легко убедил его никому не показывать наши записи и рисунки, а также прочие вещи, которые мы попрятали в карманы, и повторять всем только то, что мы: решили сделать достоянием общественности. И еще — подальше упрятать пленки и проявить их позже, в полном уединении. Так что мой рассказ явится неожиданностью не только для мировой общественности, но и для бывших тогда вместе с нами участников экспедиции — Пэбоди, Мактая, Роупса, Шермана и других. Денфорт оказался еще большим молчуном, чем я: он видел или думает, что видел, нечто такое, о чем не говорит даже мне.

Как известно, в своем отчете мы упоминали о трудном взлете; затем подтвердили предположение

Лейка, что высочайшие вершины состоят из сланцевых и прочих древних пород и окончательно сформировались к середине команчского периода; еще раз упомянули о прилепивших-

ся к склонам кубических фигурах необычно правильной формы, напоминающих крепостные стены; сообщили, что, судя по виду расщелин, здесь имеются и вкрапления известняка; предположили, что некоторые склоны и перешейки вполне преодолимы для альпинистов, если штурмовать их в подходящий сезон, и наконец объявили, что по другую сторону загадочных гор раскинулось поистине безграничное плато столь же древнего происхождения, как и сами горы, — высотой около двадцати тысяч футов над уровнем моря, с поверхностью, изрезанной скальными образованиями, проступающими под ледяной коркой, — оно плавно повышается, подходя к вертикально взмывающей, высочайшей в мире горной цепи.

Эта информация в точности соответствовала действительности и вполне удовлетворила всех на базе. Наше шестнадцатичасовое отсутствие — гораздо большее, чем того требовали полет, посадка, беглая разведка и сбор геологических образцов, — мы объяснили изрядно потрепавшим нас встречным ветром, честно признавшись, что совершили вынужденную посадку на дальнем плато. К счастью, рассказ наш выглядел вполне правдиво и достаточно прозаично: никому не пришло в голову последовать нашему примеру и совершить еще один разведывательный полет. Впрочем, всякий, кто надумал бы полететь, встретился бы с решительным сопротивлением с моей стороны, не говоря уж о Денфорте. Пока мы отсутствовали, Пэбоди, Шерман, Роупс, Мактай и Уильямсон работали как каторжные, восстанавливая два лучших самолета Лейка, система управления которых была повреждена каким-то непостижимым образом.

Мы решили загрузить самолеты уже на следующее утро и немедленно вылететь на нашу прежнюю базу. Конечно, это был основательный крюк на пути к заливу Мак-Мердо, но прямой перелет через неведомые просторы мертвого континента мог быть чреват новыми неожиданностями. Продолжение исследований не представлялось возможным из-за трагической гибели наших товарищей и поломки буровой установки. Испытанный ужас и неразрешимые сомнения, которыми мы не делились с внешним миром, заставили нас покинуть этот унылый край, где, казалось, навеки воцарилось безумие.

Как известно, наше возвращение на родину прошло благополучно. Уже к вечеру следующего дня, а именно 27 января, мы, совершив быстрый беспосадочный перелет, оказались на базе,

а 28-го переправились в лагерь у залива Мак-Мердо, сделав только одну кратковременную остановку из-за бешеного ветра, несколько сбившего нас с курса. А еще через пять дней «Аркхем» и «Мискатоник» с людьми и оборудованием на борту, разламывая ледяную корку, вышли в море Росса, оставив с западной стороны Землю Виктории и насмешливо ощерившиеся нам вослед громады гор на фоне темного грозового неба. Порывы и стоны ветра преображались в горах в странные трубные звуки, от которых у меня замирало сердце. Не прошло и двух недель, как мы окончательно вышли из полярных вод, вырвавшись наконец из плена этого проклятого наводненного призраками царства, где жизнь и смерть, пространство и время вступили в дьявольский противоестественный союз задолго до того, как материя запульсировала и забилась на еще неостывшей земной коре

Вернувшись, мы сделали все, дабы предотвратить дальнейшее изучение антарктического континента, дружно держа язык за зубами относительно побуждающих нас к тому причин и никого не посвящая в наши мучительные сомнения и догадки. Даже молодой Денфорт, перенесший тяжелый нервный срыв, молчал, ни слова не сказав своему лечащему врачу, а ведь, как я уже говорил, было нечто такое, что, по его разумению, только он один и видел. Со мной Денфорт тоже как воды в рот набрал, хотя тут уж, полагаю, откровенность пошла бы ему на пользу. Его признание могло бы многое объяснить, если, конечно, все это не было лишь галлюцинацией, последствием перенесенного шока. К такому выводу я пришел, слыша от него в редкие моменты, когда он терял над собой контроль, отдельные бессвязные вещи, которые он, обретая вновь равновесие, горячо отрицал.

Нам стоило большого труда сдерживать энтузиазм смельчаков, стремившихся увидеть воочию громадный белый континент, тем более что некоторые наши усилия, напротив, сыграли роль рекламы и принесли обратный результат. Мы забыли, что человеческое любопытство неистребимо: опубликованные отчеты о нашей экспедиции побуждали и других к поискам неведомого. Натуралисты и палеонтологи живо заинтересовались сообщениями Лейка об обнаруженных им древних существах, хотя мы проявили мудрость и нигде не демонстрировали ни привезенные с собой части захороненных особей, ни их фотографии. Утаили также и кости с наиболее впечатляющими глубокими рубцами, и зеленоватые мыльные камни, а мы с Денфортом скрывали от

посторонних глаз фотографии и зарисовки, сделанные нами по другую сторону хребтов; оставаясь одни, мы разглаживали смятые бумаги, в страхе их рассматривали и вновь прятали подальше.

И вот теперь полным ходом идет подготовка к экспедиции Старкуэтера-Мура, и она, несомненно, будет гораздо оснащенной нашей. Если сейчас не отговорить энтузиастов, они проникнут в самое сердце Антарктики, будут растапливать лед и бурить почву до тех пор, пока не извлекут из глубин нечто такое, что, как мы поняли, может погубить человечество. Поэтому я снимаю с себя обет молчания и расскажу все, что знаю, — в том числе и об этой жуткой неведомой твари по другую сторону Хребтов Безумия.

Глава 4

Мне трудно вернуться даже мысленно в лагерь Лейка, я делаю это с большой неохотой, но надо наконец откровенно рассказать; что же мы в действительности увидели там, а потом и далее — за Хребтами Безумия. Ловлю себя на постоянном искушении — хочется опускать детали, не делать четких выводов, говорить не прямо, а намеками. Думаю, я и так уже многое сказал, теперь нужно только заполнить лакуны. Главное — ужас, который охватил нас в лагере. Я уже рассказывал о сокрушенных ветром скалах, развороченных укрытиях, приведенных в негодность машинах, странном беспокойстве собак, пропавших санях, смерти наших людей и собак, исчезновении Гедни, шести ненормально захороненных тварях, обладавших необычно плотным строением ткани, особенно если учесть, что они пролежали сорок миллионов лет в земле. Не помню, упоминал ли я о том, что мы недосчитались одного собачьего трупа. Скоро все позабыли об этом, кроме меня и Денфорта.

Основное, что я стремился утаить, касалось вида трупов и еще нескольких деликатных вещей, которые, возможно, могли приоткрыть ужасную завесу тайны и дать объяснение, казалось бы, бессвязным и непостижимым событиям. Сразу после трагедии я как мог старался отвлечь внимание своих товарищей от всех этих несоответствий — было проще, да и естественней, приписать все стихийной вспышке безумия в лагере Лейка. Эти чер-

товы горы могли хоть кого свести с ума, особенно здесь — в самом таинственном и пустынном месте на Земле.

Вид трупов, и человеческих, и собачьих, приводил в недоумение. Казалось, они погибли в борьбе, защищаясь от дьявольски жестокого нападения неведомых врагов, искалечивших и искромсавших их тела. Насколько мы могли судить, все они были либо задушены, либо разорваны на куски. Началось все, очевидно, с собак, вырвавшихся из ненадежного загончика, который пришлось городить на некотором расстоянии от лагеря из-за патологической неприязни животных к загадочным древним организмам. Однако все предосторожности оказались тщетными. Оставшись одни, они при первых яростных порывах ураганного ветра разнесли это хилое убежище — то ли их испугал ветер, то ли растревожил источаемый кошмарными тварями едкий запах.

Но так или иначе, а зрелище было премерзким. Придется мне превозмочь отвращение и брезгливость и открыть наконец самое худшее, при этом заявив категорически, что сгинувший Гедни ни в коем случае не повинен в чудовищном злодеянии. Это наше с Денфортом глубокое убеждение, обоснованное на фактах и законах дедукции. Я уже говорил о том, что трупы были страшно изуродованы. Добавлю, что у некоторых вспороли животы и вытащили внутренности. В изощренной жестокости поступка было нечто нечеловеческое. Так обошлись не только с людьми, но и с собаками. С расчетливостью мясника у самых крупных и здоровых двуногих и четвероногих существ вырезали основательные куски плоти. Рассыпанная вокруг соль, похищенная из продуктовых запасов, хранившихся на самолетах, наводила на страшные подозрения. Весь этот кошмар мы обнаружили в одном из временных ангаров — самолет из него был, по-видимому, перед тем вытащен. Ни одно разумное объяснение этой трагедии не приходило на ум, тем более что пронесшийся ветер, возможно, уничтожил следы, которые могли бы пролить свет на загадку. Не вносили ясность и найденные клочки одежды, грубо сорванной с человеческих тел. Правда, в одном углу, менее других пострадавшем от урагана, мы увидели на снегу слабые отпечатки, но то были совсем не человеческие следы — скорее уж они напоминали те доисторические отпечатки, о которых так много

говорил в последнее время бедняга Лейк. Впрочем, вблизи этих мрачных Хребтов Безумия всякое могло померещиться.

Как я уже говорил, вскоре выяснилось, что Гедни и одна из собак бесследно пропали. В убежище, где разыгралась жуткая трагедия, мы недосчитались двух человек и двух собак, но когда, осмотрев чудовищные могилы, перешли в чудом сохранившуюся палатку, где Лейк проводил вскрытие, кое-что прояснилось. Здесь мы обнаружили перемены: внутренности доисторической твари исчезли с импровизированного стола. Все сопоставив, мы пришли к выводу, что одной из столь ненормально погребенных шести тварей, той, от которой шел особенно невыносимый запах, была как раз препарированная Лейком особь. На лабораторном столе и вокруг него теперь лежало нечто иное, и нам не понадобилось много времени, чтобы понять: то были неумело рассеченные трупы — мужчины и собаки. Щадя чувства родственников, я не назову имя несчастного. Инструменты Лейка пропали, но остались следы того, что их пытались стерилизовать. Газолиновая горелка также исчезла, а рядом с местом, где она стояла, валялась куча обгоревших спичек. Мы захоронили нашего расчлененного товарища вместе с десятью другими трупами, а останки несчастной собаки — с тридцатью пятью погибшими животными. Что касается непонятных пятен на лабораторном столе и на валявшихся рядом иллюстрированных книгах, то здесь мы терялись в догадках, не зная, что и подумать.

Собственно, самое страшное я уже поведал, но настораживали и другие вещи. Мы не могли объяснить исчезновения Гедни, собаки, восьми цельных, найденных Лейком, организмов, трех саней, инструментов, многих иллюстрированных научных книг и книг по технике, записей и отчетов, электрических фонариков и батареек, пищи и горючего, нагревательных приборов, запасных палаток, меховых курток и прочих вещей. Приводили в недоумение и расплывшиеся пятна на книжных листах, и характер поломок в авиационной и бурильной технике — словно из-за неумелого обращения. Собаки, казалось, питали нескрываемое отвращение к этим испорченным машинам. В месте, где хранилась провизия, также царил полный беспорядок, некоторые продукты питания отсутствовали вовсе; неприятно поражало и множество сваленных в кучу консервных банок, вскрытых кое-как и совсем не в тех местах, которые для этого предназначались. Осталось загадкой и то, зачем понадобилось разбрасывать повсюду спич-

ки — использованные, поломанные, а то и совсем целые; приводили также в недоумение странные разрывы на двух или трех палатках и меховых куртках — будто их неумело приспособляли для каких-то непонятных целей. Полное пренебрежение к трудностям людей и собак, в то время как останки древних тварей были похоронены, хоть и весьма странным образом, тоже вписывалось в картину повального безумия. На всякий случай мы тщательно сфотографировали эти наглядные признаки охватившего лагерь помешательства и теперь обязательно предъявим их, чтобы предотвратить отправку экспедиции Старкуэтера-Мурра.

Обнаружив в укрытии растерзанные тела людей, мы затем сфотографировали и разрыли ряд диковинных могил — пятиконечных снежных холмиков. Нам сразу же бросилось в глаза сходство странных композиций из точек, нанесенных на ледяные плиты поверх этих жутких могил с узорами на чудных зеленых камнях, о которых говорил бедняга Лейк. Когда же мы выискали эти камни среди прочих минералов, то еще раз убедились, что он был прав. Тут нужно внести ясность: камни неприятнейшим образом напоминали звездчатые головы древних тварей, и мы все согласились, что это сходство могло сыграть роковую роль, подействовав на возбужденное воображение смертельно уставших людей Лейка.

Сумасшествие — вот единственное объяснение, которое приходило на ум, во всяком случае, единственное, которое проносились вслух. Гедни находился под особым подозрением — ведь только он мог остаться в живых. Впрочем, я не настолько наивен, чтобы не предположить, что у каждого из нас были другие объяснения случившегося, но они казались нам слишком уж фантастическими, и здравый смысл удерживал нас от попыток четко их сформулировать. Днем Шерман, Пэбоди и Мактай совершили продолжительный полет над окрестностями, тщетно пытаясь отыскать следы Гедни или что-нибудь из пропавших вещей. Вернувшись, они сообщили, что гигантские горы, похоже, тянутся бесконечно далеко и вправо, и влево, не снижаясь и сохраняя единую структуру. На некоторых пиках правильные кубы и нечто, напоминавшее крепостные залы, вырисовывались четче, чем на прочих, усиливая сходство с изображенными на картинах Рериха руинами в горах Азии. Что касается загадочных отверстий — возможных входов в пещеры, то они распределялись довольно равномерно на свободных от снега темных вершинах.

Несмотря на ниспосланные тяжелые испытания, в нас не угасала научная любознательность и томил один и тот же вопрос: что же таится там, за таинственными горными хребтами? В полночь, после кошмарного дня, полного неразрешимых загадок, мы сообщили по радио, избегая подробностей, что хотим наконец отдохнуть. На следующее утро было намечено совершить один или несколько разведывательных полетов через хребты — налегке, прихватив с собой только геологические инструменты и аэрокамеру. Первыми готовились лететь мы с Денфортом, поэтому в семь утра были уже на ногах, но из-за сильного ветра полет пришлось перенести на девять, о чем мы опять-таки поведали в краткой сводке по радио.

Я уже не раз повторял ту неопределенно-уклончивую информацию, которой, вернувшись спустя шестнадцать часов, мы поделились со своими оставшимися в лагере товарищами, а также с остальными, ждущими наших сообщений вдалеке. Теперь же должен выполнить свой тягостный долг и заполнить наконец оставленные мной из чувства человеколюбия лакуны, рассказав хотя бы часть того, что увидели мы в действительности по другую сторону адских хребтов и что привело Денфорта к последующему нервному срыву. Хотелось, чтобы и Денфорт чистосердечно поведал о том, что, по его убеждению, он видел (хотя не исключена возможность галлюцинации) и что, допуская, и привело его к настоящему жалкому состоянию. Но он отказался наотрез. Могу лишь воспроизвести на бумаге его бессвязный лепет по поводу зрелища, из-за которого он непрерывно вопил в течение всего обратного полета, когда нас болтал разыгравшийся не на шутку ветер. Впрочем, и остального, увиденного нами вместе, хватило бы, чтобы свести кого угодно с ума. Об этом я сейчас и поведаю. Если рассказ о доживших до нашего времени жутких монстрах, на который я решился, чтобы удержать безумцев от путешествия в центральную часть Антарктики или хотя бы от желания проникнуть в недра этого бескрайнего материка, полного неразгаданных тайн и несущего печать векового проклятия пустынных просторов, в которых нет ничего человеческого, если этот рассказ не остановит их — ну что ж, тогда, по крайней мере, я не буду в ответе за чудовищные и непредсказуемые последствия.

Изучив записи, сделанные Пэбоди во время его дневного полета, сверив их с показаниями секстанта, мы с Денфортом вычислили, что самое подходящее место для перелета через горы нахо-

дится правее лагеря, высота хребта там минимальная — двадцать три или двадцать четыре тысячи футов над уровнем моря. Все же мы полностью разгрузили самолет. Лагерь наш находился в предгорьях, достигавших и так приблизительно двенадцать тысяч футов, поэтому фактически нам нужно было подняться не на такую уж большую высоту. Тем не менее, взлетев, мы остро почувствовали нехватку воздуха и мучительный холод: из-за плохой видимости пришлось оставить иллюминаторы открытыми. Вряд ли стоит говорить о том, что мы натянули на себя из одежды все, что смогли.

Приближаясь к мрачным вершинам, грозно темневшим над снежной линией, отделявшей обнаженную породу от вечных льдов, мы замечали все большее количество прилепившихся к горным склонам геометрически правильных конструкций и в очередной раз вспоминали загадочные картины Николая Рериха из его азиатской серии. Вид выветрившихся древних пород полностью соответствовал описаниям Лейка: скорее всего эти гиганты точно так же высились здесь и в исключительно давние времена — более пятидесяти миллионов лет назад. Гадать, насколько выше они были тогда, представлялось бессмысленным, хотя по всем приметам некие особые атмосферные условия в этом таинственном районе препятствовали переменам, сдерживая обычный процесс разрушения горных пород.

Волновали и дразнили наше воображение скорее уж все эти правильной формы кубы, пещеры и крепостные валы. Денфорт вел самолет, а я рассматривал их в бинокль, то и дело щелкая аэрокамерой и иногда замещая у руля своего товарища, чтобы дать и ему возможность полюбоваться в бинокль на все эти диковины. Впрочем, ненадолго, ибо мое искусство пилотирования оставляло желать лучшего. Мы уже поняли, что странные композиции состояли по большей части из легкого архейского кварцита, которого больше нигде вокруг не было, а удивительная равномерность их чередования пугала и настораживала нас, как и беднягу Лейка.

Все прочее, сказанное им, тоже оказалось правдой: края этих каменных фигур за долгие годы искрошились и закруглились, но исключительная прочность камня помогла ему выстоять. Нижние, примыкающие к склону части кубов казались схожими с породами хребтов. Все вместе это напоминало развалины Мачу Пикчу в Андах или крепостные стены Киша, обнаруженные ар-

хеологической экспедицией Оксфордского музея под открытым небом. Нам с Денфортом несколько раз почудилось, что все эти конструкции состоят из отдельных гигантских глыб, то же самое померещилось и Кэрроллу, сопровождавшему Лейка в полете. Какое объяснение можно дать этому, я не понимал и чувствовал себя как геолог посрамленным.

Вулканические породы часто принимают необычные формы, стоит вспомнить хотя бы знаменитую Дорогу Великанов в Ирландии, но здесь-то, несмотря на первоначальное предположение Лейка о наличии в горной цепи вулканов, было нечто другое.

Необычные пещеры, рядом с которыми группировались эти диковинные каменные образования, казались не меньшей загадкой — слишком уж правильной формы были отверстия. Чаще всего они представляли собой квадрат или полукруг (что соответствовало сообщению Лейка), как если бы чья-то волшебная рука придала этим естественным входам более законченную симметричную форму. Их насчитывалось на удивление много, видимо, весь известняковый слой был здесь пронизан подземными туннелями. Хотя недра пещер оставались недоступными для наших биноклей, но у самого их входа мы кое-что могли рассмотреть, но не заметили там ни сталактитов, ни сталагмитов. Горная поверхность вблизи пещер была необычно ровной и гладкой, а Денфорту чудилось, что небольшие трещины и углубления складывались в непонятный узор. Немудрено, что после пережитых в лагере потрясений узор этот смутно напомнил ему странный точечный рисунок на зеленоватых камнях, воспроизведенный безумцами на кошмарных ледяных надгробиях шести чудовищных тварей.

Мы медленно набирали высоту, готовясь перелететь через горы в том месте, которое казалось относительно ниже остального хребта. Время от времени поглядывая вниз, мы прикидывали, смогли бы покорить это ледовое пространство, если бы у нас было не новейшее снаряжение, а то, что применялось раньше. К нашему удивлению, подъем не отличался особой крутизной; встречались, конечно, расселины и прочие трудные места, но все же сани Скотта, Шеклтона или Амундсена, без сомнения, прошли бы здесь. Ледники подступали к открытым всем ветрам перевалам — оказавшись над нашим, мы убедились, что и он не был исключением.

Трудно описать волнение, с которым мы ожидали встречи с неведомым миром по другую сторону хребтов, хотя не было никаких оснований полагать, что он существенно отличается от остального континента. Но какая-то мрачная, гнетущая тайна чудилась в этих горах, в манящей переливчатой глубине неба между вершинами — это ощущение невозможно передать на бумаге, оно слишком неопределенно и зыбко. Дело здесь, видимо, заключалось в эстетических ассоциациях, в налете психологического символизма, вспоминались экзотическая поэзия и живопись, в подсознании всплывали древние миры из потаенных книг. Даже в завываниях ветра слышалась некая злобная воля; порой нам казалось, что этот вой сопровождается какой-то дикой музыкой — то ли свистом, то ли трубными звуками, — так случалось, когда ветер забирался в многочисленные гулкие пещеры. Звуки эти вызывали у нас какое-то неосознанное отвращение — сложное, необъяснимое чувство, которое возникает, когда сталкиваешься с чем-то порочным.

Мы немного снизили высоту и теперь летели, согласно показаниям анероида, на высоте 23 570 футов — район вечных снегов остался внизу. Выше нас чернели только голые скалистые вершины, облепленные загадочными кубами и крепостными валами и продырявленные поющими пещерами, — все это создавало ощущение чего-то ненатурального, фантастического, иллюзорного; отсюда начинали свой путь и остроконечные ледники. Вглядываясь в высоченные пики, я, кажется, видел тот, упомянутый несчастным Лейком, на вершине которого ему померещился крепостной вал. Пик этот был почти полностью затянут особым антарктическим туманом — Лейк принял его за признаки вулканической активности. А перед нами лежал перевал, и ветер, завывая, проносился меж его неровных и мрачно насупленных каменных стен. Дальше простиралось небо, по нему, освещенному низким полярным солнцем, ползли кудрявые облачка. Внизу же находился тот неведомый мир, который еще не удавалось лицезреть смертному.

Еще немного — и он откроется перед нами. Заглушая все вокруг, с яростным воем неся через перевал ветер, в его реве, усиливавшемся шумом мотора, можно было расслышать разве что крик, и потому мы с Денфортом обменялись лишь красноречивым взглядом. Но вот последние фута позади — и перед нами неожиданно как бы распахнулись двери в древний и абсолютно чужой мир, таящий множество нераскрытых секретов.

Глава 5

Думаю, в этот момент мы оба одновременно издали крик, в котором смешалось все — восторг, удивление, ужас и недоверие. Конечно, у нас имелись кое-какие познания, умерявшие наши чувства. Можно было, например, вспомнить причудливую природную форму камней Сада Богов в Колорадо или удивительную симметричность отполированных ветром скал Аризонской пустыни. Или принять открывшееся зрелище за мираж, вроде того, что созерцали прошлым утром, подлетая к Хребтам Безумия. Надо было непременно опереться на что-то известное, привычное, чтобы не лишиться рассудка при виде бескрайней ледяной пустыни, на которой сохранились следы разрушительных ураганов, и кажущегося также бесконечным грандиозного, геометрически правильного каменного лабиринта со своей внутренней ритмикой, вздымающего свои вершины, испещренные трещинами и впадинами, над вечными снегами. Снежный покров здесь, кстати, был не более сорока — пятидесяти футов, а кое-где и того меньше.

Невозможно передать словами впечатление от кошмарного зрелища — ведь здесь, не иначе как по наущению дьявола, оказались порушенными все законы природы. На этом древнем плоскогорье, вознесенном а высоту двадцати тысяч футов над уровнем моря, с климатам, непригодным для всего живого еще за пятьсот тысяч лет до появления человека, на всем протяжении этой ледяной равнины высились — как бы ни хотелось, в целях сохранения рассудка, списать все на обман зрения — каменные джунгли явно искусственного происхождения. А ведь раньше мы даже и мысли не допускали, что все эти кубы и крепостные валы могут быть сотворены отнюдь не природой. Да и как допустить, если человек в те времена, когда материк сковал вечный холод, еще мало чем отличался от обезьяны?

Но теперь власть разума основательно поколебалась: гигантский лабиринт из квадратных, округлых и прямоугольных каменных глыб давал недвусмысленное представление о своей



Иллюстрации к «Тени над Инсмутом» в «Weird Tales».
Художник — Ханнес Бок

подлинной природе. Это был, несомненно, тот самый дьявольский город-мираж, только теперь он раскинулся перед нами как объективная, неотвратимая реальность. Выходит, проклятое наваждение имело под собой материальное основание: отражаясь в облаках ледяной пыли, этот доисторический каменный монстр посылал свой образ через горный хребет. Призрачный фантом, конечно, нес в себе некоторые преувеличения и искажения, отличаясь от первоисточника, и все же реальность показалась нам куда страшнее и опасней грезы.

Только колоссальная, нечеловеческая плотность массивных каменных башен и крепостных стен уберегла от гибели это жуткое творение, которое сотни тысяч — а может, и миллионов — лет дремало здесь, посередине ледяного безмолвия. «Corona Mundi-Крыша Мира...» С наших губ срывались фразы одна бессвязнее другой; наши головы кружило от невероятного зрелища, раскинувшегося внизу. Мне вновь пришли на ум таинственные древние мифы, которые так часто вспоминались в этом мертвом антарктическом крае: демоническое плато Ленг; Ми-Го, омерзительный снежный человек с Гималаев; Пнакотические рукописи с содержащимися там намеками на их «нечеловеческое» происхождение; культ Ктулху, «Некрономикон»; гиперборейские легенды о бесформенном Цатогуа звездных пришельцах, еще более аморфных.

Город тянулся бесконечно далеко в обе стороны, лишь изредка плотность застройки редела. Как бы пристально ни гляделись мы в его правую от нас или левую части, протянувшиеся вдоль низких предгорий, мы не видели большого просвета — только с левой стороны от перевала, над которым мы пролетели, была небольшая прогалина. По чистой случайности мы наткнулись как бы на пригород — небольшую часть огромного мегаполиса. Предгорья заполняли фантастического вида каменные постройки, соединявшие зловещий город с уже знакомыми нам кубами и крепостными валами; последние, по всей видимости, являлись не чем иным, как оборонительными сооружениями. Здесь, на внутренней стороне хребтов, они были, на первый взгляд, столь же основательными, как и на внешнем склоне.

Неведомый каменный лабиринт состоял по большей части из стен, высота которых колебалась от десяти до ста пятидесяти футов (не считая скрытого подо льдом), а толщина — от пяти до десяти футов. Сложены они были из огромных глыб — темных протерозойских сланцев. Строения очень отличались друг от

друга размерами. Некоторые соединялись на манер сот, и сплетения эти тянулись на огромные расстояния. Постройки поменьше стояли отдельно. Преобладали конические, пирамидальные и террасированные формы, хотя встречались сооружения в виде нормальных цилиндров, совершенных кубов или их скоплений, а также другие прямоугольные формы; кроме того, повсюду были разбросаны причудливые пятиугольные строения, немного напоминавшие современные фортификационные объекты. Строители постоянно и со знанием дела использовали принцип арки; возможно также, что в период расцвета город украшали купола.

Все эти каменные дебри изрядно повыветрились, а само ледяное поле, на котором возвышалась верхняя часть города, было засыпано обломками обрушившихся глыб, покоившихся здесь с незапамятных времен. Там, где лед был попрозрачнее, просматривались фундаменты и нижние этажи гигантских зданий, а также каменные мосты, соединявшие башни на разных уровнях. На открытом воздухе мосты не уцелели, но на стенах от них остались следы. Вглядевшись пристальнее, мы заметили изрядное количество довольно больших окон, кое-где закрытых ставнями — изготовленными изначально, видимо, из дерева, а со временем ставшими окаменелостью, — но в массе своей окна угрожающе зияли пустыми глазницами. Крыши в основном отсутствовали, а края стен были стерты и закруглены, но некоторые строения, преимущественно конической или пирамидальной формы, окруженные высокими ограждениями, стояли незыблемо наперекор времени и стихиям. В бинокль нам удалось даже разглядеть орнамент на карнизах — в нем присутствовали все те же странные группы точек, что и на древних камнях, но теперь это представлялось в совершенно новом свете. Многие сооружения разрушились, а лед раскололся по причинам чисто геологического свойства. Кое-где камень истерся вплоть до самого льда. Через весь город тянулся широкий, свободный от построек «проспект» — он шел к расщелине в горной низине, приблизительно в миле от перешейка. По нашим предположениям, это могло быть русло большой реки, которая протекала здесь миллионы лет назад, в третичный период, теряясь под землей и впадая в бездонную пропасть где-нибудь под огромными горами. Ведь район этот — со множеством пещер и коварных бездн — явно таил в себе недоступные людям подземные тайны.

Удивительно, как нам удалось сохранить равновесие духа при том изумлении, которое охватило нас от поразительного,

невозможного зрелища — города, восставшего из предвечных глубин, задолго до появления на Земле человека. Что же все-таки происходило? Путаница с хронологией? Устарели научные теории? Нас подвело собственное сознание? Ответа мы не знали, но все же держали себя в руках, продолжая заниматься своим делом вели самолет согласно курсу, наблюдали одновременно множество вещей и непрерывно фотографировали, надеясь, что это сослужит и нам и всему человечеству хорошую службу. В моем случае работал укоренившийся навык ученого: любознательность одержала верх над понятной растерянностью и даже страхом — хотелось проникнуть в вековые тайны и узнать, что за существа жили здесь, возводя свои жилища на столь огромной территории, и как они соотносились с миром.

То, что мы увидели, нельзя было назвать обычным городом, нашим глазам открылась поразительная страница из древнейшей и невероятнейшей главы земной истории. Следы ее сохранились разве что в самых темных, искаженных легендах, ведь глубокие катаклизмы уничтожили все, что могло просочиться за эти гигантские стены. Страница, однако, подошла к концу задолго до того, как человечество потихоньку выбилось из обезьяньего царства. Перед нами простирался палеогенный мегаполис, в сравнении с которым легендарные Атлантида и Лемурия, Коммория, Узударум и Олатое в земле Ломар относились даже не ко вчерашнему дню истории, а к сегодняшнему; этот мегаполис вставал в один ряд с такими дьявольскими порождениями, как Валусия, Р'лай, Иб в земле Мнар и Безымянный город в Аравийской пустыне. Когда мы летели над бесконечными рядами безжизненных гигантских башен, воображение то и дело уносило меня в мир фантастических ассоциаций, и тогда протягивались незримые нити между этим затерянным краем и ужасом, пережитым мной в лагере и теперь бередившим мой разум неясными догадками.

Нам следовало соблюдать осторожность и не слишком затягивать полет: стремясь как можно больше уменьшить вес, мы залили неполные баки. И все же мы основательно продвинулись вперед, снизив высоту и тем самым ускользнув от ветра. Ни горным хребтам, ни подходившему к самым предгорьям ужасному городу не было, казалось, ни конца ни края. Пятьдесят миль полета вдоль хребтов не выявили ничего нового в этом неизменном каменном лабиринте. Вырываясь, подобно заживо погребенно-

му, из ледяного плена, он однообразно простирался бесконечность. Впрочем, некоторые неожиданные вещи все же встречались, вроде узоров, выбитых на скалах ущелья, где широкая река когда-то прокладывала себе дорогу через предгорья, прежде чем излиться в подземелье. Утесы по краям ущелья были дерзко превращены безвестными ваятелями в гигантские столбы, и что-то в их бочкообразной форме будило в Денфорте и во мне смутные, тревожные и неприятные воспоминания.

Нам также повстречались открытые пространства в виде пятиконечных звезд (по-видимому, площади), обратили мы внимание и на значительные неровности в поверхности. Там, где дыбились скалы, их обычно превращали в каменные здания, но мы заметили по меньшей мере два исключения. В одном случае камень слишком истерся, чтобы можно было понять его предназначение; в другом же из скалы был высечен грандиозный цилиндрической формы памятник, несколько напоминающий знаменитое Змеиное надгробие в древней долине Петры.

По мере облета местности нам становилось ясно, что в ширину город имел свои пределы — в то время как его протяженность вдоль хребтов казалась бесконечной. Через тридцать миль дикий каменные здания стали попадаться реже, а еще через десять под нами оказалась голая ледяная пустыня — без всяких следов хитроумных сооружений. Широкое русло реки плавно простиралось вдаль, а поверхность земли, казалось, становилась все более неровной, отлого поднимаясь к западу и теряясь там в белесой дымке тумана.

До сих пор мы не делали попыток приземлиться, но разве можно было вернуться, не попробовав проникнуть в эти жуткие и величественные сооружения! Поэтому мы решили выбрать для посадки место поровнее — в предгорье, ближе к перешейку, и, оставив там свой самолет, совершить пешую вылазку. Снизившись, мы разглядели среди руин несколько довольно удобных для нашей цели мест. Выбрав то, что лежало ближе к перевалу — ведь нам предстояло возвращаться в лагерь тем же путем, — мы точно в 12.30 дня приземлились на ровный и плотный снежный наст, откуда ничто не могло помешать нам спустя некоторое время легко и быстро взлететь.

Мы не собирались надолго отлучаться, да и ветра особого не было, поэтому решили не насыпать вокруг самолета заслон из снега, а просто укрепить его лыжные шасси и по возможно-

сти утеплить двигатель. Мы сняли лишнюю меховую одежду, а из снаряжения захватили с собой в поход немного: компас, фотоаппарат, немного еды, бумагу, толстые тетради, геологический молоток долото, мешочки для образцов, моток веревки, мощные электрические фонарики и запасные батарейки. Всем этим мы запаслись еще перед отлетом, надеясь, что нам удастся-таки совершить посадку, сделать несколько снимков, зарисовок и топографических чертежей, а также взять несколько образцов обнаженных пород — со скал или в пещерах. К счастью, у нас был с собой основательный запас бумаги, которую мы порвали на клочки, сложили в свободный рюкзак, чтобы в случае необходимости, если попадем в подземные лабиринты, применить принцип игры в «зайцев — собак». Найди мы пещеры, где не гулял бы ветер, этот удобный метод позволил бы продвигаться вперед с большей скоростью, чем обычные при таких подземных экскурсиях опознавательные насечки на камнях.

Осторожно спускаясь вниз по плотному снежному насту в направлении необъятного каменного лабиринта, затянутого на западе призрачной дымкой, мы остро ощущали близость чуда; подобное состояние мы пережили четыре часа назад, когда подлетали к перевалу в этих таящих вековые тайны хребтах. Конечно, теперь мы уже кое-что знали о том, что прячут за своей мощной спиной горы, но одно ело глазеть на город с самолета, и совсем другое — ступить самому внутрь этих древних стен, понимая, что возраст их исчисляется миллионами лет и что они стояли здесь задолго до появления на Земле человека. Иначе чем благоговейным ужасом это состояние не назовешь, ведь к нему примешивалось ощущение некоей космической аномалии. Хотя на такой значительной высоте воздух был окончательно разрежен, что затрудняло движение, мы с Денфортом чувствовали себя неплохо, полагая в своем энтузиазме, что нам по плечу любая задача. Неподалеку от места посадки торчали вросшие в снег бесформенные руины, а немного дальше поднималась над ледяной корой — примерно футов на десять-одиннадцать — огромная крепость в виде пятиугольной звезды со снесенной крышей. К ней мы и направились, и когда наконец прикоснулись к этим источенным временем гигантским каменным глыбам, нас охватило чувство, что мы установили беспрецедентную и почти богохульственную вязь с канувшими в пучину времени веками, до сих пор наглухо закрытыми от наших сородичей.

Эта крепость, расстояние между углами которой равнялось тремстам футам, была сложена из известняковых глыб юрского периода, каждая в среднем шириной в шесть, длиной в восемь футов. Вдоль всех пяти лучей, на четырехфутовой высоте над сверкающей ледяной поверхностью тянулся ряд симметрично выдолбленных сводчатых окошек. Заглянув внутрь, мы обнаружили, что стены были не менее пяти футов толщиной, се перегородки внутри отсутствовали, зато сохранились следы резного орнамента и барельефных изображений — о чем мы догадывались и раньше, пролетая низко над подобными сооружениями. О том, как выглядит нижняя часть помещения, можно было только догадываться, ибо вся она была сокрыта под темной толщей снега и льда.

Мы осторожно передвигались от окна к окну, тщетно пытаясь разглядеть узоры на стенах, но не делая никаких попыток влезть внутрь и сойти на ледяной пол. Во время полета мы убедились, что некоторые здания менее других скованы льдом, и нас не оставляла надежда, что там, где сохранились крыши, можно ступить на свободную от снега землю. Прежде чем покинуть крепость, мы сфотографировали ее в нескольких ракурсах, а также внимательно осмотрели могучие стены, стараясь понять принцип их кладки. Как сожалели мы, что рядом нет Пэбоди: его инженерные познания помогли бы нам понять, как в те безумно отдаленные от наших дней времена, когда создавался город, его строители управлялись с этими неподъемными глыбами.

Навсегда, до мельчайшей подробности, запечатлелся в моем сознании наш путь длиной в полмили до настоящего города; высоко над нами, в горах, все это время буйствовал, свирепо рыча, ветер. Наконец перед нами раскинулось призрачное зрелище, такая фантасмагория прочим смертным могла привидеться только в страшном кошмаре. Чудовищные переплетения темных каменных башен на фоне белесого, словно бы вспученного тумана меняли облик с каждым нашим шагом. Это был мираж из камня, и если бы не сохранившиеся фотографии, я бы до сих пор сомневался, въяве ли все это видел. Принцип кладки оставался тот же, что и в крепости, но невозможно описать те причудливые формы, которые принимал камень в городских строениях.

Снимки запечатлели лишь пару наглядных примеров этого необузданного разнообразия, грандиозности и невероятной экзотики. Вряд ли Эвклид подобрал бы названия некоторым из встречающихся здесь геометрических фигур — усеченным ко-

нусам неправильной формы; вызывающе непропорциональным портикам; шпилям со странными выпуклостями; необычно сгруппированным разрушенным колоннам, всевозможным пятиугольным и пятиконечным сооружениям, непревзойденным в своей гротескной фантастичности. Находясь уже в окрестностях города, мы видели там, где лед был прозрачным, темневшие в ледяной толще трубы каменных перемычек, соединявших эти невероятные здания на разной высоте. Улиц в нашем понимании здесь не было — только там, где прежде протекала древняя река, простиралась открытая полоса, разделявшая город пополам.

В бинокли нам удалось разглядеть вытянутые по длине зданий полустершиеся барельефы и орнаменты из точек; так понемногу в нашем воображении начал складываться былой облик города, хотя теперь в нем отсутствовало большинство крыш, шпилей и куполов. Когда-то он был весь пронизан тесными проулками, похожими на глубокие ущелья, некоторые чуть ли не превращались в темные туннели из-за нависших над ними каменных выступов или арок мостов. А сейчас он раскинулся перед нами как порождение чьей-то мрачной фантазии, за ним клубился туман, в северной части которого пробивались розоватые лучи низкого антарктического солнца. Когда же на мгновение солнце скрылось совсем и все погрузилось в полумрак, мы отчетливо уловили некую смутную угрозу, характер которой мне трудно описать. Даже в отдаленном завывании не достигающего нас ветра, бушующего на просторе среди гигантских горных вершин, почудилась зловещая интонация. У самого города нам пришлось преодолеть исключительно крутой спуск, где обнаженная порода по краям равномерно чередующихся выступов заставила меня подумать, что, видимо, в далеком прошлом здесь существовала искусственная каменная лестница. Без сомнения, глубоко под льдом обнаружились бы ступени или что-нибудь в этом роде.

Когда наконец мы вступили в город и стали продвигаться вперед, карабкаясь через рухнувшие обломки каменных глыб и чувствуя себя карликами рядом с выщербленными и потрескавшимися стенами-гигантами, нервы наши вновь напряглись до такой степени, что мы лишь чудом сохраняли самообладание. Денфорт поминутно вздрагивал и изводил меня совершенно неуместными и крайне неприятными предположениями относительно того, что на самом деле произошло в лагере. Мне они были просто отвратительны: ведь вид этого ужасного города-колосса, поднявшегося из

темной пучины глубокой древности, и меня наталкивал на определенные выводы. У Денфорта не на шутку разыгралось воображение: он настаивал, что там, где засыпанный обломками проулок делает крутой поворот, видел пугающие его непонятные следы; он постоянно оглядывался, уверяя, что слышит еле различимую, неведомо откуда доносящуюся музыку — приглушенные трубные звуки, напоминающие завывание ветра, Наводили на тревожные мысли и навязчивое пятиконечие в архитектуре, и рисунок нескольких сохранившихся орнаментов; в нашем подсознании уже поселилась ужасная догадка, кем были первобытные создания, которые воздвигли этот жуткий город и жили в нем.

В нас, однако, не совсем угас интерес первооткрывателей и ученых, и мы продолжали механически отбивать кусочки камней от разных глыб — пород, применявшихся в строительстве. Хотелось набрать их побольше, чтобы точнее определить возраст города. Громадные внешние стены были сложены из юрских и команчских камней, — да и во всем городе не нашлось бы камешка моложе плиоцена. Несомненно, мы блуждали по городу, который был мертв по крайней мере пятьсот тысяч лет, а может, и больше.

Кружа по этому сумрачному каменному лабиринту, мы останавливались у каждого доступного нам отверстия, чтобы заглянуть внутрь и прикинуть, нельзя ли туда забраться. До некоторых окошек было невозможно дотянуться, в то время как другие открывали нашему взору вросшие в лед руины под открытым небом, вроде повстречавшейся нам первой крепости. Одно, достаточно просторное, так и манило воспользоваться им, но под ним разверзалась настоящая бездна, а никакого спуска мы не разглядели. Несколько раз нам попадались уцелевшие ставни; дерево, из которого их изготовили, давно окаменело, но строение его, отдельные прожилки еще различались, и эта ожившая перед нами древность кружила голову. Ставни вырезали из мезозойских голосеменных хвойных деревьев, а также из веерных пальм и покрытосеменных деревьев третичного периода. И здесь — ничего моложе плиоцена. Судя по расположению ставен, по краям которых сохранились метки от давно распавшихся петель странной формы, они крепились не только снаружи, но и внутри. Их, казалось, заклинило, и это помогло им сохраниться, пережив изъеденные ржавчиной металлические крепления и запоры..

Наконец мы напали на целый ряд окон — в венчавшем здание громадном пятиугольнике; сквозь них просматривалась

просторная, хорошо сохранившаяся комната с каменным полом, однако спуститься туда без веревки не представлялось возможным. Веревка лежала у нас в рюкзаке, но не хотелось возиться без крайней необходимости с двадцатифутовой связкой, особенно в такой разреженной атмосфере, где сердечно-сосудистая система испытывала большие перегрузки. Огромная комната была, скорее всего, главным вестибюлем или залом, и наши электрические фонарики высветили четкие барельефы с поражавшими воображение резными портретами, идущими широкой полосой по стенам зала и отделенными друг от друга традиционным точечным орнаментом. Постаравшись получше запомнить это место, мы решили вернуться сюда в том случае, если не найдем ничего более доступного.

В результате мы отыскиали проем в стене с арочным перекрытием, шириной шесть и длиной десять футов — прежде сюда подходил воздушный мостик, соединявший между собой здания. Не знаю, как раньше, но теперь бы он располагался всего в пяти футах над ледяным покровом. Эти сводчатые проходы соответствовали верхним этажам; сохранился здесь, к счастью, и пол. Фасадом это доступное для нас строение было обращено на запад, спускаясь ко льду террасами. Напротив него, там, где зиял другой арочный проем, возвышалась обшарпанная глухая постройка цилиндрической формы с венчающим ее округлым утолщением — футах в десяти над единственным отверстием.

Гора обломков облегчила нам вход в первый дом, но хотя мы ждали такого удобного случая и мечтали о нем, на какое-то время нас охватило сомнение. Мы не побоялись влиться в эту стародавнюю мистерию, это правда, но тут нам предстояло вновь собраться с духом и войти в уцелевшее здание баснословно древней эпохи, природа которой постепенно открывалась нам во всей своей чудовищной неповторимости. В конце концов мы почти заставили себя вскарабкаться по обледенелым камням к провалу в стене и спрыгнуть на выложенный сланцами пол — туда, где, как мы еще раньше разглядели, находился вестибюль с барельефными портретами по стенам.

Отсюда во все стороны расходились арочные коридоры, и, понимая, как легко заблудиться в этом сплетении коридоров и комнат, мы решили, что пора рвать бумагу. До сих пор мы ориентировались по компасу, а то и просто на глазок — по видимым отовсюду хребтам, лишь ненадолго заслоняемым шпилями ба-

шен, но теперь это было невозможно. Мы порвали всю лишнюю бумагу и записнули клочки в рюкзак Денфорта, порешив тратить ее по возможности экономнее. Этот способ казался подходящим: в старинном сооружении не было сквозняков. А в случае, если ветер вдруг все же разгуляется или кончится бумага, мы сможем прибегнуть к более надежному, хотя и требующему больших усилий способу — начнем делать зарубки.

Трудно было понять, как далеко простирается этот лабиринт. Строения в городе так тесно соприкасались друг с другом, что можно было незаметно переходить из одного в другое по мостикам прямо подо льдом, если, конечно, не натолкнешься на последствия геологических катаклизмов. Обледеневших участков внутри встречалось не так уж много. Там же, где мы все-таки натыкались на ледяную толщу, повсюду сквозь прозрачную поверхность видели плотно закрытые ставни, как будто город специально подготовили к нашествию холода — как бы законсервировали на неопределенное время. Трудно было отделаться от впечатления, что город не бросили в спешке, застигнутые внезапной бедой, а покинули сознательно. И речи не могло идти постепенном вымирании. Может, жители знали заранее о вторжении холода, может, ушли из города *en masse*, отправившись на поиски более надежного пристанища? Нельзя ответить с точностью, какие геофизические условия способствовали образованию ледяного покрова в районе города. Это не мог быть долгий, изнурительный процесс. Возможно, причина крылась в излишнем скоплении снега или в разливе реки, а может, прорвала заслоны снежная лавина, обрушившаяся на город с гигантских горных хребтов. В этом невероятном месте могли прийти на ум самые фантастические объяснения.

Глава 6

Вряд ли стоит описывать шаг за шагом наши скитания в этом древнем как мир лабиринте — переплетении отдельных помещений-ячеек, в этом чудовищном хранилище вековых тайн, куда впервые за минувшие тысячелетия ступила нога человека. Какая драма выстроилась из настенной резьбы перед нашим внутренним взором, какие ужасные открытия захватили наш разум!

Фотографии, сделанные нами, могут подтвердить достоверность моего рассказа, жаль только, что не хватило на все пленки. Впрочем, мы восполнили ее недостаток зарисовками.

Здание, куда мы проникли, было огромным и величественным — внушительный образец архитектуры неведомой геологической эпохи. Внутренние стены не отличались такой же массивностью, как внешние, но отлично сохранились на нижних этажах. Изошренная запутанность лабиринта усложнялась здесь постоянной сменой уровней, переходом с одного этажа на другой, и не прибегни мы к испытанному способу с клочками бумаги, которые разбрасывали по всему пути, то, несомненно, заблудились бы сразу. Сначала мы решили обследовать более ветхие помещения и потому взобрались футов на сто вверх, туда, где под полярным небом, открытые снегу и ветру, понемногу разрушались комнаты, находившиеся когда-то под самой крышей. Вместо лестниц тут применялись лежащие под небольшим углом каменные плиты с ребристой поверхностью. Помещения были самых разнообразных размеров и форм — от излюбленных звездчатых до треугольных и квадратных. Можно с уверенностью сказать, что площадь каждого из них в среднем равнялась 30 x 30 футов, а высота — футов двадцать, хотя попадались комнаты и побольше. Облазив весь верхний этаж и осмотрев ледяной покров, мы спустились в нижние помещения, где, собственно, и начинался настоящий лабиринт — комнаты и коридоры переходили одни в другие, сливаясь и расходясь снова, — все эти запутанные ходы тянулись бесконечно далеко, выходя за пределы дома. Каждый новый зал превосходил предыдущий размерами, скоро эта необъятность окружающего стала исподволь подавлять нас, тем более что в очертаниях, пропорциях, убранстве и неуловимых особенностях древней каменной кладки таилось нечто глубоко чуждое человеческой натуре. Довольно скоро мы поняли из резных настенных изображений, что этот противоестественный город выстроен много миллионов лет тому назад.

Нам оставался неясен инженерный принцип, в соответствии с которым все эти огромные глыбы удерживались в равновесии, плотно прилегая друг к другу; одно было понятно — в нем явно много значила арка. В комнатах отсутствовала какая-либо мебель, они были абсолютно пусты, что говорило в пользу того, что город покинули по заранее составленному плану. Единственным украшением являлась настенная скульптура, высеченная в камне

горизонтальными полосами шириной три фута; барельефы чередовались с полосами орнамента той же ширины из геометрических фигур. Было несколько исключений, но, как говорится, они лишь подтверждали правило. Часто, впрочем, среди орнамента мелькали картуши из причудливо расположенных точек.

Приглядевшись, мы отметили высокий уровень техники резьбы, но исключительное мастерство не вызывало в нас теплого отклика — слишком уж чуждо оно было всем художественным традициям человечества. Однако в искусстве исполнения ничего более совершенного я не видел. Несмотря на масштабность и мощь резьбы, даже мельчайшие особенности жизни растительного и животного мира были переданы здесь с потрясающей убедительностью. Арабески говорили об основательном знании законов математики, представляя собой расположенные с неявной симметричностью кривые линии и углы; любимым числом древних строителей являлась, несомненно, пятерка. Барельефы были выполнены в сугубо формалистической традиции и в необычной перспективе; однако, несмотря на пропасть, отделяющую наше время от того, давно минувшего, мы не могли не почувствовать художественную мощь рисунка. В основе изобразительного метода лежал принцип сопоставления поперечного сечения объекта с его двухмерным силуэтом — ни одну древнюю расу не занимала до такой степени аналитическая психология. Бесполезно даже сравнивать подобное искусство с тем, что можно увидеть в современных музеях. Специалист, разглядывая наши фотографии, возможно, сочтет, что по экстравагантности замысла эти изображения несколько напоминают работы наших самых дерзких футуристов.

Орнаментальный рисунок на хорошо сохранившихся стенах был выполнен в технике углубленного рельефа, уходя в толщу камня на один-два дюйма; когда же появлялись картуши со скоплениями точек — несомненно, древние письма на неведомом первобытном языке с точечным алфавитом, — то «буквы» эти уходили еще на полдюйма глубже. Барельеф с предметным изображением выступал над плоскостью фона дюйма на два. Кое-где заметили мы следы еле различимого цвета, но в основном быстротечное время уничтожило все нанесенные краски. Чем больше мы всматривались в барельефы, тем больше изумлялись блестящей технике исполнения. Строгие эстетические каноны не скрывали зоркую наблюдательность и графическое мастерство

художников, напротив, жесткое следование определенной традиции сильнее подчеркивало сущность изображаемого, его неповторимую уникальность. Кроме того, нас не покидало ощущение, что помимо бросающихся в глаза достоинств есть еще и другие, недоступные нашему восприятию. По некоторым приметам мы догадывались, что наш интеллектуальный и эмоциональный опыт, а также изначально другой сенсорный аппарат мешает нам понять смысл скрытых символов и аллюзий.

Древние скульпторы, несомненно, черпали свои темы из окружающей жизни, а главным предметом изображения была история. Эта озабоченность историей оказалась нам как нельзя более на руку: рельефы несли баснословное количество информации, поэтому львиную долю времени мы отдали фотографированию и зарисовкам. На стенах некоторых комнат были высечены громадные карты, астрономические таблицы и прочая научная информация: все это красноречиво и наглядно подтверждало то, что изображалось на рельефах. Приступая к рассказу, далеко не полному, с основательными купюрами, я горячо надеюсь, что здравый смысл поверивших мне читателей восторжествует над безрассудным любопытством и они внемлют моим предостережениям. Будет ужасно, если мое повествование породит в них желание отправиться в это мертвое царство кошмарных теней, то есть приведет к прямо противоположному результату.

Настенную резьбу разрывали высокие оконные и двенадцатифутовые дверные проемы; кое-где сохранились отдельные, аккуратно выпиленные и отполированные окаменевшие доски, бывшие когда-то частями ставен и дверей. Металлические крепления давно разрушились, но некоторые двери по-прежнему оставались на месте, и, проходя из комнаты в комнату, мы затрачивали немало усилий, чтобы открыть их. Кое-где уцелели оконные рамы с необычными прозрачными стеклами. Довольно часто на нашем пути попадались вырубленные в камне громадные ниши, по большей части пустые, хотя изредка там оказывались некие ни на что не похожие предметы, выточенные из зеленого мыльного камня; их, видимо, бросили за ненадобностью из-за трещин и прочих повреждений. Остальные углубления в стенах,

несомненно, предназначались для существовавших в те стародавние времена удобств — отопления, освещения — и прочих непонятных для нас устройств, которые мы видели на барельефах. Потолки ничем особенным не выделялись, хотя иногда их покрывала облупившаяся мозаика из зеленого камня. На полах мозаика также изредка встречалась, но в основном в кладке преобладали простые грубые плиты.

Как я уже говорил, в помещениях не было никакой мебели, хотя из настенных рисунков становилось ясно, что в этих гулких, похожих на склепы комнатах ранее находились вполне определенные вещи, правда, непонятного для нас назначения. Многочисленные обломки, осколки и прочий хлам заполняли этажи выше ледового уровня, но ниже становилось все чище. Немного пыли с песком — вот все, что там можно было увидеть, да еще осевший на камнях многовековой налет. А некоторые комнаты вообще имели такой вид, будто там только что подмели. Встречались, конечно, трещины и проломы, а самые нижние этажи были замусорены не меньше верхних. Из центрального зала идущий сверху свет разливался по боковым помещениям, спасая их от полной темноты, так было и в других постройках, виденных нами с самолета. На верхних этажах мы редко пользовались электрическими фонариками, разве что разглядывая фрагменты барельефов. Ниже ледового уровня тьма сгущалась, а во многих комнатах-ячейках у самой земли почти ничего и не было видно — хоть глаз выколи.

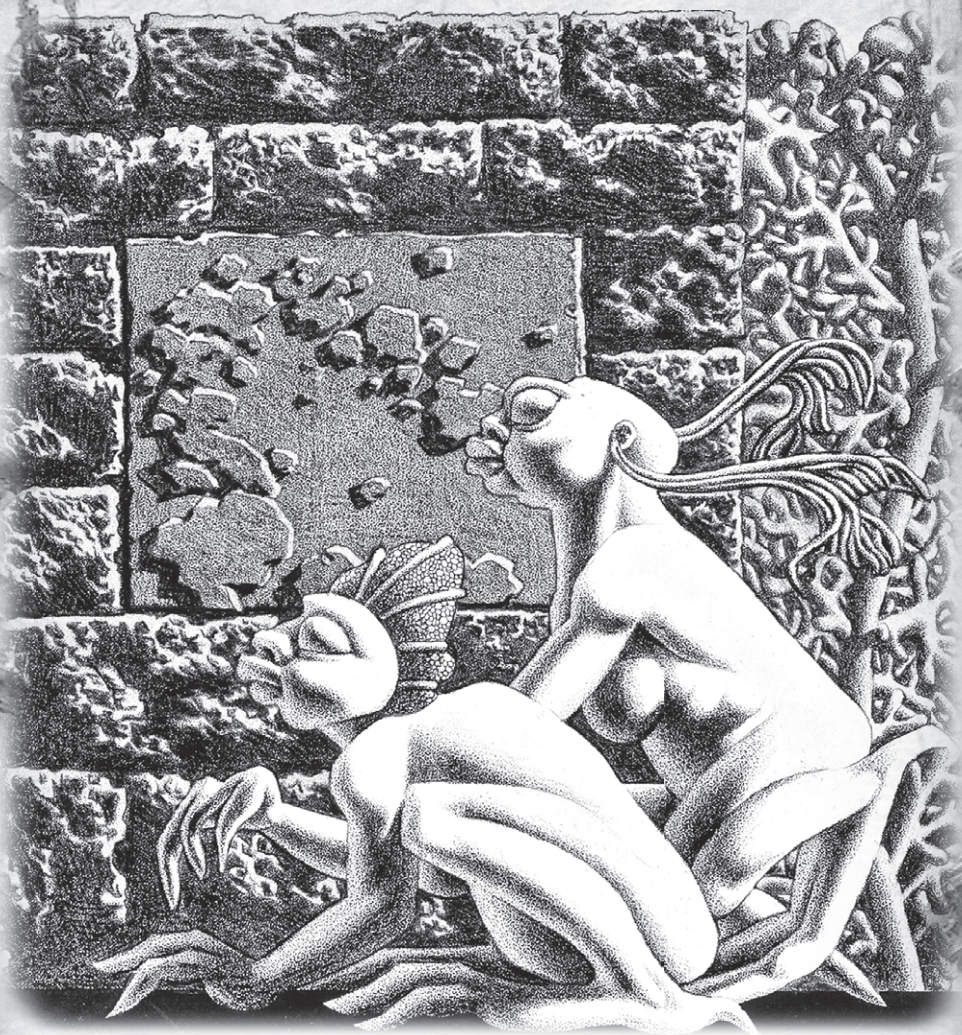
Чтобы иметь хоть какое-то представление о том, что пережили мы, оказавшись в этом давно опустевшем и хранящем гробовое молчание лабиринте, сложенном нечеловеческой рукой, нужно постараться воссоздать всю хаотичную, смертельно изматывающую череду разных настроений, впечатлений, воспоминаний. Одно кружащее голову сознание того, сколь древним был этот город и как далеко зашла в нем мерзость запустения, могла вывести из равновесия любого мало-мальски чувствительного человека, ведь мы к тому же пережили недавно в лагере сильное потрясение, а потом — еще и эти откровения, сошедшие к нам прямо с покрытых резьбой стен. Стоило только бросить взгляд на хорошо сохранившиеся барельефы, и все сразу становилось ясно — недвусмысленные изображения выдавали страшную тайну. Наивно предполагать, что мы с Денфортом не догадывались о ней раньше, хотя тщательно скрывали друг от друга свои до-

гадки, Не оставалось никаких сомнений в том, кем являлись существа, построившие этот город и жившие в нем миллионы лет назад, в те времена, когда по земле, в тропических степях Европы и Азии, бродили далекие предки людей — примитивные млекопитающие и громадные динозавры.

Раньше мы не теряли надежды и убеждали себя в том, что встречающийся повсеместно мотив пятиконечия — всего лишь знак культурного и религиозного почитания некоего древнего физического объекта, имевшего подобные признаки: минойская цивилизация на Крите использовала в качестве декоративного элемента священного быка, египетская — скарабея, римская — волчицу и орла, а дикие, первобытные племена — разных тотемных животных. Но теперь все иллюзии отпали, нам предстояло смириться с реальностью, от которой волосы вставали на голове. Думаю, читатель уже догадался, в чем дело; мне трудно вывести эти слова на бумаге.

Существа, которые в эпоху динозавров владели этими мрачными замками, сами динозаврами не являлись. Дело обстояло иначе. Динозавры не так давно появились на Земле, они были молодыми животными с неразвитым мозгом, а строители города — старыми и мудрыми. Камень запечатлел и сохранил следы их пребывания на Земле, уже тогда насчитывающего почти тысячу миллионов лет: они построили город задолго до того, как земная жизнь пошла в своем развитии дальше простых соединений клеток. Более того, они-то и являлись создателями и властителями этой жизни, послужив прототипами для самых жутких древних мифов, именно на них робко намекают Пнакотические рукописи и «Некрономикон». Они назывались Старцами и прилетели на Землю в ту пору, когда планета была еще молода. Плоть их сформировалась за годы эволюции на далекой планете: они обладали невероятной, безграничной мощью. Подумать только, ведь мы с Денфортом всего лишь сутки назад видели их члены, отделенные от тел, тысячелетия пролежавших во льду, а бедняга Лейк с товарищами, сами того не ведая, созерцали их подлинный облик...

Невозможно припомнить, в каком порядке собирали мы факты, относящиеся к этой невероятной главе из истории планеты до появления человека. Испытав глубокий шок, мы прервали осмотр, чтобы немного прийти в себя, а когда вновь приступили, занявшись теперь систематическим обследованием, было уже



Иллюстрации к «Тени над Инсмутом» в «Weird Tales».

Художник — Ханнес Бок

три часа. Судя по геологическим, биологическим и астрономическим признакам, скульптурные изображения в доме, где мы первоначально оказались, принадлежали к относительно позднему времени, им было не более двух миллионов лет и в сравнении с барельефами более древнего здания, куда мы перешли по мостику, выглядели просто декадентскими. Этому величественному, высеченному из цельного камня сооружению было никак не меньше сорока, а возможно, и пятидесяти миллионов лет, оно относилось к позднему эоцену или раннему мелу, и его барельефы превосходили в мастерстве исполнения все виденное нами, за одним исключением — с ним мы встретились позже — то была древнейшая в городе постройка.

Не будь необходимости прокомментировать снимки, которые скоро появятся в прессе, я бы из опасения прослыть сумасшедшим придержал язык и не стал распространяться о том, что именно увидел я на стенах и к каким выводам пришел. Конечно, можно было отнести к области мифотворчества барельефы, где изображалась жизнь звездоголовых существ в бесконечно отдаленные эпохи, когда они обитали на другой планете, в иной галактике или даже вселенной, однако некоторые высеченные на камне чертежи и диаграммы заставляли нас вспомнить о последних открытиях в математике и астрофизике, и тут уж я совсем растерялся. Вы меня поймете, когда сами увидите эти фотографии.

На каждом барельефе рассказывалась, естественно, только небольшая часть единой истории, — и «читать» мы ее начали не с начала и не по порядку. Иногда на стенах нескольких комнат или коридоров разворачивалась подряд непрерывная хроника событий, но неожиданно туда вклинивались тематически обособленные залы. Лучшие карты и графики висели на стенах бездонной пропасти: эта каверна площадью двести квадратных футов и глубиной шестьдесят футов образовалась, видимо, на месте бывшего учебного центра или чего-то в этом роде. Некоторые темы, отдельные исторические события пользовались особой популярностью и у художников, и у самих обитателей города, барельефы с подобными сюжетами повторялись с раздражающей навязчивостью. Впрочем, иногда разные версии одного события проясняли нам его значение, заполняли лакуны.

Мне до сих пор непонятно, каким образом уяснили мы суть дела за такой небольшой срок. Впоследствии, рассматривая

снимки и зарисовки, мы многое уточнили и заново переосмыслили, хотя и теперь кое-что остается загадкой. Нервный срыв Денфорта, возможно, объясняется именно этими позднейшими расшифровками его впечатлительная натура не смогла вынести жутких воспоминаний, смутных, мучительных видений и вновь пережить тот ужас, который он испытал, увидев нечто такое, о чем он не решился поведать даже мне.

И все же нам пришлось заново просмотреть все документальные свидетельства: нужно представить миру как можно более полную информацию, чтобы наше предостережение, такое актуальное, стало еще и убедительным. В неразгаданном мире Антарктики, мире смещенного времени и противоестественных законов, человек испытывает губительные для него влияния, словом, продолжение там исследований попросту невозможно.

Глава 7

Полный отчет о нашем походе появится сразу же после расшифровки всех записей в официальном бюллетене Мискатоникского университета. Здесь же я рассказываю обо всем лишь в общих чертах и потому прошу простить мне некоторую непоследовательность. Опираясь на мифотворчество или что-то другое, не знаю, только безвестные ваятели разворачивали на камне историю появления на Земле, тогда еще молодой планете, звездоголовых пришельцев, а также прочих чужеземных существ — пионеров космоса. На своих огромных перепончатых крыльях они, по-видимому, могли преодолевать межзвездные пространства — так неожиданно подтвердились легенды жителей гор, пересказанные мне другом-фольклористом. В течение долгого времени они обитали под водой, строили там сказочные города и вели войны с неизвестными врагами, используя сложные механизмы, в основе которых лежал неведомый нам принцип получения энергии. Их научные и технические познания значительно превосходили наши, хотя они редко применяли их на практике — только в случае необходимости. Судя по барельефам, они исчерпали у себя на планете идею механистической цивилизации, сочтя ее последствия пагубными для эмоциональной сферы. Исключительная плотность тканей и непрехотливость позволяли им жить также

в высокогорной местности, обходясь без всякого комфорта, даже без одежды, и заботясь только об укрытии на случай непогоды.

Именно под водой звездоголовые впервые создали земных существ — сначала для пищи, а потом и для других целей, — создали давно им известными способами из доступных и подходящих субстанций. Особенно плодотворный период экспериментов начался после поражения их многочисленных космических врагов. Прежде звездоголовые делали то же самое на других планетах, производя не только биологическую пищевую массу, но и многоклеточную протоплазму, способную под гипнозом образовывать нужные временные органы. Так они получали идеальных рабов для тяжелой работы. В своем наводящем ужас «Некрономиконе» Абдула Альхазред, говоря о шогготах, намекает именно на эту вязкую массу, хотя даже этот безумный араб считает, что они лишь грезились тем, кто жевал траву, содержащую алкалоид. После того как звездоголовые Старцы синтезировали достаточное количество простейших организмов для пищевых целей и развели сколько требовалось шогготов, они предоставили возможность прочим клеточным соединениям развиваться далее самим, превращаясь в растительные или животные организмы. Впрочем, виды, им чем-то не приглянувшиеся, безжалостно уничтожались.

С помощью шогготов, которые, увеличиваясь под гипнозом в объеме, могли поднимать громадные тяжести, небольшие подводные поселения стали разрастаться, превращаясь в протяженные и внушительные каменные лабиринты, вроде тех, которые позднее выросли на земле. Легко приспосабливаясь к любым условиям, Старцы до прилета на Землю подолгу или на суше в самых разных уголках вселенной и, видимо, не утратили навыка в возведении наземных конструкций. Внимательно рассматривая архитектуру древних городов, запечатленную на барельефах, а также того, по чьим пустынным лабиринтам бродили сейчас, мы были поражены одним любопытным совпадением, которое не смогли объяснить даже себе. На барельефах были хорошо видны кровли домов — в наше время проваленные и рассыпавшиеся, взмывали к небу тонкие шпили, конусы с изящными флеронами, топорщились крыши в форме пирамид, а также плоских зубчатых дисков, обычно завершающих цилиндрические постройки. Все это мы уже видели раньше, подлетая к лагерю Лейка, в зловещем, внушающем ужас мираже, отбрасываемом мертвым городом, хотя такого облика, который мы созерцали тогда нашими

несведущими глазами, у реального каменного лабиринта, укрывшегося а недосыгаемыми Хребтами Безумия, не было уже тысячи или даже десятки тысяч лет.

О жизни Старцев под водой и позже, когда часть из них перекочевала на сушу, можно говорить бесконечно много. Те, что обитали на мелководье, видели с помощью глаз, которыми заканчивались пять головных щупалец; они ваяли и могли писать — при естественном освещении — пером на водоотталкивающих воощенных таблицах. Те, что жили на дне океана, использовали для освещения любопытные фосфоресцирующие организмы, хотя при случае могли прибегать к специальному, дублирующему зрение органу чувств — призматическим ресничкам; благодаря им Старцы свободно ориентировались в темноте. Их скульптура и графика странно изменились под влиянием особой техники химического покрытия, рассчитанной на сохранение эффекта фосфоресценции. Но точно понять, в чем дело, мы не сумели. В воде эти существа перемещались двумя способами: плыли, перебирая боковыми конечностями, или, извиваясь, двигались толчками, помогая себе нижними щупальцами и лженожкой. Иногда же подключали две-три пары веерообразных складных крыльев и тогда стрелой устремлялись вперед. На суше они пользовались лженожкой, но часто, раскрыв крылья, воспаряли под небеса и летали на большие расстояния. Многочисленные щупальца, которыми заканчивались «руки», были изящными, гибкими, сильными и необычайно точными в мускульно-нервной координации, позволяя добиваться замечательного мастерства в изобразительном искусстве и других занятиях, требующих ручных операций.

Прочность их тканей была поистине изумительна. Даже громадное давление на дне глубочайших морей не могло причинить им вреда. Умирали немногие — и то лишь в результате несчастных случаев, так что места захоронений исчислялись единицами. То, что они погребали своих мертвецов в вертикальном положении и устанавливали на могилах пятиконечные надгробия с эпитафиями, а именно это уяснили мы с Денфортом, разглядев внимательно несколько барельефов, настолько потрясло нас, что потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя. Размножались эти существа спорами — как папоротникообразные, это предполагал и Лейк, — но так как из-за своей невероятной прочности ни были практически вечными, размножение поощрялось лишь в периоды освоения новых территорий. Молодое поколе-

ние созревало быстро и получало великолепное образование, качество которого нам даже трудно вообразить. Высокоразвитая интеллектуальная и эстетическая сферы породили устойчивые традиции и учреждения, о которых я подробно расскажу в своей монографии. Была, конечно, некоторая разница в устоях у морских Старцев их земных собратьев, но она не касалась основных принципов.

Эти твари могли, подобно растениям, получать питание из неорганических веществ, но предпочитали органическую пищу и особенно животную. Те, что жили под водой, употребляли все в сыром виде, но те, что населяли землю, умели готовить. Они охотились, а также разводили скот на мясо, закалывая животных каким-то острым оружием, оставлявшим на костях грубые отметины, — на них-то и обратили внимание наши коллеги. Старцы хорошо переносили любые изменения температуры и могли оставаться в воде вплоть до ее замерзания. Когда же в эпоху плейстоцена, около миллиона лет назад, началось резкое похолодание, обитавшим на Земле Старцам пришлось прибегнуть к решительным мерам, вроде создания установок искусственного обогрева, но потом жестокие холода все же вынудили их вновь вернуться в море. Старцы поглощали некие вещества, после чего могли долгое время обходиться без еды и кислорода, а также переносить любую жару и холод, но ко времени великого похолодания они уже утратили это свое умение. Попробуй они теперь впасть в подобное искусственное состояние, добром бы это не кончилось.

У Старцев отсутствовали биологические предпосылки к семейной жизни, подобные тем, какие наблюдаемы у млекопитающих: они не разбивались на пары и вообще имели много общего с растениями. Однако семьи они все же создавали и даже весьма многочисленные, но только ради удобства и интеллектуального общения. Обживая свои дома, они размещали мебель в центре комнат, оставляя стены открытыми для декоративной отделки. Жившие на суше Старцы освещали свои жилища с помощью особого устройства, в основе которого, если мы правильно поняли, лежат электрохимические процессы. И под водой, и на суше им служили одинаково непривычные для наших глаз столы и стулья, а также постели-цилиндры, где они отдыхали и спали стоя, обмотавшись щупальцами; неременной частью интерьера являлись стеллажи, где хранились книги — прочно скрепленные пластины, испещренные точками.

Общественное устройство было у них скорее социалистического толка, хотя твердой уверенности у меня нет. Торговля процветала, в том числе и между городами, а деньгами служили небольшие плоские пятиугольные жетончики, усеянные точками. Видимо, маленький камушек из зеленых мыльных камней, найденных Лейкам, как раз и был такой валютой. Хотя цивилизация Старцев была урбанистической, но сельское хозяйство и особенно животноводство тоже играли в ней важную роль. Добывалась руда, существовало какое-то производство. Старцы много путешествовали, но массовые переселения случались редко — только во время колонизаций, когда раса завоевывала новые пространства. Транспортные средства не были им известны. Старцы сами могли развигивать и в воде, и на суше, и в воздухе необыкновенную скорость. Грузы перевозились вьючными животными: под водой — шогготами, а на земле — любопытной разновидностью примитивных позвоночных, но это уже на довольно позднем этапе освоения суши.

Эти позвоночные так же, как и бесконечное множество прочих живых организмов — животных и растений, тех, кто обитает в море, на земле и в воздухе, — возникли в процессе неконтролируемой эволюции клеток, созданных Старцами, но со временем вышедших из-под их контроля. Они развивались себе по-немногу, поскольку не мешали хозяевам планеты. Те, что вели себя беспокойнее, механически уничтожались. Любопытно, что в поздних, декадентских произведениях скульпторы изобразили примитивное млекопитающее с неуклюжей походкой, которое земные Старцы вывели не только из-за вкусного мяса, но и забавы ради — как домашнего зверька; в нем неуловимо просматривались черты будущих обезьяноподобных и человекообразных существ. В строительстве земных городов принимали участие огромные птеродактили, неизвестные доселе науке, — они поднимали на большую высоту камни для укладки башен.

В том, что Старцы сумели пережить самые разнообразные геологические катаклизмы и смещения земной коры, было мало удивительного. Хотя из первых городов, по-видимому, ни один не сохранился, эта цивилизация никогда не прерывала своего существования, о чем свидетельствовали и увиденные нами барельефы. Впервые Старцы приземлились на нашу планету в районе Антарктического океана, и, похоже, произошло это вскоре после того, как оторвалась часть материи, образовавшая Луну,

а на то место сместился Тихий океан. На одном из барельефов мы увидели, что во времена прилета Старцев всю Землю покрывала вода. Шли века, и каменные города распространялись по планете, все дальше отходя от Антарктиды. Вырезанная на камне карта показывала, что вокруг южного полюса образовалось широкое кольцо суши — Старцы построили на ней свои первые экспериментальные поселения, хотя подлинные центры оставались все же на морском дне. На позднейших картах было видно, как откалывались и перемещались огромные массы земли, оторвавшиеся части материка сносило к северу — что подтверждало теории Тейлора, Вегенера и Джоли.

Смещение пластов земли на юге Тихого океана привело к катастрофическим последствиям. Некоторые морские города были разрушены до основания, но худшее еще предстояло пережить. Из космоса прилетели новые пришельцы, напоминавшие формой осьминогов — их-то, возможно, и нарекли в древних мифах потомством Ктулху; они развязали жестокую войну, загнав Старцев надолго под воду. Это нанесло последним страшный урон — к тому времени число поселений на суше постоянно росло. В конце концов обе расы заключили мирный договор, по которому новые земли переходили к потомкам Ктулху, за Старцами же оставалось море и прежние владения. Стали возводиться новые города, и самые величественные из них — в Антарктике, ибо эта земля, место первых поселений, стала считаться священной. И впредь Антарктика оставалась центром цивилизации Старцев, а города, которые успели там основать потомки Ктулху, стерлись с лица земли. Потом часть суши в районе Тихого океана вновь опустилась, и с ней ушел на дно зловещий Р'лай, город из камня, и все космические осьминоги в придачу. Так Старцы вновь стали единственными хозяевами планеты, правда, существовало нечто, чего они боялись и о чем не любили говорить. Через некий весьма продолжительный отрезок времени Старцы заполонили всю планету: их города достаточно равномерно распределились и на суше, и на дне морском. В своей монографии я дам совет пытливому археологу пробурить машиной Пэбоди несколько глубоких скважин в самых разных районах Земли и проанализировать полученные данные.

В течение веков шло закономерное переселение Старцев из глубин моря на сушу — этот процесс подстегивался рождением новых материков, хотя и океан никогда не пустовал. Второй при-

чиной миграции стали трудности по выращиванию и удерживанию в повиновении шогготов, без которых жизнь под водой не могла продолжаться. С течением времени, как скорбно поведали нам сюжеты на древних барельефах, был утрачен секрет создания жизни из неорганической материи, и Старцам пришлось довольствоваться модификацией уже существующих форм. На суше у Старцев не было никаких проблем с громадными, но исключительно послушными рептилиями, а вот размножавшиеся делением шогготы, которые в результате случайного стечения обстоятельств нарастили до опасного предела интеллект, беспокоили их чрезвычайно.

Старцы всегда управляли шогготами с помощью гипноза, легко трансформируя эту внушаемую плотную плазму согласно потребностям и создавая на время нужные им члены и органы, теперь же у шогготов иногда появлялась способность самим преобразовывать свою плоть по воспоминаниям о старых приказах властителей. Казалось, у них развился мозг с неустойчивой системой связей, в котором иногда зарождался сильный волевой импульс, противоречивший воле хозяина. Изображения шогготов вызывали у нас с Денфортом глубочайшее отвращение, граничащее с ужасом.

Эти бесформенные в обычном состоянии существа состояли из желеподобной пузырчатой массы; если они обретали форму шара, диаметр их в среднем равнялся пятнадцати футам. Впрочем, очертания, равно как и объем, менялись у них постоянно: они то создавали себе, то, напротив, уничтожали органы слуха, зрения, речи, во всем подражая хозяевам, — иногда произвольно, а иногда выполняя команду.

Сто пятьдесят миллионов лет тому назад, где-то в середине перми, шогготы стали совершенно неуправляемыми, и тогда жившие на морском дне Старцы развязали против них настоящую войну, чтобы силой вернуть свою прежнюю власть. Многовековая пропасть отделяла нас от того времени, но и теперь мороз пробирал по коже, когда мы разглядывали картины той войны и особенно ужасное зрелище жертв, обезглавленных шогготами и выпачканных затем выделяемой ими слизью. В конце концов Старцы, прибегнув к мощному оружию, вызывавшему у врагов нарушения на молекулярном и атомарном уровнях, добились

полной победы. Барельефы отразили тот период, когда сломленные шогготы стали совсем ручными и покорились воле Старцев совсем как дикие мустанги Запада — американским ковбоям. Во время бунта шогготы доказали, что могут жить на суше, но новая способность никак не поощрялась — трудности их содержания на земле значительно превосходили возможную пользу.

В юрский период на Старцев обрушились новые напасти — из космоса прилетели полчища мерзких тварей; они соединяли в себе черты ракообразных, ибо были покрыты твердым панцирем, а также низших растений, а именно грибов. В мифологии горных народов северного полушария, особенно в Гималаях, они запечатлелись как Ми-Го, или Снежные люди. Чтобы одержать верх над пришельцами, Старцы впервые за всю свою земную историю решили вновь выйти в космос, однако, совершив все положенные приготовления, поняли, что не сумеют покинуть земную атмосферу. Секрет межзвездных перелетов был полностью утрачен. В результате Ми-Го вытеснили Старцев с северных земель, и те понемногу вновь сбились в антарктическом регионе — своей земной колыбели. Все эти перемены не коснулись подвальных владений Старцев, недоступных для завоевателей.

Даже на барельефах бросалось в глаза разительное отличие материальной субстанции Ми-Го или потомков Ктулху от плоти Старцев. Первые обладали способностью к структурным изменениям, умели перевоплощаться и вновь возвращать себе прежний облик. Все это было недоступно для Старцев, по-видимому, их враги прибыли из более отдаленной части вселенной, чем они. Несмотря на удивительную плотность тканей и необычные жизненные свойства, Старцы являлись материальными существами и, следовательно, происходили из известного пространственно-временного континуума, в то время как о происхождении их врагов можно было, затаив дыхание, строить самые немыслимые догадки. Словом, нельзя отнести к чистому мифотворчеству разбросанные в легендах сведения об аномалии завоевателей и их внегалактическом происхождении. Хотя этот миф могли распространять и сами Старцы, чтобы списать на него свои военные неудачи: ведь исторический престиж был у них своего рода «пунктиком». Недаром в их каменных анналах не упоминались многие могущественные и высокоразвитые народы с неповторимыми культурами и величественными городами — народы, украсившие собой не одну легенду.

Чередование геологических эпох и связанные с ним перемены были с поразительной яркостью представлены на резных картах и барельефах. Кое в чем наши научные представления оказались ошибочными, но встречались и подтверждения некоторых смелых гипотез. Как я уже говорил, именно здесь, в этом невероятном месте, мы убедились в правоте Тейлора, Вегенера и Джели, предположивших, что все континенты суть части бывшего единого антарктического материка, оторвавшиеся от него под действием мощных центробежных сил и дрейфовавшие в разные стороны по вязкой поверхности земной мантии. Это подтверждалось и очертаниями Африки и Южной Америки, а также направлениями главнейших горных цепей.

На картах, отобразивших Землю времен карбона, то есть сто миллионов или более лет тому назад, мы видели бездонные ущелья и трещины, которые впоследствии, углубившись, разделили Африку и обширный материк, включавший в себя Европу (легендарную Валусию), обе Америки и Антарктику. На более поздних картах материка были уже обособлены друг от друга, в том числе и на той, которую вычертили пятьдесят миллионов лет назад в связи с основанием ныне мертвого города, где мы сейчас пребывали. И, наконец, на самой поздней, относящейся, видимо, плиоцену, карте очертания и расположения материков соответствовали нынешним — только Аляска была еще соединена с Сибирью, Северная Америка через Гренландию — с Европой, а Южная Америка через Землю Грейама — с Антарктидой. Карты времен карбона пестрели значками, говорившими, что каменные города Старцев покрывали весь земной шар — от дна морского до изрытых ущельями горных районов, однако на последующих картах ясно обозначился откат градостроительства к южным антарктическим районам. Во времена же плиоцена, как показывала последняя карта, города остались только в Антарктике да на оконечности Южной Америки — севернее пятидесятой параллели южной широты отсутствовали даже морские поселения. Интерес Старцев к северным территориям, по-видимому, угас, сократилась информация о них, лишь изредка совершали теперь Старцы разведывательные полеты на своих веерообразных перепончатых крыльях, изучая очертания береговых линий.

Потом наступило время грандиозных катаклизмов — образовывались новые горные цепи, создавались континенты, землю и дно океанов сотрясали конвульсии, и на месте разрушенных

городов все реже возводились новые. Окружавший нас громадный мертвый мегаполис был, видимо, последней столицей звездоголовых; город построили в начале мела недалеко от того места, где рухнул в разверзшуюся пропасть его предшественник, превосходивший размерами даже своего юного двойника. Район этих двух городов почитали священным — ведь именно здесь впервые, тогда еще на морское дно, высадились их предки. Мы узнавали на барельефах некоторые характерные приметы города, в котором оказались. Как нам стало понятно, он тянулся вдоль хребтов на сотни миль в обе стороны, так что обозреть его даже с самолета не представлялось возможным. Считалось, что в нем сохранились священные камни из фундамента первого поселения на дне моря; по прошествии многих веков их выбросило при очередном катаклизме на сушу.

Глава 8

Мы с Денфортом с особым интересом и смешанным чувством благоговения и страха отыскивали на барельефах то, что относилось к месту нашего пребывания. Такого материала, естественно, было предостаточно; кроме того, скитаясь по наземным лабиринтам города, мы забрели, по счастливой случайности, в исключительно старое здание, на потрескавшихся стенах которого в декадентской манере последних скульпторов разворачивалась история города и его окрестностей после плиоцена — на нем обычно завершались все прочие скульптурные рассказы.

Этот дом мы облазили и изучили до последнего уголка, и то, что нам удалось здесь узнать, поставило перед нами новую цель.

Итак, нам суждено было попасть в самое таинственное, жуткое и зловещее место на Земле. И самое древнее. Мы почти поварили, что это мрачное нагорье и есть то самое легендарное плато Ленг, средоточие зла, о котором страшился упоминать даже безумный творец «Некрономикона». Грандиозная горная цепь была невероятно, умопомрачительно длинна, зарождаясь невысоким кряжем на Земле у моря Уэдделла и пересекая весь континент. Наиболее высокий массив образовывал величественную арку между 82' южной широты, 60' восточной долготы и 70' южной широты, 115' восточной долготы, вогнутой стороной обращен-

ную к нашему лагерю, а одним концом упиравшуюся в закованное льдом морское побережье. Уилкс и Маусон видели эти горы на широте Южного полярного круга.

Но нас ожидало еще более сокрушительное открытие. Как я уже говорил, хребты эти превышали Гималаи, но древние резчики по камню уверяли нас, что они уступали другим, еще более грандиозным. Тех великанов окутывала мрачная тайна, большинство скульпторов предпочитали не касаться этой темы, другие приступали к ней с очевидной неохотой и робостью. Похоже, та часть древней суши, что поднялась из моря первой после того, как оторвался кусок, образовавший Луну, и со своих далеких звезд прилетели Старцы, таили в себе, по мнению пришельцев, неведомое, о ощутимое зло. Возводимые там города преждевременно разрушались, их жители внезапно пропадали неведомо куда. Когда первые подземные толчки сотрясли эту зловещую местность, из качнувшейся, а затем разверзшейся земли неожиданно выросла пугающая громада хребтов с высоко взметнувшимися вершинами. Так, среди грохота и хаоса, Земля произвела свое самое жуткое творение.

Если система координат на барельефах соответствовала истине, то эти рождающие ужас и омерзение гиганты вздымались на высоту более сорока тысяч футов, значительно превосходя покоренные нами Хребты Безумия. Они тянулись от 77' южной широты, 70' восточной долготы до 70' южной широты, 100' восточной долготы и, следовательно, находились всего в трехстах милях от мертвого города, так что, не будь тумана, мы могли бы различить на западе их сумрачные вершины. А их северную оконечность можно видеть с широты Южного полярного круга на Земле Королевы Мэри.

Во времена упадка некоторые Старцы возносили этим горам тайные молитвы, однако никто не осмеливался приблизиться к ним или хотя бы предположить, что находится за ними. Из людей также ни один человек не бросил взгляда на этих великанов, но, видя, какой страх источают эти древние изображения, я от души порадовался тому, что это и не могло случиться. Ведь за этими колоссами проходит еще одна цепь гор — Королевы Мэри и Кайзера Вильгельма, заслоняющая гигантов со стороны побережья, и на эти горы, к счастью, никто не пробовал взбираться. Во мне уже нет былого скептицизма, и я не стану насмехаться над убежденностью древнего скульптора, что молния иногда задер-

живалась на гребне этих погруженных в тяжелое раздумье гор, и тогда ночь напролет мерцал там дивный таинственный свет. Возможно, в древних Пнакотических рукописях, где упоминается Кадат из Страны-Холода, за таинственными темными словами скрывается подлинная и ужасающая реальность.

Впрочем, городу хватало и своих загадок, пусть и не столь демонических. С его основанием ближние горы понемногу обрастали храмами; они стояли, как мы уразумели из барельефов, в тех местах, где теперь лепились друг к другу диковинные кубы и крепостные валы — все, что осталось от башен неизъяснимой красоты и причудливых, устремленных ввысь шпилей. Затем, с течением времени, появились пещеры, которые соответствующим образом оформлялись, становясь своеобразными придатками к храмам. Шли годы, подземные воды источили слой известняка, и пространство под хребтами, нагорьем и равниной превратилось в запутанный лабиринт из подземных ходов и пещер. Многие барельефы отразили осмотры Старцами бесчисленных подземелий; а также неожиданное открытие ими там моря, которое подобно Стиксу таилось в земном лоне, не зная ласки солнечных лучей.

Эта сумрачная пучина была, конечно же, порождением реки, текущей со стороны злоеющих, не имеющих названия западных гор; у Хребтов Безумия она сворачивала в сторону и текла вдоль гор вплоть до своего впадения в Индийский океан между Землями Бадда и Тоттена на Побережье Уилкса. Понемногу река размывала известняк на повороте, пока не достигала грунтовых вод, а слившись с ними, с еще большей силой продолжала точить породу. В конце концов, сломив сопротивление камня, воды ее излились в глубь земли, а прежнее русло, ведущее к океану, постепенно высохло. Позже его покрыли постройки постоянно разраставшегося города. Поняв, что произошло с рекой, Старцы, повинувшись присущему им мощному эстетическому чувству, высекли на своих самых изысканных пилонах картины низвержения водного потока в царство вечной тьмы.

С самолета мы видели бывшее русло этой когда-то прекрасной реки, одетой в былые годы в благородное кружево каменных мостов. Положение, которое занимала река на барельефах,

изображающих город, помогло нам лучше понять, как менялся мегаполис в бездонном колодце времени; мы даже наскоро набросали карту с основными достопримечательностями — площадями, главными зданиями и прочими приметами, чтобы лучше ориентироваться в дальнейшем. Скоро мы могли уже воссоздать в своем воображении живой облик этого поразительного города, каким он был миллион, десять миллионов или пятьдесят миллионов лет назад, — так искусно изобразили древние скульпторы здания, горы и площади, окраины и живописные пейзажи с буйной растительностью третичного периода. Все было пронизано несказанной мистической красотой, и, впитывая ее в себя, я забывал о гнетущем чувстве, порожденном непостижимым для человека возрастом города, его мертвым величием, укрытостью от мира и сумеречным сверканием льда. Однако, судя по барельефам, у обитателей города тоже частенько на душе кошки скребли и сердце сжималось от страха: нередко встречались изображения Старцев, отшатывающихся в ужасе от чего-то, чему на барельефе никогда не находилось места, косвенно можно было догадаться, что предмет этот выловили в реке, которая принесла его с загадочных западных гор, поросших вечно шелестящими деревьями, увитыми диким виноградом.

Только в одном доме поздней постройки мы отчетливо прочли на декадентском барельефе предчувствие грядущей катастрофы и опустения города. Несомненно, были и другие свидетельства, несмотря на снижение творческой активности и художественных устремлений, характерное для скульпторов смутного времени, — вскоре мы в этом, хоть и не воочию, смогли убедиться. Но тот барельеф был первым и единственным в таком роде из всех, какие мы внимательно рассмотрели. Мы хотели продолжить осмотр, но, как я уже говорил, обстоятельства изменились и перед нами возникла новая цель. Впрочем, вскоре все настенные свидетельства и так исчерпали себя: надежда на долгое безоблачное будущее покинула Старцев, а с ней и желание украсить свой быт. Окончательный удар принесло повальное наступление холодов, они сковали почти всю планету, а с полюсов так никогда и не ушли. Именно эти жестокие холода уничтожили на противоположной стороне планеты легендарные земли Ломара и Гипербореи.

Трудно сказать, когда именно воцарились в Антарктике холода. Сейчас мы относим раннюю границу ледникового периода

на пятьсот тысяч лет от нашего времени, но по полюсам этот бич Божий хлестнул еще раньше. Все цифры, конечно, условны, но весьма вероятно, что последние барельефы высечены менее миллиона лет назад, а город покинут полностью задолго до времени, которое принято считать началом плейстоцена, то есть раньше, чем пятьсот тысяч лет тому назад.

На поздних барельефах растительность выглядит более скудной, да и сама жизнь горожан далеко не бьет ключом. В домах появляются нагревательные приборы, путники зимой кутаются в теплую одежду. Картуши, которые все чаще разбивают каменную ленту поздних барельефов, вторгаясь со своей темой, отображали отдельные элементы непрерывной миграции — часть жителей укрылась на дне моря, найдя прибежище в подводных поселениях у далеких берегов, другие опустились под землю и, проскитавшись по запутанным известняковым лабиринтам, вышли к пещерам на краю темных бездонных вод.

Так сложилось, что большинство обитателей города предпочли уйти под землю. До какой-то степени это объяснялось тем, что место здесь почиталось священным, но главным было, конечно же, то, что в этом случае оставалась возможность пользоваться храмами, возведенными на изрезанных подземными галереями хребтах, а также бывать в самом городе, оставленном в качестве летней резиденции и координационного пункта между отдельными поселениями. Провели кое-какие земляные работы, улучшили уже существующие подземные пути, а также проложили новые, напрямик соединившие древнюю столицу с темной пучиной. Тщательно все просчитав, мы нанесли входы в эти новые, прямые как стрела туннели на путеводитель, который понемногу рождался под нашими руками. По меньшей мере два туннеля начинались неподалеку от нас, ближе к хребтам — один всего в четверти мили, в направлении древнего русла реки, а другой — примерно вдвое дальше, в прямо противоположном направлении.

Новый город Старцы выстроили не на пологих берегах подземного моря, а на его дне — температура там была равномерно теплой. Огромная глубина этого тайного моря давала гарантию, что внутренний жар земли позволит новым поселенцам жить там сколько потребуется. Те же без труда приспособились проводить под водой большую часть времени, а позднее и вовсе перестали выходить на берег — они ведь никогда не позволяли жабрам окончательно отмереть. На отдельных барельефах мы видели



Шоггот.
Художник — Ноттсуо

картины посещения Старцами живущих под водой родственников, а также их продолжительных купаний на дне глубокой реки. Не смущала их и вечная тьма земных недр — сказала привычка к долгим арктическим ночам.

Когда древние скульпторы рассказывали на своих барельефах о том, как на дне подземного моря закладывали новый город, их декадентская, упадническая манера преображалась, и в ней появлялись характерные эпические черты. Подойдя к проблеме научно, Старцы наладили в горных недрах добычу особо прочных камней и пригласили из ближайшего подводного селения опытных строителей, чтобы использовать в работе новейшие технологии. Специалисты захватили с собой все необходимое для успешной деятельности, а именно: клеточную массу для производства шогготов-чернорабочих, способных поднимать и перетаскивать камни; и протоплазму, с легкостью превращающуюся в фосфоресцирующие организмы, освещавшие темноту.

И вот на дне мрачного моря вырос громадный город, архитектурой наминавший прежнюю столицу, а мастерством исполнения даже превзошедший, ибо везде строительству предшествовал точный математический расчет. Новые шогготы достигли здесь исполинских размеров и значительного интеллекта, понимая и исполняя приказы с удивительной быстротой. Со Старцами они изъяснялись, подражая их голосам, мелодичными, трубными звуками, слышными, если правильно предположил бедняга Лейк, на большом расстоянии, теперь шогготы подчинялись не гипнотическому внушению, а простым командам и были идеально послушны, Фосфоресцирующие организмы полностью обеспечивали Старцев светом, компенсируя этим утрату полярных сияний — неперенных спутников антарктических ночей.

Изобразительные искусства продолжали существовать, хотя упадок был очевиден. Старцы, по-видимому, и сами это понимали, потому что во многих случаях предвосхитили политику Константина Великого и перенесли в подводный город несколько глыб с великолепными образцами древней резьбы, подобно тому, как вышеозначенный император в такое же гиблое для искусств время ограбил Грецию и Азию, вывезя оттуда лучшие произведения искусства, чтобы сделать свою новую столицу Византию еще более прекрасной. То, что Старцы не забрали из бывшей столицы все барельефы, объяснялось несомненно тем, что первое время город на суше не был еще полностью заброшен. Когда же он пол-

ностью обезлюдел — а это случилось еще до прихода на полюс самых жестоких холодов плейстоцена, — Старцев уже, видимо, вполне устраивало современное искусство, и они перестали замечать особое совершенство работы древних резчиков и ваятелей. Во всяком случае, вековые руины вокруг нас во многом сохранили свои первоначальные красоты, хотя все, что было легко вывезти, особенно отдельно стоявшие прекрасные скульптуры, обрело новое пристанище на дне подземного моря.

Эта история, рассказанная на панелях и картушах, — последнее свидетельство об ушедшей эпохе, обнаруженное нами на ограниченной территории наших поисков. Выходило, что Старцы некоторое время жили как бы двойной жизнью, проводя зиму на дне подземного моря, а летом возвращаясь в свою бывшую столицу. Завязалась активная торговля с другими городами в относительном отдалении от антарктического побережья. К этому времени стала абсолютно ясна обреченность земного города, и резчики сумели показать на своих барельефах многочисленные признаки вторжения холода. Растительность гибла, и даже в разгар лета грозные приметы зимы полностью не исчезали. Пресмыкающиеся вымерли почти полностью, млекопитающие разделили их участь. Чтобы продолжать работу на суше, можно было приспособить к земным условиям жизни удивительно хорошо переносящих холод бесформенных шогготов, но этого-то Старцы совсем не хотели. Замерла жизнь на великой реке, опустело морское побережье, из его былых обитателей задержались только тюлени и киты. Птицы улетели, по берегу ковыляли одни крупные неуклюжие пингвины.

Можно только предполагать, что произошло дальше. Как долго просуществовал подводный город? Может, этот каменный мертвец по-прежнему стоит там, в вечном мраке? Замерзли подземные воды или нет? И какова судьба других городов на дне океана? Выбрались ли из-под ледяного колпака Старцы? Может, мигрировали к северу? Но современная геология нигде не обнаружила следов их пребывания. Значит, злобные Ми-Го все еще создавали угрозу на севере? И кто знает, что таится сейчас в темной, неведомой морской пучине, затерявшейся в потаенных глубинах земли? Сами звездоголовые и их творения могли выдерживать колоссальное давление — а рыбаки иногда вылавливали в этих краях всякие диковины. И может, вовсе не кит-убийца повинен, как предполагали, в кровавой резне, оставившей на телах тюле-

ней многочисленные ранения, на что обратил внимание поколение назад норвежский путешественник Борхгревинк?

Экземпляры, найденные беднягой Лейком, обсуждению не подлежали: их засыпало в пещере в те времена, когда город был совсем юным. По всем признакам им было не меньше тридцати миллионов лет, а тогда, как мы понимали, подземный город в заполненной водами каверне еще не существовал, как, собственно, и сама каверна. Если бы они ожили, то помнили бы только те давние времена, когда повсюду буйно росла зелень — ведь шел третий период, — в городе процветали искусства, могучая река несла свои воды на север, вдоль величественных гор к далекому тропическому океану.

И все же у нас не шли из головы эти твари, особенно восемь полноценных, которые таинственным образом исчезли из развороченного лагеря Лейка. Слишком многое не укладывалось в голову, и потому приходилось относить разные дикие вещи на счет внезапного помешательства кого-нибудь из членов экспедиции — и эти невероятные могилы, и множество пропавших вещей, и исчезновение Гедни; потрясла нас неземная плотность тканей древних чудищ и всякие странности их биологии, о которых поведали нам древние скульпторы, — словом, мы с Денфортом многое повидали за несколько последних часов, но были готовы к встрече с новыми пугающими и невероятными тайнами первобытной природы, о которых собирались хранить молчание.

Глава 9

Я уже упоминал, что во время осмотра упаднических барельефов у нас родилась новая цель. Она, конечно же, была связана с теми пробитыми в земле туннелями, которые вели в мрачный подземный мир и о существовании которых мы поначалу не имели понятия, зато теперь сторали от любопытства и желания поскорее увидеть их и по возможности обследовать. Из высеченного на стене плана было ясно, что стоит нам пройти по одному из ближайших туннелей около мили, и мы окажемся на краю головокружительной бездны, там, куда никогда не заглядывает солнце; по краям этого неправдоподобного обрыва Старцы проложили тропинки, ведущие к скалистому берегу потаенного,

погруженного в великую ночь океана. Возможность воочию созерцать легендарную пучину явилась соблазном, которому противиться было невозможно, но мы понимали, что нужно либо немедленно пускаться в путь, либо отложить визит под землю до другого раза.

Было уже восемь часов вечера, наши батарейки поиздержались, и мы не могли позволить себе совсем не выключать фонарики. Все пять часов, что мы находились в нижних этажах зданий, подо льдом, делая записки и зарисовки, фонарики не выключались, и потому в лучшем случае их могло хватить часа на четыре. Но, исхитрившись, можно было обойтись одним, зажигая второй только в особенно интересных или опасных местах. Так мы обезопасили бы себя, создав дополнительный резерв времени. Блуждать в гигантских катакомбах без света — верная гибель, следовательно, если мы хотим совершить путешествие на край бездны, нужно немедленно прекратить расшифровку настенной скульптуры. Про себя мы решили, что еще не раз вернемся сюда, возможно, даже посвятим целые недели изучению бесценных свидетельств прошлого и фотографированию — вот где можно сделать коллекцию «черных снимков», которые с руками оторвет любой журнал, специализирующийся на «ужасах», но теперь поскорее в путь!

Мы уже израсходовали довольно много клочков бумаги, и хотя нам не хотелось рвать тетради или альбомы для рисования, все-таки пришлось пожертвовать еще одной толстой тетрадью. Если случится худшее, решили мы, начнем делать зарубки, тогда, даже если заблудимся, пойдем по одному из туннелей, пока не выйдем на свет — если, конечно, успеем к сроку. И вот мы, сгорая от нетерпения, направились в сторону ближайшего туннеля.

Согласно высеченной на камне карте, с которой мы перерисовали свою, нужный туннель начинался в четверти мили от места, где мы находились. Его окружали прочные, хорошо сохранившиеся дома, так что, похоже, это расстояние мы могли преодолеть под ледяным покрытием. Туннель шел из ближайшего к хребтам угла некой пятиконечной объемистой конструкции — явно места общественных сборищ, возможно, даже культового характера. Мы еще с самолета пытались разглядеть среди руин такие постройки. Однако сколько мы ни обращались к своей памяти, не могли припомнить, чтобы видели с высоты нечто подобное, и потому решили, что это объясняется скорее всего тем,

что крыша здания сильно повреждена, а может, и совсем разрушена прошедшей по льду трещиной. Ее-то мы хорошо помнили. Но в таком случае вход в туннель мог быть завален, и тогда нам останется попытать счастья в другом туннеле, что начинался примерно в миле к северу. Русло реки отсекло от нас все южные туннели, и, окажись оба ближайших хода завалены, наше дальнейшее путешествие не состоится: не позволят батарейки — ведь до следующего, северного, туннеля еще одна миля.

Мы шли сумеречными лабиринтами, не выпуская из рук компас и карту, пересекали одну за другой комнаты и коридоры, находившиеся в разных стадиях обветшания, взбирались наверх, шагали по мостикам, опускались снова, упирались в заваленные проходы и груды мусора, зато на некоторых участках, поражающих по контрасту своей идеальной чистотой, почти бежали, наверстывая упущенное время. Иногда мы выбирали неверное направление, и тогда нам приходилось возвращаться, подбирая оставленные клочки бумаги, а несколько раз оказывались на дне открытой шахты, куда проникал, а точнее как бы просачивался, солнечный свет. И всюду нас мучительно притягивали к себе, дразня воображение, барельефы. Даже при беглом взгляде на них становилось ясно, что многие рассказывали о важнейших исторических событиях, и только уверенность в том, что мы еще не раз вернемся сюда, помогала нам преодолеть желание остановиться получше их рассмотреть. Иногда мы все же замедляли шаги и зажигали второй фонарик. Будь у нас лишняя пленка, мы могли бы немного пощелкать фотоаппаратом, но о том, чтобы попытаться кое-что перерисовать, и речи не было.

Я приближаюсь к тому месту в своем рассказе, где мне хотелось бы — искушение очень велико — замолчать или хотя бы частично утаить правду. Но истина важнее всего: надо в корне пресечь всякие попытки вести в этих краях дальнейшие исследования. Итак, согласно расчетам, мы уже почти достигли входа в туннель, добравшись по мостику на втором этаже до угла этого пятиконечного здания, а затем спустившись в полуразрушенный коридор, в котором было особенно много по-декадентски утонченных поздних скульптур, явно обрядового назначения, когда около половины девятого Денфорт своим обостренным юношеским чутьем уловил непонятный запах. Будь с нами собака, она, почуяв недоброе, отреагировала бы еще раньше. Поначалу мы не могли понять, что случилось со свежайшим прежде воз-

духом, но вскоре память подсказала нам ответ. Трудно без дрожи выговорить это. Этот запах смутно, но безошибочно напоминал тот, от которого нас чуть не стошнило у раскрытой могилы одного из чудищ, рассеченных несчастным Лейком.

Мы, естественно, не сразу нашли ответ. Нас мучили сомнения, запаху находилось сразу несколько объяснений. А главное, нам не хотелось отступать — слишком уж мы приблизились к цели, чтобы поворачивать назад, не испытав явной угрозы. Кроме того, подозрения наши казались невероятными. В нормальной жизни такое не случается. Следуя некоему иррациональному инстинкту, мы несколько притушили фонарик, замедлили ход и, не реагируя более на мрачные декадентские скульптуры, угрожающе косившиеся на нас с обеих сторон, осторожно, на цыпочках двинулись дальше, почти ползком преодолевая кучи обломков и мусора, которых с каждым шагом становилось все больше.

Глаза у Денфорта тоже оказались острее моих, ведь именно он первым обратил внимание на некоторые странности. Мы уже успели миновать довольно много полузасыпанных арок, ведущих в покои и коридоры нижнего этажа, когда он заметил, что сор на полу не производит впечатления пролежавшего нетронутым тысячелетия. Прибавив свет в фонарике, мы увидели нечто вроде слабой колеи, словно здесь что-то недавно тащили. Разносортность мусора препятствовала образованию четких следов, но там, где он был мельче и однороднее, следы различались явственнее — видимо, тащили какие-то тяжелые предметы. Раз нам даже померещились параллельные линии, вроде как следы полозьев. Это заставило нас вновь остановиться.

Тогда-то мы и почувствовали еще один запах.

Парадоксально, но он испугал нас одновременно и больше и меньше предыдущего: сам по себе он был вполне зауряден, но с учетом места и обстоятельств — невозможен, а потому заставил нас похолодеть от страха. Ведь пахло не чем иным, как бензином. Единственное, что приходило на ум, не связано ли это как-то с Гедни.

Наше дальнейшее поведение пусть объясняют психологи. Мы понимали, что на это темное, как ночь, кладбище канувших в вечность времен прокралось нечто, подобное монстрам с базы Лейка, и потому не сомневались: впереди нас ждет встреча с неведомым. И все же продолжили путь — то ли из чистого любопытства, то ли из-за сумятицы в головах или под влиянием самогипноза,

а может, нас влекло вперед беспокойство за судьбу Гедни. Денфорт напомнил мне шепотом о подозрительных следах на улице города и прибавил, что он также слышал слабые трубные звуки — очень важное свидетельство в свете оставленного Лейком отчета о вскрытии неизвестных тварей. Эти звуки, впрочем, могли сойти за эхо, гулко разносившееся по пещерам, изрешетившим горные вершины; похожие звуки доносились и откуда-то снизу, из таинственных недр. Я тоже прошептал ему на ухо свою версию, напомнив, в каком страшном виде предстал перед нашими взорами лагерь Лейка и сколько всего там исчезло: одинокий безумец мог совершить невозможное — перевалить через эти гигантские хребты и, подобно нам, войти в каменный первобытный лабиринт...

Но, поверяя друг другу свои догадки, мы не приходили к единому мнению. Стоя на месте, мы в целях экономии потушили фонарик и только тогда заметили, что в темноте чуть брезжится — это сверху просачивался свет. Непроизвольно двинулись дальше, включая теперь фонарик лишь изредка, чтобы убедиться, что идем в нужном направлении. Неприятный осадок от недавних следов не покидал нас, тем более что запах бензина становился все сильнее. Разруха усиливалась, мы спотыкались на каждом шагу, и вскоре поняли, что впереди тупик. Наши пессимистические прогнозы оправдались, и виной была та глубокая расщелина, которую мы заметили еще с воздуха. Проход к туннелю был завален — даже к выходу не пробраться.

Зажженный фонарик высветил на стенах глухого коридора очередную серию барельефов и несколько дверных проемов, заваленных в разной степени каменными обломками. Из одного доносился острый запах бензина, почти заглушая другой запах. Приглядевшись, мы обратили внимание, что обломков и прочего мусора там поменьше, причем создавалось впечатление, что проход расчистили совсем недавно. Сомнений не было — путь к неведомому монстру лежал через эту дверь. Думаю, всякий поймет, что нам потребовалось изрядно потоптаться на пороге, прежде чем решиться войти.

Когда же мы все-таки ступили под эту черную арку, то первым чувством было недоумение. В этой уединенной замусоренной комнате — абсолютно квадратной, длина каждой из покрытых все теми же барельефами стен равнялась примерно двадцати фу-

там, — не было ничего необычного, и мы инстинктивно закрутили головами, ища прохода дальше. Но тут зоркие глаза Денфорта различили в углу какой-то беспорядок, и мы разом включили оба фонарика. Зрелище было самым заурядным, но говорило о многом, и тут меня опять тянет оборвать рассказ. На слегка приотптанном мусоре что-то валялось, там же, судя по всему, недавно пролили изрядное количество бензина, от него, несмотря на несколько разреженный воздух, ел резкий запах. Короче говоря, здесь недавно устроили привал некие существа, так же, как и мы, стремящиеся попасть в туннель и точно так же остановленные непредвиденным завалом.

Скажу прямо. Все разбросанные вещи были похищены из лагеря Лейка — консервные банки, открытые непередаваемо варварским способом, как и на месте трагедии; обгоревшие спички; три иллюстрированные книги в грязных пятнах непонятного происхождения; пустой пузырек из-под чернил с цветной этикеткой; сломанная авторучка; искромсанные палатка и меховая куртка; использованная электрическая батарейка с приложенной инструкцией; коробка от обогревателя и множество мятой бумаги. От одного этого голова могла пойти кругом, но когда мы подняли и расправили несколько бумажек, то поняли, что самое худшее ожидало нас здесь. Еще в лагере Лейка нас поразили вид уцелевших бумаг, испещренных странными пятнами, но то, что предстало нашим взорам в подземном склепе кошмарного города, было абсолютно невыносимо.

Сойдя с ума, Гедни мог, конечно, подражая точечному орнаменту на зеленоватых камнях, воспроизвести такие же узоры на отвратительных, невероятных пятиугольных могилах, а затем повторить их тут, на этих листках; поспешные грубые зарисовки тоже могли быть делом его рук; мог он составить и приблизительный план места и наметить путь от обозначенного кружком ориентира, лежащего в стороне от нашего маршрута, — громадной башни-цилиндра, постоянно встречавшейся на барельефах, с самолета она нам виделась громадной круглой ямой- до этого пятиугольного здания и дальше, до самого выхода в туннель.

Он мог, повторяю, начертить какой-никакой план, ведь, несомненно, источником для него, так же как и для наших наметок, послужили все те же барельефы в ледяном лабиринте, но разве сумел бы дилетант воспроизвести эту неподражаемую манеру рисунка: ведь, несмотря на явную поспешность и даже небрежность

зарисовок, манера эта ощущалась сразу и намного превосходила декадентский рисунок поздних барельефов. Здесь чувствовалась характерная техника рисунка Старцев в годы наивысшего расцвета их искусства.

Не сомневаюсь, что многие сочтут нас с Денфортом безумцами из-за того, что мы не бросились тут же прочь, спасать свои жизни. Самые чудовищные наши опасения подтвердились, и те, кто читает сейчас мою исповедь, понимают, о чем я говорю. А может, мы и правда сошли с ума — ведь назвал же я эти страшные горы «Хребтами Безумия»? Но нас охватил тот безумный азарт, какой не покидает охотников, отслеживающих диких зверей где-нибудь в джунглях Африки и рискующих жизнью, только чтобы понаблюдать за ними и сфотографировать. Мы застыли на месте, страх парализовал нас, но где-то в глубине уже разгорался неумный огонек любопытства, и он в конце концов одержал победу.

Мы, конечно, не хотели бы встретиться лицом к лицу с тем или с теми, кто побывал здесь, но у нас было ощущение, что они ушли. Должно быть, сейчас уже отыскивали ближайший туннель, проникли внутрь и направляются на встречу с темными осколками своего прошлого, если только они сохранились в темной пучине — в неведомой бездне, которую они никогда прежде не видели. А если заблокирован и тот туннель, значит, пойдут на север в поисках другого. Им ведь не так, как нам, необходим свет — это мы помнили.

Возвращаясь мысленно в прошлое, затрудняюсь определить, какие именно эмоции овладели нами тогда, какую форму приняли и как изменился наш план действий в связи с острым предчувствием чего-то необычайного. Разумеется, мы не хотели бы столкнуться с существами, вызывавшими у нас столь жгучий страх, но, думаю, подсознательно жаждали хоть издали их увидеть, тайком подсмотреть из укромного убежища. Мы не расставались окончательно с мыслью увидеть воочию таинственную бездну, хотя теперь перед нами замаячила новая цель — дойти до места, которое на смятом плане было обозначено большим кругом. Было ясно, что так изобразили диковинную башню цилиндрической формы, которую мы видели даже на самых ранних барельефах, сверху она казалась просто огромным круглым провалом. Даже на этом небрежном чертеже чувствовалось некое скрытое величие этой постройки, уважительное к ней отношение; это заставляло нас думать, что в той части, что находится ниже уровня льда, может найтись для нас много интересного.

Башня вполне могла быть архитектурным шедевром. Судя по барельефам, построена она в непостижимо далекие времена, дно из старейших зданий города. Если там сохранились барельефы, они могут многое поведать. Кроме того, от нее мы могли бы, возможно, найти для себя более короткую дорогу, чем та, которую так последовательно метили клочками бумаги.

Начали мы с того, что тщательно изучили эти ошеломляющие зарисовки, которые вполне совпадали с нашими собственными, а затем отправились в обратный путь, точно придерживаясь указанного на листке маршрута, ведущего к цилиндрической башне. Наши неизвестные предшественники, должно быть, проделали этот путь дважды. Как раз за гигантским цилиндром начинался ближайший туннель, Не стану описывать нашу обратную дорогу, во время которой мы старались как можно экономнее тратить бумагу: ничего нового нам не повстречалось. Разве только теперь путь наш реже взмывал вверх, стелясь по самой земле и даже иногда опускаясь в подземелье. Не однажды замечали мы следы, оставленные прошедшими перед нами незнакомцами, а после того как запах бензина остался далеко позади, в воздухе вновь стал слышен слабый, но отчетливый неприятный запах, от которого нас бросило в дрожь. Свернув в сторону от прежнего маршрута, мы стали иногда включать фонарик, направляя свет на стены, и могу вас заверить, не было случая, чтобы при этом не высветился очередной барельеф — несомненно, то был наилюбимейший вид искусства у Старцев.

Около 9.30, двигаясь по длинному сводчатому коридору, обледеневший пол которого, казалось, уходил под землю, а потолок становился все ниже, мы заметили впереди яркий дневной свет и тут же выключили фонарик. Вскоре стало понятно, что наш коридор кончается просторной круглой площадкой вроде арены, до которой было уже рукой подать. Впереди вырисовывалась чрезвычайно низкая арка, совсем нетипичная для мегалитов, и даже не выходя, мы увидели довольно много интересного. Перед нами раскинулся огромный круг — не менее двухсот футов в диаметре, — заваленный обломками и прочим мусором, от него расходилось множество сводчатых коридоров, вроде того, которым шли мы, но большинство из них было основательно засыпано. По стене на высоте человеческого роста тянулась широкая полоса барельефов, и, несмотря на разрушительное действие времени, усиленное пребыванием под открытым небом, сомнений не оставалось: ничего из виденного нами ранее нельзя было поставить

рядом с этими великолепными шедеврами. Толстый слой льда проступал из-под завалов мусора, и мы догадались, что настоящее дно открытого цилиндра глубоко внизу.

Но главной достопримечательностью места был огромный каменный пандус, который, не заслоня коридоры, плавной спиралью взмывал ввысь внутри цилиндрического колосса, подобно своим двойникам в зиккуратах Древнего Вавилона. Из-за скорости самолета, нарушившей перспективу, мы не заметили его с воздуха, потому-то и не направились к башне, когда решили спуститься под лед. Не сомневаюсь, что Пэбоди доискался бы до принципа устройства этой конструкции, мы же с Денфортом могли только смотреть и восхищаться. Каменные консоли и колонны были великолепны, но мы не могли взять в толк, как это все функционирует. Время не повредило пандусу, что само по себе удивительно — ведь он находился под открытым небом; мало того, он еще предохранил от разрушения диковинные космические барельефы.

Опасливо ступили мы на частично затененное пандусом ледяное дно этого необыкновенного цилиндра — ведь ему было никак не меньше пятидесяти миллионов лет, без сомнения, то была самая древняя постройка из всех, что нам пришлось увидеть, — мы обратили внимание, что стены его, увитые пандусом, возвышаются на полных шестьдесят футов. Это означало, судя по нашему впечатлению с самолета, что снаружи ледяной пласт тянулся вверх, обхватывая цилиндр, еще на сорок футов: ведь зияющая яма, которую мы отметили с самолета, находилась посередине холма высотой футов в двадцать, состоящего, как мы решили, из раздробленного каменного крошева. На три четверти яму затеняли массивные, нависшие над ней руины окружающих ее высоких стен. На древних барельефах мы видели первоначальный облик башни. Стоя в центре огромной площади, она взмывала ввысь на пятьсот — шестьсот футов, сверху ее покрывали горизонтальные диски, верхний из которых имел по краям остrokонечные завершения в виде игольчатых шпилей. К счастью, разрушенная кладка сыпалась наружу — иначе рухнул бы пандус, полностью завалив интерьер башни. И так-то зрелище было довольно жалкое. А вот щебень от арок, казалось, недавно отгребли.

Не составляло особого труда понять: именно по этому пандусу спустились в подземелье неведомые пришельцы. Мы тут же решили выбраться отсюда тем же способом, благо башня находилась от оставленного в предгорье самолета на таком же рас-

стоянии, что и внушительных размеров дом с колоннадой, через который мы проникли в сердце города. Зря, конечно, оставили за собой тропу из бумажек, ну да ладно. Остальную разведку можно провести и в этом месте. Вам может показаться странным, но мы до сих пор не оставили мысль о том, чтобы вернуться сюда и, может быть, даже не один раз — и это несмотря на все увиденное и домысленное. С превеликой осторожностью прокладывали мы путь сквозь груды обломков, но тут необычное зрелище заставило нас застыть на месте. За выступом пандуса стояли трое саней, связанные вместе и находившиеся ранее вне поля нашего зрения. Они-то и пропали из лагеря Лейка и вот теперь обнаружили здесь, изрядно расшатанные в дороге, — по-видимому, их тащили не только по снегу, но и по голым камням и завалам, а кое-где перетаскивали на весу. На санях лежали аккуратно увязанные и стянутые ремнями знакомые до боли вещи: наша печурка, канистры с бензином, набор инструментов, банки с консервами, завязанные узлом в брезент книги и еще какие-то тюки — словом, похищенный из лагеря скarb.

После всего предыдущего мы не очень удивились находке, скажу больше — были почти к ней готовы. Однако когда, склонившись над санями, развязали брезентовый тюк, очертания которого меня почему-то смутно встревожили, нас как громом поразило. По-видимому, существом, побывавшим в лагере, тоже не была чужда страсть к научной систематизации, как и Лейку: в санях лежали два свежемороженых экземпляра, раны вокруг шеи аккуратно залеплены пластырем, а дабы избежать дальнейших повреждений, сами тела туго перевязаны. Надо ли говорить, что то были Гедни и пропавшая собака.

Глава 10

Наверное, многие сочтут нас бездушными и, конечно же, не вполне нормальными, но и после этого жуткого открытия мы продолжали думать о северном туннеле, хотя, уверяю, мысль о дальнейшем путешествии на какое-то время оставила нас, вытесненная другими размышлениями. Закрыв тело Гедни брезентом, мы стояли над ним в глубокой задумчивости, из которой нас вывели непонятные звуки — первые, услышанные с того мо-

мента, как мы покинули улицы города, где слабо шелестел ветер, спускаясь со своих заоблачных высот. Очень земные и хорошо знакомые нам звуки были настолько неожиданны в этом мире пагубы и смерти, что, опрокидывая все наши представления о космической гармонии, ошеломили нас сильнее, чем это сделали бы самые невероятные звучания и шумы.

Услышь мы загадочные и громкие трубные звуки, мы удивились бы меньше — результаты проведенного Лейком вскрытия подготовили нас к чему-то в этом роде, более того, наша болезненная фантазия после кровавой резни в лагере вынуждала нас чуть ли не в каждом завывании ветра чувствовать недоброе. Ничего другого не приходилось ожидать от этого дьявольского края вечной смерти. Здесь приличествовали кладбищенские, унылые песни канувших в прошлое эпох. Но услышанные нами звуки разом сняли с нас умопомрачение, в которое мы впали, уже и мысли не допуская, что в глубине антарктического континента может существовать хоть какая-то нормальная жизнь. То, что мы слышали, вовсе не исходило от захороненной в незапамятные времена дьявольской твари, разбуженной полярным солнцем, приласкавшим ее дубленую кожу. Нет, существо, издавшее этот крик, было до смешного заурядным созданием, к которому мы привыкли еще в плавании, недалеко от Земли Виктории, и на нашей базе в заливе Мак-Мердо; его мы никак не ожидали встретить здесь. Коротче — этот резкий, пронзительный крик принадлежал пингвину.

Он доносился откуда-то снизу — как раз напротив коридора, которым мы только что шли, то есть со стороны проложенного к морской пучине туннеля. Присутствие в этом давно уже безжизненном мире животного, не способного существовать без воды, наводило на вполне определенные предположения, но прежде всего хотелось убедиться в реальности крика — а вдруг нам просто послышалось? Он, однако, повторился и даже умножился — орали уже в несколько глоток. Пойдя на звуки, мы вошли в арку, которую, видно, только недавно расчистили от завалов. Оставив дневной свет позади, мы возобновили нашу возню с клочками, тем более что позаимствовали, хоть и не без брезгливости, изрядную толику бумаги из тюка на санях.

Вскоре лед сменился открытой почвой, состоящей преимущественно из обломков детрита, — на ней явственно виднелись следы непонятного происхождения, как если бы что-то тащили, а раз Денфорт заметил очень четкий отпечаток, но о нем не

стоит распространяться. Мы шли на крик пингвинов, что соответствовало направлению, в котором, как говорили нам и карта, и компас, находился вход в северный туннель; коридор, ведущий туда, к счастью, не был засыпан. Согласно плану, туннель шел из подвала большой пирамидальной конструкции, на которую мы обратили внимание еще во время полета над городом, — она сохранилась лучше многих других построек. Освещая путь единственным фонариком, мы видели, что нас и тут продолжают сопровождать барельефы, но теперь нам было не до них.

Впереди замаячил белый громоздкий силуэт, и мы поспешно включили второй фонарик. Как ни странно, мы тут же сосредоточились на новой загадке, позабыв о своих страхах. Те, что оставили часть снаряжения на дне огромного цилиндра и отправились на разведку к морской пучине, могли в любую минуту вернуться, но мы почему-то перестали принимать их во внимание. Беловатое существо, неуклюже ковылявшее впереди, было не менее шести футов росту, но мы ни минуты не сомневались, что оно не из тех, кто побывал в лагере Лейка. Те были выше и темнее, а по земле двигались, несмотря на свою приспособленность к жизни под водой, быстро и уверенно, — это мы поняли из барельефов. И все же, не буду скрывать, мы испугались. На какое-то мгновение нас охватил безотчетный ужас, пострашнее прежнего, осознанного, с которым мы ожидали встречи с существами, опередившими нас на пути к туннелю. Разрядка, впрочем, наступила быстро, стоило белому увальню свернуть, переваливаясь, в проход под арку, где к нему присоединились двое собратьев, приветствуя его появление резкими, пронзительными криками. Это был всего лишь пингвин, хотя и значительно превосходящий размерами обычных королевских пингвинов. Полная слепота еще более усугубляла отталкивающее впечатление, которое производил этот альбинос.

Мы последовали за нелепым созданием, а когда, ступив под арку, направили лучи обоих фонариков на безучастно топчущуюся в проходе троицу, то поняли, что слепыми были и остальные два представителя этого неизвестного науке вида пингвинов-гигантов. Они напоминали нам древних животных с барельефов Старцев, и мы быстро смекнули, что эти недотепы наверняка были потомками тех прежних великанов, которые выжили, уйдя от холода под землю; вечный мрак разрушил пигментацию и лишил их зрения, сохранив как бы в насмешку ненужные теперь узкие прорезы для глаз. Мы ни на минуту не сомневались, что

они и теперь обитают на берегах подземного моря, и это свидетельство продолжающегося существования пучины, дарующей по-прежнему тепло и пристанище тем, кто в них нуждается, наполнило нас волнующими чувствами.

Интересно, что заставило этих трех увальней покинуть привычную среду обитания? Особая атмосфера разора и заброшенности, царящая в громадном мертвом городе, не позволяла предположить, что он был для них сезонным пристанищем, а полнейшее равнодушие животных к нашему присутствию заставляло сомневаться, что их с обжитых мест могли вспугнуть опередившие нас незнакомцы. Если, конечно, не набросились на пингвинов с целью пополнить свой запас продовольствия. А может, животных раздражил висевший в воздухе едкий запах, от которого бесились собаки? Тоже маловероятно, ведь их предки жили в полном согласии со Старцами, и это должно было продолжаться и под землей. В сердцах посетовав, что не можем сфотографировать в интересах науки эти удивительнейшие экземпляры, мы обогнали их, еще долго слыша, как они гогочут и хлопают крыльями-ластами, и решительно направились вдоль указанного ими сводчатого коридора к неведомой бездне.

Вскоре на стенах исчезли барельефы, а коридор, встав заметно ниже, резко пошел под уклон. Видимо, неподалеку находился вход в туннель. Мы поравнялись еще с двумя пингвинами; впереди слышались крики и гогот их собратьев. Неожиданно коридор оборвался, и у нас перехватило дыхание — перед нами находилась большая сферическая пещера, диаметром сто, а высотой пятьдесят футов; во все стороны от нее расходились низкие сводчатые галереи, и только один ход, пятнадцати футов высотой, нарушая симметрию, зиял огромной черной пустотой. То был, несомненно, путь, ведущий к Великой бездне.

Под сводом пещеры, которой явно пытались в свое время придать резцом вид небесной сферы (зрелище впечатляющее, хотя художественно малоубедительное), бродили незрячие и ко всему равнодушные пингвины-альбиносы. Туннель зазывно чернел, приглашая спуститься еще ниже, манил и сам вход, которому резец придал декоративную форму двери. Из таинственно зияющего отверстия, казалось, тянуло теплом, нам даже почудились струйки пара. Кого же еще, кроме пингвинов, скрывали эти бездонные недра и эти бесконечные ячейки, пронизывающие землю и гигантские хребты? Нам пришло в голову, что дымка, окутывавшая вершины

гор, которой мы любовались с самолета и которую Лейк, обманувшись, принял за проявление вулканической активности, могла быть всего лишь паром, поднимающимся из самых глубин земли.

Туннель был выложен все теми же крупными глыбами, и поначалу ширина в нем равнялась высоте. Стены украшали редкие картуши, приметы позднего упаднического искусства, все здесь сохранилось превосходно — и кладка и резьба. На каменной пыли отпечатались следы пингвинов и тех, других, опередивших нас. Одни следы вели в сферическую пещеру, другие — из нее. С каждым шагом становилось все теплее, и вскоре мы, расстегнув теплые куртки, шли нараспашку. Кто знает, не происходят ли там, под водой, вулканические выбросы, благодаря которым подземное море сохраняет тепло? Довольно скоро кладку сменила гладкая скальная поверхность, но это никак не отразилось на размерах туннеля, да и картуши украшали стены с той же регулярностью. Иногда спуск становился слишком крутым, и тогда мы нащупывали под ногами каменные ступени. Несколько раз нам попадались небольшие боковые галереи, не обозначенные на нашем плане, впрочем, они никак не могли нас запутать и помешать нашему быстрому возвращению, напротив, в случае опасности мы могли в них укрыться. Неприятный едкий запах тем временем все усиливался. Учитывая обстоятельства, лезть в туннель было чистым безумием, но в некоторых людях страсть к познанию перевешивает все, ей уступает даже инстинкт самосохранения, именно эта страсть и гнала нас вперед. Мы повстречали еще несколько пингвинов. Сколько нам предстояло идти? Согласно плану, крутой спуск начинался за милю до бездны, но предыдущие скитания научили нас не очень-то доверяться масштабам на барельефах.

Через четверть мили едкий запах стал почти невыносимым, и мы с особой осторожностью проходили мимо боковых галерей. Струйки пара, напротив, исчезли — температура теперь всюду выровнялась, такого контраста, как при входе в туннель, больше не было. Становилось все жарче, и поэтому мы не удивились, увидев брошенную на пол до боли знакомую теплую одежду. В основном это были меховые куртки и палатки, пропавшие из лагеря Лейка, и нам совсем не хотелось рассматривать странные прорези, сделанные похитителями, подгонявшими вещи по своим фигурам. Вскоре число и размеры боковых галерей резко увеличилось,

видимо, начинался район изрешеченных подземными ходами-ячейками предгорий.

К едкой вони теперь примешивался какой-то новый, не столь резкий запах, откуда он взялся, мы не понимали и только гадали; может, что-то гниет, или так своеобразно пахнет какая-нибудь неизвестная разновидность подземных грибов? Неожиданно туннель как по волшебству (карты нас к этому не подготовили) вдруг расширился, сменившись просторной, по-видимому, естественного происхождения пещерой овальной формы, с ровным каменным полом приблизительно семидесяти пяти футов длиной и пятидесяти — шириной. Отсюда расходилось множество боковых галерей, теряясь в таинственной мгле.

При ближайшем рассмотрении пещера оказалась вовсе не естественного происхождения: перегородки между отдельными ячейками были сознательно разрушены. Сами стены были неровными, с куполообразного потолка свисали сталактиты, а вот пол, казалось, только что вымели — никаких тебе обломков, осколков и даже пыли совсем немного. Чисто было и в боковых галереях, и это нас глубоко озадачило. Новый запах все усиливался, он почти вытеснил прежнее зловоние. От необычной чистоты, граничащей прямо-таки со стерильностью, мы потеряли дар речи, это казалось настолько необъяснимым, что произвело на нас более жуткое впечатление, чем все прежние странности. Прямо перед нами начиналась галерея, вход в которую был отделан более тщательно, чем все прочие; нам следовало выбрать его: на это указывали ведущие к нему внушительные груды пингвиного помета. Решив не рисковать, мы, во избежание всяких случайностей, начали вновь рвать бумагу: ведь на следы рассчитывать не приходилось, чистота была прямо идеальная — никакой пыли. Войдя в галерею, мы привычно осветили фонариком стены и застыли в изумлении: как снизился уровень резьбы! Нам уже было известно, что во времена строительства туннелей искусство у Старцев находилось в глубоком упадке, и сами недавно воочию в этом убедились. Но теперь, на подступах к загадочной бездне, мы увидели перемены настолько разительные, что не могли найти им никаких объяснений. И форма, и содержание немислимо деградировали, говорить о каком-либо мастерстве исполнения просто не приходилось.

В новой манере появилось нечто грубое, заливчатое — никакой тонкости. Резьба в орнаментальных завитках была слишком

глубокой, и Денфорту пришла мысль, что, возможно, здесь происходило как бы обновление рисунка, своего рода палимпсест — после того, как обветшала и стерлась старая резьба. Новый рисунок был исключительно декоративный и традиционный — сплошные спирали и углы — и казался грубой пародией на геометрический орнамент Старцев. Нас не оставляла мысль, что не только техника, но само эстетическое чувство подверглось здесь грубому перерождению, а Денфорт уверял меня, что здесь не обошлось без руки «чужака». Рисунок сразу же вызывал в памяти искусство Старцев, но это сравнение порождало в нас одновременно и глубокое внутреннее неприятие. Непроизвольно вспомнилось мне еще одно неудачное подражание чужому стилю — пальмирские скульптуры, грубо копирующие римскую манеру. Те, что шли перед нами, тоже заинтересовались резьбой, об этом говорила использованная батарейка, брошенная рядом с наиболее типичным картушем.

Однако из-за недостатка времени мы бросили на эти необычные барельефы лишь беглый взгляд и почти тут же возобновили путь, хотя далее довольно часто направляли на стену лучи фонариков, высматривая, не появились ли еще какие-нибудь новшества. Но все шло как прежде, разве что увеличивалось расстояние между картушами: слишком много отходило от туннеля боковых галерей. Нам повстречалось несколько пингвинов, мы слышали их крики, но нас не оставляло чувство, что где-то в отдалении, глубоко под землей, гогочут и кричат целые стаи этих больших птиц. Новый запах непонятного происхождения почти вытеснил прежний, едкий. Вновь появившиеся в воздухе струйки пара говорили о нарастающей разнице температур и о близости морской бездны, таящейся в крошечной мгле. И тут вдруг, совершенно неожиданно, мы увидели впереди, прямо на сверкающей глади пола какое-то препятствие — нет, совсем не пингвинов, а что-то другое. Решив, что непосредственной опасности как будто нет, мы включили второй фонарик.

Глава 11

И вот снова слова застывают у меня на губах. Казалось бы, пора привыкнуть спокойнее на все реагировать, а может, даже ожесточиться, но в жизни случаются такие переживания, что ранят особенно глубоко, от них невозможно исцелиться, рана про-

должает ныть, а чувствительность настолько обостряется, что достаточно оживить в памяти роковые события, и снова вспыхивают боль и ужас. Как я уже говорил, мы увидели впереди, на чистом блестящем полу, некое препятствие, и одновременно наши ноздри уловили все тот же новый запах, многократно усилившийся и смешавшийся с едкими испарениями тех, кто шел перед нами. При свете фонариков у нас не осталось никаких сомнений в природе неожиданного препятствия; мы не побоялись подойти поближе, потому что даже на расстоянии было видно, что распростертые на полу существа не способны больше никому причинить вреда — так же как и шестеро их товарищей, похороненных под ужасными пятиконечными надгробиями из льда в лагере несчастного Лейка. Как и у собратьев, почивших в ледяной могиле, у них были отсечены некоторые члены, а по расплывшейся темно-зеленой вязкой лужице было понятно, что печальное событие случилось совсем недавно. Мы увидели только четверых, хотя из посланий Лейка явствовало, что звездоголовых существ должно быть не менее восьми. Зрелище потрясло и одновременно удивило нас: что за роковая встреча произошла здесь, в крошечной тьме?!

Напуганные пингвины разъяренно щелкали клювами; по доносившимся издали крикам мы поняли, что впереди — гнездовье. Неужели звездоголовые, потревожив птиц, навлекли на себя их ярость? Судя по характеру ран, такого быть не могло: ткани, которые с трудом рассек скальпелем Лейк, легко выдержали бы удары птичьих клювов. Кроме того, огромные слепые птицы вели себя исключительно мирно.

Может, звездоголовые поссорились между собой? Тогда вина легла на четверых отсутствующих. Но где они? Прячутся неподалеку и выжидают удобный момент, чтобы напасть на нас? Медленно продвигаясь к месту трагедии, мы опасливо поглядывали в сторону боковых галерей. Что бы здесь ни случилось, это очень напугало пингвинов, они необычайно всполошились. Возможно, схватка завязалась недалеко от гнездовья, где-нибудь на берегу бездонной темной пучины: ведь поблизости не было птичьих гнезд. Может, звездоголовые бежали от преследователей, хотели поскорее добраться до оставленных саней, но тут убийцы нагнали тех, кто послабее, и прикончили? Можно представить

себе панику среди звездоголовых, когда нечто ужасное поднялось из темных глубин, распугав пингвинов, и те с криками и гоготом бросились в бегство.

Итак, мы опасливо приближались к загромодившим проход, истерзанным созданиям. Но не дошли, а, слава Создателю, бросились прочь, опрометью понеслись назад по проклятому туннелю, по его гладкому, скользкому полу, мимо издевательских орнаментов, открыто высмеивающих искусство, которому подражали. Мы бросились бежать прежде, чем уяснили себе, что же все-таки увидели, прежде чем наш мозг опалило знание, из-за которого никогда уже нам не будет на земле покоя!

Направив свет обоих фонариков на распростертые тела, мы поняли, что более всего встревожило нас в этой жуткой гряде тел. Не то, что жертвы были чудовищно растерзаны и искалечены, а то, что все были без голов. Подойдя еще ближе, мы увидели, что головы не просто отрубили, а изничтожили каким-то дьявольским способом — оторвали или скорее отъели. Кровь, темно-зеленая, все еще растекавшаяся лужицей, источала невыносимое зловоние, но теперь его все больше забивал новый, неведомый запах — здесь он ощущался сильнее, чем прежде, по дороге сюда. Только на совсем близком расстоянии от поверженных существ мы поняли, где таится источник этого второго, необъяснимого запаха. И вот тогда Денфорт, вспомнив некоторые барельефы, живо воспроизводящие жизнь Старцев во время перми, сто пятьдесят миллионов лет назад, издал пронзительный, истошный вопль, отозвавшийся мощным эхом в этой древней сводчатой галерее со зловещей и глубоко порочной резьбой на стенах.

Секундой позже я уже вторил ему: в моей памяти тоже запечатлелся старинный барельеф, на котором неизвестный скульптор изобразил покрытое мерзкой слизью и распростертое на земле тело обезглавленного Старца; это чудовищные шогготы убивали таким образом своих жертв — отъедая головы и высасывая из них кровь; происходило это в годы их неповиновения, во время изнурительной, тяжелой войны с ними Старцев. Высекая эти кошмарные сцены, художник нарушал законы профессиональной этики, хотя и изображал события, уже канувшие в Лету: ведь шогготы и последствия их деяний явно были запретным для изображения предметом. Несомненно существовало табу. Недаром безумный автор «Некрономикона» пылко заверял нас, что подобные твари не могли быть созданы на Земле и что

они являлись людям только в наркотических грезах. Бесформенная протоплазма, до такой степени способная к имитированию чужого вида, органов и процессов, что копию трудно отличить от подлинника. Липкая пузырчатая масса... эластичные пятнадцатифутовые сфероиды, легко поддающиеся внушению послушные рабы, строители городов... все строптивее... все умнее... живущие и на земле и под водой... и все больше постигающие искусство подражания! О, Боже! Какая нелегкая дернула этих нечестивых Старцев создать этих тварей и пользоваться их услугами?!

Теперь, когда мы с Денфортом воочию увидели блестящую, маслянистую черную слизь, плотно обволакивающую обезглавленные тела, когда в полную силу вдохнули этот ни на что не похожий мерзкий запах, источник которого мог себе представить только человек с больным воображением — исходил он от слизи, которая не только осела на телах, но и поблескивала точечным орнаментом на грубо и вульгарно переиначенных картушах, — лишь теперь мы всем своим существом прочувствовали, что такое поистине космический страх. Мы уже не боялись тех, четверых, которые сгинули неведомо где и вряд ли представляли теперь опасность. Бедняги! Они-то как раз не несли в себе зла. Природа сыграла над ними злую шутку, вызвав из векового сна: какой трагедией обернулось для них возвращение домой! То же станет и с остальными, если человеческое безумие, равнодушие или жестокость вырвут их из недр мертвых или спящих полярных просторов. Звездоголовых нельзя ни в чем винить. Что они сделали? Ужасное пробуждение на страшном холоде в неизвестную эпоху и, вполне вероятно, нападение разъяренных, истошно лающих четвероногих, отчаянное сопротивление, и, наконец, в придачу — окружившие их неистовые белые обезьяны в диковинных одеяниях... несчастный Лейк... несчастный Гедни... и несчастные Старцы. Они остались до конца верны своим научным принципам. На их месте мы поступили бы точно так же. Какой интеллект, какое упорство! Они не потеряли головы при встрече с неведомым, сохранив спокойствие духа, как и подобает потомкам тех, кто изображен на барельефах! Кого бы они ни напоминали внешним обликом — морских звезд или каких-то наземных растений, мифических чудищ или инопланетян, по сути своей они были людьми!

Они перевалили через заснеженные хребты, на склонах которых ранее стояли храмы, где они возносили хвалу своим богам;

там же они прогуливались когда-то в зарослях древесных папоротников. Город, в который они так стремились, спал, объятый вечным сном, но они сумели, как и мы, прочитать на древних барельефах историю его последних дней. Ожившие Старцы пытались разыскать своих соплеменников здесь, в этих легендарных темных недрах, и что же они нашли? Примерно такие мысли рождались у нас с Денфортом при виде обезглавленных и выпачканных мерзкой слизью трупов. Затем мы перевели взгляд на резьбу, вызывавшую отвращение своей вульгарностью, над которой жирно поблескивала только что нанесенная гнусной слизью надпись из точек. Теперь мы поняли, кто продолжал жить, победив Старцев, в подводном городе на дне темной бездны, по краям которой устроили свои гнездовья пингвины. Ничего здесь не изменилось. Должно быть, и теперь над пучиной все так же дымятся клубы пара.

Шок от ужасного зрелища обезглавленных, перепачканных гнусной слизью тел был так велик, что мы застыли на месте, не в силах вымолвить ни слова, и только значительно позже, делая своими переживаниями, узнали о полном сходстве наших мыслей. Казалось, прошли годы, на самом же деле мы стояли так, окаменевшие, не более десяти — пятнадцати секунд. И тут в воздухе навстречу нам поплыли легкие струйки пара, как бы от дыхания приближающегося к нам, но еще невидимого существа, а потом послышались звуки, которые, разрушив ары, открыли нам глаза, и мы опрометью бросились наутек мимо испуганно гогочущих пингвинов. Мы бежали тем же путем, топча брошенную нами бумагу, по извивавшимся под ледяной толщей сводчатым коридорам — назад, скорее в город! Выбежав на дно гигантского цилиндра, мы заторопились к древнему пандусу; оцепенело, автоматически стали карабкаться вверх — наружу, к спасительному солнечному свету! Только бы уйти от опасности!

Мы считали, в соответствии с гипотезой Лейка, что трубные звуки издают те, которые сейчас, в большинстве своем, были уже мертвы. Значит, кто-то уцелел! Денфорт позже признался, что именно такие звуки, только более приглушенные, он слышал при нашем вступлении в город, когда мы осторожно передвигались по ледяной толще. Они удивительно напоминали завывания, доносившиеся из горных пещер. Не хотелось бы показаться наивным, но все же прибавлю еще кое-что, тем более что Денфорту, по странному совпадению, пришла в голову та же мысль. Этому, конечно, способствовал одинаковый круг чтения; Денфорт

к тому же намекнул, что, по его сведениям, По, работая сто лет назад над «Артуром Гордоном Пимом», пользовался неизвестными даже ученым тайными источниками. Как все, наверное, помнят, в этой фантастической истории некая огромная мертвенно-белая птица, живущая в самом сердце зловещего антарктического материка, постоянно выкрикивает некое никому неизвестное слово, полное рокового скрытого смысла: «Текели-ли! Текели-ли!»

Уверяю вас, именно его мы расслышали в коварно прозвучавших за клубами белого пара громких трубных звуках. Они еще не отзвучали, а мы уже со всех ног неслись прочь, хотя знали, как быстро перемещаются Старцы пространстве: выжившему участнику этой невыносимой бойни, тому, кто издал этот непередаваемый трубный клич, не стоило большого труда догнать нас — хватило бы минуты. Мы смутно надеялись, что нас может спасти отсутствие агрессии и открытое проявление нами добрых намерений — в преследователе могла проснуться любознательность. В конце концов, зачем причинять нам вред, если ему ничто не угрожает? Пробегая по галерее, где невозможно было укрыться, мы на секунду замедлили бег и, нацелив назад лучи фонариков, заметили, что облако пара рассеивается. Неужели мы наконец увидим живого и невредимого жителя древнего города? И тут снова прозвучало: «Текели-ли! Текели-ли!»

Преследователь отставал; может, он ранен? Но мы не решались рисковать: ведь он, услышав крик Денфорта, не убегал от врагов, а устремился вперед. Времени на размышления не было, оставалось только гадать, где сейчас пребывали убийцы его соплеменников, эти непостижимые для нас кошмарные создания, горы зловонной, изрыгающей слизь протоплазмы, покорившие подводный мир и направившие посланцев на сушу, где те, ползая по галереям, испоганили барельефы Старцев. Скажу откровенно, нам было жаль оставлять этого последнего и, возможно, раненого жителя города на почти верную смерть.

Слава Богу, мы не замедлили бег. Пар вновь сгустился, мы летели вперед со всех ног, а позади, хлопая крыльями, испуганно кричали пингины. Это было само по себе странно, если вспомнить, как вяло реагировали они на наше присутствие. Вновь слышался громкий трубный клич: «Текели-ли! Текели-ли!» Значит, мы ошибались. Звездоголовый не был ранен, он просто задержался у трупов своих товарищей, над которыми поблескивала на стене надпись из гнусной слизи. Неизвестно, что означала дьяволь-

ская надпись, но она могла оскорбить звездоголового: похороны в лагере Лейка говорили о том, что Старцы безмерно чтут своих усопших. Включенные на полную мощь фонарики высветили впереди ту, уже известную нам большую пещеру, где сходилась множество подземных ходов. Мы облегченно вздохнули, вырвавшись наконец из плена загаженных шоггитами стен: даже не разглядывая мерзкую резьбу, мы ощущали ее всем своим естеством.

При виде пещеры нам пришло также в голову, что, возможно, наш преследователь затеряется в этом лабиринте. Находившиеся здесь слепые пингины-альбиносы пребывали в страшной панике, казалось, они ожидают появления чего-то ужасного. Можно попробовать притушить фонарики и, в надежде, что испуганно мечущиеся и гогочущие огромные птицы заглушат наш слоновый топот, юркнуть напрямик в туннель: кто знает, вдруг удастся обмануть врага. В туманной дымке грязный, тусклый пол основного туннеля почти не просматривался, разительно отличаясь от зловеще поблескивавшей позади нас галереи; тут даже Старцам с их шестым чувством, позволявшим до какой-то степени ориентироваться в темноте, пришлось бы туго. Мы и сами боялись промахнуться, угодить не в тот коридор, ведь у нас была одна цель — мчаться что есть илы по туннелю в направлении мертвого города, а попади мы ненароком в одну из боковых галерей, последствия могли быть самые непредсказуемые.

То, что мы сейчас живы, доказывает, что существо, гнавшееся за нами, ошиблось и выбрало не тот путь, мы же чудом попали куда надо. И еще нам помогли пингины и туман. К счастью, водяные пары, то сгущаясь, то рассеиваясь, в нужный момент закрыли нас плотной завесой. А вот раньше, когда мы только вбежали в пещеру, оставив позади оскверненную гнусной резьбой галерею, и в отчаянии оглянулись назад, вот тогда дымка несколько разошлась, и перед тем как притушить фонарики и, смешавшись с пингиной стаей, попытаться незаметно улизнуть, мы впервые увидели догонявшую нас тварь. Судьба была благосклонна к нам позже, когда скрыла нас в тумане, а в тот момент она явила нам свой грозный лик; мелькнувшее видение отняло у нас покой до конца наших дней.

Заставил нас обернуться извечный инстинкт догоняемой жертвы, которая хочет знать, каковы ее шансы, хотя, возможно, здесь примешались и другие подсознательные импульсы. Во время бегства все в нас было подчинено одной цели — спастись,

мы не замечали ничего вокруг и, уж конечно, ничего не анализировали, но в мозг тем не менее, помимо нашей воли, поступали сигналы, которые посылало наше обоняние. Все это мы осознали позже. Удивительно, но запах не менялся! В воздухе висело все то же зловоние, которое поднималось ранее над измазанными слизью, обезглавленными трупами. А ведь запаху следовало бы измениться! Этого требовала простая логика. Теперь должен преобладать прежний едкий запах, неизменно сопровождавший звездоголовых. Но все наоборот: ноздри захлестывала та самая вонь, она нарастала с каждой секундой, становясь все ядовитее.

Казалось, мы оглянулись одновременно, как по команде, но на самом деле, конечно же, первым был один из двоих, хотя второй тут же последовал его примеру. Оглянувшись, мы включили на полную мощность фонарики и направили лучи на поредевший туман. Поступили мы так, возможно, из обычного страха, желая знать, в чем именно заключается опасность, а может, из подсознательного стремления ослепить врага, а потом, пока он будет приходить в себя, скользнув меж пингвинов, юркнуть в туннель. Но лучше бы нам не оглядываться! Ни Орфей, ни жена Лота не заплатили больше за этот безрассудный поступок! И тут снова послышалось ужасное: «Текели-ли! Текели-ли!»

Буду предельно откровенным, хотя откровенность дается мне с большим трудом, и доскажу все, что увидел. В свое время мы даже друг с другом избегали говорить на эту тему. Впрочем, никакие слова не передадут и малой толики пережитого ужаса. Зрелище настолько потрясло нас, что можно только диву даваться, как это у нас хватило соображения притушить фонарики да еще выбрать правильное направление. Есть только одно объяснение: нами руководил инстинкт, а не разум. Может, так оно было и лучше, но все равно за свободу мы заплатили слишком большой ценой. Во всяком случае, с рассудком у нас с тех пор не совсем в порядке.

Денфорт совершенно потерял голову; помнится, весь обратный путь он твердил на бегу одно и то же, для любого нормального человека это звучало бы чудовищным бредом — только один я понимал, откуда все взялось. Голос его разносился эхом по коридорам, теряясь среди криков пингвинов и замирая где-то позади, в туннеле, где, к счастью, уже никого не было. Слава Богу, он забубнил этот бред не сразу после того как оглянулся, иначе нас давно уже не было бы в живых. Страшно даже вообразить себе

нашу возможную участь. «Саут-стейшн — Вашингтон-стейшн — Паркстейшн — Кендалл-стейшн — Сентрел-стейшн — Гарвард...»

Бедняга перечислял знакомые станции подземки, проложенной из Бостона в Кембридж за тысячи миль отсюда, в мирной земле Новой Англии, но мне его нервный лепет не казался ни бредом, ни некстати проснувшимся ностальгическим чувством. Денфорт находился в глубоком шоке, но я тут же безошибочно уловил пришедшую ему на ум болезненную аналогию.

Оглядываясь, мы ни на минуту не сомневались, что увидим жуткое чудовище, но все же вполне определенное — к обличью звездоголовых мы как-то привыкли и смирились ним. Однако в зловещей дымке вырисовывалось совершенно другое существо, гораздо более гнусное. Оно казалось реальным воплощением «чужого», инородного организма, какие любят изображать наши фантасты, и больше всего напоминало движущийся состав, если смотреть на него с платформы станции метро. Темная громада, усеянная ярко светящимися разноцветными точками, рвалась из подземного мрака, как пуля из ствола.

Но мы находились не в метро, а в подземном туннеле, а за нами гналась, синусоидно извиваясь, кошмарная черная блестящая тварь, длиною не менее пятнадцати футов, изрыгавшая зловоние и все более набравшая скорость; густой пар окружал ее, восставшую из морских глубин. Это невообразимое чудовище — бесформенная масса пузырящейся протоплазмы — слабо иллюминировало, образуя тысячи вспыхивавших зеленоватым светом и тут же гаснувших глазков, и несло прямо на нас; массивнее любого вагона, оно безжалостно давило испуганных беспомощных пингвинов, скользя по сверкающему полу — ведь именно эти твари отполировали его до полного блеска. Вновь издевательски прогремел дьявольский трубный глас: «Текели-ли! Текели-ли!» И тут мы вспомнили, что этим нечестивым созданиям, шогготам, Старцы дали все — жизнь, способность мыслить, пластические органы; шогготы пользовались их точечным алфавитом и, конечно же, подражали в звучании языку своих бывших хозяев.

Не все запомнилось нам с Денфортом из нашего поспешного бегства, но кое-что все-таки удержалось в памяти. Помним, как пробежали громадную пещеру, куполу которой Старцы придали черты небесной сферы; как, несколько успокоившись, шли потом коридорами и залами мертвого города, но все это помним как во сне. Как будто мы находились в иллюзорном, призрачном мире,

в некоем неизвестном измерении, где отсутствовали время, причинность, ориентиры. Нас несколько отрезвил сумеречный дневной свет, падавший на дно гигантской цилиндрической башни, но мы все же не осмелились приблизиться к оставленным саням и взглянуть еще раз на несчастного Гедни и собаку. Они покоились здесь как на дне огромного круглого мавзолея, и я от всей души надеюсь, что их мертвый сон никто и никогда не потревожит.

Лишь взбираясь по колоссальному пандусу, мы осознали, насколько устали; от долгого бега в разреженной атмосфере перехватывало дыхание, но ничто не могло заставить нас остановиться и перевести дух, пока мы не выбрались наружу и не оказались под открытым небом. Карабкаясь на вершину сработанного из цельных глыб шестидесятифутового цилиндра, пыхтя и отдуваясь, мы тем не менее понимали, что сейчас происходит наше глубоко символичное прощание с городом: параллельно пандусу шли широкой полосой героические барельефы, выполненные в изумительной технике древней эпохи сорок миллионов лет назад, — последний привет от Старцев.

Поднявшись на вершину башни, мы, как и предполагали, обнаружили, что спускаться нам предстоит по замерзшему каменному крошеву, окружившему башню снаружи на манер холма. На западе высились другие, не менее громадные постройки, на востоке же, в той стороне, где дремали вдали занесенные снегом вершины великих гор, здания обветшали и были заметно ниже. Косые лучи низкого антарктического полночного солнца пробивались сквозь строй покосившихся руин, а город по контрасту со знакомым полярным пейзажем казался еще древнее и угрюмее. В воздухе дрожала и переливалась снежная пыль, мороз пробирал до остей. Устало опустив рюкзаки, которые лишь чудом сохранились во время нашего отчаянного бегства, мы застегнули пуговицы на куртках и начали спуск. Потом побрели по каменному лабиринту к подножью гор, где нас дожидался самолет. За весь путь мы ни словом не обмолвились о том, что побудило нас спасаться бегством, так и не позволив побывать на краю загадочной и самой древней бездны на Земле.

Меньше чем через четверть часа мы по крутой древней террасе спустились туда, откуда был виден темный силуэт нашего самолета, оставленного на высокой площадке среди вмерзших в лед редких руин. На полпути к нему мы остановились, переводя дух, и посмотрели еще раз на оставленные позади фантасти-

ческие каменные джунгли, четко и таинственно отпечатанные на фоне неба. В это время туманная дымка, затягивавшая западную сторону небосвода, рассеялась, снежная пыль устремилась ввысь, сливаясь в некий диковинный узор, за которым, казалось, вот-вот проступит некая страшная, роковая тайна.

За сказочным городом, на совершенно белом небосклоне, протянулась тонкая фиолетовая ломаная линия, ее острые углы, озаренные розовым сиянием, призрачно вырисовывались на горизонте. Плоскогорье постепенно шло ввысь — к этому таинственно мерцавшему и манившему венцу; местность пересекало бывшее русло реки, похожее теперь на неровно легшую тень. У нас захватило дух от неземной красоты пейзажа, а сердце екнуло от страха. Далекая фиолетовая ломаная линия была не чем иным, как проступившим силуэтом зловещих гор, к которым жителям города запрещалось приближаться. Эти высочайшие на Земле вершины являлись, как мы поняли, средоточием чудовищного Зла, вместилищем отвратительных пороков и мерзостей; им опасливо поклонялись жители древнего города, страшившиеся приоткрыть их тайну даже на своих барельефах. Ни одно живое существо не ступало на склоны загадочных гор — лишь жуткие, наводящие ужас молнии задерживались в долгие полярные ночи на их острых вершинах, освещая таинственным светом землю далеко вокруг. На полярных просторах они стали как бы прообразом непостижимого Кадата, находившегося за зловещим плато Ленг, о чем смутно упоминается в древних легендах.

Если верить виденным нами барельефам и резным картам, до загадочных фиолетовых гор было почти триста миль, однако очертания их четко проступали над раскинувшейся снежной гладью, а зубчатые вершины, круто взмывая ввысь, вызывали ощущение того, что они находятся на чужой, полной неведомых опасностей планете. Высота этих вершин была немыслимой, недоступной человеческому воображению, они уходили в сильно разреженные слои земной атмосферы, которые посещали разве что призраки — ведь ни один из дерзких воздухоплавателей не остался в живых, чтобы поведать о своем непонятном, не поддающемся объяснению внезапном крушении. Вид гигантских гор заставлял меня не без дрожи вспоминать барельефные изображения, которые подсказывали нам, что великая река могла нести с проклятых склонов нечто, державшее жителей города в смертном ужасе, и я мысленно задавал себе вопрос, а не был ли их страх порождением

укоренившегося предрассудка? Я припомнил также, что горы эти своей северной оконечностью выходят к побережью в районе Земли Королевы Мэри, где, в тысяче миль отсюда, именно сейчас работает экспедиция сэра Дугласа Моусона, и от всей души пожелал, чтобы ни с научным руководителем, ни с прочими членами экспедиции не случилось ничего дурного и чтобы они даже не заподозрили, сколь опасные гиганты таятся за грядой прибрежных скал. Эти мысли ужасно угнетали меня, нервная система была напряжена до предела, а Денфорт просто находился на грани срыва.

Однако еще задолго до того, как мы, миновав руины пятиконечного строения, достигли самолета, наши неопределенные страхи обрели вполне четкую мотивацию. Черные, усеянные вмерзшими в лед руинами склоны Хребтов Безумия, заслонив от нас высоченной стеной восточную часть неба, вновь напомнили нам о таинственных азиатских полотнах Николая Рериха. То и дело возвращаясь мыслями к ужасным бесформенным тварям, которые, изрыгая зловоние, копошились в подземных норах, пронизывавших хребты вплоть до вершин, мы содрогались от страха, представляя, как будем вновь пролетать над круглыми отверстиями, пробуравленными в земле, и как от трубного завывания ветра у нас будет холодеть в груди. Хуже того — кое-какие вершины окутывал туман (бедняга Лейк принял это за проявление вулканической деятельности), и мы ежились, вспоминая туманные завитки в подземном туннеле и представляя себе адскую бездну, от которой восходил весь этот пар.

Самолет благополучно дожидался нас на прежнем месте, и мы, напялив на себя всю теплую одежду, приготовились к взлету. Денфорт легко завел мотор, и самолет без труда, плавно взмыл в воздух, унося нас от кошмарного города. Внизу вновь поплыл каменный лабиринт, а мы поднимались все выше, замеряя силу и направление ветра. Должно быть, где-то в верхних слоях зарождалась буря, мы видели, как бешено мчались там облака, но на высоте двадцати четырех тысяч футов, над перевалом, условия для перелета через горы были довольно сносные. Когда мы приблизились к торчащим пикам, вновь послышались странные трубные звуки, отчего у Денфорта, сидевшего у штурвала, затряслись руки. Хотя я был средним пилотом, скорее дилетантом, но тут все же решил вести самолет сам: в сложных условиях лавирования между пиками слишком опасно было доверять управление человеку, потерявшему голову от страха. Денфорт даже не проте-

ствовал. Собрав всю свою волю, я сосредоточился на управлении и, стараясь вести самолет как можно увереннее, не сводил глаз с красноватого клочка неба, открывшегося в провале между пиками. Я сознательно избегал смотреть на клубившийся у вершины туман и, слыша тревожные трубные звуки, завидовал в душе Одиссею, который в подобной ситуации, чтобы не внимать чарующему пению Сирен, залепил уши воском.

Денфорт же, оставшись без дела и томясь внутренним беспокойством, не мог спокойно усидеть на месте. Он все время крутил головой: провожал взглядом оставшийся позади город; глядел вперед на приближавшиеся вершины, изрытые пещерами и усеянные прямоугольными руинами; поворачивался то в одну, то в другую сторону, где проплывали внизу заснеженные предгорья с утопавшими в снегу развалинами крепостных стен; а иногда устремлял взор в небо, следя за фантастическими сочетаниями мчавшихся над нами облаков. Вдруг, у самого перевала, когда я, вцепившись в штурвал, преодолевал самый ответственный участок пути, раздался его истошный вопль, который чуть не привел к катастрофе: штурвал дрогнул у меня в руках и я едва не потерял управление. К счастью, мне удалось совладать с волнением, и мы благополучно завершили перелет, но вот Денфорт... Боюсь, он никогда теперь не обретет душевного равновесия.

Как я уже говорил, Денфорт наотрез отказался поведать мне, что за кошмарное зрелище заставило его завопить с такой силой, а ведь именно оно окончательно лишило юношу покоя. Оказавшись по другую сторону Хребтов Безумия и чувствуя себя в безопасности, мы наконец заговорили, обмениваясь громкими (чтобы перекричать шум мотора и завывания ветра) замечаниями; в основном они касались наших взаимных обещаний не разглашать ничего, имеющего отношение к древнему городу. Эти поистине космические тайны не должны были стать достоянием широкой публики, предметом зубоскальства, и, клянусь, я никогда бы и рта не раскрыл, если бы не вполне реальная перспектива работы в тех краях экспедиции Старкуэтера-Мура и прочих научных коллективов. В интересах безопасности человечества нельзя бесцеремонно заглядывать в потаенные уголки планеты и проникать в ее бездонные недра, ибо дремлющие до поры монстры, выжившие адские создания могут восстать ото сна, могут выползти из своих темных нор, подняться со дна подземных морей, готовые к новым завоеваниям.

Мне удалось выпытать у Денфорта, что последнее ужасное зрительное впечатление было в виде миража. По его словам, оно не имело ничего общего ни с кубическими сооружениями на склонах, ни с поющими, источающими пар пещерами Хребтов Безумия. Мелькнувшее среди облаков дьявольское видение открыло ему, что таят фиолетовые горы, которых так боялись и к которым не осмеливались приближаться Старцы. Возможно, видение являлось наполовину галлюцинацией, вполне вероятной после перенесенных нами испытаний, а наполовину — тем не распознанным им миражом, который мы уже созерцали, подлетая днем назад к лагерю Лейка. Но что бы это ни было, оно лишило Денфорта покоя до конца его дней.

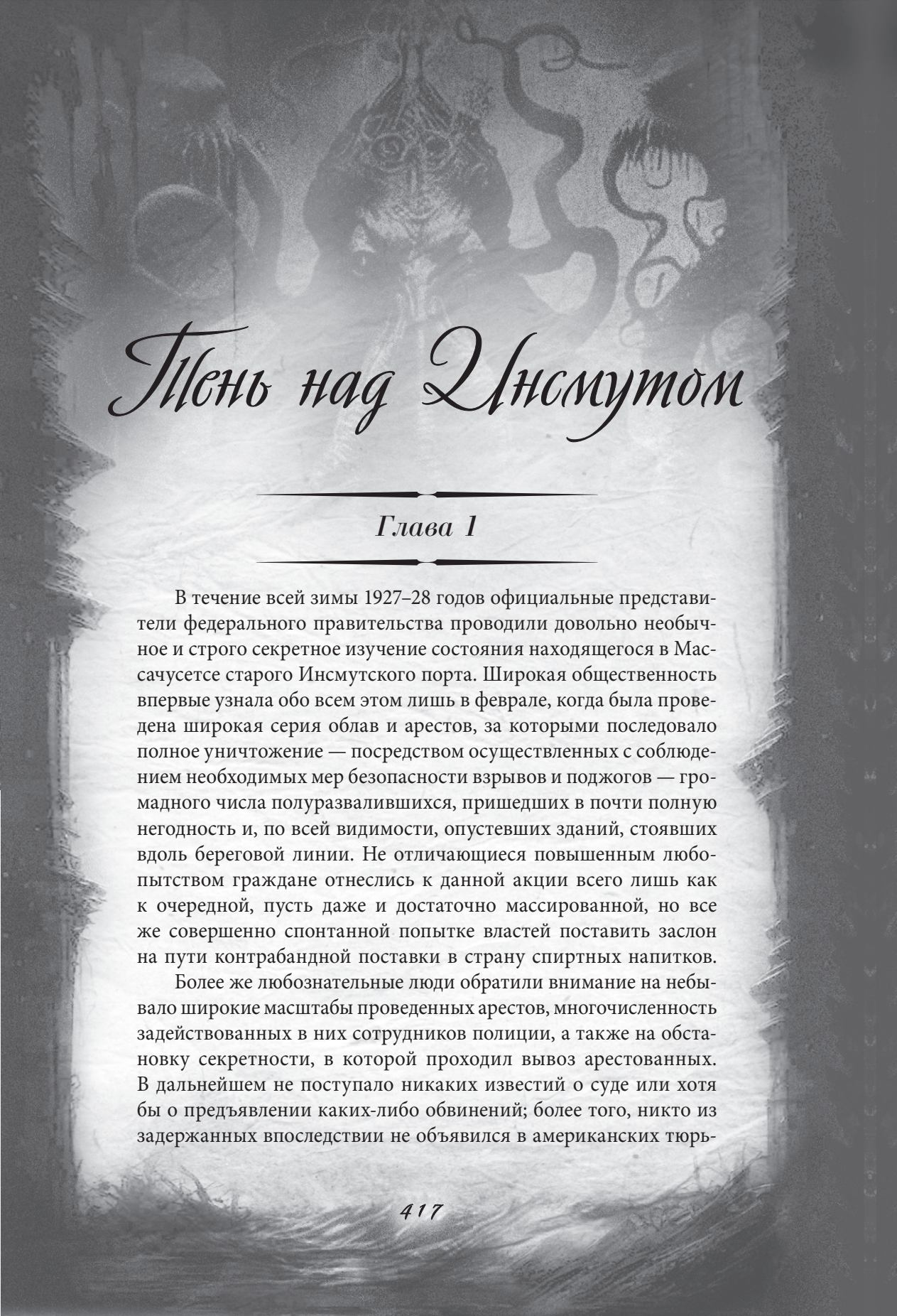
Иногда с его губ срываются бессвязные, лишённые смысла словосочетания вроде: «черная бездна», «резные края», «проштоготы», «пятимерные, наглухо закрытые конструкции», «мерзкий цилиндр», «древний Фарос», «Иог-Сотот», «исходная белая студнеобразная структура», «космический оттенок», «крылья», «глаза в темноте», «лунная дорожка», «первозданный, вечный, неумирающий» и прочие странные словосочетания. Придя в себя, он ничего толком не объясняет, связывая свои темные высказывания с неумеренным чтением в юные годы опасной эзотерической литературы. Денфорт, один из немногих, осмелился дочитать до конца источенный временем том «Некрономикона», хранившийся под замком в библиотеке университета.

Помнится, когда мы летели над Хребтами Безумия, небо хмурилось, и хотя я ни разу не посмотрел вверх, но, думаю, клубившиеся снежные вихри принимали там фантастические очертания. Быстро бегущие облака могли усилить, дополнить и даже исказить картину, воображение — с легкостью разукрасить ее еще больше, а к тому времени, когда Денфорт впервые заикнулся о своем кошмарном видении, оно успело также обрасти аллюзиями из его давнего чтения. Не мог узреть он так много в одно мгновение.

Тогда же, над хребтами, он истошно вопил одно и то же — безумные, услышанные нами одновременно слова: «Текели-ли! Текели-ли!»

1936

© Перевод В. Бернацкой



Тень над Инсмутом

Глава I

В течение всей зимы 1927–28 годов официальные представители федерального правительства проводили довольно необычное и строго секретное изучение состояния находящегося в Масачусетсе старого Инсмутского порта. Широкая общественность впервые узнала обо всем этом лишь в феврале, когда была проведена широкая серия облав и арестов, за которыми последовало полное уничтожение — посредством осуществленных с соблюдением необходимых мер безопасности взрывов и поджогов — громадного числа полуразвалившихся, пришедших в почти полную негодность и, по всей видимости, опустевших зданий, стоявших вдоль береговой линии. Не отличающиеся повышенным любопытством граждане отнеслись к данной акции всего лишь как к очередной, пусть даже и достаточно массивной, но все же совершенно спонтанной попытке властей поставить заслон на пути контрабандной поставки в страну спиртных напитков.

Более же любознательные люди обратили внимание на необычайно широкие масштабы проведенных арестов, многочисленность задействованных в них сотрудников полиции, а также на обстановку секретности, в которой проходил вывоз арестованных. В дальнейшем не поступало никаких известий о суде или хотя бы о предъявлении каких-либо обвинений; более того, никто из задержанных впоследствии не объявился в американских тюрь-

мах. Позже поползли разноречивые слухи о каком-то якобы крайне опасном заболевании, концентрационных лагерях, размещении арестованных по многочисленным военным и военно-морским тюрьмам, однако все эти кривотолки не имели под собой сколько-нибудь реальной основы. Инсмут лишился значительной части своих жителей, и лишь и последнее время стали появляться признаки некоторого оживления его общественной жизни.

Жалобы на произвол властей, поступавшие от многочисленных либеральных организаций, рассматривались и изучались в ходе долгих конфиденциальных слушаний, вслед за чем представители высоких инстанций совершили инспекционные поездки по ряду тюрем. Как ни странно, в результате подобных инспекций их устроители заняли по столь взволновавшему их ранее вопросу крайне пассивную, если не сказать более того — молчаливую позицию. Дольше всех сопротивлялись представители прессы, однако и они в конце концов проявили готовность к сотрудничеству с правительственными органами. Лишь одна-единственная бульварная газетенка, на которую практически никто и никогда не обращал внимания по причине дешевой сенсационности большинства ее публикаций, поместила на своих страницах сообщение о некоей глубинной подводной лодке, якобы выпустившей в пучину моря неподалеку от так называемого «рифа Дьявола» серию торпед, в каких-то полутора милях от гавани Инсмута.

Сами жители этого города и его округа довольно живо обсуждали меж собой произошедшие события, однако предпочитали не распространяться на этот счет в общении с посторонними лицами. Жизнь научила их крепко держать язык за зубами, а потому не было никакой пользы от попыток силой вытянуть из них дополнительные сведения. Кроме того, они и на самом деле знали весьма мало, да и сама обширная зона пустынных и безлюдных соленых болот, являвшихся доминирующей чертой ландшафта тех мест, практически полностью изолировала их от каких-либо контактов с жителями глубинных районов страны.

Что касается меня, то я все же намерен бросить своеобразный вызов и нарушить заговор молчания относительно упомянутых событий. Я уверен, что результаты моих действий окажутся на-

столько широкомасштабными, что вызовут буквально состояние шока и жуткого отвращения по поводу всего того, что было обнаружено в Инсмуте в ходе тех грандиозных полицейских рейдов и облав. Более того, то, что они выявили в ходе своих действий, может иметь далеко неоднозначное объяснение. Я не берусь судить, в какой степени отражает реальное положение вещей даже та информация, которая была сообщена мне лично, и все же имею достаточно оснований отказаться от любых новых попыток докопаться до более глубокой истины. Лично я имел возможность в максимально возможной для любого неспециалиста степени ознакомиться с данным делом, и потому предпочитаю воздержаться от выработки той или иной конкретной позиции, которая может подвигнуть меня на еще более решительные действия.

Дело в том, что это я в состоянии страшной паники бежал из Инсмута ранним утром 16 июля 1927 года, и именно мне принадлежит авторство тех испуганных призывов к правительственным органам как можно скорее провести необходимое расследование и предпринять конкретные и срочные меры, которые привлекли внимание к этому делу.

До тех пор, пока это дело было, как говорится, свежим, и являлось объектом официального расследования, я вполне умышленно хранил молчание; однако сейчас, когда оно превратилось в историю, уже не привлекающую к себе пристальных взоров даже самых любопытных людей, я решил уступить своей давнишней жажде поделиться собственными впечатлениями о нескольких страшных часах, проведенных в переполненном нездоровыми слухами, зловещем порту, который с полным основанием можно назвать портом смерти и сатанинского порока, Сам по себе такой рассказ поможет мне обрести веру в себя и в свои возможности, а также убедиться в том, что я был отнюдь не первым человеком, поддавшимся заразе кошмарных галлюцинаций. Кроме того, это поможет мне собраться с силами перед намеченным принятием определенного важного и ужасного шага.

Я никогда не слышал об Инсмуте — вплоть до того самого дня, когда он в первый и — пока — в последний раз предстал перед моим взором. В те дни я отмечал свое совершеннолетие в туристической поездке по Новой Англии, включавшей в себя посещение достопримечательностей, антикварных магазинов и мест, связанных с различными ветвями нашего генеалогического древа — в частности, из древнего Ньюбэрипорта я планировал от-

правиться прямо в Аркхэм, где сохранились фамильные корни моей матери. Своей машины у меня не было, а потому я путешествовал на поезде и попутных автомашинах, всякий раз стремясь подобрать наиболее дешевый способ передвижения. В Ньюбэрипорте мне посоветовали отправиться в Аркхэм как раз на поезде, и именно находясь у касс тамошнего вокзала и терзаясь сомнениями по причине дороговизны билета, я впервые услышал о существовании такого города как Инсмут. Коренастый и весьма смекалистый кассир, который, судя по его речи, не был уроженцем тех мест, проникся симпатией к моему желанию проявлять во всем разумную экономию и предложил совершенно неожиданный выход из моего затруднительного положения, — Вы могли бы воспользоваться автобусом, — проговорил он, правда, с некоторым сомнением в голосе, — хотя он и следует не совсем тем маршрутом, который вам нужен. Автобус проходит через Инсмут — возможно, слышали про такой городишко, — и поэтому люди его недолюбливают. Водитель в нем некий Джо Сарджент, ему, похоже, нечасто удается завлечь пассажиров отсюда или из Аркхэма. Сам автобус также из Инсмута, и удивляюсь, что он вообще до сих пор ходит. Проезд в нем довольно дешевый, хотя мне редко доводилось видеть в салоне больше двух-трех пассажиров, да и те исключительно парни из самого Инсмута. Отправляется он с Площади — это рядом с аптекой Хэммонда — два раза в день ровно в десять утра и в семь вечера, если ничего в последнее время не изменили. С виду, конечно, ужасная колыхага, но об удобствах ничего не знаю, поскольку сам я никогда им не пользовался.

Вот тогда-то я впервые и услышал об Инмуте, Любые упоминания маленьких городков, не обозначенных на туристских картах или в путеводителях, заслуживали определенного интереса, а та странная манера, в которой кассир делал мне свои намеки, лишь подогрела мое любопытство. Город, способный вызвать у его соседей столь очевидную неприязнь, определенно был в чем-то необычным и явно заслуживал внимания досужего туриста, а коль скоро перед Аркхэмом автобус делал там довольно продолжительную остановку, я мог бы задержаться и немного побродить по его улицам. Одним словом, я попросил кассира немного подробнее рассказать мне об этом городе. Откликнувшись на мою просьбу, он говорил, тщательно подбирая слова, и в голосе его, как мне показалось, отчетливо звучали нотки некоторого превосходства. — Инсмут? Ну что ж, это небольшой городишко,

расположенный в устье Мэнаксета — это у них река так называется. Перед войной 1812 года был почти настоящим городом-портом, но за последние сто лет, или около того, пришел в явный упадок. Ветку из Роули несколько лет назад закрыли, так что железнодорожного сообщения с ним сейчас нет. Пустых домов, можно сказать, намного больше, чем жителей, а о бизнесе и говорить не приходится — разве что рыбаки да ловцы омаров. За покупками приезжают в основном сюда, в Аркхэм или в Ипсвич. Было у них когда-то несколько мельниц, да только теперь все это быльем поросло, разве что осталась одна фабрика по очистке золота, да и та работает нерегулярно. Правда, фабрика эта — солидное дело, и старик Марш, ее хозяин, похоже, будет побогаче самого Креза, Сам он, конечно, старый пень, из дома почти не выходит. Поговаривают, что в свое время он подхватил какую-то кожную болезнь или что-то там себе поранил, вот и старается не показываться на людях. А дело это основал его дед, капитан Оубед Марш. Мать нынешнего Марша, кажется, была иностранкой, говорят, уроженкой каких-то островов в южных морях, а потому большой шум поднялся, когда он пятьдесят лет назад взял себе в жены девушку из Ипсвича. Так всегда бывает, когда речь заходит о парнях из Инсмута, а здешние парни, да и те, что из соседних городов, вообще стараются помалкивать, если в их жилах течет хоть немного Инсмутской крови. Хотя, на мой взгляд, дети и внуки Марша вроде бы ничем не отличаются от самых обычных людей. Некоторые даже здесь иногда бывают, хотя самых старших детей, надо вам сказать, я что-то давненько уже не видел. И старика самого тоже никогда не встречал.

А почему все недолюбливают Инсмут? Что же вам сказать, молодой человек, я бы просто посоветовал не особенно прислушиваться к тому, что люди вообще здесь говорят. Их трудно бывает раскачать, но если уж они разойдутся, то потом не оставишь. И про Инсмут они болтают — в основном перешептываются — уже лет сто, не меньше, и, как мне представляется, не столько не любят его, сколько побаиваются. Послушаешь некоторые из их рассказов, так просто со смеху помрешь — насчет того, что старый капитан Марш водил дела с самим дьяволом и помогал его бесенятам поселиться в Инсмуте; потом еще что-то насчет поклонения сатане и тех несчастных, которых приносили ему в жертву где-то неподалеку от причала — говорят, в 1845 году, или что-то около того, люди случайно наткнулись на то место. Да

только сам я из Пэнтон — это в штате Вермонт — и такую болтовню никогда не одобрял. Послушали бы вы, что рассказывают здешние старожилы про черный риф, что расположен неподалеку от наших берегов — они называют его рифом Дьявола или Дьявольским рифом, кто как. Большую часть времени он выступает из воды, а если и скрывается под ней, то не очень глубоко, но все равно его вряд ли можно назвать островом. Так вот, поговаривают, что изредка на этом рифе можно видеть целый выводок, племя этих самых дьяволов — сидят там вразвалку или шастают взад вперед возле пещер, которые расположены в верхней его части. На вид это довольно неровное, словно изъеденное, место примерно в миле от берега. В старину, говорят, моряки здоровенный крюк делали, только бы не приближаться к нему.

Но это только те моряки, которые сами родом не из Инсмута. И на капитана Марша они зуб имеют, вроде бы, потому, что он якобы иногда по ночам во время отлива высаживался на этом рифе. Может, так оно и было, потому как место это довольно любопытное, так что, возможно, он там пиратский клад искал, а может и нашел; но люди поговаривают, что он водил там какие-то дела с дьяволом. Так что, как мне кажется, именно капитан Марш и был причиной того, что за рифом этим установилась такая недобрая слава.

Было это все еще до эпидемии 1846 года, когда больше половины жителей Инсмута эвакуировали. Никто тогда толком не понял, в чем там было дело, скорее всего какую-то заморскую болезнь привезли из Китая или еще откуда. А картина вроде бы и в самом деле была страшная — бунты, кажется, были и еще что-то мерзкое, только за пределы города это так и не вышло, — а сам город после этого пришел в ужасное состояние. В общем, уехали оттуда люди, сейчас, пожалуй, человек триста или четыреста осталось, не больше. Но самое главное во всем этом деле, как мне представляется, просто расовые предрассудки и надо вам сказать, я не осуждаю людей, у которых они имеются. Я и сам терпеть не могу этих Инсмутских парней, и ни за что на свете не ступлю в их город ногой. Да вы и сами, наверное, слышали — хотя по выговору вы, похоже, с запада, — какие дела имели наши моряки в портах Африки, Азии и в других южных морях, где-то там еще, и каких чудных людей они иногда с собой оттуда привозили. Слышали, наверное, про одного жителя Салема, который вернулся домой женой-китайкой, а кроме того

поговаривают, что где-то возле Кейп-Кода и до сих пор есть поселение выходцев с Фиджи.

В общем, похоже на то, что есть что-то необычное и в Инсмутских парнях. Место это всегда было отрезано от остальной территории болотами и речушками, а потому трудно сказать наверняка, что там у них и как. Однако все почти уверены, что капитан Марш, когда плавал на своих трех кораблях в двадцатых и тридцатых годах, привез с собой каких-то аборигенов. Да и сегодня в облике Инсмутцев чувствуется примесь каких-то странных черт — не знаю даже как это выразить поточнее, только как глянешь на них, так сразу мороз по коже пробирает. Вы и сами заметите это, когда глянете на Сарджента, если, конечно, поедете его автобусом. У некоторых из них такие узкие головы и плоские носы, а глаза сильно навывкате, так прямо и кажется, будто они вообще у них никогда не закрываются. Да и с кожей у них что-то не в порядке — грубая она у них какая-то, словно запаршивленная, а шея по бокам сморщенная, словно кто ее помял. И лысеют очень рано, совсем молодыми. Те, кто постарше, вообще уроды, хотя, надо признать, я ни разу не видел среди них ни одного по-настоящему глубокого старика. Не удивлюсь, если узнаю, что они умирают от одного взгляда на себя в зеркало!

И животные их терпеть не могут — раньше, когда еще машины не изобрели, у них такие проблемы с лошадьми были, что не знаешь куда и деться.

Ни здесь, ни в Аркхэме, ни в Ипсвиче с ними никто не хотел иметь дела, да и сами они, когда кто-нибудь приезжал к ним в город или пытался рыбачить в их водах, вели себя замкнуто, нелюдимо. И вот ведь странно — у всех рыбаков повсюду сети, бывало, пустые, а эти в своей гавани прямо обловятся, а если тягаться с ними кто вздумает, то куда там, любого обставят! Сюда они обычно прибывали по железной дороге — кто пешком по шпалам, а кто на поезде, а когда ветку на Роули закрыли, стали пользоваться этим вот автобусом. Да, есть в Инсмуте и гостиница, Джилмэн-хауз называется, хотя это так, одно название, да и только. Не советовал бы вам в ней останавливаться. Лучше переночуйте — здесь и поезжайте завтра утром десятичасовым автобусом, а вечером сядете там на восьмичасовой автобус до Аркхэма. Был у нас один фабричный инспектор, который несколько лет назад останавливался в этом самом Джилмэн-хаузе, так после этого он еще долго выступал со всякими мрачными

намеками насчет этого места. У них там, похоже, собирается довольно бранная компания, потому что он слышал за стеной всякие голоса — и это несмотря на то, что в соседних комнатах никто не жил, да такие, что у него кожа мурашками покрывалась. Ему тогда показалось, что это была какая-то незнакомая, словно чужая речь, но особенно ему не понравился там один голос, который изредка встревал в разговор. Очень неестественный, странный — чавкающий, как выразился тот инспектор, — а потому он даже не рискнул раздеться и лечь спать. Так и просидел всю ночь, а как только рассвет забрезжил, дал тягу оттуда. По его словам, беседа эта тоже продолжалась чуть ли не до самого утра.

Этому инспектору — Кейси его фамилия — было что порассказать о том, как следили за ним Инсмутские парни, но он постоянно был начеку. По его словам, фабрика Марша — довольно странное место, и представляет собой старую мельницу, построенную у нижних водосбросов Мэнаксета. То, что он рассказал, целиком совпадало с тем, что я и сам слышал: бухгалтерские книги в полнейшем беспорядке, и вообще, как ему показалось, никто там толком не ведет никаких учетов. Знаете, постоянно ходили всякие слухи насчет того, где этот Марш вообще берет золото, которое потом очищает. Вроде бы и закупок особо больших никогда не делали, а несколько лет назад отправили на кораблях громадную партию слитков.

Поговаривали и о довольно странных драгоценностях, которые моряки и люди с фабрики иногда тайком продавали на сторону, и которые пару раз видели на тамошних женщинах. Кое-кто объяснял все это тем, что старый капитан Оубед наторговал золото во время своих заходов в разные заморские порты, поскольку он всегда увозил с собой в плавание целые ящики стеклянных бус и прочих безделушек, которые моряки обычно дарят или обменивают на что-нибудь у туземцев. Другие считали, да и до сих пор считают, что он отыскал на рифе Дьявола старинный пиратский клад. Но тут есть одна странная штука. Старый капитан вот уже шестьдесят лет как Богу душу отдал, а со времен Гражданской войны у них не было ни одного мало-мальски крупного судна, и все же Марши продолжают скупость всякие безделушки — в основном бусы и какую-то резиновую дребедень, так, во всяком случае, говорят. А может, этим Инсмутцам просто нравится цеплять их себе на шею, а потом разглядывать

себя в зеркало — черт их знает, может, они и сами ничем не лучше каннибалов, что живут в южных морях, и гвинейских дикарей.

Та эпидемия, что разразилась в сорок шестом, похоже, вытравила из города всю его лучшую кровь. Во всяком случае, сейчас там живет черт- те знает кто, да и Марш, равно как и другие богатей, тоже ничуть не лучше остальных. Как я уже сказал, на сегодня там жителей максимум человек четыреста, и это несмотря на то, что, по слухам, пустых домов у них — хоть пруд пруди. Мне лично представляется, что люди эти — всего лишь «белый мусор», как выражаются у нас на юге, — бесчестные, коварные, любят все тайком делать, втихую. Ловят уйму рыбы и омаров, а потом вывозят товар на грузовиках. Чудно как-то все же получается — кругом рыбы кот наплакал, а они аж сети порой вытащить не могут.

И никто никогда не может толком проследить за перемещением этих людей, или хотя бы разобраться с их численностью — школьные инспектора и счетчики переписи, бывало, с ног сбиваются, а все бестолку. И, скажу вам по правде, заезжие туристы в Инсмуте не в чести. Я сам лично слышал, что несколько приезжих бизнесменов и правительственных чиновников исчезли там совершенно бесследно, а еще один вообще рассудка лишился — он сейчас в больнице в Дэнвере. Наверное, так его эти черти напугали.

В общем, будь я на вашем месте, ни за что не отправился бы туда на ночь глядя. Сам я там ни разу в жизни не был, и никакою желанием не имею ехать к ним в гости. Впрочем, думаю, днем там будет довольно безопасно, хотя здешние жители стали бы вас и от такой поездки отговаривать. Но, раз уж вы такой любитель всяких достопримечательностей и прочей старины, то Инсмут — это как раз то, что вам нужно. После разговора с кассиром я часть вечера провел публичной библиотеке Ньюбэрипорта, пытаюсь отыскать дополнительную информацию об Инсмуте. Попытавшись расспрашивать местных жителей в магазинах, закусочных, гаражах и на бензозаправочных станциях, я обнаружил, что на все мои расспросы они реагируют еще более странно, чем аже предсказывал кассир, а потому решил не тратить время на попытки преодолеть их инстинктивную скрытность. Была в их поведении какая-то мрачная подозрительность, как будто они чувствовали что-то дурное в каждом, кто проявлял повышенный интерес ко всему, что имело отношение к Инсмуту. Заглянув в местное отделение «Христианского союза молодежи», я поговорил с клерком, который и вовсе стал отговаривать меня от поездки в это

мрачное, гнетущее место; да и люди в библиотеке высказывали, в общем-то, такое же мнение. Одним словом, в глазах достаточно образованных людей Инсмут представлял неким оплотом общественного упадка и загнивания.

Библиотечные исторические справочники по интересовавшему меня региону также оказались весьма малоинформативными, если не считать скудных сведений о том, что город был основан в 1643 году, до Революции был известен как оживленный порт. В начале девятнадцатого века там располагалась крупная военно-морская база, а впоследствии в нем сохранилась лишь небольшая фабрика, работавшая на энергии Мэнаксета. Эпидемия и народные волнения 1846 года освещались весьма слабо, словно эта страница ложилась позорным пятном на всю историю округа.

Столь же скудной была информация о том упадке, в который пришла жизнь города в дальнейшем, хотя в целом данное обстоятельство не подвергалось сомнению. После Гражданской войны вся промышленная активность ограничивалась лишь деятельностью золотоочистной компании Марша, а торговля золотыми слитками являлась единственным сколь-нибудь значительным дополнением к традиционно распространенному в этих местах рыболовству. Крупные рыболовецкие компании со временем стали составлять им все большую конкуренцию, систематически снижая цену на свою продукцию, однако в самой рыбе в районе Инсмутской гавани недостатка никогда не ощущалось. Иностранные суда редко занимались промыслом в тех местах, хотя и были кое какие косвенные и тщательно маскируемые признаки того, что поляки и португальцы пытались, было, забрасывать свои сети, однако были изгнаны самым решительным образом.

Наиболее интересными оказались упоминания о драгоценных украшениях, смутно ассоциируемых с Инсмутом. Тема эта весьма заинтересовала местную общественность, поскольку на этот счет даже высказывались эксперты Мискатонского университета в Аркхэме, а некоторые из образцов экспонировались в демонстрационном зале Исторического общества в Ньюбэрипорте. Фрагментарные описания этих изделий не изобиловали особыми подробностями и оказались в общем-то весьма прозаичными, однако за ними явно просматривался скрытый намек на некие странные обстоятельства. Было во всех этих описаниях нечто настолько странное и даже соблазнительное, что я никак не мог выбросить эту информацию из головы и, несмотря на довольно

поздний час, решил осмотреть местный образец — как мне сказали, это было крупное изделие необычной формы, служившее чем-то вроде тиары, — если, конечно, это окажется возможным.

Библиотекарь написал короткую рекомендательную записку руководителю Общества, мисс Анне Тилтон, которая жила неподалеку от них, и после короткой беседы эта престарелая дама была настолько любезна, что лично проводила меня в отдельно стоящее здание, поскольку время еще было не позднее и позволяло совершить подобный осмотр. Коллекция и в самом деле произвела на меня сильное впечатление, однако я был одержим лишь одной мыслью — поближе рассмотреть причудливый экспонат, поблескивавший в лучах электрического освещения в угловом стенном шкафу помещения.

Не надо было обладать повышенной восприимчивостью к красоте, чтобы невольно затаить дыхание при виде плода странной, чуждой и пышной фантазии, покоившегося на пурпурной бархатной подушке. Даже сейчас я лишь с большим трудом могу описать, что именно увидел, хотя это, несомненно, была некая разновидность тиары, как о том гласила пояснительная табличка. Высокая спереди, она имела широкое и причудливо изогнутое по бокам обрамление, как если бы предназначалась для головы, имеющей непривычное, даже нелепое эллиптическое очертание. Сделана она была в основном из золота, хотя примесь какого-то загадочного и более светлого вещества смутно намекала на то, что на самом деле это был довольно необычный сплав золота с каким-то столь же прекрасным, но совершенно неведомым мне металлом. Она находилась в прекрасном состоянии и можно было часами любоваться ее поразительными, загадочными и совершенно нетрадиционными контурами — некоторые из них были строго геометрическими, а в отдельных явно прослеживались мотивы морской тематики, выгравированные или отлитые по основному фону с неподдельным мастерством и талантом подлинного художника.

Чем дольше я смотрел на это изделие, тем больше оно завораживало меня; но было в этом великолепии что-то такое, что вызывало смутное беспокойство, хотя я и не взялся бы более конкретно описать охватившее меня в те мгновения состояние. Поначалу я подумал, что именно странная, явно неземная красота украшения оказала на меня столь разительное и тревожное впечатление. Все остальные предметы искусства, которые мне когда-либо доводилось видеть, имели отношение ко вполне конкретному

расовому или национальному стилю, либо же, следуя некоторым модернистским традициям, начисто отвергали любой намек на какой-то конкретный тип. Эта же тиара была чем-то совершенно иным и не принадлежала ни к одному, ни к другому направлению.

Изготовлена она была посредством филигранно отточенной техники, причем не имевшей никакого отношения к западной или восточной, старинной или современной культурам, и совершенно не походила на все то, что мне доводилось видеть среди музейных экспонатов прежде. Создавалось впечатление, что существо, ее создавшее, происходило и вовсе с совершенно другой планеты. Тем не менее, вскоре я обнаружил, что моя тревога имела под собой второе, не менее сильное основание, суть которого сводилась к характеру как строгих геометрических, так и сугубо изобразительных символов, которыми была украшена поверхность тиары. Узоры эти наводили на мысль об отдаленных тайнах и невообразимых безднах космоса и монотонной морской пучины, и в своем хитросплетении производили почти зловещее впечатление. Были среди изображений некие зловещие чудовища — с виду наполовину рыбы, наполовину земноводные, — поражавшие воображение своей отвратительной гротескностью и неукротимой яростью; и поневоле возбуждавшие заволаживающие и тревожные псевдовоспоминания, как если бы они вызывали образы, порожденные в глубинах клеток и тканей, где еще сохранились функции самого что ни на есть древнего и первобытного свойства. Иногда мне даже казалось, что каждая черточка этих отвратительных полурыб-полулягушек наполнена концентрированной смесью неведомого и нечеловеческого зла.

По странному контрасту с внешним видом тиары история ее появления в музее, прозвучавшая из уст мисс Тилтон, показалась мне весьма короткой и даже прозаической. В 1873 году ее оставил в ломбарде на Стэйт-стрит в качестве залога за какую-то ничтожную сумму денег пьяный Инсмутский матрос, впоследствии убитый в уличной драке. В музей Общества она попала непосредственно из рук владельца ломбарда, после чего заняла в экспозиции место, подобающее ее пышному великолепию. С тех пор было принято считать, что она имеет какое-то восточно-индийское или индо-китайское происхождение, хотя подобные оценки, разумеется, носили самый приблизительный характер.

Сама мисс Тилтон провела скрупулезное сравнение всевозможных версий относительно происхождения тиары и ее появ-

ления в Новой Англии, и была склонна считать, что это украшение является составной частью древнего пиратского клада, в свое время обнаруженного капитаном Оубедом Маршем. Подобная точка зрения нашла свое серьезное подкрепление и в том, что сразу после того, как украшение было выставлено для всеобщего обозрения, со стороны семейства Маршей стали поступать предложения продать им тиару, причем за очень крупную сумму; следовало признать, что они и поныне продолжают выступать с аналогичными идеями, однако Общество уже неоднократно заявляло им, что не продаст тиару ни при каких условиях.

Провожая меня к входной двери, добрая дама прямо сказала, что особой популярностью «пиратская» теория происхождения состояния Марша пользовалась именно в кругах местной интеллигенции. Ее собственное отношение к мрачному Инсмуту — в котором она, кстати сказать, не бывала ни разу в жизни — заключается в полнейшем презрении, как к опустившейся и растратившей всякое человеческое достоинство человеческой общности. При этом она заметила, что слухи насчет поклонения его жителей культу дьявола отчасти имеют под собой реальное основание, поскольку там и поныне якобы существует некая культовая группа, со временем набравшая сил и даже подчинившая себе все местные ортодоксальные церкви.

Называется эта группа, как сказала женщина, «Тайный орден Дэгона», и в эти края, несомненно, проникла откуда-то с востока, когда рыбный промысел Инсмутцев грозил вот вот прекратить свое существование. Столь необычайную живучесть подобной секты сама она склонна объяснять вполне естественными причинами, а именно тем, что вскоре после ее создания рыбаки вновь стали возвращаться с ловли с большими уловами. Одним словом, довольно скоро она приобрела доминирующее влияние во всем городе, вытеснив все прежние религиозные общины и избрав в качестве своей резиденции старое здание Массонского зала на Нью-Черч Грин.

Всего этого оказалось вполне достаточно для набожной мисс Тилтон, чтобы она на пушечный выстрел не приближалась к древнему городу, ставшему цитаделью упадка и разорения, тогда как для меня последнее обстоятельство стало дополнительным стимулом для крепнувшего желания как можно скорее его посетить. К моим прежним интересам сугубо архитектурного и исторического профиля сейчас прибавилась также известная толика антропологического пыла, а потому я стал с нетерпением поджидать,

когда истекут часы, отведенные на ночной отдых, чтобы как можно скорее отправиться в путешествие в этот загадочный город.

Глава 2

Незадолго перед тем, как часы пробили десять раз, я уже стоял перед зданием аптеки Хэммонда на старой рыночной площади в ожидании Инсмутского автобуса. По мере приближения назначенного часа я заметил, что место, где я находился, все более превращалось в некий изолированный островок, тогда как массы людей, спешивших по делам в самых различных направлениях, определенно стремились оказаться подальше от него. Таким образом, я воочию убедился в справедливости слов железнодорожного кассира относительно неприязни горожан как к самому Инсмуту, так и ко всему, что было с ним связано, даже к его автобусу. Через несколько минут я заметил появившийся из-за угла небольшой и неимоверно старый драндулет отвратительного грязносерого цвета, который прогрохотал по Стэйт-стрит, сделал разворот и подкатил к тротуару, на котором я стоял. Я сразу же понял, что это именно то транспортное средство, которого я ожидал, причем моя догадка вскоре нашла свое подтверждение в едва читаемой вывеске над лобовым стеклом автобуса : «Ар-кхэм — Инсмут — Ньюбэрипорт».

В салоне сидело всего три пассажира — двое смуглых, довольно угрюмых мужчин и парень, — и когда автобус остановился, они неуклюже выбрались из него и молча, как-то даже крадучись, направились вверх по Стэйт-стрит. Водитель тоже вышел из своей кабины и я проводил его взглядом, пока он переходил дорогу в направлении аптеки, где, очевидно, намеревался сделать какие-то покупки. Это, как я понял, и был Джо Сарджент, о котором рассказывал мне кассир; однако не успел я еще как следует рассмотреть черты его лица, как меня внезапно охватило, словно волной захлестнуло, чувство смутной неприязни и даже брезгливости, которую я не мог ни понять, и объяснить. Мне почему-то показалось вполне естественным, что местные жители избегают ездить на автобусе, которым управляет подобный человек, и вообще стараются свести к минимуму любые контакты как с ним самим, так и с его земляками.

Когда водитель вышел из аптеки, я пристальнее пригляделся к нему, пытаюсь уяснить для себя причину внезапно нахлынувшего чувства. Это был худой мужчина ростом где-то под метр восемьдесят, с покатыми плечами, одетый в потрепанное гражданское платье синего цвета и потертую кепку для гольфа. На вид ему было, пожалуй, лет тридцать пять, хотя странные глубокие складки по бокам шеи сильно старили этого человека, особенно если не присматриваться к его туповатому, невыразительному лицу. У него была узкая голова, выпученные водянисто-голубоватые глаза, которые, как мне показалось, никогда не моргали, плоский нос, скошенные лоб и подбородок и странно-недоразвитые уши. Его подбородок и толстая верхняя губа, равно как и покрытые крупными порами сероватые щеки, были практически лишены какой-либо растительности, если не считать редких желтоватых волосков, которые где курчавились, а где лежали прилизанными, слипшись в неровные и нерегулярные прядки, тогда как сама кожа была какой-то шершавой и шелушащейся, словно от неведомой мне хронической болезни. Руки у него были крупные, покрытые толстыми венами, и также очень неестественного серовато-голубоватого оттенка. На фоне довольно массивных кистей пальцы смотрелись нелепо короткими и, казалось, были постоянно подогнуты, даже вжаты в толщу ладоней. Пока он возвращался к автобусу, я обратил внимание и на его неуклюжую, покачивающуюся походку, а также на то, что ступни были просто гигантского размера. Чем дольше я смотрел на них, тем сильнее меня охватывало недоумение: как же он умудряется находить себе обувь нужного размера.

Ко всему прочему у него был какой-то неряшливо-засаленный вид, что лишь усиливало мое отвращение к его внешнему виду. По всей видимости, он работал или жил где-то поблизости от рыболовецких доков, поскольку за ним тянулся шлейф резкого, характерного рыбьего запаха. И все же, если в его жилах и текла какая-то чужеродная кровь, то я даже не решался предположить, какой именно расе она могла при-, надлежать. Все странности и нелепости его внешности были определенно не азиатского, полинезийского или негроидного происхождения, и все же я теперь во многом понимал людей, считавших его чужаком, хотя самому мне показалось, что речь здесь может идти не столько о чужеземном облике, сколько о биологическом вырождении.

Обнаружив, что кроме меня других пассажиров на этот рейс явно не предвиделось, я испытал явную досаду, поскольку мне по

какой-то непонятной причине отнюдь не улыбалась перспектива совершить поездку наедине с таким водителем. Однако, когда настало положенное время, я был вынужден укротить свои привередливые сомнения и проследовал за водителем в салон, сунув ему при входе долларовую бумажку и пробормотав одно-единственное слово: «Инсмут». Он протянул мне сдачу в сорок центов и на мгновение окинул меня довольно любопытным взглядом, хотя при этом и не вымолвил ни слова.

Я выбрал себе местечко подальше от кабины, но с той же стороны, где сидел и он — уж очень хотелось во время поездки полюбоваться панорамой береговой линии.

Наконец ветхий транспорт резко чихнул и, окутываемый облаками выхлопных газов, шумно загрохотал по мостовой мимо старых кирпичных зданий, выстроившихся вдоль Стэйт-стрит. Я поглядывал на проходящих за окном людей и мне почему-то показалось, что все они избегают смотреть в сторону проезжающего мимо них автобуса, или, точнее, стараются делать вид, что не смотрят на него. Вскоре мы свернули налево на Хай-стрит, где дорога оказалась более ровной и гладкой. Путь наш пролегал мимо величавых старинных особняков раннего республиканского периода, и еще более старых колониальных фермерских домов, затем мы миновали Лоувер-Грин и Паркер-ривер, пока наконец не выехали на длинную и монотонную дорогу, тянувшуюся вдоль открытого всем ветрам побережья.

День выдался довольно теплый и солнечный, однако песчаный, кое-где поросший осокой и приземистым кустарником ландшафт становился с каждым километром пути все более пустынным. Из своего окна я видел синие воды и песчаную линию Сливового острова — к тому времени мы почти вплотную приблизились к берегу оказавшись на узкой проселочной дороге, которая ответвлялась от основного шоссе, связывавшего Роули с Инсвичем. Я не замечал никаких построек, а по состоянию дорог предположил, что движение в этой части местности особой оживленностью не отличалось. На невысоких, изъеденных ветрами и непогодой телеграфных столбах было натянато всего два провода. Временами мы проезжали по грубо сколоченным деревянным мостам, перекинутым через образованные приливом протоки, обширная сеть которых простиралась

далеко вглубь и делала этот район еще более изолированным и уединенным.

Однажды я заметил давно истлевшие пни и почти полностью разрушенные остатки каменного фундамента, чуть выступавшего над зыбучими песками — это напомнило мне страницы какой-то книги об истории этой местности, в которой говорилось, что некогда это был благодатный и плотно заселенный людьми район. Все изменилось, как в ней говорилось, почти внезапно — сразу после эпидемии 1846 года, — и, если верить старинным преданиям, имело какую-то связь со скрытыми дьявольскими силами. На самом же деле, как я полагал, все объяснялось лишь неразумной вырубкой леса вдоль береговой линии, то лишило местность ее естественной защиты и открыло путь для нашествия подгоняемых ветрами песков.

Вскоре Сливовый остров окончательно исчез из виду и мы увидели раскинувшийся слева от нас безбрежный простор Атлантического океана, Наша узкая дорога стала круто забирать вверх, и я испытал странное чувство беспокойства, глядя на маячивший впереди одинокий горный хребет, где изрытая колеями лента дороги, казалось, смыкалась с голубым небом. Складывалось такое впечатление, будто автобус намеревался продолжать свое бесконечное восхождение, оставляя позади себя населенную людьми землю и стремясь сомкнуться с неизведанной тайной верхних слоев воздуха и сводчатого небосклона. Запах моря приобрел зловещий скрытый смысл, а молчаливо наклонившаяся, напряженная спина и узкая голова водителя стали казаться мне особенно ненавистными. Взглянув на него, я заметил, что задняя часть его черепа, как и щеки, почти лишена волосяного покрытия, и лишь клочки желтоватой растительности, покрывают сероватую, шелушащуюся поверхность его затылка.

Наконец мы достигли вершины холма и я смог окинуть взглядом раскинувшуюся внизу обширную долину, где Мэнаксет сливался с притоками и устремлялся к северу вдоль вытянутой вереницы скалистых гор, а затем поворачивал к мысу Анны. В дымке просматривавшегося вдалеке горизонта я смог различить расплывчатые очертания одиноко стоявшей горы — это был Кингспортхэд, увенчанный старинной и древней постройкой, о которой было сложено так много легенд. Однако уже через мгновение все мое внимание было привлечено более близкой панорамой,

раскинувшейся прямо под нами. Это был тот самый окутанный мрачными тенями подозрения и всеобщей неприязни Инсмут.

Я увидел простиравшийся впереди и внизу довольно крупный город, заполненный компактными постройками, однако в нем определенно ощущался непривычный дефицит зримой, ощутимой жизни. Над хитросплетением черных дымоходов не курился ни единый дымок, а три высокие некрашенные колокольни холодно маячили на фоне омываемого морем горизонта. Вершина одной из них порядком разрушилась, а несколько ниже в ней и в еще одной — в ее соседке — чернели круглые отверстия, оставшиеся от некогда располагавшихся в них башенных чаев. Необъятная для взора масса провисающих двускатных крыш и заостренных фронтонов домов с пронзительной ясностью свидетельствовали о явном и далеко зашедшем упадке, а по мере того как мы продвигались по пустынной дороге, я мог со все большей отчетливостью видеть, что во многих крышах зияют черные провалы, а некоторые обвалились целиком. Были там и большие, квадратные дома, выстроенные в георгианском стиле, с унылыми куполообразными крышами. Располагались они преимущественно вдали от кромки воды и, возможно, именно поэтому пара из них имела относительно крепкий вид. В сторону материка тянулась проржавевшая, поросшая травой железнодорожная ветка, обрамленная покосившимися телеграфными столбами — на сей раз без проводов, — и едва различимые полосы старых проселочных дорог, соединявших город с Роули и Ипсвичем.

Самые явные признаки упадка отмечались вблизи от береговой линии, хотя в самой ее середине я смог различить белую башню довольно неплохо сохранившегося кирпичного строения, отдаленно напоминавшего какую-то небольшую фабрику. Длинная кромка гавани была обильно засорена песком и огорожена старинного вида каменными волноломами, на которых я начал смутно различать крохотные фигурки сидящих рыбаков; у самого дальнего края ее виднелось то, что походило на остатки фундамента некогда стоявшего там маяка. Песчаный язык как бы образовывал внутреннюю поверхность береговой линии гавани, и я увидел стоявшие на нем ветхие хибарки, застывшие в непосредственной близости от полосы суши рыбацкие плоскодонки со спущенными в воду якорями, и беспорядочно разбросанные по берегу рыбацкие корзины для рыбы и омаров. Единственное глубокое место, как мне показалось, находилось там, где рус-

ло реки, протекавшей за башенной постройкой, поворачивало на юг и соединялось с океаном у дальнего края волнолома.

То там, то здесь виднелись остатки полуразрушенных причалов, чуть нависавших над водой своими исковерканными, напроць сгнившими краями, причем те из них, которые уходили дальше на юг, казались наиболее стлбвыми и заплесневелыми. А дальше, уже в океанском просторе, я смог различить — даже несмотря на высокий прилив — длинную черную полосу едва выступавшей над водой суши, которая, несмотря на всю свою неопределенность и размытость, почему-то показалась мне довольно зловещей. Насколько я мог судить, это и был риф Дьявола. Глядя на него, я ощутил странное и почти неуловимое влечение к этому месту, которое, видимо, было призвано лишь усилить уже успевшее сформироваться у меня под воздействием услышанного мрачное отвращение к этому месту. Следовало признать, что этот едва различимый отголосок нового чувства показался мне даже более тревожным, чем первоначальное впечатление от города.

Проезжая мимо старых, опустевших фермерских домов, каждый из которых отличался от соседних лишь степенью своего разрушения, мы не встретили ни единой живой души. Вскоре, однако, я заметил несколько заселенных жилых построек — в окнах некоторых из них место разбитых стекол виднелись драные половики, а в захламленных дворах повсюду валялись ракушки и тела дохлых рыб. Пару раз мне на глаза попадались фигуры апатичных на вид людей, копавшихся в неряшливых огородах или собиравших на пропахшем рыбой пляже каких-то моллюсков, да группки грязных ребятишек с обезьяноподобными лицами, которые играли подле заросших бурьяном крылец своих домов. Вид этих людей показался мне даже более гнетущим, чем самые унылые городские постройки, поскольку в лицах и движениях почти всех их отмечались характерные признаки, которые вызывали у меня инстинктивную неприязнь и даже отвращение, хотя я и не мог толком разобраться в природе этого чувства. На какое то мгновение мне показалось, что эти специфические особенности внешности напоминали мне некую картинку, которую я, возможно, видел уже когда-то, испытывая при этом приступ отчаянной меланхолии и ужаса, однако довольно скоро подобные псевдовоспоминания улетучились из моего созидания.

Как только автобус спустился в город, до меня стал доноситься отчетливый и стабильный звук падающей воды, про-

рывавшийся на фоне неестественного спокойствия и тишины. Покосившиеся, некрашенные дома стояли здесь более плотной чередой, окаймляя дорогу с обеих сторон и своим видом все же в большей степени, нежели все то, что мы видели до сих пор, походя именно на городские постройки. Передо мной открылась типичная уличная панорама, и кое-где я мог различить те места, где некогда пролегали вымощенные булыжником и окаймленные кирпичными бордюрами тротуары. Все эти дома, как мне показалось, были совершенно необитаемы, а в ряде мест между ними зияли громадные проемы, и лишь по остаткам полуразвалившихся дымоходов и стен подвалов можно было предположить, что некогда там также стояли дома. И над всем этим висел всепроникающий, удушающий рыбный запах, тошнотворнее и противнее которого мне еще не приходилось встречать ни разу в жизни.

Вскоре начали появляться первые развилки и перекрестки: ответвлявшиеся налево вели в сторону моря — к царству немощеных, грязных улиц и окончательно развалившихся домов; правые же уводили туда, где еще чувствовалось присутствие бывшего городского великолепия. Я по-прежнему не встречал на улицах местных жителей, хотя кое-где уже попадались признаки явной заселенности; то там, то здесь мелькали занавески на окнах, попадалась редкая машина, припаркованная у края тротуара, Сами тротуары здесь пребывали в заметно более благополучном состоянии, и хотя большинство домов представляли из себя весьма старые строения — деревянные и кирпичные конструкции начала девятнадцатого века, — они все же производили впечатление по-настоящему жилых зданий. Во мне неожиданно вспыхнул огонь истинного любителя антиквариата, и потому вскоре я, со все возрастающим интересом всматриваясь в богатое убранство этого старинного, но пришедшего в полный упадок города, почти позабыл и про отвратительную вонь, и про свое возвращение к этому зловещему месту.

Однако прежде, чем достичь пункта своего назначения, я все же был вынужден испытать еще одно ощущение самого что ни на есть неприятного и даже мучительного свойства. Автобус въехал на некое подобие городской площади, на противоположных краях которой стояло по церкви, а в самом центре располагались забрызганные грязью остатки того, что в прошлом, очевидно, должно было быть клумбой. Повернув голову направо в сторону находившегося недалеко перекрестка, я увидел массивное и гро-

моздкое здание с колоннами, Ею некогда белая штукатурка к настоящему времени обрела землисто-серый цвет и порядком облупилась, а висевшая на фронте вывеска, исполненная золотым по черному, казалась настолько полинявшей и выгоревшей, что я лишь с очень большим трудом разобрал начертанные на ней слова: «Тайный орден Дэгона». Так вот, значит, где в прошлом располагалась масонская ложа, а ныне обосновала свое логово секта поклонников языческих культов! Пока я вчитывался в полустершиеся буквы надписи, мое внимание внезапно было отвлечено хрипловатым звоном явно треснувшего колокола, висевшего на противоположной стороне улицы, и я сразу же повернул голову и выглянул в окно со своей стороны автобуса.

Звук исходил от довольно приземистой каменной церкви, внешний вид которой явно указывал на то, что построена она была намного позже окружавших ее домов, причем создатели ее определенно решили предпринять неуклюжую попытку подражать традициям готики и потому соорудили непропорционально высокий первый этаж с забранными ставнями окнами. Хотя стрелки на часах с той стороны здания, которая предстала моему взору, отсутствовали, я понял, что эти грубоватые, хриплые удары означали одиннадцать часов. Сразу вслед за этим из моего сознания улетучились все мысли о времени, поскольку на их место бурным потоком хлынули ярко очерченные образы, преисполненные непередаваемого ужаса, причем произошло это еще даже до того, как я успел понять, что именно произошло. Дверь в церковь была распахнута, обнажая зиявший за ней прямоугольник угольного мрака, и пространство этого прямоугольника пересек, или мне это лишь показалось? — какой-то субъект. Сознание мое опалила вспышка мгновенно пережитого кошмара, который показался мне еще более ужасным именно потому, что при ближайшем и рациональном осмыслении его, в нем, вроде бы, не было ничего кошмарного.

Это был явно живой человек, первый — если не считать водителя автобуса, — которого мне довелось увидеть после того, как мы въехали в собственно город, и будь я в более спокойном состоянии, мне, возможно, и не показалось бы во всем этом ничего странного и, тем более, пугающего. Спустя несколько мгновений я уяснил себе, что это был ни кто иной как пастор, облаченный в довольно необычное одеяние, очевидно, изобретенное после того как «Орден Дэгона» видоизменил ритуалы местных церк-

вей. Предмет, который поначалу привлек мое внимание и привел в состояние невероятного душевного трепета, представлял собой тиару, являвшую почти точную копию того экспоната, который накануне вечером показывала мне мисс Тилтон. Следуя приходу моего воображения, этот предмет придавал неясным очертаниям лица, и всему неуклюже вышагивавшему обладателю его в некоем подобии рясы, выражение зловещего, невыразимого гротеска. Вскоре я решил, что в данном случае не может идти никакой речи о каком-то вмешательстве пугающих псевдовоспоминаний. Так уж ли странно было то, что некий местный таинственный культ избрал в качестве одного из своих атрибутов и символов столь уникальный головной убор, являвшийся близким и понятным для всех его последователей хотя бы по той простой причине, что был составной частью обнаруженного здешними жителями клада?

Вскоре на тротуарах по обеим сторонам площади появились тощие фигуры молодежого и довольно отталкивающего вида мужчин, которые шли как по-одиночке, так и группами по двое-трое. На нижних этажах некоторых из полуразвалившихся домов кое-где располагались маленькие магазинчики с выцветшими, едва читаемыми вывесками, а кроме того из окон автобуса я разглядел пару припаркованных к тротуару грузовиков. С каждой минутой шум падающей воды становился все отчетливее и громче, пока я наконец не увидел сооруженную прямо по ходу нашего движения довольно глубокую запруду, через которую был перекинут широкий мост с металлическими перилами, упиравшийся противоположным своим концом в просторную площадь. Проезжая по мосту, я вертел головой, стараясь запечатлеть картину по обе стороны от запруды, и увидел несколько фабричных построек, расположившихся на самом краю поросшего травой, а кое-где и осыпавшегося обрыва. Далеко внизу бушевало море воды, извергаемое по меньшей мере тремя грандиозными потоками водосброса. В этом месте шум стоял просто оглушающий. Перебравшись на противоположную сторону реки, мы въехали на полукруглую площадь остановились у стоявшего по правую руку от нас высокого, увенчанного куполом здания с остатками желтоватой краски на фасаде и потертой вывеской, возвещавшей о том, что это и есть Джилмэн-хауз.

Я с немалым облегчением вышел из автобуса и сразу же понес свой чемодан к стойке портье, размещавшейся в глубине изрядно потрепанного вестибюля гостиницы. На глаза мне попался всего

лишь один-единственный человек — это был довольно пожилой мужчина, лишенный признаков того, что я уже начал про себя называть «Инсмутской внешностью», — но я решил не расспрашивать его пока ни о чем из того, что так волновало и тревожило меня все это время, поскольку, как подсказывала мне моя память, именно в этой гостинице, по слухам, не раз происходили весьма странные вещи. Вместо этого я вышел на площадь и внимательным, оценивающим взглядом окинул открывшуюся передо мной панораму.

С одной стороны вымощенного булыжником пространства тянулась полоска реки; другая была заполнена вереницей стоявших полукругом кирпичных домов с покосившимися крышами, относившихся примерно к периоду 1800 года. От площади отходило несколько улиц, тянувшихся на юго-восток, юг и юго-запад. Лампы на фонарях были маленькие и явно маломощные, однако я не стал предаваться унынию, вспомнив, что намерен покинуть этот город еще до наступления темноты, хотя луна, по-видимому, обещала быть довольно яркой. Все здания здесь пребывали в довольно сносном состоянии, причем примерно в дюжине из них размещались работавшие в данный час магазинчики: в одном располагалась бакалейная лавка, в других — унылого вида крохотный ресторан, аптека, небольшая база оптовой торговли рыбой, рядом еще одна, а в самом дальнем, восточном углу площади, у реки, размещался офис единственного в городе промышленного предприятия — золотоочистной компании Марша. Я заметил примерно с десяток людей и четыре или пять легковых автомобилей и грузовиков, беспорядочно разбросанных по всей площади. Без лишних слов было ясно, что именно здесь находится центр деловой активности и социальной жизни Инсмута. Где-то вдали в восточном направлении просматривалось водное пространство гавани, на фоне которой возвышались останки некогда величественных и прекрасных георгианских колоколен. Взглянув в сторону противоположного берега реки, я увидел белую башню, венчавшую то, что, как мне показалось, и было фабрикой Марша.

По какой-то причине я решил начать свое знакомство с городом именно с бакалейной лавки, владельцы которой, как мне показалось, не были коренными жителями Инсмута. В ней я застал одного паренька лет семнадцати и с удовлетворением обнаружил, что он отличается достаточной смекалкой и приветливостью, что сулило мне получение самой необходимой информации, как говорится, из первых рук. Как я вскоре обнаружил, он и сам был

очень расположен к тому, чтобы поговорить, и потому я достаточно быстро выяснил, что ему осточертел и этот постоянный рыбный запах, и все эти замкнутые, угрюмые жители города. Разговор с любым приезжим был для него сущим удовольствием. Сам он был родом из Аркхэма, а здесь жил с одной семьей, прибывшей из Ипсвича, но при первой же возможности был готов уехать отсюда куда глаза глядят. Его родным очень не нравилось то, что он работает в Инсмуте, однако руководство компании, которой принадлежит этот магазин, решило направить его именно сюда, а ему никак не хотелось терять эту работу.

По его словам, в Инсмуте нет ни публичной библиотеки, ни торговой палаты, а мне он порекомендовал просто походить по городу и самому все осмотреть. Улица, по которой я приехал на эту площадь, называлась Федерал-стрит; к западу от нее располагались старинные обители первых жителей города — Брод-, Вашингтон-, Лафайет- и Адаме-стрит, — тогда как к востоку, в сторону побережья, начинались сплошные трущобы. Именно в этих трущобах — на Мэйн-стрит — я наткнулся на старые георгианские церкви, но все они были уже давно покинуты прихожанами. По его словам, находясь в этих кварталах, лучше не привлекать к себе внимания, особенно к северу от реки, поскольку люди там довольно угрюмые и даже злобные. Кстати, несколько заезжих путешественников исчезли именно в том районе.

Определенные зоны города считались чуть ли не запретной территорией. В частности, не рекомендовалось подолгу прохаживаться поблизости от фабрики Марша, возле действующих церквей или около того самого здания с колоннами на Нью-Черч Грин, где расположен сам «Орден Дэгона». Церкви это довольно необычные, поскольку не поддерживают абсолютно никаких контактов с другими аналогичными религиозными учреждениями страны и в своей деятельности используют самые что ни на есть причудливые и странные церемонии и одеяния. Вера их определенно построена на ереси и таинственных обрядах, якобы способных обеспечить чудодейственную трансформацию, ведущую к своего рода телесному бессмертию на этой земле. Духовный наставник молодого бакалейщика — доктор Уоллес из методистской церкви в Эшбери — настоятельно рекомендовал ему не посещать ни одну из подобных церквей в Инсмуте.

Что же до местных жителей, то он и сам толком ничего о них не знает. Они очень скрытные и нелюдимые, вроде зверей, что

живут в берлогах, и едва ли кто-нибудь знает что-то конкретное о том, как они проводят время, когда не заняты своей беспорядочно организованной рыбалкой. Если судить по тому, какое количество спиртного они употребляют, то можно предположить, что они чуть ли не день-деньской лежат вповалку, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Несмотря на это, они поддерживают между собой отношения своеобразного темного братства и взаимопонимания, причем объединяет их именно презрение и ненависть к окружающему миру, как если бы сами они принадлежали к какой-то иной и явно более предпочтительной для них сфере жизни. Внешность их, особенно эти выпученные глаза, которые еще никому не доводилось видеть хотя бы единожды моргнувшими, сама по себе достаточно отталкивающая, а голоса и тем более омерзительны. Страх забирает, когда слышишь их пение в церквах по ночам, и особенно во время их сплавных праздников или чего-то вроде торжественных соборий, которые устраиваются дважды в год — 30 апреля и 31 октября.

При всем при этом они обожают воду и любят купаться как в реке, так и в гавани. Особой популярностью пользуется плавание наперегонки до рифа Дьявола, причем, похоже, буквально каждый из них готов и способен принять участие в таких весьма непростых состязаниях. Когда речь заходит об этих людях, то имеются в виду относительно молодые их представители; что же до стариков, то на тех якобы и вовсе страшно смотреть. Иногда, правда, бывают и среди них исключения, и тогда в их внешности нет абсолютно никаких отличий по сравнению с обычными людьми, как, например, у того портье в гостинице. Многие задаются вопросом, что происходит с этими самыми стариками, и вообще не является ли «Инсмутская внешность» неким своеобразным признаком какого-то заболевания, которое с возрастом захватывает человека все больше.

Разумеется, лишь очень редкий недуг способен вызвать с достижением зрелости столь обширные и глубокие изменения в самой структуре человеческого тела, включая деформацию костей черепа. Однако, даже видя столь необычные последствия таинственного заболевания, совершенно невозможно судить о том, какие последствия оно влечет для человеческого организма в целом. При этом молодой продавец прямо заявил, что составить более или менее целостное представление по этому поводу крайне сложно, поскольку никому еще не удавалось — вне зависимо-

сти от того, сколько времени он прожил в Инсмуте — установить личные отношения с кем-либо из местных жителей.

По его глубокому убеждению, многие из них внешне еще более ужасны, чем даже самые страшные из тех, кто хотя бы изредка, но все же появляется на людях — их вообще держат взаперти в особых помещениях. Иногда до людей доносятся поистине необычные, жуткие звуки. Поговаривают, что покосившиеся портовые хибары к северу от реки соединены между собой подземными коридорами, что позволило превратить их в самый настоящий муравейник» для таких чудовищных уродов. Невозможно даже предположить, что за чужеродная кровь — если, конечно, дело именно в ней — течет в их жилах и отчего они делаются именно такими. Отмечались случаи, что они умышленно скрывали своих стариков, когда к ним в дома наведывались разные правительственные чиновники из внешнего мира.

По словам моего собеседника, не имеет никакого смысла расспрашивать самих аборигенов обо всем, что связано с этим местом. Единственный, кто иногда пускался в подобные разговоры, был довольно дряхлый, хотя и выглядевший вполне нормально старик, который жил в лачуге на северной окраине города и проводил свое время, прогуливаясь поблизости от пожарной станции. Этому седовласому старцу по имени Зэдок Аллен было девяносто шесть лет, и помимо тою, что рассудок его, похоже, с годами заметно ослаб, он к тому же слыл отчаянным забуддыгой. Это был довольно странный и весьма настороженный тип, который к тому же постоянно оглядывался через плечо, как будто чего-то или кою-то опасался, и в трезвом состоянии категорически отказывался разговаривать с любым чужаком. Однако он был почти не в силах устоять перед дармовой выпивкой, а напившись, бывало, пускался в воспоминания и свистящим шепотом описывал некоторые фантастические истории из своей жизни. Впрочем, из подобных бесед с ним можно было вынести лишь самый минимум заслуживающей внимания информации, поскольку все его истории сильно смахивали на бред душевнобольного, изобилующий загадочными и обрывочными намеками на невероятные чудеса и ужасы, которые могли быть порождены лишь его собственной нездоровой фантазией. Ему никто не верил, и к тому же местным жителям очень не нравилось то, что в сильном подпитии он часто разговаривает с чужаками, а потому появляться с ним на людях

и, тем более, в присутствии посторонних пускаться в какие-то расспросы было довольно небезопасно. Возможно, именно от него и пошли все эти дичайшие слухи и кривотолки, которые вот уже много лет смущали окружавший Инсмут люд.

Отдельные «пришлые» обитатели юрода время от времени также бросали разрозненные, малопонятные и двусмысленные фразы аналогичного содержания, словно намекая на то, что на самом деле знают куда больше, чем говорят, а потому было вполне вероятно, что между рассказами старого Зэдока и уродливыми аборигенами Инсмута существовала какая-то вполне реальная связь. Остальные жители города никогда не выходили из дому с наступлением темноты просто потому, что «так было принято», а кроме того, здешние улицы были настолько грязными и запущенными, что едва ли какому-то нормальному человеку пришла бы в голову мысль бродить по ним в ночное время.

Что же до производственной активности, то следовало прямо признать, что то количество рыбы, с которой возвращались рыбаки, было просто поразительным, хотя самим им это с каждым годом приносило все меньше и меньше выгоды, поскольку цены продолжали падать и нарастала конкуренция со стороны крупных фирм-поставщиков. Главным же бизнесом города оставалась, естественно, золотоочистная фабрика, коммерческий офис которой находился всего в нескольких десятках метров от того места, где мы с молодым бакалейщиком вели нашу беседу. Самую старика Марша нынешнее поколение горожан никогда не видело, хотя он и выезжал изредка на производство, сидя в закрытой и плотно зашторенной машине.

Ходила масса слухов относительно того, как выглядит нынче Марш. Некогда он слыл чуть ли не щеголем, и люди утверждали, что он и поныне носит допотопный эдвардианский сюртук, довольно изящно пригнанный даже по его теперешней, крайне уродливой фигуре. Многие годы в конторе всем заправляли его сыновья, но в последнее время они также стали избегать появления на людях, оставив ведение дел представителям более молодого поколения семьи. Внешне сыновья и дочери Марша сильно изменились, особенно те, что были постарше, и поговаривали, что здоровье их с каждым годом становится все хуже.

Одна из дочерей Марша являла собой поистине омерзительную, похожую на рептилию женщину, которая в изобилии напяливала на себя всевозможные причудливые драноценности, изготовленные явно в тех же традициях, что и загадочная тигра из музея в Ньюбэрипорте. Моему собеседнику также неоднократно доводилось видеть на ней подобные украшения, которые, по мнению окружающих, являлись частью какого-то старинногоклада — то ли пиратского, то ли и вовсе дьявольского. Священники и остальные церковнослужители, или как они там сами себя называли, по особым случаям напяливая себе на головы аналогичные украшения, хотя редко кому удавалось встретить такие вещи в повседневной действительности. Других образчиков подобных драгоценностей молодому бакалейщику самому видеть не доводилось, хотя, по словам других людей, они у аборигенов водились в изобилии.

Марши, равно как и три других, также тщательно оберегаемых рода местных жителей — Уэйты, Джилмэны и Элиоты — вели подчеркнуто уединенный образ жизни. Обитали они в громадных домах на Вашингтон-стрит, причем некоторые из них — те, что были внешне наиболее уродливы и омерзительны — никогда не появлялись на людях и постоянно пребывали в скрытых от посторонних глаз убежищах. Время от времени поступали сообщения о смерти того или иного члена какой-либо из этих старинных династий.

Предупредив меня насчет того, что многие из городских указателей и надписей со временем пришли в негодность, а то и вовсе исчезли, молодой человек любезно согласился начертить мне некое подобие плана города, указав на нем основные пункты, которые могли бы привлечь мое внимание. Едва взглянув на него, я сразу понял, сколь неоценимую помощь может оказать мне даже такая импровизированная карта, и тут же со словами искренней благодарности упрятал ее в карман. С сомнением отнесясь к кулинарным достоинствам близлежащего ресторана, я ограничился тем, что накупил побольше сырных крекеров и имбирных вафель, чтобы чуть позже заменить ими традиционный ленч. Моя последующая программа заключалась в том, чтобы побродить по главным улицам города, попытаться поговорить с каждым попавшимся мне по пути жителем, не относящимся к числу аборигенов, и поспеть к восьмичасовому автобусу на Аркхэм. Сам по себе город, как я уже успел убедиться, представлял со-

бой замечательный образчик всеобщего упадка и общественного разложения, однако, не будучи увлеченным изучением социологических проблем Инсмута, я решил ограничиться обзором его архитектурных достопримечательностей. Так я и начал свое осмысленное, хотя во многом и запутанное путешествие по узким, окруженным мрачными трущобами улицам. Пройдя по мосту и повернув в сторону одного из грохочущих потоков воды, я оказался почти рядом с фабрикой Марша, которая показалась мне странно тихой для промышленного предприятия подобно рода. Ее здание стояло у самого края крутого обрыва рядом с мостом, и довольно недалеко от места соединения нескольких улиц, некогда являвшегося, по-видимому, центром общественной жизни города, на смену которому после Революции пришла нынешняя городская площадь. — Пройдя по узенькому мосту, я попал в совершенно безлюдный район, сама атмосфера которого заставила меня невольно поежиться, Просевшие, а кое-где и обвалившиеся, прижатые друг к другу двускатные крыши образовывали причудливый зубчатый узор, над которым возвышался довольно непрезентабельного вида обезглавленный шпиль старинной церкви. В некоторых домах вдоль Мэйн-стрит явно кто-то обитал, — хотя основная часть домов была давно заброшена. Спускаясь по немощеным боковым улочкам, я видел многочисленные черные, зияющие оконные проемы заброшенных хибар, некоторые из которых сильно наклонились набок, угрожающе нависая над полуразвалившимися фундаментами. Сам по себе вид этих оконных глазниц был настолько неестественен и пугающ, что мне стоило немалой храбрости свернуть в восточном направлении и двинуться еще дальше в сторону океанского побережья. Жутковатые ощущения, которые я испытывал при виде опустевших домов, нарастали даже не в арифметической, а скорее в геометрической прогрессии по мере того, как увеличивалось количество окружавших меня поразительно ветхих построек, отчего создавалось впечатление, будто я оказался в некоем мини-городе полнейшего запустения. Один лишь вид этих бесконечных улиц, пропитанных упадком и смертью, в сочетании с представлением о массе опустевших, гниющих черных комнат, отданных на разорение вездесущим паукам и извивающимся червям, невольно порождает атмосферу поистине первобытного, животного страха и отвращения, разогнать которую едва ли смогла бы даже самая жизнестойкая оптимистическая философия.

Фиш-стрит была столь же пустынной, как и Мэйн-стрит, хотя и отличалась от нее изобилием кирпичных и каменных складских помещений, находившихся, надо сказать, в прекрасном состоянии. Почти как две капли воды на нее походила и Уотер-стрит, с тем лишь отличием, что в ней имелись просторные проемы, откуда начинался путь к портовым причалам.

За все это время я не повстречал ни единой живой души, если не считать сидевших в отдалении, на волноломе рыбаков, и не услышал ни звука, помимо плеска накатывавших на берег гавани приливных волн да отдаленного грохота мэнаксетского водопада. Постепенно город начинал все больше действовать мне на нервы и я, возвращаясь обратно по расшатанному мосту на Уотер-стрит, то и дело украдкой оглядывался назад. Мост на Фиш-стрит, судя по имевшемуся у меня плану, и вовсе был разрушен.

К северу от реки стали попадаться признаки убогой, нищенской жизни — в некоторых домах на Уотер-стрит занимались упаковкой рыбы; изредка попадались залатанные крыши с едва дымящимися трубами; откуда-то доносились разрозненные, непонятные звуки, а кроме того, кое-где стали попадаться скрюченные, еле переставляющие ноги человеческие фигуры, медленно передвигающиеся по грязным, немощеным улицам. И все же, даже несмотря на все эти слабые проблески жизни, следовало признать, что на меня это чахлое подобие людского существования производило еще более гнетущее впечатление, чем даже запустение южной части города. Одно обстоятельство особо резко бросалось в глаза: люди здесь казались намного более зловещими и отталкивающими, чем в центральной части города, отчего я несколько раз ловил себя на мысли о том, что нахожусь в какой-то фантастической, враждебной среде, сущность которой, однако, по-прежнему оставалась совершенно неуловимой для моего сознания. Ясно было одно: неестественная, гнетущая напряженность местных жителей проявлялась здесь в более ярком виде, нежели в глубине города, и если специфическая «Инсмутская внешность» являлась не просто отражением состояния психики, а самой настоящей болезнью, то следовало предположить, что портовые районы попросту стали убежищем наиболее тяжелых и запущенных случаев таинственного недуга. Одно обстоятельство, однако, вызывало у меня особо острое раздражение — это были те самые разрозненные, смутные, неясные звуки, которые я слышал в самых неожиданных местах. По самой своей логи-

ке они вроде бы должны были исходить из жилых домов, однако странным образом ощущались наиболее явно именно поблизости от явно заброшенных, давно заколоченных построек. Там словно кто-то беспрерывно чем-то поскребывал, шелестел, шуршал, а изредка загадочно хрипел, отчего мне на ум пришли слова бакалейщика о неких таинственных подземных туннелях. Неожиданно я невольно задумался о том, как же на самом деле звучат голоса местных жителей. В этом квартале мне еще ни разу не довелось слышать человеческой речи, хотя, откровенно говоря, особого желания к тому даже и не возникало.

Дойдя лишь до двух некогда явно прекрасных, а ныне превращенных в развалины церквей на Мэйн- и Черч-стрит, я поспешил покинуть эти мерзкие портовые трущобы. Следующим пунктом моего путешествия должна была бы стать площадь Нью-Черч Грин, однако мне почему-то не хотелось снова проходить мимо той церкви, в дверном проеме которой я заметил проскользнувшую фигуру необъяснимым образом напугавшего меня священника или пастора в нелепой сутане и странной золотой тиаре. Кроме того, бакалейщик прямо предупреждал меня о том, что церкви и зал «Ордена Дэгона» были как раз теми самыми местами, рядом с которыми посторонним людям показываться лишний раз никак не следует. Поэтому я продолжил продвижение по Мэйн-стрит, потом свернул в сторону центра и благополучно подошел к Нью-Черч Грин с севера, после чего вступил на территорию основательно потрепанного района некогда аристократических Брод-, Вашингтон-, Лафайет- и Адамс-стрит. Несмотря на то, что эти некогда определенно величавые городские артерии ныне пребывали в крайне запущенном и неухоженном состоянии, их окруженное древними вязами пространство все еще хранило остатки былого достоинства. Я переводил взгляд с одного особняка на другой и видел, что многие из них пребывали в ветхом, убогом состоянии, перемежая собою обширные участки замусоренных пустырей, однако в двух-трех окнах, как мне показалось, я заметил некоторые признаки жизни. На Вашингтон-стрит стояла вереница из четырех или пяти таких домов, причем каждый находился в прекрасном состоянии, с изысканно подстриженными лужайками и садами. Самый шикарный из них — с широкими, расположенными террасами цветниками, тянувшимися до самой Лафайет-стрит, — как я понял, принадлежал старику Маршу, пресловутому владельцу золотоочистной фабрики. На

всех этих улицах я не заметил присутствия ни единого человека, и почему-то припомнил, что за все блуждание по городу мне на глаза не попадались ни собаки, ни кошки. Другое обстоятельство, которое не на шутку озадачило меня в облике даже наиболее хорошо сохранившихся и ухоженных домов, было то, что на всех их трех этажах, и даже в мансардах, окна были плотно закрыты ставнями. Скрытность и непонятная конспиративность являлись, пожалуй, неотъемлемыми чертами этого мрачного города забвения и смерти, хотя меня неотступно продолжало преследовать ощущение, что за мной буквально повсюду присматривает некий потаенный, внимательный и никогда не мигающий взгляд.

Я невольно вздрогнул, услышав с располагавшейся где-то левее от меня старинной звонницы троекратный удар надтреснутого колокола, и тут же отчетливо вспомнил очертания приземистой церкви, откуда донесся этот звук. Следуя по Вашингтон-стрит в направлении реки, я вступил в новую зону некогда процветавшей здесь промышленности и торговли. Вскоре я увидел впереди себя остатки развалившейся фабрики, затем еще нескольких аналогичных строений; в облике одного из них смутно угадывались остатки некогда существовавшей железнодорожной станции, а правее — крытого моста, по которому также были проложены рельсы.

Неподалеку от себя я увидел еще один мост, уже обычный — явно ненадежное ныне сооружение было украшено предупреждающим транспарантом, однако я решил все же рискнуть и вновь оказался на южном берегу реки, где отмечались признаки хоть какой-то жизни. Неприметные, вяло бредущие куда-то личности украдкой бросали в мою сторону косые взгляды, тогда как более нормальные лица взирали на меня с холодным любопытством. Определенно, Инсмут становился все более невыносимым и потому я направился по Пэйн-стрит в сторону главной площади в надежде найти там хоть какое-нибудь транспортное средство, способное доставить меня в Аркхэм еще до того, как настанет казавшийся мне столь далеким час отправления моего зловещего автобуса.

Именно тогда я обратил внимание на располагавшееся слева от меня полуразвалившееся здание пожарной станции, и сразу заметил старика с красным лицом, косматой бородой, водянистыми глазами и в неопикуемых лохмотьях, который, беседуя с двумя довольно неопрятными, но все же не показавшимися мне похожими на аборигенов пожарными, сидел на скамье рядом со

входом. Как я понял, это и был Зэдок Аллен — тот самый полусумасшедший, чуть ли не столетний выпивоха.

Глава 3

Пожалуй, я поддался какой-то неожиданной и извращенной прихоти, а может, просто уступил неведомому мне зову темного и зловещего прошлого — во всяком случае, я внезапно принял решение изменить ранее намеченные планы. Прежде я твердо намеревался ограничиться в своих исследованиях исключительно творениями архитектуры, хотя даже одного этого оказалось достаточно, чтобы у меня возникло страстное желание как можно скорее уехать из этого богопротивного города всеобщего упадка и разрухи. И все же при одном лишь взгляде на старого Зэдока Аллена мысли мои потекли по совершенно иному руслу и заставили меня невольно замедлить шаг.

Я был практически уверен в том, что старик не сможет повести меня ничего нового, разве что сделает несколько туманных намеков относительно каких-нибудь диких, наполовину бессвязных и невероятных легенд; более того, меня прямо предупреждали, что встречи и разговоры с ним могут быть весьма небезопасными. И все же мысль об этом древнем свидетеле омерзительного городского упадка, воспоминания которою простирались к годам некогда процветающего мореплавания и бурной промышленной активности, казалась мне настолько соблазнительной, что я попросту не мог устоять перед открывавшейся передо мной неожиданной перспективой. В конце концов, какими бы странными и безумными ни казались те или иные мифы, они, как правило, на поверку оказываются всего лишь символами или аллегориями всего того, что происходило на самом деле — а старый Зэдок, несомненно, был живым свидетелем всею того, что происходило в Инсмуте и вокруг него на протяжении последних девяноста лет. Короче говоря, любопытство одолело соображения осторожности и здравого смысла, и я с присущей молодости самонадеянностью посчитал, что мне все же удастся собрать разрозненные крупинки подлинной истории, отделив их от той мешанины словесного мусора, который, как я полагал, вывалится из чрева этою старика под воздействием доброй порции виски.

Я знал, что с ним не следует заговаривать прямо здесь и сразу, поскольку это, несомненно, не ускользнуло бы от внимания пожарных, и они могли бы каким-то образом воспрепятствовать осуществлению моих планов. Вместо этого я решил загодя запастись бутылкой соответствующего напитка, благо дело, юный бакалейщик подробно описал мне место, где подобный продукт водился в изобилии. После этого я намеревался с подчеркнуто праздным видом прохаживаться поблизости от пожарной станции в ожидании того момента, когда старый Эддок наконец отправится в свое очередное бесцельное блуждание по городу. Паренек также сказал, что старик отличается странной для его возраста неугомонностью и редко проводит на одном месте более часа, от силы двух.

Кварта виски и в самом деле оказалась вполне легкой, хотя и дороговатой находкой, которую я обрел в каком-то замызанном магазинчике на Эллиот-стрит. Лицо обслуживавшего меня грязноватого продавца несло на себе слабые признаки пресловутой «Инсмутской внешности», хотя манеры его в целом были достаточно учтивыми и вполне нормальными — пообтерся, наверное, за время долгого общения с жизнелюбивой публикой, к числу которой принадлежали водители грузовиков, скупщики золота и им подобные «чужаки», изредка посещавшие Инсмут.

Вновь вернувшись к пожарной станции, я увидел, что судьба и впрямь улыбнулась мне, поскольку из-за угла стоявшей на Пэйн-стрит мрачной гостиницы, которая, как я уже упоминал, называлась Джилмэн-хауз, шаркая, появилась высокая, изможденная фигура Эддока Аллена. В соответствии с заранее разработанным планом, я без труда привлек внимание старика тем, что оживленно помахивал только что приобретенной бутылкой, и вскоре обнаружил, что он изменил свой маршрут, и теперь волочил ноги уже где-то у меня за спиной, с тоской поглядывая на заветную приманку. Я же тем временем свернул на Уэйт-стрит и не спеша направился к заранее облюбованному и самому глухому и уединенному участку этого и без того безлюдного района.

Ориентируясь по самодельной карте, любезно предоставленной мне юным бакалейщиком, я уверенно держал курс на полностью заброшенный участок южной части портовых сооружений,

который уже имел неудовольствие посетить в этот день. Единственные люди, которых подметил мой внимательный взгляд, были сидевшие на отдаленном волноломе рыбаки, а пройдя несколько кварталов в южном направлении, я становился невидимым даже для них. Там я рассчитывал найти пару относительно сохранившихся скамеек или каких-нибудь других пригодных для сидения приспособлений, чтобы предаться пространной беседе с Эдоком Алленом. Однако еще до того, как я достиг Мэйн-стрит, у меня за спиной послышалось хриплое, надтреснутое «Эй, мистер!», после чего я обернулся, позволил старику наконец нагнать меня и сделать внушительный глоток из им же откупоренной бутылки.

Продолжая идти в окружении вездесущего запустения, я начал осторожный зондаж своего собеседника, однако вскоре обнаружил, что развязать ему язык было не столь просто, как я на то рассчитывал. Наконец я увидел довольно широкий проем между домами, который вел в направлении причалов между рассыпающимися кирпичными стенами, утопавшими в густых зарослях репейника и прочей сорной травы. Груды поросших мхом камней у самой кромки воды показались мне вполне пригодными для сидения, а кроме того, местечко это оказалось довольно надежно укрытым от посторонних взоров остовом некогда стоявшего здесь массивного склада. Именно здесь я намеревался приступить к тайной, душевной беседе со старым Эдоком, а потому уверенно повел своего путника к мшистым валунам. Запах гниения и разрухи был сам по себе достаточно отвратителен, а в смеси с одуряющей рыбной вонью казался и вовсе невыносимым, однако я твердо намерился вопреки любым обстоятельствам добиться поставленной цели. До отхода моего вечернего автобуса на Аркхэм оставалось около четырех часов, а потому я принялся выдавать старому забулдыге все новые и новые порции желанного напитка, тогда как сам ограничил себя довольно скудным сухим пайком, призванным заменить мне традиционный ленч. В своих подношениях я, однако, старался соблюдать известную меру, поскольку не хотел, чтобы хмельная словоохотливость Эдока переросла в бесполезное для меня ступорозное оцепенение. Примерно через час его уклончивая неразговорчивость стала постепенно давать трещины, хотя старик по-прежнему и к вящему моему разочарованию отклонял любые попытки перевести разговор на темы, связанные с Инсмутом и его покрытым мраком

прошлым. Он довольно охотно болтал на темы современной жизни, продемонстрировав неожиданно широкие познания в том, что касалось газетных публикаций, а также обнаружил явную склонность к философскому нравоучительству с типичным провинциально-деревенским уклоном.

Когда подходил к концу второй час подобного времяпрепровождения, я начал уже опасаться, что приобретенной мною квартиры окажется недостаточно для достижения желанного результата, и стал подумывать о том, не оставить ли его здесь, а самому сходить еще за одной бутылкой. И именно тогда, причем исключительно по воле случая, а отнюдь не в результате моих настоячивых расспросов, свистящий, хрипловатый голос старого пьянчуги заставил меня приблизиться к нему почти вплотную и напряженно вслушиваться буквально в каждое произнесенное им слово. Спина моя была обращена к пропахшему рыбой морю, тогда как старик сидел лицом к нему, и, видимо, что-то привлекло к себе его блуждающий взгляд и заставило пристальнее всмотреться в чернеющую полосу невысокого рифа Дьявола, который то скрывался, то внезапно снова отчетливо и даже завораживающе появлялся из-под волн. Увиденное зрелище, похоже, вызвало у него какое-то неудовольствие, поскольку он тут же разразился серией коротких ругательств, завершившихся доверительным шепотом и вполне осмысленным и понимающим взглядом. Он чуть подался вперед, ухватил меня за лацканы плаща и прошепел несколько слов, которые я достаточно хорошо разобрал и запомнил.

— Именно так все и началось — в этом проклятом месте. С глубоководья все и началось... Врата ада — в самой бездне, в пучине, дна которой ни каким лот-линем ни за что не достать. Только старому капитану Оубеду удалось это сделать — смог все же найти что-то такое, что оказалось даже для него слишком большим — на островах южных морей это было.

В то время все у нас здесь шло наперекосяк. Торговля катилась под гору, мельницы перестали приносить доход — даже новые, — а лучшие наши парни погибли в войне двенадцатого года или затерялись вместе с бригом «Элизи» или «Рэйнджером» — баржа такая была — оба Джилмену принадлежали. У Оубеда Марша было три судна — бригантина «Колумбия», бриг «Хетти» и барк «Суматранская королева». Он был единственный, кто плавал через Тихий океан и торговал с Ост-Индией, хотя Эсдрас

Мартин на своей шхуне «Малайская невеста» ходил даже дольше — до самого двадцать восьмого года.

Никто тогда не мог сравниться с капитаном Оубедом — о, старое сатанинское отродье! Ха-ха! Я помню еще те времена, когда он проклинал наших парней за то, что ходят в христианскую церковь и вообще терпеливо и покорно несут свою ношу. Любил повторять, что надо бы им найти себе лучших богов — как тем парням, что в Индии живут, — и тогда боги, якобы в обмен на поклонение, принесут нам много рыбы и по-настоящему откликнутся на наши мольбы.

Мэтт Элиот — его первый напарник был, — тоже много чего болтал, только он был против того, чтобы парни увлекались язычеством. Много рассказывал об острове к востоку от Отахайты, на котором полно всяких каменных развалин, да таких старых, что еще и свет не видывал. Вроде тех, что лежат в Понапее — это в Каролине, — но только с резными лицами, похожими на те, что на острове Пасхи. И еще там был один маленький островок — после вулкана остался, — и на нем тоже остались развалины, только резьба там уже другая была, а руины все такие, словно давным-давно под водой находились, и картинки на них резные — сплошные чудовища; все изрезанные...

Так вот, сэр, этот Мэтт сказывал, что тамошние жители, ловят столько рыбы, сколько их утроба вместить может, и все носят браслеты, побрякушки какие-то, и на голову украшения — и все резные, с картинками, вроде тех, что были на руинах на том маленьком острове — то ли рыбы-лягушки, то ли лягушки-рыбы, но все в разных позах, и вообще ходят как люди. И никак было не дознаться у них, откуда они все это взяли; а матросы все удивлялись, как это они могут столько рыбы ловить, когда даже на соседнем острове ее нет. Мэтт тоже голову ломал над этим, и капитан Оубед тоже. Оубед еще заметил тогда, что многие симпатичные молодые парни с этого острова вдруг куда-то исчезают — год назад были, и нет их, — а стариков там вообще почти нет. И еще ему показалось, что многие из тамошних парней чудные какие-то, лицом даже хуже туземцев- канаков.

В общем, потом Оубед все же дознался до правды. Не знаю, как он это сделал, но после этого стал торговать с ними в обмен на те золотые штучки, что они носили. Узнал, откуда они все родом, и не могут ли принести еще таких же золотых украшений, а в конце услышал от них историю про их старую вождя — Ва-

лакеа, так они его звали. Никто не мог, лишь капитан Оубед смог добраться до их желтолицего дьявола, да, только капитан мог читать их души как книги. Хе-хе! Никто теперь мне не верит, когда я об этом рассказываю, да и вы, молодой приятель, тоже, наверное, не поверите, хотя как посмотришь на вас — у вас такой же острый глаз, какой был у Оубеда.

Шепот старика стал почти неслышим, но я внутренне содрогался от его зловещих и, казалось, вполне искренних слов, хотя и понимал, что все это могло казаться не более, чем бреднями пьяницы. — Ну вот, сэр, Оубед узнал, что были там такие люди, которых на земле еще никто не видывал, — а даже если и услышит кто о них, все равно ни за что не поверит. Похоже на то, что эти самые канаки, или как их там звали, отдавали своих парней и девушек в жертву каким-то существам, что жили под водой, а взамен получали чего душе угодно. А встречались они с этими существами на маленьком острове, где были те развалины, и похоже на то, что те самые картинки с рыбами-лягушками, это то, на кого эти существа были похожи. И вообще, с них были сделаны эти рисунки. Может, они были чем-то вроде морских людей, от которых и пошли все эти рассказы про русалок. Под водой у них были всякие юрода, а остров этот они специально подняли со дна моря. Похоже, в каменных домах еще обитали какие-то живые существа, когда остров так вдруг поднялся на поверхность.

Именно поэтому канаки и решили, что те под водой живут. Увидели их и сильно перепугались тогда, а потом и сделку заключили, хотя давно это уже было.

Эти твари любили, когда люди приносили им себя в жертву. Веками их принимали, но со временем забыли путь наверх. Что они делали со своими жертвами, об этом я вам ничего не скажу, да и Оубед тоже, пожалуй, не тот человек, которого об этом надо спрашивать. Но для туземцев это все равно было выгодно, потому как трудные времена они тогда переживали, ничего у них не получалось. И они приносили свои жертвы дважды в год — в канун мая и дня всех святых, в общем, регулярно. И еще отдавали им кое-какие резные безделушки, которые сами же делали. А что существа эти давали им взамен — это рыбы до отвала — похоже, они ее им со всего моря сгоняли, — да еще золотые, или там похожие на золотые, побрякушки и всякие вещи.

Ну так вот, как я сказал, встречались они с этими существами на том вулканическом островке — на каноэ плыли туда, прихва-

тив свои жертвы, — а обратно привозили золотистые украшения. Поначалу эти существа никогда не выходили на главный остров, но со временем, и туда стали наведываться. Похоже на то, что им очень хотелось породниться с местными туземцами, даже вместе праздники стали справлять по большим дням — в канун мая и дня всех святых. Понимаете, похоже на то, что они могут жить как в воде, так и на суше — амфибии, так, кажется, называются. Канаки сказали им, что парни с других островов могут перебить их, если дознаются обо всех этих делах, но те им сказали, что их это не волнует, и что они, если захотят, могут сами перебить и вытравить всю человеческую расу, вроде того как однажды то же проделали какие-то Старожилы, кем бы они там ни были. Но сейчас им просто не хочется этого, вот потому они и лежат себе спокойно, когда кто-нибудь приплывает на остров.

Когда дело дошло до спаривания с этими рыбами-лягушками, то канаки поначалу поартачились, но потом узнали что-то такое, отчего иначе посмотрели на это дело. Вроде бы то, что люди, якобы, всегда находились в родстве с морским зверьем, что вообще человек когда-то вышел из моря, а потому надо устроить всего лишь небольшую переделку, чтобы все вернулось на свои места. Они и сказали канакам, что если потом пойдут дети, то сначала, пока молодые, они будут похожи на людей, а со временем станут все больше походить на этих существ, пока наконец совсем не уйдут под воду и не станут навечно жить там. И самое важное во всем этом, молодой человек, это то, что как только они станут рыбами и будут жить под водой, то превратятся в бессмертных. И существа эти сами по себе никогда не умирали, разве что если их убивали в какой-то схватке.

Ну так вот, сэр, похоже на то, что Оубед как-то дознался, что у этих канаков в жилах течет рыбаья кровь от этих глубоководных существ. Когда они старели и у них начинали появляться «рыбьи» признаки, они не показывались на людях, пока время не приходило — тогда они навсегда уходили жить в море. Были среди них и те, кто не так сильно был похож на тех существ, а некоторые вообще никогда не достигали той стадии, чтобы уйти под воду, но с основной частью происходило именно то, что говорили эти существа. Те, которые рождались похожими на рыб, преобразались совсем скоро, а те, что были почти как люди, иногда доживали на острове лет до семидесяти, и даже больше, хотя временами и они спускались под воду, чтобы, как говорится, потре-

нироваться в плавании. Те парни, что навсегда спустились под воду, иногда возвращались, чтобы навестить тех, что остались на суше, и иногда получалось, что человек разговаривает со своим прапра- в общем, пятикратным прадедом, который покинул землю несколько веков назад.

После этого все они позабыли про то, что такое смерть — за исключением гибели в войнах с племенами соседних островов, да жертвоприношений подводным богам; ну, разве еще если змея ядовитая укусит, или чума какая поразит, прежде чем они успеют спуститься под воду. В общем, стали они ждать-поджидать, когда же с ними произойдет превращение, которое на поверку оказалось не таким уж страшным. Просто прикинули и решили, что то, что приобретали, намного больше того, что при этом теряли, да и сам Оубед, как я понимаю, тоже пришел к такому же выводу, когда хорошенько помозговал над историей, которую рассказал им этот самый Балакеа. Что же до этого Балакеа, то он был одним из немногих, в ком совершенно не было рыбьей крови — он принадлежал к королевскому роду, который вступал в брак только с такими же царственными особами с соседних островов.

Балакеа показал и растолковал ему многие заклинания и обряды, которые надо совершать, когда имеешь дело с морскими существами, а также показал некоторых парней в деревне, которые уже начали постепенно терять человеческий облик. А от самих тварей, которые в море живут, не показал ни разу. Под конец он Дал ему какую-то смешную штуку, вроде волшебной палочки, что ли, сделанную из свинца или чего-то вроде того, и сказал, что при помощи ее можно будет заманивать рыбу откуда угодно и сколько хочешь. Вся идея заключалась в том, чтобы бросить ее в воду и произнести нужное заклинание, Балакеа разрешил пользоваться ею по всему свету, так что если кому-то где-то понадобится рыба, он может в любой момент поймать ее столько, сколько захочет.

Мэру вся эта история очень не понравилась, и он хотел, чтобы Оубед держался подальше от этого острова. Но капитан тогда уже помешался на этой затее, потому как обнаружил, что может по дешевке скупать золото, причем в таком количестве, что должен всерьез заняться этим бизнесом. Так продолжалось много лет кряду, и Оубед получил столько золота, что даже смог построить свою фабрику — как раз на том самом месте, где была старая мельница Уэйти. Он решил не продавать золото в том виде, в каком оно к нему попадало, то есть в этих цацках, поскольку

могли возникнуть всякие вопросы. И все же члены его экипажа иногда толкали налево какую-нибудь побрякушку, хотя он и взял с них слово молчать; да и сам иногда позволял своим женщинам что-нибудь поносить, но только выбирал, чтобы было похоже на человеческие украшения.

Ну вот, так продолжалось до тридцать восьмого — мне тогда было семь лет, — когда Оубед обнаружил, что от тех островитян почти никого не осталось. Похоже на то, что люди с других островов почуяли, откуда ветер дует, и решили взять все это под свой контроль. Как знать, может они сами порастаскивали все те волшебные знаки, которые, как говорили сами морские существа, были для них важнее всего. Люди они были набожные, а потому не оставили там камня на камне — ни на главном острове, ни на маленьком вулканическом островке, — кроме разве лишь самых крупных развалин, к которым и подступиться-то было трудно. В некоторых местах там потом находили такие маленькие камушки, вроде талисманов, что ли, а на них нарисовано было то, что сейчас называют, кажется, свастикой. Может, это были знаки самих Старожилов. Все парни того племени поразбредлись кто куда, от золотых вещей тоже никаких следов не осталось, а про самих этих канаков даже словом боялись обмолвиться. Вообще стали говорить, что на том острове никогда и в помине не было людей.

Для Оубеда все это, разумеется, было страшным ударом — видеть, в какой упадок пришла вся его торговля. Да и по всему Инсмуту рикошетом отскочило, потому как во времена мореплавания если капитану жилось хорошо, то и команда чувствовала себя не худо. Большинство мужчин совсем приуныли и стали списываться на берег, но и там проку было мало, потому как рыбная ловля пошла на убыль, да и мельницы, можно сказать, почти не работали.

Вот тогда-то Оубед и стал поносить всех и проклинять на чем свет стоит за то, что, дескать, верили в своего христианского бога, да что-то не очень он им помог за это. А потом стал рассказывать им про других людей, которые молились другим богам, зато получали за это все, что душе было угодно. И еще сказал, что если найдется кучка крепких парней, которые согласятся пойти за ним, то он попробует сделать так, чтобы снова появились и золото, и рыба. Разумеется, они плавали с ним на «Суматранской королеве», видели те острова и потому понимали, о чем идет речь. Поначалу им не очень-то хотелось столкнуться с теми существами, о которых они были много наслышаны, но поскольку сами

они толком ничего не знали, то постепенно стали верить Оубеду и спрашивать его, что им надо сделать, чтобы все стало как прежде, чтобы вера их принесла им то, чего они хотели.

В этом месте старик совсем затих, стал что-то почти беззвучно бормотать себе под нос и впал в состояние напряженной и явно боязливой задумчивости. Время от времени он тревожно поглядывал себе через плечо, а иногда устремлял нервный взгляд в сторону маячившего в отдалении черного рифа. Я попытался, было, заговорить с ним, но он ничего не ответил, и я смекнул, что надо позволить ему прикончить бутылку. Как ни странно, меня крайне заинтересовали все эти безумные небылицы, поскольку, как мне казалось, они представляли собой огрубленные аллегории, основывавшиеся на всех жизненных перипетиях Инсмута, а в дальнейшем приукрашенные богатым воображением, во многом подпитанным обрывками из старинных легенд. Разумеется, я ни на секунду не допускал мысли о том, что его рассказ имел под собой сколь-нибудь реальную почву, и все же следовало признать, что повествование это было наполнено самым неподдельным ужасом, хотя бы по той простой причине, что в нем упоминались странные ювелирные украшения, столь явно схожие со зловещей тиарой, которую я видел в Ньюбэрипорте. Возможно, эти драгоценности действительно привозились с какого-то далекого и уединенного острова, а кроме того, нельзя было исключать, что автором всех этих диких подробностей был отнюдь не мой горький пьяница, а сам покойный капитан Оубед.

Я протянул Зэдоку бутылку и он осушил ее до последней капли. Мне было странно наблюдать то, что алкоголь, похоже, ничуть не забирал старика, поскольку в его голосе совершенно не чувствовалось характерных для пьяных людей глухих, хриловатых ноток. Он облизнул горлышко бутылки и спрятал ее в карман, после чего начал кивать и что-то еле слышно нашептывать себе под нос. Я наклонился поближе к нему, стремясь уловить хотя бы слово, и мне показалось, что под густыми, пожелтевшими усами промелькнуло некое подобие сардонической ухмылки. Он и в самом деле что-то говорил, и мне удалось довольно неплохо расслышать все, что он пробормотал. — Бедный Мэтт... он всегда был против этого... пытался привлечь парней на свою сторону, а потом подолгу беседовал с пастором... все было бестолку... сначала они прогнали из города протестантского священника, потом методистского; с тех пор я ни разу не видел нашего

Неистового Бэбкока — он заправлял прихожанами-баптистами. О, Игова, дождутся они гнева твоего! Сам я тогда еще совсем щенком был, но все равно видел и слышал все, что там творилось. Дэгон и Ашторет — Сатана и Вельзевул... Идолы Канаана и филистимлян... страхи вавилонские — Мене, мене текел упарсин...

Он снова умолк и по взгляду его водянистых глаз я понял, что спирт все же брал свое — старик действительно был близок к ступорозному состоянию. Однако, стоило мне легонько потрясти его за плечо, как он с неожиданной живостью повернулся ко мне и снова принялся бормотать что-то почти невразумительное. — Ну как, не поверили мне, да? Хе-хе-хе, но тогда скажите, молодой человек, зачем капитан Оубед и двадцать его парней взяли за правило плавать глухими ночами к рифу Дьявола и хором распевать там свои песни, да так громко, что при соответствующем ветре их можно было даже в городе. услышать? Ну, что вы мне на это ответите? И еще скажите, зачем он всегда бросал в воду какие-то тяжелые предметы, причем по другую сторону рифов, на глубине, где подводная их часть обрывается в бездну, да такую, что еще никому не удавалось до дна достать? Скажите, что он сделал с той свинцовой штуковиной, которую ему дал Валакеа? Ну как, юноша? И что они там выкрикивали, когда собирались в канун мая и еще перед днем всех святых, а? И почему новые церковные пасторы — в прошлом матросы — носят свои диковинные наряды и надевают на голову всякие золотые украшения вроде тех, что привозил капитан Оубед? Ну как, можете вы на все это мне ответить?

Сейчас его водянистые глаза смотрели на меня почти враждебно, пылая маниакальным блеском, а грязная седая борода даже поблескивала, словно наэлектризованная, Старый Зэдок, похоже, заметил, как я невольно отпрянул назад, потому что тут же зловеще захихикал, — Э-хе-хе-хе! Ну как, начинаете соображать? Может, хотели бы оказаться на моем месте в те дни, когда я по ночам глазел на море, стоя на крыше своего дома? И потом, скажу я вам, маленькие дети всегда любят подслушивать, так что я был в курсе всего, о чем судачили в те времена, что говорили про капитана Оубеда и тех парней, которые плавали на риф! Хе-хе-хе! А что вы скажете насчет той ночи, когда я тайком взял старую отцовскую подзорную трубу, принес ее на крышу и увидел через нее, что весь риф усеян какими-то блестящими существами, которые, как только взошла луна, сразу же попрыгали в воду? Оубед с парнями только еще плыли на лодке, а те твари уже соскочили в воду,

причем с другой, глубоководной стороны рифа, и назад больше не вернулись... Что бы вы сказали, если бы сами оказались на месте щенка, видевшего все эти фигуры, которые вовсе и не были человеческими фигурами?... Ну, как вам это?... Хе-хе-хе...

У старика определенно начиналась истерика, а меня всего вдруг начало колотить от непонятно откуда нахлынувшей тревоги. Потом он опустил свою искривленную лапу мне на плечо, и я понял, что он тоже отчаянно дрожит, причем отнюдь не от безудержного веселья. — А представьте себе, что однажды ночью вы видите, как Оубед отправился к рифу на своей лодке, груженной чем-то большим и тяжелым, а на следующий день все узнают, что из одного дома пропал молодой парень. Хей! Видел ли кто хотя бы раз после этого Хирама Джилмена, или Ника Пирса, или Луэлли Уэйта, или Адонирама Саусвика, или Генри Гаррисона? Хе~хе, хе, хе... Существа эти изъяснялись при помощи знаков, которые подавали своими руками... а руки у них, похоже, ловкие были...

Ну так вот, сэр, именно тогда-то Оубед и стал снова подниматься на ноги. Люди видели на трех его дочерях такие украшения, которых у них в жизни не было, да и дымок стал куриться над его фабрикой. И другие парни тоже зажили припеваючи — рыбы в гавани стало хоть пруд пруди, и видели бы вы, какие пароходы с грузом мы снаряжали перед их отправкой в Аркхэм, Ньюбэрипорт и Бостон. Именно тогда Оубед снова восстановил старую железную дорогу. Несколько рыбаков из Кингспорта прослышали про невиданные уловы здешних парней и наведались сюда на своем шлюпе, да только все они куда-то пропали, так что никто их с тех пор не видел. Вот тогда-то наши парни и организовали этот самый «Тайный орден Дэгона», прикупив для него здание старой масонской ложи... Хе,хе,хе,хе! Мэтт Элиот был масоном и возражал против того, чтобы дом продавали им, но вскоре и он куда-то исчез.

Помните, я говорил, что поначалу Оубед ничего не хотел менять в жизни островитян- канаков? Думаю, что сначала у него и в мыслях не было заниматься каким-то скрещиванием с этим племенем, не надо ему было выращивать людей, которые будут уходить под воду ради бессмертной жизни. Все, что ему требовалось, это золото, за которое он готов был платить большую цену, и те, другие, тоже вроде бы некоторое время этим ограничивались...

В сорок шестом в городе, однако, начали кое над чем задумываться. Слишком часто стали пропадать люди, очень уж дикие

стали читаться проповеди на воскресных соборисах и чересчур много разговоров пошло об этом самом рифе. Кажется, и я тоже приложил к этому свою руку — рассказал члену городского управления о том, что видел с крыши своего дома. Как-то однажды они — то есть Оубед и его парни — организовали на рифе что-то вроде сходки, и до меня донеслась какая-то пальба, которая велась между несколькими лодками. На следующий день Оубед и еще тридцать два его человека оказались в тюрьме, а все вокруг гадали и толковали, в чем там дело и какое обвинение им могут предъявить. О, Боже, если бы хоть кто-нибудь смог заглянуть вперед... хотя бы на несколько недель, в течение которых никто не исчезал и никого не сбрасывали в море.

Зэдок все больше выказывал признаки страха и утомления, а потому я дал ему возможность немного передохнуть, хотя между делом с тревогой поглядывал на часы. Приближалось время прилива и усилившийся шелест волн, казалось, отчасти привел его в чувство. Лично я был даже рад этому приливу, поскольку надеялся, что на большой воде не столь резко будет ощущаться омерзительный рыбный запах. Между тем я снова стал внимательно вслушиваться в его шепот.

— В ту ужасную ночь... я увидел их. Я снова был у себя на крыше... скопления их... чуть ли не настоящие толпы покрывали своими телами поверхность всего рифа, а потом поплыли через гавань в сторону устья Мэнаксета... Боже, что творилось в ту ночь на улицах Инсмута... они колотили в наши двери, но отец не открывал... Толпы мертвецов и умирающих... выстрелы и вопли... крики на старой площади и центральной площади в Нью-Черч Грин — ворота тюрьмы нараспашку... какое-то воззвание... измена... все это называли чумой, когда люди вошли внутрь и обнаружили, что половина наших парней отсутствует... никто не спасся, только те, что были с Оубедом, и еще эти существа, или кто там они были... а потом все успокоилось, хотя больше своего отца я никогда не видел...

Старик тяжело дышал, лоб его покрылся обильной испариной, рука, сжимавшая мое плечо, напряглась. — Наутро все выяснилось — но после них остались следы... Оубед взял все под свой контроль и сказал, что намерен многое изменить... сказал, что остальные тоже будут молиться с ними в назначенный час, а в некоторых домах появятся, как он сказал, гости... им хотелось смешаться с нашими людьми, как они поступили с канаками,

и никто не мог остановить их. Далеко зашел этот Оубед... словно совсем взбесился. Говорил, что они принесут нам все — рыбу, со-кровища, но и мы дадим им все, чего они пожелают...

Внешне как будто ничего не изменилось, только нам приходилось вести себя с этими чужаками совсем смирно, если, конечно, жизнь была дорога.

Всем нам пришлось принести присягу на верность Ордену Дэгона, а потом пришел черед второй и третьей клятв, которые кое-кто из нас тоже произнесли. За все это они могли оказать какую-нибудь услугу, или наградить чем-нибудь особым — золотом или вроде того, а сопротивляться им было бесполезно — их ведь там, под водой, целые полчища. Обычно они не поднимались на поверхность и не трогали людей, но если что-то понуждало их к этому, то тогда сладу с ними не было никакого. Мы не дарили им резных амулетов, как это делали туземцы из южною моря, но и не знали, что им надо, потому как канаки не раскрывали ни перед кем своих секретов.

От нас требовалось только регулярно приносить им кого-нибудь в жертву, снабжать всякими дикими безделушками да еще давать приют в юрде — вот тогда они готовы были оставить нас в покое. И еще они терпеть не могли посторонних, чужаков, чтобы слухи о них не просочились за пределы города — новому человеку прежде надо было помолиться за них. Так все мы и оказались в этом «Ордене Дэгона» — зато дети никогда не умирали, а просто возвращались назад к матери Гидре и отцу Дэгону, от которых мы все когда-то произошли... Йа! Йа! Ктулху фхтагн! Ф'нглуи мглв'тафх Ктулху Р'лия вгах-нагл фхтагн...

Старый Зэдок быстро впадал в состояние полного бреда, тогда как я продолжал сидеть, затаив дыхание. Несчастный старик — до каких галлюцинаций довел его хмель, а плюс ко всему это окружающее запустение, развал и хаос, сокрушившие столь богатый на выдумку разум! Вскоре он застонал и по ею изборожденным глубокими морщинами щекам заструились слезы, терявшиеся в густой бороде. — Боже, что же довелось мне повидать с той поры, когда я был пятнадцатилетним мальчишкой. Мене, мене, текел, упарсин! Как исчезали люди, как они накладывали на себя руки — когда слухи об этом достигали Аркхэма, Ипсвича, или других городов, там считали, что мы здесь все с ума посходили, вот как вы сейчас считаете, что я тоже помешался... Но Боже мой, что мне довелось повидать за свою жизнь! Меня

бы уже давно прикончили за все то, что я знаю, только я успел произнести вторую клятву Дэгона, а потому меня нельзя трогать, если только их суд не признает, что я сознательно рассказал о том, что знаю... но третью клятву я не произнесу — я скорее умру, чем сделаю это...

А потом, примерно когда Гражданская война началась, стали подрастать дети, которые родились после того сорок шестого года, да, некоторые из них... Я тогда сильно перепугался и никогда больше после той ужасной ночи не подсматривал за ними, и больше никогда их не видел — на всю жизнь тогда насмотрелся. Нет, ни разу больше не видел, ни одного. А потом я пошел на войну, и если бы у меня хватило тогда ума, то ни за что бы не вернулся в эти места, уехал бы потом куда глаза глядят, только подальше отсюда. Но парни написали и мне, что дела идут в общем-то неплохо, Это, наверное, потому, что после шестидесяти третьего в городе постоянно находились правительственные войска. А как война закончилась, снова настали черные времена. Люди стали разбегаться — мельницы не работали, магазины закрывались, судходство прекратилось, гавань словно задышалась — железная дорога тоже остановилась. Но они...они никогда не переставали плавать вверх и вниз по реке, туда-сюда, постоянно прибывая со своего проклятого, сатанинского рифа — и с каждым днем все больше окон заколачивалось, а из домов, в которых вроде бы никто не должен жить, раздавались какие-то звуки...

Люди из других мест часто рассказывают про нас всякие истории — да и вы тоже, как послушаешь ваши вопросы, видать, наслышаны. Говорят обо всяких странных вещах, которые им вроде бы то там, то здесь мерещатся, или об украшениях, которые непонятно откуда взялись и неясно из чего сделаны. Но всякий раз никто не говорит ничего конкретного. Никто ничему не верит. Все эти золотые драгоценности называют пиратским кладом, говорят, что люди в Инсмуте больные, или вообще не в себе. А те, кто живет здесь, тоже стараются пореже встречаться с незнакомцами и чужаками, побыстрее выпроводить их отсюда, советуют поменьше совать нос куда не следует, особенно в вечернее время. Собаки всегда лаяли на них, лошади отказывались везти, хотя когда машины появились, все опять стало нормально.

В сорок шестом капитан Оубед взял себе новую жену, которую никто в городе ни разу не видел. Поговаривали, что он вроде бы сам-то не хотел, да ОНИ заставили, а потом прижил от нее

троих детей: двое еще молодыми куда-то исчезли а третья — девушка — внешне совсем нормальная, как все, даже в Европу ездила учиться. Оубед потом обманным путем выдал ее за одного парня из Аркхэма — тот ни о чем даже не догадался. Но на большой земле с Инсмутскими парнями никто не желает сейчас иметь дело. Барнаба Марш, который сейчас заправляет делами фабрики, является внуком Оубеда и его первой жены, но отец его — Оне-сифор, старший сын Оубеда — тоже женился на одной из них, причем с тех пор ее никто даже в глаза не видел.

Сейчас для Барнабы как раз настало время превращения. Веки на глазах сомкнуть уже не может, да и весь меняется. Говорят, одежду он пока носит, но скоро спустится под Воду. Может, уже и так пробовал — они иногда это делают, для разминки, что ли, а уж потом спускаются окончательно. На людях его не видели уже восемь, а то и все десять лет. Не знаю, как с ним живет его бедная жена — она сама родом из Ипсвича, а его лет пятьдесят назад чуть не линчевали, когда он пытался за ней ухаживать. Сам Оубед умер в семьдесят восьмом, да и от следующего за ним поколения тоже в живых никого не осталось — дети от первой жены умерли, а остальные... Бог знает... Рокот приливных волн становился все громче, и по мере, усиления прилива настроение старика постепенно менялось от сентиментальной слезливости к настороженности и даже страху. Время от времени он делал паузы в своем рассказе и все так же оглядывался через плечо, или бросал взгляды в сторону рифа, и, несмотря на всю абсурдность его рассказа, я не мог избавиться от ощущения, что также разделяю его настороженность. Вскоре голос его зазвучал громче, как-то пронзительнее, словно он пытался за счет напряжения голосовых связок хоть немного приободрить себя. — Ну, а вы-то сами что ничего не скажете? Как вам самому-то живется в таком городе, где все гниет и разваливается, за заколоченными дверьми кто-то копошится, кричит, свистит, ползает по темным подвалам и чердакам, а вам самому то и дело хочется оглянуться? А? Как нравится каждую ночь слышать какое-то завывание, что доносится со стороны зала «Ордена Дэгона», и догадываться, какие звуки примешиваются к этому вою? По душе ли слышать все эти песнопения, что долетают в канун мая и в день всех святых со стороны нашего ужасного мыса? Как вам все это? Или считаете, что старик совсем спятил, а? Так вот, скажу вам, молодой человек, что все это еще не самое худшее!

Сейчас Зэдок уже почти срывался на крик, причем безумные интонации его голоса начинали всерьез пугать меня. — И не надо тарашиться на меня такими глазами — я сказал Оубеду Маршу, что он попадет в ад и навсегда там останется! Хе-хе... В аду, вот и все! И до меня ему не добраться — я ничего такого не сделал и никому ни о чем не рассказывал...

А вы, молодой человек?... Ну ладно, если раньше никому не рассказывал, то вам сейчас расскажу! А вы сидите спокойно и слушайте, да, слушай меня, сынок, — я об этом еще никому не рассказывал... Я сказал, что после той ночи никогда больше за ними не подглядывал — но я все равно кое-что разузнал! Хочешь узнать, что такое настоящий кошмар, а? Ну так вот, самый настоящий кошмар, это не то, что эти морские дьяволы уже сделали, а что они еще только собираются сделать! Они годами приводили в город своих тварей, которых поднимали с самых морских глубин — в последнее время, правда, стали чуть реже это делать. Дома, что стоят к северу от реки между Уотер- и Мэйн-стрит, просто кишат ими — самими дьяволами и теми, которых они приволокли с собой; и когда они будут готовы... сказал, когда они подготовятся..! Ты слышишь меня?! Говорю тебе, я знаю, что это за твари — я видел их однажды ночью, когда... иех-аххх-ах е'яххх... Вопль старика прозвучал настолько неожиданно и был наполнен таким нечеловеческим страхом, что я едва не свалился в обморок. Его глаза, устремленные мимо меня в сторону зловонного моря, были готовы буквально вылезти из орбит, тогда как на лице запечатлелся ужас, достойный персонажа греческой трагедии. Костлявая рука старика с чудовищной силой впилась мне в плечо, но сам он даже не пошевелился, когда я также повернулся, желая посмотреть, что же такое он там разглядел.

Мне показалось, что я не вижу ничего особенного. Разве что полоса приливной волны в одном месте оказалась чуть уже и словно внезапно подернулась мелкой рябью, тогда как окружавшие ее волны были одинаково ровными и гладкими. Но теперь уже сам Зэдок лихорадочно затряс меня — я повернулся, чтобы увидеть, в какую маску трагического ужаса превратилось его лицо, а сквозь подрагивающий шепот наконец прорвался и настоящий голос: — Уходи отсюда! Уходи скорее! Они увидели нас — уходи и спасай свою жизнь! Не теряй ни минуты — теперь они уже знают... Беги, скорее, уноси ноги из этого города...

Еще одна тяжелая волна выплеснулась на осыпающийся остов некогда существовавшего здесь причала, и тотчас же приглушенный шепот старика перерос в новый нечеловеческий, леденящий кровь вопль: «Й-яаахххх!... яхаааааа!...»

Прежде, чем я успел хотя бы немного прийти в себя, он ослабил хватку, снял с моего плеча свою ладонь и ошалело бросился в сторону улиц, чуть забирая к северу, чтобы обогнуть развалины старой складской стены.

Я снова посмотрел на море, но теперь там уже точно ничего не было; затем поднялся, вышел на Уотер-стрит и глянул вдоль нее в северном направлении, хотя там, похоже, уже простыл и след Зэдока Аллена.

Глава 4

Едва ли мне удастся описать то настроение, которое произвел на меня этот эпизод — мучительный, жалкий, но одновременно безумный, какой-то гротескный, вселяющий ощущение непередаваемого ужаса. Паренек из бакалейной лавки предупреждал меня, что может произойти нечто подобное, и все же реальность превзошла все мои ожидания, вызвав в душе чувство полнейшего смятения и глубокой тревоги. Какой бы наивной ни казалась мне услышанная история, явная искренность тона и неподдельный страх Зэдока передались и мне, вызвав все более усиливающееся беспокойство, слившееся воедино с моим прежним отвращением и к этому городу, и к зависшей над ним мрачной тени порока и гибели.

Возможно, позже мне удастся тщательно просеять все полученные сведения и отобрать среди них крупницы истины, отделив их от наслоений исторических аллегорий, хотя тогда мне хотелось лишь одного — по крайней мере на время выкинуть все это из головы. К счастью, срок назначенного отъезда приближался с отрадной неотвратимостью — мои часы показывали пятнадцать минут восьмой, — а потому я постарался настроить свои мысли на самый что ни на есть нейтральный и практический лад, и быстро зашагал по пустынным улицам в направлении гостиницы, чтобы забрать свой багаж и сесть на долгожданный автобус, который должен был отправиться ровно в восемь.

Несмотря на то, что золотистый свет усталого летнею солнца придавал древним крышам и осыпающимся дымоходам оттенок некоей романтической прелести и даже умиротворенности, я почему-то то и дело робко оглядывался через плечо. Что и говорить, я горел желанием как можно скорее покинуть этот пропахший зловонием и окутанный страхом Инсмут, и очень рассчитывал на то, что в юроте все же отыщется еще какой-нибудь автобус помимо того, которым управлял зловещего вида парень по фамилии Сарджент. Впрочем, несмотря на всю свою спешку, я все же изредка оглядывался по сторонам и замечал, что буквально с каждой тихого угла окружавших меня улиц открывался вид на какую-нибудь примечательную архитектурную деталь, тем более, что по приблизительным подсчетам, мне вполне должно было хватить получаса, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее меня от гостиницы.

Изучая предоставленную мне бакалейщиком импровизированную схему города и стараясь отыскать маршрут, которым мне до этого еще не доводилось воспользоваться, я вместо уже знакомой мне Марш-стрит решил добраться до городской площади по другой улице. Уже на подходе к ней я заметил несколько разрозненных групп каких-то людей, которые, как мне показалось, о чем-то тайком перешептывались друг с другом, а затем, достигнув площади, увидел, что у дверей Джилмэн-хауза собралась довольно внушительная толпа праздной на вид публики. Пока я получал свой багаж, они, казалось, не сводили с меня своих выпученных, водянистых, немигающих глаз, а потому я искренне, хотя во многом и безосновательно понадеялся на то, что они не окажутся моими спутниками в предстоящем путешествии.

Где-то незадолго до восьми показался грохочущий автобус, в салоне которого сидело три пассажира. Когда он остановился, один из парней с подчеркнуто грозным видом подошел к спустившемуся на тротуар водителю и пробормотал ему несколько неразборчивых слов. Затем Сарджент выволок из салона пакеты с почтой и газетами и прошел в фойе гостиницы, тогда как пассажиры — та же троица, которую я имел возможность наблюдать утром в Ньюбэрипорте, — прошаркала к тротуару и обменялась несколькими гортанными словами со стоявшими там бездельниками, причем то, что мне удалось услышать из их реплик, никак не походило на английский язык. Я поднялся в салон и занял то же самое место, на котором ехал сюда, однако еще до того как

мне удалось как следует устроиться, вновь появился Сарджент, принявшийся что-то бормотать своим хриловатым, надтреснутым и в целом довольно мерзким голосом.

Как вскоре выяснилось, мне чертовски не повезло. По его словам, что-то случилось с двигателем — пока ехал из Ньюбэрипорта, все, вроде бы, было в порядке, а сейчас вот взял и забарахлил, так что ехать на таком автобусе в Аркхэм никак нельзя. Увы, до конца дня починить его не удастся, а кроме него в городе сейчас нет никакого свободного транспорта, на котором можно было не то, чтобы до Аркхэма добраться, а и вообще куда-то уехать из Инсмута. Сарджент еще некоторое время выражал свое сожаление, однако мне не оставалось ничего иного, как заночевать в заведении Джилмэна. Как знать, может мне удастся договориться о приемлемой цене за номер, однако это и в самом деле оставалось единственным, что я мог сделать в сложившейся ситуации.

Охваченный горькой тоской от столь неожиданного крушения всех моих планов, и отчаянно ненавидя саму мысль о том, что придется провести ночь в этом затхлом, полутемном городе, я спустился из автобуса и вновь вошел в вестибюль гостиницы, где мрачноватый и довольно странный ночной клерк сказал мне, что я могу остановиться в номере 428.

Располагался он на предпоследнем этаже, по его словам, был довольно просторным, цена была вполне подходящей, всего один доллар в сутки.

Подавляя в себе все воспоминания о том, что мне довелось услышать в Ньюбэрипорте об этой гостинице, я расписался в книге гостей, уплатил доллар и позволил портье отнести свой чемодан. После этого я и сам поплелся вслед за угрюмым служителем наверх, преодолев три пролета поскрипывающих лестничных ступеней и пройдя по запыленным коридорам, в которых, как мне показалось, не было заметно ни малейших признаков жизни. Предназначавшаяся мне комната оказалась довольно мрачной, с самой простой, дешевой мебелью и двумя окнами, выходившими на довольно темный, окаймленный невысокой кирпичной стеной внутренний двор. Чуть выше проступала панорама тянувшихся в западном направлении ветхих крыш, а за ними в отдалении маячили просторы заболоченной сельской местности. В дальнем конце коридора располагалась ванна — гнетущее, чуть ли не античных времен помещение с древним мраморным умывальником, жестяным обогревателем, тусклой электриче-

ской лампочкой и заплесневелыми деревянными панелями, едва прикрывавшими водопроводные трубы.

Поскольку было еще довольно светло, я снова вышел на площадь и огляделся в поисках места, где можно было бы поужинать, по-прежнему ловя на себе крайне недружелюбные взгляды праздных зевак. С учетом того, что лавка знакомого бакалейщика была уже закрыта, мне пришлось воспользоваться услугами того самого ресторана, который был отвергнут мною поначалу. Согбенный, узкоголовый мужчина со ставшими уже почти для меня привычными выпученными, немигающими глазами да плосконосая девица с неимоверно толстыми и неуклюжими руками взялись за мое обслуживание. К своему немалому облегчению я обнаружил, что основная часть продуктов, которыми пользовались в этом заведении, представляла из себя консервы и расфасованные пакеты.

С меня хватило миски овощного супа с крэкерами, сразу после чего я вернулся в свою унылую комнату, предварительно купив у по-прежнему угрюмою портье лежавшие на рахитичной стойке вечернюю газету и какой-то засиженный мухами журнал.

Когда стало смеркаться, я включил чахлую электрическую лампочку, висевшую над изголовьем дешевой металлической кровати, и попытался продолжить начатое ранее чтение. Мне хотелось чем угодно занять свой мозг, поскольку я отчетливо понимал, что не испытаю никакого удовольствия, если стану и дальше терзать себя мыслями обо всех уродствах этого древнего, изъеденного следами порчи города, тем паче, что я все еще находился в его полной власти. Безумная история, которую мне довелось услышать из уст престарелого пьяницы, отнюдь не сулила приятных сновидений, а потому я решил, что чем реже буду вспоминать его дикие, водянистые глаза, тем будет лучше.

Помимо этого я решил не особенно сосредоточивать свое внимание на том, что неизвестный мне фабричный инспектор рассказал кассиру железнодорожного вокзала в Ньюбэрипорте о Джилмэн-хаузе и призрачных голосах его ночных постояльцев. Было бы гораздо лучше и спокойнее также вытеснить из своего сознания образ того человека в тиаре, которого я заметил в черном дверном проеме местной церкви — лицо это переполняло меня таким ужасом, что новые воспоминания о нем причинили бы моему рассудку лишние и совершенно ненужные страдания. Возможно, мне действительно удалось бы отвлечься от столь безрадостных дум, не будь окружавшая меня обстановка гости-

ничного номера столь неприглядной и затхлой. Именно эта могильная заплесневелость в сочетании с всепроникающим, зловонным и, казалось, пропитавшим весь город рыбьим запахом, вновь и вновь подталкивала мой утомленный рассудок к мыслям о смерти и разложении.

Другое обстоятельство, которое вызвало у меня немалое беспокойство, заключалось в том, что на внутренней стороне двери моей комнаты не было никакой защелки или задвижки. Первоначально таковая существовала, о чем отчетливо свидетельствовали оставшиеся следы от шурупов, однако сравнительно недавно запоры почему-то были сняты. Скорее всего, по причине их поломки — в столь ветхом строении буквально на каждом углу встречались какие-то дефекты и неисправности. Несколько раздосадованный данным обстоятельством, я принялся осматривать комнату и вскоре, к своему немалому удивлению, обнаружил лежавшую на шкафу для белья дверную задвижку, причем, судя по расположению отверстий на ней и на двери, мне показалось что это была именно та, недавно снятая. Чтобы хотя бы немного отвлечься от мрачных раздумий и переживаний, я принялся прилаживать задвижку на прежнее место, для чего воспользовался портативным и весьма удобным набором инструментов, в который входила и отвертка, и с которым я никогда не расставался во время своих поездок. Задвижка и в самом деле встала точно на свое прежнее место, и я облегченно вздохнул, когда обнаружил, что смогу перед сном относительно надежно запереть дверь. Дело было даже не в том, что я имел какие-то реальные опасения на этот счет — просто, находясь в заведениях подобного типа и класса, всегда приятно иметь перед глазами хоть какой-то атрибут, любой, пусть даже самый примитивный символ безопасности. На двух боковых дверях, соединявших мой номер с соседними, задвижки были на месте, но я все же позаботился о том, чтобы как следует подвинтить удерживающие их шурупы.

Раздеваться я все же не осмелился, а просто снял плащ, галстук и обувь, и вознамерился читать до тех пор, пока сон окончательно не сморит меня. Вынув из чемодана карманный фонарь, я переложил его в карман брюк, чтобы иметь возможность взглянуть на часы, если неожиданно проснусь посреди ночи. Сон, однако, никак не приходил. Когда я прекратил анализировать свои мысли, то к собственному неудовольствию обнаружил, что словно непроизвольно к чему-то прислушиваюсь — совершенно не-

понятному и одновременно жутковатому. Похоже, рассказ того инспектора все же оказал на меня более тревожное впечатление, нежели мне казалось прежде. Я снова попытался, было, читать, но вскоре обнаружил, что не способен воспринять и строчки.

Спустя некоторое время мне показалось, что я и в самом деле слышу доносящееся из коридора размеренное поскрипывание ступеней и половиц, как если бы по ним кто-то шел, и невольно удивился тому, что именно в столь поздний час комнаты гостиницы вдруг стали заполняться постояльцами. Голосов, правда, слышно не было, и до меня внезапно дошло, что пол поскрипывает как-то необычно, словно передвигающийся по нему человек — или даже несколько людей — стараются ступать как можно более тихо, буквально крадучись. Мне это определенно не понравилось и я всерьез засомневался, стоит ли в подобной ситуации вообще стараться заснуть. Как я, уже успел убедиться, город был населен поистине странными типами, а кроме того здесь, насколько мне было известно, уже отмечались случаи загадочного исчезновения людей. Не была ли эта гостиница вообще именно тем заведением подобного рода, где человека могут запросто убить, хотя бы ради денег? (По мне, правда, едва ли можно было сказать, что я купаюсь в роскоши и набит деньгами), Или, может, местные жители подобным диковатым способом выражают свою неприязнь к почему-то привлечшим их внимание приезжим? Не могли ли мои сегодняшние прогулки, сопровождавшиеся регулярным заглядыванием в самодельную карту, привлечь их повышенное внимание к моей скромной персоне? Я поймал себя на мысли о том, что и в самом деле, похоже, пребываю в довольно нервном состоянии, если даже не сколько случайных поскрипываний половиц в коридоре наводят меня на подобные мысли, — и все же с сожалением подумал о том, что невооружен.

Наконец я почувствовал как бремя усталости, в котором, однако, не было и намека на сонливость, стало слишком тяжелым, а потому запер наружную дверь на ключ, потом на недавно установленную задвижку, выключил свет и улегся на жесткую, неровную кровать, предварительно, как и задумал, сняв галстук и башмаки. В ночной тишине каждый слабый шорох казался чуть ли не оглушительным, а кроме того мое сознание буквально утопало в потоках хаотичных и весьма малоприятных мыслей. Я уже начал сожалеть о том, что выключил свет, однако чувство безмерной усталости не позволяло мне снова встать и подойти

к выключателю. После довольно долгого и отчаянно томительного ожидания я вновь расслышал поскрипывание ступеней лестницы и половиц в коридоре, сменившееся мягким, но чертовски знакомым звуком, явившимся как бы зловещим завершением всех моих тревожных ожиданий. У меня не было и тени сомнений в том, что кто-то пытается — осторожно, робко, неслышно — отпереть дверь ключом.

Возможно, мои ощущения от осознания данного знака явной угрозы оказались не столь обостренными, как того можно было бы в подобной ситуации ожидать, но произошло это по той простой причине, что своими предыдущими смутными страхами я уже отчасти подготовил нервы к подобному потрясению. Вроде бы без особого на то основания, я все это время был, можно сказать, начеку, что явно дало мне некоторое преимущество в новых и пока не до конца понятных мне условиях сгущающейся опасности. И все же я не мог не признать, что переход от размытого и неконкретного предчувствия беды к реальному восприятию ее конкретных признаков оказал на меня поистине шокирующее воздействие, мощным ударом обрушившись на мой утомленный рассудок. Мне как-то даже в голову не пришло, что подобное шуршание могло быть всего лишь результатом самой банальной человеческой ошибки, и все, о чем я мог подумать в те минуты, сводилось лишь к чьей-то зловещей целеустремленности, а потому я застыл, скованный смертельной неподвижностью, и тревожно ожидая, какой же следующий шаг предпримет мой невидимый и непрошенный гость.

Спустя некоторое время осторожное шуршание стихло и я услышал, как кто-то отпер дверь в смежную, расположенную с северной стороны от меня комнату, после чего испытанию на прочность подверглась уже дверь, соединявшая эту комнату с моей. Убедившись в безуспешности своих попыток — задвижка, к счастью, выдержала, — загадочный субъект, поскрипывая половицами, покинул помещение. Вскоре все эта последовательность действий и звуков повторилась, но уже со стороны южной от меня комнаты: вновь мягкий скрежет ключа или отмычки в замке, подергивание ручки двери и негромкое поскрипывание удаляющихся шагов. На сей раз слух подсказал мне, что таинственный взломщик удалился по коридору в сторону лестницы и стал спускаться по ней: он, очевидно, понял, что все его усилия так и останутся тщетными, а потому оставил — по крайней мере,

на некоторое время — свои попытки, определенно вознамерившись обдумать сложившуюся ситуацию.

Та готовность, с которой я уже через несколько мгновений приступил к разработке конкретного плана действий, свидетельствовала о том, что внутренне я давно был готов подобной надвигающейся угрозе, и в течение ряда часов подсознательно готовился к возможному бегству. Я сразу же смекнул, что не следует дожидаться повторения коварным незнакомцем попыток проникнуть ко мне в комнату или, тем более, уповать на то, что мне каким-то образом удастся противостоять подобному вторжению, а вместо этого надо как можно скорее уносить ноги. Первое, что я должен был сейчас сделать, это по возможности живым покинуть гостиницу, причем не по лестнице и через вестибюль, а каким-то иным путем.

Неслышно встав с кровати, я зажег фонарь и прошел к настенному выключателю висевшей над кроватью лампы, чтобы в тусклых лучах ее света распахнуть по карманам самые необходимые мне вещи для последующего бегства налегке.

Послышался щелчок, однако ничего не произошло — электричество, похоже, было отключено. Я сразу понял, что в действие был пущен какой-то направленный против меня зловещий и достаточно широкомасштабный план, хотя суть его по-прежнему ускользала от моего понимания. Я все так же стоял и щелкал бесполезным теперь выключателем, когда мой слух вновь различил доносившееся откуда-то снизу негромкое, приглушенное поскрипывание и, как мне показалось, чьи-то голоса. Спустя несколько секунд я, однако, понял, что глубокие, низкие звуки едва ли были натуральными человеческими голосами, поскольку хриплое, грубое тявканье и совершенно нечленораздельное бульканье не имели никакого отношения к нормальной человеческой речи. В тот же момент мне вновь на память пришло то, что сказал тот фабричный инспектор о звуках, доносившихся до него в ночи, когда он также находился в этой полуразвалившейся, омерзительной гостинице.

Воспользовавшись фонарем, я сунул в карманы кое-какие личные вещи, нацепил шляпу и на цыпочках прошел к окну, чтобы оценить свои шансы к бегству именно таким путем. Вопреки существовавшим официальным предписаниям, пожарной лестницы с этой стороны гостиницы не было, а потому под окнами моей комнаты на четвертом этаже простиралось лишь мощеное

булыжником пространство внутреннего двора. Справа и слева к гостинице примыкали какие-то древние и столь же ветхие кирпичные постройки явно нежилого назначения; их покатые крыши отстояли на относительно небольшом, во всяком случае, вполне доступном для прыжка расстоянии. Чтобы достичь кромки любой из этих построек, мне, однако, нужно было находиться в комнате отстоящей от моей собственной на пару номеров вправо или влево, и мой рассудок сразу же приступил к проработке вариантов того, каким образом я смог бы осуществить необходимое перемещение..

О том, чтобы выйти в коридор, естественно, не могло быть и речи; мало того, что внизу сразу слышали бы звук моих шагов, но могло вообще получиться так, что дверь в нужную мне комнату окажется заперта. Таким образом, своей цели я мог бы достичь — если ее вообще можно было достичь, лишь проходя через относительно менее прочные внутренние двери, соединяющие комнаты друг с другом, сокрушая при этом замки и задвижки силой своего корпуса и плеч, которым предстояло действовать наподобие тарана. Подобный план действий показался мне вполне приемлемым с учетом шаткости и непрочности всех здешних конструкций и запоров, хотя я и отдавал себе отчет в том, что подобную операцию не удастся провести совершенно бесшумно. Основной мой расчет делался на стремительность продвижения, а также на то, что преследователи не успеют разгадать мой замысел и отрезать пути к бегству, раньше меня открыв отмычкой дверь нужной мне комнаты. Свою собственную дверь я предварительно забаррикадировал изнутри при помощи небольшого комода, который передвигал медленными шажками, стараясь производить как можно меньше шума. При этом я осознавал, что реальные шансы к спасению у меня весьма невелики, а потому, в общем-то, был готов к любой неприятности. В сущности, даже если мне удалось бы достичь крыш тех строений, это все равно не гарантировало успеха, поскольку после этого надо было еще спуститься на землю покинуть сам город. Правда, на руку мне играло то обстоятельство, что соседние дома явно пустовали и пребывали в состоянии крайней разрухи, причем на каждом их этаже в изобилии зияли черные оконные проемы.

Вспомнив структуру карты, нарисованной молодым бакалейщиком, я смекнул, что наиболее предпочтительным путем к бегству будет маршрут, пролегающий в южном направлении,

а потому решил начать с двери, которая вела именно в южную соседнюю комнату. Еще несколько секунд ушло на выяснение того факта, что открывалась она, к сожалению, на меня, а когда я отпер свой засов и обнаружил, что с другой стороны его дублирует точно такой же, причем запертый, то и вовсе убедился в ее абсолютной непригодности в качестве полигона для опробования моей физической силы. Мысленно вычеркнув из своего сознания данное направление к бегству, я, тем не менее, стал осторожно придвигать к этой двери кровать, поскольку не исключал, что прорываться ко мне могут также и отсюда.

Северная дверь открывалась, к счастью, от меня, а потому я решил — даже убедившись в том, что она также заперта на задвижку с противоположной стороны, — что мне предстоит именно на ней испытать свое счастье. Если бы мне удалось достичь крыш зданий на Пэйн-стрит и благополучно спуститься на землю, то, возможно, я смог бы проскользнуть через внутренний двор и соседние или, противоположные строения, и оказаться на одной из соседних улиц. В любом случае, я намеревался первым делом достичь Вашингтон-стрит, а затем как можно скорее покинуть район городской площади. При этом мне, по возможности, следовало избегать Пэйн-стрит, поскольку именно на ней находилась пожарная станция, которая могла быть открыта даже ночью.

Перебирая в мозгу все эти мысли, я окидывал взглядом раскинувшееся подо мной унылое и жалкое море прогнивших крыш, в данный момент освещенных лучами почти полной луны. Справа от меня панораму пересекал чернеющий разрез устья реки, к которому словно приклеились постройки опустевшей фабрики и бывшей железнодорожной станции. А еще дальше простирались бездействующее полотно железной дороги и шоссе на Роули, которые тянулись через равнинную болотистую местность, усеянную островками более сухой и возвышенной, поросшей чахлым кустарником земли. Располагавшийся слева от меня участок территории, изрезанный притоками реки, казался ближе, а узкая дорога на Ипсвич белесо поблескивала в лучах лунного света. Со моей стороны гостиницы не была видна местность, простиравшаяся к югу, в направлении Аркхэма, хотя именно туда я и намеревался в дальнейшем двигаться.

Я все еще пребывал в состоянии бесплодных раздумий над тем, когда именно мне предпринять атаку на северную дверь, и как это лучше всего сделать, чтобы получилось не особенно

шумно, когда неожиданно заметил, что глухое бормотание доносившееся откуда-то снизу, сменилось новым и более громким поскрипыванием половиц. Сквозь фрамугу входной двери внутрь комнаты проникли слабые, подрагивающие лучи света, а пол коридора протяжно застонал под воздействием громоздкой перемещающейся тяжести. Приглушенные голоса с каждой секундой звучали все более отчетливо, и вскоре сменились довольно решительным стуком в дверь.

На какое-то мгновение я затаил дыхание и замер на месте. Казалось, минула целая вечность, но мои ноздри тут же подсказали мне, что вездесущий и тошнотворный рыбный запах как-то внезапно окреп, словно сгустился, обретя особую резкость и отчетливость. Скорее стук повторился — на сей раз это были уже более громкие и продолжительные удары. Я понял, что настало время действовать, быстро отодвинул засов северной двери и всем телом обрушился на нее. Во входную дверь, между тем, уже отчаянно барабанили, и я искренне надеялся на то, что эти звуки заглушат производимый мною грохот. Однажды начав свои попытки взломать дверь, я уже не мог остановиться, сокрушая тонкую перегородку и совершенно не обращая внимания на боль в левом плече и сотрясение всего тела. Прочность этой двери превзошла мои ожидания, однако я настойчиво продолжал свои попытки. Барабанный грохот во входную дверь между тем все усиливался.

Наконец моя преграда не выдержала, хотя и произошло это с таким оглушительным шумом, что снаружи его просто не могли не услышать. В тот же момент под сокрушительными ударами заколыхалась и дверь моей комнаты, — и в тот же момент в замочных скважинах входных дверей в соседние со мной комнаты зловеще заскрежетали ключи. Ворвавшись в смежное помещение, я первым делом устремился к входной двери и успел защелкнуть задвижку прежде, чем находившиеся в коридоре существа успели отпереть замок; однако даже сделав это, я не мог не расслышать, как наружный замок уже третьей двери — той самой, из окна которой я и намеревался совершить прыжок на простирившиеся внизу крыши домов — также пытаются отпереть ключом.

На какое-то мгновение меня охватило полное отчаяние, поскольку очутиться в замкнутом помещении, вообще лишенном окон — а именно такой и оказалась моя нынешняя обитель — представлялось мне полнейшим поражением. Меня захлестнула волна почти безумного, непередаваемого страха, но в тот же мо-

мент взгляд упал на освещенные лучом фонаря следы, оставленные на пыльном полу тем самым таинственным взломщиком, который не так давно пытался проникнуть отсюда в мою комнату. Вслед за этим я, все еще не избавившись от ощущения охватившей меня безнадежности, машинально рванулся к противоположной соединительной двери, чтобы обрушиться на нее, сокрушить так же, как и ее предшественницу и — если только задвижка на входной двери в нее, как и на двери в эту, вторую комнату, окажется цела — успеть запереться изнутри, прежде чем ее успеют открыть ключом из коридора.

Судьбе было вольно дать мне небольшую передышку, поскольку соединительная дверь передо мной была не только не заперта, но и вообще распахнута настежь. Через какую-то секунду я влетел в третью комнату и тут же подпер плечом и бедром входную дверь, которая как раз начала, было, слегка приоткрываться вовнутрь. Мое неожиданное сопротивление явно застигло взломщика врасплох — он резко отпрянул, так что я смог без труда вставить задвижку в полагавшееся ей место на косяке двери. Остановившись и пытаясь хотя бы немного отдышаться, я услышал, что удары по двум соседним дверям несколько ослабли, зато слышались возбужденные голоса со стороны той боковой двери, которую я подпер каркасом кровати. Я понял, что мои преследователи все же ворвались в южную комнату и теперь энергично пытались взломать соединительную дверь между нею и моим временным жилищем. Однако одновременно с этим я вновь услышал характерный звук поворачиваемого ключа, причем доносился он уже со стороны входной двери следующей, расположенной к северу от меня комнаты, и тут же понял, что именно отсюда исходит наиболее реальная угроза.

Северная соединительная дверь была широко распахнута, но у меня не было времени проверять положение задвижки у входа, поскольку в замке его уже также начал поворачиваться ключ. Все, что мне оставалось сделать, это захлопнуть обе соединительные двери справа и слева от меня, и придвинуть к ним уже знакомые предметы — к одной комод, а к другой каркас кровати. В дополнение ко всем этим мерам я подтянул ко входной двери

массивный мраморный умывальник. Разумеется, я отчетливо осознавал всю ненадежность подобного рода укреплений и все же надеялся на то, что они хотя бы недолго продержатся и, таким образом, я получу возможность выбраться в окно и спуститься на крыши зданий, выходящих на Пэйн-стрит. Однако даже в столь отчаянный момент самый жуткий страх у меня в душе вызывали отнюдь не сомнения в надежности моих временных бастийонов — нет, меня буквально начинало колотить при одной лишь мысли о том, что за все это время никто из моих преследователей не произнес и даже не пробормотал на фоне непрерывного, запыхавшегося сопения, ворчания и приглушенного, завывающего гавканья ни одного членораздельного слова.

Передвинув мебель и бросившись к окну, я услышал еще более встревоживший меня гомон, устремившийся по коридору в направлении северной от меня комнаты, и одновременно заметил, что звуки ударов с южной стороны стихли. Стало ясно, что основная часть моих противников решила сконцентрировать усилия на весьма хилой и непрочной соединительной перегородке, взломав которую, он» получили бы доступ непосредственно ко мне. Лунный свет за окном довольно ярко освещал кромку домов, и, мельком взглянув на них, я понял, что покатая и какая-то ослизлая поверхность крыш, на одну из которых мне предстояло приземлиться, делала мой прыжок довольно-таки рискованным мероприятием. Прикинув складывающуюся обстановку, я остановил свой выбор на том окне, которое располагалось южнее, и намеревался опуститься на внутренний скат крыши, после чего докарабкаться до ближайшего слухового окна. Разумеется, я отдавал себе полный отчет в том, что даже оказавшись внутри одной из ветхих кирпичных структур, мне все равно не избежать преследования; и все же я надеялся на успех, намереваясь затеряться в бесчисленных зияющих дверных проемах домов и затемненных внутренних дворах, после чего в конце концов добраться до Вашингтон-стрит и выскользнуть из города в южном направлении.

Удары по северной соединительной двери сопровождались ужасающим грохотом, и я увидел, что тонкая деревянная панель начала трескаться. Несомненно, преследователи раздобыли и принесли какой-то массивный предмет и стали действовать им наподобие тарана. Как ни странно, «кроватьная» подпорка пока держалась, так что у меня появилась, по крайней мере, возможность испробовать свой шанс на спасение.

Лишь подойдя к окну вплотную, я обнаружил, что оно задрапировано тяжелыми бархатными шторами, цеплявшимися за перекладину вшитыми в них бронзовыми кольцами, и что ставни с наружной стороны снабжены массивной, выступающей наружу защелкой. Стремясь максимально обезопасить себя перед лицом предстоящего довольно опасного прыжка, я резко подергал за торы и они, а вместе с ними и сама перекладина, свалились на пол; после этого я зацепил два кольца за выступ защелки и выбросил ткань наружу. Тяжелые складки опустились на прилегающую крышу, после чего я убедился, что и кольца, и задвижка вполне выдержат вес моего тела. Таким образом, цепляясь за шторы как за своего рода импровизированную веревочную лестницу, я стал спускаться вниз, оставляя позади омерзительное и наполненное всевозможными гадами заведение, именовавшееся Джилмэн-хаузом.

Благополучно ступив на расшатанные шиферные пластины покатой крыши, я довольно быстро, и даже ни разу не поскользнувшись, достиг ближайшего зияющего черного проема слухового окна. Глянув на окно гостиницы, которое покинул несколько секунд назад, я заметил, что оно оставалось по-прежнему неосвещенным и пустым, тогда как где-то в отдалении к северу, за рассыпающимися дымоходами виднелись зловеще поблескивающие огни зала «Ордена Дэгона», а также бывших баптистской и методистской церквей, образы которых тотчас же отчетливо и грозно всплыли в моем сознании. Во внутреннем дворе подо мной, казалось, не было ни души, а потому я продолжал питать робкую надежду улизнуть отсюда еще до того, как будет объявлена общая тревога. Посветив фонарем в проем слухового окна, я не обнаружил под ним ступеней; впрочем, высота была небольшой, а потому я ухватился за его край и стал сползать вдоль кирпичной кладки стены, после чего, разжав руки, приземлился на запыленный и захламленный сгнившими ящиками и бочками пол.

Помещение, в котором я оказался, имело довольно мерзкий вид, однако мне было уже не до впечатлений и эмоций, а потому я быстро устремился к лестничному пролету, на который наткнулся луч моего фонаря, успев при этом все же мельком глянуть на наручные часы — они показывали два часа ночи. Ступени отчаянно скрипели, но в целом казались достаточно надежными, а потому я опрометью бросился вниз и, миновав второй этаж, оборудованный под подобие амбара или сарая, оказался на полу

первого. Там царило полнейшее запустение и потому каждому моему шагу вторило гулкое эхо. Наконец я достиг нижнею холла, в дальнем конце которого увидел едва различимый светящийся прямоугольник, который, как я смекнул, был призван обозначать выходящий на Пэйн-стрит дверной проем. Направившись, однако, в противоположную сторону, я установил, что задняя дверь также открыта, тут же бросился к ней и, перелетев через пять каменных ступенек, оказался на поросшем травой булыжном покрытии внутреннего двора.

Лунный свет сюда не проникал, однако я и без него мог достаточно неплохо ориентироваться даже без фонаря. В некоторых окнах Джилмэн-хауза можно было различить слабые проблески света и мне показалось, что я даже смутно слышу доносящиеся изнутри приглушенные голоса. Осторожно ступая в направлении Вашингтон-стрит, я обнаружил несколько распахнутых настежь дверей и юркнул в первую же, намереваясь таким образом выбраться наружу. Коридор за ней оказался темным, но когда я достиг противоположного его конца, то обнаружил, что выходящая на улицу дверь наглухо заперта. Тогда я решил проверить следующее здание и стал пробираться обратно в сторону внутреннего двора, но, едва дойдя до порога, остановился как вкопанный.

В этот самый момент из распахнутых дверей Джилмэнхауза вывалилась внушительных размеров толпа, состоявшая из весьма сомнительных на вид существ — в темноте раскачивались зажженные фонари, а воздух оглашался низкими, хриплыми криками, в которых не было абсолютно ничего похожего на английскую речь. Двигались они, надо сказать, весьма нерешительно, и, как я вскоре к собственному облегчению обнаружил, совершенно не представляли себе, куда я мог подеваться. И все же меня вновь охватил самый настоящий ужас при виде этих практически неразличимых в деталях, но одинаково ссутулившихся, шаркающих ногами и в целом крайне отталкивающих существ. Хуже всего было то, что в одном из них я опознал фигуру, облаченную в уже знакомый мне странный наряд и с тиарой на голове.

Когда толпа стала растекаться по внутреннему двору я испытал новый приступ страха. А вдруг мне так и не удастся найти в этом строении выход на улицу? Рыбий запах сводил меня с ума и я стал всерьез опасаться, как бы от всей этой вони не свалиться в обморок. Ощупью пробираясь в направлении улицы, я открыл

дверь в холл и вступил в пустынную комнату, оконные проемы которой были закрыты ставнями, хотя рам на самих окнах не было. В считанные секунды я выбрался наружу, после чего тщательно и осторожно вернул створки в прежнее положение.

Итак, я оказался на Вашингтон-стрит и в первое мгновение не увидел на ней ни единой живой души и ни огонька, если не считать белешего над головой лунного диска. Вместе с тем, я явно различал доносившиеся с нескольких сторон хриплые голоса, звук шагов и какое-то странное шлепанье, которое отнюдь не походило на человеческие шаги. Мне нельзя было терять ни секунды. Я достаточно представлял себе направление дальнейшего продвижения и очень обрадовался тому обстоятельству, что фонари на столбах не горели, что, в общем-то, довольно часто наблюдалось по ночам в небогатых провинциальных городах. Некоторые звуки доносились откуда-то с юга, хотя я был твердо намерен двигаться именно в этом направлении. Кроме того, я знал, что по пути мне попадется немало пустующих домов, в распахнутые двери которых я всегда смогу юркнуть, спасаясь от возможных преследователей.

Шел я быстро, мягко ступая и стараясь держаться поближе к полуразрушенным каркасам домов. Лишившись во время спешного спуска из окна гостиницы своей шляпы и порядком растрепавшись, я, даже при встрече со случайным прохожим, имел немало шансов быть неузнанным. На Бэйтсстрит я шмыгнул, было, в зияющий вестибюль одного из домов, но, натолкнувшись там на две неуклюжие фигуры, тут же снова оказался на улице, и стал приближаться к какому-то перекрестку. В этом районе я еще не успел побывать, но на карте молодого бакалейщика он был обозначен как довольно опасный, тем более, что в свете луны я был виден здесь, как на ладони. Я не стал пытаться обойти это место стороной, поскольку любые обходные пути были чреваты потерей драгоценного времени, а также перспективой оказаться на еще более освещенном месте. Самым разумным было просто и открыто пересечь его, что я и сделал, стараясь максимально имитировать шаркающую походку коренных жителей Инсмута, и моля Господа лишь о том, чтобы по пути не оказалось ни одного их живого представителя, по крайней мере из числа моих преследователей.

Я не имел ни малейшего представления о том, сколь велики были масштабы действий и численность моих преследовате-

лей, равно как и то, какую цель — помимо моей поимки — они при этом преследовали. В городе уже отмечались первые смутные признаки какой-то активности, однако я рассчитывал на то, что слухи о моем бегстве из гостиницы не успели получить достаточно широкого распространения. Я уже знал, что довольно скоро мне придется свернуть на какую-нибудь другую улочку, хотя и ведущую в том же направлении, поскольку понимал, что та толпа, что наведлась за мной в гостиницу, будет по-прежнему пытаться найти меня. Кроме того, я наверняка оставил немало следов в том старом доме, по которым можно было установить, каким образом я выбрался на улицу.

Открытое пространство, как я и предполагал, оказалось хорошо освещено, и в центре его я увидел остатки какой-то окруженной железной изгородью клумбы. К счастью, поблизости от меня никого не было, хотя со стороны городской площади продолжал доноситься странный и все нарастающий то ли гул, то ли рокот. Соседняя Саут-стрит оказалась очень широкой и чуть под уклон вела непосредственно к береговой линии — с нее открывалась довольно обширная панорама морской глади, и я искренне надеялся на то, что в данный момент никто оттуда не наблюдает за тем, как я пересекаю ярко освещенное лунным светом место.

Пока ничто не мешало моему продвижению и ни один звук не давал оснований подозревать, что преследователи приближаются. Оглянувшись, я непроизвольно и всего лишь на какую-то секунду сбавил шаг, чтобы посмотреть вдоль улицы в сторону моря, представлявшего сейчас собой великолепную, купающуюся в лучах лунного света панораму. Вдалеке за линией волноломов виднелась темная расплывчатая полоска рифа Дьявола, и, взглянув на него, я не мог в очередной раз не вспомнить те зловещие легенды, которые мне довелось услышать за последние полтора суток — легенды, в которых эта вереница зазубренных камней представляла как самые настоящие врата в царство бездонного ужаса и непостижимого уродства.

И в тот же миг, совершенно неожиданно для себя я увидел на отдаленном рифе перемежающиеся проблески света. В том, что они были вполне реальными, у меня не оставалось никаких сомнений, и потому они вновь пробудили в моем разуме слепой, не поддающийся никакому рациональному осмыслению страх. Мускулы тела мгновенно напряглись, готовые к стремительному и паническому рывку вперед, и лишь некая подсознательная

осторожность да полугипнотическая завороченность удержали меня от поспешных действий. В довершение к этому жутковатому зрелищу я увидел, как схожие вспышки света вырываются также с куполообразной крыши Джилмэн-хауза, маячившей к северо-востоку позади меня — это была серия аналогичных, разделенных совершенно четкими промежутками миганий, которые, вне всякого сомнения, являлись ответными сигналами. Стараясь сдерживать вереницу сменяющих друг друга импульсов и заново осознав всю ущербность своего ничем незащищенного, открытого для возможного обзора положения, я проворно, но по-прежнему отчаянно шаркая ногами, побрел дальше, одновременно стараясь не терять из виду тот дьявольский и зловещий риф, покуда контуры Саут-стрит оставляли мне возможность смотреть в сторону моря. Что означала вся эта загадочная процедура, я не имел ни малейшего понятия, хотя и можно было предположить, что она являлась составной частью какого-то странного ритуала, имевшего отношение к рифу Дьявола. Кроме того, я не исключал, что прибывшая на незамеченном мною судне какая-то группа людей просто зачем-то высадилась на этих зловещих камнях. Вскоре я стал поворачивать влево, огибая чахлые остатки угасающей растительности, все так же поглядывая на освещенный призрачным сиянием летней луны океан и наблюдая за загадочными вспышками этих таинственных, непонятно откуда взявшихся бакенов.

Внезапно мой мозг пронзило осознание чего-то невероятно ужасного, поистине ошеломляющего, лишившее меня последних остатков самоконтроля и заставившее опрометью, забыв про всякую маскировку, броситься бежать в южном направлении, мимо зияющих черных дверных проемов и по-рыбьи глазающих на меня окон домов, облепивших эту пустынную, кошмарную улицу. Дело в том, что на какое-то мгновение мой взгляд остановился на залитых лунным светом водах, заполнявших пространство между рифом и берегом, и я с ужасом обнаружил, что их поверхность была отнюдь не пустынной. Нет, сейчас они были заполнены кишашими ордами каких-то едва различимых существ, которые явно плыли в направлении города. Даже с того значительного расстояния, которое отдалало меня от них, и с учетом мимолетности этого взгляда, я мог с определенностью сказать, что качающиеся головы и взмахивающие руки были совершенно чуждого людям, абсолютно ненормального вида, хотя сформули-

ровать или хотя бы как-то осмыслить про себя, в чем именно эта ненормальность выражалась, я бы не взялся.

Мой отчаянный бег начал замедляться еще до того, как я достиг конца квартала, поскольку слева от себя я стал различать что-то похожее на шум или крики организованной толпы преследователей. Это был топот ног, гортанные звуки и тархтенные мотора, доносившиеся откуда-то со стороны Федералстрит. В считанные секунды мои планы претерпели коренные изменения — поскольку шоссе к югу от меня оказывалось, таким образом, заблокированным, мне следовало найти какой-то другой способ выбраться из Инсмута. Я сделал паузу и юркнул в пустой дверной проем, втайне радуясь тому, что смог преодолеть ярко освещенный лунным светом участок пути еще до того, как преследователи вышли на параллельную улицу.

То, что дошло до моего сознания несколько минут спустя, несколько охладило мой пыл. Я как-то неожиданно смекнул: раз преследователи двигались по соседней улице, то они, скорее всего не шли по моим горячим следам, то есть не гнались непосредственно за мной, а просто отсекали возможные пути к бегству из города. Но из этою напрашивался вполне логичный вывод о том, что все аналогичные дороги, ведущие из Инсмута, в настоящий момент или вскоре также будут заблокированы, поскольку никто не мог с определенностью сказать, каким именно путем я намерен воспользоваться. Если все действительно обстояло именно так, значит мне следовало покидать город отнюдь не по дорогам, а наоборот, держась как можно дальше от них. Но возможно ли это, если иметь в виду, что местность во всей округе испещрена бесчисленными заболоченными участками и мелкими речушками? На какое-то мгновение мой разум начал давать сбой — как от пронзительного осознания собственной беспомощности, так и от заметно усилившегося ощущения рыбьего запаха.

Именно тогда я вспомнил о давно заброшенной железнодорожной ветке, ведущей на Роули, чья основательно уложенная, покоящаяся на толстом слое щебня, поросшая травой и бурьяном полоса по-прежнему уходила в северо-западном направлении от располагавшейся неподалеку от реки заброшенной станции. У меня сохранялся шанс на то, что вся эта братия попросту забудет о ней, поскольку покрытая зарослями вереска пустынная полоса была весьма труднопроходима, и едва ли являлась именно тем путем, который избрал бы для себя отчаявшийся беглец.

Я отчетливо видел ее из окна гостиницы и достаточно хорошо помнил путь к станции. В своей начальной части она довольно хорошо просматривалась со стороны дороги на Роули и с наиболее высоких точек в самом городе, но при желании по ней можно было некоторое расстояние проползти и остаться незамеченным за зарослями чахлой растительности. Как бы то ни было, иного выхода у меня не оставалось и я должен был испытать свой шанс.

Забравшись вглубь своего пустынного убежища, я вновь сверился с картой бакалейщика, подсвечивая ее лучом фонарика. Перво-наперво надо было каким-то образом добраться до самой железнодорожной ветки, и я сразу же подумал, что наиболее безопасным будет двинуться в сторону Бэбсон-стрит, затем повернуть на запад, после чего по довольно извилистой Бэнк-стрит, которая тянулась вдоль устья реки, пробраться к заброшенному и ветхому строению железнодорожной станции. Намерение направиться именно в сторону Бэбсон-стрит объяснялось моим нежеланием повторно выходить на тот открытый участок пути, который я уже пересекал, а также начинать продвижение в западном направлении с такой широкой улицы как Саут-стрит.

Оказавшись вновь на улице, я перешел на ее противоположную сторону, намереваясь как можно незаметнее продвигаться вперед. Со стороны Федерал-стрит по-прежнему доносились шумы, и, обернувшись, я вроде бы заметил проблеск света неподалеку от того дома, через который мне удалось скрыться из гостиницы. Стремясь поскорее покинуть этот район, я проворно затрусил вдоль домов, моля Бога лишь о том, чтобы не попасться на глаза какому-нибудь досужему наблюдателю. Неподалеку от угла Бэбсон-стрит я не без тревоги заметил, что одно из строений было все еще обитаемым, что подтверждалось наличием на окнах штор; впрочем, свет внутри не горел, а потому мне удалось миновать его без каких-либо приключений.

На Бэбсон-стрит, которая пересекалась с Федерал-стрит и могла, таким образом, помочь мне локализовать местоположение моих преследователей, я старался держаться как можно ближе к разваливающимся, неровным стенам домов; мне приходилось дважды замирать в дверных проемах, всякий раз, когда шум за спиной неожиданно усиливался. Открывавшееся впереди пустое пространство казалось широким, пустынным и залитым лунным светом, но теперь мне, к счастью, уже не надо было его пересекать. Теперь я начал смутно различать отголоски еще чьих-

то приглушенных звуков, а осторожно выглянув из-за угла дома, увидел крытую машину, которая стремительно пересекла открытое пространство и устремилась в южном направлении.

Пока я так стоял и наблюдал, едва не задыхаясь от резко нахлынувшей волны рыбьей вони, омерзительность которой показалась мне особенно разительной после непродолжительного промежутка относительно свежего воздуха, мне удалось разглядеть группу неуклюжих, нелепо волочащих ноги существ, которые, чуть припрыгивая и шаркая ногами, тащились в том же направлении, что и машина, и тут же понял, что это была группа, которой, скорее всего, поручалось охранять дорогу на Ипсвич. Две из увиденных мною фигур были облачены в очень просторные одежды, причем голову одной украшала высокая, заостренная сверху тиара, сейчас ярко поблескивающая в лучах лунного света. Походка этого существа была настолько странной, что я невольно вздрогнул — мне показалось, что оно вообще не столько шло, сколько передвигалось прыжками.

Когда последний из членов группы скрылся из виду, я продолжил свое продвижение; проскользнув за угол, я поспешно перешел на другую сторону улицы, поскольку не мог исключать, что какой-нибудь отставший участник патрульной группы продолжает плестись сзади. Я по-прежнему слышал какие-то квакающие и постукивающие звуки, доносившиеся издалека со стороны городской площади, но все же преодолел начальный отрезок пути без каких-либо неприятностей.

Самые большие опасения у меня вызывала предстоящая перспектива очередного пересечения широкой и залитой лунным светом Саут-стрит, тем более, что с нее открывался вид на море, так что здесь мне пришлось бы пережить несколько весьма неприятных минут. Кто угодно мог выглянуть из окна или еще откуда-то, а, кроме того, любой отставший член патруля, удалявшегося по Элиот-стрит, также мог меня заметить. В последний момент я решил все же поумерить свою прыть и пересечь открытое место шаркающей походкой большинства коренных жителей Инсмута.

Когда перед моим взором вновь предстала панорама моря — на сей раз уже справа от меня, — я хотел было, заставить себя вообще не смотреть на него, и все же не смог удержаться, хотя это и было мимолетный и в общем-то косой взгляд, поскольку я по-прежнему продолжал шаркать в направлении маячившей впереди спасительной тени. Вопреки моим смутным ожиданиям,

я не заметил на море особо зловещих перемен. Единственное, что могло привлечь мое внимание, была небольшая гребная шлюпка, направлявшаяся в сторону пустынных причалов — в ней я различил какой-то громоздкий, укрытый брезентом предмет. Хотя расстояние было немалым и я не мог разглядеть подробностей, мне показалось, что на веслах сидели какие-то типы с особо отталкивающей внешностью. Успел я различить также фигуры нескольких пловцов, тогда как на отдаленном черном рифе мерцало какое-то слабое, но вполне устойчивое сияние, а не те огоньки, которые мне довелось наблюдать прежде, причем цвет у этого бледного зарева был какой-то необычный, хотя я и не смог определить, какой именно. Поверх покатых крыш далеко впереди и чуть правее высился купол Джилмэн-хауза, хотя на сей раз он был объят почти непроглядной темнотой. Рыбья вонь, которая на несколько минут, казалось, рассеялась от легкого дуновения спасительного и милосердного ветерка, нахлынула с новой, поистине одуряющей силой.

Не успел я еще до конца пройти улицу, когда услышал звуки шагов очередной группы, которая приближалась по Вашингтон-стрит с северной стороны. Как только она достигла широкого открытого пространства, откуда я впервые заметил столь встревожившие меня морские силуэты, мне стало ясно, что нас разделяет всего один квартал — и невольно ужаснулся при виде дьявольски аномальных лиц этих существ, и какой-то собачьей, явно недочеловеческой, согбенной поступи. Одно из них передвигалось просто по-обезьяньи, время от времени касаясь длинными руками земли, тогда как другое — в том странном наряде и тиаре — вообще не столько шло, сколько прыгало. Только тогда я смекнул, что это была та самая группа, которую я видел во дворе Джилмэн-хауза, и она, судя по всему, преследовала меня наиболее плотно. Когда несколько типов глянули в мою сторону, я едва, было, не застыл на месте от страха, однако все же как-то заставил себя тащиться вперед все той же якобы привычной мне, шаркающей походкой. Вплоть до настоящего времени я толком не знаю, заметили они меня или нет. Если да, то, значит, моя уловка сработала и они ничего не заподозрили, поскольку проследовали прежним курсом и пересекли открытое пространство, все время продолжая издавать какие-то квакающие, булькающие, омерзительно-гортанные звуки, в которых я не мог разобрать ни единого человеческого слова. Вновь оказавшись в тени, я преж-

ней рысцей миновал несколько покосившихся, рассыпающихся домов, стараясь как можно полнее раствориться в окружавшей меня ночной темени. Перейдя на противоположную сторону улицы, я на ближайшем углу свернул на Бэйтс-стрит и побрел дальше, по-прежнему держась поближе к домам. Мне снова повстречались два дома, в которых можно было различить признаки жизни, а на верхнем этаже я даже заметил проблески слабого света, однако и на сей раз все прошло без каких-либо осложнений. Свернув на Адамс-стрит, я почувствовал себя в большей безопасности, однако пережил настоящий шок, когда из ближайшего дверного проема чуть ли не у меня под носом на улицу выскользнул какой-то человек. Он, правда, оказался вдрызг пьян, а потому я без особого труда достиг складских помещений на Бэнк-стрит.

Ни одной живой души нельзя было заметить на этой мертвой улице, тянувшейся вдоль устья реки, а шум падающей воды полностью заглушал мои шаги. До железнодорожной станции путь был неблизкий, и кирпичные громады складских помещений почему-то казались мне сейчас даже более опасными, чем фасады жилых домов. Наконец я увидел древнее сводчатое строение станции — точнее, то, что от нее осталось, — и направился прямо к путям, которые начинались у его дальнего конца.

Рельсы основательно проржавели, однако производили впечатление довольно целых, да и почти половина шпал также пребывала в достаточно нормальном, крепком состоянии, Идти, а тем более бежать по подобному покрытию было крайне трудно, однако я старался изо всех сил и в целом развил весьма приличную скорость. Некоторое время пути пролегли вдоль устья реки, однако вскоре я достиг длинного крытого моста, где они проходили над головокругительной бездной. В зависимости от нынешнего состояния моста мне предстояло определить маршрут дальнейшего передвижения, Если человек все же в состоянии пройти по нему, я так и сделаю; если же нет, придется вновь блуждать по улицам в поисках ближайшей, и хотя бы относительно безопасной переправы.

Громада похожего на сарай моста призрачно поблескивала в лучах лунного света, и я увидел, что по крайней мере на протяжении ближайших нескольких метров шпалы были на месте.

Вступив на него, я включил фонарь и едва не был сбит с ног несметными полчищами вылетевших откуда-то летучих мышей. Ближе к середине моста между шпалами зияла довольно широкая брешь, и я всерьез забеспокоился, что она станет непреодолимым препятствием, однако все же отважился на отчаянный прыжок и каким-то образом преодолел ее.

Мне было отрадно снова оказаться под лучами лунного света, когда своды моста казались позади. Рельсы пересекали Ривер-стрит на одном с ней уровне, однако сразу после этого отклонялись в сторону, вступая в местность, которая все более походила на сельскую, и где с каждым шагом все меньше ощущался омерзительный, гнилостный запах Инсмута. Здесь мне уже пришлось вступить в единоборство с зарослями чахлах, но довольно колючих кустарников и ползучего вереска, основательно потрепавших мою одежду, однако я и не думал роптать, поскольку в случае неожиданной опасности они могли бы стать достаточно сносным укрытием от возможных преследователей. При этом я ни на минуту не забывал, что большая часть маршрута моего передвижения могла просматриваться с дороги на Роули.

Совершенно неожиданно началась заболоченная местность — здесь проходила только одна колея, стлавшаяся по невысокой, поросшей травой насыпи среди заметно поредевшего кустарника. Затем попался своеобразный островок более приподнятой суши — рельсы здесь проходили через прорытый в нем проход, окруженный с обеих сторон канавами, также обильно поросшими травой и кустарником. Данное естественное укрытие оказалось как нельзя более кстати, поскольку именно в этом месте дорога на Роули, если полагаться на результаты моей реконгнoscировки из окна гостиницы, проходила в опасной близости от железнодорожного полотна. Сразу по окончании земляного проема она должна была пересекать его и удаляться на более безопасное расстояние. Пока же мне приходилось проявлять особую бдительность и радоваться уже тому, что железную дорогу, похоже, пока никто не патрулировал.

Непосредственно перед тем как войти в этот проем, я бросил короткий взгляд назад, однако преследования не обнаружил. С этого расстояния рассыпающиеся шпилы и крыши Инсмута, окруженные желтоватым, волшебным сиянием лунного света, казались очень даже симпатичными и чуть ли не воздушными, и я невольно подумал о том, как же прекрасно они смотрелись

до того, как над городом зависла эта страшная тень неведомого проклятия. Вслед за этим, когда я перевел взгляд от города вглубь суши, мое внимание привлекло нечто не столь умиротворяющее и даже пугающее, причем настолько, что я поневоле на мгновение застыл на месте.

То, что я увидел — или мне это лишь показалось? — представляло собой некое волнообразное колыхание, которое наблюдалось далеко к югу. Вскоре я понял, что по дороге на Ипсвич передвигается громадная толпа неведомых мне существ. Расстояние было слишком большим, а потому деталей я не различал, однако вид этой продвигающейся колонны меня крайне встревожил. Слишком уж странно она колыхалась и неестественно ярко поблескивала в лучах сместившейся к этому времени к западу круглой луны. Несмотря на то, что ветер дул сейчас в противоположном направлении, я вроде даже разобрал нечто похожее на отдаленный шум, а долетавшее до моих ушей какое-то дьявольское цапапанье и мычание показались еще более отвратительными и грозными, чем все те звуки, которые мне доводилось слышать до этого.

В моем мозгу пролетела вереница самых неприятных и, более того, отчаянных догадок. Я почему-то подумал о тех кошмарных Инсмутских тварях, которые, как мне рассказывали, безвылазно скрывались, в гигантских, зловонных муравейниках, буквально заповивших все морское побережье. На память пришли и те неведомые мне пловцы, которых я видел далеко в море. Более того, если принять во внимание численность всех тех групп, которые мне уже довелось наблюдать в эту ночь, а также тех отрядов, которые в настоящее время, очевидно, охраняли выходявшие из города дороги, массовость новой толпы преследователей казалась странно большой для почти безлюдной Инсмута.

Откуда же могла взяться вся эта армада, в настоящий момент представшая перед моим взором? Неужели те древние, таинственные катакомбы и в самом деле были заполнены полчищами представителей невиданной и неизвестной никому жизни? А может, некое загадочное судно и в самом деле ссадило всех их на тот дьявольский риф? Но кто они и почему оказались здесь? Ведь если столь внушительный отряд бродит по дороге на Ипсвич, не могло ли оказаться так, что патрули и на других дорогах также существенно усилены?

Я вступил в поросший кустарником проем в насыпи и принялся медленно продвигаться по нему, когда в очередной раз по-

чувствовал нахлынувшую неизвестно откуда волну тошнотворного рыбьего запаха. Неужели ветер столь стремительно изменил свое направление и стал задувать с моря, проносясь над всем городом? Скорее всего, так оно и было, поскольку я тотчас же стал различать шокировавшее меня гортанное бормотание, доносившееся с той стороны, где доселе не было слышно ни звука. Но теперь к ним примешивались и другие звуки — нечто вроде слитного, массового хлопанья или постукивания, почему-то навевавшего на меня образы самого отвратительного и жуткого свойства. Я просто не знал, что и подумать о той волнообразно колыхавшейся массе неведомых тварей, перемещавшейся по дороге на Ипсвич.

Внезапно все эти звуки и рыбья вонь как-то разом усилились, окрепли, так что я на мгновение даже замер на месте, благодаря судьбу за то, что оказался на время прикрыт возвышающимся краем земляного проема. Именно здесь дорога на Роули проходила почти рядом со старым железнодорожным полотном, прежде чем через несколько десятков метров отклониться и уйти в противоположном направлении. Ко всему прочему по этой дороге сейчас что-то двигалось, так что мне оставалось ничего другого, кроме как упасть на землю и вжаться в нее в ожидании того момента, когда эта дикая процессия минует меня и скроется в отдалении. Хвала Всевышнему, что эти ублюдки не взяли с собой собак — хотя, едва ли это принесло бы им пользу с учетом той одуряющей, перешибающей любые посторонние запахи рыбьей вони, которая наполняла сейчас всю атмосферу. Укрывшись за кустами, обильно произраставшими в этой песчаной расщелине, я чувствовал себя в относительной безопасности, хотя и понимал, что загадочные твари вскоре пройдут не более, чем в ста метрах передо мной, и я смогу их разглядеть, тогда как они — если только судьба не сыграет со мной какую-нибудь злую шутку, — меня не заметят.

И все же мне вдруг стало жутко страшно даже просто поднять на них взгляд. Я увидел залитое лунным светом открытое пространство, которое им предстояло пересечь, и почему-то в мозгу промелькнула странная, даже нелепая мысль о том, как же они загрязнят, изгадят всю эту местность. Пожалуй, из всех Инсмутских обитателей они были наиболее омерзительными — такими, которых никогда не захочешь вспомнить хотя бы для того, чтобы кому-то рассказать о них.

Вонь становилась просто невыносимой, а звуки представляли собой чудовищную смесь дикого побряхтывания, кваканья, завывания и лая, слившихся в единый, сплошной гомон, по-прежнему не имевший ничего общего с нормальной человеческой речью. Было ли это голосами моих преследователей? А может, они все же где-то нашли и взяли с собой собак, хотя за весь день мне ни разу не встретилось в городе ни одно из традиционных домашних животных. Это их похлопывание или постукивание казалось чудовищным, и я не смел даже взгляда поднять на порождавших его тварей, твердо вознамерившись держать глаза плотно закрытыми вплоть до того, как они не скроются в западном направлении.

Теперь толпа проходила почти напротив того места, где я находился — воздух был заполнен их хриплым гавканьем, а земля, казалось, подрагивала от нелепых, чуждых всему человеческому шагов. Я почти не дышал и собрал всю свою волю в кулак, лишь бы — не дай Бог! — не размежить веки.

Я и до настоящего времени не в состоянии точно определить, были ли последовавшие за этим события реальностью или всего лишь кошмарной галлюцинацией. Недавние действия властей, предпринятые после моих отчаянных призывов и ходатайств, скорее всего подтвердят то, что это все же было чудовищной правдой, но не мог ли я в те минуты и в самом деле увидеть галлюцинации, порожденные псевдогипнотическим воздействием атмосферы древнего, околдованного, одурманенного города? Подобные города обычно обладают странной, неведомой нам силой, и мистическое наследство безумных легенд вполне способно повлиять на психику отнюдь не одного человека, оказавшегося среди тех мертвых, пропитавшихся омерзительной вонью улиц, нагромождений прогнивших крыш и рассыпающихся колоколен.

Так уж ли невозможно, чтобы в глубине той зависшей над Инсмутом тени таились бациллы самого настоящего, и к тому же заразного безумия? Кто может сказать, где проходит граница между реальностью и выдумкой, после того как услышит вещи вроде тех, что рассказал мне старый Эддок Аллен? Кстати, властям так и не удалось найти его и они не имеют ни малейшего представления о том, что с ним случилось. Где же кончается сумасшествие и начинается реальная действительность? Может ли быть такое, чтобы даже мои самые последние страхи оказались всего лишь жуткой иллюзией, фантастическим в своей нелепости бредом?

И все же я должен хотя бы попытаться рассказать о том, что, как мне казалось, своими глазами увидел в лучах поддразнивающей, желтоватой луны — увидел подрагивающим и вздымающимся, прыгающим и ползущим по дороге на Роули прямо у себя перед глазами, пока лежал в густой траве того уединенного железнодорожного переезда. Разумеется, мне так и не удалось заставить себя не смотреть на происходящее; наверное, это было просто предначертано мне, ибо может ли кто-то сомкнуть глаза, когда в каких-то ста метрах от него струятся толпы, несметные орды квакающих и лающих порождений неведомой бездны, оглушая своими омерзительными голосами окрестности?

Мне казалось, то я был готов к самому худшему, и, в принципе, действительно был подготовлен к нему, если учитывать все то, что мне довелось увидеть раньше. Мои прежние преследователи и так были чудовищно аномальны, поэтому неужели я не смог бы перенести зрелище, к которому добавлен еще один новый фрагмент, элемент, доза этой самой уродливости, и взглянуть на существа, в которых вообще нет ни малейшего намека на что-то хотя бы отдаленно привычное и нормальное?

Я лежал, закрыв глаза, вплоть до тех пор, пока из какого-то пространства, располагавшегося практически прямо передо мной, не стал доноситься сиплый и одновременно оглушающий шум. Я понимал, что в те минуты довольно значительная их часть как раз должна была проходить по тому месту, где края земляного проема чуть уплощались и шоссе пересекало железнодорожную линию — и в какое-то мгновение не мог уже более сдерживаться от того, чтобы не посмотреть, какие же новые кошмарные чудеса преподнесет мне косой свет желтоватой луны.

Казалось, это был настоящий конец — конец всему тому, что осталось на земле, конец любого крохотного остатка душевного спокойствия и веры в единство природы и человеческого разума. Ничто из того, что я мог вообразить и представить себе, даже если бы поверил каждому слову в сумасшедшем рассказе старого Эздока, не могло идти ни в какое сравнение с той бесовской, проклятой Богом реальностью, которая предстала — по крайней мере, я считаю, что так оно и было — перед моими глазами. Я уже пытался ранее делать отдельные робкие намеки на то, что это было, поскольку надеялся таким примитивным образом хоть ненадолго отсрочить необходимость описания всего этого на бумаге именно сейчас. Возможно ли было такое, чтобы та самая

планета, которая сотворила человека, действительно породила подобных существ; чтобы человеческие глаза, как объективно данный нам орган чувств, и в самом деле увидели нечто такое, на фоне чего все знание человека является лишь бледной, немощной фантазией и жалкой легендой?

И все же я видел их, передвигающихся бескрайним потоком — ползущих, прыгающих, припадающих к земле, бляющих, — видел эту массу вздымающейся нечеловеческой плоти, освещаемую призрачным лунным сиянием, извивающихся в зловещих корчах дикой сарабанды фантастического кошмара. На некоторых из них были высокие тиары, сделанные из того неведомого, белесо-золотистого металла... и те диковинные наряды, а один — тот, кто возглавлял всю эту процессию, — был облачен в некое подобие отвратительного плаща с горбом на спине, в полосатые брюки и фетровую шляпу, водруженную на бесформенный отросток, который, очевидно, призван был считаться головой.

Мне показалось, что в своей массе они были серовато-зеленого цвета, но с белыми животами. Большинство из них блестели и казались осклизлыми, а края их спин были покрыты чем-то вроде чешуи. Очертаниями своими они лишь отдаленно напоминали антропоидов, тогда как головы были определено рыбы, с выпуклыми, даже выпученными глазами, которые никогда не закрывались. Сбоку на их шеях виднелись трепещущие жабры, а между отростками длинных лап поблескивали натянутые перепонки. Они вразнобой подпрыгивали, отталкиваясь то двумя, а то всеми четырьмя конечностями, и я как-то даже обрадовался, что у них их было всего четыре. Их хриплые, лающие голоса, явно созданные для некоего подобия речи, несли в себе массу жутких и мрачных оттенков, с лихвой компенсировавших малую выразительность их морд.

И все же, несмотря на всю чудовищность своего облика, они не казались мне совершенно незнакомыми. Я слишком хорошо знал, какими они должны были быть, поскольку в моем мозгу отчетливо запечатлелись воспоминания о той тиаре из музея в Нью-бэрипорте. Это были те самые рыбо-лягушки, отображенные на драгоценном украшении — но теперь живые и ужасные, — и, глядя на них, я также знал, кого именно столь зловеще напомнил мне тот горбатый, украшенный тиарой священник, которого я видел в темном дверном проеме церкви.

Я даже не пытался хотя бы приблизительно подсчитать их численность, ибо понимал, что это совершенно немыслимая задача. Я просто видел перед собой бесконечные, извивающиеся и содрогающиеся как тело червя волны — хотя мой испуганный, мимолетный взгляд смог выхватить лишь ничтожный фрагмент всей представшей передо мной картины. Но уже в следующее мгновение все это зловещее действо померкло передо мной, утонув пучине в спасительного и милосердного обморока — первую, который мне довелось испытать за всю свою жизнь.

Глава 5

Мягкий дневной дождь вывел меня из состояния глубокого забытья, и я обнаружил, что по-прежнему лежу в поросшем высокой травой искусственном ущелье, вдоль которого тянулись проржавевшие железнодорожные рельсы. Нетвердой походкой доковыляв до пролежавшего невдалеке от меня шоссе, я не обнаружил на нем ни малейших следов ног, ни мазков свежей грязи. Рыбий запах также бесследно исчез. В сероватой дымке к юго-востоку от меня маячили исковерканные крыши и безглавые колокольни Инсмута, однако на всем протяжении пустынной, соляной, болотистой местности, куда простирался мой взгляд, я не заметил ни единой живой души. Часы на руке исправно показывали время и я понял, что проспал до самого утра.

Я отнюдь не был уверен в реальности всего того, что произошло со мной несколько часов назад, однако не мог отрицать очевидного факта, что за всем этим таилась некая грозная и неясная подоплека. Я должен был как можно скорее уйти из этого Богом проклятого города и, соответственно, сразу же стал проверять дееспособность своего двигательного аппарата. Несмотря на усталость, голод и пережитой ужас, я обнаружил, что вполне способен передвигаться, а потому медленно направился по грязной дороге в сторону Роули. Уже к вечеру я добрался до деревни, где смог перекусить и обзавестись хоть какой-то относительно сносной одеждой. Затем я успел на вечерний поезд до Архэма, и уже на следующий день имел долгую и обстоятельную беседу с местными представителями официальных властей, которую позднее повторил уже в Бостоне.

Основные пункты всего того, что стало результатом этих обсуждений, уже известны широкой общественности, и я очень хотел — дабы не подвергать излишним мучениям чувство здравого смысла, — чтобы мне ничего не пришлось добавлять к данному описанию. Как знать, а вдруг меня и в самом деле постепенно охватывает какое-то безумие, а вместе с ним подступает еще больший ужас и ощущение нового невиданного чуда?

Нетрудно догадаться, что я отменил все последующие мероприятия своего запланированного отдыха, хотя прежде связывал немалые надежды с новыми сценическими, архитектурными и антикварными изысканиями. Не осмелился я также взглянуть на некий образчик ювелирного мастерства, который якобы хранился в музее Мискатонского университета. Тем не менее, свое пребывание в Аркхэме я использовал в целях пополнения информации сугубо генеалогического свойства — к сожалению, мне удалось сделать лишь самые поверхностные и поспешные записи, которые я, однако, надеюсь все же со временем расшифровать и сравнить с уже имеющимися сведениями. Руководитель тамошнего исторического общества — мистер Лэпхем Пибоди — оказал мне в этом любезное содействие и проявил необычайный интерес к тому обстоятельству, что я являюсь внуком Элизы Орне из Аркхэма, которая родилась в 1867 году и в семнадцатилетнем возрасте вышла замуж за Джеймса Вильямсона из Огайо.

Как выяснилось, мой дядя по материнской линии много лет назад также бывал в этих местах и занимался поисками, во многом схожими с теми, которые вел я сам. Более того, мне сообщили, что семья моего деда в свое время наделала немало шума и была объектом пристального интереса в местных кругах. По словам мистера Пибоди, широкие дискуссии тогда вызвала женитьба отца моей матери, Бенджамина Орне, состоявшаяся сразу после Гражданской войны, поскольку родословная невесты была поистине прелюбопытной. Как предполагалось, она являлась сиротой и была удочерена одним из членов нью-гэмпширского рода Маршей, точнее — тех Маршей, которые жили в графстве Эссекс, — однако образование она получила во Франции и очень слабо знала свою новую семью. Опекун перевел на ее счет в бостонском банке солидные средства, чтобы она могла безбедно жить со своей французской гувернанткой, хотя фамилия этого опекуна показалась жителям Аркхэма совершенно незнакомой, а сам он на время исчез из виду, а потому со временем его пра-

ва по суду перешли к этой самой гувернантке. Французенка — ныне уже давно покойная — отличалась крайней неразговорчивостью, и многие считали, что на самом деле она знала гораздо больше того, о чем рассказывала.

Однако наиболее обескураживающим оказалось то, что никто не мог припомнить, чтобы законные родители молодой женщины — Энох и Лидия (Месерв) Марш — когда-либо проживали в Нью-Гэмпшире. Высказывались предположения, что на самом деле она была отнюдь не приемной, а самой что ни на есть родной дочерью одного из членов рода Маршей — если на то пошло, у нее были типично их глаза. Но самое поразительное обстоятельство вскрылось лишь после ее ранней кончины, которая наступила при рождении моей бабки — ее единственного ребенка. Успев к тому времени сформировать собственное и весьма нелицеприятное мнение о человеке по фамилии Марш, я, естественно, отнюдь не возрадовался тому обстоятельству, что он также является одной из ветвей на генеалогическом древе нашего семейства, равно как и не преисполнился горделивым чувством, узнав от мистера Пибоди, что и у меня самого глаза точь-в-точь как у покойного Марша. Тем не менее, я был бесконечно благодарен ему за предоставленную информацию, которая, в чем я нисколько не сомневался, окажется весьма ценной, после чего попросил его также показать мне все те отнюдь не скудные записи и перечни архивных материалов, которые имели отношение к тщательно задокументированной истории семьи Орне.

Из Бостона я сразу же отправился домой в Толидо, после чего примерно месяц отдыхал, зализывая раны перенесенных мною потрясений. В сентябре я продолжил обучение на последнем, пятом курсе университета, и вплоть до июня следующего года был всецело погружен в учебный процесс и прочие университетские дела. Об Инсмутском инциденте я вспоминал лишь в тех редких случаях, когда меня посещали представители официальных властей по поводу моего памятного ходатайства к ним и просьбы максимально тщательно разобраться с этим кошмарным делом. Примерно в середине июля — то есть спустя ровно год после моей поездки в Инмут — я провел неделю с семьей моей матери в Кливленде, сверяя полученную мною генеалогическую информацию с некоторыми семейными вещами и оставшимися документами и записями, а также размышляя над тем, какая же из всего этого получалась картина.

Нельзя сказать, чтобы я получал особое удовольствие от этой деятельности, поскольку атмосфера, царившая в доме Вильямсонов, неизменно угнетала меня. Был в ней какой-то смутный отпечаток некоей болезненности, да и моя мать при жизни также не поощряла моих визитов в свою бывшую семью, хотя сама неизменно приглашала отца, когда он приезжал в Толидо, погостить у нас в доме. Моя родившаяся в Аркхэме бабка неизменно производила на меня странное, поистине устрашающее впечатление, а потому я отнюдь не горевал, когда она неожиданно исчезла. Мне тогда было восемь лет, и люди поговаривали, что она ушла из дома, не вынеся горя после самоубийства ее старшего сына Дугласа — моего дяди. Он застрелился вскоре после поездки в Новую Англию — несомненно, той самой поездки, благодаря которой его и запомнили в кругах Аркхэмского Исторического общества.

Дядя был очень похож на нее, а потому тоже не очень-то мне нравился. Мне всегда было немного не по себе, а то и просто страшновато от их пристальных, немигающих взглядов. Моя собственная мать и дядя Уолтер никогда на меня так не смотрели. Они вообще были очень похожи на своего отца, хотя мой маленький бедный кузен Лоуренс — сын Уолтера — был почти точной копией своей бабки вплоть до тех пор, пока какой-то серьезный недуг не вынудил его навсегда уединиться в лечебнице в Кэнтоне. Я не видел его четыре года, но мой дядя, регулярно навещавший его, как-то намекнул, что состояние его здоровья — как умственного, так и физического — крайне тяжелое. Видимо, именно это обстоятельство явилось главной причиной безвременной кончины его матери два года назад.

Таким образом, мой дед и его овдовевший сын Уолтер теперь составляли кливлендскую ветвь нашей семьи, над которой по-прежнему продолжала зависеть тень былых воспоминаний. Мне все так же не нравилось это место, а потому я старался как можно скорее завершить свои исследования. Дед в изобилии снабдил меня всевозможной информацией и документами относительно истории и традиций нашего рода, хотя по части прошлого ветви Орне мне пришлось опираться исключительно на помощь дяди Уолтера, который предоставил в мое распоряжение содержимое всех своих досье, включая записи, письма, вырезки, личные вещи, фотографии и миниатюры.

Именно изучая письма и картины, имевшие отношение к семейству Орне, я стал постепенно испытывать ужас в отношении

своей собственной родословной. Как я уже сказал, общение с моей бабкой и дядей Дугласом всегда доставляло мне массу неприятных минут. Сейчас же, спустя много лет после их кончины, я взирал на их запечатленные на картинах лица со все возрастающим чувством гадливости и отчужденности. Суть перемены поначалу ускользала от меня, однако постепенно в моем подсознании начало вырисовываться нечто вроде ужасающего сравнения, причем даже несмотря на неизменные отказы рациональной части моего разума хотя бы заподозрить что-то подобное. Было совершенно очевидно, что характерные черты их лиц начали наводить меня на некоторые мысли, которых раньше не было и в помине — на мысли о чем-то таком, что, предстань оно передо мной со всей своей резкой и явной очевидностью, могло бы попросту повергнуть меня в состояние безумной паники.

Но самое ужасное потрясение ожидало меня тогда, когда дядя показал мне образцы ювелирных украшений семьи Орне, хранившихся в одной из ячеек банковского сейфа. Некоторые из них представляли собой весьма тонкие и изящные изделия, но была там среди прочего и коробка с довольно странными старыми вещами, которые достались им от моей таинственной прабабки, причем дядя с явным нежеланием и даже отвращением продемонстрировал их мне. По его словам, это были явно гротескные и даже отталкивающие изделия, которые, насколько ему было известно, никто никогда не носил на людях, хотя моей бабке очень нравилось порой любоваться ими. С ними были связаны какие-то малопонятные приметы типа дурного глаза или неведомой порчи, а француженка-гувернантка моей прабабки якобы прямо говорила, что их вообще нельзя носить в Новой Англии — разве что лишь в Европе.

Прежде, чем начать медленно, с недовольным ворчанием открывать коробку с этими изделиями, дядя предупредил меня, чтобы я не пугался их явно необычного -и даже отчасти зловещего вида.

Художники и археологи, которым довелось видеть их, признавали высочайший класс исполнения и экзотическую изысканность этих изделий, хотя никто из них не смог определить, из какого материала они были изготовлены и в какой художественной традиции выполнены. Среди них были два браслета, тиара и какое-то нагрудное украшение,

причем на последнем были запечатлены поистине фантастические сюжеты и фигуры.

В ходе всех этих дядиных пояснений я пытался максимально сдерживать свои эмоции, однако лицо, похоже, все же выдавало мой усиливающийся страх. Дядя явно встревожился и даже на время отложил демонстрацию изделий, желая проверить мое самочувствие. Я, тем не менее, попросил его продолжать, что он и сделал, по-прежнему храня на лице все то же выражение открытой неприязни и отвращения. Пожалуй, он допускал отчасти повышенной эмоциональной реакции с моей стороны, когда первый предмет — тиара — был извлечен из коробки, однако сомневаюсь, чтобы он мог допустить именно то, что произошло. Пожалуй, не ожидал происшедшего и я сам, поскольку считал себя вполне подготовленным и имел некоторое представление о том, какое зрелище должно было предстать перед моими глазами... и все же свалился в обморок — точно так же, как это произошло на том поросшем вереском и кустарником железнодорожном переезде год назад.

С того самого дня вся моя жизнь превратилась в череду кошмарных раздумий и жутковатых ожиданий, поскольку я не знал, сколько во всем этом зловещей правды, а сколько безумного вымысла. Моя прабабка также носила фамилию Марш и имела загадочное происхождение, а муж ее жил в Аркхэме — а разве не говорил старый Зэдок, что дочь Оубеда Марша, родившаяся от его брака с некоей таинственной чужеземкой, была обманым путем выдана замуж за какого-то господина из Аркхэма? И что этот древний пьяница болтал насчет сходства моих глаз и глаз капитана Оубеда? Да и тот Аркхэмский ученый тоже подметил, что глаза у меня — в точности как у Маршей. Так не был ли Оубед Марш моим пра-прадедом? И кем же — чем же — была в таком случае моя пра-прабабка?

Впрочем, все это могло быть и чистым, хотя и безумным совпадением. Эти светло-золотистые украшения вполне могли быть куплены отцом моей прабабки, кем бы он ни был на самом деле, у какого-нибудь Инсмутского матроса. А эти взгляды, запечатленные на лицах моей бабки и ее сына-самоубийцы, могли быть всего лишь плодом моей собственной фантазии — чистейшей воды выдумкой, приукрашенной воспоминаниями о том Инсмутском инциденте, которые неотступно преследовали меня

все эти месяцы и дни. Но почему тогда мой дядя покончил с собой именно после той памятной поездки по местам жизни предков в Новой Англии?

На протяжении более, чем двух лет я с большим или меньшим успехом отвергал все подобные сомнения. Отец способствовал получению мною хорошей должности в страховой компании, и я постарался как можно глубже погрузиться в атмосферу новой работы. Но зимой 1930–31 годов у меня начались странные сновидения. Крайне разрозненные и поначалу отнюдь не навязчивые, они с каждой неделей повторялись все чаще, получая при этом все более яркую окраску. Передо мной словно расстилались бескрайние водные просторы, а сам я бродил по титаническим подводным галереям и лабиринтам, составленным из поросших водорослями циклопических стен, и рыбы были моими единственными спутниками в этих блужданиях. Вскоре стали возникать и новые образы, которые переполняли мою душу чудовищным страхом, но почему-то всякий раз лишь после того как я просыпался. Непосредственно во сне они меня совершенно не беспокоили — ведь я был одним из них, и носил какие-то причудливые, совершенно нечеловеческие украшения, бороздил их подводные пути и совершал чудовищные ритуальные процедуры в их располагавшихся на морском дне зловещих храмах.

Сны мои были наполнены такой массой причудливых видений и диковинных образов, что я смог запомнить лишь — ничтожную толику увиденного, однако даже того, что сохранилось в моей памяти, с лихвой хватило бы на то, чтобы навеки прослыть безумцем, или, напротив, гением, если бы я осмелился записать все увиденное. Одновременно с этим я чувствовал, что некая неведомая и пугающая сила настойчиво пыталась вытащить меня из мира нормальной и здоровой человеческой жизни и ввергнуть в пучину непроглядной тьмы и чужеродного существования, что, конечно же, тяжелым камнем ложилось мне на душу. Состояние моего здоровья и даже внешность подверглись существенному ухудшению, так что в конце концов мне пришлось оставить свою работу и перейти на затворнический, почти неподвижный образ жизни инвалида. Меня словно поразил некий странный нервный недуг, отчего я временами в буквальном смысле был не в состоянии сомкнуть глаз.

Именно тогда я со все возрастающей тревогой стал рассматривать в зеркале собственное отражение. Едва ли человеку до-

ставляет удовольствие наблюдать постепенно усиливающиеся признаки развития какого-то заболевания, но в моем случае было нечто более тонкое, неуловимое и одновременно обескураживающее. Мой отец также стал это подмечать и поглядывать на меня с явным недоумением, а подчас и с откровенным испугом. Что же во мне происходило? Не могло ли так получиться, что я постепенно становился похожим на мою бабушку и дядю Дугласа?

Однажды ночью мне приснился страшный сон, в котором я якобы встретился со своей бабушкой, причем встреча эта состоялась где-то под водой, в океанской пучине. Она жила в фосфоресцирующем дворце, состоящем из многочисленных террас, с садами, в которых произрастали странные, какие-то чешуйчатые, гнилостного цвета кораллы, образовавшие ветвистые, чем-то похожие на уродливые деревья посадки. Старуха довольно тепло поприветствовала меня, хотя было в ее манерах что-то насмешливое, почти сардоническое. Она сильно изменилась — как существа, которые перешли на постоянную жизнь в воде, — и сказала, что якобы вообще никогда не умирала. Вместо этого она переместилась в такое место, о котором узнал ее сын Дуглас, и стала обитать в царстве, чудеса которого — предназначенные также и для него — он сам отверг дымящимся дулом своего револьвера. Это будет и мое царство — никуда мне от этого не деться, и я тоже никогда не умру, а буду жить вместе с теми, кто существовал уже тогда, когда на земле вообще не было людей.

Видел я и ту особу, которая являлась ее бабушкой. В течение восьмидесяти тысяч лет ее предки Пт'тия-л'йи жили в Й'хантлеи, и именно туда она вернулась после смерти Оубеда Марша. Й'хантлеи не подвергся разрушению, когда люди с верхней земли наслали в море смерть. Глубоководных вообще невозможно уничтожить, хотя палеогеновая магия давно забытых Старожилов иногда может причинять им отдельные неприятности. В настоящее время они пребывают в состоянии покоя, но настанет такой день — если они еще помнили об этом — когда они восстанут снова и воздадут должное ненасытной жажде Великого Ктулху. В следующий раз это будет уже совершенно новый город, гораздо более величественный, чем Инсмут. Они заметно расширят свое влияние и уже подготовили тех, кто поможет им в этом деле, однако пока должны выждать некоторое время. За то, что я вызвал смерть их людей на верхней земле, я должен принести покаяние, но оно не будет слишком уж тяжелым.

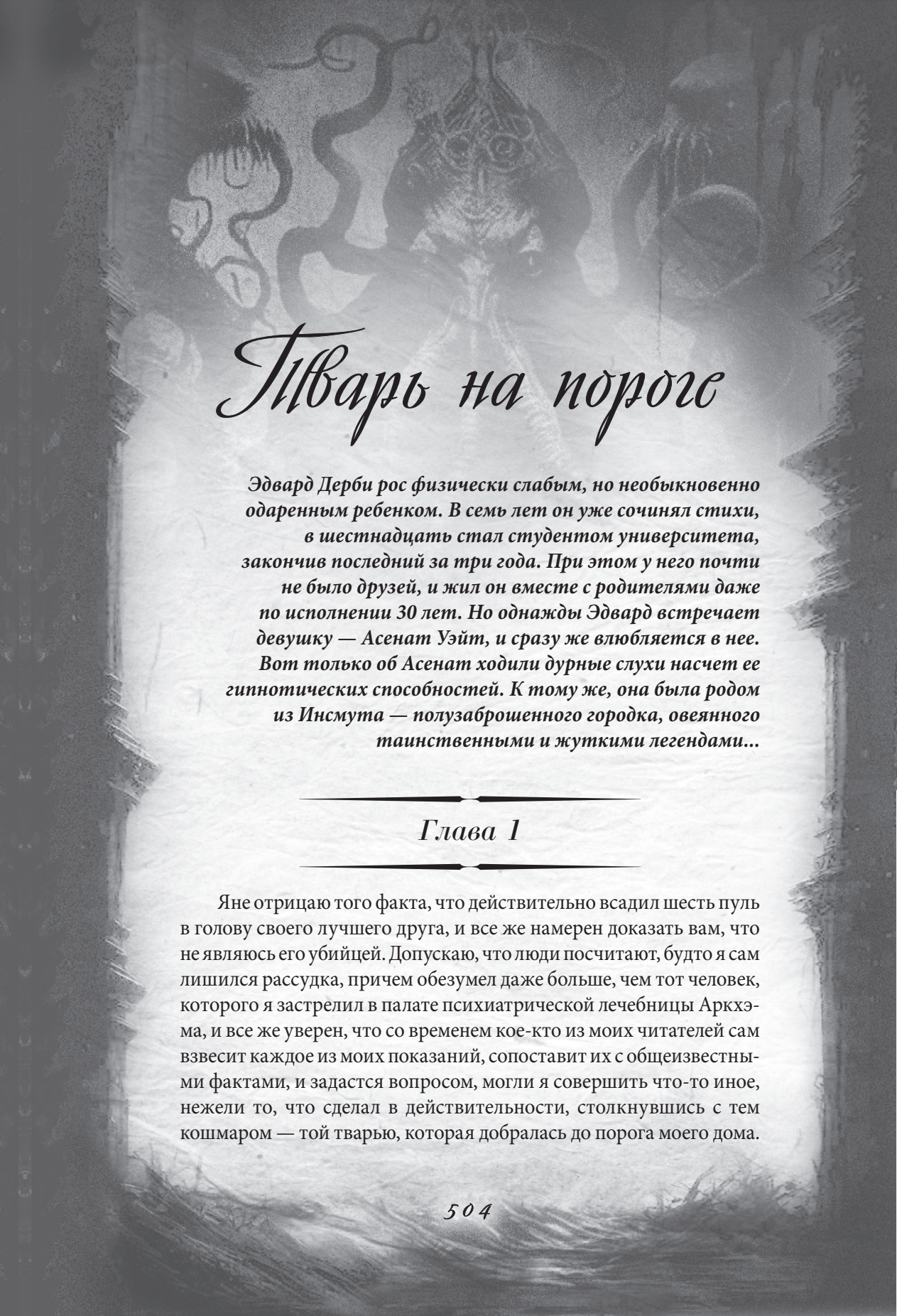
Это был тот самый сон, в котором я впервые увидел шоггота, и один лишь вид его поверг меня в состояние безумного ужаса, заставившего с криком проснуться. В то утро зеркало со всей очевидностью подтвердило мне, что я также окончательно приобрел ту самую характерную «Инсмутскую внешность».

Я пока решил не накладывать на себя руки, как это сделал дядя Дуглас. Правда, я купил автоматический пистолет и однажды едва было не совершил роковой шаг, но какие-то сны все же удержали меня. Жестокие, наиболее пронзительные ночные видения стали постепенно стихать и сглаживаться, а вместо того меня стало необъяснимым образом манить в морскую бездну. Во сне я часто слышу и совершаю странные вещи, а когда просыпаюсь, то ощущаю уже не ужас, а самый настоящий, неподдельный восторг. Я не верю в то, что мне придется дожидаться полной перемены, на что было обречено большинство других. В противном случае отец навечно упрячет меня в сумасшедший дом, как он поступил с моим несчастным кузеном. Внизу меня поджидало нечто неслыханное и великолепное, и скоро я встречу с ним. Йа-Р'лия! Ктулху фхтагн! Иа! Иа! Нет, я не застрелюсь — я создан отнюдь не для этого!

Я разработаю план бегства моего кузена из той лечебницы в Кэнтоне, и мы вместе отправимся в сокрытый восхитительной тенью Инсмут. Мы поплывем к тому загадочному рифу и окунемся вглубь черной бездны, навстречу циклопическим, украшенным множеством колонн Й'ха-нтлеи, и в этом логове Глубоководных обретем вечную жизнь, окруженные всевозможными чудесами и славой.

1936

© Перевод Э. Серовой



Тварь на пороге

Эдвард Дерби рос физически слабым, но необыкновенно одаренным ребенком. В семь лет он уже сочинял стихи, в шестнадцать стал студентом университета, закончив последний за три года. При этом у него почти не было друзей, и жил он вместе с родителями даже по окончании 30 лет. Но однажды Эдвард встречается девушку — Асенат Уэйт, и сразу же влюбляется в нее. Вот только об Асенат ходили дурные слухи насчет ее гипнотических способностей. К тому же, она была родом из Инсмута — полузаброшенного городка, овеянного таинственными и жуткими легендами...

Глава 1

Яне отрицаю того факта, что действительно всадил шесть пуль в голову своего лучшего друга, и все же намерен доказать вам, что не являюсь его убийцей. Допускаю, что люди посчитают, будто я сам лишился рассудка, причем обезумел даже больше, чем тот человек, которого я застрелил в палате психиатрической лечебницы Аркхэма, и все же уверен, что со временем кое-кто из моих читателей сам взвесит каждое из моих показаний, сопоставит их с общеизвестными фактами, и задастся вопросом, могли я совершить что-то иное, нежели то, что сделал в действительности, столкнувшись с тем кошмаром — той тварью, которая добралась до порога моего дома.

Прежде, можно сказать, вплоть до той самой нелепой и дикой встречи на крыльце собственного дома, я также считал все эти рассказы, которые в конечном итоге и заставили меня действовать столь решительным образом, сплошным бредом безумца. Даже сейчас продолжаю задавать себе вопрос, не был ли я введен в заблуждение, поскольку в подобном случае и вправду оказался бы сумасшедшим маньяком. Одним словом, я ничего не знаю наверняка, хотя кругом меня ходит масса всевозможных странных слухов про Эдварда и Айзенат Дерби, и даже наша флегматичная и бесстрастная полиция оказалась полностью сбитой с толку и не может найти объяснения тому последнему кошмарному визиту. Разумеется, они предпринимали, да и до сих пор продолжают предпринимать слабые попытки создать некое подобие теории или версии, желая объяснить случившееся всего лишь дикой и мерзкой шуткой-предостережением, якобы подстроенной уволенными слугами, хотя в глубине души и сами наверняка убеждены в том, что правда лежит значительно глубже, представляет собой нечто гораздо более невероятное и ужасное.

Итак, я торжественно заявляю, что в действительности не убивал Эдварда Дерби — разве что отомстил за его жизнь и таким образом спас нашу Землю от того ужаса, развитие и распространение которого могло иметь самые чудовищные последствия для всего человечества. Теперь я знаю, что в непосредственной близости от тех мест повседневной, реальной действительности, по которым ежедневно ступают наши ноги, существуют — также обитаемые — мрачные зоны черной, непроглядной тени, и время от времени та или иная дьявольская душа прокладывает оттуда к нам свои зловещие тропы. Когда происходит нечто подобное, человек, которому это стало известно, просто обязан нанести решающий удар, не тратя времени на раздумья о возможных последствиях.

Эдварда Пикмэна Дерби я знал на протяжении практически всей его жизни. Будучи на восемь лет моложе меня, он сизмальства отличался тем не по годам развитым умом, который позволил нам с ним иметь много общего уже тогда, когда ему было всего восемь лет, а мне уже шестнадцать. Это был самый поразительный, от природы одаренный ребенок, которого мне когда-либо доводилось видеть в своей жизни. Уже в семилетнем возрасте он писал свои угрюмые, мрачные, фантастические стихи, немало изумлявшие и меня, и окружавших его учителей. Допускаю, что, именно его индивидуальное образование, а также уединенный,

во многом изнеженный образ жизни отчасти обусловили столь раннее умственное созревание. Будучи единственным ребенком в семье, он от рождения был весьма слаб физически, что сильно тревожило его нежно любящих родителей, ни на шаг не отпускавших от себя свое чадо. Ему никогда не разрешали выходить из дома без няни, и он практически не имел возможности беззаботно и свободно играть с другими детьми. Все это, несомненно, отразилось на личности мальчика, сформировало его весьма скрытную внутреннюю жизнь, оставив воображение единственным путем к внешней свободе.

Как бы то ни было, уже его ранние детские познания отличались поразительной, поистине фантастической широтой, а свободная и легкая манера письма неизменно пленяла меня, даже несмотря на мое превосходство в возрасте. К тому времени я обнаружил в себе склонность к искусству весьма гротескного свойства, и обнаружил в этом мальчике на редкость близкую мне душу. Помимо нашей общей любви ко всевозможным тайнам и чудесам, мы, несомненно, оба были очарованы тем древним, постепенно разрушающимся и чуточку страшноватым городом, в котором мы жили — опутанным ведьмиными проклятиями и загадочными легендами Аркхэме, чьи слепившиеся в единую массу, прогнувшиеся двускатные крыши и рассыпающиеся георгианские балюстрады веками возвышались над мутными, тихо журчащими, словно что-то нашептывающими себе водами Мискатоника.

Шло время. Через несколько лет я стал архитектором и потому оставил былую затею проиллюстрировать книгу демонических поэм Эдварда, хотя связывавшие нас отношения товарищества от этого ничуть не пострадали. Странный поэтический гений молодого Дерби еще больше раскрылся, и к восемнадцатилетнему возрасту собрание его жутковатой лирики произвело подлинную сенсацию в кругах местной интеллигенции, будучи опубликованным под названием «*Азатот и другие ужасы*». Он поддерживал регулярную переписку с печально известным поэтом бодлерианского направления Джастином Жоффреем, написавшим «Людей Монолита» и в диких муках встретившим в 1926 году свой смертный час в сумасшедшем доме после того, как однажды посетил зловещую и пользовавшуюся дурной славой венгерскую деревню.

В вопросах самой обыденной и практической смекалки, однако, Дерби проявлял поразительную отсталость, что

явно было обусловлено его изнеженным воспитанием и за-творническим образом жизни. Состояние его здоровья не-сколько улучшилось, однако взлелеянные сверхзаботливыми родителями привычки детской зависимости со временем отнюдь не утратили своей силы, а потому он никогда не путешествовал в одиночку, не принимал самостоятельных решений и не возлагал на себя никакой ответственности. Довольно скоро всем стало ясно, что он отнюдь не создан для борьбы на деловом или профессиональном поприще, од-нако состояние его семьи было столь значительным, что никакой трагедии в этом не было.

С годами повзрослев, он во многом сохранил — кстати, весьма обманчивые — черты мальчишеской внешности. Светловолосый и голубоглазый, Эдвард имел свежее, миловидное лицо ребенка, а его усы, которые он упорно пытался отрастить, можно было за-метить лишь при самом пристальном рассмотрении. У него был мягкий и легкий голос, а лишенная испытаний жизнь придала его облику некое сходство с юным херувимчиком, избавив даже от малейшего намека на грузность преждевременной зрелости. Он был довольно высокого роста, что в сочетании с приятной внеш-ностью вполне могло бы сделать из него галантного кавалера, если бы тому не препятствовала застенчивость, во многом обусловив-шая его склонность к уединению и книгам. Каждое лето родители Дерби вывозили его за границу, и он с завидной легкостью вос-принимал различные внешние стороны европейского мышления и жизни в целом. Его выраженный в духе Эдгара По талант все больше тяготел к декадансу, тогда как другие художественные склонности и устремления оставались в полуразвитом состоянии. В те дни мы подолгу с ним беседовали на самые различные темы.

Что до меня самого, то, окончив Гарвард, а затем продолжив уже практическое обучение в бостонском архитектурном бюро, я женился и под конец вернулся в родной Аркхэм, чтобы занять-ся любимым делом, и поселился в фамильном доме на Солтон-стэлл-стрит, поскольку отец мой к тому времени по состоянию здоровья перебрался во Флориду. Эдвард чуть ли не каждый ве-чер наносил мне визиты, так что со временем я стал относиться к нему как к одному из обитателей дома. У него была своя соб-ственная манера звонить или стучать в дверь, что стало своего рода только ему присущим кодовым сигналом, а потому вскоре

после ужина я частенько прислушивался, не прозвучат ли привычные три отрывистых звонка или удара, сопровождаемые — после паузы — еще двумя. Я также, хотя и значительно реже, посещал его дом, где каждый раз не без некоторой зависти замечал появление в его непрерывно разрастающейся библиотеке все новых увесистых фолиантов.

Учился Дерби у себя в Архэме — в Мискатонском университете, — поскольку родители даже на время учебы не хотели отпускать сына от себя. Поступив в него в шестнадцатилетнем возрасте, он уже через три года завершил обучение по курсу английской и французской литературы, получив отличные оценки по всем предметам, за исключением разве что математики и естественных наук. С другими студентами он практически не общался, хотя и не без зависти поглядывал на их «смелые» или «богемные» наряды, пытаясь даже копировать их поверхностно «острый» язык, бессмысленную ироничную позу и весьма сомнительную манеру поведения.

В чем же он преуспел на самом деле, так это в том, что стал искренним приверженцем и усердным исследователем всевозможных тайных магических знаний, ибо библиотека Мискатонского университета всегда была и до сих пор остается одним из крупнейших хранилищ книг из этой области. Сызмальства проявляя поверхностный интерес ко всевозможным фантазиям и причудливым вещам и явлениям, он со временем с головой ушел в изучение различных рун и загадок, дошедших до нас из легендарного прошлого, и словно специально созданных далекими предками для того, чтобы отчасти направлять, но больше озадачивать последующие поколения. Он зачитывался такими произведениями как пугающей «Книгой Эйбона», творениями фон Юнзта, созданным безумным арабом Абдул Альхазредом запретным «Некрономиконом», хотя и хранил в тайне от родителей тот факт, что вообще когда-либо держал их в своих руках. Эдварду исполнилось двадцать лет, когда родился мой единственный сын, и ему явно было приятно, когда своего ребенка я назвал в его честь Эдвардом Дерби Аптоном.

К двадцати пяти годам Эдвард Дерби стал поразительно образованным в своей области знания человеком, и довольно хорошо известным поэтом и фантастом, хотя явный дефицит контактов с живыми людьми отчасти замедлял его литературный рост, поскольку придавал его произведениям несколько искусственный

характер сугубо книжных творений. Возможно, я был самым близким другом Эдварда, считая его неисчерпаемым источником важнейших теоретических посылок, тогда как сам он опирался на меня во всех тех вопросах, в которых не хотел обращаться за помощью к собственным родителям. Он почти всегда пребывал в одиночестве — не столько задавшись подобной целью, сколько в силу своей застенчивости, инертности и избыточного родительского покровительства, — и в обществе показывался крайне редко, да и то на весьма поверхностном уровне. Когда началась война, его по причине слабого здоровья и укоренившейся робости освободили от службы в армии. Я же был направлен в Платсберг для прохождения комиссии, однако на театр боевых действий так и не попал.

Прошло еще несколько лет. Когда Эдварду было тридцать четыре года, умерла его мать, после чего он на несколько месяцев оказался выведен из строя какой-то разновидностью странного психического недуга. Для лечения отец свозил его в Европу, где ему удалось довольно существенно поправить здоровье сына. С тех пор Эдвард весьма часто пребывал в состоянии некоего подчеркнутого оживления и веселья, словно радуясь тому, что хотя бы частично освободился от сковывавших его доселе пут. Несмотря на свой вполне зрелый возраст, он стал общаться с более «прогрессивно мыслящими» молодыми людьми, а однажды даже оказался замешан в какую-то довольно темную и одновременно дикую историю, после чего был вынужден уплатить вымогателю крупную сумму (кстати, занятую у меня), дабы сохранить в тайне от отца свою причастность к этому делу. В Мискатонском университете тогда вовсю циркулировали довольно странные и даже зловещие слухи относительно некоторых из таких группировок, причем поговаривали о чем-то связанном с черной магией и даже о более невероятных и непостижимых вещах.

Глава 2

Эдварду было тридцать восемь лет, когда он встретил Айзенат Уэйт. По моим оценкам, в то время ей было года двадцать три, и в Мискатонском университете она прослушивала курс средневековой метафизики. Дочери одного из моих друзей ранее

доводилось встречаться с Айзенат в школе Холла в Кингспорте, однако она старалась держаться подальше от этой девушки из-за ее весьма странной репутации. Это было темноволосое, миниатюрное существо, можно сказать, даже весьма хорошенькое, если не считать ее чересчур выпуклых глаз. И все же было во всем ее облике нечто такое, что сразу настораживало и противопоставляло ей других, в первую очередь повышенно чувствительных людей, хотя основная причина того, что многие отворачивались от нее, заключалась в происхождении этой девушки и ее манере общаться. Она происходила из семьи Инсмутских Уэйтов, а в сознании многих еще были живы мрачные, из поколения в поколение передававшиеся легенды про разрушающийся, ныне почти опустевший Инсмут и его обитателей. Ходила молва о каких-то кошмарных сделках, заключавшихся его жителями в середине XIX века, и о странных чертах их внешности, которые вроде бы были «не вполне человеческими», словно затаившимися в древних семьях полуразвалившегося порта. Впрочем, все это оставалось лишь молвой, придумать и со страшным замиранием в голосе повторять которую могли лишь представители старых янки.

Что же до самой Айзенат, то ее личная история усугублялась еще и тем обстоятельством, что она была дочерью Эфраима Айзената — весьма престарелого мужчины, который некогда взял себе в жены никому не известную, женщину, постоянно носившую вуаль. Эфраим жил в Инсмуте в наполовину развалившемся особняке на Вашингтон-стрит, и те, кому доводилось видеть это место (а надо сказать, что жители Аркхэма посещают Инсмут очень редко и лишь по самой крайней необходимости), утверждали, что окна мансарды их дома были всегда закрыты ставнями и что по вечерам оттуда доносились весьма странные звуки. В годы своей юности Эфраим был поразительно способным малым, изучавшим оккультные науки и магию, и по слухам якобы мог по собственной прихоти вызывать на море шторм или, напротив, уgomонить стихию. В юные годы мне и самому доводилось пару раз видеть его, когда он приезжал в Аркхэм, чтобы познакомиться в университетской библиотеке с содержанием некоторых запретных томов, и, надо признать, у меня неизменно вызывало глубокое отвращение его волчье, угрюмое лицо, обрамленное косматой седоватой бородой. Умер он при весьма загадочных обстоятельствах, и к тому же перед этим окончательно лишившись рассудка. Вскоре после кончины отца его дочь — кстати, по воле

покойного назначенная формальным опекуном оставленного им наследства — поступила в школу Холла. Люди обращали внимание на то, что девушка, как и покойный отец, отличалась чуть ли не патологической жадностью и временами выглядела, опять же как и он, поразительно отвратно.

Когда слухи о знакомстве Эдварда с Айзенат стали темой для обсуждения, мой друг — тот самый, дочь которого вместе с ней училась в школе, — сообщил мне массу интересного в отношении данной особы. Оказывается, в школе Айзенат слыла чем-то вроде местного чародея, и, по его словам, в самом деле могла проделывать в высшей степени поразительные, подчас просто обескураживающие вещи. В частности, она умела вызывать грозу, хотя обычно окружающие были склонны объяснять это неким ловким трюкачеством. Все животные относились к ней с неприязнью, а сама она определенными движениями правой руки могла заставить выть любую собаку. Временами она демонстрировала обрывки довольно странных для столь молоденькой девушки и к тому же весьма шокирующих познаний в самых невероятных областях, ни с того ни с сего начинала говорить на непонятных языках; или какими-то особыми, почти неуловимыми хитрыми взглядами и подмигиваниями пугала других учениц, причем создавалось впечатление, что все это доставляет ей какое-то непристойно-пикантное удовольствие.

Но самыми необычными, пожалуй, были подтверждаемые многочисленными свидетелями примеры оказания ею воздействия на конкретных людей, а потому уже вскоре практически ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что Айзенат была прирожденным гипнотизером. Пристально всматриваясь в того или иного коллегу-студента, она подчас создавала у нею ощущение, что он быстро превращается в совершенно другого человека. Испытуемые сообщали, что эта самодеятельная чародейка как бы мгновенно обменивалась с ними телами, отчего они получали возможность смотреть как бы со стороны на свое собственное, теперь уже бывшее тело, ярко блестящие, злобные глаза которого, в свою очередь, взирали на него самого.

Иногда Айзенат также высказывала совершенно нелепые, даже дикие суждения относительно природы сознательного, его независимости от физической оболочки тела — по крайней мере, от протекавших в этой оболочке жизненных процессов. У девушки вызывало самую настоящую ярость то обстоятельство, что ей

суждено было родиться женщиной, а не мужчиной, поскольку, как она твердо знала, мужской мозг обладает некой совершенно уникальной и особо мощной космической энергией. По ее словам, будь у нее мозг мужчины, она смогла бы не только сравняться, но и превзойти своего покойного отца по части совершения совершенно непостижимых вещей.

Эдвард познакомился с Айзенат на собрании молодежной «интеллигенции», которая состоялась в комнате одного из студентов, и на следующий день, придя ко мне, в буквальном смысле захлебывался от возбуждения, рассказывая об этой девушке. Он нашел ее в высшей степени интересным человеком и эрудированным собеседником, который произвел на него просто ошеломляющее впечатление, и, помимо всего прочего, был совершенно сражен ее внешними данными. Сам я никогда раньше не видел Айзенат и довольно смутно припоминал разрозненные описания ее внешности, однако имел общее представление о том, кто она такая. Про себя я искренне досадовал, что Дерби столь сильно увлекся ею, однако даже не подумал разубеждать его, ибо понимал, что любые возражения лишь еще больше распалят его страсть. По его словам, в беседах с отцом он даже словом не обмолвился о своей новой знакомой.

В течение нескольких следующих недель имя Айзенат практически не сходило с уст молодого Дерби. Теперь и другие стали подмечать явные признаки его буйно расцветших амурных чувств; при этом все сходились во мнении, что поведение Эдварда никак не соответствует ни его возрасту, ни прежним привычкам, и потому со стороны выглядит крайне нелепо то, что он волочит за столь экстравагантным, в чем-то даже фантастическим «божеством». Впрочем, несмотря на ленивый, неизменно потворствующий собственным желаниям образ жизни, у Эдварда в то время лишь едва намечалось небольшое брюшко, а лицо его и вовсе было практически лишено морщин. У Айзенат же, несмотря на ее почти юный возраст, напротив, вокруг глаз успела образоваться сеть «гусиных лапок», что явно было обусловлено особой интенсивностью ее опытов и экспериментов, требовавших повышенной сосредоточенности и максимальной мобилизации воли.

Однажды Эдвард зашел ко мне вместе со своей подругой, и я с первых минут их пребывания в моем доме обратил внимание на то, что его чувство по отношению к Айзенат было явно взаимным. Она неотрывным, почти хищническим взглядом сле-

дила за каждым жестом и движением своего кавалера, и я понял, что оба не на шутку привязались друг к другу.

Вскоре после этого меня навестил старый мистер Дерби, которого я всегда искренне уважал и даже восхищался им. До него также дошли слухи о новой пассии его сына, а кроме того ему удалось разузнать кое-какие подробности от самого «мальчика». Эдвард всерьез подумывал о том, чтобы жениться на Айзенат, и даже уже начал подыскивать подходящий дом в предместьях города. Зная о том, что я пользуюсь у его сына большим авторитетом, отец хотел узнать, не смогу ли я как-то воспрепятствовать этому порочному намерению, на что я, увы, высказал ему свои самые искренние сомнения. Свою позицию я пояснил тем, что в данном случае речь шла не столько о слабой воле самого Эдварда, сколько о твердости намерений со стороны женщины. Вечный ребенок сменил родителей, как субъектов своей зависимости, на новый и более сильный образ, и по этому поводу уже ничего нельзя было сделать.

Бракосочетание состоялось месяц спустя — по настоянию невесты их сочетал мировой судья. По моему совету мистер Дерби не стал чинить каких-либо препятствий, и он сам, мои жена, сын, и, разумеется, я присутствовали на короткой церемонии. Из других приглашенных были также несколько молодых людей, с которыми невеста вместе училась в колледже. На оставшиеся от отца деньги Айзенат купила в предместье Аркхэма довольно старый дом, где и поселились молодожены, предварительно совершив короткую поездку в Инсмут, откуда они привезли троих слуг, книги и кое-что из мебели. Видимо, не столько учитывая интересы Эдварда и его отца быть поближе к колледжу, его библиотеке и «просвещенному» обществу, сколько из своих собственных соображений, но Айзенат решила поселиться в Аркхэме, а не возвращаться в дом покойного отца.

Когда после медового месяца Эдвард посетил меня, мне показалось, что он слегка изменился. Айзенат заставила его избавиться от усов, однако дело заключалось отнюдь не только в этом. Дело в том, что он стал более сдержанным, задумчивым, а его традиционная мальчишеская запальчивость сменилась затаненной грустью, почти печалью. Я даже не мог сразу определить, понравилась мне такая перемена или нет, хотя одно можно было сказать определенно: теперь он стал больше чем когда-либо походить на нормального взрослого человека своих лет. Возможно,

женитьба все же оказала на него определенное положительное воздействие, и я тогда еще подумал, не может ли смена субъекта зависимости стать своеобразным началом ее полной нейтрализации, ведущей в конечном счете к ответственной независимости? В тот вечер он пришел один — Айзенат была сильно занята, поскольку привезла с собой из Инсмута большое количество книг и всевозможных, доставшихся в наследство от отца, приборов для исследований (перечисляя их, Эдвард однажды даже непроизвольно вздрогнул), и активно занималась переоборудованием их нового жилища.

По его словам, их новое жилище оказалось весьма неприглядным местом, однако некоторые детали внутреннего убранства определенно повлияли на его дальнейшую жизнь и увлечения. Под руководством жены он существенно углубил свои познания в различных областях знания. Некоторые из предложенных ею экспериментов оказались весьма смелыми и даже радикальными — Эдвард пока не считал себя вправе раскрывать их сущность, — однако он полностью доверял как добрым намерениям Айзенат, так и ее силам. Трое слуг оказались весьма странными людьми — это была очень старая супружеская чета, которая работала еще у Эфраима и изредка в своих разговорах довольно загадочным образом упоминала и его, и покойную мать Айзенат, а также молодая смуглолицая девчонка с явными аномалиями во внешности, от которой постоянно исходил рыбный запах.

Глава 3

На протяжении следующих двух лет наши встречи с Дерби становились все более редкими, и иногда проходило добрых полмесяца, когда я наконец слышал доносившуюся от входной двери знакомую комбинацию из трех и двух звонков. Когда же Эдвард все же вспоминал обо мне, или, напротив, я заглядывал к нему (что также, надо признать, происходило крайне нерегулярно), то нетрудно было заметить, что он не расположен касаться в беседах сколь-нибудь важных и серьезных тем. Он по-прежнему крайне неохотно обсуждал тематику своих оккультных исследований, рассказы и разговоры о которых чаще всего носили поверхностный и фрагментарный характер, а всего того, что тем или иным

образом имело отношение к его жене, вообще даже не упоминал. Следовало признать, что со времени свадьбы Айзенат заметно постарела, и в последний раз, когда мне удалось краем глаза увидеть ее, внешне казалась даже старше своего супруга. На ее лице словно навечно отпечаталось выражение подчеркнутой, крайней озабоченности, а весь внешний облик стал еще более отталкивающим, хотя я, как и прежде, затруднился бы сказать, что именно вызывало у меня в нем подобные отрицательные эмоции. Мои жена и сын также заметили это, а потому мы старались как можно реже приглашать ее к себе, за что — как признал в одну из редких теперь минут своей былой полубестактной мальчишеской откровенности сам Эдвард — она была нам безмерно признательна. Время от времени чета Дерби куда-то уезжала — якобы в Европу, хотя Эдвард изредка намекал на то, что они посещали и более глухие и потаенные уголки планеты.

Где-то примерно через год после свадьбы люди впервые стали поговаривать о тех переменах, которые произошли в Эдварде Дерби. Поначалу разговоры носили весьма расплывчатый характер, поскольку изменения эти в первую очередь касались его психики, однако в них отмечались весьма интересные моменты. Время от времени в выражении лица Эдварда и в его поступках стали появляться элементы чего-то такого, что существенно контрастировало с его обычной вялостью и изнеженной неловкостью. В частности, если раньше он совершенно не умел водить машину, то теперь люди то и дело видели, как он лихо выкручивал, либо, напротив, въезжал в ворота дома, сидя за рулем мощного «паккарда» Айзенат; находясь же на городских улицах, мой друг умело лавировал между всевозможными встречающимися на пути препятствиями, демонстрируя при этом незаурядное мастерство вождения, что совершенно не вписывалось в стиль его прежней жизни. Обычно его видели возвращающимся, либо, наоборот, направляющимся куда-то по своим делам — каким именно, никто не мог сказать, хотя его довольно часто замечали едущим по дороге на Инсмут.

Как ни странно, все эти метаморфозы производили на окружающих отнюдь не благоприятное впечатление. По словам видевших его людей, в такие моменты он очень походил на свою жену или даже на старого Эфраима Уэйтта, хотя нельзя было исключать, что все это им лишь ка-

залось, поскольку подобные встречи были крайне редкими. Иногда — обычно несколько часов спустя после отъезда — люди видели, как он возвращался домой, апатично развалившись на заднем сиденье машины, тогда как за рулем сидел незнакомый и явно посторонний шофер или механик.

В то же время, его поведение на улицах и во время неуклонно сокращающихся «выходов в свет» (в том числе, как я уже говорил, и встреч со мной), отличались прежней нерешительностью, причем его незрелая, даже какая-то детская безответственность становилась в эти моменты особенно заметной. На фоне осунувшегося, постаревшего лица Айзенат, внешность самого Эдварда — за редкими исключениями — скорее приобретала все более расслабленные, почти томные очертания, еще более резко подчеркивая прямо-таки инфантильную отрешенность от всего происходящего — исключение составляли лишь те моменты, когда на его лице появлялись следы новой печали или глубокой задумчивости. Все это, естественно, немало обескураживало меня. Постепенно супруги Дерби все более отдалялись от веселой университетской жизни, причем не столько по причине их собственного нежелания, сколько из-за того, что, как я слышал, некоторые из проводившихся ими в последнее время исследований и опытов шокировали даже самых черствых и циничных их сподвижников.

Примерно на третьем году после женитьбы Эдвард в беседах со мной впервые стал смутно намекать на появившиеся у него страх и чувство растущей неудовлетворенности. Изредка в его высказываниях стали проскальзывать ремарки насчет того, что, дескать, «все это слишком далеко зашло», или он вдруг заявлял таинственным тоном, что ему необходимо «вновь обрести свою личность». До некоторых пор я игнорировал подобные замечания, но затем стал расспрашивать его, правда, в крайне осторожной манере, памятуя о словах дочери моего друга относительно гипнотического воздействия, которое Айзенат оказывала на других девушек школы — тех самых случаев, когда, как она говорила, человеку начинало казаться, будто он находится внутри ее тела и как бы со стороны смотрит на себя самого. Однако, как только я затрагивал подобные темы, Эдвард сразу как-то возбуждался, начинал непонятно за что благодарить меня, а однажды даже пробормотал, что как-нибудь серьезно поговорит со мной «о многом».

Вскоре после этого скончался старый мистер Дерби — надо сказать, я испытал немалое облегчение, узнав об этой новости, поскольку знал, как сильно тот в последнее время переживал за сына. На самого Эдварда это событие произвело крайне гнетущее воздействие, хотя и не вызвало сколь-нибудь заметной дезорганизации его поведения. После женитьбы он вообще на удивление мало контактировал с отцом, поскольку Айзенат замкнула на себя всю его тягу к родственным связям. Некоторые называли ее черствым и бессердечным — особенно после того как начались, и с каждым днем становились все более частыми эти беспечные и уверенные автомобильные поездки. Теперь же у него возникло желание переехать в старый фамильный особняк, однако Айзенат настояла на том, чтобы они продолжали жить в своем собственном доме, в котором сама она, по-видимому, успела довольно неплохо освоиться.

Немного спустя после описываемых событий моя жена услышала от одной из подруг — из числа тех, кто все же продолжал поддерживать некоторые контакты с четой Дерби, — поразившую ее новость. Оказывается, недавно эта женщина направлялась к их дому, располагавшемуся в конце Хай-стрит, чтобы о чем-то поговорить с супругами, когда из ворот особняка быстро выехала автомашина Эдварда — он сам сидел за рулем, причем вид у него был на редкость самодовольный, а на губах блуждала какая-то особенно насмешливая, почти ехидная ухмылка. Когда женщина позвонила в дверь, ей открыла та самая омерзительная девчонка-служанка, сообщившая, что хозяйки также нет дома. Уже отойдя от двери, она на мгновение подняла взгляд и заметила в одном из окон библиотеки Эдварда быстро отпрянувшее лицо, на котором была запечатлена поразившая ее по силе своей выраженности смесь острой боли, горечи и тоскливой безнадежности. Как ни покажется это невероятным, но женщина была уверена в том, что увидела в окне лицо якобы отсутствующей в данный момент в доме Айзенат, правда, без неизменно застывшей на нем маски торжествующей властности, хотя в тот момент посетительница готова была поклясться, что взиравшие на нее печальные, растерянные глаза принадлежали не кому иному, как Эдварду Дерби.

Вскоре после этого Эдвард стал несколько чаще навещать меня, а его загадочные намеки временами принимали более конкретный характер. В то, о чем он рассказывал, попросту невозможно было поверить даже в нашем овеванном многовековыми легендами Аркхэме, хотя о своей работе и открытиях он расска-

зывал с уверенностью и убежденностью, невольно вызывавшими беспокойство за его психическое здоровье. Он говорил мне о каких-то жутких встречах в никому неизвестных местах; о циклопических развалинах, сохранившихся в гуще мэнских лесов, откуда якобы начинались лестничные пролеты, уводящие в бездну самых потаенных секретов; о запутанных путях, которые выводили человека сквозь невидимые стены в другие пространства и времена; о зловещих переменах личности, позволявших исследовать удаленные и запретные места в других мирах, и даже в ином пространственно-временном континууме.

Эдвард то и дело подкреплял свои безумные намеки и демонстрировал всевозможные предметы, ставившие меня в состояние крайнего замешательства: неуловимо окрашенные и непонятно из чего состоящие объекты, ничего подобного которым мне еще не доводилось видеть в своей жизни, а гротескные очертания и необычное покрытие которых совершенно не позволяли судить ни об их назначении, ни даже о сколь-нибудь доступных пониманию геометрических формах.

Предметы эти, по его словам, были привезены «оттуда», причем его жена знала, как и где их можно достать. Иногда он принимался — правда, неизменно испуганным и двусмысленным шепотом — рассказывать что-то про старого Эфраима Уэйта, которого ему доводилось в прежние дни изредка видеть в университетской библиотеке. Все эти намеки носили самый расплывчатый, неконкретный характер, но все время вращались вокруг каких-то особенно диких сомнений и даже подозрений насчет того, что на самом деле старый чародей вовсе не умер, причем не только в духовном, но также и физическом смысле.

Временами Дерби неожиданно прерывал ход своих откровений, и тогда я невольно ловил себя на мысли о том, что Айзенат словно умела на расстоянии слышать его речь и посредством неведомой телепатической связи внезапно прерывать ее — во всяком случае, за время учебы в школе она не раз демонстрировала что-то подобное. Эта женщина, несомненно, догадывалась о том, что он мне что-то рассказывал, поскольку со временем я стал замечать, как она короткими, отрывистыми, но поразительно действенными словами и взглядами умела сокращать как количество, так и продолжительность наших встреч. Ему со все большим трудом удавалось находить поводы для контактов со мной, поскольку хотя он и делал вид, что направляется куда-то еще,

какая-то невидимая сила неожиданно препятствовала его передвижениям, или заставляла на время забыть про то, куда он хотел направиться. Обычно его визиты происходили в те моменты, когда Айзенат не было дома — когда она, как однажды выразился сам Эдвард, куда-то «отправилась в своем собственном теле». Впрочем, ей не составляло особого труда впоследствии узнавать о наших встречах — слуги неустанно следили за всеми его приходами и уходами, — хотя она, видимо, считала неуместным и нецелесообразным предпринимать более решительные контрмеры.

Глава 4

Дерби был женат уже более трех лет, когда однажды августовским днем я получил телеграмму из Мэна. Мы не виделись с ним почти два месяца, но я слышал, что он находится в отъезде «по делам». Айзенат вроде бы тоже путешествовала вместе с ним, хотя, как поговаривали наблюдательные соседи, изредка в окнах на втором этаже их дома за плотно задвинутыми шторами проскальзывала чья-то тень. Кроме того, они не забывали присмотреться и к тому, что покупают в магазинах слуги супругов Дерби. И вот я получаю телеграмму от начальника полиции тамошнего городка Чесанкока, в которой тот сообщает мне, что накануне к нему в участок ввалился перепачканный в грязи, оборванный человек, который с дикими воплями выбежал из леса и, обезумело вращая глазами, стал умолять его о помощи и спасении. Как выяснилось, это оказался Эдвард — каким-то образом он все же смог назвать свое имя и адрес.

Чесанкок расположен в непосредственной близости от глубокого, дикого и крайне слабо исследованного лесного массива штата Мэн, а потому мне пришлось потратить целый день на то, чтобы, подпрыгивая на умопомрачительных ухабах и продираясь сквозь фантастические заросли, добраться туда на машине. Дерби я обнаружил в каморке местной фермы, где он пребывал в состоянии шаткого равновесия между буйством и апатией. Меня он узнал сразу, и тут же с его губ полился нескончаемый поток почти неразборчивых и наполовину невразумительных слов и обрывков фраз:

— Дэн — ради Бога! Яма шагготов! Шесть тысяч ступеней вниз... Самая омерзительная из всех мерзостей... Я не позво-

лю ей забрать меня... а потом вдруг обнаружил, что нахожусь там — Йа! Шуб-Ниггурат! — С алтаря поднялась какая-то фигура, а пятьсот других завывали — А Тварь в капюшоне бляла и мычала: «Камог! Камог!» — это было тайное имя Эфраима, под которым его знали на шабашах — я был там — там, куда, как она обещала, обязательно приведет меня — Какую-то минуту назад я был заперт в библиотеке, и вдруг оказался там, куда она пришла с моим телом — в том месте полнейшего святотатства, в нечестивой яме, где начинается черное царство, а у ворот стоит охранник — Я видел Шаггота — он изменил форму — Я не могу вынести этого — Если она еще раз пошлет меня туда, я убью ее — Убью это существо, убью его — Я убью это! Убью своими собственными руками!..

Мне пришлось потратить не меньше часа, чтобы утихомирить друга, но в конце концов он все же немного успокоился. На следующий день я раздобыл ему в местном поселке чистую одежду и мы отправились в Аркхэм. Приступ истерики прошел; Эдвард предпочитал хранить молчание, однако когда машина проезжала через Аугусту, начал что-то бормотать себе под нос, как если бы огни города возродили в его мозгу тягостные воспоминания. Было совершенно ясно, что он не хочет возвращаться домой, а с учетом тех фантастических представлений, которые возникли у него по поводу своей собственной жены — представлений, которые, вне всякого сомнения, стали результатом некоей реальной гипнотической пытки, в которой ему довелось стать объектом, — я решил, что будет лучше, если он действительно временно проживет в другом месте. Я принял решение, что некоторое время сам за ним присмотрю, невзирая на то, какие трения на этой почве могут у меня возникнуть с Айзенат. Позднее я мог бы помочь ему добиться развода, поскольку у меня не оставалось ни малейших сомнений в существовании некоторых психологических факторов, превращавших его брак в самую настоящую самоубийственную пытку.

Как только мы выехали на открытую местность, бормотание Дерби прекратилось и он, сидя на переднем сиденье рядом со мной, тихо и мирно задремал.

Ближе к вечеру, когда мы проезжали через Портленд, он снова стал что-то ворчать себе под нос, причем на сей раз уже более отчетливо, и по мере того как я слушал его, становилось все яснее, что он беспрерывно несет какую-то совершенно безумную околе-

сицу про свою жену. Не вызывало никаких сомнений то, что она каким-то образом крайне негативно действовала ему на нервы, поскольку он сочинил и принялся рассказывать мне про нее кучу самых невероятных, похожих на галлюцинации толков и небылиц.

Если опираться на его уклончивые и наполовину бессвязные объяснения, то получалось, что все происшедшее с ним накануне было лишь одним из эпизодов долгой серии аналогичных событий. Айзенат якобы постепенно завладевала его телом, и он боялся, что рано или поздно настанет такой день, когда она уже не отпустит его. Даже сейчас она всего лишь временно пошла на вынужденную уступку, поскольку не могла слишком долго удерживать его под своим контролем. На самом же деле она якобы регулярно овладевала его телом и путешествовала в нем по совершенно невероятным местам, присутствуя на доселе неведомых ему ритуалах и обрядах; сам же он оставался в ее теле запертым на втором этаже. По словам Эдварда, пока ей не удавалось удерживать его длительное время, а потому он внезапно словно прорывался назад, к собственному телу, оказываясь при этом в каком-нибудь неимоверно удаленном, диком и, скорее всего, никому неизвестном месте. При этом в ряде случаев подобные попытки «телесного переселения» оканчивались безрезультатно, но как правило удавались, и в итоге он оказывался в таком же затруднительном состоянии, в котором я обнаружил его сегодня. После этого ему приходилось подолгу добираться назад домой, упросив кого-то из местных жителей повести машину, поскольку сам он этого сделать был попросту не в силах.

Хуже всего было то, что с каждым разом Айзенат удерживала его все дольше и дольше. Эта женщина словно интуитивно ощущала в нем смесь хорошо организованного интеллекта и слабой воли, и настанет такой день, когда она окончательно вытеснит мужа из его телесной оболочки и исчезнет с его телом — исчезнет, чтобы стать великим магом, вроде ее отца, тогда как самому ему придется до конца своих дней томиться в том женском обличье, которое нельзя было даже назвать по-настоящему человеческим телом.

Узнал Эдвард и про существование некоей, якобы чужеродной и пагубной «Инсмутской крови». Получалось так, что много лет назад жители этого мрачного города вели какую-то торговлю с существами из моря. «Это было ужасно... — сбивчиво говорил Дерби, — старый Эфраим — он знал их секрет, и, когда состарился, сотворил нечто чудовищное, чтобы остаться живым — он хо-

тел жить вечно — а за ним последует Айзенат — один удачный эксперимент уже был проведен!..»

Пока Дерби говорил все это, я повернулся и внимательно приглядывал к нему, желая проверить, насколько верным оказалось мое предыдущее, хотя и весьма поверхностное наблюдение. Как ни странно, сейчас он выглядел даже лучше, чем обычно — вид у него был более решительный, по-настоящему взрослый, причем в нем не чувствовалось даже намека на ту вялость, которая являлась следствием его прежней праздной жизни. Создавалось впечатление, что впервые за всю свою изнеженную жизнь он почувствовал себя по-настоящему активным, достаточно опытным человеком, и я невольно подумал, что неведомая мне темная сила Айзенат и в самом деле тем или иным образом ввергла его в круговорот хотя и непривычной, но весьма активной деятельности.

И все же рассудок Эдварда в данный момент пребывал в довольно шатком, явно разбалансированном состоянии, поскольку он без конца болтал всевозможные дикости и явно преувеличивал, говоря о своей жене, черной магии, старом Эфраиме, и о грядущих откровениях, которые, по его словам, убедят даже меня. Он повторял имена, которые были мне знакомы по страницам старинных запретных книг, и иногда действительно заставлял меня невольно вздрагивать от осознания определенной логической последовательности и убедительного мифологического обоснования на первый взгляд бессвязного бреда. Наконец Эдвард сделал долгую паузу, словно намереваясь набраться смелости перед каким-то окончательным и самым ужасным сообщением.

— Дэн, Дэн неужели ты его не помнишь — дикий взгляд и нечесаная борода, которая так никогда до конца и не поседела?! Как-то раз он глянул на меня, и с тех пор я никогда не забывал тот взгляд. А сейчас она смотрит на меня так же... И я знаю почему!.. Он обнаружил это в «Некрономиконе» — формулу! Я не в силах пока назвать тебе конкретную страницу, но когда сделаю это, ты сам прочитаешь и все поймешь. Вот тогда ты действительно поверишь и поймешь, что именно меня засосало. Снова и снова, снова, снова и снова — от тела к телу, и опять к телу — он собирался жить вечно! Сияние жизни — он знает, как разорвать связь... она может теплиться еще некоторое время уже после того как само тело умерло. Сейчас я кое о чем тебе намекну, и ты, возможно, сам догадаешься, что к чему. Послушай, Дэн, ты знаешь, почему моя жена всегда с таким трудом пишет

своим наклоненным в другую сторону почерком? Тебе никогда не доводилось видеть записи, сделанные рукой старого Эфраима? Хочешь узнать, почему я всегда вздрагиваю, когда вижу поспешные записи, сделанные рукой Айзенат?

Айзенат, а существует ли вообще такой человек? Откуда пошли эти полуслухи-полунамеки на то, что в желудке старого Эфраима после его смерти якобы был обнаружен яд? Почему Джилмэны перешептывались о том, как он кричал — словно испуганное дитя, — когда уже сошел с ума, и Айзенат заперла его тогда в мансарде с обитыми стенами, в которой уже находились... другие? А не была ли там уже заперта душа старого Эфраима? И вообще, кто в ком заперт? Почему этот старик с такой настойчивостью месяцами выискивал кого-то такого, у кого был бы светлый ум и слабая воля? Почему он сыпал такими проклятиями по поводу того, что его дочь не уродилась мальчиком? Скажи мне, Дэниель Аптон, какая дьявольская подмена была совершена в том ужасном доме, где в руках и на полную милость этого чудовища было оставлено столь доверчивое, слабовольное, получеловеческое дитя? Не сделал ли он эту подмену постоянной, необратимой — как теперь уже сама она хочет в конце концов поступить со мной? Скажи, почему это существо, которое называет себя Айзенат, оставаясь наедине с самой собой, пишет так, что совершенно невозможно отличить ее почерк от...

А потом произошло нечто. Голос Дерби возвысился до тонкого, ужасного вопля, а затем оборвался почти механическим щелчком. Я вспомнил про те случаи у меня дома, когда его повествования внезапно обрывались — когда мне начинало казаться, будто в нашу беседу вмешивалась темная, телепатическая сила Айзенат, которой хотелось заставить его умолкнуть. На сей раз было что-то похожее, но все же отличное от предыдущего, и определенно более ужасное. На какое-то мгновение лицо сидящего рядом со мной человека исказилось до неузнаваемости, тогда как все тело сотрясла резкая конвульсия, как если бы кости, органы, мускулы, нервы и железы его организма стали перестраиваться, занимая совершенно иное расположение и превращая его самого в совершенно иную личность.

Никогда в жизни не смог бы я сказать, что являлось в те минуты для меня источником самого дикого кошмара. Все мое естество словно окатила, захлестнула громадная волна болезненного отращения — такое леденящее, парализующее ощущение крайней

чуждости и аномальности, что я чуть было не потерял контроля над машиной. Сидевшая рядом со мной фигура уже была похожа не столько на моего давнишнего друга, сколько на чудовищного пришельца из другого мира, превратившегося в проклятое, дьявольское порождение неведомых мне и злобных космических сил.

Сразу же вслед за этим Дерби-напарник неожиданно ухватился за руль и заставил меня поменяться с ним местами. Сумерки уже успели сгуститься, а свет огней Портленда находился слишком далеко, а потому я не мог как следует разглядеть его лицо. И все же нельзя было не заметить безумного блеска его глаз, на основании чего я понял, что сейчас он находится в том самом сверхвозбужденном состоянии, так непохожем на обычное, которое не раз уже замечали многие люди. Казалось странным, даже невероятным, что вялый, апатичный и растерянный Эдвард Дерби — тот, которому никогда не удавалось утвердить себя настолько, чтобы вообще научиться водить автомобиль — станет отдавать мне приказы и вырывать руль моей собственной машины, и все же именно это и произошло в действительности.

Добившись своего, он некоторое время ничего не говорил, а я, объятый неопишуемым ужасом, был даже рад его молчанию.

Глава 5

В свете мелькавших мимо огней я увидел его плотно сжатые губы и невольно вздрогнул при виде ярко пылающих глаз. Люди были правы — пребывая в подобном настроении, он действительно чертовски походил на свою жену и старого Эфраима. При этом меня отнюдь не удивляло то обстоятельство, что, находясь в таком состоянии, он мог вызывать всеобщую неприязнь, поскольку во всем облике его и в самом деле появлялось что-то неестественное, а сбивчивые, почти бредовые высказывания вносили в окружающую его общую атмосферу нервозности даже некоторый элемент зло-вещности. Вот и сейчас этот человек, которого я всю свою жизнь знал как Эдварда Пикмэна Дерби, казался мне совершенно незнакомым, даже чужеродным существом, пришельцем из какой-то черной бездны.

Вплоть до тех пор, пока мы не выехали на длинный и прямой отрезок пути, он не раскрывал рта, а когда заговорил, голос его

показался мне совершенно незнакомым. Он стал ниже, жестче, и в нем зазвучала решимость, которую мне никогда не доводилось слышать ранее. Изменилось и произношение — в нем появился необычный акцент, который смутно, расплывчато и одновременно пугающе напоминал мне что-то или кого-то, хотя я был не в состоянии припомнить, кого именно. В тембре его голоса можно было различить явную иронию, даже некоторую насмешку, причем это была отнюдь не та искрометная, беззаботная и в целом довольно веселая насмешливость неоперившегося «утонченного» существа, которая являлась как бы частью натуры Дерби, но нечто напоминающее мрачный, идущий от глубокой самоуверенности, и определенно зловещий сарказм. Я поражаюсь собственному самообладанию, продолжая слушать это дикое, но одновременно пронизанное непонятной паникой бормотание.

— Надеюсь, Аптон, ты простишь мне мою выходку, — услышал я. — Ты же знаешь, что нервы у меня стали совсем ни к черту, а потому не станешь сердиться. На самом деле я искренне благодарен тебе за то, что ты выручил меня и довез до дому.

Прошу также простить меня за все те безумные вещи, которые я наболтал по поводу своей жены — да и вообще в отношении всего остального. Вот что бывает, когда слишком усердно занимаешься такими вещами, над которыми я сейчас работаю. В моей философии вообще очень много непонятного, даже излишне причудливого, а когда рассудок устает воспринимать подобную невероятную мешанину всевозможных диких идей, он поневоле начинает выдумывать, да-да, попросту сочинять всякие небылицы в качестве суррогатов настоящих мыслей. Надо будет как следует отдохнуть ото всего этого, а потому некоторое время мы, наверное, не сможем видеться. Но ты только не вини за это Айзенат.

Наша поездка была немного странной, хотя и довольно заурядной. В северной части лесного массива до сих пор сохранились кое-какие остатки индейской культуры — всякие там каменные столбы, ну и прочее, — что весьма интересно с точки зрения изучения их фольклора, а мы с Айзенат сейчас именно над этим и работаем. Поиски оказались довольно трудными, а потому я немного переутомился. Сразу по прибытии домой надо будет послать кого-нибудь за машиной. Думаю, что месяц отдыха снова поставит меня на ноги.

Сейчас я уже не помню, каким оказался мой собственный вклад в общий разговор, поскольку все мое внимание тогда было сосре-

доточено на обескураживающей, чужеродной перемене, произошедшей в моем спутнике. С каждой секундой я все более ощущал воздействие неуловимого гнетущего, обволакивающего меня бездонного ужаса, пока не почувствовал почти маниакальное желание как можно скорее окончить это путешествие. Дерби не предложил мне снова сесть за руль, и я искренне порадовался тому, что мы на бешеной скорости пролетели и Портсмаут, и Ньюбэрипорт.

В том месте, где основное шоссе делает поворот в глубь территории, уводя от Инсмута, я с некоторой тревогой ожидал, что мой напарник свернет на унылую дорогу, которая проходит через это Богом проклятое место. Этого, однако, не произошло, и мы по-прежнему на большой скорости промчались через Роули и Ипсвич в нужном нам направлении. В Аркхэм мы прибыли незадолго до полуночи, и я увидел, что в старом доме Дерби все еще горит свет. Мой товарищ вышел из машины и поспешно пробормотал слова благодарности, после чего я продолжал путь уже один, испытывая странное по своей интенсивности чувство облегчения. Что и говорить, путешествие оказалось на редкость выматывающим, просто ужасным, причем ощущение это казалось еще более сильным оттого, что я не мог сказать, чем именно оно было вызвано. Что и говорить, меня даже обрадовало известие Дерби о том, что некоторое время мы с ним не будем видеться.

Следующие два месяца были наполнены всевозможными слухами. Люди поговаривали о том, что почти постоянно видели Дерби, пребывающего в приподнятом состоянии духа и подчеркнуто прибодрившегося, тогда как Айзенат почти не спускалась к редким посетителям их дома. Меня самого Эдвард посетил лишь однажды — он тогда на несколько минут заехал ко мне на машине, которую, как я понял, все же удалось доставить из Мэна, чтобы забрать кое-какие книги, которые ранее давал мне почитать. Я также заметил, что настроение его заметно улучшилось, сам он прибодрился и делал долгие паузы в разговоре, явно чтобы придать особое значение той или иной уклончивой фразе. Было совершенно ясно, что пребывая в таком состоянии, он ни в коей мере не расположен обсуждать со мной какие-либо серьезные, тем более личные проблемы, причем от меня не ускользнуло и то обстоятельство, что он даже не воспользовался своим традиционным сигналом — три плюс два звонка, — когда звонил в мою дверь. Как и в тот вечер, когда мы ехали в моей машине, я вновь испытал смутную, но определенно неподдельную

тревогу, объяснить которую был совершенно не в состоянии, а потому с явным облегчением воспринял его скорый уход.

В середине сентября Дерби снова уехал куда-то на неделю, и кое-кто из наших общих старых друзей по колледжу стал смутно намекать на то, что он отправился на неофициальную встречу со скандально известным культовым лидером, недавно выдворенным из Англии и избравшим Нью-Йорк в качестве штаб-квартиры своего общества. Что до меня самого, то я никак не мог выбросить из головы ту нашу поездку из Мэна. Неожиданная и чудовищная метаморфоза, произошедшая тогда с моим другом, подействовала на меня слишком сильно, и я снова и снова пытался осмыслить случившееся, равно как и то ужасное ощущение, которое она вселила в мою душу.

Довольно часто люди перешептывались также о странных рыдающих звуках, доносящихся из дома семьи Дерби. Предполагалось, что голос этот принадлежит женщине, а некоторым молодым людям даже казалось, что плачет сама Айзенат. Слышался он весьма редко, причем создавалось впечатление, что вскоре после начала его словно насильно обрывали. Стали поговаривать даже о том, чтобы провести соответствующее расследование, однако эти разговоры вскоре поутихли, поскольку однажды на улицу вышла сама Айзенат, которая принялась оживленно и весело разговаривать со своими знакомыми. Женщина извинялась за то, что так долго отсутствовала, не виделась с ними, и как бы мельком обмолвилась о том, что с одной ее подругой из Бостона, гостящей сейчас у них в доме, произошел нервный срыв и приступ истерики. Саму эту подругу так никто ни разу и не увидел, однако после слов Айзенат все вроде бы успокоились и говорить больше было не о чем. Правда, вскоре кто-то внес дополнительные сомнения, утверждая, что пару раз слышал и отчетливо различил доносящийся из этого дома новый, причем уже явно мужской голос.

Однажды в середине октября я услышал знакомую трель звонка — три плюс два. Открыв дверь, я увидел Эдварда, причем сразу обратил внимание на то, что внешность у него опять стала такой же, какой была прежде, и которую мне не доводилось замечать с того самого дня, когда мы совершали то жутковатое путешествие из Чесанкока. Лицо его хранило на себе смесь довольно странных эмоций, среди которых явно преобладали страх и возбуждение, причем пока я закрывал за ним дверь, он тревожно оглядывался поперх своего плеча.

Неловко проследовав за мной в кабинет, Эдвард попросил меня налить ему виски, якобы чтобы успокоить нервы. Я не стал его ни о чем расспрашивать, а ждал, когда он сам поведает мне то, что хотел рассказать. Наконец он заговорил сдавленным голосом:

— Дэн, Айзенат уехала. Прошлым вечером, когда слуг не было дома, у нас состоялся продолжительный и довольно напряженный разговор, и я заставил ее пообещать, что она прекратит терзать меня. Разумеется, я использовал некоторые... некоторые оккультные способы защиты, о которых никогда раньше тебе не рассказывал. Ей пришлось уступить, хотя она и страшно расстроилась. А потом просто упаковала свои вещи и уехала в Нью-Йорк — даже успела на поезд 8.20 до Бостона. Я, конечно, понимаю, теперь станут болтать всякое, но, поверь, просто не в силах был больше все это терпеть. Пожалуйста, не говори никому, что у нас были какие-то неприятности — если что, скажи просто, что она уехала в долгую исследовательскую поездку.

Думаю, что она остановится у своих «друзей», которые, как и она сама, склонны верить и творить поистине ужасные вещи. Как бы мне хотелось, чтобы потом она отправилась на запад и оформила развод — во всяком случае, я взял с нее слово уехать и оставить меня в покое. Знаешь, Дэн, это было ужасно. Возможно, ты не поверишь мне, но она... крала мое тело... буквально выселяла меня из него, а меня самого превращала в некое подобие пленника. Какое-то время я не сопротивлялся и делал вид, что позволяю ей вытворять подобное, но сам все время был начеку.

Проявляя достаточную осторожность, я мог планировать свои действия — ведь в буквальном смысле слова она была не в силах читать мои мысли. Ей удалось лишь уловить общий настрой моего протеста — а кроме того она всегда уповала на то, что я абсолютно беспомощен. Я знал, что окончательно мне от нее так никогда и не избавиться... хотя пару раз мне все же удавалось это.

Дерби в очередной раз украдкой глянул себе через плечо и снова подлил виски.

— Сегодня утром, когда эти чертовы слуги вернулись, я купил их и выставил за дверь. Вели они себя довольно дерзко, пытались задавать всякие вопросы, но все же ушли. Они ведь тоже, как и она — из Инсмута, а потому всегда были с ней заодно. Надеюсь, они тоже оставят меня в покое, во всяком случае мне

очень не понравился их смех, когда они уходили. Надо будет постараться нанять тех, еще отцовских слуг. А сейчас я переезжаю в свой старый дом.

Возможно, Дэн, ты посчитаешь меня сумасшедшим, но, думаю, сама история Аркхэма должна дать тебе своего рода намек, который позволит лучше понять все то, что я уже рассказывал тебе — и что собираюсь рассказать. Ты ведь сам был свидетелем одной из моих перемен — тогда, когда мы ехали в твоей машине из Мэна, и я рассказывал тебе про Айзенат. Так вот, знай, что тогда был один из тех случаев, когда она в очередной раз протянула ко мне свои лапы — вышвырнула меня из моего тела. Последнее, что я запомнил в тот наш с тобой вечер, это то, что страшно вымотался, пытаюсь рассказать тебе, какая она дьяволица. Да, тогда она действительно завладела мной — и в какую-то долю секунды я, сам того не замечая, вдруг снова оказался у себя дома — в той самой библиотеке, где эти чертовы слуги тотчас заперли меня... в этом омерзительном теле... которое вообще не является человеческим... Ты даже представить себе не можешь, что ехал тогда в машине не со мной, а именно с ней — с этой алчущей тварью, принявшей оболочку моего тела. Скажи, ведь ты же не мог не подметить тогда разницы!

Я невольно вздрогнул, когда Дерби сделал паузу. Разумеется, я почувствовал тогда разницу — но мог ли я принять столь безумное объяснение случившегося? Тем временем речь моего встревоженного гостя с каждой минутой становилась все неистовее.

— Мне пришлось спастись — я просто должен был это сделать, Дэн! Иначе в День всех святых она окончательно вытеснила бы меня из моего тела — там, неподалеку от Чесанкока у них был шабаш, и принесенная жертва должна была все зафиксировать. Она бы окончательно изгнала меня — стала бы мной, а я — ею, причем навсегда... Мое тело должно было стать ее телом навечно — и тогда она бы стала мужчиной, настоящим человеком, которым она так хотела стать. Я думаю, потом она каким-нибудь образом все равно бы избавилась от меня — например, уничтожила бы свое бывшее тело, а вместе с ним и меня самого, черт бы ее побрал, как она уже делала прежде. Ведь она, он или оно делали это раньше...

Лицо Эдварда изменилось до неузнаваемости; он неловко наклонился ко мне, перейдя почти на шепот.

Глава 6

— Ты должен узнать про все то, на что я намекал тебе там, в машине. Так вот, знай, что это вообще не Айзенат, а сам старик Эфраим. Впервые я заподозрил это года полтора назад, но лишь теперь знаю наверняка. И выдает ее почерк, особенно когда она начинает писать быстро, не следя за ним. Иногда у нее проскальзывают строки, точь-в-точь похожие на записи ее отца, ну буквально штрих за штрихом, а кроме того она иногда говорит такие вещи, которые кроме него и знать никто не мог. Почувствовав приближение смерти, старик поменялся с ней телами — она оказалась единственным существом, которое его полностью устраивало — с соответствующим складом ума и относительно слабой волей, — и навечно изгнал ее из собственного же тела, то есть сделал то, что сейчас она сама пытается проделать со мной, — а потом отравил свое старое тело, в которое переселил ее личность. Разве ты сам не замечал десятки раз, что глазами этой дьяволицы на тебя взирает душа самого старого Эфраима — и моими глазами тоже, когда она завладевает моим телом?..

Эдвард буквально задышался, говоря все это, и был вынужден ненадолго прервать свой рассказ. Я продолжал хранить молчание. Когда он наконец заговорил вновь, голос его зазвучал почти нормально. Про себя я уже решил, что без психиатрической лечебницы здесь не обойтись, хотя твердо сказал себе, что сам я его туда не отправлю. Возможно, время и освобождение от Айзенат сделают свое дело. Однако мне стало ясно, что сам он уже никогда больше не будет заниматься темными оккультными делами.

— Потом я еще кое-что тебе скажу... а сейчас мне надо хорошенько отдохнуть. Ты узнаешь, в каких ужасных, просто кошмарных местах я побывал по ее воле — есть еще такие стародавние кошмарные монстры, которые даже сейчас продолжают смердеть, и находятся они в недоступных уголках, охраняемые чудовищными священниками, которые поддерживают в них жизнь. Некоторые люди знают про существование вселенной, ведать о которой кроме них самих не дано никому, и могут вытворять такие вещи, на которые неспособен никто — только они одни. Сам я хватил всего этого под самую завязку, но все, хватит.

Будь я библиотекарем Мискатонского университета, я уже сегодня же сжег бы и «Некрономикон», и все ему подобное.

Но теперь она меня уже не достанет. Мне надо как можно скорее покинуть тот проклятый дом и поселиться в родительском особняке. Я знаю, если мне понадобится твоя помощь, ты поможешь мне. И слуги у них — тоже сущие дьяволы, ты и сам это замечал, и если люди попытаются слишком многое разузнать об Айзенат... Понимаешь, я никому не могу дать ее новый адрес... Кроме того, есть определенные группы так называемых исследователей — вполне конкретные, реальные культы, — которые наверняка неодобрительно отнесутся к нашему разрыву... У некоторых из них чертовски странные идеи и методы. Я знаю, что если что-то случится, ты меня не бросишь — даже если я скажу тебе нечто такое, что потрясет даже тебя...

В тот вечер я заставил Эдварда остаться у меня — он переночевал в одной из моих гостевых комнат, а на следующее утро выглядел несколько лучше и немного успокоился. Мы стали обсуждать с ним некоторые детали предстоящего переезда в старое родительское поместье, и я надеялся, что он не станет тянуть с этим делом. На следующий вечер он, однако, не зашел ко мне, хотя на протяжении нескольких последующих недель я не раз виделся с ним. При этом мы старались как можно меньше касаться всяких странных и неприятных дел, зато активно обсуждали предстоящую перестройку дома семейства Дерби, а также наше совместное путешествие, в которое он, мой сын и я намеревались отправиться следующим летом.

Об Айзенат мы не говорили вовсе, поскольку я чувствовал, что эта тема была для Эдварда особенно болезненной. В слухах, разумеется, недостатка не было, однако для старого дома, в котором после свадьбы проживали молодые супруги Дерби, это не было в диковинку. Правда, мне очень не понравилось одно известие, о котором случайно услышал во время довольно оживленного рассказа банкира Дерби — тот в запальчивости, а может, просто случайно обронил в кругу друзей в Мискатонском клубе, что Эдвард регулярно переводит деньги в Инсмут на имя Моисея и Абилай Сарджентов, а также Юнис Бэбсон. Таким образом, получалось, что эти бывшие жутковатые слуги Айзенат получали с Эдварда своего рода дань, хотя сам он мне об этом ничего не сказал.

Сам же я мечтал только о том, чтобы поскорее наступило лето, а вместе с ним и начало каникул моего сына в Гарварде, когда мы смогли бы увезти Эдварда в Европу. Правда, сам он, как я вскоре

убедился, отнюдь не так скоро шел на поправку; временами, когда на него находило веселое настроение, в его поведении, и в частности речи, чувствовались какие-то истеричные нотки, а кроме того на него нередко находили приступы страха и депрессии.

Семейный особняк был готов уже к декабрю, однако Эдвард все тянул с переездом. Несмотря на то, что нынешний дом вселял в него явный страх, он был странным образом словно закабален им, никак не мог начать упаковывать вещи, всякий раз находя для этих отсрочек новые предлоги. Когда я однажды прямо сказал ему об этом, он вдруг страшно испугался. Престарелый дворецкий его отца, которого вместе с некоторыми другими старыми слугами вновь пригласили на работу, сказал мне, что во время редких приездов домой Эдвард как-то странно ведет себя, особенно когда спускается в подвал, причем поведение его не просто необычное, но даже в чем-то не вполне здоровое. Я предположил было, что Айзенат пишет ему какие-то тревожные письма, однако дворецкий заверил меня в том, что в поступающей почте ни разу не попадались послания от нее.

Как-то вечером, незадолго до Рождества, Дерби заглянул ко мне, и именно тогда с ним произошел очередной приступ неведомой мне болезни. Я подводил беседу к теме предстоящей летней поездки, когда он неожиданно вскрикнул и вскочил с кресла с выражением самого дикого, необузданного страха на лице — его охватил жуткий, поистине неземной ужас, который мог привидеться разве что в самом чудовищном кошмаре.

— Мой мозг! Мой мозг! Боже, Дэн — оно тащит его — от туда — стучит — царапает — эта дьяволица — даже сейчас — Эфраим — Камог! Камог! — Яма шагготов — Йа! Шуб-Ниггурат! Пламя — пламя — из-за тела, из-за жизни — в земле — о Боже!..

Я с трудом усадил его в кресло и чуть ли не силой влил в рот немного вина. Наконец он затих и впал в состояние прострации. Теперь он не сопротивлялся, и только губы его продолжали слегка двигаться, словно он что-то бормотал про себя. Наконец до меня дошло, что он пытается заговорить со мной, а потому склонился над ним, чтобы уловить едва слышимые слова.

— Снова, снова — она пытается — я должен был это знать — ничто не способно остановить эту силу; ни расстояние, ни магия,

ни смерть — она продолжает приходить, обычно по ночам — я не могу от нее избавиться — это ужасно — о Боже, Дэн, если бы ты только знал, как знаю я, насколько все это ужасно...

Когда он снова застыл в неподвижном оцепенении, я подложил ему под голову подушки и дождался, пока он не уснул. Врача я вызывать не стал, поскольку мог предположить, что именно тот скажет по поводу его психического здоровья, а потому целиком положился на силы природы, если они вообще еще были способны что-то сделать. Проснулся он среди ночи, и я отвел его в спальню наверх, однако утром его уже не было. Наверное, потихоньку выскользнул за дверь — чуть позже мне позвонил его дворецкий, сообщивший, что Эдвард сейчас дома и без конца ходит по библиотеке.

После этого мой друг стал буквально рассыпаться на части. Он больше не приходил ко мне, хотя я продолжал ежедневно навещать его. Он часами сидел в библиотеке, устремив взгляд в пустоту, словно постоянно и как-то неестественно прислушивался к неведомым звукам. Иногда он заговаривал о чем-то, хотя всякий раз это были самые обычные, бытовые темы. Любое упоминание волновавших его проблем, планов на будущее, или тем более Айзенат ввергали его в поистине неистовое состояние. Дворецкий рассказывал, что по ночам у него случались страшные приступы, во время которых он даже мог ранить себя.

Я подолгу разговаривал с доктором, банкиром, адвокатом, и под конец решил пригласить к Эдварду врача с двумя его коллегами. Уже после первых наших вопросов он испытал жестокие, мучительные судороги, а потому в тот же самый вечер закрытая машина отвезла его несчастное, измученное тело в Архэмскую психиатрическую лечебницу. Меня назначили его опекуном и я дважды в неделю навещал его, едва не плача, когда слышал эти дикие вопли, зловещий шепот и глухое, монотонное повторение таких фраз как: «Я должен был это сделать — Я должен был это сделать — Оно доберется до меня — Оно доберется до меня — внизу, там, внизу, в темноте — Мама! Мама! Дэн! Спаси меня — спаси меня...»

Никто не мог сказать, сколь реальны были наши надежды на его выздоровление, однако я пытался сохранять оптимизм. На тот случай, если Эдварду все же удастся выкарабкаться, у него должен быть свой дом, а потому я перевел всех его слуг в особняк семейства Дерби, на котором он, естественно, как любой здравомыслящий человек, должен был остановить свой выбор. Что же до его нынешнего, «супружеского» дома со всем его сложным

убранством и коллекцией совершенно невообразимых предметов, то здесь я даже и не знал, как поступить, а потому временно оставил все как есть. Я распорядился, чтобы раз в неделю там в главных комнатах протирали пыль, а истопнику сказал, чтобы он по необходимости поддерживал в камине огонь.

Жуткая развязка наступила как раз перед Сретением, хотя, словно по горькой иронии, ей предшествовал короткий и обманчивый проблеск надежды. Как-то однажды поздним январским утром мне позвонили из лечебницы и сообщили, что к Эдварду неожиданно вернулся рассудок. При этом память его пребывала в довольно плачевном состоянии, однако о каком-либо безумии уже не могло идти и речи. Разумеется, некоторое время ему предстояло побыть под наблюдением врачей, однако не было никаких сомнений в том, что процесс выздоровления, как говорится, пошел в гору. Таким образом, не позднее, чем через неделю Эдвард мог быть выписан из больницы домой.

Охваченный приступом восторженного ликования, я бросился к своему другу, однако изумленно напрягся, едва сестра проводила меня к нему в палату. Больной поднялся с койки и, вежливо улыбнувшись, поздоровался со мной, хотя я сразу же заметил в его облике налет какой-то странной, несвойственной ему энергичной возбужденности, что полностью противоречило тому, каким я знал его прежде. Передо мной стоял вполне спокойный, уверенный в себе человек, который, как ни странно, вызвал во мне смутное ощущение чего-то страшного, поскольку, как мне ранее говорил сам Эдвард, именно таким он становился, когда Айзенат пыталась втиснуть в его тело свою душу. И снова я увидел перед собой те же сияющие глаза, так похожие на глаза Айзенат и старого Эфраима, и ту же жестокую линию рта, а когда он заговорил, я вновь ощутил в его голосе ту же мрачную, самодовольную иронию — глубокий сарказм, отчетливо наводящий на мысль о затаившемся зле. Я видел перед собой того же человека, который пять месяцев назад сидел за рулем моей машины, того самого человека, которого я не видел с тех самых пор, когда он нанес мне краткий визит, забыв про свой давний условный звонок «три плюс два», и который зародил тогда во мне туманные опасения. Вот и сейчас он наполнил меня тем же самым мрачным ощущением какой-то богохульной чужеродности и невыразимой, почти неземной зловещности.

Он довольно учтиво заговорил со мной о подготовке к предстоящей выписке из лечебницы, так что мне не оставалось ничего

другого кроме как соглашаться с ним, несмотря на значительные провалы в его памяти и полное забвение самых недавних событий. И все же я чувствовал, что было во всем этом что-то чудовищно неправильное и ненормальное, а в самом стоящем передо мной человеке, и в том, что он говорил — нечто ужасное, хотя уловить суть произошедшей перемены был просто не в состоянии. Я видел перед собой вполне здравомыслящего человека, но был ли он тем самым Эдвардом Дерби, которого я знал почти всю свою жизнь? Если же нет, то кто, или что это было — и где тогда был сам Эдвард? Следовало ли его выписывать из больницы, либо же, напротив, надо было еще крепче упрятать в ней — а может, его вовсе следовало стереть с лица земли? Был во всех его словах туманный намек на что-то злобное, сардоническое, тогда как глаза — совсем как у Айзенат — придавали особый, сбивающий с толку на-смешливый характер его словам о раннем освобождении, якобы ставшем «наградой за крайне жестокое заточение»! Одним словом, я чувствовал себя крайне неловко и определенно испытал облегчение, когда наконец покинул его палату.

Остаток того дня и весь следующий день я без конца обдумывал сложившуюся ситуацию. Что же все-таки случилось? Чей же рассудок проглядывал сквозь чужие глаза на лице Эдварда? Я не мог думать ни о чем другом, кроме как об этой мрачной, но одновременно зловещей загадке, и прервал эти раздумья лишь для того, чтобы заняться своей собственной работой. На следующее утро мне позвонили из больницы и сообщили, что изменений в состоянии выздоровевшего пациента не произошло, но уже к вечеру я сам оказался на грани нервного срыва, причем, как считают некоторые, именно это состояние в значительной степени повлияло на мое восприятие всех последовавших затем событий. Лично я не могу ничего сказать по этому поводу, но все равно склонен настаивать на том, что отнюдь не мое собственное безумие стало причиной всех последующих событий.

Глава 7

Это случилось ночью — после того, второго тревожного вечера, — когда обнаженный, беспредельный ужас охватил меня и зажал мою душу в черных тисках паники, из которых невоз-

можно было вырваться. Все началось с телефонного звонка, который прозвучал незадолго до полуночи. Кроме меня в доме все спали и я, полусонный, спустился в библиотеку к аппарату. Сняв трубку и спросив, кто звонит, я не услышал никакого ответа и уже хотел было положить ее на рычаг, когда мне показалось, что до моего слуха с другого конца провода донеслись какие-то слабые, едва уловимые звуки. Может, кто-то с громадным трудом пытался заговорить со мной? У меня создалось ощущение, что я слышу нелепо растянутые, булькающие звуки — «глюб... глюб... глюб», — которые странным образом наводили на мысль, что на самом деле все это не что иное, как нечленораздельные и совершенно неразборчивые, но все же человеческие слова.

— Кто говорит? — спросил я, однако ответом мне служило все то же почти механическое «глюб... глюб... глюб... глюб». Предположив, что с аппаратом что-то не в порядке, но одновременно допуская, что поломка произошла только с телефоном, но не с микрофоном, и потому самого меня могут слышать, я сказал:

— Вас не слышно. Повесьте трубку и снова свяжитесь с телефонисткой.

И действительно — через секунду я услышал характерный щелчок отключаемой связи.

Это, как я уже сказал, произошло незадолго до полуночи. Когда впоследствии попытались установить, откуда был сделан звонок, выяснилось, что звонили из «супружеского» дома Эдварда, хотя с момента последнего прихода туда уборщицы не прошло еще и трех дней. Сейчас я лишь вкратце упомяну, что было обнаружено в том доме.

В располагавшемся в дальнем его углу подвальном складском помещении царил полнейший беспорядок; чьи-то следы, грязь, поспешно, словно при краже очищенный гардероб, непонятные отметины на телефонной трубке, разбросанные повсюду канцелярские принадлежности и невыносимая вонь — вонь, которая, казалось, заполняла весь дом, проникая буквально в каждый его уголок. Полицейские — эти несчастные глупцы — и по сей день продолжают выстраивать всевозможные теории и разыскивать тех самых зловещих Инсмутских слуг, которые во время всей этой суматохи и беспорядка бесследно исчезли из города. Поговаривали даже об их дикой мести за все случившееся, причем не исключалось, что все это может коснуться и меня, как самого близкого друга и неизменного спутника Эдварда.

Идиоты! Неужели они в самом деле предполагали, что эти звероподобные уродцы могли не обратить внимания на столь характерный почерк? И все же, несмотря на весь свой омерзительный облик, разве были способны эти люди совершить все то, что впоследствии произошло? Как они могли не подметить всех тех перемен, которые претерпело тело Эдварда? Что же до меня самого, то теперь я верю абсолютно во все, о чем рассказывал мне Эдвард. Да, сейчас я твердо знаю, что существуют кошмары и по другую сторону жизни, причем мы подчас даже не догадываемся об их существовании, и когда-то, один-единственный раз в жизни злобные человеческие призывы и мольбы могут воззвать к этому ужасу, и он посетит наш мир. Эфраим, Айзенат, неведомый мне дьявол вызвал их к жизни, и они поглотили Эдварда, как сейчас пытаются поглотить меня. Мог ли я быть уверен в том, что нахожусь в полной безопасности? Силы эти способны преступать рамки существующей, нормальной материальной формы.

На следующий день, где-то во второй его половине, когда я наконец вышел из прострации и снова обрел способность ходить и связно говорить, я пошел в психиатрическую лечебницу и хладнокровно пристрелил находящееся в той палате существо, и сделал это ради самого Эдварда и во имя всего человечества. Но разве можно быть в чем-то уверенным вплоть до тех пор, пока его не подвергнут кремации? А они продолжают хранить тело для каких-то идиотских вскрытий, причем настаивают на том, чтобы его провело как можно больше разных докторов, и при этом совершенно не обращают никакого внимания на мои призывы немедленно предать эту чудовищную плоть огню. Его просто обязаны кремировать — его, кто в тот момент, когда я нажимал на спусковой крючок, уже отнюдь не был Эдвардом Дерби. Я сойду с ума, если это не будет сделано, поскольку следующим настанет мой черед. Однако я отнюдь не такой же слабохарактерный человек, и я не допущу, чтобы мою волю подорвали все те ужасы, которые, как я знаю, бродят вокруг меня. Одна жизнь — Эфраим, Айзенат, Эдвард — и кто теперь? Им не удастся изгнать меня из моего тела... Я не намерен меняться душами с тем изрешеченным пулями покойником, что лежит в морге сумасшедшего дома!

Но позвольте мне прежде более или менее по порядку рассказать о том самом последнем кошмаре. Я не стану упоминать про все то, на что полиция с такой настойчивостью пытается

закрывать глаза, в частности, не буду пересказывать сообщение трех прохожих, случайно встретивших где-то около двух часов ночи на Хай-стрит некое похожее на карлика, гротескное и к тому же омерзительно зловонное существо, а также опущу рассказ о необычных отпечатках человеческих ног, которые были обнаружены в ряде мест. Скажу лишь только то, что где-то возле двух часов ночи меня подняли с постели звуки звонка и одновременно удары дверного молоточка — да-да, они звучали то одновременно, то с некоторым чередованием, причем я сразу уловил в их робком, каком-то отчаянном звучании знакомую дробь Эдварда — три плюс два.

Едва очнувшись от глубокого сна, я первые секунды вообще ничего не мог понять. Дерби оказался у моих дверей — и он вспомнил свой старый код! Та, новая его личность, не могла вспомнить давней привычки моего друга... так что же, Эдвард снова внезапно вернулся в нормальное состояние? Но почему он оказался здесь в такой час, да еще в подобной спешке? Его досрочно выпустили из лечебницы или он попросту сбежал оттуда? А может, думал я, поспешно накидывая халат и сбегая по лестнице к входной двери, его возвращение к собственному «я» стало причиной какого-то особо неистового, бредового состояния, которое и заставило врачей отказаться от прежнего намерения отпустить его, что, в свою очередь, обусловило этот взрыв стремления вырваться на свободу? Впрочем, что бы там ни было, это опять был мой старый добрый Эдвард, и я в любом случае приду ему на помощь!

Как только я распахнул дверь, оказавшись перед окаймленной кронами вязов темнью ночи, меня в буквальном смысле слова едва не сшибла с ног резкая, плотная волна омерзительного, непередаваемого зловония. Я судорожно закашлялся от внезапно подступившей тошноты, и в течение какой-то секунды смутно видел перед собой лишь сгорбленную, скрюченную, словно у карлика, фигуру, стоявшую на крыльце моего дома. Звонки и стуки в дверь действительно указывали на приход Эдварда, но что это за омерзительная, вонючая пародия на человека? И как у самого Эдварда хватило времени куда-то скрыться — ведь он же в последний раз позвонил за какую-то секунду до того как я открыл дверь?!

На прищельце был плащ Эдварда — полы его почти касались земли, а рукава хотя и были сильно подвернуты, все равно

полностью закрывали ладони. На голове его сидела неряшливо заломленная шляпа, а черный шелковый шарф почти полностью скрывал лицо. Едва я сделал пару нетвердых шагов вперед, как стоявшее передо мной существо издало то ли хлюпающий, то ли булькающий звук, очень похожий на то, что я слышал по телефону — «глюб... глюб...» — и протянуло мне большой и плотно исписанный лист бумаги, нанизанный на длинный карандаш. Все еще слабо покачиваясь от исходившей от него невыносимой, поистине трупной вони, я взял бумагу и в падающих у меня из-за спины лучах света попытался было прочесть, что в ней написано.

Не оставалось никаких сомнений — почерк был явно Эдварда. Но зачем ему понадобилось писать, когда вполне можно было просто позвонить — ведь находились-то мы, можно сказать, почти рядом, — и почему он писал так неразборчиво, порывисто и в явной спешке? В слабом свете передней я так и не смог ничего толком разобрать, а потому направился обратно в холл — карлик также машинально двинулся за мной следом, хотя и неловко замялся у порога. Исходивший от него запах мог свести с ума кого угодно, и потому я Христом-Богом молил (к счастью, не зря), чтобы моя жена не проснулась и не вздумала спуститься ко мне.

Едва прочитав бумагу, я тут же почувствовал, что колени мои предательски задрожали, а перед глазами поплыли круги... Очнувшись, я обнаружил, что лежу на полу в холле, по-прежнему сжимая в скованной страхом руке ту самую бумагу. Вот что в ней было написано.

«Дэн — немедленно отправляйся в лечебницу и убей его. Уничтожь! Это уже не Эдвард Дерби. Она добралась-таки до меня — это Айзенат, — хотя сама она уже три с половиной месяца как умерла. Я тогда солгал тебе, когда сказал, что она уехала. На самом деле я убил ее. Я должен был это сделать. Это произошло совершенно неожиданно, но мы тогда были одни, и я все еще находился в своем собственном теле. Под руку мне попался подсвечник, и я ударил им ее по голове. Иначе в День Всех Святых она навечно вселилась бы в меня.

Я спрятал ее в дальнем подвале — сверху завалил какими-то коробками и постарался затереть все следы. На следующее утро слуги что-то заподозрили, однако за ними водятся такие секреты, что в полицию они обратиться

не решились. Я рассчитал их и выставил за дверь, но один лишь Господь знает, что они — и другие члены их культа — станут делать.

Какое-то время мне казалось, что все опять наладилось, а сам я пошел на поправку, но затем снова почувствовал — словно мой мозг куда-то тянут. Я сразу понял, что это было — просто не мог не понять, не вспомнить. Душа — вроде той, что была у нее или у Эфраима — после смерти лишь частично покидает тело, и продолжает как бы цепляться за него вплоть до тех пор, пока существует само это тело. И вот она пыталась добраться до меня — хотела, чтобы мы поменялись с нею телами — стремилась захватить мое тело, а меня самого вместить в тот полуразложившийся труп, что я спрятал в подвале нашего дома...

Я понимал, что меня ждет — очевидно, это и обусловило мой срыв, в результате которого я оказался в сумасшедшем доме. А потом это началось — я почувствовал, что вот-вот задохнусь, находясь в полной темноте — ведь я находился там, в подвале, под массой коробок... в разлагающемся теле Айзенат. Тогда до меня дошло, что сама она сейчас находится на моем месте в лечебнице, причем навечно, ибо все это случилось уже после Дня Всех Святых, а потому жертвоприношение возымеет свое действие даже в ее отсутствие. Таким образом, она оказалась в полном душевном здравии и была готова совершать свои дикие злодеяния над всем человечеством. Я был в отчаянии, и все же, несмотря ни на что, смог выбраться наружу.

К сожалению, процесс зашел уже слишком далеко и разговаривать я не мог — даже трубку как следует не смог держать в руках, — но писать был еще в силах. Постараюсь хоть немного привести себя в порядок и донести до тебя это свое последнее послание и одновременно предупреждение. Еще раз заклинаю тебя: если тебе дороги мир и благополучие всего того, что окружает людей, убей эту тварь. При этом добейся того, чтобы ее кремировали. Если этого не сделать, то она будет жить вечно, переходя из тела в тело, и даже я не в состоянии сказать, что еще она может сотворить, если это случится. Дэн, никогда даже не прикасайся к черной магии — это дьявольское ремесло. А теперь прощай — ты всегда был настоящим другом. Расскажи полиции обо всем —

не знаю только, во что из этого они смогут поверить, — и извини за то, что втянул тебя во все это дело. Скоро я отойду в мир иной — эта мерзость не просуществует слишком долго. Надеюсь на то, что тебе удастся разобрать мою писанину. И убей эту тварь — убей ее!

Твой Эд».

Все это я прочитал лишь позже, поскольку перед тем, как свалиться в обморок, смог дотянуть лишь до третьего абзаца. Сознание вновь покинуло меня, когда я обнаружил, что именно лежит на пороге моего дома — скрюченное, обдуваемое волнами теплого воздуха... Странный пришелец не шевелился и вообще не подавал никаких признаков жизни.

Мой камердинер оказался крепче меня и не свалился без чувств, увидев поутру всю эту картину. Вместо этого он просто позвонил в полицию. Когда они прибыли, меня уже проводили наверх и уложили в постель, но тот... та масса все еще продолжала лежать на том самом месте, где рухнула прошлой ночью. Занимаясь ею, полицейские были вынуждены прикрывать носы платками.

То, что они в конце концов обнаружили под странным ворохом разносортной одежды Эдварда, оказалось почти разложившимся трупом. Сохранились, правда, кости и, разумеется, череп, хотя и проломленный. По строению челюстей врач однозначно установил, что череп принадлежал Айзенат Дерби.

1937

© Пер. Э. Серовой

Примечание

- 1 Роберт Браунинг (1812–1889) — английский поэт и драматург.
- 2 Генри Джеймс (1843–1916, Лондон) — американский писатель, который с тридцати лет жил в Европе, а за год до смерти принял британское подданство. Брат выдающегося психолога Уильяма Джеймса.
- 3 Оливер Уэнделл Холмс-старший (1809–1894) — американский врач, поэт и писатель.
- 4 Фрэнсис Марион Кроуфорд (1854–1909) — плодовитый американский беллетрист, сын скульптора Томаса Кроуфорда. Племянник Джулии Уорд Хау, автора «Боевого гимна Республики».
- 5 Шарлотта Перкинс Гилман (1860–1935) — американская феминистка, социолог, романистка, новеллистка, поэтесса, научный литератор, преподаватель и социальный реформатор. Послужила ролевой моделью для будущих поколений феминисток.
- 6 Уильям Уаймарк Джейкобс (1863–1943) — английский писатель и драматург. Автор романов и сборников рассказов, подписывавший свои произведения — W. W. Jacobs.
- 7 Первая книга Еноха или «Эфиопская книга Еноха» — один из наиболее значимых апокрифов Ветхого Завета, повествует от лица ветхозаветного патриарха Еноха. Помимо данного текста, существуют еще Вторая книга Еноха («Славянская» или «Книга тайн») и Третья книга Еноха («Книга небесных Дворцов»).
- 8 «Ключи Соломона» — гримуары, авторство которых приписывается царю Соломону.
- 9 Вальпургиева ночь — ночь с 30 апреля на 1 мая. Во многих странах Западной Европы в эту ночь отмечается праздник весны, восходящий к дохристианским традициям.
- 10 Хэллоуин — современный международный праздник, восходящий к традициям древних кельтов Ирландии и Шотландии, история которого началась на территории современных Великобритании и Северной Ирландии.
- 11 Альберт Великий или С в. Альберт, Альберт Кельнский, Альберт фон Больштедт (ок. 1200–1280) — средневековый немецкий

- философ, теолог, ученый. Видный представитель средневековой схоластики, доминиканец, признан Католической церковью одним из 37 Учителей Церкви, наставник Фомы Аквинского.
- 12 Раймунд Лүллий (ок. 1235–1315) — каталонский миссионер, поэт, философ и теолог, один из наиболее влиятельных и оригинальных мыслителей европейского высокого Средневековья. Лүллий считается одним из родоначальников европейской аристотелики и комбинаторики.
 - 13 Мишель де Нотрдам, известный также как Нострадамус (1503–1566) — французский врач-фармацевт, писатель, поэт, астролог и алхимик, знаменитый своими пророчествами.
 - 14 Иоганн Тритемий (1462–1516) — немецкий гуманист, генеалог, монастырский историк и библиофил. Аббат бенедиктинского монастыря С в. Мартина в Шпонхайме, а после изгнания оттуда — аббат шотландского монастыря С в. Иакова в Вюрцбурге (1506–1516).
 - 15 Джон Ди, реже — Дии (1527–1609) — британский натурфилософ, математик, географ, астроном, алхимик и астролог валлийского происхождения. Отец врача и фармацевта Артура Ди. Особую популярность Джон Ди получил за интерес к проблеме существования адамического (енохианского) языка, для изучения которого он привлекал медиумов и других провидцев и прорицателей (в частности, Эдварда Келли и др.).
 - 16 Роберт Фладд (1574–1637) — английский врач, философ-мистик, автор латинских трудов; астролог, музыковед и теоретик музыки.
 - 17 «Книга оборотней» — книга британского священника, проповедника, агиографа, готического писателя, собирателя и исследователя фольклора Сабина Бэринг-Гулда (1834–1924), вышедшая в 1865 году и представляющая собой обобщение европейских исторических сведений и народных поверий о ликантропии — мифической способности превращаться в волка, то есть о вервольфах — волках-оборотнях. В дальнейшем книга неоднократно переиздавалась.
 - 18 Петроний Арбитр (ок. 14–66) — автор древнеримского романа «Сатирикон», обычно отождествляемый с сенатором Петронием, о котором писал Тацит.
 - 19 Апулей — древнеримский писатель и поэт, философ-платоник, ритор, автор знаменитого романа «Метаморфозы» («Золотой осел»). Сохранившиеся труды Апулея написаны на латинском языке.

- 20 Пли́ний Мла́дший (61–113) — древнеримский государственный деятель, писатель и адвокат, занимавший в 100 году должность консула-суффекта.
- 21 Флегонт из Тралл, также Флегон из Тралл, Флегон(т) Тралльский, Публий Элий Флегон — древнегреческий историк и парадоксограф II века.
- 22 Пу́блий Э́лий Тра́ян Адриа́н, более известный как Адриан (76–138) — римский император в 117–138 годах. Третий из пяти хороших императоров.
- 23 Ва́шингтон И́рвинг (1783–1859) — американский писатель-романтик, которого часто называют «отцом американской литературы». Наиболее известен новеллами «Рип ван Винкль» (1819) и «Легенда о Сонной Лощине» (1820). Кроме того, издал сатирическую «Историю Нью-Йорка» (1809), сборник «Альгамбра».
- 24 Эдда — основное произведение германо-скандинавской мифологии. Является аналогом греческих Од.
- 25 Мимир — в германо-скандинавской мифологии великан, охраняющий источник мудрости.
- 26 «Беову́льф» — англосаксонская эпическая поэма, названная по имени главного героя. Один из самых важных текстов на древнеанглийском языке. Состоит из 3182 строк и написан аллитерационным стихом.
- 27 Сэр То́мас Мэ́лори (1405–1471) — английский писатель, автор «Книги о короле Артуре и о его доблестных рыцарях Круглого стола». Она состоит из восьми романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола и представляет собой исчерпывающий свод артуровской легенды. В 1485 году английский первопечатник Уильям Кэкстон издал книгу Мэлори под названием «Смерть Артура». Она стала своеобразной энциклопедией артуровского мифа.
- 28 Галахад — рыцарь Круглого стола Короля Артура и один из трех искателей Святого Грааля. Внебрачный сын сэра Ланселота и леди Элейн.
- 29 Джон Уэ́бстер (1578–1634) — английский драматург, современник Шекспира и Бен Джонсона, мастер «кровавой трагедии».
- 30 Даниель Дефо́ (1660–1731) — английский писатель и публицист.
- 31 Тоба́йас Джо́рдж Смо́ллетт (1721–1771) — шотландский романист, поэт, переводчик и один из лидеров английского классического эпоса, и крупный мастер англоязычной пикарески и зачинатель просветительского романа воспитания, предвос-

- хитивший, в частности, творчество Диккенса. Специализировался на романах о жизни моряков.
- 32 Оссиан (ирл. Oisín, а в соответствии с современным ирландским произношением) — легендарный кельтский бард III века. От его лица написаны поэмы Джеймса Макферсона и его подражателей.
 - 33 Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт, художник и гравёр. Почти непризнанный при жизни, Блейк в настоящее время считается важной фигурой в истории поэзии и изобразительного искусства романтической эпохи. Всю жизнь прожил в Лондоне (за исключением трех лет в Фелфаме).
 - 34 Роберт Бернс (1759–1796) — шотландский поэт, фольклорист, автор многочисленных стихотворений и поэм, написанных на равнинном (германском) шотландском и английском языках.
 - 35 Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) — английский поэт-романтик, критик и философ, выдающийся представитель «озерной школы». Отец поэтессы Сары Кольридж (1802–1852) и литератора Хартли Кольриджа (1796–1849).
 - 36 Джеймс Хогг (1770–1835) — шотландский поэт, автор исторических баллад в стиле Вальтера Скотта; известен также под прозвищем «Этрикский пастух» (по месту своего рождения). Как поэт испытал сильное влияние Бёрнса. Помогал Скотту собирать народные песни и фольклор, написал о нём книгу воспоминаний. В Эдинбурге встречался с Байроном, Саути, Вордсвортом, который почтил его смерть элегией.
 - 37 Джон Китс (1795–1821) — поэт младшего поколения английских романтиков. Величайшие произведения Китса были написаны, когда ему было 23 года. В последний год жизни практически отошел от литературной деятельности. В 25 лет Китса не стало.
 - 38 Готфрид Август Бюргер (1747–1794) — немецкий поэт, известный главным образом своей балладой «Ленора» (1773).
 - 39 Томас Мур (1779–1852) — поэт-романтик, песенник и автор баллад. Один из основных представителей ирландского романтизма.
 - 40 Проспер Меримé (1803–1870) — французский писатель и переводчик, один из первых во Франции мастеров новеллы, историк, этнограф и археолог.
 - 41 Иоганн Вольфганг фон Гете (1749–1832) — немецкий поэт, драматург, романист, ученый-энциклопедист, государственный деятель, театральный режиссер и критик.
 - 42 Хорас Уолпол, 4-й граф Орфорд (1717–1797) — английский писатель, основатель жанра готического романа, библиофил и кол-

- лекционер. Один из инициаторов движения «готического возрождения» в Англии.
- 43 Параферналия — совокупность снаряжения, оборудования, принадлежностей, используемых для занятий определенного рода, и, как следствие, являющихся отличительными чертами этих занятий. Параферналия может быть связана со спортом, хобби, историческим периодом, и так далее.
- 44 Клара Рив (1729–1807) — английская писательница, представитель готического жанра, последовательница Горация Уолпола. Клара Рив имеет большое значение в истории готического романа, она первая разграничила определения жанров и подчеркнула значение морали в готике.
- 45 Мария I (1542–1587) — королева Шотландии с 6 дня жизни, фактически правила с 1561 года до низложения в 1567 году, а также королева Франции в 1559–1560 годах (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол. Ее трагическая судьба, наполненная «литературными» по драматизму поворотами и событиями, привлекала писателей романтической и последующих эпох.
- 46 Анна Радклифф (1764–1823) — английская писательница, одна из основательниц готического романа.
- 47 Чарльз Брокден Браун (1771–1810), первый значительный американский романист. Родился 17 января 1771 в Филадельфии (шт. Пенсильвания).
- 48 Уильям Годвин (1756–1836) — английский журналист, политический философ и романист, драматург, один из основателей либеральной политической философии и анархизма. Муж писательницы-феминистки Мэри Уолстонкрафт, отец писательницы Мэри Шелли.
- 49 Джейн Остин, распространен также вариант Джейн Остен (1775–1817) — английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе, сатирик, писала так называемые романы нравов. Ее книги являются признанными шедеврами, которые сочетают в себе простоту сюжета, глубокое психологическое проникновение в души героев и ироничный, мягкий, истинно «английский» юмор.
- 50 Чарльз Роберт Метьюрин (1780–1824) — английский (ирландский) священник и писатель.
- 51 Сэр Вальтер Скотт, 1-й баронет (1771–1832) — шотландский прозаик, поэт, историк, собиратель древностей, адвокат и драматург. Считается основоположником жанра исторического романа.

- 52 Данте Габриэль Россетти (1828–1882) — английский поэт, переводчик, живописец и график, один из основателей Братства прерафаэлитов и объект страстного поклонения и подражания для младшего поколения последователей.
- 53 Уильям Мейкпис Тэккерей (1811–1863) — английский писатель-сатирик, мастер реалистического романа.
- 54 Шарль Пьер Бодлёр (1821–1867) — французский поэт, критик, эссеист и переводчик; основоположник декаданса и символизма, повлиявший на развитие всей последующей европейской поэзии. Классик французской и мировой литературы.
- 55 Óскар Фінгал О'Флаэрти Уїллс Уайльд (1854–1900) — ирландский писатель и поэт. Один из самых известных драматургов позднего Викторианского периода, одна из ключевых фигур эстетизма и европейского модернизма.
- 56 Джордж Эдвард Бейтман Сейнтсбери (1845–1933) — английский критик, историк литературы, редактор, преподаватель и знаток вин. Он считается весьма влиятельным критиком конца 19-го и начала 20-го века.
- 57 Эдит Биркхед (1889–1951) — преподаватель английской литературы, почетный член Университета Ливерпуля. Она написала новаторскую работу по готической литературе: Повесть о терроре (1921). В этой работе описано увлечение сверхъестественной фантастикой в английской литературе, начиная с публикации «Замка Отранто» Хораса Уолпола в 1764 году до «Мельмота странника» Чарльза Мэтьюрина в 1820 году и заканчивая современностью. Она включила произведения из Европы, а также Америки, в том числе Натаниэля Хоторна и Эдгара Аллана По.
- 58 Карл Фридрих Август Гроссе (1768–1847), также известный как Эдуард Ромео Варгас-Бедемар, был немецким писателем, переводчиком, философом-эстетиком и минералогом.
- 59 Регина Мария Рош (1764–1845) считается второстепенной писательницей готического жанра, вдохновленной Энн Рэдклифф-первопроходцем. Однако в свое время она была автором бестселлеров. Популярность ее третьего романа «Дети аббатства» соперничала с популярностью романа Энн Рэдклифф «Тайны Удольфо».
- 60 Пёрси Биш Шелли (1792–1822) — английский писатель, поэт и эссеист. Один из классиков британского романтизма. Был женат на Мэри Шелли, написавшей готический роман под названием «Франкенштейн, или Современный Прометей».

- 61 Уильям Томас Бекфорд (1760–1844) — богатейший среди представителей третьего сословия англичанин конца XVIII века, член Британского парламента, известный собиратель и ценитель искусства, первопроходец неоготического движения в архитектуре, автор готического романа «Ватек». Писал на английском и французском языках.
- 62 Антуан Галлан (1646–1715) — французский востоковед, антиквар, переводчик, который прославился первым в Европе переводом «Тысячи и одной ночи».
- 63 Алессандро Калиостро, граф Калиостро, настоящее имя — Джузеппе Джованни Батиста Винченцо Пьетро Антонио Маттео Франко Бальсамо (1743–1795) — итальянский мистик, алхимик и авантюрист, называвший себя разными именами. Во Франции также был известен как Жозеф Бальзамо́ (фр. Joseph Balsamo).
- 64 Фрэнсис Баррет (1774–1830) — английский мистик и оккультист; составитель учебника магии (1801) по трудам немца Корнелиуса Агриппы (ум. 1535) и итальянца Пьетро д'Абано (ум. 1316).
- 65 Эдуард Джордж Эрл Литтон Булвер-Литтон, 1-й барон Литтон (1803–1873), — английский писатель-романист и политический деятель.
- 66 Джордж Уильям Макартур Рейнольдс (1814–1879) — британский писатель-фантаст и журналист.
- 67 Мэри Шелли (1797–1851) — английская писательница, автор готического романа «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), который считается ранним примером научной фантастики. Она также редактировала и продвигала произведения своего мужа, поэта-романтика и философа Перси Биши Шелли. Ее отцом был политический философ Уильям Годвин, а матерью — философ и активистка-феминистка Мэри Уолстонкрафт.
- 68 Джон Уильям Полидори (1795–1821) — английский писатель и врач итальянского происхождения. Известен как автор первого художественного произведения о вампире, так и названного, — «Вампир» (1819).
- 69 Томас Мур (1779–1852) — поэт-романтик, песенник и автор баллад. Один из основных представителей ирландского романтизма.
- 70 Томас де Куинси, или Де Куинси (1785–1859) — английский писатель, эссеист, автор знаменитой «Исповеди англичанина, употребляющего опиум».
- 71 . Уильям Гаррисон Эйнсворт — английский романист.
- 72 Фредерик Марриет (1792–1848) — английский мореплаватель, писатель, автор приключенческих романов.

- 73 Чарльз Джон Ха́ффем Ди́ккенс (1812–1870) — английский писатель, стенограф, репортер, романист и эссеист. Классик мировой литературы, один из крупнейших прозаиков XIX века, он стал самым популярным англоязычным писателем еще при жизни.
- 74 Эдуа́рд Джордж Э́рл Литтон Бу́лвер-Ли́ттон, 1-й барон Литтон (1803–1873), — английский писатель-романист и политический деятель.
- 75 Альфонс-Луи́ Конста́н (1810–1875) — французский оккультист и таролог.
- 76 Джо́зеф Ше́ридан Ле Фа́ню (1814–1873) — ирландский писатель, продолжавший традиции готической прозы. Автор классических рассказов о привидениях.
- 77 Уи́льям Уи́лки Колли́нз (1824–1889) — английский писатель, драматург, автор 27 романов, 15 пьес и более чем полусотни рассказов.
- 78 Сэр Ге́нри Ра́йдер Ха́ггард (1856–1925) — английский писатель, представитель викторианской и эдвардианской приключенческой литературы. Несмотря на определенное воздействие на мировоззрение современников, остался писателем второго ряда, а часть его произведений перешла в разряд детской литературы.
- 79 Сэр А́ртур Игне́йшус Ко́нан Дойл (Дойль) (1859–1930) — английский писатель (по образованию врач) ирландского происхождения, автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений.
- 80 Ге́рберт Джо́рдж Уэ́ллс (1866–1946) — английский писатель и публицист.
- 81 Ро́берт Лью́ис Ба́лфур Сти́венсон (1850–1894) — шотландский писатель и поэт, автор приключенческих романов и повестей, крупнейший представитель неоромантизма.
- 82 Эмили Джейн Бро́нте (1818–1848) — английская писательница и поэтесса, средняя из трех сестер Бронте. Автор романа «Грозовой перевал», а также ряда стихотворений.
- 83 Эрнст Теодо́р Амаде́й Го́фман (1776–1822) — немецкий писатель-романтик, сказочник, композитор, художник, юрист.
- 84 Йо́ханнес Вильгельм Майнхо́льд (1797–1851) — немецкий писатель, пастор, доктор богословия.
- 85 Ганс Ге́йнц Э́верс (1871–1943) — немецкий писатель и поэт, автор мистических рассказов и романов готической направленности. Среди наиболее известных произведений: «Паук», «Альрауне»,

- «Смерть барона фон Фриделя», завершение неоконченного романа Шиллера «Духовидец».
- 86 Виктор Мари Гюго (1802–1885) — французский писатель (поэт, прозаик и драматург), одна из главных фигур французского романтизма, политический и общественный деятель. Сенатор Франции от департамента Сена (1876–1885). Член Французской академии (с 1841; на кресле № 14).
- 87 Пьер Жюль Теофиль Готье (1811–1872) — французский прозаик и поэт романтической школы, журналист, критик, путешественник.
- 88 Гюстав Флобер (1821–1880) — французский прозаик-реалист, считающийся одним из крупнейших европейских писателей XIX века.
- 89 Жорис-Карл Гюисманс (1848–1907) — французский писатель. Первый президент Гонкуровской академии (с 1900 года). Вся жизнь, с 1866 года, прослужил чиновником министерства внутренних дел.
- 90 Фитц Джеймс О'Брайен (1826–1862) — ирландский и американский писатель, который считается одним из первых американцев, писавших в жанре литературы ужасов и научной фантастики.
- 91 Филипп-Огюст-Матиа́с де Вилье́ де Лиль-Ада́н (1838–1889) — французский писатель и драматург.
- 92 Густав Майринк (1868–1932) — австрийский писатель-экспрессионист, драматург, переводчик и банкир. Всемирную славу ему принес роман «Голем», который стал одним из первых бестселлеров XX века. Майринк наряду с Кафкой и Перуцем сделал знаменитой пражскую литературную школу.
- 93 Голем — мифическое антропоморфное существо в еврейской мифологии, полностью созданное из неживой материи, обычно глины или грязи. В Псалмах и средневековых писаниях слово «голем» использовалось как термин для аморфного, бесформенного материала.
- 94 Диббук — персонаж еврейской мифологии, злой дух в ашкеназском еврейском фольклоре, являющийся душой умершего злого человека.
- 95 Эдгар Аллан По (1809–1849) — американский писатель, поэт, эссеист, литературный критик и редактор, представитель американского романтизма.
- 96 Чарльз Брокден Браун (1771–1810) — американский публицист и редактор.

- 97 Пол Элмер Мор (1864–1937) — американский журналист, критик, эссеист и христианский апологет.
- 98 Натаниэль Готорн (1804–1864) — американский писатель и литератор, один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы. Внес большой вклад в становление жанра рассказа (новеллы) и обогатил литературу романтизма введением элементов аллегории и символизма. Отец Джулиана Готорна.
- 99 Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930) — один из ключевых английских писателей начала XX века.
- 100 Амброз Гуиннет Бирс (1842–1914) — американский писатель, журналист, автор юмористических и «страшных» рассказов.
- 101 Сэмюэл Э. Лавмен (1887–1976) — американский поэт, критик и драматург, вероятно, наиболее известный своими связями с писателями Х. П. Лавкрафтом и Хартом Крейном.
- 102 Фредерик Табер Купер, доктор философии (1864–1937) - американский редактор и писатель.
- 103 Роли Эдвард Колстон (1825–1896) был американским французского происхождения. Он был противоречивым бригадным генералом в армии Конфедерации Штатов во время Гражданской войны в США.
- 104 Оливер Уэнделл Холмс младший (1841–1935) — американский юрист и правовед, многолетний член Верховного суда США.
- 105 Фрэнсис Марион Кроуфорд (1854–1909) — плодовитый американский беллетрист, сын скульптора Томаса Кроуфорда. Племянник Джулии Уорд Хау, автора «Боевого гимна Республики».
- 106 Дама Дафна дю Морье, леди Браунинг (1907–1989) — английская писательница и биограф, писавшая в жанре психологического триллера. Творчество Дю Морье известно в первую очередь такими произведениями, как роман «Ребекка» и рассказ «Птицы», экранизированные Альфредом Хичкоком. Писательница являлась членом Королевского литературного общества с 1952 года, в 1977 году была награждена «Американской премией за мастерство в детективной литературе». Возведена в чин дамы-командора ордена Британской империи. В 1938 году получила Национальную книжную премию США.
- 107 Дальше (от фр.)
- 108 Ральф Адамс Крам (1863–1942) был плодовитым и влиятельным американским архитектором колледжей и церковных зданий, часто в стиле возрождения готики. Cram & Ferguson и Cram,

- Goodhue & Ferguson, в которых он работал. Крам был научным сотрудником Американского института архитекторов.
- 109 Ирвин Шрусбери Кобб (1876–1944) был американским писателем, юмористом, редактором и обозревателем из Падьюки, штат Кентукки, который переехал в Нью-Йорк в 1904 году, прожив там остаток своей жизни. Он писал для New York World, газеты Джозефа Пулитцера, являющейся самым высокооплачиваемым штатным репортером в Соединенных Штатах.
- 110 Леонард Лэнсон Клайн (1893–1929) — американский писатель, поэт, автор коротких рассказов и журналист.
- 111 Герберт С. Горман (1893–1954) — был американским писателем литературным критиком.
- 112 Лиланд Холл (1884–1957) — американский писатель.
- 113 Эдвард Лукас Уайт (1866–1934) — американский писатель и поэт.
- 114 Кларк Эштон Смит (1893–1961) — американский поэт и писатель, художник, скульптор.
- 115 Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936) — английский писатель, поэт, журналист и путешественник.
- 116 Лафкадио Херн (1850–1904) — ирландско-американский прозаик, переводчик и востоковед, специалист по японской литературе.
- 117 Мэтью Фипс Шил (1865–1947) — британский писатель, работавший в жанрах литературы мистического ужаса, раннего фэнтези и научной фантастики.
- 118 Абрахам «Брэм» Стокер (1847–1912) — ирландский писатель, романист и автор коротких рассказов, театральный критик. Наиболее известен как автор готического романа ужасов 1897 года «Дракула».
- 119 Ричард Марш (1857–1915) — псевдоним английского писателя, урожденного Ричарда Бернарда Хелдманна. Популярный и плодовитый автор конца XIX века и эдвардианского периода, Марш наиболее известен в настоящее время благодаря своему роману-триллеру сверхъестественном «Жук», который был опубликован в том же году, что и «Дракула» Брэма Стокера (1897), и первоначально был еще более популярным, в шесть раз превзойдя «Дракулу». The Beetle оставался в печати до 1960 года. Марш выпустил почти 80 томов художественной литературы и множество рассказов в жанрах ужасов, криминала, романтики и юмора. Многие из них были недавно переизданы, начиная с The Beetle 2004 года. Внук Марша, Роберт Айкман, был известным автором коротких «странных историй».

- 120 Джон Бьюкен, 1-й барон Твидсмюр (1875–1940) — шотландский писатель, историк и политик-юнионист, занимавший пост генерал-губернатора Канады, 15 со времен Канадской конфедерации.
- 121 Клеменс Энни Хаусман (1861–1955) — писательница, иллюстратор и активистка женского движения за избирательное право. Она была сестрой А. Э. Хаусмана и Лоуренса Хаусмана. Среди ее романов были «Оборотень», «Неведомое море» и «Жизнь сэра Агловейла де Галиса». Она также была ведущей фигурой в движении суфражисток.
- 122 Артур Рэнсом (1884–1967) — английский журналист, писатель, разведчик, агент MI5.
- 123 Джордж Макдональд (1824–1905) — британский романист и поэт, был одно время священником. Написал также несколько книг для детей, в том числе Принцесса и гоблин. Его сказочно-фантастическая проза получила высочайшую оценку У. Х. Одена, К. С. Льюиса, Дж. Р. Толкина, Г. К. Честертона.
- 124 Уолтер Джон Де Ла Мар (1873–1956) — английский поэт, писатель и романист, наиболее известный работами в жанрах сверхъестественной фантастики и детской литературы.
- 125 Эдвард Фредерик Бенсон (1867–1940) — английский писатель.
- 126 Герберт Расселл Уэйкфилд (1888–1964) — английский писатель, известный своими историями о привидениях.
- 127 Сэр Хью Сеймур Уолпол (1884–1941) — английский писатель. Потомок барона Горацио Уолпола[en], младшего брата первого британского премьер-министра.
- 128 Сэр Джеймс Мэтью Барри, 1-й баронет (1860, Кирримьюр—1937) — шотландский драматург и романист, автор цикла сказочных произведений о Питере Пэне.
- 129 Лесли Поулз Хартли (1895–1972) — английский писатель, кавалер Ордена британской империи (CBE, командор), автор нескольких сборников рассказов и романов, по самому известному из которых, *The Go-Between* снят фильм (сценарий Гарольда Пинтера).
- 130 Мэй Синклер (1863–1946) — английская писательница. Известность ей принесли два десятка романов, рассказы и стихи. Она была активной феминисткой и членом Лиги писательниц-суфражисток. Также она была известным критиком в сфере модернистской поэзии и прозы; именно она ввела термин поток сознания в литературную критику.
- 131 Уильям Хоуп Ходжсон (1877–1918) — английский писатель.

- 132 Алджернон Блэквуд (1869–1951) — английский писатель и путешественник, один из ведущих авторов-мистиков, классик литературы ужасов и рассказа с привидениями первой половины XX века.
- 133 Уильям (Вильям) Карлтон (1794–1869) — ирландский писатель и журналист; наиболее известен своими «Чертами и историями ирландского крестьянства» — сборником этнических зарисовок стереотипного ирландца.
- 134 Томас Крофтон Крокер (1798–1854) — ирландский фольклорист.
- 135 Джейн Франческа Агнес, леди Уайлд (1821–1896) — была ирландской поэтессой под псевдонимом Сперанца и сторонницей националистического движения. Леди Уайльд проявляла особый интерес к ирландским народным сказкам, которые она помогала собирать и была матерью Оскара Уайльда и Вилли Уайльда.
- 136 Дуглас Росс Хайд (1860–1949) — ирландский государственный и политический деятель, первый президент Ирландии с 25 июня 1938 до 24 июня 1945.
- 137 Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — ирландский англоязычный писатель, поэт, драматург, выдающийся деятель западноевропейской литературы XX в.
- 138 Джон Миллингтон Синг (1871–1909) — ирландский драматург, один из крупнейших деятелей национального возрождения Ирландии.
- 139 Альфред Эдвард Вудли Мейсон (1865–1948) — британский писатель, прозаик и драматург, подписывавший свои произведения как А. Э. В. Мейсон.
- 140 Изабелла Огаста, леди Грегори (1852–1932) — ирландская писательница, драматург и собирательница фольклора. Являлась одной из основательниц Ирландского национального театрального общества и театра Эбби, автор сборников рассказов и изданий по изучению ирландского фольклора. Бернард Шоу называл леди Грегори величайшей из ныне живущих ирландок.
- 141 Падрейк Колум (1881–1972) был ирландским поэтом, романистом, драматургом, биографом, драматургом, детским автором и собирателем фольклора. Он был одной из ведущих фигур ирландского литературного возрождения.
- 142 Джеймс Стивенс (1880–1950) — ирландский писатель и поэт.
- 143 Банши́, или бэнши — женщина из Ши — в ирландском фольклоре и у жителей горной Шотландии — особая разновидность

- фей, предвещающих смерть. Обычно бродят крадучись среди деревьев, либо летают. Издают пронзительные вопли, в которых будто бы «сливаются крики диких гусей, рыдания ребенка и волчий вой», предвещая смерть кого-либо из членов рода.
- 144 Артур Мейчен, также упоминается как Артур Мэкен, настоящее имя Артур Ллевеллин Джонс (1863–1947) — валлийский писатель и мистик, расцвет творчества которого пришелся на рубеж XIX—XX вв. Наиболее известен произведениями фантастической направленности о сверхъестественном. Его новелла «Великий бог Пан», написанная в 1890 году и опубликованная в 1894, со временем заработала репутацию классики литературы ужасов; в одном из интервью Стивен Кинг называл ее «возможно, лучшим рассказом в жанре ужасов на английском языке».
- 145 Фрэнк Белнэп Лонг (1901–1994) — американский писатель в жанрах ужаса, фэнтези, научной фантастики, поэзии, готического романа, комиксов, и нон-фикшн.
- 146 Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, 18-й барон Дансени, (1878–1957) — ирландский англоязычный писатель и поэт, один из первопроходцев жанра фэнтези. Больше известен под образованным от титула творческим псевдонимом Лорд Дансени, которым подписаны все его публикации.
- 147 Гвельфы или гибеллины — политическое течение в Италии XII—XVI веков, представители которого выступали за ограничение власти императора Священной Римской империи в Италии и усиление влияния папы римского. Получили название от Вельфов, герцогов Баварии и Саксонии — соперников германской династии Штауфенов.
- 148 Гноллы — звероподобные дикари, полулюди-полугиены.
- 149 Монтегю Родс Джеймс (1862–1936) — английский писатель, историк, специалист по средневековью, ректор Королевского колледжа в Кембридже (1905–1918 годы) и Итона (1918–1936), членкор Американской академии медиевистики (1926). Вошел в историю мировой литературы как крупнейший мастер рассказа о привидениях.
- 150 Имеется в виду Первая Мировая война 1914–18 годы
- 151 Гунны — здесь: презрительное прозвище немцев
- 152 Произведение Джона Милтона (1608–1674) — английского поэта и публициста, построенное на основе библейских сюжетов. Изобилует сценами фантастических битв между воинством Сатаны

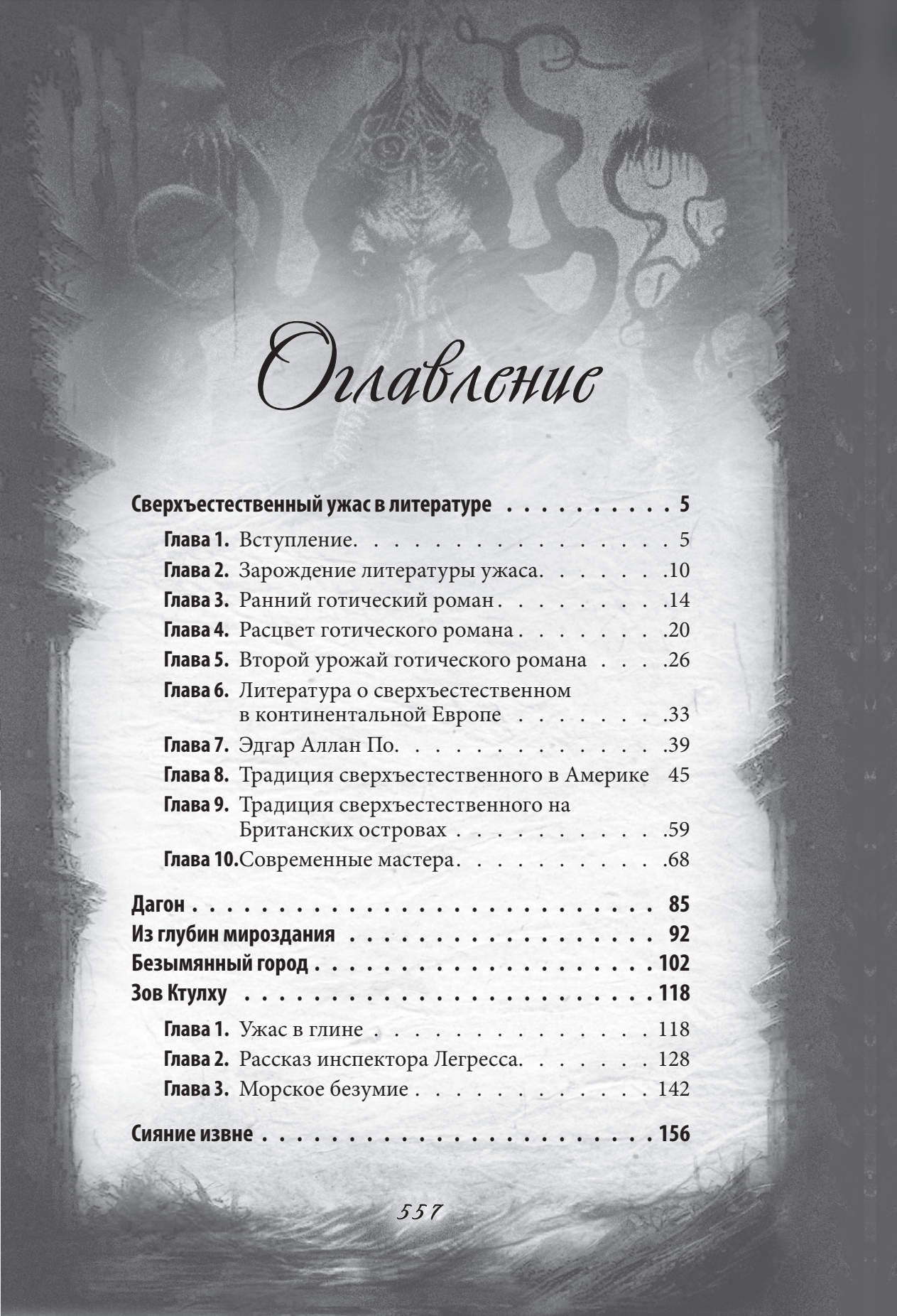
и ангелами, перемежающимися идиллическими картинами рая и описаниями космических пространств.

153 Булвер-Литтон (1803–1873–английский писатель, автор многочисленных исторических романов, наиболее известными являются «Риенци, или Последний трибун» и «Последние дни Помпеи», и драматических произведений

154 Полифем (*греч.*) — одноглазый циклоп, ослепленный Одиссеем

155 Шишковидное тело (*анат.*) — особое образование в мозге человека, отвечающее за интеллектуально-прогностическую деятельность. В древности воспринималось как «глаз знания или мудрости».

156 В бедствии действуй смело (*лат.*)



Оглавление

Сверхъестественный ужас в литературе	5
Глава 1. Вступление.	5
Глава 2. Зарождение литературы ужаса.	10
Глава 3. Ранний готический роман.	14
Глава 4. Расцвет готического романа.	20
Глава 5. Второй урожай готического романа	26
Глава 6. Литература о сверхъестественном в континентальной Европе	33
Глава 7. Эдгар Аллан По.	39
Глава 8. Традиция сверхъестественного в Америке	45
Глава 9. Традиция сверхъестественного на Британских островах	59
Глава 10. Современные мастера.	68
Дагон	85
Из глубин мироздания	92
Безымянный город	102
Зов Ктулху	118
Глава 1. Ужас в глине	118
Глава 2. Рассказ инспектора Легресса.	128
Глава 3. Морское безумие	142
Сияние извне	156

Ужас Данвича 183

Глава 1.	184
Глава 2.	187
Глава 3.	191
Глава 4.	195
Глава 5.	199
Глава 6.	203
Глава 7.	206
Глава 8.	214
Глава 9.	219
Глава 10.	226

Шепчущий в ночи 232

Глава 1.	232
Глава 2.	239
Глава 3.	250
Глава 4.	258
Глава 5.	266
Глава 6.	274
Глава 7.	282
Глава 8.	295

Хребты Безумия 305

Глава 1.	305
Глава 2.	315
Глава 3.	333
Глава 4.	344
Глава 5.	352
Глава 6.	363
Глава 7.	371
Глава 8.	380
Глава 9.	388
Глава 10.	397
Глава 11.	403

Тень над Инсмутом 417

Глава 1. 417

Глава 2. 430

Глава 3. 449

Глава 4. 466

Глава 5. 495

Тварь на пороге 504

Глава 1. 504

Глава 2. 509

Глава 3. 514

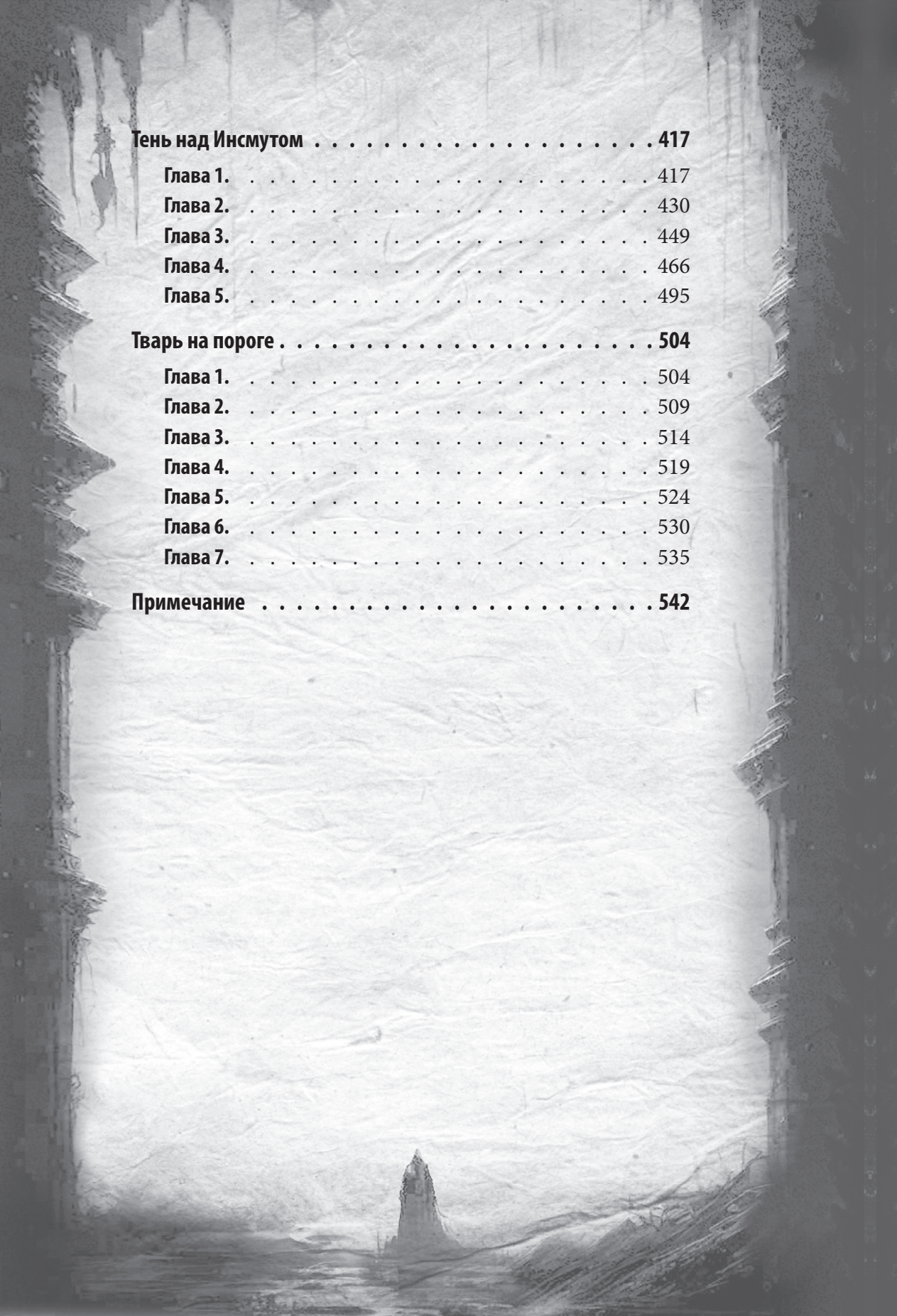
Глава 4. 519

Глава 5. 524

Глава 6. 530

Глава 7. 535

Примечание 542



Художественно-литературное издание

Говард Филлипс Лавкрафт

МИФЫ КТУЛХУ

Книга ужаса

*Редактор Е.О. Мигунова
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «Агентство Алгоритм»

Оптовая торговля:

Агентство Алгоритм +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 10.03.23. Подписано в печать 15.05.23.

Формат 70X100/16.

Печать офсетная. Тираж 2000 экз.



«Жизнь — страшная штука, а по отдельным дьявольским намекам, долетающим к нам из пучины неведомого, мы можем догадываться, что на самом деле, все обстоит в тысячу раз хуже», - говорил Говард Лавкрафт, лучше других познавший природу человеческого страха. Основоположник жанра ужасов написал главный рассказ своей жизни в 1926-м году. Впоследствии «Зов Ктулху» превратился в литературную вселенную, населенную призраками из ночных кошмаров. Не всем придется по душе такая встреча. Каждый, кто осмелится столкнуться с собственными страхами, познает и самого себя. Вот только часто это знание пугает и разочаровывает, ведь, как говорил писатель, «если бы мы знали, кем являемся на самом деле, то поступили бы как сэр Артур Джермин, однажды вечером обливший себя горючей смесью, и поднесший к одежде спичку».

Предлагаемое издание представляет собой самое полное собрание ужасов Лавкрафта вселенной Ктулху. Издание иллюстрировано рисунками журнала *Weird Tales*, создание которых курировал лично писатель, а также картинами великих художников, которыми вдохновлялся Говард Филлипс при написании самых страшных и самых правдивых историй, с которыми мы так сильно боимся столкнуться в снах, но так ищем их в реальной жизни.